

REVUIJA INŠTITUTA ZA SLOVENSKI JEZIK FRANA RAMOVŠA ZRC SAZU

JEZIKOSLOVNI ZAPISKI

Ob jubileju Ljubov Viktorovne Kurkine

К древней части праславянского словаря принадлежит имя
 *čertъ/*čerta, мотивируемое глаголом *čersti, čerto < и
 *(s)ker= 'резать', с семантикой, производной от основного з
 чения глагольной основы 'резать' > 'то, что режет, колет'
 'название растения' > 'обозначение местности, болота по о
 ному виду растений'. В вост.-юслав. диалектах как будто бы
 прослеживаются продолжения слав. *čertъ/*čerta, но в диале
 западной группы эта лексема достаточно хорошо засвидетель
 вана: ср. словен. črēta 'болотистое место, поросшее камы
 črēt м.р. 'болотистая местность', диал. črēta 'общинн
 (LjZv XI, 298), стар. zhret 'болотистый лес' (Jarni
 а также crēt м.р. 'вид горного кустарника; горная сосн
 pušilio', ошибочно причисляемые Безлаем к изолированной
 словенского словаря (Bezlaž I, 67); с.-хорв. диал. 'болотистая местность в лесу' и топоним (RJA II, 78;
 хорв.-кайк.), čret м.р. 'silva paludosa, болотистое
 (Maž. I, 176), 'болотистый лес, торф' (Schütz
 terra Crete (I2II, 1395), 'болотистый лес, торф' (Schütz
 укр. черет (= очерет, блр. чарот 'камыш' (ЭСЯ 4, 80;
 чок I, 273). *briti) наход

23. 2017. 2

Jezikoslovni zapiski 23 ■ 2017 ■ 2

ISSN 0354-0448

Uredniški odbor	Hubert Bergmann, Metka Furlan, Alenka Jelovšek, Mateja Jemec Tomazin, Karmen Kenda-Jež, Valerij M. Mokijenko, Alenka Šivic-Dular, Andreja Žele
Urednik	Peter Weiss
Tehnična urednica	Alenka Jelovšek
Prevod izvodkov in povzetkov v angleščino	Donald Reindl, DEKS, d. o. o.
Naslov uredništva	Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU Novi trg 4, SI-1000 Ljubljana, Slovenija
Telefon	01 4706 160 Peter.Weiss@guest.arnes.si ali isj@zrc-sazu.si http://ojs.zrc-sazu.si/jz http://bos.zrc-sazu.si/knjige/index.html
Izdal zanj	Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU Marko Snoj
Založila zanjo	Založba ZRC Oto Luthar
Prelom	Peter Weiss, Simon Atelšek
Oblikovanje	Evita Lukež
Tisk	Collegium Graphicum, d. o. o.
Naklada	250 izvodov
Letna naročnina	10 €
Letna naročnina za študente	8 €
Cena posamezne številke	7 €
Cena dvojne številke	12 €
Naročila sprejema	Založba ZRC, p. p. 306, SI-1001 Ljubljana, Slovenija
Telefon	01 4706 464 zalozba@zrc-sazu.si

Jezikoslovni zapiski so uvrščeni
v mednarodne zbirke podatkov MLA
International Bibliography of Books
and Articles on the Modern Languages
and Literatures, New York, ZDA;
Bibliographie linguistique / Linguistic
bibliography, The Hague, Nizozemska;
IBZ, K. G. Saur Verlag, Osnabrück,
Nemčija; New Contents Slavistics,
Staatsbibliothek zu Berlin, Nemčija.

Revija izhaja s podporo Javne agencije
za raziskovalno dejavnost Republike
Slovenije.

To delo je na voljo pod pogoji
slovenske licence Creative Commons 2.5,
ki ob priznavanju avtorstva dopušča
nekomercialno uporabo, ne dovoljuje
pa nobene predelave.



REVIJA INŠTITUTA ZA SLOVENSKI JEZIK FRANA RAMOVŠA ZRC SAZU

JEZIKOSLOVNI ZAPISKI

Ob jubileju Ljubov Viktorovne Kurkine

Uredili Metka Furlan, Silvo Torkar in Peter Weiss

L. V. Kurkina, Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики (1992), tiskopis



ZALOŽBA
ZRC

23. 2017. 2

CIP – Kataložni zapis o publikaciji
Narodna in univerzitetna knjižnica, Ljubljana

811.163.6'282(082)
082.2Kurkina L.V.

OB jubileju Ljubov Viktorovne Kurkine / uredili Metka Furlan, Silvo Torkar in Peter Weiss ; [izdal] Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU ; [prevod izvlečkov in povzetkov v angleščino Donald Reindl, Deks]. – Ljubljana : Založba ZRC, 2017. – (Jezikoslovni zapiski, ISSN 0354-0448 ; 23, 2017, št. 2)

ISBN 978-961-05-0053-7
1. Furlan, Metka, 1955– 2. Kurkina, Ljubov' Viktorovna
293347328

KAZALO

- 9 *Ob jubileju etimologinje Ljubov Viktorovne Kurkine*
- 13 Bibliografija Ljubov Viktorovne Kurkine
Po predlogi **Ljubov V. Kurkine**
uredili **Metka Furlan**, **Silvo Torkar** in **Peter Weiss**
- 31 **Александр Е. Аникин**
Из заимствованной лексики в «Русском этимологическом словаре»
- 39 **Мікалай Антропаў**
Старонка з гісторыі беларускай этымалогіі: праспект Рэйнгольда Краўчука
- 53 **Zbigniew Babik**
Tobola – szczęśliwie rozwiązany (?) problem (nie tylko) polskiej toponomastyki
- 67 **Елена Л. Березович – Олеся Д. Сурикова**
К реконструкции лексического состава русских народных проклятий: общая характеристика предиката проклятия
- 83 **Марта Бјелетић**
Прилог проучавању псл. глагола **kapati*
- 95 **Vít Boček**
Poznámka k etymologii staroslověnského *vsqđь* ‘svaté přijímání’
- 101 **Wiesław Boryś**
Ze studiów nad ludowym słownictwem chorwackim
- 113 **Varja Cvetko Orešnik – Janez Orešnik**
Naravna skladnja – stanje stvari leta 2017
- 125 **Aleksandra Derganc**
Poimenovanja za ženske nosilke poklicev in položajev v slovenščini in ruščini
- 131 **Metka Furlan**
Prispevek k živalskim lastnoimenskim poimenovanjem hidronimskega izvora: slovensko *Sebin/Sabin/Savin* in *Sava*
- 141 **Mariola Jakubowicz**
Z historii nazw miłości w językach słowiańskich

151 Ilona Janyšková

K výkladu českých názvů janovce (Sarothamnus)

159 Helena Karlíková

Český zoologický termín *zлак* – novotvar nebo výpůjčka?

165 Ľubor Králik

Праслав. диал. **drynъ* ~ словац. диал. *driňica* ‘ограда; огороженное место’ и рус. диал. *zádryna* ‘бревенчатый забор, бревенчатая стена’?

171 Александар Лома

К вопросу о и.-е. **-tro-*, **-dʰro-* в праславянском

199 Marek Majer

Pochodzenie prasłowiańskiego **čybъ* ‘czyj’

211 Majda Merše

Raba glagola *biti sem* v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja

229 Мария Рачева

Рядката българска диалектна дума *свещ* ‘цвят, color’ и нейните вероятни славянски съответствия

235 Jiří Rejzek

Psł. **marъnъ* a další odvozeniny od kořene **mar-*

241 Luka Repanšek

Funkcija staroperzijskega zaimka *aita*

261 Михаил Н. Саенко – Rafał Szeptyński

Праславянское **žeratyкъ*: слово-айсберг

287 Людвиг Селимски

За произхода на петнайсет български думи

297 Marko Snoj

Nebina

301 Matej Šekli

Členek med prislovom in veznikom (na gradivu jezika Brižinskih spomenikov)

319 Светлана М. Толстая

Праславянский префикс **ob-/o-* перед корневым *v-*

331 Silvo Torkar

Razpoznavanje slovenskih zemljepisnih imen (2)

343 Жанна Ж. Варбот

Об этимологии словен. *strniti* (*se*)

347 Јасна Влајић-Поповић

Јсл. *зезати* (*се*) – лексикографско сироче или легитимна одредница

361 Bohumil Vykypěl

Stručná poznámka k staročeským slabičným likvidám

365 Jadwiga Waniakowa

Etymologia w dialektologii – pochodzenie polskiego gwarowego *usiatać się* ‘zmęczyć się’

373 Andreja Žele

Narečje kot dobro izhodišče za prepoznavanje in spoznavanje nekaterih
skladenjskih pojavov v lastnem jeziku

Recenzentke in recenzenti **Harald Bichlmeier**
Helena Dobrovoljc
Metka Furlan
Nataša Jakop
Simona Klemenčič
Andreja Legan Ravnikar
Sergej A. Myznikov
Irena Stramljič Breznik
Matej Šekli
Silvo Torkar

Prevod izvlečkov, ključnih **Vlado Nartnik**
besed in povzetkov
iz slovanskih jezikov
v slovenščino

Pomoč pri iskanju virov **Marija Jasinska**
in vzpostavljanju povezav **Petra Vide Ogrin**



Куркина

OB JUBILEJU ETIMOLOGINJE LJUBOV VIKTOROVNE KURKINE

Na začetku letošnjega leta je častitljivo obletnico rojstva obhajala v slovanskem in širšem jezikoslovnem svetu dobro znana, cenjena in spoštovana moskovska etimologinja Ljubov Viktorovna Kúrkina. S pričujočo številko revije Jezikoslovni zapiski ji njeni snovalci skupaj z domačimi in tujimi avtorji prispevkov, ki so se povabilu k sodelovanju odzvali brez zadržkov in z veseljem, izražamo globoko hvaležnost za dolgoletno in obsežno opravljeno delo na področju slovanske etimologije, za njen pristni človeški odnos, Slovenci pa ne moremo prezreti tudi njenega velikega prispevka k boljšemu poznavanju slovenskega jezika v strokovnih krogih zunaj meja Slovenije ter k etimološkim in primerjalnozgodovinskim raziskavam našega jezika.

Ljubov V. Kurkina, rojena 17. februarja 1937 v Moskvi, je znanstvena svetnica (rus. *главный научный сотрудник*) Oddelka za etimologijo in onomastiko Inštituta za ruski jezik V. V. Vinogradova Ruske akademije znanosti (rus. *Отдел этимологии и ономастики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН*) v Moskvi. Študij slavistike je končala leta 1959 na Filološki fakulteti Moskovske državne univerze M. V. Lomonosova. Leta 1966 je na Inštitutu za ruski jezik zagovarjala kandidatsko disertacijo na temo Tipološka značilnost glagolov na *-iti* v slovanskih jezikih (rus. *Типологическая характеристика глаголов на -iti в славянских языках*) pod mentorstvom prof. dr. Petra Saviča Kuznecova. Doktorica filoloških znanosti je postala leta 1987 z disertacijo na temo proučevanja lingvogeneze južnih Slovanov, ki je leta 1992 izšla v Sloveniji.

Od avgusta leta 1965 dalje je zaposlena v Oddelku za etimologijo in onomastiko Inštituta za ruski jezik V. V. Vinogradova Ruske akademije znanosti, kjer kot soavtorica neprekinjeno že več kot pet desetletij sodeluje pri izdelavi *Etimološkega slovarja slovanskih jezikov: praslovanski leksikalni fond* (rus. *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд*), ki ga pod začetnim uredništvom O. N. Trubačova po pripravljalnih delih od leta 1961 dalje izdaja Ruska akademija znanosti in predstavlja po etimoloških slovarjih Frana Miklošiča in Ericha Bernekerja tretjo pomembno sintezo vseslovanskega etimološkega leksikona. Zaradi rednega izhajanja (v letih 1974–2016 je izšlo že 40 knjig, od A do Pa-) in izčrpnega jezikovnega korpusa ter etimoloških interpretacij, podkrepljenih

s številnimi citati, pa velja za neobhoden referenčni vir tako v slovanski kot tudi indoevropski etimologiji. Ljubov V. Kurkina je pri slovarju ves čas zadolžena za izbor, rekonstrukcijo in etimološko analizo gradiva bolgarskega, makedonskega, starocerkvenoslovanskega in slovenskega jezika, od 40. knjige dalje pa tudi gradiva poljskega in obeh lužiških jezikov. Za slovenščino je izredno pomembno, da v slovarju redno dopolnjuje slovenistično bibliografijo s področja leksikologije, etimologije, dialektologije in zgodovinske slovnice ter s tem skrbi za promocijo slovenistične literature v strokovnih krogih zunaj slovenskih meja.

Zaradi svojega poslanstva pri slovarju, ko ob drugem delu pri sistematičnem beleženju slovenistične strokovne literature skrbi za čim bolj popolno evidenco in analizo slovenskega besedja, je zunaj Slovenije najboljša poznavalka najstarejših plasti slovenskega besedišča. Njeni prvi strokovni stiki s Slovenijo segajo v čas aktivnega delovanja akademika Franceta Bezlaja in se kljub generacijskim razlikam uspešno nadaljujejo v sodobni čas. Ljubov V. Kurkina ima v vsem tem času pomembno vlogo povezovalke med slovensko in rusko slavistiko, saj je mnogokrat nesebično in hitro priskočila na pomoč z izmenjavo mnenj, strokovne literature, prevajanjem znanstvenih besedil ipd.

Osrednja tematika znanstvenega opusa Ljubov V. Kurkine je slovanska etimologija, ki jo vsebinsko nadgrajuje s podatki iz lingvistične geografije in z rekonstrukcijo praslovanskega leksikalnega fonda. To pa ji omogoča boljši vpogled v problematiko narečne členitve praslovanščine in kasnejših mednarečnih stikov, v lingvogenetsko problematiko s posebnim poudarkom na južnoslovanskih jezikih in v problematiko rekonstrukcije duhovne in materialne kulture Slovanov. Izhodišče njenih raziskav je vedno leksika. Beseda kot izhodišče raziskave je vir za prepoznavanje njenih formalnih in pomenskih značilnosti, ki so odločilne za ugotavljanje in vrednotenje položaja besede v starejših, praslovanskih jezikovnih plasteh, posledično pa za prepoznavanje praslovanske duhovne in materialne kulture. V svoje raziskave najpogosteje vključuje težavnejše, praviloma etimološko še nepojasnjeno predvsem narečno besedje slovanskih jezikov, najpogosteje slovensko in rusko.

Leta 1992 je v ruskem jeziku pri Slovenski akademiji znanosti in umetnosti izšla njena leta 1987 zagovarjana disertacija *Narečna struktura praslovanskega jezika v luči južnoslovanske leksike* (rus. *Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики*), v kateri je na podlagi slovenskega jezikovnega gradiva, zbranega iz Pleteršnikovega slovarja in številnih drugih manjših, predvsem narečnih virov, izluščila, rekonstruirala in besedotvorno analizirala najstarejšo plast slovenskega besedja ter s primerjavo ustreznih plasti v drugih slovanskih jezikih prepoznala izoglosne poteke, ki so še dodatno omajali klasično delitev slovanskih jezikov na južne, zahodne in vzhodne, ozemlje nekdanje Panonije pred naselitvijo Madžarov pa je prepoznala kot časovno zadnje praslovansko jezikovno območje in zato migracijsko izhodišče, ki je odločilno sooblikovalo jezikovna razmerja južnih Slovanov. Ob tem je pomembna tudi njena ugotovitev, da analiza izoglosnih

potekov ne potrjuje teorije, po kateri naj bi pri oblikovanju južnoslovanske jezikovne skupine sodelovali tudi vzhodni Slovani, ampak da slovensko-vzhodnoslovanske izolekse izvirajo še iz zgodnjega praslovanskega obdobja.

Leta 2011 je v Moskvi izšla njena monografija *Kultura sekalno-požigalniškega poljedelstva v luči jezika* (rus. *Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка*), v kateri s pomočjo jezikovnih podatkov iz vseh slovanskih jezikov, zlasti pa slovenskega in ruskega, odkriva prvotno tehniko pridobivanja in obdelovanja zemlje pri Slovanih ter njihove proizvodne postopke, vsakdanje življenje, predstave o prostoru, vrste bivališč itd. V tem delu je Ljubov V. Kurkina v svojo raziskavo prvič v večjem številu pritegnila tudi slovansko toponomastično gradivo.

Obsežen je njen prispevek v *Razlagalnem slovarju ruskega jezika* (rus. *Толковый словарь русского языка*), ki je pod odgovorno urednico akademikinja Natalijo Ju. Švedovo izšel v Moskvi leta 2007 in vsebuje 82.000 besed. Jubilantka je v tem slovarju avtorica etimoloških razlag besedja praslovanskega izvora in besed, ki so bile v ruščino izposojene do 18. stoletja.

Do zdaj je več kot 150 znanstvenih prispevkov in več kot 40 recenzij in poročil objavila v najpomembnejših etimoloških in drugih jezikoslovnih zbornikih in revijah v Rusiji (Moskva, Jekaterinburg) in različnih evropskih slavističnih središčih (Dunaj, Beograd, Sofija, Brno, Praga, Krakov, Ljubljana). V Ljubljani je z referati večkrat sodelovala na znanstvenem simpoziju Obdobja: Miklošičev (1991), Kopitarjev (1994) in Oblakov (1996) simpozij, Slovnica in slovar – aktualni jezikovni opis (2015). Od leta 1999 dalje se redno aktivno udeležuje etimoloških simpozijev, ki jih v triletnih intervalih prireja brnska etimološka delavnica. Leta 2010 je v Ljubljani sodelovala na mednarodnem znanstvenem simpoziju, ki je bil posvečen stoti obletnici rojstva akademika Franceta Bezlaja.

Od devetdesetih let 20. stoletja dalje je članica uredniškega odbora zbornika *Ėtimologija* in članica Etimološke komisije, ki deluje pod okriljem Mednarodnega slavističnega komiteja. Do zdaj je aktivno sodelovala na mednarodnih slavističnih kongresih v Bratislavi (1993), Krakovu (1998), Ljubljani (2003), na Ohridu (2008) in v Minsku (2013).

Znanstveni opus jubilantke odlikuje tudi bogata recenzentska dejavnost. Večino recenzij monografij s področja slovanske etimologije, etimologije nasploh in monografij s tematiko, ki je v tesnejši povezavi z etimologijo, je objavila v zbornikih *Ėtimologija*, *Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas: materialy i issledovanija* in reviji *Voprosy jazykoznanija*, nekaj tudi drugje, npr. v beograjskem Južnoslovenskem filologu in ljubljanski Slavistični reviji. Med recenziranimi deli so tudi slovenske monografije s področja etimologije, dialektologije in zgodovinskega glasoslovja. Od 2. knjige dalje recenzira Ruski etimološki slovar izpod peresa Aleksandra J. Anikina (v letih 2007–2017 je izšlo 11 knjig, od A do Gra-).

Ljubov V. Kurkina je pomembno prispevala k promociji slovenskega jezika v strokovnih krogih zunaj meja Slovenije, področju etimoloških, primerjalnozgodovinskih in lingvogenetskih vprašanj slovenskega jezika pa dala neizbrisen in

pomemben pečat, mimo katerega ne bo mogel nihče, ki se bo kadar koli ukvarjal s podobnimi vprašanji slovenskega jezika. Tak prispevek k razvoju slovenskega jezikoslovja jo uvršča med ruske znanstvenike, ki so bistveno prispevali k raziskovanju slovenske jezikovne in kulturne dediščine, kot so A. H. Vostokov, I. I. Sreznjevski in Jan Baudouin de Courtenay. Slovenska akademija znanosti in umetnosti v Ljubljani ji je za opravljeno dolgoletno delo na področju slovenskega jezikoslovja izrazila globoko hvaležnost in zasluženost čast, ko jo je 18. junija 2015 izvolila za dopisno članico.

S tem smo le bežno predstavili izjemno bogat znanstveni opus, ki ga je Ljubov V. Kurkina do zdaj prispevala v zakladnico etimoloških, primerjalnozgodovinskih, lingvogenetskih in kulturoloških znanj o slovanskih jezikih s posebnim pogledom na slovenščino. Upravičeno lahko trdimo, da se uvršča med vodilne slovanske etimologe.

Na koncu naj naši dragi jubilanarki Ljubov Viktorovni Kurkini ob častitljivi obletnici iz srca zaželimo še veliko delovne vneme, radovednosti in navdiha ter zadovoljstva z že narejenim in seveda: *Многая лета!*

Ljubljana, novembra 2017

Metka Furlan • Silvo Torkar • Peter Weiss

BIBLIOGRAFIJA LJUBOV VIKTOROVNE KURKINE

- 0 V bibliografijo zajeta dela so izšla v letih 1964–2017. Razvrščena so v štiri razdelke: (1) monografije, (2) razprave in članki, (3) recenzije, (4) poročila. V posameznih razdelkih so objave združene pod letnicami izida, ki so v bibliografskem podatku natisnjene polkrepko, v okviru istega leta pa si objave sledijo po azbučnem zaporedju ciriličnih in nato po abecednem zaporedju latiničnih naslovov knjig, zbornikov in revij. – Za naslovom razprav ali člankov so v oglatih oklepajih zapisani obravnavani leksemi, ki prvotno niso bili združeni v podnaslov; že v prvotni objavi v podnaslov združeni so zapisani v okroglih oklepajih ali pa pred njimi stoji dvopičje. – Spletne povezave so bile dostopne 8. 1. 2018.

1 MONOGRAFIJE

- 1 *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд*¹ 1–40–, Москва: Наука, 1974–2016–. – Uredniki: zv. 1–31 O. N. Trubačov, zv. 32 O. N. Trubačov in A. F. Žuravljov, zv. 33–39 A. F. Žuravljov, zv. 40 A. F. Žuravljov in Ž. Ž. Varbot. – V vseh izšlih zvezkih je bila L. V. Kurkina zadolžena za izbor, obdelavo in sistematizacijo gradiva bolgarskega, makedonskega, starocerkvenoslovanskega in slovenskega jezika, od zvezka 40 dalje tudi gradiva poljskega jezika. Natančna evidenca po avtorstvu geselskih sestavkov je bila uvedena šele v zvezku 14. – Avtorstvo L. V. Kurkine po zvezkih:

14, 1987, 200–213
 15, 1988, 32–75
 16, 1990, 75–118
 17, 1990, 130–183
 18, 1993, 160–219
 19, 1993, 69–115, 172–185
 20, 1994, 121–146
 21, 1994, 7–17, 140–184
 22, 1995, 246–255

1 *Этимологический словарь славянских языков* <<http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=essja>>.

- 23, 1996, 5–86
 - 24, 1997, 56–91, 151–234
 - 25, 1999, 5–19, 40–54, 202–238
 - 26, 1999, 7–19
 - 27, 2000, 97–160
 - 28, 2001, 67–107, 135–204
 - 29, 2002, 135–154, 248–253
 - 30, 2003, 5–70, 185–226
 - 31, 2005, 118–142, 143, 145–146, 149, 152–188, 205–207
 - 32, 2005, 141–224
 - 33, 2007, 37–91, 212–284
 - 35, 2009, 17–87
 - 36, 2010, 115–165
 - 37, 2011, 157, 163–214
 - 38, 2012, 131–180
 - 39, 2014, 166–223
 - 40, 2016, 59–95, 164–206
- 2 *Дialeктная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики (Narečna struktura praslovanskega jezika v luči južnoslovanske leksike)*, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, **1992** (Dela razreda za filološke in literarne vede 38), 260 str. (<https://tinyurl.com/narecna> = http://www.sazu.si/uploads/files/57dfbe71e126b1a75cebe90f/Kurkina%201992%20-%20Dialektnaja%20struktura%20OCR_c%20l-pdfA.pdf).
 - 3 *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов: 82 000 слов и фразеологических выражений*, ред. Н.Ю. Шведова, Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (izd.) – Москва: Азбуковник (zal.), **2007**, 1164 str. – Avtorica etimoloških razdelkov gesel z iztočnicami, ki so slovanskega izvora, stare izposojenke ali izposojenke iz časa do 18. stoletja, je L. V. Kurkina, avtor etimoloških razdelkov z iztočnicami, ki so izposojenke iz časa od 18. do 20. stoletja, pa L. P. Krisin. – Dotis: 2008, 2011.
 - 4 *Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка*, Москва: Азбуковник, **2011**, 368 str.
 - 5 *Литература к учебному курсу «Этимология» (применительно к русскому языку)*, [2011], 38 str. (http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_literature.pdf).

2 RAZPRAVE IN ČLANKI

- 6 К вопросу о поведении сонантов в некоторых группах глаголов в славянских языках, *Вестник Московского государственного университета: филология, журналистика* **1964**, št. 3, 71–75.

- 7 О некоторых поздних образованиях в системе славянских глаголов на *-i*, *Этимология* [1964]:2 *принципы реконструкции и методика исследования*, Москва: Наука, **1965**, 44–55.
- 8 О типах отношений основ на *-i* и *-nq* в славянских языках, *Этимология* 1965: *материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам*, Москва: Наука, **1967**, 140–152.
- 9 *Варакать*, *Этимология* 1965, Москва: Наука, 1967, 184–188.
- 10 Словенские этимологии [*bezati*, *bohôt*], *Этимология* 1966: *проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов*, Москва: Наука, **1968**, 105–106.
- 11 Названия болот в славянских языках, *Этимология* 1967: *материалы международного симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии» 24–31 января 1967 г.*, Москва: Наука, **1969**, 129–144.
- 12 Из наблюдений над некоторыми названиями дорог и тропинок в славянских языках, *Этимология* 1968, Москва: Наука, **1971**, 92–105.
- 13 Словенско-восточнославянские лексические связи, *Этимология* 1970, Москва: Наука, **1972**, 91–102.
- 14 К сравнительной характеристике лексического состава южнославянских языков, в: *Кузнецовские чтения: история славянских языков и письменности*, Москва, **1973**, 17–18.
- 15 К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на *-и*, *Этимология* 1971, Москва: Наука, 1973, 58–79.
- 16 Славянские этимологии [укр. *niхур*, словен. *smogor*, *voleki*, *ribast*, **rēb-/ *rqb-*, **pel-/ *pelv-*, *skólke*, *čûžje*], *Этимология* 1971, Москва: Наука, 1973, 87–92.
- 17 Этимологические заметки [праслав. **mъrdati*, чеш. *mrskati*, рус. *мы-рить*], *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования*³ 1972, Москва: Наука, **1974**, 215–223.
- 18 Славянские этимологии II [русс. *němatъ*, слав. **muz(g)ati*, **luzgati/ *lyzgati*, укр. *penatisя*, словен. *lohněti*, *lěhniti*, *kvřga*], *Этимология* 1972, Москва: Наука, 1974, 60–80.
- 19 Славянские этимологии III [слав. **-moliti*, праслав. **drъmati*, с.-хорв. *róziti se*, праслав. **lěviti*], *Этимология* 1973, Москва: Наука, **1975**, 34–43.
- 20 Изоглоссные связи южнославянской лексики (материалы к проблемам славянского этногенеза), в: *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев*, Москва: Наука, **1976**, 129–155.
- 21 Этимология болг. *ръся*, *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования* 1974, Москва: Наука, 1976, 132–136.

2 *Этимология* (<http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=etymology>).

3 *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования* (<http://www.slavatlas.org/publications.html>).

- 22 Этимологические заметки [русск. *тормошить*, словен. *otrkniti*, укр. *лѣста*, *стрибати*, словен. *rásiti*, слав. **rešeto*, в.-луж. *skomorić*, словен. *trâbje*], *Этимология* 1974, Москва: Наука, 1976, 44–59.
- 23 Славянские этимологии IV (словен. *škrt*, с.-хорв. *přiti*, слав. **strukъ*/**strǫкъ*), *Этимология* 1975, Москва: Наука, 1977, 13–28.
- 24 Заметки по словенской этимологии [*pléhek*, *střniti*, *krke*, *ušti*, *kávřna*, *prprica*, *snóga*, *zaróžen*], *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования* 1976, Москва: Наука, 1978, 278–293.
- 25 Изоглосные связи южнославянской лексики II, *Этимология* 1976, Москва: Наука, 1978, 17–31.
- 26 Заметки по славянской этимологии [слав. **ščъvati*, **ščujъ*, с.-хорв. *okli-jěvati*, *čaroňak*], *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования* 1977, Москва: Наука, 1979, 285–294.
- 27 Названия горного рельефа (на материале южнославянских языков), *Этимология* 1977, Москва: Наука, 1979, 39–54.
- 28 Словенско-западнославянские лексические связи, *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования* 1978, Москва: Наука, 1980, 331–338.
- 29 Славянские этимологии [**-krějъ*, **krъjati*, **perкъ*/**pъrkъ*, **(s)karati*, слав. **slorъсь*], *Этимология* 1978, Москва: Наука, 1980, 32–37.
- 30 Заметки по болгарской этимологии [*вѡрбъ*, *кѡпра се*, *раскрѣства се*, *тѡвлѣм*, *трѣта*, *итинѣц*, *ил'акам*, *шѡдравый*], *Этимология* 1978, Москва: Наука, 1980, 38–43.
- 31 Некоторые вопросы формирования южных славян в связи с паннонской теорией Е. Копитара, *Вопросы языкознания*⁴ 1981, št. 3, 85–97.
- 32 Славянские этимологии [**še-tъrěti*, **sko-vъrěti*, **ša-vъrěti*, **skomud-/ *ščetъd-*, **sko-vъrga*, **šebol-*], *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования* 1979, Москва: Наука, 1981, 331–337.
- 33 Заметки по русской диалектологии (*изнахрѣтитъся*, *изляк*, *клопик*, *сморѣжки*, *зябъ*), в: *Этимологические исследования*, Свердловск, 1981, 133–137.
- 34 Праславянские лексические диалектизмы южнославянских языков [ю.-слав. **tъrsiti*, **šupъ*, *šupъ*, словен. *kópiti*, *miljâva*, *snúdit se*, *vada*, *végati*, *vězniti*, болг. *отчер*, *шикълъкъ*, макед. *шѣбав*, с.-хорв. *ošćela*, *škřge*], *Этимология* 1979, Москва: Наука, 1981, 15–28.
- 35 Заметки по словенской этимологии [*obrúten*, *preonégati*, *pákelj*, *pakóta*, *rúgati se*, *sklabotína*, *střž*], *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования* 1980, Москва: Наука, 1982, 275–281.
- 36 Лексические архаизмы родопского диалекта, *Этимология* 1980, Москва: Наука, 1982, 16–30.

4 *Вопросы языкознания* (http://www.ruslang.ru/vopjaz_archive).

- 37 Славянские этимологии: **korda*, **moldъjъ*, **pelti*, **peljъ* и **pelti*, **pelvъ*, *Этимология* 1981, Москва: Наука, **1983**, 3–16.
- 38 Лексические изоглоссы болгарского языка, в: *Die slawischen Sprachen* 2, Salzburg, 1983, 35–42.
- 39 Славянские этимологии [**krek-/krok-*, **sold-/sъld-*], *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования* 1981, Москва: Наука, **1984**, 282–291.
- 40 *Нароцитъ. Ремезитъ. Дымьей*, *Этимологические исследования*, Свердловск, 1984, 74–79.
- 41 Значение данных староболгарской письменности для реконструкции и этимологизации праславянского лексического фонда, *Palaeobulgarica* (София) 8 (1984), št. 2, 3–13.
- 42 Праславянские диалектные истоки южнославянской языковой группы, *Вопросы языкознания* **1985**, št. 4, 61–71.
- 43 *Неуклюсик. Опрудать, опрудить. Полкатъ. Сныч*, в: *Диалектография русского языка*, Москва: Наука, 1985, 184–189.
- 44 Этимологические заметки [**kruliti*, **tuskati/tyskati*], *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования* 1982, Москва: Наука, 1985, 281–285.
- 45 Южнославянские этимологии (**kujati/kaviti* и **kъvati/kъvati*; **mug-/mъž-*; **plesmo*, **ob-pletъ*; **pъkati*, **pъčiti/pъčiti*; **kujъ*, **kujа*; **tulъ*, **tulъ*, **tvelъ*), *Этимология* 1982, Москва: Наука, 1985, 13–24.
- 46 Славянские этимологии (**luna/lun'a*, **setъnъjъ* и **sotiti*, **stopъnъkъ*, **telm-/tolm-/tъlm-*, **trek-/trok-/trak-*, **tronъka*, **zqbъlъ*), *Этимология* 1983, Москва: Наука, 1985, 20–30.
- 47 К реконструкции праславянского лексического фонда словенского языка, *Этимология* 1984, Москва: Наука, **1986**, 107–115.
- 48 К проблеме словенско-западнославянских языковых связей, в: *Античная балканистика*, Москва, **1987**, 61–67.
- 49 Пар. Патрать. Стиг. Притчеватый. Понки, в: *Русские диалекты: лингвогеографический аспект*, Москва: Наука, 1987, 204–208.
- 50 Вариантность основ на *-i*, *-o* и *-a* в южнославянских языках, в: *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*, ред. Г.П. Нешименко, Москва: Наука, 1987, 164–169.
- 51 Этимология в историческом словаре, в: *Историческая лексикология и лексикография русского языка: методические материалы*, Вологда, **1988**, 16–17.
- 52 Словенские этимологии [*kъzma*, *štrêkelj*, *osmlêda*, *oščêvati*], *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования* 1983, Москва: Наука, 1988, 297–304.
- 53 Слав. **terbuxъ/tъrbuxъ*, *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования* 1984, Москва: Наука, 1988, 273–277.

- 54 Этимологии русских диалектных слов (русск. *полыгáлистый, охáверник, пакорукóй*), *Этимологические исследования*, Свердловск, 1988, 66–68.
- 55 Славянские этимологии (*-*smegnŋti*/*-*smegnŋti*, **marati*, **o(b)poKa*), *Этимология* 1985, Москва: Наука, 1988, 10–16.
- 56 Словенские этимологии [*mólnjen, súsati, vrétje*], *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования* 1985–1987, Москва: Наука, **1989**, 263–265.
- 57 Славянские этимологии [словен. *opésniti, stênj*, слав. **madežь*], *Этимология* 1986–1987, Москва: Наука, 1989, 71–78.
- 58 Лексические архаизмы словенского языка, в: *Zbornik razprav iz slovanskega jezikoslovja: Tinetu Logarju ob sedemdesetletnici*, zbral in uredil Franc Jakopin, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1989, 129–136.
- 59 М. Фасмер и его этимологический словарь, *Русская речь* 5, Москва: Наука, **1990**, 103–108.
- 60 К проблеме карпатоукраинско-словенских лексических связей, в: *Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе: конференция памяти В.М. Иллича-Свитыча, 6–9 февраля 1990 г.: тезисы докладов*, Москва, 1990, 20–21.
- 61 Лексические архаизмы русских говоров Среднего Урала, в: *Русская диалектная этимология: тезисы межвузовской научной конференции (10–12 октября 1991 г.)*, Свердловск, **1991**, 20–21.
- 62 Щebra. Рязь. Загызнуть. Простень, в: *Современные русские говоры*, Москва: Наука, 1991, 175–177.
- 63 Ф. Миклошич как этимолог, в: *Miklošičev zbornik: mednarodni simpozij v Ljubljani od 26. do 28. junija 1991*, ur. Jože Toporišič – Tine Logar – Franc Jakopin, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti – Univerza v Ljubljani – Univerza v Mariboru, **1992** (Obdobja 13), 317–328.
- 64 Слав. **ševeliti*, *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 38 (1992), 227–232.
- 65 Словенские этимологии [*motoróga, maléti, šípraka, ozîn, obŕsniti se*], *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования* 1988–1990, Москва: Наука, **1993**, 170–174.
- 66 О некоторых фрагментах этимологического гнезда слав. **pelti*, в: *Принципы составления этимологических и исторических словарей языков разных семей: тезисы докладов конференции, 8–9 ноября 1993 г.*, Москва, 1993, 22–25.
- 67 Паннонославянская языковая общность в системе диалектных отношений праславянского языка, в: *Славянское языкознание: XI Международный съезд славистов*, Москва: Наука, 1993, 36–45.
- 68 Славянские этимологии (**skovorda*, **pašьkati*), *Этимология* 1988–1990, Москва: Наука, 1993, 57–62.
- 69 Славянские этимологии (ю.-слав. **trapъ*, слав. **sěpati*, **pelestь*), *Этимология* 1991–1993, Москва: Наука, **1994**, 32–45.

- 70 К этимологии русских диалектных слов: русск. диал. *назола*, в: *Филологические науки: к 100-летию со дня рождения В.В. Виноградова*, ред. М.В. Ляпон, Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1995, 278–282.
- 71 К этимологии болгарских диалектизмов (*пишта*, *хъртъ*, *пигаф*), в: *Dialectologica Slavica: сборник к 85-летию С.Б. Бернштейна*, Москва: Индрик, 1995, 59–71.
- 72 К проблеме региональных элементов в этимологическом словаре, в: *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику* (Нови Сад) 39 (1996), št. 2, 19–27.
- 73 Русские этимологии (*дресва́*, *жерства́*, *зверста́*), *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования 1991–1993*, Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1996, 287–292.
- 74 Диалекты как источник дополнения славянских этимологических словарей, в: *Русская диалектная этимология: тезисы докладов Второго научного совещания (17–19 апреля 1996 г.)*, Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1996, 27–29.
- 75 Слав. **plęsati* (~ др.-русс. *Plъskovъ*), *Славяноведение*⁵ (Москва) 1996, št. 1, 7–14.
- 76 К этимологии русск. *настропалить*, в: *Словарь, грамматика, текст*, Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1996, 121–127.
- 77 Заметки по этимологии диалектных слов (на материале «Словаря русских говоров Среднего Урала») [*пермянка*, *попресток* ~ словен. *sprosti*, *подрепетить*, *перепаратить*/перепоратить], в: *Этимологические исследования 6: материалы I–II научных совещаний по русской диалектной этимологии*, Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 1996, 27–30.
- 78 Паннонская теория Копитара в свете современных исследований, в: *Kopitarjev zbornik: mednarodni simpozij v Ljubljani, 29. junij do 1. julij: Jernej Kopitar in njegova doba: simpozij ob stopetdesetletnici njegove smrti*, ur. Jože Toporišič, Ljubljana: Filozofska fakulteta, Oddelek za slovanske jezike in književnosti – Seminar slovenskega jezika, literature in kulture – Znanstveni inštitut, 1996 (Obdobja 15), 241–248.
- 79 О лексических архаизмах толминского диалекта, в: *Razprave drugega razreda Slovenske akademije znanosti in umetnosti XV*, ur. Franc Jakopin – Janez Orešnik – Jože Toporišič, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1996, 35–46.
- 80 Подсечно-огневое земледелие на Севере России, в: *Доклады и сообщения 6-й научно-практической конференции «Российская деревня: история и*

5 *Славяноведение* (<http://inslav.ru/page/slavyanovedenie-podshivka-nomerov-1992-2012-gody>).

- современность» II: язык российской деревни: говоры, лингвофольклористика, ономастика, Москва: Энциклопедия русских деревень, 1997, 4–9.
- 81 Славянские этимологии [словен. *strsniti se*, чеш., слвц. *paratiti*, польск. *storzyć*], *Этимология* 1994–1996, Москва: Наука, 1997, 46–57.
- 82 К проблеме историко-генетической интерпретации лексических изоглосс, в: *Исследования по славянской диалектологии 5: актуальные проблемы славянской лингвогеографии*, Москва: Институт славяноведения РАН, 1998, 338–345.
- 83 К реконструкции древних форм земледелия у славян, в: *Славянское языкознание: XII Международный съезд славистов*, Краков, 1998, Москва, 1998, 381–397.
- 84 К этимологии русск. *спорыдать*, в: *Слово и культура I: памяти Никиты Ильича Толстого*, Москва: Индрик, 1998, 136–142.
- 85 К реконструкции древних форм земледелия у славян, в: *XII Międzynarodowy kongres slawistów: streszczenia referatów*, Warszawa, 1998, 202–203.
- 86 Термины подсечно-огневого земледелия в составе праславянского словаря, в: *Prasłowiańszczyzna i jej rozpad*, red. Jerzy Rusek – Wiesław Boryś, Kraków: Wydawnictwo Energeia, 1998, 207–221.
- 87 Паннонская теория в трудах В. Облака, в: *Vatroslav Oblak: mednarodni simpozij Obdobja, Ljubljana, 12. in 13. december 1996*, ur. Alenka Šivic-Dular, Ljubljana: Filozofska fakulteta, Oddelek za slovanske jezike in književnosti, Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik, 1998 (Obdobja 17), 13–21.
- 88 Подсека как место обитания нечистой силы, в: *Кодови словенских култура 5: земљорадња*, Београд, 1999, 7–14.
- 89 Севернорусская топонимика как источник реконструкции терминологии подсечно-огневого земледелия, в: *Русская диалектная этимология: третье научное совещание 21–23 октября 1999 г.: тезисы докладов и сообщений*, Екатеринбург, 1999, 31–34.
- 90 К этимологии русск. *деревня*, в: *Сельская Россия: прошлое и настоящее*, Москва: «Энциклопедия русских деревень», 1999, 148–150.
- 91 Славянские термины подсечного земледелия на индоевропейском фоне, *Балто-славянские исследования* 1998–1999, Москва: Индрик, 2000, 8–23.
- 92 К этимологии слав. **voržiti*, *Јужнословенски филолог*⁶ 56 (2000), št. 1–2, 561–567.
- 93 Заметки по славянской этимологии [словен. *râtka*, *râlit*, русск. диал. *высоколить*, чеш. *-plasati*, русск. диал. *выпрыть*], *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования* 1994–1996, Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2000, 197–206.
- 94 Еще раз к этимологии рус. *рамень*, *Этимология* 1997–1999, Москва: Наука, 2000, 77–87.

6 *Јужнословенски филолог* (<http://dais.sanu.ac.rs/handle/123456789/968>).

- 95 Понятие границы в системе пространственных представлений древних славян, в: *Studia etymologica Brunensia 1: sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposion Brno 1999*, ed. Ilena Janýšková – Helena Karlíková, Praha, 2000, 127–136.
- 96 К этимологии русск. диал. *тимиться*, в: *Folia slavistica Пале Михайловне Цейтлин*, Москва: Индрик, 2000, 60–64.
- 97 Лексические архаизмы русских говоров Среднего Урала на славянском фоне, в: *Известия Уральского государственного университета: гуманитарные науки, история, филология, искусствоведение* 4, Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001, 97–103.
- 98 Русская лексика как источник реконструкции пространственных представлений эпохи раннего земледелия, в: *Международный конгресс исследователей русского языка: русский язык: исторические судьбы и современность: тезисы*, Москва: МГУ, 2001, 74–75.
- 99 Лексические архаизмы архангельских говоров (по материалам «Архангельского областного словаря» вып. 1–10. М., 1980–1999 гг.), в: *Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: сборник научных статей к 80-летию проф. К.В. Горшковой*, Москва: МГУ, 2001, 131–138.
- 100 Диалектный словарь индивидуума как один из источников лексических архаизмов русского языка, в: *Аванесовский сборник*, Москва: Наука, 2002, 194–203.
- 101 К этимологии слав. **prętiati*, *Балто-славянские исследования*, Москва: Индрик, 2002, 194–203.
- 102 Этимологии русских диалектизмов: русск. *перзак*, *поржѣть*, *бянки*, в: *Русская диалектная этимология: материалы IV Международной научной конференции 22–24 октября 2002 г.*, Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002 г., 14–17.
- 103 К реконструкции динамики диалектных отношений на карте праславянского языка (по материалам лексики земледелия), в: *Dzieje Słowian w świetle leksyki: pamięci profesora Fr. Sławskiego*, red. Jerzy Rusek – Wiesław Boryś – Leszek Bednarczuk, Kraków, 2002, 153–159.
- 104 От *terra inculta* к *terra culta*: на материале лексики подсечно-огневого земледелия, *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования 1997–2000*, Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2003, 50–78.
- 105 К этимологии слав. **xrida*, *Этимологические исследования* 8, Екатеринбург, 2003, 18–22.
- 106 К этимологии словенских лексических диалектизмов [*kùjaunk*, *plen*, *potuliti se*, *pričen*, **pristren*, *ubrusiti se*, *zbərzdà:n*], *Этимология 2000–2002*, Москва: Наука, 2003, 64–77.

- 107 Система пространственных представлений древних славян (по материалам лексики), *Славянское языкознание: XIII Международный съезд славистов*, Москва: Индрик, 2003, 356–375.
- 108 К этимологии русских диалектизмов, в: *Слово в его истории и функционировании: межвузовский научный сборник: памяти доктора филологических наук, профессора Башкирского государственного университета Ю.П. Чумаковой*, Уфа: Башкирский государственный университет, 2003, 99–104.
- 109 К реконструкции этимологических связей слав. **myliti (se)* ‘обманывать, вводить в заблуждение’, в: *Studia etymologica Brunensia 2: sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposion Brno 2002*, ed. Ilona Janyšková – Helena Karlíková, Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2003, 115–125.
- 110 Етимологични бележки (по материали от «Български етимологичен речник»), *Български език* 51 (2004), zv. 4, 41–45.
- 111 Словенско-русские лексические параллели (по материалам «Русско-словенского» и «Словенско-русского» словарей М. Хостника), в: *Davorin Hostnik med Slovenijo in Rusijo: simpozij ob 150-letnici rojstva (1853–1929), Šmartno pri Litiji, 3. september 2003 = Мартин Матвеевич Хостник между Словенией и Россией: симпозиум по поводу 150-летия со дня рождения (1853–1929), Шмартно при Литии, 3 сентября 2003 г.*, ur. Irena Gantar Godina – Magda Breznikar, Šmartno pri Litiji: Ustvarjalno središče Breznikar, 2004, 50–55.
- 112 Этимологические заметки (**ščędeti*, **ščuriti*), *Rocznik Slawistyczny* 54 (2004), 46–53.
- 113 Славянские топонимы как отражение культуры раннего земледелия, в: *Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 20–23 сентября 2005*, Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2005, 252–255.
- 114 Заметки по этимологии русских диалектизмов (ути́нья, расчиба́ть, расщени́ть, верло́, при́хому́ть, разба́ла́хат, ко́пть, ху́ток, хы́лка), *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования 2003–2005*, Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2006, 222–228.
- 115 К этимологии русск. ё́рить/ерить, в: *Ad fontes verborum: исследования по этимологии и исторической семантике: к 70-летию Жанны Жановны Варбот*, ред. А.Ф. Журавлев, Москва: Индрик, 2006, 179–185.
- 116 Славянские термины земледелия в контексте индоевропейских связей, в: *Studia etymologica Brunensia 3: sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposion Brno 2005*, ed. Ilona Janyšková – Helena Karlíková, Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2006, 153–162.

- 117 К реконструкции этимологических связей слав. **čajati*, v: *Славенска етимологија данас: зборник симпозијума одржаног од 5. до 10. септембра 2006. године*, ур. Александар Лома, Београд: Институт за српски језик САНУ, **2007**, 255–264.
- 118 Этимологические заметки по славянской лексике [слав. **šelpati*, **šalbъ*, рус. диал. *почавать*], *Этимология* 2003–2005, Москва: Наука, 2007, 108–117.
- 119 К этимологии слав. **orati*, v: *Язык как материя смысла: сборник статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой*, Москва: Азбуковник, 2007, 232–238.
- 120 Этимологические заметки [одерень, облеч, склядь/скляд, верёха], *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования* 2006–2008, Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, **2008**, 163–169.
- 121 К истокам славянской социальной терминологии (*Жилище и поселение* как единицы социальной организации древних славян), v: *Славянское языкознание: XIV Международный съезд славистов*, Москва: Индрик, 2008, 322–341.
- 122 Русская этимологическая лексикография, v: *Теория и история славянской лексикографии: научные материалы к XIV съезду славистов*, Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2008, 369–384.
- 123 Термины горения в контексте культуры раннего земледелия, v: *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: международная конференция, Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.*, ред. Е.Л. Березович и др., Екатеринбург: Издательство Уральского университета, **2009**, 149–153.
- 124 К этимологии слав. **paxati*, v: *Studia etymologica Brunensia 6: sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposion Brno 2008*, ed. Ilona Janyšková – Helena Karlíková, Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2009, 173–182.
- 125 Комментарии к IV тому «Этимологического словаря словенского словаря» Ф. Безлая, *Этимология* 2006–2008, Москва: Наука, **2010**, 135–166.
- 126 К этимологии русск. *потолок*, *Slavia* 79 (2010), št. 1, 73–80.
- 127 К этимологии слав. **tъlo*, v: *W stulecie Rocznika Slawistycznego: Rocznik Slawistyczny, Kraków, 1908–2008*, red. M. Wojtyła-Świerzowska, Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2010 (Krakowskie Studia Slawistyczne I), 175–184.
- 128 Заметки по русской этимологии [*хибара, хомут, морóга, хóбарь, оскомýла*], *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования* 2009–2011, Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, **2011**, 199–204.

- 129 Обзор словенских диалектных словарей, *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования 2009–2011*, Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2011, 228–248.
- 130 Слав. **(j)utrina*, в: *СЛОВА · КОНЦЕПТЫ · МИФЫ: к 60-летию А.Ф. Журавлева*, ред. Г.К. Венедиктов, Москва: Индрик, 2011, 203–208.
- 131 Лексическое единство словенского и восточнославянских языков (на материале лексики земледелия), в: *Slovenica 1*, Санкт-Петербург, 2011, 175–181.
- 132 К этимологии слав. **oslědъ*, в: *Славянское и балканское языкознание: палеославистика, слово и текст*, редактор В.С. Ефимова, Москва: Институт славяноведения РАН, 2012, 301–307.
- 133 К этимологии русск. *заначка*, в: *Человек о языке – язык о человеке: сборник статей памяти академика Н.Ю. Шведовой*, ред. М.В. Ляпон, Москва: Азбуковник, 2012, 233–237.
- 134 Реконструкция значения в контексте древних реалий, в: *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Международной научной конференции, Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.* 1, Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2012, 192–194.
- 135 Заметки по этимологии славянских слов (рус. *стребать*, слав. **rъskъ* / **rъsk-*, рус. *ўстина*, *велеть*, *ухвоить*), *Этимология 2009–2011*, Москва: Наука, 2012, 178–188.
- 136 Лексические архаизмы севернорусских говоров (по материалам «Словаря говоров Русского Севера», т. 1–4), в: *Язык и прошлое народа: сборник научных статей памяти чл.-корр. РАН заслуженного деятеля науки РФ, профессора А.К. Матвеева*, Екатеринбург, 2012, 276–288.
- 137 К проблеме интерпретации лексических связей, в: *Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav: ob stoti obletnici rojstva akademika Franceta Bezlaja: zbornik referatov z mednarodnega znanstvenega simpozija v Ljubljani, 16.–18. septembra 2012*, ur. Metka Furlan – Alenka Šivic-Dular, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2012, 135–149.
- 138 Историко-этимологический анализ семантики древнерусских слов с затемненной внутренней формой, в: *Theory and Empiricism in Slavonic Diachronic Linguistics*, ed. Ilona Janyšková – Helena Kralíková, Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2012, 181–189.
- 139 Русская этимологическая лексикография, в: *Славянская лексикография*, ред. М.И. Чернышева, Москва: Азбуковник, 2013, 424–442.
- 140 К реконструкции структурно-семантических отношений в системе славянских терминов земледелия, *Славянское языкознание: XV Международный съезд славистов*, Москва: Индрик, 2013, 87–98.
- 141 К этимологии слав. **syтъ* (в развитие идей Ф. Миклошича), в: *Miklosichiana bicentennialia: зборник у част двестоте годишњице рођења Франа Миклошича*, ур. Јасмина Грковић-Мејџор – Александар Лома, Београд:

- Српска академија наука и уметности, 2013 (Посебна издања DCLXXIV), 135–143 (<http://www.sanu.ac.rs/Izdanja/EI/Izdanja.aspx>).
- 142 К реконструкции этимологического гнезда слав. **tomiti*, *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis: studia Russologica* VII, Kraków: Wydawnictwo Naukowe UP, 2014, 25–36.
- 143 Проблема происхождения старославянского языка в трудах В. Ягича, *Slavia* 83 (2014), št. 6, 262–269.
- 144 Заметки по этимологии русских слов (*захолустье*, *сичище*, *снеть/снуть*), в: *Studia Borysiana: etymologica diachronica slavica: w 75. rocznicę urodzin Profesora Wiesława Borysia*, ред. Mariola Jakubowicz – Beata Raszevska-Żurek, Warszawa: Instytut Sławistyki PAN – Fundacja Sławistyczna, 2014, 199–208.
- 145 Этимологические заметки по славянской лексике, в: *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова IV: Этимология*, Москва: Вест-Консалтинг, 2015, 210–229.
- 146 К реконструкции в славянских языках некоторых фрагментов этимологического гнезда с и.-е. **ser-* ‘бежать; течь’, в: *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Международной научной конференции, Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г.*, ред. Е.Л. Березович и др., Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015, 160–162.
- 147 Этимологические заметки на полях «Этимологического словаря старославянского языка», в: *Etymological Research into Old Church Slavonic: proceedings of the Etymological Symposium Brno 2014, 9–11 September 2014*, ed. Ilona Janyšková – Helena Karlíková, Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2015, 203–215.
- 148 Словенская лексика в «Этимологическом словаре славянских языков» (вып. 1–39–, М., 1974–2014–), в: *Slovnica in slovar – aktualni jezikovni opis* 1, ur. Mojca Smolej, Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani, 2015 (Obdobja 34), 425–431.
- 149 Заметки на полях диалектного словаря, в: *Труды Института русского языка VIII: Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования 2012–2014*, Москва: Нестор-История, 2016, 143–155.
- 150 Историко-этимологические заметки по русской лексике, в: *Язык: поиски, факты, гипотезы: сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Н.Ю. Шведовой*, ред. А.М. Молдован и др., Москва: Лексрус, 2016, 583–593.
- 151 Этимологии русских лексических диалектизмов (*тромой*, *заколука*, *волоб*), в: *В созвездии слов и имен: сборник научных статей к юбилею Марии Эдуардовны Рут*, ред. Е.Л. Березович и др., Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017, 91–106.
- 152 Диалекты как источник пополнения славянских этимологических гнезд, *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова XII*:

Диалектология, ред. А.М. Молдован, Москва: Институт русского языка, 2017, 338–347.

- 153** К проблеме омонимии в славянской лексике: на материале слав. **tuli-ti/*tulati* ‘бродить’ и **tuliti* ‘прижимать; укрывать’, в: *Etymological Research into Czech: Proceedings of the Etymological Symposium Brno 2017, 12–14 September 2017, Brno*, ed. Ilona Janyšková – Helena Karlíková – Vít Boček, Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2017, 249–258.
- 153a** К этимологии некоторых славянских анатомических терминов (oddano za objavo v zborniku s simpozija *Symposium Etymologicum: śladami myśli etymologicznej: w stulecie urodzin wybitnego slawisty i etymologa Profesora Franciszka Ślawskiego, Kraków, Collegium Maius, 25–27 maja 2016 r.*).

3 RECENZIJЕ

- 154** «Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej», 5. Warszawa, 1965, *Этимология 1966: проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов*, Москва: Наука, **1968**, 382–386.
- 155** «Славянская лексикография и лексикология», М., изд-во «Наука», 1966, *Этимология 1967: материалы международного симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии» 24–31 января 1967 г.*, Москва: Наука, **1969**, 323–325.
- 156** Г.П. Клепикова. Славянская пастушеская терминология. Изд. «Наука». М., 1974, 256 стр., *Этимология 1975*, Москва: Наука, **1977**, 173–175.
- 157** Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga; A–J. Ljubljana, 1976, *Этимология 1977*, Москва: Наука, **1979**, 166–172.
- 158** Etymologie. Herausgegeben von Rüdiger Schmitt. (Wege der Forschung. Band CCCLXXIII). Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1977, 457 S., *Этимология 1978*, Москва: Наука, **1980**, 185–193 (z Ž. Ž. Varbot).
- 159** Etymologica Brunensia. Sborník oddělení historickosrovnávací slovan-ské jazykovědy. Kabinet cizích jazyků ČSAV. Praha, 1978 (ротопринт), *Этимология 1979*, Москва: Наука, **1981**, 179–182 (z Ž. Ž. Varbot).
- 160** Jurišić Blaž. Rječnik govora otoka Vrgade. Uspoređen s nekim čakavskim i zapadnoštokavskim govorima. II. dio. Rječnik. Zagreb, 1973; Čakavisch-deutsches Lexikon. Teil I. Von Mate Hraste und Petar Šimunović. Unter Mitarbeit und Redaktion von Reinhold Olesch. Slavistische Forschungen 25/I. Böhlau Verlag. Köln – Wien, 1979, *Этимология 1980*, Москва: Наука, **1982**, 180–186.
- 161** Езиковедски проучвания. В чест на академик Владимир Георгиев. По случай седемдесет години от рождението му. София, 1980. 518, *Этимология 1981*, Москва: Наука, **1983**, 162–168.
- 162** F. Bezljaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. II: K–O. Ljubljana, 1982, 265 с., *Этимология 1983*, Москва: Наука, **1985**, 187–192.

- 163 Р. Бернар. Българистични изследвания. София, 1982, 569 с., *Этимология* 1983, Москва: Наука, 1985, 194–196.
- 164 L. Karničar. Der Obir-Dialekt in Kärnten. Vergleich mit den Nachbarmundarten von Zell/Selo und Trögern/Korte (Phonologie, Morphologie, Mikrotoponymie, Vulgonamen, Lexik, Texte), *Известия Академии наук СССР: серия литературы и языка* 50 (1991), št. 1, 86–89.
- 165 Croatica. Slavica. Indoeuropaea. Wien, 1990, 299 S. (Wiener slavistisches Jahrbuch. Ergänzungband VIII), *Вопросы языкознания* 1992, št. 5, 165–168.
- 166 Slawistyczne studia językoznawcze. Wrocław etc., 1987, *Этимология* 1988–1990, Москва: Наука, 1993, 185–193.
- 167 Македонска академија на науките и уметностите. Одделение за лингвистика и литературна наука. Прилози XIII/1. Скопје 1988, *Общеславянски лингвистически атлас: материјали и истражувања* 1988–1990, Москва: Наука, 1993, 198–201.
- 168 Etymologický slovník jazyka staroslověnského 1: Úvod, zkratky: A–blagъ. Praha, 1989; 2: blagъ–dělo. Praha, 1990 г., *Этимология* 1991–1993, Москва: Наука, 1994, 172–174.
- 169 F. Bezljaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Tretja knjiga P–S. Dopolnila in uredila Marko Snoj in M. Furlan. Ljubljana. Založba »Mladinska knjiga«. 1995. 355 s., *Вопросы языкознания* 1996, št. 4, 132–137.
- 170 Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Seš. 3: dělo–gospodъ. Praha, 1992; seš. 4: gostъ–istonqti. Praha, 1994; seš. 5: istopiti se–kleŕi. Praha, 1995, *Этимология* 1994–1996, Москва: Наука, 1997, 187–189.
- 171 F. Bezljaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Tretja knjiga P–S. Dopolnila in uredila Marko Snoj in Metka Furlan. Ljubljana, 1995, *Этимология* 1994–1996, Москва: Наука, 1997, 194–209.
- 172 M. Snoj. Slovenski etimološki slovar. Založila »Mladinska knjiga«. Ljubljana. 1997. 900 s., *Вопросы языкознания* 1998, št. 3, 165–170.
- 173 Symbolae slavisticae dedykowane pani profesor Hannie Popowskiej-Taborskiej: pod redakcją Ewy Rzetelskiej-Feleszko. Warszawa, 1996, 352 s., *Вопросы языкознания* 1999, št. 2, 128–134.
- 174 M. L. Greenberg. A Historical Phonology of the Slovene Language. Universitätsverlag Carl Winter. Heidelberg, 2000. 199 p., *Вопросы языкознания* 2003, št. 3, 143–149.
- 175 Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Под ред. Т.Б. Юмсуновой. [...] Новосибирск, 1997. 539 с., *Общеславянски лингвистически атлас: материјали и истражувања* 1997–2000, Москва: Институт русскогo јазика им. В.В. Виноградова РАН, 2003, 250–254.
- 176 Ronald O. Richards. The Pannonian Slavic dialect of the Common Slavic Proto-Language: The View from Old Hungarian. UCLA Indo-European Studies. Vol. 2 (2003). Los Angeles Program in Indo-European Studies, 234 p., *Славяноведение* 2005, št. 2, 110–116.

- 177 A.A. Плотникова. Этнолингвистическая география Южной Славии. Изд. «Индрик». М., 2004, 767 с., *Јужнословенски филолог* 61 (2005), 229–243.
- 178 F. Bezljaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Četrta knjiga Š–Ž. Avtorji gesel F. Bezljaj, M. Snoj, M. Furlan / Uredila M. Snoj, M. Furlan. Ljubljana: Založba ZRC, 2005. 494 s., *Вопросы языкознания* 2006, št. 6, 113–117.
- 179 Fr. Bezljaj. Zbrani jezikoslovni spisi. T. I–II. Uredila M. Furlan. Ljubljana, 2003. 1572 s., *Этимология* 2003–2005, Москва: Наука, 2007, 336–338.
- 180 T. Szymański. Ze studiów nad słownictwem słowiańskim. Kraków, 2003. 168 s., *Этимология* 2003–2005, Москва: Наука, 2007, 361–367.
- 181 K. Witczak. Indoeuropejskie nazwy zbóż. Łódź, 2003. 159 s., *Этимология* 2003–2005, Москва: Наука, 2007, 368–371.
- 182 Лабунец Наталья Вадимовна. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта. Ред. чл.-корр. РАН А.К. Матвеев. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2007, 180 с., *Вопросы ономастики*⁷ (Екатеринбург) 2008, št. 2 (6), 149–160.
- 183 Марта Бјелетић. ИСКОВРНУТИ ГЛАГОЛИ. Типови експресивних превербалних форманата (на српском и хрватском језичком материјалу). Институт за српски језик САНУ. Монографије 2. Београд, 2006, 489 с., *Јужнословенски филолог* 65 (2009), 445–459.
- 184 M. Furlan. Novi etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek. Ljubljana, 2013, 221 s., *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова IV: Этимология*, Москва: Вест-Консалтинг, 2015, 422–435.
- 185 B. Ostrowski. Białoruskie gwary Grodzieńszczyzny. Wybrany zagadnienia. Prace Instytutu języka polskiego. 140. Kraków, 2013, 272 s., *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова VIII: Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования* 2012–2014, Москва: Нестор-История, 2016, 199–205.
- 186 M. Furlan. Prispevki k slovenski in slovanski etimologiji. Zbirka Linguistica et philologica 32. Urednica zbirke Andreja Legan Ravnikar. Založba ZRC. Ljubljana, 2016. 208 str., *Slavistična revija* 65 (2017), št. 3, 569–576 (<https://srl.si/index.php?id=stevilka&num=324>).
- 186a [V tisku:] Rada Cossutta. Ribiška jezikovna in kulturna dediščina v Tržaškem zalivu in slovenski Istri. Koper, 2015, 277 s., *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН 17: Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования*.

7 *Вопросы ономастики* (<http://www.onomastics.ru>).

4 POROČILA

- 187** Хроника: «Проблемы славянских этимологических исследований» (симпозиум в Москве). 25–30 января 1967, *Вестник АН СССР* **1967**, št. 5, 91–94.
- 188** Хроникальные заметки [Международный симпозиум по этимологии, исторической лексикологии и лексикографии, Москва, 1984], *Вопросы языкознания* **1985**, št. 3, 132–136 (s S. P. Mordovino).
- 189** Хроникальные заметки [Etymologické symposion Brno 1999], *Вопросы языкознания* **2000**, št. 2, 156–159 (z Ž. Ž. Varbot).
- 190** Хроникальные заметки [Etymologické symposion Brno 2002], *Вопросы языкознания* **2003**, št. 2, 153–158 (z Ž. Ž. Varbot).
- 191** Хроникальные заметки: Международный этимологический симпозиум [Etymologické symposion Brno 2005], *Вопросы языкознания* **2006**, št. 2, 151–154 (z Ž. Ž. Varbot).
- 192** Хроникальные заметки: Международный научный симпозиум «Славянская этимология сегодня» [Словенска етимологија данас, Београд 2006], *Вопросы языкознания* **2007**, št. 3, 149–153 (z Ž. Ž. Varbot).
- 193** Хроникальные заметки: Международный этимологический симпозиум в Брно [Etymologické symposion Brno 2008], *Вопросы языкознания* **2008**, št. 6, 152–154 (z Ž. Ž. Varbot).
- 194** Научная жизнь: Международный этимологический симпозиум. Брно 2011. Теория и практика в славянском диахроническом языкознании [Etymologické symposion Brno 2011], *Вопросы языкознания* **2012**, št. 3, 150–152 (z Ž. Ž. Varbot).
- 195** Научная жизнь: Этимологический симпозиум «Этимологическое исследование старославянского языка в славянской, индоевропейской и общелингвистической перспективе». Брно, 2014 [Etymologické symposion Brno 2014], *Вопросы языкознания* **2015**, št. 3, 146–149 (z Ž. Ž. Varbot).
- 195a** [V tisku:] Хроникальные заметки [Etymologické symposion Brno 2017], *Јужнословенски филолог* 2018.

Po predlogi **Ljubov V. Kurkine**

uredili **Metka Furlan**, **Silvo Torkar** in **Peter Weiss**

АЛЕКСАНДР Е. АНИКИН

ИЗ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В «РУССКОМ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ»

COBISS: 1.01

Iz izposojene leksike v Ruskem etimološkem slovarju

Članek razlaga in precizira etimologije nekaterih izposojenk v ruščini, vzetih z izjemo št. 12 iz avtorjevega Ruskega etimološkega slovarja. Gre za narečne, staroruske ali zastarele besede: 1. *bar*, 2. *bečatá*, 3. *binét*, 4. *vog*, 5. *vytruxъ*, 6. *galída*, 7. *gándža*, 8. *garguran*, 9. *glénja*, 10. *gruzélevyj*, 11. *guk*, 12. (argo) *pajta*.

Ključne besede: ruščina, leksika, etimološki slovar, izposojenke

Some loanwords in the *Russian Etymological Dictionary*

This article offers explanations for several Russian loanwords, mostly dialect, Old Russian and/or obsolete lexemes. These explanations, with the exception of no. 12, are modified entries in the author's *Russian Etymological Dictionary*: 1. *бар*, 2. *бечатá*, 3. *бинét*, 4. *вог*, 5. *вытрукъ*, 6. *галида*, 7. *гáнджа*, 8. *гаргуран*, 9. *глéня*, 10. *грузéлевый*, 11. *гук*, 12. (slang) *найта*.

Keywords: Russian, lexicon, etymological dictionary, loanwords

Предлагаемые ниже заметки основаны по преимуществу на материале «Русского этимологического словаря» (РЭС), подготавливаемого автором этих строк. Его издание началось в 2007 г., к настоящему времени опубликовано 11 выпусков. В 12 выпуске словарь должен дойти до буквы *д*- словника в соответствии с русским алфавитом.

Одной из особенностей РЭС является внимание к диалектной, редкой и устарелой лексике (РЭС 1: 10; Аникин 2017: 271). Эта особенность иллюстрируется ниже несколькими примерами, которые касаются русских слов заимствованного происхождения и представляют собой, кроме № 12, несколько измененные словарные статьи РЭС (или их фрагменты). Ссылки на РЭС для экономии места не даются.

Автор с удовольствием посвящает свои заметки Любови Викторовне Куркиной, со второго выпуска РЭС взявшей на себя труд рецензирования словаря, что не может не вызывать у автора чувства глубокой признательности.

- 1 *бар* ‘глубокое место в море, где останавливается пароход’ арханг. (СРНГ 2: 112), ‘стоянка морских судов в устье реки’ арханг. (СГРС 1: 58) // Отнесено в ЭССЯ 1: 160 к праслав. **barъ* наряду с рус. диал. *бар* ‘болото’, укр. диал. *бар* ‘сырое место между холмами’ и др. Несомненно однако,

что рассматриваемый диалектизм, относящийся к устью реки, следует отождествить с известным географическим термином *бар* ‘песчаная подводная отмель в устье реки’, который в русском языке происходит, видимо, через посредство англ. *bar* и/или швед. и норв. *bar* ‘отмель, бар’, из франц. *barre* ‘мель у входа в порт, устье реки’ < ст.-франц. *barre* ‘преграда’ (Фасмер 1: 122). Сдвиг значения ‘отмель, бар’ > ‘глубокое место в море’ обусловлен метонимией: морские суда, которые не могут пройти через бар, могут остановиться на ближайшем глубоком месте.

- 2 *бечата́*, *бечета́*, *бичета́* ‘самоцветный камень: красный яхонт, рубин либо гранат’ (Даль 1: 85), *бечета́* ‘драгоценный камень молочно-синеватого цвета’ (СлРЯ XVIII 2: 20), *бечаты* мн. ‘род рубина’ 1614 (СлРЯ XI–XVII 1: 182–183), *бечеть* ‘драгоценный камень’ XVI–XVII вв., *бечеть* = *бечать* ‘название драгоценного камня’ 1541 (Срз. 1: 85; 3, Доп.: 14) // Видимо, из персидского, ср. перс. *bījāda* ‘красный янтарь’, ‘гранат’, ‘сорт рубина’, курд. *bījāda* ‘полудрагоценный камень’ (иранский материал см. Цабапов 1: 198). Весьма вероятно тюркское посредство, но оно пока не установлено. Речь не может идти о чаг. *bäčäk*, кр.-тат. *bičäk* ‘украшение’ (Фасмер 1: 162).

- 3 *бинёт* ‘парусная пристежка, прибавочная парусная полоса на лодях’ Беломорье (Даль 1: 87; СРНГ 2: 292) // Речь идет, собственно, об узком парусе, который в хорошую погоду пристегивают к нижней части парусов для увеличения их площади. Связано с рус. уст. *боннет*, *бенет*, *банета*, *бонё* ‘колпак’, также ‘маленький парус, приставляющийся снизу к большому’ (СлРЯ XVIII 2: 109), в конечном счете из франц. *bonnet*, уменьш. *bonnette* ‘колпак, чепчик’, также название добавочного паруса. Из французского заимствованы голл. *bonnet*, ср.-н.-нем. *bonnet*, *bonnit* в тех же значениях (NEW: 76). Известно также ст.-рус. *бонета*, в котором можно видеть элемент русской парусной терминологии итальянского происхождения, ср. итал. *boneta* (Avery 1981: 81) = исп. *boneta* ‘добавочный парус’. Гласный первого слога в рус. *бинёт*, *бенет*, по-видимому, указывает на посредство формы типа (н.-)нем. *Beneet*, *Pinnet* XVII в. (Kluge 1911: 116).

- 4 *вог* ‘мера веса (пуд?)’: *я поймал акулу семь вогов* Карелия (СРГК 1: 209) // Происходит из скандинавского источника типа норв. *vaag*, датск. *vog* ‘мера веса (около 18 кг.)’, швед. *våg* ‘весы’, которые родственны др.-в.-нем. *wāga*, нем. *Waage* (*Wage*) ‘весы’ и др. (Kluge: 869; ODEE: 1000). Немецкое (др.-в.-нем.) слово является этимоном хорошо известных в славянских языках заимствований наподобие рус. диал., уст. *ва́га* ‘тяжесть, вес’, ‘весы’.

- 5 *вытрухъ* ‘орудие взлома, отмычка (?)’: ... *вытрухи*, чем замки отпирают въ ызбе... 1697 (СлРЯ XI–XVII 3: 268) // Скорее всего, наряду с укр. диал.

wúmpux (ЕСУМ 1: 385) из польск. *wytrych* ‘отмычка’, ср. диал. *witrych*, *wydrych* (Варш. сл. 7: 1086). Польск. слова, как и слов. диал. *vitrich*, *vinrich*, словен. *vítrih*, лит. (< польск.) *vitrakas*, *vitrikas*, *ditrikis*, происходят из нем. *Dietrich* ‘отмычка’, возникшего из собственного имени *Dietrich* с возможным вариантом **Wietrich* (Fraenkel: 97–98; Bezłaj 4: 326). О польском *Dzietrzych* (*Wietrzych* XV в.) см. Brückner: 110–111. Перенос имени на отмычку объясняют сходством анлаута *Dietrich* с нем. *Dieb* ‘вор’ (Kluge: 180). Подобные переносы не редкость, ср. нем. *Peterchen*, *Klaus* ‘отмычка’, англ. *jemmy* ‘то же’ от *James*, видимо, и рус. *фóмка* при ИС *Фома*, *Фомка* (Snoj: 825).

Как явный полонизм выглядит рус. диал. *вытpux* ‘растение меченосица семейства мотыльковых, *Securigera Coronilla*’ (СРНГ 6: 42, без указания места), ср. польск. *wytrych*, редкое название растения *Coronilla Securigera*, букв. ‘отмычка’, синонимы *klucz*, *otwieracz*, букв. ‘ключ, открывалка’ (Варш. сл. 7: 1086). Рус. фитоним, видимо, очень редкий, возможно, окказиональный.

Гласный *y* вместо ожидаемого *ы* или *и* в ст.-рус. *вытpухъ* неясен (вторичен).

- 6 *галі́да* ‘высокая каменная печь, в которой посредством воздуходувных машин плавится руда’ Алтай, ‘серебро-разделительная печь’ Забайкалье (СРНГ 6: 111), ‘форма, в которой серебро плавкою отделяется от примесей’: ... *рудоплавъ Александръ Левандианъ здѣлалъ (по гречески галида, а по русски гнездо)* Забайкалье, XVIII в. (Майоров: 95) // Упомянутый в тексте Александр Левандиан – известный исторический персонаж, грек, посланный в Сибирь Петром I для изыскания серебряной руды и выплавки серебра. Греческий этимон слова *галі́да* найти не удалось. Однако Левандиан мог знать и пустить в ход слово романского происхождения. Если допустить для *галі́да* исходное значение ‘вид сосуда, ведра, емкость’ (> ‘форма для плавки’ > ‘плавильная печь’), это слово можно сопоставить с источником типа истророманского *galida* ‘ведро’ < нар.-лат. *gallēta* ‘сосуд’. Романского происхождения словен. *golida* ‘вид ведра’ и (через рум. *găleată*) укр. диал. *gelēta* ‘деревянная посуда’, чеш. *geleta* и проч. Из того же нар.-лат. *gallēta* немецкие формы типа *Gelte* ‘сосуд для жидкости’, прус. (< нем.) *galdo* ‘корыто’ и др. (ML: 313; ЕСУМ 1: 492; Bezłaj 1: 158–159; Snoj: 180).

- 7 *гáнджа* и *ганджá* ‘пожарный крюк, багор’, ‘багор у рыбаков’ дон. (СРНГ 6: 134) // Скорее всего, заимствовано из тюркского источника типа тур. *kanca* ‘крюк, багор’, откуда и болг. диал. *kándжа* ‘крюк’, с.-хорв. *kānga* и диал. *gānga* ‘коготь’, ‘крюк’ (RJA 3: 99; 4: 819), новогреч. *kávτζα*, *γάντζα*, рум. *cange* и др. (БЕР II: 201; Räsänen: 230), итал. *gancio* ‘крюк, крючок’ (ML: 380).

- 8 *гаргуран* ‘индийская тяжелая шелковая материя; любая шелковая материя’ Сибирь, конец XIX в. (СРНГ 6: 139), ст.-укр. *гаргурановый* ‘сделанный из

шелка, привозившегося во Францию из Ост-Индии' XVIII в. (Тимч. 1: 637) // Из франц. *gourgouran* 'шелковая материя, доставлявшаяся из Индии', заимствованного из англ. уст. *grogram* (*grow graine, grograyn, grogerane*) 'вид смешанной шелковой материи' < франц. *gros grain* 'плотная шелковая ткань', ср. *gros* 'толстый, грубый' (< лат. *grossus*) и *grain* 'зерно', 'шишечка на ткани' (< лат. *grānum* 'зерно'), см. TLF 9: 360, 548; ODEE: 415.

- 9 **глэня** 'несколько бревен, связанных вместе' смол., пск. (СРНГ 6: 195; ПОС 6: 179), 'часть плота, представляющая собой связку нескольких бревен': у *плот магло ухадить десить глений* смол. (СлСмГ 3: 28) // Из польск. *gleń*, -i, (на лесосплаве) *glenia* 'пара связанных плотов' (Варш. сл. 1: 833). В истории польского языка *gleń* могло относиться к лопатке мельничного колеса, краюхе хлеба (*gleń chleba*) и к плоту: *zbić drzewo na glenie* 'сделать плоты' (Bańkowski 1: 431). Форма *glon(ek)* 'сплавной лес, плот', 'краюха хлеба' вторична. Далее неясно (SP 7: 179).
- 10 **грузелевый** 'о сукне малинового цвета' тамбов. (СРНГ 7: 166) // Вероятно, из **грозелевый* (редк., уст.) от франц. *groseille*, названия оттенков красного или розового цвета, от *groseille (rouge)* 'смородина (красная)' < герм. (DMD: 461).
- 11 **зук** 'мыс, выдающийся узкой полосой в море, озеро, реку' сев.-рус. (СРНГ 7: 211), *зук* 'то же' 1739 (СлРЯ XVIII 6: 10) // Заимствовано из голл. *hoek* 'угол', 'сторона', 'мыс', ср. ср.-голл. *hōk*, англ. *hook* 'крюк', 'изгиб', др.-в.-нем. *hakō*, нем. *Haken* 'крюк' (Meulen 1909: 79; NEW: 260; ODEE: 447). Из голландского также нем. (у моряков) *Huk* 'Landspitze' (Kluge 1911: 382). Включение русского слова в число рефлексов праслав. **gukъ* (ЭССЯ 7: 169) ошибочно. Сама эта лексема расценена как ненадежная (SP 8: 301).
- 12 **пайта** 'рубашка' (в уголовном аргю, см. Слов. ЛТБЖ: 169) // Через посредство фин. *paita* 'то же' из германских языков, ср. гот. *paida*, др.-в.-нем. *pheit*, *pfeit* 'рубаша' и др. (Feist: 381–382). Однако русский арготизм нуждается в дополнительном подтверждении.

СОКРАЩЕНИЯ

Языки и диалекты

англ. — английский

араб. — арабский

арханг. — архангельский

болг. — болгарский

герм. — германский

голл. — голландский

гот. — готский

датск. — датский

дон. — донской

др.-в.-нем. — древневерхненемецкий

исп. — испанский

истророман. — истророманский

итал. — итальянский

кр.-тат. — крымско-татарский

курд. — курдский

лит. — литовский
 нар.-лат. — народно-латинский
 нем. — немецкий
 н.-нем. — нижненемецкий
 новогреч. — новогреческий
 норв. — норвежский
 перс. — персидский
 польск. — польский
 праслав. — праславянский
 прус. — древнепрусский
 пск. — псковский
 рум. — румынский
 рус. — русский
 сев.-рус. — севернорусский
 слов. — словацкий
 словен. — словенский
 смол. — смоленский
 ср.-голл. — среднеголландский
 ср.-н.-нем. — средненижненемецкий

ст.-польск. — старопольский
 ст.-рус. — старорусский
 ст.-укр. — староукраинский
 ст.-франц. — старофранцузский
 с.-хорв. — сербохорватский
 тамбов. — тамбовский
 тур. — турецкий
 укр. — украинский
 франц. — французский
 чаг. — чагатайский
 чеш. — чешский
 швед. — шведский

Прочие

диал. — диалектный
 мн. — множественное число
 уменьш. — уменьшительный
 уст. — устарелый

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин 2017** = Александр Е. Аникин, От диалектного этимологического словаря к «новому Фасмеру», *Труды Отделения историко-филологических наук* 2016, Москва: Наука, 2017, 255–275.
- БЕР** = *Български етимологичен речник I–VII*–, съст. В. Георгиев и др., София: Издателство на Българската академия на науките, 1962–2010–.
- Варш. сл.** = J. Karłowicz – A. Kryński – W. Niedźwiedzki, *Słownik języka polskiego* 1–8, Warszawa, 1900–1927 (1952–1953).
- Даль** = Владимир И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка* 1–4, Санкт-Петербург – Москва, 21880–1882 (Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955).
- ЕСУМ** = *Етимологічний словник української мови* 1–6, ред. колл.: О.С. Мельничук и др., Київ: Наукова думка, 1982–2012.
- Майоров** = Александр П. Майоров, *Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь: Забайкалье*, Москва: Азбуковник, 2011.
- ПОС** = *Псковский областной словарь с историческими данными* 1–24–, ред. коллегия: Б.А. Ларин, А.С. Герд, С.М. Глускина и др. Ленинград / Санкт-Петербург: Изд-во Ленинградского / Санкт-Петербургского университета, 1967–2013–.
- РЭС** = Александр Е. Аникин, *Русский этимологический словарь* 1–11–, Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2007–2017–.
- СГРС** = *Словарь говоров Русского Севера* 1–5–, под ред. А.К. Матвеева, Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001–2011–.
- Слов. ЛТБЖ** = *Словарь лагерно-тюремно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы*, сост. Д.С. Балдаев – В.К. Бенко – И.М. Исупов, Москва: Края Москвы, 1992.
- СлРЯ XI–XVII** = *Словарь русского языка XI–XVII вв.* 1–30–, глав. ред. С.Г. Бархударов (вып. 1–6), Ф.П. Филин (вып. 7–10), Д.И. Шмелев (вып. 11–14), Г.А. Богатова (вып. 15–26), В.Б. Крысько (вып. 27–28), Р.Н. Кривко (вып. 29–30), Москва: Наука, 1975–2015–.
- СлРЯ XVIII** = *Словарь русского языка XVIII в.* 1–21–, сост. А.А. Алексеев, Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова и др., Ленинград / Санкт-Петербург: Наука, 1984–2015–.

- СлСмГ** = *Словарь смоленских говоров* 1–11, под ред. А.И. Ивановой, Смоленск: Смоленский гос. педагогический институт им. К. Маркса, 1974–2005.
- СРГК** = *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* 1–5, глав. ред. А.С. Герд, Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994–2002.
- Срз.** = Измаил И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка* 1–3, Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1893–1903. (Доп. – Дополнения, т. 3).
- СРНГ** = *Словарь русских народных говоров* 1–49–, глав. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24–44), С.А. Мызников (вып. 45–47), О.Д. Кузнецова (вып. 48–49–), Москва – Ленинград / Санкт-Петербург: Наука, 1966–2016–.
- Тимч.** = Євген К. Тимченко, *Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст.*, Київ – Нью-Йорк: Інститут української мови НАНУ, 2003.
- Фасмер** = Макс Фасмер, *Этимологический словарь русского языка* 1–4, пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева, Москва: Прогресс, 21986–1987 (1964–1973).
- Цабол.** = Руслан Цаболов, *Этимологический словарь курдского языка* 1–2, Москва: Восточная литература, 2001–2010.
- ЭССЯ** = *Этимологический словарь славянских языков* 1–40–, под ред. О.Н. Трубачева (вып. 1–31), А.Ф. Журавлева (вып. 32–40), Москва: Наука, 1974–2015–.
- Avery 1981** = Robert Avery, *Foreign Influence on the Nautical Terminology of Russian in the Eighteenth Century*, *Oxford Slavonic Papers* 14 (1981), 73–92.
- Bańkowski** = Andrzej Bańkowski, *Etymologiczny słownik języka polskiego* 1–2, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000.
- Bezljaj** = France Bezljaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika* 1–5, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1976–2007 (4: avtorji gesel France Bezljaj – Marko Snoj – Metka Furlan).
- Brückner** = Alexander Brückner, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927.
- DMD** = J. Dubois – H. Mitterand – A. Dauzat, *Grand dictionnaire étymologique & historique du français*, Paris: Larousse, 2005.
- Feist** = Sigmund Feist, *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache*, Leiden: E.J. Brill, 31939.
- Fraenkel** = Ernst Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch* I–II, Heidelberg: Winter, 1962–1965.
- Kluge** = Friedrich Kluge, *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*, bearb. von Elmar Seebold, Berlin – New York: de Gruyter, 231999.
- Kluge 1911** = Friedrich Kluge, *Seemannssprache: Wortgeschichtliches Handbuch deutscher Schifferausdrücke älterer und neuerer Zeit*, Halle a. d. Saale, 1911.
- Meulen 1909** = Reinder van der Meulen, *De Hollandsche zee- en scheepstermen in het Russisch, Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen, afdeling Letterkunde* (Amsterdam), nieuwe reeks 10 (1909), № 2.
- ML** = Wilhelm Meyer-Lübke, *Romanisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg: Winter, 41968.
- NEW** = Jan De Vries, *Nederlands etymologisch Woordenboek*, Leiden: Brill, 1971.
- ODEE** = Charles Talbot Onions, with the assistance of G. W. S. Friedrichsen and R. W. Burchfield, *The Oxford dictionary of English etymology*, Oxford: Clarendon Press, 1996.
- RJA** = *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* 1–33, Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti in umjetnosti, 1880–1976.
- Räsänen** = Martti Räsänen, *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Turksprachen*, Helsinki, 1969 (Suomalais-ugrilainen seura 71).
- Snoj** = Marko Snoj, *Slovenski etimološki slovar*, Ljubljana: Modrijan, 22003.
- SP** = *Słownik prasłowiański* 1–8, pod red. Fr. Sławskiego, Wrocław etc., 1974–2001.
- TLF** = *Trésor de la langue française: dictionnaire de la langue du XIX^e et du XX^e siècle (1789–1960)* 1–16, Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique – Gallimard, 1971–1994.

POVZETEK

Iz izposojene leksike v Ruskem etimološkem slovarju

V članku so podane razlage za vrsto narečnih in/ali zastarelih ruskih besed neruskega izvora. Predloženi primeri z izjemo št. 12 so spremenjeni slovarski članki iz Ruskega etimološkega slovarja, ki ga pripravlja avtor danega prispevka: 1. nar. *bar* 'globoko mesto v morju, kjer se ustavi parnik' < franc. *barre* 'plitvina ob vhodu v pristanišče'; 2. strus. *bečatá, bečetá, bičatá* 'rubin ali granat' < (?) perz. *bījāda* 'rdeči jantar, granat, rubin'; 3. (zast.) *binét, bonnet* idr. 'čepica', 'jadrce' < franc. *bonnet, bonette*; 4. nar. *vog* 'utežna mera' < norv. *vaag*, dan. *vog*; 5. strus. *vytruxъ* 'vitrih' < nem. *Dietrich*; 6. nar. *galida* 'plavž' < (?) istrorom. *galida* 'vedro'; 7. *gándža* in *gandžá* 'kljuka, kavelj' < tur. *kanca*; 8. nar. *garguran* 'svileno blago' < franc. *gourgouran*; 9. nar. *glénja* 'splav' < polj. *gleń*; 10. nar. *gruzélevyj* 'o suknu malinove barve' < franc. *groseille* 'o rdečih ali rožnatih odtenkih'; 11. *guk* 'morski ali rečni rt' < hol. *hoek* 'vogal, rt'; 12. (argo) *pajta* 'srajca' < fin. *paita* < germ., prim. got. *paida* 'tunika, bluza'.

МІКАЛАЙ АНТРОПАЎ

СТАРОНКА З ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКАЙ ЭТЫМАЛОГІІ: ПРАСПЕКТ РЭЙНГОЛЬДА КРАЎЧУКА

COBISS: 1.01

Stran iz zgodovine beloruske etimologije: koncept Rejngolda Kravčuka

Članek je posvečen malo znanemu detajlu izdelave Etimološkega slovarja beloruskega jezika, namreč neobjavljenemu konceptu tega slovarja, kakršnega je v začetku sedemdesetih let 20. stoletja napisal eden od avtorjev prvih zvezkov. Analizirajo se kompozicija, predložena metodologija in drugi detajli glede na dejansko izvedbo.

Ključne besede: etimologija, slovarji, beloruščina, zgodovina

From the history of Belarusian etymology: Rheingold Kravchuk's prospectus

This article discusses a relatively unknown detail in the history of creating the *Etymological Dictionary of Belarusian*; namely the prospectus for this dictionary, set up by one of the authors of the first volumes in the early 1970s. It analyses the composition of the prospectus, the methodology suggested for the dictionary, and other details with regard to how this process was finally realized in a real-life context.

Keywords: etymology, dictionaries, Belarusian, history

У гісторыі стварэння “Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы” (ЭСБМ) ёсць адна дасюль малавядомая старонка, звязаная з імем знамага ў 50–80 гады ўкраінскага і беларускага славіста і этымолага, аднаго з аўтараў чатырох першых тамоў ЭСБМ Рэйнгольда Ўладзіміравіча Краўчука.

Біяграфічныя звесткі аб ім наступныя.¹ Будучы вучоны-мовавед нарадзіўся 26 снежня 1929 г. у цэнтры Ўсходняй Сібіры, менавіта Канску Краснаярскага краю, аднак яшчэ да вайны сям’я пераехала ва Ўкраіну, бо ў аўтабіяграфіі Р. Краўчук піша, што пайшоў у школу ў Харкаве ў 1937 г., а атрымаў сярэднюю адукацыю ў Львове ў 1947 г. (ЛД: 8). У тым самым годзе ён паступіў у Львоўскі ўніверсітэт імя Івана Франка на славянскае аддзяленне філалагічнага факультэта, які праз пяць год закончыў па спецыяльнасці “славянскае мовазнаўства (чэшская мова)”. У кастрычніку 1952 г. Р. Краўчук паступіў у аспірантуру Інстытута мовазнаўства АН УССР па

¹ Іх крыніцамі з’яўляюцца два біяграфічныя артыкулы, гл. (Інститут мовознавства 2005: 470; Лучыц-Федарэц 2010: 153–154), прычым абодва, у сваю чаргу, грунтуюцца на аўтабіяграфіях Р. Краўчука з яго асабістых спраў у Інстытуце мовазнаўства імя А. А. Патабні НАН Украіны (Кіеў) і НАН Беларусі (Мінск; гл.: ЛД).

спецыяльнасці “Параўнальная граматыка славянскіх моў”, дзе пад кіраўніцтвам тагачаснага дырэктара Інстытута акадэміка Леаніда Булахоўскага ён набыў ґрунтоўную філалагічную падрыхтоўку, атрымаў фундаментальныя веды па шэрагу праблем параўнальнай граматыкі славянскіх моў, адмыслова ў галіне словаўтварэння, якім потым займаўся на працягу ўсёй сваёй навуковай дзейнасці, а таксама працягнуў вывучэнне славянскіх і еўрапейскіх моў.² Усё гэта дазволіла яму падрыхтаваць і паспяхова абараніць у маі 1959 г. кандыдацкую дысертацыю ў галіне багемістыкі “История суффиксов существительных в чешском языке. Суффиксы с основным -к- (на материале памятников XIV–XVI вв.)”, прысвечаную актуальнай праблеме чэшскай гістарычнай дэрываталогіі (Кравчук 1958а; гл. таксама сціслы варыянт працы ў брашуры: Кравчук 1958б).

Пасля заканчэння аспірантуры Р. Краўчук плённа працуе ў аддзеле агульнага і славянскага мовазнаўства, дзе ў 1955–1960 гг. выконвае частку “Славянскія чаргаванні галосных” агульнай планавай тэмы “Параўнальная граматыка славянскіх моў”, якая завяршылася выданнем у 1966 г. добра вядомай адмыслоўцам, знакавай для таго часу калектыўнай манаграфіі “Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов’янських мов”.³ Якраз гэтымі гадамі датуецца пачатак яго зацікаўленасці праблемамі славянскай, у прыватнасці ўкраінскай, этымалогіі, сведчаннем чаго з’яўляюцца два яго першыя адмыслова этымалагічных артыкулы (Кравчук 1955; 1957). Аднак гэты інтарэс меў яшчэ і “планавы” характар, пра што сведчаць аўтары ўкраінскага этымалагічнага слоўніка Таццяна Лукінова і Рыгор Піўтарак:

Після завершення роботи над “Вступом до порівняльно-історичного вивчення слов’янських мов” перед славістами Інституту постала давно назріла проблема створення етимологічного словника української мови. Щоправда, над цією проблемою наприкінці 50-х років працював науковий співробітник відділу загального та слов’янського мовознавства Р. В. Кравчук. Ще в 1958 р. він виконував планову тему “Вступ до етимологічних досліджень у галузі слов’янських мов”. Згодом він підготував два випуски “Етимологічного словника української мови”, які не були опубліковані.⁴ Стала очевидною потреба в академічному етимологічному словни-

- 2 У “Асабістым лістку па ўліку кадрў”, які ён запоўніў у Мінску ў верасні 1963 г., Р. Краўчук пералічае мовы, якімі валодае: нямецкая, французская, італьянская, англійская; чэшская, польская, сербскахарвацкая, руская, украінская (ЛД: 4). Літаральна адразу пасля пераезду ў Мінск ён авалодвае беларускай мовай, а выключнай дакладнасці спасылкі ў яго працах больш позняга часу дазваляюць далучыць да пазначанага спісу па меншай меры таксама літоўскую, румынскую і венгерскую мовы.
- 3 Аднак прозвішча Р. Краўчука сярод яе аўтараў няма, гл. у прадмове да (Вступ 1966: 3–5).
- 4 Пазней гэтыя матэрыялы былі выкарыстаны (трэба аднак думаць, усё ж такі часткова) у незвычайна вялікай нават для вядучага савецкага лінгвістычнага перыёдыка – маскоўскага часопіса “Вопросы языкознания” ґрунтоўнай рэцэнзіі аўтара на выдадзеныя ў Вінніпегу (Канада) першыя пяць выпускаў этымалагічнага слоўніка ўкраінскай мовы Яраслава-Багдана Рудніцкага, гл. (Кравчук 1968) і часткова ў працы над “Этымалагічным слоўнікам беларускай мовы” (Лучыц-Федарэц 2010: 154).

кові великого обсягу, підготовленому потужним авторським колективом (Лукінова – Півторак 2005: 87).

Аднак значна раней, яшчэ ў 1961 г., пра ўкраінскі этымалагічны слоўнік Р. Краўчука пісаў Алєг Трубачоў:

Так, можно не колеблясь назвать удачным первый выпуск «Краткого этимологического словаря украинского языка» (*А – безбеш*), подготовленный к печати Р. В. Кравчуком (Трубачев 2004а: 26), –

а ў 1978 г. ён жа распавёў пра тое ж крыху падрабязней:

Несколько раньше, в самом начале 1960-х гг., в Киеве работал над украинским этимологическим словарем в качестве индивидуальной темы Р. В. Кравчук (в настоящее время – в Минске); я знакомился тогда с его 1-м выпуском (*А – безбеш*) как рецензент. Работа, однако, не получила продолжения (Трубачев 2004б: 372–373).

Такім чынам, відавочна, што ў пачатку 60-х гадоў Р. Краўчук быў ужо ў высокай ступені падрыхтаваным этымолагам з шырокімі фундаментальнымі ведамі ў гэтай вобласці,⁵ пра што слухна сведчыць яго мінскі калега і сябра Іван Лучыц-Федарэц:

Даследчык валодаў усімі якасцямі, каб паспяхова працаваць у этымалогіі – адной з самых складаных галін лінгвістыкі: вялікай эрудыцыяй, магутнай інтуіцыяй, назіральнасцю, крытычным падыходам да сваіх і чужых версій, цвярозым разуменнем магчымасцей этымалагічнага аналізу, добрым веданнем славянскай дыялектнай лексікі (Лучыц-Федарэц 2010: 154).

Аднак у аўтарскі калектыў “Этымалагічнага словніка ўкраінскай мовы” (ЕСУМ) Р. Краўчук не ўвайшоў, падставай для чаго была, не выключана, уласная пазіцыя першага аўтара ўкраінскага этымалагічнага слоўніка, грунтоўныя распрацоўкі якога не толькі не былі ўлічаны (за выключэннем апублікаваных, на якія ёсць спасылкі ў асобных артыкулах), а папросту адкінуты.⁷ Больш за тое, складаныя адносіны з кіраўніцтвам аддзела і інстытута (пасля Л. Булахоўскага з 1961 г. яго ўзначальваў І. Білодід), абставіны асабістага характару і адначасова запрашэнне дырэктара беларускага акадэмічнага Інстытута мовазнаўства Міхаіла Судніка⁸ паспрыялі неўзабаве яго пераезду ўвосень 1963 г. у Мінск, дзе ў аддзеле славянскага і тэарэтычнага мовазнаўства ён працаваў да свайго заўчаснага сыходу з жыцця ў маі 1989 г.

5 Дарэчы, ускосным сведчаннем гэтага з’яўляецца таксама мэтанакіраванае вывучэнне Р. Краўчуком гісторыі славянскага мовазнаўства, якое ўвасобілася ў адмысловай маніграфіі, дзе падаюцца звесткі амаль пра сто асоб – выдатных усходнеславянскіх, савецкіх і замежных моваведаў і іх асноўныя працы (Кравчук 1961).

6 Абодвух вучоных яднала, апрача сумеснай працы ў адным калектыве, памяць пра агульную alma mater – Львоўскі ўніверсітэт, у якім І. Лучыц-Федарэц таксама скончыў багемістыку на філалагічным факультэце, але на восем год пазней, у 1960 г.

7 У сувязі з гэтым, нельга не адзначыць, што прозвішча Р. Краўчука ніяк не ўзгадваецца ў прадмове і даведачных матэрыялах да 1-га тома ЕСУМ.

8 Наколькі вядома, па рэкамендацыі маскоўскіх славістаў, у першую чаргу Мікіты Талстога.

Трэба адзначыць, што ў Мінск Р. Краўчук прыехаў менавіта для працы над ЭСБМ,⁹ таму калі распачаліся работы над стварэннем рээстра беларускага слоўніка, назапашваннем матэрыялаў для яго, ужо дастаткова спрактыкаваны вучоны-славіст падрыхтаваў рукапіс праспекта слоўніка, які таксама не быў апублікаваны. Хаця гэты праспект час ад часу ўзгадваўся тымі, хто пісаў пра гісторыю стварэння ЭСБМ, гл., напрыклад (Антропов 2010: 34; Лучыц-Федарэц 2010: 154 і інш.), аднак ніякіх змястоўных звестак пра яго аўтары не прыводзілі з прычыны адсутнасці ў іх тэксту. Між тым, гаворка ідзе пра даволі аб'ёмістую працу, аб чым піша І. Лучыц-Федарэц:

У самым пачатку, калі ў адзеле ішла работа па назапашванні лексікалагічнага і этнаграфічнага матэрыялу для слоўніка, Р. У. Краўчук стварыў рукапіс памерам 5 аўт. арк. “Праблематыка беларускага этымалагічнага слоўніка (агульныя палажэнні, праспект, пробныя артыкулы)” (Лучыц-Федарэц 2010: 154.)

Гэтае сведчанне таксама мае грунтам уласнаручную прыпіску Р. Краўчука ад 18.12.1985 г. да спісу яго навуковых прац у “Асабістай справе”, які быў складзены 9.01.1985 г. (ЛД: 24–30), дзе, на жаль, замест года стварэння праспекта пазначаецца няпэўнае “в свое время”, затое ў дужках падаецца яго дакладны аб'ём – “120 стр. машинописи” (ЛД: 30).

Стваралася ўражанне, што гэты рукапіс назаўсёды страчаны, аднак, на шчасце, не так даўно ён знайшоўся ў асабістым архіве Генадзя Цыхуна – старэйшага на сённяшні час аўтара і цяперашняга галоўнага рэдактара ЭСБМ. Рукапіс уяўляе сабой машынапісны тэкст (3 ці 4 адбітак) без заглаўка на 71 старонцы,¹⁰ перадрукаваны, верагодна, сакратаркай сектара, і не вычытаны, бо ўтрымлівае дастатковую колькасць абдруковак. Рукой Г. Цыхуна на першым лісце пазначана: “Праспект Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы (апошні варыянт. Укл. Р. У. Краўчук, В. У. Мартынаў – рэд.)”. Далей ідзе старонка “Ад рэдактара”, г. зн. Віктара Мартынава:

Гэты праспект беларускага этымалагічнага слоўніка складзены з як мага больш поўным улікам агульных і своеасаблівых задач такіх выданняў. Ён строга вытрыманы ў духу старой кампаратывістыкі і этымалагічнай практыкі. Рэдактар падзяляе думку аўтара аб тым, што ў этымалагічным слоўніку асобнай славянскай мовы немэтазгодна правяраць эфектыўнасць новых метадык і прыводзіць занадта глыбокія рэканструкцыі.

9 Больш за тое, для кіраўніцтва планавай тэмай, звязанай з падрыхтоўкай слоўніка, пра што сведчыць загаловак па Інстытуце мовазнаўства ад 5 студзеня 1973 г., дзе чытаем: «[...] ў свой час ён быў вызвалены ад кіраўніцтва тэмай “Этымалагічны слоўнік беларускай мовы”» (ЛД: 37). Праўда, дакумент аб прызначэнні яго кіраўніком пакуль што аўтарам артыкула не знойдзены.

10 Атрымліваецца, што перад намі няпоўны тэкст, у якім адсутнічае значная частка на 50 старонак, што свечыць на карысць існавання ледзь не ўдвая больш поўнага варыянта, не выключана, з большай колькасцю пробных артыкулаў. З другога боку, гаворка магла таксама ісці пра ўласна рукапіс, а не машынапісную перадрукоўку.

Асноўнай мэтай этымалагічнага слоўніка беларускай мовы з’яўляецца вызначэнне месца беларускай лексікі сярод іншай славянскай, размежаванасці архаізмаў і інавацый, выяўленне крыніц старых запазычанняў і пранікненняў.

Раздзел “Пытанні беларускай этымалогіі і балта-славянская праблема” напісаны рэдактарам.

І заглавак “Ад рэдактара”, і змест тэксту ўказваюць, несумненна, на падрыхтоўку рукапісу да выдання ў якасці пробнага выпуску ЭСБМ, хаця ніякіх звестак пра тое, што ён рыхтаваўся, усё ж такі няма.

Важным пытаннем з’яўляецца атрыбуцыя рукапісу, які трэба аднесці да часу пазней за 1968 г., бо якраз гэтым годам датуецца шэраг спасылак: у прыватнасці, у частках, напісаных Р. Краўчуком, іх 4, а ў мартынаўскай – яшчэ дзве. Але з яшчэ большай верагоднасцю раздзелы, напісаныя Р. Краўчуком, трэба датаваць 1968–1969 гг., а частку В. Мартынава – 1970–1971 гг.,¹¹ бо апошняя спасылка ў ім падаецца на артыкул М. Талстога “Об одном балтизме в восточнославянских диалектах – *пелька*” са зборніка “Этымалогія–1967”, які выйшаў у самым канцы 1969 г. ці нават ў пачатку 1970-га, таму што ў выходных даных пазначана, што ён падпісаны да друку 24.11.1969 г.

Частак, напісаных Р. Краўчуком, тры: “I.¹² Агульныя палажэнні” (с. 4–31), “Спецыяльныя задачы беларускага этымалагічнага слоўніка” (с. 31–40), “Пробныя артыкулы” (с. 63–71). Таксама ў раздзеле “Спасылкі і заўвагі” пазіцыі 1–70 (с. 54–59) звязаны з першымі дзвюма часткамі. Раздзел “Пытанні беларускай этымалогіі і балта-славянская праблема” (с. 40–53), да якога прыведзены спасылкі 71–83 (с. 59–62), як ужо ўзгадвалася вышэй, напісаны В. Мартынавым.

Часткі рукапісу “Агульныя палажэнні” і “Спецыяльныя задачы беларускага этымалагічнага слоўніка” фактычна не структураваны, уяўляюць сабой “гладкі” тэкст, аднак вылучэнне яго змястоўных складнікаў, зразумела, магчыма. У першай падрабязна разглядаюцца найбольш агульныя прынцыпы этымалагізавання славянскай лексікі на ўсіх узроўнях моўнай сістэмы, г. зн. фанетычным, марфалагічным, словаўтваральным і, часткова, семантычным, прычым апошні спецыяльна на вылучаецца,¹³ аднак экспліцытна прысутнічае ва ўсіх частках. Канстатуючы ў кароткіх уводзінах, што “беларуская

11 І адназначна не пазней за 1973 г., таму што ні ў тэксце (у прыватнасці, разважаннях адносна праславянскага словаўтварэння), ні ў літаратуры не ўзгадваецца “*Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena*” Францішка Копечнага, першы выпуск якога выйшаў у Празе аkurat у 1973 г. Ускосным сведчаннем гэтай даты можна лічыць і тое, што часткі тэксту В. Мартынава тэкстуальна супадаюць з уводным раздзелам яго брашуры з дакладам на VII Міжнародным з’ездзе славістаў (Варшава, 1973 г.), які рыхтаваўся ў 1972 – пачатку 1973 гг., гл. (Мартынов 1973).

12 Пранумараваны толькі гэты раздзел.

13 За выключэннем аднаго абзаца з крытыкай перабольшвання ролі семантыкі (у прыватнасці, В. Махэкам) у этымалагічных даследаваннях (с. 30).

мова – адна з параўнальна нямногіх славянскіх моў, якія не маюць этымалагічнага слоўніка”, Р. Краўчук слухна заўважае:

Гэта варта жалю, бо беларуская лексіка, не гаворачы ўжо пра вялікую карысць ад увядзення яе ў лінгвістычную практыку, мае мноства элементаў, улік якіх у славянскіх этымалогіях вельмі і вельмі пажаданы (с. 4), –

і прыводзіць шэраг пацвярджаючых тэзіс прыкладаў, у прыватнасці беларускія кантынуанты прасл. **govedo*, **osa* ‘асіна’ і інш. На думку аўтара, беларускі матэрыял дазволіць “зусім па новаму зірнуць на адносіны паміж роднаснымі мовамі” (с. 5) і пры гэтым быць вельмі запатрабаваным пры абгрунтаванні праславянскіх дыялектызмаў.¹⁴ Дарэчы, пытанні дыялектнага членення праславянскай мовы з прыцягненнем этымалагічнай фактаграфіі займаюць у праспекце некалькі старонак (гл., у прыватнасці, с. 9–17).

Далей аўтар спыняецца на наступных пытаннях, падрабязна раскрываючы іх змест:

1. Агульная задачы этымалагічнага слоўніка. Задачы этымалагічнага слоўніка асобнай славянскай мовы; 2. Максімальны рээстр як адностраванне задач сучаснага этымалагічнага слоўніка асобнай славянскай мовы (с. 7).

Зразумела, большасць пазіцый, датычных агульна-этымалагічнай праблематыкі, пра якія піша Р. Краўчук, і высноў, да якіх ён прыходзіць, добра вядомыя этымалагам-славістам (ад часу стварэння праспекта прайшло ўсё ж такі ледзь не паўстагоддзя) і неаднаразова абмяркоўваліся ў літаратуры, таму сэнсу іх пераказваць няма.¹⁵ Аднак на асобных момантах спыніцца ўсё ж такі варта, асабліва з улікам іх наяўнасці/адсутнасці ў прадмове да 1-га тома ЭСБМ (Мартынаў 1978) і рэальнай практыкі працы над слоўнікам.

Адным з такіх момантаў з’яўляецца думка аб з’яўленню каштоўнасці этымалагічнага слоўніка, што ў высокай ступені актуальна і ў наш час:

Зараз этымалагічны слоўнік стаў, ці па крайняй меры становіцца, формай даследавання лексікі. Гэта высоўвае перад складальнікам даволі шырокія задачы з новымі элементамі, што патрабуе ад яго не толькі шмат сіл, добрасумленнай пільнасці, уседлівасці, але і грунтоўнай кампаратывісцкай падрыхтоўкі, пры абавязковым уменні займацца філалагічнымі даследаваннямі. Пра тое, што сучасны [стан] этымалагічнага слоўніка патрабуе намнога болей часу, – можна і не гаварыць (с. 8).

14 Крыху пазней, у 1978 г., аналагічныя думкі выказваў і А. М. Трубачоў, параўн. “Срединное положение белорусского языка, напоминающее до известной степени положение словацкого языка, представляется во многих отношениях уникальным, достаточно вспомнить, с одной стороны, продвинутую фонетическую эволюцию белорусского языка и, с другой стороны, – местами довольно архаический словарный состав и соответствующее ему словообразование. Все это чем дальше, тем больше привлекает внимание славистов к белорусской лексике и этимологии” (Трубачев 2004б: 365).

15 Разам з тым, публікацыя ўсяго тэксту, напрыклад, у якасці дадатку да аднаго з чарговых тамоў ЭСБМ, безумоўна, цалкам пажаданая.

Даволі значнае месца ў першай частцы займае пытанне рээстра этымалагічнага слоўніка, што для ЭСБМ заўсёды было і па-ранейшаму застаецца выключна актуальным. Р. Краўчук адзначае:

Задачы сучаснага этымалагічнага слоўніка патрабуюць максімальнага рээстра. Тры асноўныя крыніцы рээстра [...] – лексіка літаратурнай мовы, дыялектная лексіка і лексіка помнікаў – адлюстроўваюць прызначэнне сучаснага этымалагічнага слоўніка асобнай мовы як фундаментальнага даследавання лінгвістычнага і культурна-гістарычнага характару (с. 18).

Абмяркоўваючы далей дыялектны матэрыял, аўтар пераканаўча разважае пра немагчымасць падзяляць дыялектызмы на “шырокія і” “вузкія”, таму што і адны, і другія заслугоўваюць свайго месца ў этымалагічным слоўніку,¹⁶ асабліва ўлічыўшы, што ў апошнім пласце лексікі “не так ужо рэдка сустракаюцца праславянскія архаізмы”¹⁷ (там жа).

Таксама даволі падрабязна аўтар вядзе гаворку пра ўключэнне ў рэестр лексікі помнікаў, і яго меркаванні на гэты конт заслугоўваюць, безумоўна, ўвагі, параўн., напрыклад, наступнае:

Няма ніякіх падстаў рабіць адбор лексікі помнікаў і па якіх-небудзь іншых адзнаках, напрыклад, выкідаць з рээстра словы, якія ў мінулым жылі ў мове толькі кароткі час. Няцяжка давесці, што і гэтыя знікшыя словы варты ўвагі калі не моваведа, дык гісторыка, археолага, фалькларыста, гісторыка літаратуры, этнографа. Нельга забываць, што этымалагічны слоўнік сумяшчае вырашэнне чыста лінгвістычных праблем з зацікаўленасцю знешняй гісторыі мовы, куды ўваходзіць вельмі шырокае кола пытанняў, якія чакаюць адказаў (с. 27).

Аднак пры ўсёй слушнасці падыходаў Р. Краўчука да моўнага матэрыялу помнікаў, рэалізаваць іх на практыцы было б проста немагчыма з-за істотнага пашырэння аб’ёму слоўніка, таму лексіка помнікаў у якасці загаловачых слоў (у іншых выпадках яе ўлік – рэч звычайная) уключаецца ў ЭСБМ у выключных выпадках і фактычна толькі тады, калі хаця якія сляды архаізмаў і гістарызмаў магчыма адшукаць у іншых пластах беларускай лексікі.

Ніжэй аўтар яшчэ раз звяртаецца да пытання стварэння рээстра этымалагічнага слоўніка, менавіта да “найбольш цяжкай справы” вызначэння яго аб’ёму:

Той, хто знаёмы з этымалагічнай працай, ведае, што рэестр – гэта ахілесавы пятак усіх этымалагічных слоўнікаў. Няма, відаць, ніводнага этымалагічнага слоўніка, у якім першапачатковы выбар слоў быў бы праведзены паслядоўна. Нам здаецца, што складанне “жалезнага” папярэдняга спісу слоў, якія павінны ўвайсці ў

16 Ніжэй аўтар слушна і празорліва заўважае: “Глумачэнне вялікай колькасці дыялектызмаў вельмі замарудзіць працу над слоўнікам, але, трэба спадзявацца, затрачаныя намаганні не будуць дарэмнымі і прынясуць вялікую карысць” (с. 26).

17 Практыка працы над ЭСБМ адназначна пацвярджае гэта меркаванне, г.л., у прыватнасці, толькі артыкулы аўтараў ЭСБМ па дакладах на спецыяльнай этымалагічнай канферэнцыі ў Любляне (Антропаў 2012; Цыхун 2012).

будучы этымалагічны слоўнік, – справа даволі нерэальная. [...] Дыяпазон слоўніка мае быць вызначаны загадзя, але рээстр павінны насіць папярэдні характар, г. зн., што абавязкова трэба прадугледжваць магчымасць расшырэння рээстра ў працэсе работы... (с. 25).

Усё гэта ўяўляецца цалкам разумным, але ў практыцы работы над ЭСБМ, на жаль, ідэя нават папярэдняга рээстра не была рэалізавана, і асобныя аўтары складалі яго менавіта ў працэсе работы над сваімі літарамі. Гэта прыводзіла, зразумела, і да пропуску актуальных для слоўніка найменняў, і да ўключэння (у рэдкіх, бясспрэчна, выпадках) слоў яўна залішніх, не ўласцівых беларускай мове.¹⁸

Асобнае месца займае ў гэтым пытанні прынцыпаў пабудовы слоўнікавага артыкула, і першае месца тут Р. Краўчук адводзіць індаеўрапейскім рэканструкцыям, у фанетычным складніку якіх ён прапануе “абалірацца на канцэпцыі Бругмана – Хірта – Мейе” (с. 21), што ў асноўным супадае з практыкай стварэння этымалагічных слоўнікаў індаеўрапейскіх моў другой паловы мінулага стагоддзя. Цалкам слушныя высновы тычацца межаў рэканструкцый:

...на пытанне: да якой мяжы даводзяцца ў этымалагічным слоўніку беларускай мовы індаеўрапейскія рэканструкцыі? – можна адказаць: як правіла, да мяжы, якая дазваляе [з]аставацца на глебе рэальнасці. Гіпотэзы і дапушчэнні, якія адносяцца да рэканструкцый ужо ў рамках праіндаеўрапейскага, прыцягваюцца ў якасці карысных дапаўненняў, калі ў іх няма недаказальных думак і калі яны грунтуюцца на правяраных практыкай гукавых карэспандэнцыяў і праўдападобнай марфалагічнай будове індаеўрапейскай мовы. Карацей кажучы, асновай для дапушчэнняў павінны служыць эмпірычныя назіранні, а не дэдуктыўныя збудаванні (с. 21).

Трэба адзначыць, што аўтары ЭСБМ прытрымліваліся менавіта такога падыходу толькі ў асобных, зусім не частых выпадках, таму што і раней, у тамах 1–8 (1978–1993 гг.), глыбіня рэканструкцыі рэдка сягала ніжэй па часавай шкале за праславянскую мову, а ў новай серыі, распачатай 9-м томам (2004 г.), гэта з’яўляецца метадалагічным падмуркам пры распрацоўцы асобных артыкулаў.

Тое ж тычыцца паўнаты адлюстравання бібліяграфічных звестак, якія, на думку Р. Краўчука, “павінны быць максімальна поўнымі, амаль вычарпальнымі” (с. 22). Метадалагічнае патрабаванне падобнай паўнаты паслядоўна рэалізуецца ў ЭСБМ толькі ў адносінах да літаратуры (іншы раз нават навукова-папулярнага кшталту), дзе ёсць згадкі пра этымалагізуемае слова.

Вылучаны раздзел, датычны этымалагічных даведак і звязанай з ім бібліяграфіі, завяршаецца абзацам, які маніфестуе прынцыповую пазіцыю аўтара:

¹⁸ Гл., напрыклад, артыкул “Ігра” аўтарства Н. Івашынай у 3-м томе, дзе няма ніводнай спасылкі на беларускую крыніцу.

Ёсць яшчэ адзін бок справы, на які, як нам здаецца, не варта забывацца, — навуковая этыка. Яна патрабуе абароны ісціны аб аўтарстве той ці іншай этымалагічнай версіі, яна патрабуе адвесці кожнаму даследчыку належнае месца адпаведна сапраўднай каштоўнасці яго заслуг (с. 23–24).

Гэтыя словы гучаць асабліва актуальна ў наш час, калі безумоўныя канстанты навуковай этыкі размываюцца ва ўсё большай ступені, калі бязмежныя іншы раз кампіляцыі і прамы плагіят, свядомае “забыццё” пастаноўкі двукоссяў і ўзгадвання аўтараў, татальная дэградацыя экспертнай дзейнасці пакрысе ўсталёўваюцца ў навукавай літаратуры, у тым ліку, зразумела, і ў этымалагічных даследаваннях, ледзь не ў якасці нормы.

У першым раздзеле праспекта “Агульныя палажэнні” дастаткова і іншых разважанняў Р. Краўчука, у прыватнасці, аб шматверсійнасці этымалагізавання, абмеркаванне пытанняў паўнаты прадстаўлення ў бібліяграфічнай частцы слоўнікавага артыкула высунутых версій, этымалагізавання запазычанняў, асабліва параўнальна новых і да т. п., аднак большасць з іх у прынцыпе добра вядомыя і не вартыя асаблівай рэфлексіі. Завяршаецца ён наступным заключэннем:

Выкладзены погляд на этымалагічны слоўнік, накіраваны на стварэнне дастаткова поўнай па матэрыялу і надзейнай па метаду працы па лексіцы беларускай мовы, не змога засцерагчы работу ад некаторых пралікаў. З’явіцца пэўныя дапаўненні, будуць удакладнены або адкінуты некаторыя версіі, будуць і істотныя ўдасканаленні. Усё гэта з непазбежнасцю вынікае з самага характару этымалагізавання, якое ў значнай ступені грунтуецца на меркаваннях, маючых большую або меншую ступень верагоднасці (с. 31).

Другая частка праспекта “Спецыяльныя задачы этымалагічнага слоўніка беларускай мовы” амаль утвая меншая за першую, што цалкам апраўдана зразумелым звужэннем праблематыкі, якая абмяркоўваецца. Сцвярджаючы, што “беларускі этымалагічны слоўнік мае спецыфічную накіраванасць, якая выцякае з геаграфічнага становішча беларускай мовы, яе генетычных і гістарычных сувязей” (с. 31–32), аўтар пераходзіць да пастуліравання ідэі беларускага этымалагічнага ландшафту і абгрунтавання яго асноўных складнікаў. Перш за ўсё, у агульным плане адзначаецца, што

кожная мова з этымалагічнага пункту погляду можа разглядацца як пэўны этымалагічны ландшафт. Гэты ландшафт фарміруецца і ўдакладняецца з ростам нашых ведаў пра лексіку данай мовы, пра яе паходжанне. Аднак у этымалагічным ландшафце не толькі адлюстроўваюцца нашы веды пра паходжанне слоў даследуемай мовы. Паняцце этымалагічнага ландшафту мае таксама і пэўную з’рыстычную каштоўнасць. [...] адным з элементаў этымалагічнага ландшафту з’яўляецца размеркаванне запазычанняў і субстратных уплываў у данай мове (с. 32).

Што ж тычыцца ўласна беларускага этымалагічнага ландшафту, то ён вывучаны пакуль недастаткова, таму

даваць тут пэўныя “формулы”, якія ў радзе выпадкаў могуць быць прыведзены для рускай і ўкраінскай моў, было б цяжка. Аднак і тое, што мы ўжо ведаем пра размеркаванне беларускай лексікі, паказвае, што беларуская мова з’яўляецца вельмі цікавым этымалагічным ландшафтам, які заслугоўвае паглыбленага і ўсебаковага вывучэння (там жа).

Галоўнымі складнікамі гэтага ландшафту ў дачыненні да задач ЭСБМ Р. Краўчук лічыць перш-наперш адлюстраванне ў слоўніку “лексічных узаемасувязей з суседнімі мовамі – рускай і ўкраінскай” (с. 33), далей з польскай, у непасрэдны кантакт з якой беларуская мова ўступае на захадзе (с. 34). Важнае месца адводзіцца лексіцы “ўскраінных і пераходных гаворак” з прычыны таго, што

ўскраінныя гаворкі параўнальна мала адчувальныя да інавацый, якія ідуць з цэнтральных арэалаў, таму ў іх часта захоўваюцца архаічныя рысы¹⁹, уключна і ў лексіцы. Пераходныя (змешаныя) гаворкі з прычыны сваёй адноснай ізаляванасці ад асноўных моў таксама захоўваюць у радзе выпадкаў вельмі старажытныя элементы (с. 36).

Вылучаюцца і асобныя зоны, актуальныя для ЭСБМ у арэальным плане: (а) усходняя з паласой смаленскіх гаворак, (б) паўночная/паўночна-заходняя з пераходам да пскоўскіх гаворак, в) заходняя, якая выяўляе сувязі з польскай мовай. Асобную ролю, на думку аўтара, маюць палескія гаворкі, якія з’яўляюцца “маргінальнымі, латэральнымі для ўсёй заходняй часткі ўсходнеславянскай моўнай тэрыторыі, г. зн. як для беларускай, так і для ўкраінскай моў”. Лексіка гэтых гаворак “павінна ў максімальнай ступені знайсці адлюстраванне ў этымалагічным слоўніку беларускай мовы” (там жа).

Узгадваецца, зразумела, таксама лексіка з неславянскіх моў, якая звязана з беларускай і павінна знайсці адлюстраванне ў ЭСБМ. Перш за ўсё, Р. Краўчук піша тут пра “размеркаванне ў беларускай мове балтызмаў, якія сустракаюцца не толькі ў зонах непасрэдных кантактаў з цяперашнімі балтамі” (с. 33), але адсылае чытача да наступнага раздзела, напісанага В. Мартынавым. Падрабязна, на трох старонках, спыняецца аўтар на германізмах, прычым заўважае наступнае:

становішча з вывучэннем нямецкіх элементаў у беларускай мове вельмі незадавальняючае. [Пры гэтым] ці не самай істотнай праблемай застаецца больш тонкі этымалагічны аналіз нямецкіх элементаў у славянскіх мовах, <што патрабуе> найбольш дакладна ўстанавіць дыялектную крыніцу (с. 38).

Шкада, што піянерская на той час²⁰ ідэя вызначэння беларускага этымалагічнага ландшафту, якая належыць Р. Краўчуку, і цалкам удалая спроба

19 Тут падаецца наступная спасылка: “Гэта – адно з асноўных палажэнняў арэальнай лінгвістыкі” – з далейшай апеляцыяй да (Bartoli 1925).

20 Узгадаем яшчэ раз, што асноўны тэкст праспекта, г. зн. часткі Р. Краўчука, напісаны ім у 1968–1969 гг., гл. вышэй.

яго апісання, засталіся толькі ў неапублікаваным рукапісе праспекта ЭСБМ. Гэта істотна па прычыне таго, што гэта першыноство ў гісторыі беларускай этымалогіі замацавалася за першым рэдактарам ЭСБМ В. Мартынавым.²¹

Праз вельмі кароткі час пасля стварэння Р. Краўчуком праспекта, менавіта ў 1972 г., В. Мартынаў апублікаваў артыкул “Беларуская этымалогія. Некаторыя аспекты”, дзе пісаў, што яе (этымалогіі) “бліжэйшая задача – вызначыць спецыфічны беларускі этымалагічны ландшафт” (Мартынаў 1972: 15). У тым самым годзе на міжнароднай сустрэчы славістаў – этымалагаў і гісторыкаў мовы – “Symposium zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes”, якая адбылася ў Лейпцыгу ў кастрычніку 1972 г., ён выступіў з дакладам “Белорусский этимологический ландшафт”.²² Варта жалю, але ніводнай згадкі пра высунутую літаральна нядаўна менавіта Р. Краўчуком ідэю ў яе даслоўнай дэфініцыі ні ў першым артыкуле, ні ў дакладзе, а потым і ў артыкуле па ім (Мартынов 1975), няма. Зразумела, і аргументацыя, і прыклады, і вызначаныя зоны “лексічнай кансервацыі” (усходнепалеская і паўночна-беларуская/віцебская), гл. таксама (Мартынаў 1978: 4), належаць выключна аўтару, ды і вызначэнне *беларускі этымалагічны ландшафт* таксама ў пэўнай ступені ў тыя часы “ляжала на паверхні”, аднак усё ж такі нейкім чынам спаслацца на працу свайго калегі, няхай і неапублікаваную, было, бяспрэчна, па меншай меры пажаданым.

Дарэчы, што тычыцца прыгаданай вышэй трэцяй часткі праспекта “Пытанні беларускай этымалогіі і балта-славянская праблема”, якая была напісана В. Мартынавым, то яна, як падаецца, з’яўляецца ў працы адносна неабавязковай, больш таго – у пэўнай ступені чужароднай, таму што акрэслівае толькі адну, прычым, безумоўна, не першачарговую праблему, звязаную з пачаткам працы над ЭСБМ. Да таго ж нават у той час самае першае палажэнне, якое далей разгортвае аўтар: “Пры этымалагічным аналізе беларускай лексікі практычна вельмі часта даводзіцца мець на ўвазе магчымасць яе балтыйскага паходжання”, – наўрад ці было абгрунтаваным у дастатковай ступені.²³ Ёсць падставы лічыць, што гэтая частка была ўключана ў праспект пазней: якраз тады, калі Р. Краўчук быў вызвалены ад кіраўніцтва тэмай ЭСБМ, а на яго месца прызначаны загадчык сектара В. Мартынаў.²⁴

21 Вось, напрыклад, што пісаў у 1978 г. адносна гэтага А. Трубачоў, спасылаючыся на артыкул (Мартынов 1975): “Лишь в самое последнее время раздаются [...] голоса о «белорусском этимологическом ландшафте»” (Трубачев 2004б: 365).

22 Фактычна рускамоўным клонам папярэдняга артыкула 1972 г.

23 Заўважым, што ва “Уводзінах” у 1-м томе слоўніка (Мартынаў 1978) гэтага занадта рэзкага, наўпрост безапелляцыйнага выказвання няма, аднак арыентацыя на пошук балтызмаў пры этымалагічным аналізе спрадвечнай беларускай лексікі ў значнай часткі слоўнікавых артыкулаў усё ж такі захавалася.

24 Менавіта аб гэтым сведчыць пачатак наступнага сказа ў кароткай прадмове да праспекта “Ад рэдактара” (гл. вышэй): “Рэдактар падзяляе думку аўтара...”, – што адназначна ўказвае на Р. Краўчука як адзінага аўтара працы.

Апошні раздзел працы “Пробныя артыкулы” ўтрымлівае на дзевяці старонках 39 слоўнікавых артыкулаў ад *Абруд* да *Яна*, частка якіх (да *Лыч*) у перапрацаваным аўтарам выглядзе ўвайшла ў першыя чатыры тамы ЭСБМ.

У заключэнне неабходна адзначыць, што публікацыя ў свой час праспекта, напісанага Р. Краўчуком, адыграла б, безумоўна, станоўчую ролю ў падрыхтоўцы першых тамоў “Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы”, вызначэнні яго метадалагічнага апарату і рэпертуару сродкаў практычнай этымалагізацыі. Даводзіцца толькі шкадаваць, што гэтага не адбылося.

ЛІТАРАТУРА

- Антропаў 2012** = Мікалай Антропаў, Праславянскія дыялектызмы ў “Этымалагічным слоўніку беларускай мовы”, в: *Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav: ob stoti obletnici rojstva akademika Franceta Bezljaja: zbornik referatov z mednarodnega znanstvenega simpozija v Ljubljani, 16.–18. septembra 2010*, ur. Metka Furlan – Alenka Šivic-Dular, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2012, 25–32.
- Антропов 2010** = Николай П. Антропов, На долгом пути к Я (к 30-летию начала публикации “Этимологического словаря белорусского языка), *Этимология* 2006–2008, отв. ред. Ж. Ж. Варбот, Москва, 2010, 24–36.
- Вступ 1966** = *Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов*, ред. О. С. Мельничук, Київ: Наукова думка, 1966.
- Институт мовознавства 2005** = *Институт мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України – 75: 1930–2005: матеріали до історії*, відп. ред. В. Г. Скляренко, Київ: Довіра, 2005.
- Кравчук 1955** = Рейнгольд В. Кравчук, Українські назви місяців, *Українська мова в школі* 3 (1955), 61–62.
- Кравчук 1957** = Рейнгольд В. Кравчук, Етимології слів, *Українська мова в школі* 4 (1957), 79–82.
- Кравчук 1958a** = Рейнгольд В. Кравчук, *История суффиксов существительных в чешском языке: суффиксы с основным -к- (на материале памятников XIV–XVI вв.)*, Автореф. канд. дисс., Киев, 1958.
- Кравчук 1958b** = Рейнгольд В. Кравчук, *Из истории чешской суффиксальной словообразовательной системы*, Киев: Изд-во Акад. наук УССР, 1958.
- Кравчук 1961** = Рейнгольд В. Кравчук, *З історії слов'янського мовознавства: видатні славісти-мовознавці*, Київ: Рад. школа, 1961.
- Кравчук 1968** = Рейнгольд В. Кравчук, [рец.:] J. B. Rudnyč'kyj. An etymological dictionary of the Ukrainian language (Parts 1–5), Winnipeg, 1966, *Вопросы языкознания* 4 (1968), 117–134.
- ЛД** = Личное дело: Кравчук Рейнгольд Владимирович, начато 7.08.1963, окончено 15.05.1989, *Центральный научный архив НАН Беларуси*, фонд 2, опись 1, № 20772, л. 1–53.
- Лукінова – Півторак 2005** = Тетяна Б. Лукінова – Григорій П. Півторак, *Славістичні студії, Інститут мовознавства* 2005, 72–112.
- Лучыц-Федарэц 2010** = Иван І. Лучыц-Федарэц, Рэйнгольд Уладзіміравіч Краўчук, *Беларуская лінгвістыка* 64 (2010), 153–156.
- Мартынаў 1972** = Віктар У. Мартынаў, Беларуская этымалогія: некаторыя аспекты, *Беларуская лінгвістыка* 1 (1972), 15–20.
- Мартынов 1973** = Виктор В. Мартынов, *Прославянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен*, Минск: Наука и техника, 1973 [VII Международный съезд славистов: доклады]; 2-е вид.: *Беларуская мовазнаўчая славістыка на з'ездах славістаў*, адк. рэд. М. П. Антропаў, Мінск: Беларус. навука, 2013, 67–109.
- Мартынов 1975** = Виктор В. Мартынов, Белорусский этимологический ландшафт, *Slawische Wortstudien: Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen*

Erforschung des slawischen Wortschatzes, Leipzig, 11.–13. 10. 1972, Bautzen: Domovina-Verlag, 1975, 60–69.

Мартынаў 1978 = Віктар У. Мартынаў, Уводзіны, *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы 1: А–Б*, Мінск: Навука і тэхніка, 1978, 3–16.

Трубачев 2004a = Олег Н. Трубачев, Задачи этимологических исследований в области славянских языков, в: Олег Н. Трубачев, *Труды по этимологии: слово – история – культура 1*, Москва, 2004, 25–35 [першая публікацыя – 1961 г.].

Трубачев 2004b = Олег Н. Трубачев, Этимологические исследования восточнославянских языков: словари, в: Олег Н. Трубачев, *Труды по этимологии: слово – история – культура 1*, Москва, 2004, 365–378 [першая публікацыя – 1978 г.].

Цыхун 2012 = Генадзь Цыхун, Эксклюзіўныя міжславянскія ізалексы і праславянская арэальная структура, в: *Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav: ob stoti obletnici rojstva akademika Franceta Bezljaja: zbornik referatov z mednarodnega znanstvenega simpozija v Ljubljani, 16.–18. septembra 2010*, ur. Metka Furlan – Alenka Šivic-Dular, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2012, 61–68.

Bartoli 1925 = Matteo G. Bartoli, *Introduzione alla neolinguistica (principi – scopi – metodi)*, Genève: L. S. Olschki, 1925.

POVZETEK

Stran iz zgodovine beloruske etimologije: koncept Rejngolda Kravčuka

V zgodovini izdelave Etimološkega slovarja beloruskega jezika (ESBM) je malo znana stran, povezana z imenom znanega ukrajinskega in beloruskega slavista in etimologa, enega od avtorjev prvih zvezkov slovarja – Rejngolda Kravčuka. Po prihodu iz Kijeva v Minsk leta 1963 za delo pri ESBM je nekako v letih 1968–1969 pripravil obsežen koncept slovarja, ki pa ni bil objavljen. Rokopis obsega štiri dele: Splošni položaj, Posebne naloge beloruskega etimološkega slovarja, Poskusne članke (razdelki R. Kravčuka), razdelek Vprašanja beloruske etimologije in baltoslovanski problem je napisal urednik koncepta V. Martynav. Tekstološka analiza kaže, da se je zadnji razdelek (načelno neobvezen) pojavil v konceptu nekoliko pozneje, namreč v letih 1972–1973. V članku so analizirani navedeni razdelki dela, metodologija, ki se predlaga za bodoči slovar glede na stvarno prakso njegove izdelave. Obravnavano je vprašanje avtorstva oznake *beloruska etimološka pokrajina*, kakršno je prvič predložil in utemeljil R. Kravčuk v neobjavljenem konceptu.

ZBIGNIEW BABIK

Tobola – SZCZĘŚLIWIE ROZWIĄZANY (?) PROBLEM (NIE TYLKO) POLSKIEJ TOPONOMASTYKI

COBISS: 1.01

Tobola – srečna razrešitev (ne le) za poljsko toponomastiko?

Osnovna teza članka je nujnost rekonstrukcije vsaj severnoslovanskega topografskega termina **tobolà*, apelativno ohranjenega samo v narečno rus. *tobolka* 'z naravnimi mejami zamejen okrogli kos polja ali travnika' (osrednja Rusija), vendar bogato zastopanega v toponimiji Poljske (več ko 100 imenskih gnezd), severozahodne Belorusije in zahodne Ukrajine. Izvor tega izraza je nejasen, ni videti soroden dobro znanemu **tobol-* 'cula, torba', ki se mu pripisuje prvotni pomen 'nekaj, kar binglja'.

Ključne besede: slovanska topografska leksika, severnoslovanska toponimija, **tobola*

Tobola: A Happy Solution (Not Only) for Polish Toponymy?

The basic thesis of this article is the necessity of reconstructing at least the northern Slavic topographic term **tobolà*, which is preserved as a common noun only in Rus. dial. *tobolka* 'a round field or meadow with natural boundaries' (central Russia), but it is richly represented in Polish toponymy (with more than one hundred name groups), northwest Belarus, and western Ukraine. The origin of this lexeme is unclear and does not appear to be related to the well-known **tobol-* 'bundle, bag', which can be ascribed the initial meaning 'something that dangles'.

Keywords: Slavic topographic lexicon, northern Slavic toponymy, **tobola*

- 0 Systematyczny przegląd polskich materiałów toponimicznych, zmierzający do ustalenia inwentarza apelatywnych etymonów tworzących tutejsze nazwy geograficzne, pozwala na wyodrębnienie pewnej grupy przykładów charakteryzujących się produktywnością ponadprzeciętną na tle swoich kategorii. W grupie nazw pozbawionych oczywistych nawiązań apelatywnych w polskiej tradycji leksykalnej szczególne miejsce zajmuje rodzina nazewnicza *Tobol-* (z możliwymi wariantami), będąca obecnie głównym kandydatem do zajęcia pierwszego miejsca na szczycie listy frekwencyjnej tej grupy.
- 1 Poniżej prezentuję odpowiedni materiał nazewniczy, rozpoczynając od nazw najbliższych hipotetycznemu apelatywowi, poprzez derywaty, aż po nazwy podobne, których związek z tą rodziną może być kwestionowany.
- 1.1 Źeńska syngulatywna nazwa *Tobola* -y wystąpiła ok. dwudziestokrotnie we wszystkich dzielnicach Polski, głównie jednak w starszych przekazach: 1. pole we wsi Bochoćnica, pow. Puławy i wawóz *Tobolowy Dół* tamże (UN CXVIII 12); 2. las

we wsi Krzemień, pow. Janów Lub. (UN CX 12); 3. pole we wsi Kaszów, pow. Kraków (UN I 41); 4. młyn na rz. Kamionce k. Wałdowa, pow. Sepólno Kraj. (Koz V 408, r. 1766), dziś śladem jest zapewne nazwa łąki we wsi Adamkowo, pow. Tuchola (UN CLXXXVIII 15); 5. pole w gm. Czechowice-Dziedzice (PRNG); 6. dziś *Toboły*, cz. Mysłowic (od XVIII w., por. SNGŚ XIV 79, s.v. †*Toboły*), zapewne tożsame z lasem w gm. Mysłowice (PRNG); 7. miejsce pod Pszczewem, pow. Międzyrzecz (Koz III 319: [1640] <*ploska w Tobole*>); 8. wzgórze na Bonikowie (SG XII 354; Koz III 319), tamże *Toboły*, pole (Koz V 409), tutaj też niewątpliwie *Toboły* -ów, gwar. *Tobouy* -uf (UNMasz LXXXIV 22), pola we wsi Bonikowo (UNMatr LXXXIV 16); 9. las przy Modliszewie, pow. Gniezno (Koz III 740: [1507] <*Silva Thobola*>); 10. łąka na Kiskowie, pow. Gniezno (Koz I 328: <*pratum Thobola*> pocz. XVI w.); 11. strumień między Murzynowem Borowym i Czarnym Piątkowem, pow. Środa Wlkp. (Koz V 408: [1777] <*Toboła*>, ale [1754] <*Toboły*>); 12. łąka pod Podróżną, pow. Złotów (Koz V 408); 13. łąka pod Mięcierzynem, pow. Żnin (Koz V 408, r. 1794/5) i *Toboły*, łąka w sąsiednim Budziszawiu (Koz V 409, r. 1797); 14. *Toboła Góra*, góra między Borzykową, Okołowicami i Grodziskiem, pow. Radomsko (Koz VII 180–181: *Toboła Góra*, [1568] <*Thobolla Gora*>); 15. *Toboła*, miejsce przy Radomsku (Koz VII 181: [ok. 1520] <*Tobola*>); 16. pustkowie par. Borszewice., dziś pow. Łask (Koz VII 181 za SG XII 354, przekaz z r. 1827); 17. miejsce na Przeczniach, pow. Łask (Koz VII 181); 18. *Toboła*, osada leśna w pow. Lipno (Koz VII 181); 19. *Toboła* [1470], łąka (SHGPn I 84), dziś *Tuobouoy* -uf (UNMasz LXXXIV 34), pole we wsi St. Bojanowo, pow. Kościan (UNMatr LXXXIV 26); 20. las k. wsi Górki, gm. Winnica, pow. Pułtusk (Wolff – Rzetelska-Feleszko 1982: 171–172: zapisy z XV i XVI w.).

Niewiele rzadsza okazała się pluralna postać *Toboły* -ów: 1. cz. wsi Zagróbki w pow. Łęczyca (Koz VII 181; UN XLIII 18; PRNG), tożsame z *Toboły* lub *Tobołki*, os. par. Mazew (Koz VII 181: [ok. 1520] <*Thobolkj*>); 2. pastwisko we wsi Małe Łegonice w pow. Opoczno (UN XXVIII 40); 3. pola we wsi Łękawa w pow. Bełchatów (UN XXXIX 16); 4. cz. wsi Łostówka w pow. Limanowa (UN VI 36; PRNG); 5. cz. wsi Olszówka w pow. Limanowa (PRNG); 6. gwar. *Toboui*, także *Toboua*, pole we wsi Kiełpin w pow. Tuchola (UN CLXXXVIII 29; Milewska 2000: 112: od 1888 r.); 7. gwar. *Tobouy* -uf (UNMasz CI 27), pola we wsi Raczkowo, pow. Wągrowiec (UNMatr CI 22); 8. *Toboły-Gajówka*, osada leśna w pow. Węgrów (PRNG); 9. pole we wsi Włodki w pow. Sokołów Podl. (UNMatr CXLVI 43); 10. las między Graboszewem i Paruszewem, pow. Słupca (Koz III 740: [1728/9] <*Silva Toboły*>); 11. woda w okolicy Poznania (Koz V 409: [1462] <*Toboli*>); 12. bagna między Żabiczynem i Redgoszczą, pow. Wągrowiec (Koz V 409: [1629/70] <*Toboły*>); 13. role pod Zakrzewem Krajeńskim (Koz V 409: [1766/7] <*Toboły*>); 14. (*Pod*) *Toboły*, miejsce na Kucharach w pow. Konin (Koz VII 396, z mapy); 15. *Tobołki* i *Toboły*, jeziora na W. Łasku, pow. Bydgoszcz (Koz I 328, III 408, r. 1776/7); 16. *Gilowy Toboły*, gaje w Więclawicach k. Słomnik (SHGKr I 734–735: [1441] <*Gilowichtobol*>, [1457] <*Gilowithoboli*>);

17. *Toboyi*, zatoka jez. Czarnego (gm. Osiek) w pow. Starogard Gd. (Górniewicz 1985: 166).

- 1.2 Derywat *Tobółka* (z zachowaniem niezmienionej podstawy *Toból-*) okazał się już mniej liczny: 1. pole i wzniesienie we wsi Krzyszkowice w pow. Kraków (UN I 87); 2. łąka we wsi Mukrz w pow. Świecie (UN CLXXXVI 22); 3. łąka we wsi Urbanowice w pow. Tychy (UNMatr CCIX 12) = *Tobółka*, nazwa leśna pod Tychami (SNGŚ XIV 79); 4. miejsce między Niemczem, Osielskiem i Żołędowem, dziś gm. Osielsko, pow. Bydgoszcz (Koz V 408, lata 1604/5); 5. jez. pod Kamieniem k. jez. Mochel (SG XII 355; Koz V 408), zapewne tożsame z *Tobółka*, cz. Kamienia Krajeńskiego (PRNG); 6. osiedle pod Sypniewem Kraj. (Koz V 408); 7. (*Kolonia*) *Tobółka*, kolonia w gm. Nowy Dwór w pow. Sokółka (PRNG); 8. *Tobółka*, pole na Białczu, pow. Kościan (Koz III 319). Ale część materiału jest dwuznaczna, pochodząc ze źródeł nie odróżniających konsekwentnie o jasnego od pochylonego: 1. *Tobółka*, uroczysko na Rogowie, pow. Żnin (Koz I 328: [1604] <*Tobółka*>); 2. *Tobółka* [1439] lub *Tobółki* [1437], las we wsi Konotopa, pow. Łomża (Wolff – Rzetelska-Feleszko 1982: 172); 3. łąka między Rogalinem i Niwką, pow. Poznań (Koz V 408: [1537, kopia 1772] <*Tobółki*>); 4. las pod Witunią, pow. Sępólno Kraj. (Koz V 408, r. 1782).

Liczniesze okazały się formy pluralne tego derywatu (*Tobółki*, pl. zwykle *-łków*, rzadziej *-łek*): 1. pole we wsi Włoszczowice w pow. Pińczów (UN XXIX 18); 2. *-łek*, pole we wsi Kulerzów w pow. Kraków (UN I 51); 3. pole we wsi Gorajec-Zagroble, pow. Zamość (UN CXXII 11); 4. pola we wsi Bęczyn, pow. Wadowice (UN XVI 50); 5. pastwisko we wsi Wkra, pow. Ciechanów (UN CXXIII 11); 6. *-łek*, gwar. *Toboyki* (UNMasz CXXXVII 71), pole we wsi Wółka, pow. Płock (UNMatr CXXXVII 38); 7. łąka we wsi Dziecioły Dalsze, pow. Sokołów Podl. (UNMatr CXLVI 38); 8. pole w gm. Jasienica, pow. Bielsko-Biała (PRNG); 9. staw na Popowie k. Kuszewa, pow. Wągrowiec (Koz III 740: [1788] <*Tobolki*>) = staw na Popowie Kościelnym (Koz V 409); 10. miejsce na Miłosławiu (Koz III 319–320: [1512] <*merica Thobolky*>, [1545/7] <*merica Thobolki*>) = las i góra między Winnagórą i Miłosławiem (SG XII 355; Koz V 409); 11. łąka na Gorzycach (żniń.) (Koz V 409); 12. olszyny w Wierzenicy, pow. Poznań (Koz V 409). I tutaj część przekazów jest dwuznaczna: 1. miejsce pod Trzemesznem, pow. loco (Koz V 409: [1481] <*Thobolky*>); 2. uroczysko między Ciepeliowem i Wolą Tłomokową, lata 1544/50, kopia 1770 (Koz VIII 230); 3. miejsce we wsi Smoszewo, pow. Nowy Dwór Maz. (Wolff – Rzetelska-Feleszko 1982: 172: [1581] <*locus Thobolki*>); 4. pole we wsi Wągradno, pow. Piaseczno (ib.: [1449] <*Thobolky*>); 5. las we wsi Staw k. Brudzewa, pow. Turek (Koz V 409: [1581] <*Tobolki*>).

- 1.3 Podobną produktywność wykazał derywat z tym samym formantem i refleksem dawnego wzdłużenia sylaby przedkońcówkowej (*Tobółka -i*): 1. pole we wsi Grudna w pow. Bełchatów (UN XXXIX 30); 2. pole we wsi Budzyń w pow.

Kraków (UN I 39); 3. pole we wsi Wołoskowola, pow. Włodawa (UN CXXI 29); 4. staw we wsi Gajewo, pow. Świecie (UN CLXXXVI 23); 5. zatoka jeziora we wsi Swornegacie, pow. Chojnice (UN CLXXXVI 44); 6. toń we wsi Cekcyn (UN CLXXXVIII 8) i pole we wsi Cekcynek, pow. Tuchola (UN CLXXXVIII 9); 7. osada, pow. Golub-Dobrzyń (PRNG); 8. *Tobulka*, cz. lasu, pow. Kłobuck (PRNG; k. Nowej Wsi); 9. gwar. *Tobuuka -i* (UNMasz LXXXIII 49), cz. wsi Milin, pow. Konin (UNMatr LXXXIII 50); 10. *Tobulka*, cz. wsi Osowce, pow. Konin (PRNG); 11. *Tobółka*, toń na jez. Grabówko (?) (Breza 1974: 263).

Formy pluralne takiej struktury były rzadsze: 1. *Tobólki -ek*, łąki we wsi Rzecznioówek, pow. Iłża (UN XX 29); 2. *Tobulki -ów*, cz. wsi Chorzyna, pow. Wieluń (UN LII 20), zapewne = *Tobólki ~ Tobulki*, os. par. Osjaków w pow. Wieluń (Koz VII 181); 3. *Tobulki -lek*, łąki we wsi Tyśmienica, pow. Parczew (UN CXVII 11) = *Tobolki*, łąki w gm. Parczew (PRNG); 4. *Tobulki -lek*, las i łąki we wsi Stara Biała, pow. Płock (UNMatr CXXXVII 7).

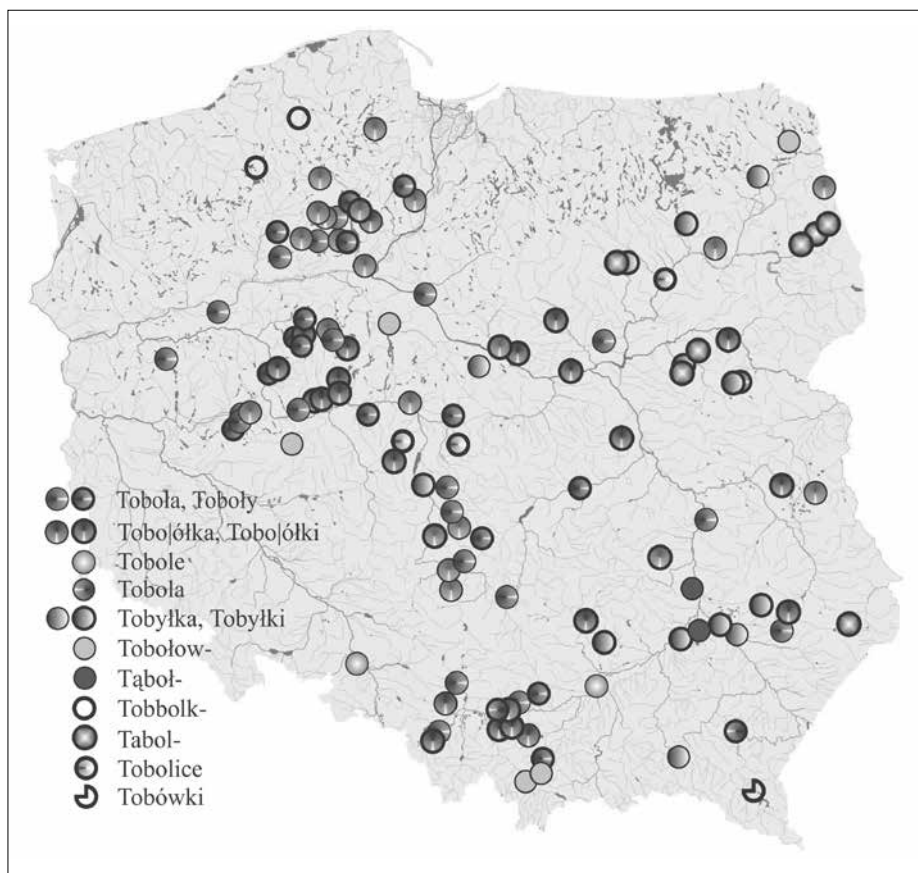
1.4 Miękkotematowa, ale chyba tu należąca *Tobola* powtórzyła się tylko dwukrotnie: *Tobola -i*, pole we wsi Rząska w pow. Kraków (UN I 53) = *Tobola -i*, pole w gm. Zabierzów (PRNG) oraz *W Toboli*, las we wsi Piątkowa w pow. Rzeszów (UN LXX 10).

1.5 Inne struktury pojawiały się wyjątkowo. Postać męską mamy w nazwach *Tobolek*, jez. między Białą i Mężykiem (SG XII 354; Koz III 319, z mapy, r. 1832) oraz *Tobol* i *Tobol*, role pod Więcborkiem (Koz V 408). Nie budzą wątpliwości *Zatobola -ów*, pola we wsi Wola Rogowska, pow. Dąbrowa Tarn. (UN V 42). *Tobolice -θ*, gwar. *Tobolice -θ* (UNMasz C 21), łąki we wsi Siedliska, pow. Turek (UNMatr C 19; Zajac 2016: 100) to może plurale struktury na *-ica*. Niezbyt jasna jest *Tobulonka -i*, las we wsi Dmochy-Rentki, pow. Sokołów Podl. (UNMatr CXLVI 20). *Tobole*, obiekt we wsi Stradunia, pow. Krapkowice (SNGŚ XIV 79 s.v., zapis z I poł. XX w.) jest może dawną strukturą na **-bje*.

1.6 Tylko nieliczne toponimy można z równym prawdopodobieństwem wywodzić od nazw osobowych. Zaliczam tutaj nazwę wsi *Tobolice* w Sieradzkim (XIV–XXI w., por. Koz VIII 397: [1386] <*Thobolicze*>) i drugie *Tobolice* w Ostrołęckim (PRNG) – zapewne dawną strukturę patronimiczną, oraz *Tobołowo*, ojkonom na Białostocczyźnie (SG XII 355) i średniowieczne *Tobołowo Siedlisko* w Wielkopolsce (SG XII 355; Koz I 328). Z pewnym wahaniem dodałbym tu *Tobołówkę* (cz. wsi Raba Niżna w gm. Mszana Dolna (UN VI 51; PRNG) i *Tobołów* (górze i halę we wsi Poręba Wlk. tegoż powiatu, UN VI 47, PRNG). Mniej jasna byłaby kwalifikacja toponimu *Tobołowiec*, nazwy zanikłej wsi k. Radojewic, pow. Inowrocław (Koz V 409; VIII 124: [1604] <*in fundo vil des. Tobołowiec*>).

- 1.7 W dwóch nazwach nastąpiło może unosowanie (*Tomboły -ów*, las we wsi Nowiny, pow. Tarnobrzeg, UN LXXIII 95; *Tomboły -ów*, pola we wsi Biedzychów, pow. Opatów, UN XXVII 33, tożsame z *Tąboła -y*, pole we wsi Nowe, pow. Opatów, UN XXVII 56).
- 1.8 Wokalizm *a* w sylabie rdzennej na obszarze polskim był rzadki (*Taboły -ów*, łąki we wsi Olszewka w pow. Przasnysz, UN CXL 30; *Taboły -ów*, pola we wsi N. Jądów w pow. Wołomin, UNMatr CXLVIII 5; *Toboły -ów*, gwar. *Taboły -θ* i *Tabouy -θ*, UNMasz CXLVII 45, łąki we wsi Lipki Stare, łąki i las we wsi Polkowo w pow. Węgrów, UNMatr CXLVII 42). Można by go tłumaczyć hiperkorekcją wobec gwarowej zmiany *ā > o*, gdyby nie to, że zmiany tej brak na obszarze występowania tych nazw.
- 1.9 Osobny problem stanowi struktura *Tobyłka -i*, zaświadczona (tylko w późnych przekazach) na dużym obszarze, w formie syngulatywnej i pluralnej: 1. *Tobyłka -i*, cz. wsi Wrocanka, pow. Jasło i pola tamże (UN LVIII 235); 2. wieś w pow. Augustów (SG XII 355); 3. cz. wsi Wołoszyny, pow. Nisko (PRNG); 4. toń jez. Gościąg, pow. Gostynin (Koz VIII 230); pluralne *Tobyłki -lek*: 1. pola, zarośla, las we wsi Malinie, pow. Janów Lub. (UN CX 8), tu też *Tobyłczana Góra* (PRNG); 2. łąki we wsi Ruda, pow. Sieradz (UN L 50); 3. pole we wsi Służów, pow. Busko Zdrój (UN XIX 8); 4. pole w Tarnobrzegu, pow. loco (UN LXXIII 5); 5. pole i łąka we wsi Brandwica (ib. 22) oraz pole i łąka we wsi Rzeczyca Długa (ib. 106); 6. pole we wsi Cierpięta, pow. Przasnysz (UN CXL 6) = *Tobyłki*, przysiółek w gm. Baranowo, pow. Ostrołęka (PRNG); 7. gwar. *Tobyłki -uek*, pole w Kolnie, pow. loco (UNMasz CLVII 13); 8. gwar. *Tobyłki -k* [sic!] (UNMasz CXLVII 12), pole we wsi Rowiska, pow. Węgrów (UNMatr CXLVII 10); 9. *Tobyłki -θ*, pole we wsi Krynki, pow. Siedlce (UNMatr CXLIII 12).
- Postacie te prawdopodobnie wiążą się z wcześniejszymi (wskazuje na to ograniczanie wokalizmu *y* do derywatu na *-ka*, gdzie zapewne zastąpił on refleksy pochylonego *ó*), ale szczegółowy przebieg zmiany nie jest jasny. Można przypuszczać, że wariant ten powstał gdzieś punktowo i rozpowszechnił na dużą część terenu polskiego stosunkowo niedawno.
- 1.10 Trzy nazwy znaleziono na polskim terytorium językowym na Śląsku czeskim (Mrózek 1984: 175): 1. [1789] *Toboły*, cz. Grodziszczka, 2. [1872] *Toboły*, cz. Mistrzowic, 3. cz. Cierlicka, las i wzniesienie tamże (gwar. *Toboły*).
- 1.11 Prawdopodobne ślady zachowały się też na obszarach zgermanizowanych. Z Pomorza (Rzetelska-Feleszko – Duma 2013: 109) por. *Tobbolken*, obiekt k. wsi Płocko k. Polanowa (z kartoteki R. Holstena), oraz *Tobbolk B.*, wzgórze k. wsi Drężno [z mapy 1838 r.].

- 1.15 W nazwach z Białostoczczyzny z wokalizmem *a* pierwszej sylaby można podejrzewać odzwierciedlenie akania. Należą tutaj (SNTWP II 506), oprócz pozycji *Tabołka -i*, pole i kolonia we wsi Sieruciowce (identycznej z powyższym 1.2., poz. 7), także gwar. *Tab'ūōłki -ok*, łąka we wsi S. Kamionka w gm. Sokółka i *Tabułk'iē*, pole we wsi Pawełki w gm. Sokółka, dalej *Taboły*, bagno w nadleśnictwie Żłota Wieś (gm. Czarna Biał., zapis z gwary polskiej) i *Taboły -ay*, łąka we wsi Straż, pow. Sokółka. Może należy tu też łemkowski toponim *Tobówki -wek*, góra i pole we wsi Glinne, pow. Lesko (UN LXI 24). Trudniej objaśnić *Tabułki -lek*, łąki we wsi Józefówka, pow. Tomaszów Lub. (UN CXX 18).



- 2 Na terenie Polski nazwy na *Tobol-* sięgają zatem aż po jej wschodnią granicę. Areał znajduje jednak kontynuację dalej na wschodzie, na Białorusi i częściowo Ukrainie. Ukraińską szatę fonetyczną mają *Tobóla* (MikrBel 236: pole we wsi

Chorevo w obw. brzeskim)¹ i *Tobóły* (ib.: uroczysko we wsi Vyhanišcy obw. brzeskiego). Z gwar białoruskich w tymże źródle podano postać *Tabalá* (pole we wsi Džjaniskavičy i uroczysko we wsi Chadaki w obw. brzeskim). Dalsze ojkonimy lokalizowane są w obw. grodzieńskim (*Tabalá* w pow. grodzieńskim i lidzkim, NNPRB-Hr 170, 256) i witebskim (*Tabólki* w pow. wierchniedźwińskim i nieistniejące już *Tabóły* w pow. szarkowszczyńskim, SG XII 134–135; NNPRB-V 139, 503). Niezupełnie pewny jest ojkonim *Tabúlki* (z wariantami *Tabělki*, *Tabílki*) w pow. pińskim obw. brzeskiego (SG XII 354, s.v. *Tobole* 3.; NNPRB-B 236). SG (XII 354) podaje także hydronim *Tobol* w basenie rz. Viť w d. pow. rzeczyckim (dziś w granicach Białorusi). Dalsze dwie współrzedne nazwy zanotowano w Mozyrskim (Ivanova 2007: 190): są to *Tabolá* (łąka we wsi Jasjanec pow. mozyrskiego) i *Tabališča* (las we wsi Mały Bokaŭ pow. mozyrskiego). Według W. Żuczkiwicza (1973: 370), formy *Tabola*, *Tabolka*, *Taboły*, *Tabol* (z wariantami graficznymi <*Tob-*>) odnoszone do uroczysk występują wielokrotnie w źródłach szesnastowiecznych z Pińskiego i Kleckiego. Na Ukrainie nazwy te są prawdopodobnie rzadsze, Dov1947 (s. 57 i 347) notuje tylko *Toboły* w obw. wołyńskim i *Toboliv* w obw. lwowskim (obie mogłyby potencjalnie pochodzić od nazw osobowych).

- 3 Wiele spośród wyszczególnionych powyżej nazw stało się przedmiotem analizy etymologicznej, żadnego z proponowanych objaśnień nie można jednak uznać za wyczerpujące problem. Podejścia badaczy można podzielić na kilka grup:
 - 3.1 Część autorów traktowała postacie pozbawione wyrazistych wykładników odantroponimiczności jako nazwy reprezentujące tzw. typ *Jędrysek/Ozimek* lub rodowo-rodzinne czy ogólnie odantroponimiczne (Mrózek, SNGŚ, Breza, Milewska, Zając, Rzetelska-Feleszko). Objaśnienie to jest prawdopodobne dla niektórych gniazd (np. śląskich nazw osad młyńskich czy nazw z pow. limanowskiego), nie może jednak zostać zastosowane do całości materiału. Nieszczególność produktywność antroponimów (por. SSNO V 443; AntrPol V 173; Snazw IX 541) nie uzasadnia masowego pojawienia się „bazy” *Tobol-* w nazwach obiektów niezamieszkałych. W ani jednym wypadku odosobowe pochodzenie nazwy nie jest sugerowane przez bezpośrednie dane historyczne.
 - 3.2 Niekiedy zauważano istnienie nazwy roślinnej *tobołek* (częściej *tobołki* pl.) ‘*Capsella thlaspi*’ (np. Koz I l.c.; SNGŚ XIV 79, s.v. *Toboły*). Nazwa ta jednak jest wyraźną kalką łac. *capsella* i zapewne nie występowała bez formantu deminutywnego, a habitus i ekologia (brak zdolności tworzenia dużych jednogatunkowych

¹ Nazwa niewątpliwie tożsama z hasłem *Tabolá*, omyłkowo podanym jako wyraz pospolity w SRNG XLIV 159 z tej części Białorusi z głosem ‘chorevskie ugod’ja’. Zwraca uwagę różnica miejsca akcentu.

zbiorowisk) wykluczają masowe nazywanie terenu według nazwy gatunkowej tej rośliny.

- 3.3 Liczono się z możliwością związku z nieodpowiednim semantycznie ‘zawiniątko, tobołek’ (m.in. np. Łesiów 1972: 24; por. o nim niżej).
- 3.4 W charakterze kuriozum wspomnieć można o próbie Górnowicza (1985: 166), wedle którego nazwa *Toboły* pojawiła się dla wody jeziora „bogatej w ryby, którymi można napęścić toboły”. Można mieć w ogóle wątpliwości, czy tego rodzaju „pośrednia” motywacja nazewnicza miewa miejsce.
- 3.5 Nazwy lokalizowane na Białostocczyźnie próbowano wywodzić z litewskiego (Kondratiuk 1985: 153); o wyrazach litewskich wskazywanych jako etymony por. niżej.
- 3.6 Wydaje się, że dotąd żaden z autorów polskich wypowiadających się o pochodzeniu tych nazw nie zorientował się, że mamy tu do czynienia ze zjawiskiem obfitego występowania „bazy” w toponimii, we wszystkich dzielnicach Polski. Takie zjawisko wyklucza celowość uciekania się do półśrodków, zmuszając zarazem do przyjęcia, że natrafiliśmy na nieznaną (nie uchwyconą w polskiej tradycji leksykalnej) apelatyw toponimiczny o znaczeniu uzasadniającym masowe powstawanie nazw obiektów niezamieszkałych.

- 4 W językach słowiańskich dobrze znane są kontynuanty praformy **tobola* (i prawdopodobnie **tobolb*), odnoszące się pierwotnie do elastycznych pojemników wykonanych z płótna lub skóry, przenoszonych przez ludzi (lub zwierzęta?) często w pozycji zawieszonej. Słowniki etymologiczne wymieniają zwłaszcza pol. *toból* i *tobolek* ‘pakunek, paczka, tłumok’, gwar. ‘zawiniątko (noszone na kiju)’, dawne *tobola* ‘torba pasterska’, dawne *tobolka* ‘torba pastusza’, ‘torba’, ‘sakwa’, dłuż. *tobola* ‘torba pastusza’, ‘worek’, ‘tornister’, ‘chlebak’, głuź. *tobola* ‘torba’, ‘tornister’, ‘walizka’, ‘skrzynia, pudło’, czes. *tobola/tobole* ‘torba podręczna’, ‘sakwa’, strus. *tobolec* ‘torba’, ‘worek’ i gwarowe *tobólec* ‘torba włóczęgi’, ukr. gwar. *tobılka/tobıvka/tabıvka* ‘torba pastusza noszona przez plecy’, ‘tornister’, stbrus. *tobola* ‘torba’, sło. *tobólec* ‘pochewka na osełkę’, ‘tornister’, ‘sakwa’, s.-ch. *tòbolac* ‘sakiewka na pieniądze’, ‘woreczek na tytoń’, ‘pochewka na osełkę’, bułg. gwar. *tobùlja* ‘mała torba’, *tobòlec* ‘torba skórzana noszona na ramieniu’. Rozpiętość znaczeniowa jest zapewne większa; i tak, w gwarach ros. (zwłaszcza w północnej części Rosji europejskiej) dobrze zaświadczone jest np. znaczenie ‘różne typy nadziewanych pierogów’ (zob. SRNG XLIV 159), powstałe zapewne dla podobieństwa kształtu. Autorzy zwykle traktują te leksemy jako funkcjonujące już w dobie prasłowiańskiej (na co pozwala ich ogólnosłowiański zasięg), jednak stwierdzają

brak dobrej etymologii (np. Boryś 2005: 636, s.v. *toból*; ĖSBM XIII 165, s.v. *tabola*). Rzadko przyjmuje się sugestię Vasmera (REW III 112) o orientalnym pochodzeniu wyrazu (por. np. Snoj w ESSJ IV 188).² Brak w słownikach indoeuropejskich (Pokorny IEW, LiV) pierwiastka umożliwiającego wywiedzenie rdzenia **tob-* skutecznie zniechęca do podejmowania prób objaśniania wyrazu.

Zwrócono także uwagę na ros. frazeologizm *tabalú bit* ‘obiąć się, próżnować’, gdzie możemy mieć do czynienia z odzwierciedleniem w piśmie akania, cytowany przez SRNG za słownikami Dahla i Akademii Nauk (z 1922 r.), znajdujący możliwy odpowiednik w litewskim *tabalùs mùšti*. Kieruje to naszą uwagę w stronę słownictwa litewskiego, gdzie znajdujemy rozbudowaną rodzinę wyrazową opartą na rdzeniu *tabal-* (por. LKŽ s.v.v.).

- 4.1 Bezpośrednią podstawą frazeologizmu był zapewne nieznany jeszcze Fraenklowi (LEW II 1047–1048) rzeczownik *tabalai* (plurale tantum), odnoszący się do ludowego instrumentu perkusyjnego zbudowanego z różnej wielkości deseczek zawieszonych na sznurkach (por. ĖSBM XIII 161, s.v. *tabalá*¹, tam dalsza literatura). Uderzone deseczki wydają określone odgłosy, zarazem jednak wprawione zostają w ruch wahadłowy. Od niego też zapewne wyprowadzać należy czasowniki denominalne *tabaliúoti*, *tabaliúoti* i *tabalóti*. Najszerszą rozpiętość znaczeniową wykazuje pierwszy z nich, jednak wszystkie znaczenia dają się sprowadzić do pierwotnego ‘wykonywać ruch wahadłowy’. Należą tu m.in. ‘chwiać się (np. o zepsutym kole u wozu)’, ‘merdać (ogonem)’, ‘dyndać (o dzwonku noszonym przez krowę, o wymieniu poruszającej się krowy)’, ‘roić się (o owadach latających)’, ‘wymachiwać nogami w powietrzu (o człowieku, zwłaszcza dziecku)’, ‘poruszać się niezgrabnie’ (stąd może ‘fałszować, nieumiejętnie śpiewać’), ‘chodzić tam i z powrotem, włóczyć się’, ‘niertymicznie bić (np. o sercu)’, ‘bełtać, mieszać (ciecz)’ (z tego znaczenia powstało zapewne ‘nieść np. wodę (powodując jej ruch)’). Ze znaczenia ‘poruszać czymś’ rozwinęły się abstrakcyjne ‘mleć (językiem)’, ‘paplać, trąkotać’, ‘obmawiać’ (por. np. semantykę ros. *boltat*).

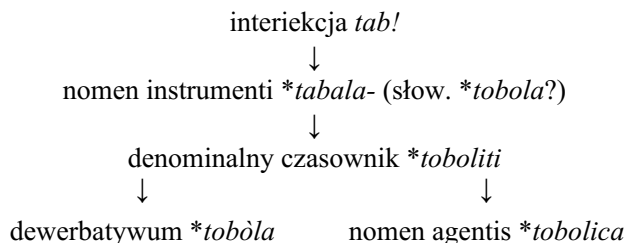
Przyjmując, że pierwotnym denotatem były przedmioty drewniane, w które uderzano również drewnianymi kijami i pałkami, możemy ominąć trudności etymologiczne, postulując derywat od onomatopei (lub raczej czasownika takiegoż pochodzenia) **tab-*. Takie konwencjonalizowanie głuchych odgłosów uderzeń (struktura rdzenia *T...P-*, tj. zwarta zębowa – samogłoska – zwarta wargowa) znajduje liczne paralele (por. słow. **depati* i **tepati* w SP III 37, polska interiekcja *dup!* itd.).

2 Vasmer wskazywał tatarskie (nadwołżańskie) *tobol*, *tubal* ‘koszyk z kory’. Wyraz ten, zgodnie z sugestią M. Stachowskiego (ustnie), nawiązuje do turkijskiego rdzenia **töp-* (później *tob-*), odnoszonego do rozmaitych przedmiotów o kulistym kształcie. Nie mamy zatem do czynienia z pełną ekwiwalencją semantyczną (znaczenie ‘koszyk’ powraca jedynie w niemieckim słownictwie *Tobel/Tabel*). Również wokalizmy obu sylab nasuwają wątpliwości wobec szerokiego rozprzestrzenienia wyrazu w słowiańszczyźnie, sugerującego stosunkowo wczesną chronologię jego początków u Słowian.

Nasuwa to myśl, że etymologicznym znaczeniem słowiańskiego ‘tobołka’ mogło być ‘to, co dynda’ – dobrze odpowiadałoby to zachowaniu desygnatów tych wyrazów, zawieszonych na ramieniu, u pasa czy na wspartym na ramieniu kiju, podczas marszu niosącego je człowieka. Ze względu na charakterystykę prozodyczną celowe wydaje się przyjęcie bezpośredniej podstawy w postaci czasownika na **-iti*, którego czas terażniejszy charakteryzował się tonem nowoakutowym na sylabie drugiej (3. sg. **tobòlītb*).

- 4.2 Przyjęcie takiego czasownika (o ile wiadomo, bezpośrednio nie zachowanego w tradycjach słowiańskich) umożliwia wyjaśnienie jeszcze jednego zagadkowego wyrazu. W słoweńskim i łużyckich – a więc językach słow. o najbardziej zachodniej wystawie – zidentyfikowano kontynuanty praformy **tobolica* odnoszone do bliżej nieokreślonych owadów latających (por. Snoj l.c., s.v. *tobolica*). Autorzy nie podają nazw systematycznych, najprawdopodobniej jednak leksem sło. – jak sugeruje glosa ‘libella’ – odnosił się do ważki. Jeśli przyjąć to znaczenie, możemy objasnić je przyjmując nomen agentis na **-ka* derywowane bezpośrednio od osnowy bezokolicznika **toboli-* ‘poruszać się wahadłowo’ (por. kilka innych przykładów tego rodzaju u Sławskiego w SP I 98–99), a nawiązujące do jednego z charakterystycznych typów lotu ważek – tzw. lotu wahadłowego.

- 4.3 Moją wizję rozwoju tej rodziny wyrazowej ująłbym zatem następująco:



- 5 W 2011 r. wydano wspomniany już wyżej czterdziesty czwarty tom rosyjskiego tezauryś gwarowego, obejmujący hasła *telepaj-tranba*. Na jego stronie 159 znajdujemy wyodrębniony w osobne hasło termin topograficzny *tobólka*. Pierwsze z podanych znaczeń (‘niewielki kawałek łąki lub pola ograniczony jakimiś naturalnymi granicami’), z cytatem *na tobolke ryżikov urodilos’, strašnoe delo, skol’ko!*, wskazującym raczej na znaczenie ‘polana’, zostało uchwycone jeszcze w latach 70. XX w. w okolicach Juriewa Polskiego koło Włodzimierza nad Kłazmą. Drugie znaczenie, uchwycone w (lub niewiele przed) 1857 r. na tym samym obszarze, to ‘dawny kurhan’.³ W poprzednim tomie (SRNG XLIII 204) znalazło się hasło *tabółočka* w znaczeniu

3 Nie wykluczałbym tutaj jednak omyłkowego podania nazwy własnej takiego kurhanu, powtarzającej nazwę miejsca, na którym stał.

‘wąski pas pola ornego’, według przekazu ze Smoleńszczyzny z r. 1893 (a pierwszej sylaby może tu odzwierciedlać akanie). Tym samym problem rekonstrukcji apelatywu motywującego wspomniane wcześniej toponimy północnoślwiańskie można byłoby uznać za rozwiązany – termin, istniejący w niektórych przynajmniej dialektach prasłowiańskich, znalazłby obfitsze odbicie w toponimii północnoślwiańskiej, natomiast jako apelatyw zachowałby się tylko „punktowo”, nad Kłazmą i górnym Dnieprem. Jedynym słabym punktem takiego ujęcia jest niepewność co do genezy wyrazu – brak etymologii, która mogłaby jednocześnie zagwarantować jego prasłowiańską metrykę. Wcześniej *tobólka* nie trafiła chyba na warsztat etymologów, brak jej (jak i postaci zbliżonych formalnie)⁴ w rosyjskich słownikach etymologicznych i opracowaniach leksyki substratowej w gwarach rosyjskich (na terenach występowania wyrazów należy liczyć się przede wszystkim z substratem meriańskim, czyli ugrofińskim i przedślwiańskim substratem indoeuropejskim typu bałtosłowiańskiego). Z zaproponowanej powyżej rekonstrukcji historii homonimicznej rodziny wyrazowej zdaje się wynikać brak możliwości powiązania jej ze znaczeniem ‘pole lub łąka krągłego kształtu, z wyraźnymi granicami’. Jeśli przyjąć za miarodajną akcentuację form ukraińskich i białoruskich sprzed nawarstwienia formantu *-ka*, apelatyw topograficzny charakteryzował się oksytonezą, różniąc się tym samym od określenia ‘torby’ z akcentem na sylabie wewnętrznej. Stanowi to dodatkowy argument przeciwko utożsamianiu obu wyrazów (mimo pełnej zgodności struktury segmentalnej). Jak wskazano wyżej, również próby analizy indoeuropeistycznej skazane są raczej na niepowodzenie. W charakterze namiastki możemy powołać się na dość obfite występowanie morfemu *Tabal-* w toponimii (także mikrotoponimii) litewskiej (zob. Kondratiuk 1985: 183, s.v. *Taboły*, tam dalsza literatura). Są to nazwy zwykle bagien, mokradeł i łąk, rzadziej niw, wzniesień i jezior, niekiedy miejscowości (niektóre wydają się slawizmami, np. *Tabalénka*). Nazwy te bywają łączone z omówioną wyżej litewską rodziną wyrazową, nie ulega jednak wątpliwości, że mamy tu do czynienia z sytuacją badawczą podobną do zarysowanej dla obszaru ślwiańskiego – z brakiem poświadczeń nomen stanowiącego w przeszłości

4 Geograf W. Żuczkievicz (l.c.) łączył zebrane przez siebie nazwy z gwarowym rosyjskim *tabola*, który wg pisarza M. M. Priszwina (1970: 248; dostępne mi słowniki gwarowe nie notują takiej postaci) występował w okolicy Spaskiej Guby i Niałoziera w znaczeniu ‘suchy przesmyk między dwoma jeziorami’ (objaśnienie to przyjmuje Ivanova, l.c.). Wyraz jest jednak niewątpliwym wykołajeniem wcześniejszego *tájbola* (podawanego przez Priszwina w tym samym znaczeniu), stanowiącego dawno rozpoznane zapożyczenie z substratu ugrofińskiego (zob. Vasmer REW III 69; szczegółowo Myznikov 2003: 295–298); znaczenie ‘suchy przesmyk’ wydaje się tutaj wyjściowe. W SRNG (XLI 219–220) znajdujemy takie główne znaczenia postaci *tájbola*: ‘gęsty, niedostępny las’, ‘grząskie bagno’, ‘droga przez las’, ‘dział wodny między rzekami’, ‘polana na bagnie lub przy zbiorniku wodnym’, ‘kośna łąka, wilgotne miejsce nad brzegiem morza’, ‘początek odwilży’. Zarówno semantyka, jak i zasięgi geograficzne oraz charakterystyki formalne (podakcentowa barwa *a* i barytoneza leksemu północnorosyjskiego) nie pozwalają na utożsamianie tych dwu rodzin wyrazowych. Ewentualnie mogłoby chodzić o starsze, niezależne zapożyczenie tego samego etymonu ugrofińskiego.

rzeczywisty etymon owych toponimów. Być może mamy tu wyraz pochodzenia nieindoeuropejskiego, przejęty przez bałtosłowiański i następnie odziedziczony przez języki bałtyckie i przynajmniej północnosłowiańskie. W tym jednak stanie rzeczy wszelkie odwołania do tego rosyjskiego terminu gwarowego w kontekście innych języków słowiańskich (czy tym bardziej bałtyckich) muszą zostać opatrzone niewielkim chociażby znakiem zapytania.

LITERATURA

- AntrPol V** = *Antroponimia Polski od XVI do końca XVIII wieku V: St–U*, Kraków: IJP PAN, 2015.
- Boryś 2005** = Wiesław Boryś, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków: Wyd. Literackie, 2005.
- Breza 1974** = Edward Breza, *Toponimia powiatu kościerskiego*, Gdańsk: Ossolineum, 1974.
- Dov1947** = *Українська РСР: адміністративно-територіальний поділ на 1 вересня 1946 року*, Kyїв: Українське видавництво політичної літератури, 1947.
- ESSJ IV** = France Bezlaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika IV: Š–Ž*, avtorji gesel France Bezlaj – Marko Snoj – Metka Furlan, Ljubljana: Založba ZRC, 2005.
- ĖSBM XIII** = *Ėtymalahičny sloŭnik belaruskaj movy XIII: S–T*, Minsk: Belaruskaja navuka, 2010.
- Fraenkel LEW II** = Ernst Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch II*, Heidelberg: C. Winter, 1965.
- Górniewicz 1985** = Hubert Górniewicz, *Toponimia powiatu starogardzkiego*, Wrocław etc.: Ossolineum, 1985.
- Ivanova 2007** = Anna A. Ivanova, *Mikrotoponimija Mozyrskogo Poles'ja*, Mozyr': Mozyrskij GPU, 2007.
- Kondratiuk 1985** = Michał Kondratiuk, *Elementy bałtyckie w toponimii i mikrotoponimii regionu białostockiego*, Wrocław etc.: Ossolineum, 1985.
- Koz I** = Stanisław Kozierowski, *Badania nazw topograficznych dzisiejszej archidiecezy gnieźnieńskiej*, Poznań, 1914.
- Koz III** = Stanisław Kozierowski, *Badania nazw topograficznych dzisiejszej archidiecezy poznańskiej II: P–Ż*, Poznań: TPNP, 1916.
- Koz V** = Stanisław Kozierowski, *Badania nazw topograficznych na obszarze dawnej zachodniej i środkowej Wielkopolski II: M–Ż*, Poznań: PTPN, 1922.
- Koz VII** = Stanisław Kozierowski, *Badania nazw topograficznych na obszarze dawnej wschodniej Wielkopolski II: P–Ż*, Poznań: Krajowy Instytut Wydawniczy, 1928.
- Koz VIII** = Stanisław Kozierowski, *Badania nazw topograficznych starej Wielkopolski A: nieistniejące miejscowości wielkopolskie; B: uzupełnienie poprzednich tomów*, Poznań, 1939.
- LiV** = *Lexikon der indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*, Wiesbaden: Harrassowitz, 2001.
- LKŽ** = materiały słownika *Lietuvių kalbos žodynas* (www.lkz.lt).
- Łesiów 1972** = Michał Łesiów, *Terenowe nazwy własne Lubelszczyzny*, Lublin: Wyd. Lubelskie, 1972.
- MikrBel** = *Mikratapanimija Belarusi: materyjały*, Minsk: Navuka i tэхnika, 1974.
- Milewska 2000** = Małgorzata Milewska, *Toponimia powiatu tucholskiego*, Gdańsk: Wyd. Gdańskie, 2000.
- Mrózek 1984** = Robert Mrózek, *Nazwy miejscowości dawnego Śląska Cieszyńskiego*, Katowice: UŚ, 1984.
- Myznikov 2003** = Sergej A. Myznikov, *Russkie govory Obonež'ja: areal'no-ëtimologičeskoe issledovanie leksiki pribaltijsko-finskogo proischoždenija*, Sankt-Peterburg: Nauka, 2003.
- NNPRB-B** = *Nazvy naselenyh punktaŭ Rėspubliki Belaruś: narmatyŭny davednik: Brėŭskaja voblasć*, Minsk: Tėchnalohija, 2010.
- NNPRB-Hr** = *Nazvy naselenyh punktaŭ Rėspubliki Belaruś: narmatyŭny davednik: Haradzėnskaja voblasć*, Minsk: Tėchnalohija, 2004.

- NNPRB-V** = *Nazvy naselenych punktaŭ Rěspubliki Belarusb: narmatyŭny davednik: Vicebskaja voblasceb*, Minsk: Těchnalohija, 2009.
- Pokorny IEW** = Julius Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern – München: Francke, 1959.
- Prišvin 1970** = Michail M. Prišvin, *V kraju nepuganych ptic: osudareva doroga*, Petrozavodsk: Karel'ija, 1970. [non vidi] ⟨por. <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/osudareva-doroga/index.htm>⟩.
- PRNG** = *Państwowy Rejestr Nazw Geograficznych* (pliki w formacie .xml dostępne pod adresem <http://www.codgik.gov.pl/index.php/darmowe-dane/prng.html>).
- Rzetelska-Feleszko – Duma 2013** = Ewa Rzetelska-Feleszko – Jerzy Duma, *Nazwy terenowe Pomorza Zachodniego zawierające elementy słowiańskie II: Q–Ż*, Warszawa: SOW, 2013.
- SG XII** = *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich XII*, Warszawa: Nakładem F. Sulimierskiego i W. Walewskiego, 1892.
- SHGKr I** = *Słownik historyczno-geograficzny województwa krakowskiego w średniowieczu*, I, Wrocław etc.: Ossolineum, 1980–1986.
- SHGPn I** = *Słownik historyczno-geograficzny województwa poznańskiego w średniowieczu*, I, Wrocław etc.: Ossolineum, 1982–1987.
- Snazw IX** = Kazimierz Rymut, *Słownik nazwisk współcześnie w Polsce używanych IX: St–U*, Kraków: IJP PAN, 1994.
- SNGŚ XIV** = *Słownik etymologiczny nazw geograficznych Śląska XIV: Ściana–Weł*, Opole: Instytut Śląski, 2009.
- SNTWPW II** = Nina Barszczewska et al., *Słownik nazw terenowych północno-wschodniej Polski II: O–Ż*, Warszawa: Wyd. UW, 1992.
- SP I** = *Słownik prasłowiański I: A–B*, Wrocław etc.: Ossolineum, 1974.
- SP III** = *Słownik prasłowiański III: Davъnъ–Dobъrati*, Wrocław etc.: Ossolineum, 1979.
- SRNG XLIII** = *Slovar' russkich narodnych govorov XLIII: suchlost'–telepa*, Sankt-Peterburg: Nauka, 2010.
- SRNG XLIV** = *Slovar' russkich narodnych govorov XLIV: telepaj–tranba*, Sankt-Peterburg: Nauka, 2011.
- SSNO V** = *Słownik staropolskich nazw osobowych V: S–U*, Wrocław etc.: Ossolineum, 1977–1980.
- UN** = *Urzędowe nazwy miejscowości i obiektów fizjograficznych I*, Warszawa: Urząd Rady Ministrów, 1963–.
- UNMasz** = tzw. maszynopisy profesorskie UN (aktualnie w IJP PAN w Krakowie).
- UNMatr** = przygotowane do powielenia matryce niewydanych tomików UNowskich (aktualnie w IJP PAN w Krakowie).
- Vasmer REW III** = Max Vasmer, *Russisches etymologisches Wörterbuch III: Sta–Ÿ*, Heidelberg: C. Winter, 1958.
- Wolff – Rzetelska-Feleszko 1982** = Adam Wolff – Ewa Rzetelska-Feleszko, *Mazowieckie nazwy terenowe do końca XVI wieku*, Warszawa: PWN, 1982.
- Zajac 2016** = Ewelina Zajac, *Toponimia powiatu tureckiego: słownik nazw*, Łódź: Wyd. UŁ, 2016.
- Žučkevič 1973** = Vadim A. Žučkevič, *Kratkij toponimičeskij slovar' Belorussii*, Minsk: Izdatel'stvo BGU, 1973.

POVZETEK

Tobola – srečna razrešitev (ne le) za poljsko toponomastiko?

Prispevek obravnava poljska (in še nekatera vzhodnoslovanska) krajevna imena na *Tobol-*, posebno produktivna ponekod na poljskih tleh (več kot 100 imenskih gnezd). Njihov glavni vir se zdi slovanski narečni apelativ **tobola*, neznanega izvora (morda predindoevropska beseda), ohranjen samo v dveh koticčkih blizu Jurjeva-Polskega (*tobólka* ‘z naravnimi mejami zamejen okrogli kos polja ali travnika’) in Smolenska (*tabóločka* ‘daljši kos orne zemlje’). Možno je, da so v zvezi s to slovansko besedo tudi krajevna imena na baltških tleh (Litva). Ni pa videti neposredne povezave s severnoruskim topografskim izrazom *tájbola* (substratna beseda karelskega izvora).

Dobro znano slovansko **tobola* ‘cula, torba’ se s to topografsko besedo ne zdi sorodno. Zanj se predlaga nova etimologija v zvezi z litovskim (*tabalai*, *tabaliúoti*) z etimološkim pomenom ‘nekaj, kar binglja’. Novi koren **tab-* izvira iz medmeta.

ЕЛЕНА Л. БЕРЕЗОВИЧ — ОЛЕСЯ Д. СУРИКОВА

К РЕКОНСТРУКЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА РУССКИХ НАРОДНЫХ ПРОКЛЯТИЙ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДИКАТА ПРОКЛЯТИЯ

COBISS: 1.01

K rekonstrukciji leksične sestave ruskih ljudskih kletev: skupna značilnost predikata kletve

Članek je posvečen kratki karakteristiki enega od važnih strukturnih elementov ruskih kletev – predikata – in opisu lastnosti glagolov, ki zavzemajo ta položaj v zlohotnih besedilih. Avtorici opredeljujeta mesto predikata v logični strukturi kletev, prebirata osnovne semantične tipe glagolov, ki nastopajo v besedilih tega žanra, ter luščita njihove osnovne besedotvorne in slovniške posebnosti.

Ključne besede: ruska dialektologija, ruske kletve, semantično-motivacijska rekonstrukcija, predikat kletev

Reconstructing the vocabulary of Russian popular imprecations: general characteristics of the imprecation predicate

This article briefly presents one of the most important structural elements of Russian imprecations: the predicate. The article describes some properties of the verbs that function in imprecations as predicates. The authors define the place of the predicate in the imprecation's logical structure, enumerate basic semantic verbs types encountered in this genre, and highlight their main grammatical and word-formational characteristics.

Keywords: Russian dialects, Russian imprecations, semantic and motivational reconstruction, imprecation predicates

Статья основана на материале русских проклятий (злоречений, содержащих пожелания бед и несчастий в адрес какого-либо лица). Изначально проклятия несли магическую функцию – покарать словом, затем формулы проклятий стали употребляться, кроме магической, и в функции «эмоциональной разрядки». Однако в народном восприятии эти виды речевых актов могут иметь одинаковые последствия (к примеру, тривиальный «посыл к черту», если он направлен на ребенка, по народным верованиям, может привести к «реальному» похищению ребенка нечистой силой и, конечно, считается грехом¹). В статье рассматриваются оба вида речевых актов (иногда к анализу привлекаются также близкие к проклятиям формулы отсылы). В составе

Исследование выполнено за счет средств проекта 34.2316.2017/ПЧ «Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным», поддержанного Минобрнауки РФ.

1 Неслучаен страх перед проклятиями в народной культуре, о чем см. (Виноградова 2008; Самойлова; и др.).

проклятий нередко функционируют слова с неясной внутренней формой, что определяется целым рядом факторов: тексты проклятий обладают повышенной экспрессией, а экспрессивы, как известно, зачастую трудно поддаются этимологизации; в текстах нередко используются приемы компрессии и табуистических замен, затемняющие первоначальный вид формул; под влиянием вербальной магии в проклятиях нередко «застывает» архаика etc. По этим причинам для реконструкции «темной» лексики проклятий особенно важен системно-структурный подход, позволяющий понять логику компоновки словарного состава проклятий и способы организации текста.

В статье будет кратко охарактеризован **предикат** русских проклятий.² Этот элемент занимает центральное положение в структуре текстов изучаемого жанра не только в силу его ведущей роли в высказываниях вообще, но и в связи с известным свойством злопожеланий — их **перформативностью**. В отличие от брани, имеющей главной задачей оскорбление адресата, нанесение ему морального ущерба, проклятья и отсылы преследуют цель навредить проклинаемому — тем способом, который в них поименован. Диада, с помощью которой традиционно описывается перформативность («слово → дело»), приобретает вид «слово, называющее действие → действие»: как правило, причинение вреда, о котором идет речь в проклятиях, заключается в негативных для проклинаемого действиях, которые должен предпринять он сам (пск. *Прогреми (ты) гáром* — ПОС 6: 138), а чаще некто или нечто (в том числе некая «безличная сила») по отношению к нему (новг. *Хоть бы тебя черти семеро побрали* (СРНГ 37: 151), свердл. *Подняло бы тебя да шлёпнуло тебя* — СРНГ 28: 99). Сами эти действия в основном описываются предикативными конструкциями.

Помимо предиката, в **устойчивую логическую структуру** проклятий³ входят другие актанты, основные из них таковы: **о б ъ е к т** — лицо, которому желают зла, **а к т о р**, действующий в проклятии и призванный навредить объекту (субъект-каузатор действия),⁴ **т о п о с** — отдаленное / опасное ме-

2 Мы частично использовали материал, собранный В. А. Чередник и представленный в (Чередник 2006). Авторы благодарят В. А. Чередник за любезное разрешение воспользоваться этими данными.

3 Подобная клишированность, в частности, связана со статусом этих высказываний: И. В. Козельская (со ссылкой на Н. И. Толстого) называет их «полуфразеологизмами» — единицами, находящимися на периферии фразеологии, которые отличаются структурной, семантической и функционально-грамматической устойчивостью (Козельская 2004: 7–9).

4 О соотношении позиций субъекта и объекта в «обычных» речевых актах и некоторых разновидностях вербальных ритуалов см. (Толстая 1994: 175–176). Интересно, что в ряде проклятий не совпадают логическая и грамматическая структура. Так, в «классическом» отсыле *Иди ты к черту!* разнятся текстовые и коммуникативные позиции субъекта и объекта: *ты* (проклинаемый) — действующий в тексте актер = субъект (подлежащее в им. п.), но в то же время «логический» объект злопожелания; *черт* — текстовый объект (косвенное дополнение в локативной форме дат. п.), но «логический» («коммуникативный») субъект — вредоносная сила, мифологический персонаж.

сто, куда должен отправиться проклинаемый. Симптоматично, что ни один из актантов не является строго обязательным (эксплицированным в абсолютном большинстве текстов), в том числе предикат – при всей его принципиальной значимости. Идентифицировать текст как проклятье помогают указания на модальность, в число которых входят объективные грамматические показатели наклонения (которые могут быть опущены), прагматический контекст, в котором употребляется высказывание, и его просодия. В ряде текстов предикат элиминируется и замещается другими компонентами логической структуры – например, актором или топосом, которые берут на себя функцию главного «проводника» иллокутивной цели (причинение вреда словом = действием): влг. *Водяной с тобой* (КСГРС), перм. *Змей в руки (в лапы, в шары)* (СПГ 1: 328–329), оренб. *Бастрык <кол> бы те в кадык* (Малеча 1: 105), калуж. *Сук тебе в глаз!* (СРНГ 42: 191), влад. *В омут те головой* (СРНГ 23: 206) и пр. Более того, позиция предиката и вовсе может остаться незамещенной, ср. простореч. *Чтоб тебя!* Это становится возможным благодаря семантической «стабильности» предиката: смысловой спектр глаголов, функционирующих в злопожеланиях, настолько предсказуем (при всем их лексическом разнообразии), что, несмотря на формальное отсутствие предиката, подразумеваемый негативный посыл легко восстанавливается.

Предикат не только определяет прагматическую функцию злопожеланий (см.: Янович 1995), но и является одним из базовых способов выражения **ирреальной модальности** – важнейшего жанрового признака проклятий. Формы глаголов наряду с подчинительными союзами *чтобы, кабы, коли, пусть* и под., частицей *бы* маркируют повелительное и сослагательное наклонения высказываний: вят. *Лихора́д тебя заде́ри!* (ОСВГ 5: 197), дон. *Домови́лиха <нечистая сила> тебя за́бери!* (СРНГ 8: 119), арх. *К ле́шой матери е́зжай!* (АОС 13: 79), арх. *Жё́ви <нарывы> тебя бы съе́ли!* (СГРС 3: 346), сиб. *Чтоб тебя прѣ́тка <болезнь, несчастье> зада́вила* (ФСРГС: 153), смол. *Коли б тебе каду́к <падучая болезнь> побра́л!* (СРНГ 12: 301), арх. *Кабы тебе ви́щипало* (КСГРС), пск. *Пуца́й беси опа́шут* (СПП: 17), пск. *Пусть хоро́мы нечи́стый ра́стрясе́т* (СПП: 79) и мн. др. В редких случаях наблюдается несовпадение фактической и текстовой модальности, когда в злопожелании представлена реальная модальность, а формальные показатели повелительного или сослагательного наклонения отсутствуют: ленингр. *Леший оборо́вал* – «Леший оборвал, куды несёшься-то?» (СРГК 3: 121), влг. *Жё́вли <нарывы> сели* (СГРС 3: 347), новосиб. *Пома́хывало тебя* – «А ну тебя, помахивало тебя. Болташь, сам не знаешь чо» (ФСРГС: 145), новг. *Па́мхи <нечистая сила> но́сят* – «“Памхи носят”, – тоже говорят, ругаются» (СРГК 4: 387).

Приведем краткий перечень **семантических типов глаголов**, фигурирующих в злопожеланиях. Подробная их классификация представлена в

кандидатской диссертации И. В. Козельской (2004: 156–177),⁵ а наш перечень, ни в коей мере не претендующий на полноту, включает семантические типы, которые дают наиболее характерные, частотные и / или вариативные лексические реализации. Это, кроме прочего, позволяет осуществить семантическую реконструкцию неясных форм (преимущественно глагольных) с опорой на более ясные случаи.

УМИРАНИЕ / УБИВАНИЕ

■ умереть, погибнуть: простореч. *Чтоб ты сдох!*, морд. (рус.) *Умереть бы тебе на Фоминёй неделе* (СРГМ 2: 1379); ■ лишить жизни, убить, уморить: тул. *Зелёный <нечистая сила> те убей!* (СРНГ 11: 250), перм. *Чтоб тебя багровым убило* (СРГЮП 3: 263), смол. *Чтоб тебя перун забил (убил)* (ССГ 8: 66), том. *Зарази́ тебя!* (СРНГ 10: 376) (ср. том. и др. *заража́ть* ‘убивать; сражать ударом, поражать’ – СРНГ 10: 376), омск. *Поморни́ тебя!* (ФСРС: 144), ■ удушить, удавить: арх. *А дави ты суседко* (СРНГ 42: 296), перм. *Бяк бы тебя задавил!* (СПГ 1: 73), ср.-приирт. *Хали́па <болезнь> тебя (его) задави!* (СРСГСРП 3: 266), сев.-двин. *Назада́вны (бы) тебя (вас, его и т.п.)* (СРНГ 19: 274).

ИНИЦИИРОВАНИЕ / ИСПЫТЫВАНИЕ ОСТРОЙ БОЛИ, БОЛЕЗНИ

■ пристать болезни (кадресату проклятия): вят. *Лихора́д бы тебе сел за такие слова!* (ОСВГ 5: 197), калуж. *Почечу́й табе сядь туды* (СРНГ 31: 11); влг. *Жёлги бы тебе сели!* (СГРС 3: 347), арх. *Зава́л тебе сядь* (СРГК 2: 90), смол. *Сто тебе вы́кати родимцев* (СРНГ 5: 288); ■ проявиться острым симптомам болезней – ■ колоть: ряз. *Коло́тые ты заколи* (СРНГ 14: 190); ■ «стрелять»: елец. *Расстрéл тебя расстреляй!* (СРНГ 34: 231); ■ трясти: смол. *Чтоб тебя тетю́ха трясла* (СРНГ 44: 107), тамб. *Трясучка тебя истрясси!* (СРНГ 12: 266); ■ жечь: олон. *Огне́ва ты разжигай* (СРНГ 22: 323); ■ покрывать язвами: тобол. *Оязви́ те!* (СРНГ 25: 105), калуж. *Хри́пцем тебя изнырай* (СРНГ 12: 159) (ср. калуж., новг. *изно́рять* ‘покрыть язвами, искушать’ – СРНГ 12: 159).

НАРУШЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ ТЕЛА, ФИЗИЧЕСКОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ

■ бить, колотить, ударять: перм. *Бес бей* (ФСРПГ: 22), смол. *Колони́ца <столб, дерево и т. п.> тебя забей* (ССГ 5: 57), тобол. *Чтобы те осанда́лило!* (СРНГ 23: 352) (ср. влад., коми *санда́лить* ‘ударять, бить’ – СРНГ 36: 117), перм. *Раси́би их живи́ём* (СПГ 2: 281–282), дон. *Чтоб ты оболу́бился* (СРНГ 22: 169) (ср. сталингр. *оболу́бленный* ‘обитый, облупленный’ – СРНГ 22: 169); ■ сломать, разломать: арх. *Кабы тебе голо́ва сломи́* (КСГРС), дон. *Игрецы́ тебя (вас, его, её, их) заломай (изломай)!* (БТДК: 118); омск. *Чтоб (кого) хрустнуло!* (ФСРС: 214), вят. *Кереме́ть тебя заломай* (ОСВГ 5: 39); ■ драть, раздирать, кусать: брян.,

5 Некоторые семантические типы выделялись также в работах (Гришанова 2001; Чередник 2006: 73–88).

орл. *Лэхман* <нечистая сила> *тебя задери* (СРНГ 17: 29), смол. *Задёргай те волк* (СРНГ 10: 52), пск. *Гад покусай* (СПП: 24), пск. *Змей тебя покусай* (ПОС 6: 122); ■ *расчленять, разрывать(ся)*: новосиб. *Чтоб тебя порвало!* (ФСРГС: 146), астрах. *Разорви тебя горой* (СРНГ 7: 18), влад. *Прыткóм* <быстро, скоро> *бы тебя разорвало* (СРНГ 33: 74), яросл. *Чтобы те лопнуло* (ЯОС 10: 62), смол. *Разбуби твои животы* (ССГ 9: 83) (ср. смол. *разбубить* ‘о проявлении чрезмерной полноты’ – ССГ 9: 83), морд. *Чтоб тебя разодрало на сто доль, располыснóло, располыхнóло* (СРГМ 2: 1048, 1058–1059) (ср. морд. *располыснóть, располыхнóть* ‘изорвать, разорвать’ – СРГМ 2: 1058–1059); ■ *деформировать*: сиб. *Перекорóбь его* (её и т. п.) *враг!* (ФСРГС: 134), яросл. *Чтобы тебя (его, их) искосíло (покосíло)* (ЯОС 10: 62), костр. *Чтоб тебя искорю́чило!* (ЛКТЭ), карел. *Чтоб тебе стяну́ло!* (СРГК 6: 382) (ср. карел. *стяну́ть* ‘согнуть, скрючить’ – СРГК 6: 382).

ЛИШЕНИЕ СИЛ, СОКОВ, ЧУВСТВ, РАЗУМА

■ *иссушить(ся)*; *сгнуть*: пск. *Чтоб руки отсохли* (СПП: 67), смол. *Чтоб тебя так стень сухой сушил!* (СРНГ 41: 137), зап.-брян. *Чтоб ты счах!* (СРНГ 43: 86), смол. *Чтоб тебе струпéхнуть!* (СРНГ 42: 50) (ср. смол. *strupéхнуть* ‘испортиться, сгнуть’ – СРНГ 42: 50); ■ *лишить зрения или слуха*: ворон. *Чтоб тебе вы́слепило!* (СРНГ 6: 23), без указ. м. *Бей его туском!* ‘о пожелании кому-л. ослепнуть’ (СРНГ 45: 288) (ср. новг., свердл., сиб., якут., амур. *туск* ‘ухудшение, помутнение зрения’ – СРНГ 45: 288), костр. *Чтоб тебя оглоу́шило* (ЛКТЭ); ■ *лишить памяти, разума*: новг. *Заклемáло бы тебе* (СРНГ 10: 131) (ср. новг. *заклемáть* ‘безл. забылось, запаматовалось’ – СРНГ 10: 131), онеж. *Чтоб тебя сти́ошило!* (СРНГ 42: 121) (ср. перм. *сти́ошить* ‘сойти с ума’ – СРНГ 42: 121).

ИЗЪЯТИЕ / ПРИСВОЕНИЕ (ВРЕДОНОСНОЙ СИЛОЙ)

■ *взять, побрать, схватить*: олон. *Громовой бы силой взяло* (СРНГ 7: 151), орл. *Доброхóт тебя возьми!* (СРНГ 8: 79), вят., тобол. *Некошнóй тебя побери* (СРНГ 21: 63), новг. *Чтоб тебя обобра́ло* ‘чтоб тебя черти побрали!’ (СРНГ 22: 65), онеж. *Комóха тя забери* (Подвысоцкий 1885: 69), ленингр. *Хвати мálеш* – «Хвати малеш, – говорят, малеш – леший» (СРГК 3: 192), пск. *Чтоб черти ухватили* (СПП: 80), омск. *Сатана тебя (его, её и т. п.) подхвати!* (ФСРГС: 171), омск. *Псарня бы тебя (его, её и т. п.) прихватила!* (ФСРГС: 158); ■ *украсть*: яросл. *Чтобы тебя (его, их, вас и т. д.) черти скрaли* (ЯОС 10: 62), костр. *Укради тебя нечистый* (ЛКТЭ) и др.

УДАЛЕНИЕ ИЗ ЗОНЫ ГОВОРЯЩЕГО / ИСЧЕЗНОВЕНИЕ / ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В ОПАСНЫЙ ЛОКУС

<адресат проклятия – субъект передвижения>

■ *идти, ехать и др.*: простореч. *Иди к черту!*, сев.-вост. *Ступай к горному <черту>!* (Зотов 2010: 457), арх. *К лёшой матери езжай!* (АОС 13: 79), пск. *Катись катуцим камнем* (СРНГ 13: 136); ■ *спуститься, провалиться*: арх. *Спустись в крути́к* <обрывистый берег> (СГРС 6: 194),

морд. (рус.) *Чтоб тебе (ему, вам) провалиться в тартáрии!* (СРГМ 2: 1302), волгогр. *Провались в дóнную* (СДГВО: 483); ■ *исчезнуть, пропасть*: простореч. *Пропади ты пропадом*, влг. *Чтоб ты повывелся* (КСГРС) (ср. влг. *повывестись* ‘исчезнуть, пропасть’ – КСГРС), влг. *Чтоб ты изнётился* (КСГРС) (ср. арх., влг. *изнётиться* ‘исчезнуть, сойти на нет’ (СГРС 4: 322), арх. *довестись до нета* ‘дойти до предела, до полного исчезновения’ (АОС 11, 202), енис. *нётком звать* ‘об исчезновении кого-л.’ (СРНГ 21: 175) и др.⁶), орл. *Забурись ты* (СОГ 4: 14) (ср. зап., сев.-зап. *бурить* ‘бросать, швырять, разбрасывать’ – СРНГ 3: 288, 301–302); <адресат проклятия – объект перемещения> ■ *угнать, увести, унести*: арх., новг. *На лес тебя угóнь!* (СРНГ 19: 95), иркут. *Веди тебя леший* (СРНГ 17: 32), иркут. *Уведи лесной* (СРНГ 16: 374), новосиб. *Уведи татар* (ФСРГС: 195), новг. *Чтоб тебя пámхи* <нечистая сила> *унесли* (СРГК 4: 387), печор. *Пусть шишкó (лешак) унесёт* (ФСГНП 2: 229), арх. *Понеси тебя желвак* <нечистая сила> (АОС 13: 271) и т. д.

НАНЕСЕНИЕ ВЕРБАЛЬНОГО ВРЕДА, СОБСТВЕННО ПРОКЛЯТИЕ

■ *проклясть, заклясть*: ср.-урал. *Будь ты трижды зáклят* (ДЭИС), арх. *Будь зáклят* (АОС 17: 108), перм. *Будь ты трою проклятой* (СПГ 2: 449).

Если воспользоваться фундаментальной классификацией предикатов, предложенной Ю. Д. Апресяном (2009: 27–56), то можно сказать, что в проклятиях преобладают такие классы предикатов, как действия, воздействия, события, проявления; реже встречаются локализации и состояния, см. об этом (Апресян 2009: 37). Говоря о дополнительных семантических признаках, проявляющихся в разных классах предикатов, следует отметить, что для проклятий характерны финитивные глаголы (в семантике которых представлен признак прекращения существования, процесса и пр.), каузативные (признак каузации) и ликвидативные (признак ликвидации), см. Апресян 2009: 38.

Обозначим некоторые **словообразовательные и грамматические особенности** глаголов, занимающих позицию предиката в злопожеланиях.

1 Способность глагольной формы самостоятельно выражать грамматическую основу высказывания (без участия подлежащего)

Среди злопожеланий нередко встречаются такие, которые оформлены как односоставные сказуемые предложения. На эту особенность русских проклятий обратила внимание И. В. Козельская, подробно проанализировавшая их синтаксическую и логическую структуру (Козельская 2004: 10–23). Бесподлежащие злопожелания ярко иллюстрируют приоритетную роль предиката в

6 Возможно, от модального слова *нет* образован также предикат в орловском проклятии *Снётлел бы ты* (Козельская 2004: 222). О происхождении слов с семантикой исчезновения с корневым *нет-* и *нит-* см. подробнее: (Феоктистова 2003: 35–36, 42).

текстах этого жанра: первостепенна деструктивность действия (действия-состояния), направленного на проклинаемого (или осуществляемая самим проклинаемым), а его производитель (источник) может не называться.

В зависимости от референтной отнесенности такие проклятья делятся на два типа. Первый из них – проклятья (особенно часто отсылы), где действующим лицом является с а м п р о к л и н а е м ы й; при этом указание на лицо (деятеля) содержится в грамматической форме предиката – императива в ед. или множ. ч.: арх. *Пойди к жі́хору* (АОС 14: 240), простореч. *Провались пропадом* и т. д.

Второй тип – проклятья, в которых осуществление опасных/деструктивных (нежелательных) действий делегируется «внешнему» вредоносному деятелю – определенному (случаи типа олон. *Громовой бы силой взяло* (СРНГ 7: 151) и под., где деятель назван существительным в творительном падеже в роли дополнения) или не названному и неопределенному. Последние злопожелания особенно интересны. Они могут иметь форму безличного предложения, ср.: ворон. *Чтоб тебе выслепило!* (СРНГ 6: 23), оренб. *Язвило бы его в пуповину* (Моисеев 2010: 188), арх., иркут., том. *Кабы тебя со́скало* (СРНГ 40: 45) (ср. перм., арх., иркут., том. *соска́ть* ‘безл. одолеть, привести к смерти (недугом, болезнью)’ – СРНГ 40: 45), онеж. *Чтоб тебя стю́шило!* (СРНГ 42: 121) (ср. перм. *стю́шить* ‘сойти с ума’ – СРНГ 42: 121), свердл. *Чтобы тебе похитило* (СРНГ 30: 349) (ср. курск., том., свердл. *похи́тить* ‘причинить вред кому-л. силами волшебства, сглазить’ – СРНГ 30: 348), том., иркут. *Чтоб тебя пятна́ло!* (ФСРГС: 160), том. *Чтоб тебя язвило!* (ФСРГС: 160), омск. <А> *чтоб кого хру́стнуло (хря́стнуло)!* (ФСРГС: 214) и мн. др. Такие проклятия могут быть оформлены также как определенно-личные предложения с глаголом – императивом 2 л. множ. ч.: омск. *Испрохвати́ (кого) в рожу!* (ФСРГС: 89), вят. *Сгорбо́ть те* (СРНГ 37: 38), омск. *Проезди тебя (его, её и т. п.)!* (ФСРГС: 154), омск. *Поморни́ тебя!* (ФСРГС: 144), зап., юж.-сиб. *Скорби его!* (ФСРГС: 180), тобол. *Оязви́ те* (СРНГ 25: 105), олон. *Зажми́ ты!* (СРНГ 10: 86) и т. д. Для подобных высказываний характерно переносное употребление наклонения: «Императив, использующийся во всех этих конструкциях, утрачивает значение побуждения и начинает передавать семантику желательности» (Козельская 2004: 15) (ср. наглядную параллель: тобол. *Оязви́ те* – том. *Чтоб тебя язвило*).

2 Образование окказиональных отсубстантивных и отадъективных глаголов

Окказиональное словообразование – яркая особенность проклятий, при этом чаще всего встречаются окказиональные существительные и глаголы. В настоящей статье нас интересуют в первую очередь глаголы, но, прежде чем рассматривать их, стоит сказать несколько слов о существительных, кото-

рые лучше изучены (так, на белорусском материале на окказиональные субстантивы в злопожеланиях обратила внимание Е. И. Янович – 1995). Такие существительные называют субъекта-каузатора действия (актора проклятия), в роли которого обычно выступают анимизированные болезни (болезненные симптомы) и мифологические персонажи. Заметней всего это явление в случаях, когда глагол и производное от него существительное связаны корневыми повторами: ворон. *Облўп тебя облупи!* (СРНГ 22: 111), курск. *Осади осад* (кого-либо)! (СРНГ 23: 350), елец. *Расстрёл тебя расстреляй!* (СРНГ 34: 231), курск. *Нор тебя изнырай!* (СРНГ 21: 278) и др.⁷ Однако нередки примеры, когда подобные субстантивы функционируют в текстах автономно от производящего глагола: кемер. *Стрель те возьми* (СРНГ 41: 321), твер. *Разорва те возьми* (СРНГ 34: 53), ленингр. *Ну ты к задаву* (СРГК 2: 112), карел. *Сподóху нет на тебя!* (СРГК 6: 261) и мн. др. Отглагольные существительные (особенно окказиональные) иллюстрируют, как грамматика «работает» на прагматику: при необходимости глагол – носитель «нужной» (деструктивной) семантики может продуцировать «персонификацию» некоего существа, которое осуществляет вредоносные действия (является носителем предикативного признака).

Тот же прагматический механизм лежит в основе случаев с обратным направлением деривации – когда в текстах появляются окказиональные глаголы, образованные от существительных с необходимой для осуществления злопожелания семантикой, и благодаря этому усиливается перформативность высказывания. Так, интересно омск. *Распроякри (кого) в душу* (ФСРГС: 164), где *распроякри* – глагольное образование от существительного *проякорь* (омск., ср.-обск., том. *Проякорь тебя возьми!* – ФСРГС: 157; СРГС 4: 55), в свою очередь, производного от общенародного слова *якорь*, которое функционирует в составе ряда злопожеланий: простореч. *Разорви твою (его, вашу и пр.) душу якорь* (БСРП: 217), перм. *Якорь задави* (БСРП: 773), томск., новосиб. *Якорь тебя (его, её, их)* (СРГС 5: 386), байкал. *Вот якорь тебя задави* (КСРНГ). Очевидно, слово *якорь* попало в проклятия благодаря таким свойствам соответствующего предмета, как его тяжесть, способность останавливать движение, намертво «пригвоздив» что-л. к чему-л., и острота крюков (следует учесть, что соответствующее слово означает в говорах не только собственно якорь, но и другие орудия с крюками, в том числе багор, ср. костр. *Багор тебя проколи!* – ЛКТЭ). В примерах типа *Якорь задави* несомненна субстантивная природа слова, но рядом с ними можно найти случаи, в которых осуществляется «волнообразный» переход от существительного к глаголу, ср. томск. *Якори тебя*, омск. *Якри тебя* (КСРНГ),

7 Эти примеры, в которых существительные имеют окказиональную природу, – лишь частный случай корневых глагольно-именных повторов, распространенных в проклятиях. Такие повторы могут состоять также из узуальных слов: тамб., яросл. *Трясучка тебя истряси!* (СРНГ 12: 266), ряз. *Колóтье ты (тебя) заколи!* (СРНГ 14: 190) etc.

близкие приведенному выше *Распроякри кого в душу*. Стоит также отметить, что активность проклятий со словом *якорь* может отчасти объясняться фонетической экспрессией: это слово звучит в унисон эвфемистическим возгласам типа арх. *ёк-макарёк, ёк-макаёк, ёк-коренёк, екира-мара* (АОС 13: 89) и т. п. Наконец, укажем, что «якорные» проклятия могли попасть в просторечие и говоры из жаргона речников (моряков): неслучайно запрос *Якорь тебе* в различных поисковых системах в сети Интернет дает в качестве результата множество выражений типа *Якорь тебе в глотку, Якорь в задницу, Триста якорей мне в зад* и проч. (эти выражения – наряду с предложениями типа *Кошку в пятки, Мачту тебе в зад* и проч. – считаются «пиратскими»).

Еще один случай отсубстантивного окказионального словообразования – твер. *Чтоб тебя (его) разопритчило* (СРНГ 34: 52), где глагол восходит непосредственно к сев.-рус., ср.-рус. *притча* ‘внезапная болезнь, вызванная колдовством, сглазом’, ‘несчастье, беда, напасть’ (СРНГ 32: 33); ср. злопожелания с участием последнего: олон. *Притча бы тебе пришла*, яросл. *Притча тя хвати!* (СРНГ 32: 33) и др.

Показательно также новосиб. *Одноча́стни тебя!* (СРНГ 23: 55), где глагольная форма, вероятно, образована от слова *одночасье*; в этом случае выражение можно истолковать как «разорви тебя в одночасье».

Возможно, в ряд рассматриваемых случаев следует поставить и перм. *Чёмори тебя!* (СРГКПО: 343), где глагол произведен от перм. *чёмор* ‘черт’ (СПГ 2: 525), ср. записанное в том же говоре проклятие с более ясной структурой – *Иди к чёморе!* (СРГКПО: 343). Аналогично устроено и енис. выражение *Ногти ee!* (СРНГ 21: 267) – при диал. шир. распр. *ноготь* ‘общее название нескольких болезней скота’ (СРНГ 21: 266). Сюда же арх. *Жóлвий тебя!* (АОС 14: 256), образованное от арх. *жóлвей* ‘нарыв, фурункул’ (АОС 14: 256).⁸

Окказиональные глаголы, транслирующие «нужную» проклинающему семантику, могут образовываться не только от существительных. Так, предикат в омском проклятии *Ока́йни тебя!* (ФСРГС: 126) восходит к прилагательному (в знач. сущ.) *окайнный* (новг. ‘черт, нечистая сила’ (СРГК 4: 172), ср. также костр. *Иди под окайнного!* (ЛКТЭ), перм. *К семи окайнным* ‘далеко’ – «Куда он и ушел к семи окайнным» (ФСПГ: 248) и др.). Похожий пример – новосиб. *Пасни́ (опасни́) тебя (его, ee и т. п.) в душу!* (СРГС 3: 179; ФСРГС: 132); глагол здесь – дериват прил. *опасный(-ая)*.⁹ ср. новосиб. *Иди*

8 Вероятна трактовка ключевых слов в этих проклятиях как форм сущ. мн. ч.: *Чёмори тебя* ≈ простореч. *Чёрти тебя* – эллиптированный вариант злопожелания <Чтоб> *черти тебя* <побрали>. Однако активность в злопожеланиях императивов ед. ч. (ср. приводившиеся примеры: омск. *Поморни тебя!*, зап., юж.-сиб. *Скорби его!*, омск. *Окайни тебя!* и мн. др.) позволяет предположить глагольную природу рассматриваемых лексем.

9 Характерно, что *опасный* дает и дериват-существительное: новосиб. *Опáс на тебя (его и т. д.)* (ФСРГС: 126).

к опасному (опасным) ‘иди к черту, дьяволу’, новосиб. *Опасная на вас ‘черт вас возьми’* (СРНГ 23: 241), ср. еще случай с краткой формой прилагательного: омск. *Опáсна тебя в душу* (ФСРГС: 126).¹⁰

3 Активность приставочных и многоприставочных глаголов

Префиксы, входящие в состав глаголов, которые функционируют в злопожеланиях, не всегда призваны внести смысловые оттенки в их значение (даже в случаях, когда префиксация приводит к изменению вида глагола). Зачастую присоединение приставки к слову играет стилистическую роль и совершается для придания большей экспрессии всему выражению. Ср. примеры проклятий с использованием бесприставочных и разноприставочных однокоренных (в том числе разновидовых) глаголов в схожих контекстах:

- перм. *Бес бей!* (ФСПГ: 22) – смол. *Прáлик тебя забей/прибей/пробей* (ССГ 9: 7) – орл., ряз. *Лихой тебя избей!* (СРНГ 17: 78) – омск. *Обей ко-го-либо змей!* (ФСРГС: 82) – пск. *Побей гром по уху (кого)* (СПП: 32) – орл. *Антихрист тебя разбей!* (СОГ 1: 45);

- краснаяр. *Хвороба тебя дери* (СРГЦРКК 5: 56) – вят. *Лихорада тебя задери* (ОСВГ 5: 197) – яросл. *Одерет тя горой* (СРНГ 7: 18) – вят. *Мосяк тебя подери* (ОСВГ 6: 86);

- вят. *Керемёт тебя заломай* (ОСВГ 5: 39) – курск., орл., тобол., тул., рязан., ворон., дон. *Игрец тебя изломай/разломай/поломай!* (СРНГ 12: 70) – курск. *Облом тебя обломи!* (СРНГ 22: 108) – ряз. *Лом вас сломай!* (СРНГ 17: 115);

- моск. *Стрели (его, тебя и т. п.) пострéлом!* (СРНГ 30: 237) – оренб., уфим. *Пострел (его, тебя, тебе и т. п.) пострелí* (СРНГ 30: 237) – елец. *Расстрёл тебя расстреляй!* (СРНГ 34: 231);

- смол. *Чтоб тебя тетюха трясла* (СРНГ 44: 107) – тамб. *Трясучка тебя истрясí* (СРНГ 12: 266) – пск. *Пусть хоромы нечистый растрясёт* кому (СПП: 77);

- новосиб. *Хвати (кого) лётна боль!* (ФСРГС: 14) – ср.-приирт. *Халúдра <болезнь> (тебя и т. д.) захвати* (СРСГСРП 3: 266) – курск. *Подхвати тебя лихая доблесть!* (СРНГ 28: 236) – омск. *Псарня бы тебя (его, её и т. п.) прихватила!* (ФСРГС: 158) – пск. *Гад ухвати кого* (ПОС 6: 122)

и т. п.

10 Примечательна возможность образования глаголов, не фигурирующих непосредственно в злоречениях, но описывающих процесс пожелания недоброго (синонимичных глаголу *проклинать*), от самых разных частей речи. Ср., например: яросл. *черкять* ‘бранить ко-го-л., поминая черта; чертыхаться’ – «Черкять начнёт нас, **чёрным** ругает всё, **чёртом**» (ЯОС 10: 54). Интересен также случай, когда глагол является дериватом числительного: перм. *тройкать* ‘ругать, бранить, используя проклятья’ – «Шибко я его тройкала: будь, мол, ты **трою** проклятой» (СПГ 2: 449) (ср. распространенную брань: вят., перм., сиб. *Будь ты трою проклят!* (СРНГ 45: 141), перм. *Будь трое проклятой (трое со свету)!* (ФСПГ: 382; СПГ 1: 72), где *трою* = *трижды*).

Особенно «популярна» в проклятиях экспрессивная глагольная приставка *раз-/рас-*, ср. часть многочисленных примеров: ■ омск. *Опáсна тебя в душу* (СРНГ 45: 316) – омск. *Разопáсни кого в душу* (ФСРГС: 164); ■ иркут. *Пятна́й тебя (его, её и т. п.) <в глаза>!* (ФСРГС: 159) – иркут. *Распятна́й тебя (его, её и т. п.)* (ФСРГС: 164); ■ омск. *Язви те в рожу* (СРНГ 35: 146), тобол. *Оязви́ те* (СРНГ 25: 105) – том. *Разъязви́ тебя* (СРНГ 34: 80). Показательны также случаи, не составляющие пару: смол. *Разбуби́ твои животы* (ССГ 9: 83), смол. *Рак тебя распеки* (ССГ 9: 100), перм. *Ростравь в шары!* (СПГ 2: 300), твер. *Чтоб тебя, его разопритчи́ло* (СРНГ 34: 52), орл. *Удар тебя разударь* (Козельская 2004а: 223), орл. *Рассто́н тебя расстанáй-то!* (СРНГ 34: 230), морд. *Чтоб тебя раздробило/разодра́ло на сто до́ль/распо́лысну́ло/распо́лыхну́ло!* (СРГМ 2: 1040, 1058–1059) и т. д.¹¹

В некоторых случаях экспрессивность достигается с помощью присоединения к основе глагола не одной, а сразу нескольких приставок: омск. *Испрохвати́ кого в рожу!* (ФСРГС: 89), омск. *Распро́трафь тебя (его, её и т. п.) в рожу* (ФСРГС: 164) (ср. омск. *Трапь тебя* – СРНГ 45: 8), морд. (рус.) *Чтоб тебя (его, вас и т. п.) распоразило́!* (СРГМ 2: 1059), омск. *Распро́якри́ кого в душу* (ФСРГС: 164), смол. *Заповётрей ты* – «Зыпаветрий ты, жысь тыкая!» (ССГ 4: 100) и др.

4 Трансформации глагольных форм вследствие табуизации

Собирателям диалектной лексики и фольклористам-полевикам хорошо известно, как информанты произносят «под запись» сакральные тексты (заговоры, молитвы и пр.): скороговоркой, меняя местами слова и слоги, – так, чтобы они не звучали «всуе». Судя по тому, как передаются злоречения в лексикографических источниках, то же касается и проклятий (в том числе брани): диалектоносители прибегают к механизму табуизации с целью «затемнить» запретный текст и тем самым модифицировать (ослабить, а иногда и усилить) его негативное воздействие. Невнятное и быстрое проговаривание проклятий, кроме того, связано с экспрессивностью этого жанра. Так или иначе, специфическое произнесение злоречений приводит к трансформациям слов, входящих в их состав, в том числе глаголов.

Распространено, например, явление *компрессии*, результатами которой являются случаи типа карел. *Пой к вергою* <черту>, олон. *Пой в вергой* (Черепанова 1983: 76) (*пой* <*пойди*>); сев., олон. *Измі́ тя* (СРНГ 12: 158) (*изми* <*изойми* от *изнять* – см. СРНГ 12: 158). Близкий пример – когда компрессии подвергается краткая форма страдательного причастия – часть составного глагольного сказуемого, которым выражен предикат в проклятии: перм. *Будь*

¹¹ Ср. даже возможность участия приставки *раз-* в образовании экспрессивных существительных: омск. *Расхолéра тебя* (СРНГ 34: 303).

про́ни! (СПГ 1: 72) (*прони* < *пронят* < *пронимать* ‘предать проклятию’ (перм.) (СРГСУ 5: 31), ср. перм. *Будь ты пронятóй!* – СРНГ 32: 196).

Другое явление, «работающее» в злоречениях, – транспозиция (межчастеречный переход). Ср., например: ленингр. *ухтёй аредом* ‘пропади пропадом’ – «Ухтей аредом эта корова!» (СРГК 6: 669), где *аредом* ‘прахом (пойти, рассыпаться и т. п.)’ (< *аред* < библ. *Иаред* – Аникин РЭС 1: 271–272, со ссылкой на И. В. Родионову), императив *ухтей* – транспозит наречия *ухтёй* ‘зря’, ‘напрасно’ (ленингр. и др.) (СРГК 6: 669). Последнее, в свою очередь, является результатом межчастеречного перехода из разряда местоимений, ср. ленингр. *ухтёй* ‘как возглас сожаления, удивления, о господи’ – «Ухтей, каша подгорела», а также ленингр. *ухтё* ‘да и всё, и конец’ (СРГК 6: 669), восходящие, скорее всего, к возгласу *Ух ты!*

Как видно из последнего примера (*ух ты* > *ухте(й)*), транспозиция может сопровождать у н и в е р б а ц и ю. Злоречение, иллюстрирующее совокупное действие этих процессов, – ворон., смол., тамб., енис. *Бодáй тебе!* (СРНГ 3: 54). Повелительная форма глагола здесь также восходит к междометию: *бодай* < *бог дай*. Исходное словосочетание проявляется в смол., тамб., ворон. *Богдай тебя (тебе)*: «Выражает проклятие, пожелание кому-либо всего дурного: *богдай тебе или тебя – ну тебя, чтоб тебя нелегкая*» (СРНГ 3: 47). Нестяженные формы встречаются и в близкородственных языках, ср., к примеру, блр. *Багдай ты акалеў, Багдай яго ліха ўзяла* (Выслоўі 1979: 202). Смысловая связь с исходным **бог дай* прослеживается, к примеру, в енис. *Бодáй те провалиться* (СРНГ 3: 54). Однако есть выражения с формой *бодай*, где можно предполагать вторичное притяжение к *бодать* ‘колоть рогами’, которое хорошо семантически вписывается в круг предикатов злопожеланий. Такая аттракция, на наш взгляд, проявляется в тех выражениях, где происходит замена глагольного управления – и глагол управляет местоимением не в дат. п., а в вин. п.: терск., дон., пск. *Бодáй тебя!* (СРНГ 3: 54), краснояр. *Хвороба тебя бодáй* (СРГЦРКК 5: 56) и др.; закрепление аттракционных процессов происходит во фраземах с формой *забодай*: вят. *Керемёт тебя забодáй* (ОСВГ 5: 39), волгогр. *Забодáй (кого-л.) болячка* (СДГВО). Более того, субъект «бодания» может «персонифицироваться»: волгогр. *Забери тебя бодáй!* (БСРП: 49). Очевидно, подобное словоупотребление дает толчок для выделения имени «персонажа» из проклятий, наделения его функцией устрашения, ср. формулы угроз, обращенные к детям, где функционируют деэтимологизированные формы *бодáй*, *бадáй*, *бадя*, *ба́дя*, *бага́й* ‘: «Бадяй придёт, в сумку тебя посадит, – детей пугали, кто не слушался», «Вот бадя придёт да заберёт тебя», «Не ходи, бодай схватит», «Спи, а то бадяя позову», «Мы бадяем пугаем ребенка», «Бадяй-то всё слышит» (СГРС 1: 40, 130; КСГРС).¹²

12 Более прозрачная форма *бодай* записана в том же Шекснинском районе Вологодской области, в котором зафиксированы и другие варианты – *бадáй* etc. (распространенные также в других районах западной части Вологодчины); это обстоятельство укрепляет нас в мысли о том, что данные формы генетически идентичны.

Таким образом, можно говорить еще об одном процессе, усиливающем «зашифрованность» проклятий, – процессе а т т р а к ц и и. Примеров аттракции много, приведем еще лишь один: в перм. *Дуй трой прѡклят!* (СПГ 1: 239) представлена форма *дуй*, которая, вероятно, возникла из *будь* (ср. вят., перм., сиб. *Будь ты трою проклят!* – СРНГ 45: 141) при аттракции к глаголу *дуть*, являющемуся типичным предикатом проклятий.

Рассмотрены не все, но только наиболее характерные особенности, присущие предикату русских злопожеланий. При их выделении мы руководствовались задачами семантической реконструкции и этимологии, отбирая те явления, изучение которых поможет не только представить модель «генерирования» проклятий (через призму их важнейшего компонента – предиката), но и осуществить интерпретацию темных слов, нередко встречающихся в их составе.

СОКРАЩЕНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

- Аникин РЭС** = А. Е. Аникин, *Русский этимологический словарь* 1–, Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–.
- АОС** = *Архангельский областной словарь* 1–, под ред. О. Г. Гецовой, Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1980–.
- Апресян 2009** = Ю. Д. Апресян, *Исследования по семантике и лексикографии I: парадигматика*, Москва: Языки славянских культур, 2009.
- БСРП** = В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, *Большой словарь русских поговорок*, Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- БТДК** = *Большой толковый словарь донского казачества*, Москва: Русские словари – Астрель – АСТ, 2003.
- Виноградова 2008** = Л. Н. Виноградова, К проблеме типологии и функции магических текстов: формулы проклятий в народной культуре, *Письменность, литература и фольклор славянских народов: XIV Международный съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.): доклады российской делегации*, отв. ред. А. М. Молдован – Л. И. Сазонова, Москва: Индрик, 2008, 397–411.
- Выслоўі 1979** = *Выслоўі*, склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ. артыкул і камент. М. Я. Грынблата, рэд. А. С. Фядосік, Мінск: Навука, 1979.
- Гришанова 2001** = Гришанова В. Н., Устойчивые сочетания со значением недоброго пожелания, *Славянский альманах 2000*, ред. Т. И. Вендина и др., Москва: Индрик, 2001, 467–472.
- ДЭИС** = *Традиционная культура Урала: диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала* [электронный ресурс], авт.-сост. О. В. Востриков – В. В. Липина, Екатеринбург: Свердловский областной Дом фольклора – Кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, 2009, 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Зотов 2010** = Зотов Г. В., *Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России*, под ред. А. А. Соколянского, Магадан: Издательство СВГУ, 2010.
- Козельская 2004** = И. В. Козельская, *Синтаксическая структура и компонентный состав диалектных устойчивых выражений со значением недоброго пожелания как отражение мировосприятия носителей говоров*, автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004.
- Козельская 2004а** = И. В. Козельская, *Синтаксическая структура и компонентный состав диалектных устойчивых выражений со значением недоброго пожелания как отражение мировосприятия носителей говоров*, дис. ... канд. филол. наук, Орел, 2004.
- КСГРС** = картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

- КСРНГ** = картотека «Словаря русских народных говоров» (Институт лингвистических исследований, Санкт-Петербург).
- ЛКТЭ** = лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Малеча 1–4** = Н. М. Малеча, *Словарь говоров уральских (яицких) казаков* 1–4, Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2002–2003.
- Моисеев 2010** = Б. А. Моисеев, *Оренбургский областной словарь*, Оренбург: Издательство ОГПУ, 2010.
- ОСВГ** = *Областной словарь вятских говоров* 1–, под ред. В. Г. Долгушева – З. В. Сметаниной, Киров: Коннектика – Издательство ВятГГУ – Радуга-ПРЕСС, 1996–.
- Подвысоцкий 1885** = А. И. Подвысоцкий, *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*, Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1885.
- ПОС** = *Псковский областной словарь с историческими данными* 1–, под ред. Б. А. Ларина и др., Ленинград / Санкт-Петербург: Издательство С.-Петерб. ун-та, 1967–.
- Самойлова** = Е. Е. Самойлова, *Прагматика, семантика и структура севернорусских проклятий* [электронный ресурс] (<http://www.ruthenia.ru/folklore/samoylova1.htm>).
- СГРС** = *Словарь говоров Русского Севера* 1–, под ред. А. К. Матвеева, Екатеринбург: Издательство Урал. ун-та, 2001–.
- СДГВО** = Р. И. Кудряшова – Е. В. Брысина – В. И. Супрун, *Словарь донских говоров Волгоградской области*, под ред. проф. Р. И. Кудряшовой, Волгоград: Издатель, 2011.
- СОГ** = *Словарь орловских говоров* 1–, Ярославль – Орел, 1989–.
- СПГ** = *Словарь пермских говоров* 1–2, под ред. А. Н. Борисовой – К. Н. Прокошевой, Пермь: Книжный мир, 1999–2002.
- СПП** = В. М. Мокиенко – Т. Г. Никитина, *Словарь псковских пословиц и поговорок*, Санкт-Петербург: Норинт, 2001.
- СРГК** = *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* 1–6, гл. ред. А. С. Герд, Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 1994–2005.
- СРГКПО** = *Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа*, науч. ред. И. А. Подюков, Пермь: Издательство ПОНИЦАА, 2006.
- СРГМ** = *Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия* 1–2, под ред. Р. В. Семенковой, Санкт-Петербург: Наука, 2013.
- СРГС** = *Словарь русских говоров Сибири* 1–5, под ред. А. И. Федорова, Новосибирск: Наука, 1999–2006.
- СРГСУ** = *Словарь русских говоров Среднего Урала* 1–7, под ред. А. К. Матвеева, Свердловск: Среднеуральское книжное изд-во – Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.
- СРГЦРКК** = *Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края* 1–5, под ред. О. В. Фельде (Борхвальдт) – С. П. Васильевой, Красноярск, 2003–2010.
- СРГЮП** = И. А. Подюков и др., *Словарь русских говоров Южного Прикамья* 1–3, Пермь: Издательство Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.
- СРНГ** = *Словарь русских народных говоров* 1–, гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников, Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–.
- СРСГСП** = *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья* 1–3, под ред. Г. А. Садретдиновой, Томск: Издательство Том. ун-та, 1992–1993.
- ССГ** = *Словарь смоленских говоров* 1–11, отв. ред. Л. З. Бояринова – А. И. Иванова, Смоленск: СГПИ/СГПУ, 1974–2005.
- Толстая 1994** = С. М. Толстая, *Вербальные ритуалы в славянской народной культуре, Логический анализ языка: язык речевых действий*, отв. ред. Н. Д. Арутюнова – Н. К. Рябцева, Москва: Наука, 1994, 172–177.
- Феокистова 2003** = Л. А. Феокистова, *Номинативное воплощение абстрактной идеи (на материале русской лексики со значением 'пропасть, исчезнуть')*, дис. ... канд. филол. наук, Екатеринбург, 2003.

- ФСГНП** = *Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры 1–2*, сост. Н. А. Ставши-на, Санкт-Петербург: Наука, 2008.
- ФСПГ** = *Фразеологический словарь пермских говоров*, сост. К. Н. Прокошева, Пермь: Изда-тельство Перм. гос. пед. ун-та, 2002.
- ФСРГС** = *Фразеологический словарь русских говоров Сибири*, под ред. А. И. Федорова, Ново-сибирск: Наука, 1983.
- Чередник 2006** = В. А. Чередник, *Вербальные формулы проклятий в русском языке*: дипл. работа, Екатеринбург, 2006.
- Черепанова 1983** = О. А. Черепанова, *Мифологическая лексика Русского Севера*, Ленинград: Издательство Ленингр. ун-та, 1983.
- Янович 1995** = Е. И. Янович, *Текстовая структура и формуляр белорусских народных про-клятий, Язык и этнический менталитет*. Петрозаводск: Издательство ПГУ, 1995, 55–60.
- ЯОС** = *Ярославский областной словарь 1–10*, науч. ред. Г. Г. Мельниченко, Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.

POVZETEK

K rekonstrukciji leksične sestave ruskih ljudskih kletev: skupna značilnost predikata kletve

Članek je posvečen kratki karakteristiki enega od važnih strukturnih elementov ruskih kletev – predikata – in opisu lastnosti glagolov, ki zavzemajo ta položaj v zlohotnih besedilih. Avtorici opredeljujeta osrednje mesto predikata v logični strukturi kletev, prebirata osnovne semantične tipe glagolov, ki nastopajo v besedilih tega žanra (po terminologiji J. D. Apresjana gre za predikativne razrede dejanja, vplivanja, dogodka, pojavitve; manj pogosto lokalizacije in stanja); luščita njihove osnovne besedotvorne in slovniške posebnosti. Med zadnje spadajo: (1) sposobnost glagolske oblike samostojno izražati slovniško osnovo povedi, brez udeležbe osebk (gre za razširjeni tip kletev, oblikovanih v enodelne stavke povedka: *sverdl. Čtoby tebe pohitilo* ipd.); (2) oblikovanje priložnostnih izsamo-stalnih in izpridevnih glagolov (omsk. *Rasprojákri (kogo) v dušu < jakor'*; novosib. *Od-nočástni tebja! < odnočas'je* itd.); (3) aktivnost predposkiskih in mnogopriposkiskih glago-lov (omsk. *Isprohvatí kogo v rož!*; mord. (rus.) *Čtob tebja (ego, vas) ipd.) rasporazílo!* idr.); (4) pretvorbe glagolskih oblik zaradi tabuizacije (mehanizmi kompresije, transpozici-je, univerbizacije in atrakcije).

МАРТА БЈЕЛЕТИЋ

ПРИЛОГ ПРОУЧАВАЊУ ПСЛ. ГЛАГОЛА **kapati*

COBISS: 1.01

Prispevek k proučevanju psl. glagola **kapati*

V delu se semantično analizirajo slovanski (predvsem srbskohrvaški) kontinuantni psl. glagola **kapati*, in to tistih, ki se etimološko povezujejo z lit. *kāpanoti* ‘ubijati, клати’, *nusikāpanoti* ‘umirati, crkavati’. Rezultati analize krepijo mnenje prvotne istovetnosti s psl. **kapati* in **kopati*.

Ključne besede: (pra)slovanščina, baltščina, glagol, semantika, etimologija

A contribution to the study of the PSI. verb **kapati*

This article offers a semantic analysis of Slavic (mostly Serbo-Croatian) derivatives of the Proto-Slavic verb **kapati*, especially those etymologically connected with Lith. *kāpanoti* ‘to kill’, *nusikāpanoti* ‘to die’. The results of this analysis support the supposition of the common origin of Proto-Slavic **kapati* and **kopati*.

Keywords: (Proto-)Slavic, Baltic, verb, semantics, etymology

- 0 Псл. глагол **kapati* нема општеприхваћену етимологију. Најчешће се тумачи као ономотопеја (Berneker 487; Skok 2: 40–41; Sławski 2: 50; Machek 239–240 s.v. *kapati* 1; ESJS 302–303) и пореди са лит. *kapnóti* ‘капати (о киши)’ (Sławski l.c.; Fraenkel 217). Међутим, разуђена семантика овога глагола указује и на друге могуће етимолошке везе које се, према постојећим тумачењима, грањају у два правца. Значење чеш. *kapati* ‘вући се’ указивало би на везу са лит. *kópti* ‘пузати, милети’, лет. *kāpt* ‘пузати, милети, ићи, ходати’ (Machek 240 s.v. *kapati* 2; Snoj 284–285 s.v. *kāplja*), док семантика слабљења, пропадања, умирања, присутна у већини словенских језика, упућује на поређење са лит. *kāpanoti* ‘убијати, клати’, *nusikāpanoti* ‘умирати, цркавати’ (Fraenkel 1: 216–217; Sławski l.c.; Bezlaž 2: 17–18 s.v. *kapljāti*). У овом прилогу позабавићемо се потоњим случајем.
- 1 Глагол **kapati* у основном значењу добро је посведочен у свим словенским језицима, уп. стсл. **капати** ‘капати’, с.-х. *kāpati* ‘id.’, ‘лити, проливати’, ‘прокишњавати’, мак. *капе* ‘капати’, ‘прокишњавати’, буг. *капя* ‘капати’, слн. *kāpati* ‘капати, цурити’, чеш. *kapati* ‘капати’, глуж. *кара́с* ‘id.’, длуж. *кара́с* ‘id.’,

Овај прилог је резултат рада на пројекту 178007 „Етимолошка истраживања српског језика и израда *Етимолошког речника српског језика*“ који у целини финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

пољ. *karas* 'id.', рус. *káпaть* 'id.', 'сипати кап по кап', укр. *káпати* 'капати', блр. *káпaць* 'id.' (ЭССЯ 9: 144–145 s.v. **karati*); уп. и облике на -*нѣти*:- стсл. *кaпѣти* 'капнути; цурити', с.-х. *kàнyти* 'капнути', 'пролити кап, сузу', *kàпнyти/kàпнyти* 'капнути', мак. *капне* 'id.', буг. *kàпна* 'id.', слн. *kànitì, kàpnitì* 'id.', чеш. књиж. *kapouti* 'капати, тећи, цурити', *kàpnouti* 'капнути, накапати', слч. књиж. *kapít* 'цурити, тећи (нпр. о сузама)', пољ. *kapács*, заст., дијал. *kapács* 'капнути', рус. *kàпнyть, kàнyть* 'id.', дијал. *kàнyть* 'накапати, налити кап по кап', 'тећи, сливати се', 'пропуштати воду', укр. *kàнyти* 'капати, тећи', *kàпнyти* 'капнути', дијал. *kàнyти* 'id.' (ЭССЯ 9: 147–148 s.v. *kapnѣти*).

- 2 У већини словенских језика глагол **karati* има и друга значења, уп. срп. *kàпати* 'радити без предаха, изгарати, мучити се', 'чамити, злопатити се, пропадати, скапавати, трунути' (РСА), чеш. дијал. *karat* 'цржавати, липсавати', *karat dólu* 'венути, пропадати (од болести)', слч. *karat* 'цржавати', дијал. *karat* 'сатирати се тешким радом, гинути' (ЭССЯ 9: 144–145); срп. *kàпнyти/kàпнyти* 'уморити се, изнемоћи, истрошити се', мак. *капне* 'клонути, изнурити се', буг. *kàпна* 'исцрпсти се, ослабити', 'нестати; умрети', дијал. 'изнурити се од рада', 'преморити се', чеш. *kàpnouti* 'нестати, умрети' (ЭССЯ 9: 147–148 s.v. **kapnѣти*).

Поменута значења реализују се и у префигираним облицима глагола, уп. с.-х. *òкапати* 'измучити се', 'скапати, пропасти, сагњити', мак. *окапе* 'оне-моћати, ослабити', буг. *окàпя* 'иструлити, сагњити', чеш. *okapati* 'распасти се, оронути', стслч. *okapat* 'нестати, пропасти', пољ. дијал. *okarac* 'нестати, пропасти, ослабити', 'упропастити, постати упропашћен' (ЭССЯ 27: 101–102 s.v. **obkarati*); срп. дијал. *раскàпље се* 3. sg. 'дозри, презри': Од ово јакò сунце праске узрèле, па се раскàпàле Црна Река (Марковић 1993), мак. *раскапе се* 'иструлити, иструнути, распасти се', буг. *разкàпя се* 'трулити, гњити, распадати се', стслч. *rozkarat' sa* 'настрадати, умрети' (ЭССЯ 33: 156–157 s.v. **orzkarati (se)*); срп. дијал. *òткaпати* 'јакò озеппсти, прозеппсти, смрзнyти се' (РСА), буг. *откàпвам* 'гњилети, трулити, отпадати (о делу тела који се од изнурености, хладноће одузима и не може више да се покреће)', чеш. заст. *odkarati* 'липсати, црћи (о стоци)', 'умрети (од смрзавања)', дијал. *odkarat* 'умрети, црћи', стслч. *odkarat* 'пасти, црћи, липсати (о стоци)', слч. разг. *odkarat* 'угинути, црћи (о људима)', дијал. 'црћи, липсати, одапети, нестати' (ЭССЯ 37: 47 s.v. **otъkarati*); с.-х. *скàпати* 'погинути, умрети (од муке, од јада, од каквог другог тешког стања)' (РЈА), слн. *skàpati* 'пропасти, цркнути, угинути' (Bezljaj 2: 17 s.v. *kàpati*), слч. *skarap* 'погинути, цркнути, нестати', пољ. *skarac* 'умрети, погинути', укр. *скàпàтися* 'погинути, цркнути, нестати',¹ такође буг. *скàпвам се* 'распадам се, трулим' (Sławski 2: 55 s.v. *kapieć*).

1 Укр. глагол се сматра позајмљеницом из пољског или словачког (ЕСУМ 5: 265). Одговарајући облик посведочен је и у белоруском – *скапéць* 'стиснути се, смањити се, разболети се, нестати', али је то у белоруском периферна реч (ЭСБМ 12: 112).

3 У етимолошкој литератури преовлађује мишљење да је псл. **kapati* ‘падати кап по кап’ у појединим словенским језицима секундарно развило значења ‘слабити, пропадати’, ‘умирати, црквати’, настала депревербацијом од облика са префиксима **izb-*, **sb-*, који су и данас чешћи у том значењу. Семантички развој био би следећи: ‘истећи кап по кап, до краја’ > ‘постепено западати у све горе стање (физичко, материјално); слабити, пропадати, умирати’ (Vaillant 1946: 14; цитира Sławski 2: 55 s.v. *kapieć*; уп. и Skok 2: 40–41; ЕСУМ 5: 265 s.v. [*skánátusja*]; ЭСБМ 12: 112 s.v. *сканѣць*). Као аргумент за овакво тумачење Славски наводи податак да у народу постоји обичај паљења свеће да би неко ‘скапао’ као упаљена свећа (Sławski l.c.).² Очигледно је, дакле, да се примарним значењем псл. **kapati* сматра значење ‘капати, падати у капи-ма’, из којег се ланчано развијају секундарна значења ‘слабити, пропадати’, ‘умирати, црквати’ итд. По Скоку, у питању је метафоризација исходишног значења: „У префиксалним сложеницама метафоричко значење полази од упоређења ‘падати као кап, одмах, дуго, пропадати као кап у води’...” (Skok 2: 40).

3.1 Треба нагласити да се значења ‘слабити, пропадати’, ‘умирати, црквати’ јављају углавном у јужнословенским и западнословенским језицима.³

Значење ‘(ис)трулити’ раширено је у јужнословенским језицима (осим словеначког). У с.-х. језику оно је карактеристично за говоре ји. Србије,⁴ а распрострањено је и у македонском и бугарском. Будући да се труљење може схватити као један од видова пропадања, значење ‘трулити’ регуларно би се могло извести из ‘слабити, пропадати’, иако може бити и другачије мотивисано (в. Вучковић 2007: 29–30).

Значење ‘смрзнати се’ посведочено је превасходно у с.-х. језику (у говорима ји. Србије, Метохије и Црне Горе).⁵

2 Ради се заправо о проклетству као вербалном клишеу који има за циљ да нанесе штету одређеном адресату (в. SM 270 s.v. *клетва*). Проклетство је превасходно вербални ритуал, и само је понекад праћено додатним радњама. У Белорусији, источној Пољској и код јужних Словена акционалне форме проклетства везане су за црквену симболику. На пример, у Бјалистоку (Пољска) жена доноси у цркву свећу, пали је, и док свећа гори, изговара речи: „A żeby ty skapał tak, jak ta świeca!” (в. Виноградова 2008: 406). Врло је вероватно да је овде у питању само паретимолошко повезивање *капања* (воска) и *скапавања* (‘пропадања, умирања’).

3 Због ограниченог простора није могуће навести све потврде прикупљене за потребе овога рада. Напомињемо да је за српски језик урађена детаљна ексерпција лексикографских извора и да ће тај материјал бити објављен на другом месту.

4 Уп. *kàpe se* impf. ‘скапава се, трули’ Црна Трава (Стојановић 2010); *скàпем* pf. ‘иструлим’ Лужница (Ђирић 1983), *скàпем се* ‘id.’ Преображење (Златановић 1998), *скàпе* ‘иструли’, *скàпе се* ‘исквари се, пропадне, иструли, убуђа се (о воћу, поврћу)’ Црна Трава (Стојановић 2010), Тимок (Кожељац 2014), Пирот (Живковић 1987).

5 Уп. *kàpe se* impf. ‘мрзне се’ Каменица код Ниша (Јовановић 2004); *откàпе* pf. ‘озепсти’ Пирот (Златковић 2014), *откàпље* ‘промрзне’ Црна Река (Марковић 1986); *прекàп-нем* ‘смрзнем се’ Врање (Златановић 1998), *прекàпе* ‘много смрзне, премрзне (о рука-

Сва поменута секундарна значења глагола **kapati* заправо означавају процес слабења, пропадања, узрокован различитим чиниоцима (глад, жеђ, умор, тежак рад, хладноћа итд.) који на крају доводи до коначне пропасти, престанка постојања. Ипак, недоумицу изазива однос секундарних значења према основном ‘капати, падати у капима’, јер објашњење да су она плод његове метафоризације није довољно убедљиво.

- 4 Као што је на почетку речено, псл. глагол **kapati* у значењу ‘слабити, пропадати, умирати’ доводи се у везу са лит. *kāpanoti* ‘убијати, клати’, *nusikāpanoti* ‘умирати, цржавати’.⁶ Када је реч о овом глаголу, треба узети у обзир целу његову породицу, онако како је описује Френкел. Поред наведених облика, он ту сврстава још и *kapūtyti* ‘убити, заклати’, *kāpanotis*, *kāpurnotis*, *kēpurnotis* ‘копрцати се, ударати рукама и ногама око себе, докопрцати се, скончати’, сматрајући да ове речи стоје у вези са лит. *karóti* ‘сецкати’ итд., али да су се укрстиле и са једном ономотопејском породицом (барем када је у питању значење ‘копрцати се’), заступљеном литавским *keperzuoti*, *kepers(t)uoti* ‘ћипати, укочити се у месту, ритати се задњим ногама (о коњу)’, *kepersaĩs*, *keperzaĩs* ‘у скоковима, скоковито, скачући’, *kepresỹs* ‘скачући, галопирајући’, *išsikēpuruoti* ‘с муком испузати’, *kepės(t)uoti* ‘с муком, несигурно се вући’, *kēpteleti*, *kēpterėti* ‘упропастити се, пропасти, умрети’. Из летонског наводи још и *ķeparāt(iēs)*, *-uōt(iēs)*, *ķepuruōt(iēs)* ‘копрцати се, с муком се пробијати, мучити се’, где је *ķ* вероватно литавског порекла и одбацује поређење са чеш. *čpár*, глуж. *spara*, длуж. *špara* ‘канца’ < **čьparъ*. На крају истиче да је индикативно што пол. *karac* ‘капати’ које је, према Бернекеру, ономотопејског порекла, у дијалектима има и значења ‘умрети, пропасти, осиромашити’, уп. и *kapięc* ‘пропадати, опадати, слабити, сиромашити’, блиска значењима лит. *kāpanotis*, *nusikāpanoti* (Fraenkel 1: 216–217 s.v. *kāpanoti*).⁷

- 4.1 Смочињски изводи лит. *kāpanotis*, *nusikāpanoti* од лит. *-kàpti*, *-kampù*, *-karai*, посведоченог само у префигираним облицима, чија су значења за нас посебно релевантна, уп. *nukàpti* ‘уморити се, намучити се’, *prikàpti* ‘уморити се (о коњу)’, ‘отупети (о секири)’, ‘понестати, усфалити’. Као

► ма, ногама, ушима’ Пирот (Златковић 2014), Црна Трава (Стојановић 2010); *skānam* ‘озепсти, смрзнати услед велике хладноће’ сев. Метохија (Букумирић 2012).

6 Треба имати у виду да лит. *nu-* (овде са *-si-* као знаком рефлексивности/интранзитивности) семантички одговара словенском *ot(ъ)-* (чији етимолошки еквивалент, лит. *at-*, нема аблативно, него дативно значење: *ateiti* ‘прићи’ а не ‘отићи’). У том погледу, лит. *nusikāpanoti* семантички одговара псл. **otъkapati* (в. § 2).

7 Треба напоменути да образовања горенаведених глагола не представљају регуларне творбене типове, осим глагола на *-(s)noti* који углавном имају деминутивно значење и означавају итеративну радњу малог интензитета, нпр. *lynóti* ‘падати (о киши), шкрупити, прскаати’, ... *kapnóti* ‘полако сећи (дрва); шибати (о киши) итд.’ : *karóti* ‘сећи’ (Otrębski 1965: 346).

деривате глагола *-kàpti* он наводи следеће облике: *kāpana* ‘помор, нпр. свиња’,⁸ одатле деноминали *kāpanoti* ‘тешко радити, диринчити, ринтати; тешко ходати’, *iškāpanoti* ‘црћи’, *sukāpanoti* ‘разболети се’, рефл. *kāpanotis* ‘тешко боловати, умирати, цржавати’, *nusikāpanoti* ‘умрети, црћи’; *kāparas* ‘крај, смрт (посебно о малим животињама и птицама)’, вар. *kāporas* ‘крај, смрт’, одатле деноминали *nusikāparoti*, *-kapariūoti* ‘црћи’. Облик презента *kampū* глагола *-kàpti* тумачи се уметањем назалног инфикса у основу *kap-* која је у *kapū*, *kàpti* ‘полако сећи, кресати (грање)’, уз напомену да је семантичка страна неразјашњена (Smoczyński 2007: 254 s.v. °*kàpti*). Френкел пак за семантичку везу између *kàpti* (*kapiū*) ‘ударати, сећи’ и *kàpti* (*kampū*, *karaiū*) ‘изнурити се, уморити се’ упућује на гр. κόπτειν ‘ударати’ и ‘уморити се’ (Fraenkel 1: 217–218 s.v. *kapóti*; прихвата Derksen 2015: 226).

- 4.2 И Дерксен разликује *kapti* I: лит. дијал. *kàpti* ‘сецнути’ (3. pres. *kāpa*, 3. pret. *kāpē*), стпр. *enkopts* pt. pf. pass. ‘укопан, сахрањен’⁹ и *kapti* II: лит. дијал. *kàpti* ‘уморити се’ (3. pres. *kaīpa*, 3. pret. *kāpo*), али мисли да је посреди исти корен (Derksen 2015: 226).

Из изложеног је јасно да се лит. *kāpanotis*, *nusikāpanoti* доводи у везу са лит. *kàpti* ‘сецнути’, *kapóti* ‘сећи’. Како је потоњи облик итератив од *kàpti*, који се формално у потпуности подудара са псл. *kopàti* (в. Smoczyński 2007: 254; Derksen 2015: 225–226), наш фокус се усмерава на могуће заједничко порекло псл. **kapati* и **kopati*, на шта је указао Трубачов (ЭССЯ 9: 144–145 s.v. **kapati*).¹⁰

- 5 Разматрајући етимологију псл. **kopati* (сродног са лит. *kapóti* ‘сећи’, лет. *karāt* ‘id.’, стпрус. *enkopts* ‘закопан, покопан’ итд.), Трубачов скреће пажњу

8 Уп. слч. дијал. *káp* и *kapál* m. ‘помор, липсавање (о животињама)’ (SSN I 745).

9 Дерксен само сврстава под ову одредницу стпрус. *enkopts* а не објашњава његов вокализам, али из онога што каже о алтернацији **kār-* у претериту према **kap-* у презенту излазило би да ту имамо *ā* (Derksen 2015: 226). Говорећи о проблему рефлекаса прабалт. **ō* (> лит., лет. *uo*) и прабалт. **ā* (> лит. *o*, лет. *ā*) у старопруском, Смочињски долази до закључка да се у старопруском избрисала фонолошка разлика између та два прабалтска дуга вокала а да се њихова фонетска реализација колеба између [o:] и [a:], те се пишу *o*, *oa* или *a* (нпр. *mothe* = лит. *mótē*, али *pomatre*; лит. *pāmotē* (пис. **māīēr*) (Smoczyński 2000: 67–71). По томе би излазило да је у *enkop(t)s* *o* или од **ā* или од **ō*, али Смочињски у наставку указује и на случајеве када у стпрус. *o* стоји за кратак вокал *o* или *a*, па вероватно овде претпоставља такав случај. Мартин Кимел у LIV 555 s.v. 1. **(s)kep-* ‘hacken, hauen’, где сврстава лит. *kàpti*, *kapū*, *kàpti*, *kampū*, *kapóti*, слов. *kopati*, *skopiti*, не наводи облике са дугим вокализмом (они постоје; од стсл. *скопити* итератив је *скапати*, посведочен у Законоправилу Св. Саве). За облик *kopati* просуђује да је вероватно деноминалан, уз напомену да је презент **koplję* у словеначком и пољском секундаран (што је упитно у светлу материјала изнесеног овде у нап. 11).

10 Његово извођење **kapati* ‘падати кап по кап’ из **kapati* ‘копати’ оспорава се зато што је то млађи, у најбољем случају познопрасловенски итератив од **kopati* (ESJS 302–303).

на творбено-морфолошки лик овог псл. глагола. Због итеративно-дуративног завршетка *-ati* (заједничког за слов. и балт.) очекивао би се дуги вокализам у корену (а не кратки, који је својствен глаголима типа **kopti*, а који, узгред, одговара лит. *kàpti*). То указује на чињеницу да облик **koraĵo*, **kopati* није примаран, као и на то да је јединство презентско-инфинитивне парадигме – секундарно (без обзира на аналогно лит. *karóju*, *karóti*). Овај проблем није могао да реши ни Вајан који је, видевши знаке првобитне атематске промене у слн. *kóplje*, чеш. *kore*, пољ. *kopie*, стпрус. *enkopts* – оставио то питање отвореним и просто искључио презент на *-je-* за **kopati* (Vaillant 3: 358).¹¹ Али ако прихватимо исконску истоветност **kapati* = **kopati* ‘наносити ударце’, у облицима **kapati*, **karpĵo* налазимо и тражено дуљење коренског вокала и старији тип промене. У формалном разликовању **kapati* и **kopati* огледа се њихово рано лексичко-семантичко разграничење (ЭССЯ 11: 18–20 s.v. **kopati*).¹²

- 5.1 Ови формални аргументи могу се поткрепити и семантичким. Наиме, континуанте псл. **kopati* имају и значења карактеристична за псл. **kapati*, уп. *скòпати* рф. ‘истрошити копањем’: скопа се мотика, будак,¹³ у пренесеном смислу и човек: Боме се он ено на ништо скопа Лика (РЈА); *скòпати се* ‘смањити се, омршавити, ископнити, ослабити’: Тётка Мара се скòпала, нѐмā штā вѝдјети Поткозарје (Далмација 2004), *закòпа се* 3. sg. ‘упропастити се’: Која се лоше ожени, она се закòпа нāживо Пирот (Златковић 2014); *искòпати се* ‘пропасти, затрти се, остати без мушког рода’: Не ће се свијет ископати НПосл Вук, Кад удре каква пошаст на живо, ископа се много сељачкијех кућа Богишић (РСА).

Семантика слабљења, пропадања, нестајања још је присутнија код континуаната псл. **корьнѣти* (*se*), секундарног деривата од **kopati*,¹⁴ уп.

- 11 Вајан није имао у виду с.-х. примере, али они постоје, уп. *ископāт*, *ископām/ископāлѐм*: Нѐсмо мòгли да искòплѐмо Косово (Елезовић 1932), такође у изразима: *Бољи се копљу!* ‘каже се за онога који је ороноу од болести’, *Баво не оре нит копље!* ‘јаво ништа не ради изузев што људе наводи на зло’, *Нит оре нит копље* ‘ништа не ради’ Плав и Гусиње (Reković 2013).
- 12 Као семантичко-типолошка паралела могао би послужити однос два иранска корена, **1kap-*, **skap-* ‘расецати, копати и сл.’ и **2kap-*, **kaf-* ‘падати, учинити да падне; спуштати (се), пуштати, бацати, рушити’ (в. Еделман 4: 232). Еделман сумња у свођење оба та корена на ие. **(s)kep-*, **(s)kop-*, **(s)kap-*; **(s)keb(h)-*, **skob(h)-*, **skab(h)-* ‘сећи оштрим оруђем; цепати се, расцепљивати се’, али ако би то било тако, претпоставља да је њихово разликање и претварање у хомониме морало почети веома рано и упућује на аналогна размимоилажења у словенским и балтским језицима: лет. *kāpti* ‘дизати се, верати се’ и лет. *karāt* ‘сећи’, лит. *kópti* ‘пентрати се, извлачити се’ и лит. *kàpti*, *karóti* ‘сећи’, псл. **kapati* ‘капати’ и псл. **kopati* (дуративно **kapati*), првобитно ‘ударати’ (l.c.).
- 13 Уп. и *скòпак*, -пка m. ‘дотрајао, истрошена мотика или будак; уопште, дотрајао предмет од кога је остао само мали део’ Ужице (Цвијетић 2014), за семантику уп. лит. *prikāpti* ‘отупети (о секири)’ (в. § 4.1).
- 14 Псл. **корьнѣти* образовано је од придева **корьнѣ*, који је од **kopati* (в. ЭССЯ 11: 44 s.v. **корьнѣти/*корьнѣти*; 42–44 s.v. **корьна/*корьно/*корьнѣ*). Другачије Verneker 566;

кòпнети, ијек. *кòпњети* impf. ‘губити снагу, свежину, слабити, мршавити, венути’,¹⁵ *искòпнети* pf. ‘ишчезнути, нестати, изгубити се’, ‘изгубити снагу, свежину, оронуту, смршати’, *окòпнети* ‘ослабити, смршати; изгубити свежину, увенути’ (РСА), *скòпнети* ‘усахнути, осушити се услед старости’: Сав је већ скопнео Војводина (РСГВ), *скопни* ‘ослаби, смршави’: Десина ћерка била бòлна, мло̀го скопнела; остала са̀мо ко̀жа и ко̀ске Црна Река (Марковић 1986).

Посебно је занимљив облик *прокòпни* 3. sg. pf. ‘почети се мрвити (о чврстој маси)’: Дрвòто прокопнело, иструлело [овде и даље проред М.Б.], нема да мòж да издржи ти́ја те́рет Пирот (Златковић 2014), који показује да се код овог глагола јавља и значење ‘(ис)трулити’.

- 6 Вратимо се глаголу **karati*. Поред облика на *-ati*, у словенским језицима посведочени су и облици са наставцима *-ěti*, нпр. пољ. *kapięć* (ЭССЯ 9: 146 s.v. **kapěti*) и *-iti*, нпр. с.-х. *kāpiti*,¹⁶ мак. дијал. *капит*, рус. дијал. *ка́пѣтъ* итд. (id. 146–147 s.v. **kapiti*). За наше излагање од посебног је значаја с.-х. глагол *ука́пѣти*, чија семантика и форма са једне стране поткрепљују тумачење о исконској истоветности **karati* и **kopati*, а са друге – отварају могућности и за другачија објашњења.

- 6.1 Вук бележи глагол *ука́пѣти* у значењу ‘убити на мјесто (да падне као кап)’.¹⁷ Глагол је добро посведочен у црногорским говорима, уп. *ука́пѣти* ‘убити’: Заслужио е да га ука́пѣш Ускоци (Станић 1990–1991), *ука́пѣти* (се) ‘уништити (се)’: Сви су му се укапили, нико му у животу није осто Прошћење (Вујичић 1995), *ука́пѣт* ‘id.’: Ријешно је да ји све укапи – Срам га било укапи ји Плав и Гусиње (Reković 2013). Ова семантика, карактеристична за лит. *kāpanoti* ‘убијати, клати’ (в. § 4), присутна је и код континуаната псл. **kopati*, уп. *искòпати* ‘упропастити, уништити, затрти’: Мјесто упропастити, уништити може се рећи и: ископати (Ископа сву крајину турску) Кушар; Кумичић, Св. Ћоровић (Херц.), Љубиша (ЦГ) (РСА),¹⁸ *раскòпати* ‘уништити имовину’: Раскопа иг син, те се

► Brückner 256; Machek 275. Поред основног значења ‘топити се, отапати се, кравити се (о снегу, леду)’, у јужнословенским језицима забележена су и значења: ‘слабити, пропада-ти’, ‘чезнути, жудети’.

15 Уп. *кòпња* f. ‘копњење, сушење, мршављење’: Копња мишића [је] сушење мишића (РСА).

16 У ЭССЯ s.v. наводи се само значење ‘капати’, иако овај глагол значи и ‘чамити, злопати-ти се, пропадати, скапати, трунути’, док се облик *kāpiti* ‘сањати у полубудном стању’ уопште не помиње.

17 Вуково семантичко објашњење прихвата Skok 2: 40.

18 Овамо свакако спада и девербал *ископ* m. ‘несрећа, зло, уништење, пропаст’ ЦГ, За про-паст, уништење имамо још ове ријечи: ископ или ископање (Ова ће болест бити мој ископ) Кушар, Проти овој установи, која смиераше на изкоп славјанског богостања, устадоше нисколико бискупих Виенац 1861 (Задар), Ако не бране народност хрватску, тад су нам отров и прави ... изкоп Павли-новић, ‘смрт’: Наше најсветије обичаје ... смо дужни поштовати и до ископа чувати Мале новине, Бгд. 1892, Плаћају до ископа, кад ми је тако суђено Ћипико (РСА). Овде би се могло поћи и од метафоричне примене основног значења ‘копати’, тј. ‘ископати нешто са кореном >

постарос поскиташе Прошћење (Вујичић 1995), *укòпати* ‘упропастити некога’: Укòпаћу ја тебе! Војводина (РСГВ).

Дугоузлазни акценат облика *укáпати* поклапа се са акцентом итеративних облика глагола *кòпати* (*искáпати*, *покáпати*, *укáпати* и сл.), који формално стоје у вези са лит. *kiùpti* изм. ост. ‘укопавати’, лет. *kùopt* (в. Derksen 2015: 264), стпрус. *en-kopts* ‘покопан’ (в. Smoczyński 2005: 114–115),¹⁹ уп. и лит. *kāpas*, лет. *kaps* ‘надгробна хумка’, вероватно и псл. **коръ* у истом значењу (в. Лома 2013: 113 s.v. *Копорићи*). Стога би се можда облик *укáпати* ‘убити’ – пре него ли онако како га Вук објашњава („да падне као кап“) – могао протумачити као каузатив од *укòпати* у значењу ‘учинити да неко буде погребен, послати неког у гроб’.

- 6.2 Глагол *укáпати* посведочен је и у значењу ‘смрзнати се, нахладити се’, које се јавља само код с.-х. континуаната псл. **kapati* (в. § 3.1), уп. *укáпати* (*се*) ‘нахладити се’: Укапик се данас на овој студени Прошћење (Вујичић 1995), *укáпат(у) се* ‘id.’: Укапио сам се јутрòс од стўдèни – Како је лèдно да се чòек ўкáпи! Мојковац (Ристић 2010), *укáпѝт се* ‘id.’: Укáпио сáм се дáнаес от стўдè, ёво су ми и рўке отёпáле Васојевићи (СТИЈОВИЋ 1990).²⁰ Осим тога, овај глагол има и значење које представља семантичку спону између ‘слабити, пропадати; умрети, црћи’ и ‘смрзнати се’ (в. § 3), а то је значење ‘укочити се, у к и п и т и с е, о д у з е т и с е’, уп. *укáпати* ‘одузети се, претрнути’: Еј, што си укапио, пријатељу Никшић (Ђоковић 2010), *укáпати се* ‘id.’: Укапиле ми се нòге Ускоци (Станић 1990–1991), *укáпат (се)* ‘укочити се’ Велика (Јокић 2012), *укáпѝти се* ‘изгубити се, обезнани се, укочити се’: Шта сте се ту укапили, дочекајте госте Рожаје (Надџић 2003).²¹ Чини се, ипак, да је семантика у оба случаја у суштини иста – ‘укочити се (од хладноће)’.²²

- 6.2.1 По свом значењу, али и форми, глагол *укáпати (се)* ‘смрзнати се; укочити се’ неодољиво подсећа на *укѝпати се* ‘укрутити се, следити се, запањити

► искоренити, истребити’, уп. *закопати* ‘саградити, подићи, основати (о насељима)’ (РСА). Међутим, индикативно је да се у истом значењу може употребити и девербал *ўскáп m./f.* ‘истребљење, уништење’: Ти су људи гањани до изкапи Звано 1910 (РСА).

19 В. нап. 9.

20 Уп. и *скáпат(у) се* ‘id.’: Сkáпили смо се òнò јутрò коjа је стўдèн била Мојковац (Ристић 2010).

21 Уп. и чеш. заст. *odkapati* ‘укочити се, запрепастити се’ (ЕССЯ 37: 47 s.v. **otъkapati*).

22 Међусобну повезаност значења ‘смрзавати се’, ‘укрућивати се, кочити се’ и ‘слабити, умирати’ потврђују и следећи примери: рус. дијал. *вѣзнуть* ‘осећати хладноћу, смрзавати се’, *вѣзѣтъ* ‘чинити тврдим, чврстим (о мразу)’, укр. дијал. *ков’ѣзнути*, *заков’ѣзнути* ‘кочити се; умирати’, уп. и *ков’ѣза* ‘зимогрожљивац’, *ковѣзливий* ‘зимогрожљив’ (Бјелетић 2006: 40, 43). Поменута значења међусобно кореспондирају и у несловенским језицима, уп. лит. *keĩbti* ‘ишчезавати, пропадати, слабити, мршавити, (у)кочити се од хладноће’, *kaĩpti*, *kaĩpstũ* ‘венути, пропадати, боловати’: *kaĩpti*, *kaĩpiũ* ‘кочити се од хладноће’ (Havlová 1999: 289, 292), гр. *μáλκη* ‘укоченост од хладноће’, *μáλκiω* ‘кочити се, укрућивати се’ и *βληχρός* ‘слаб, мекан’ (Куркина 1978: 25).

се' (Вук). Потоњи глагол се обично тумачи као деноминал од *kûn* 'статуа', заст. и 'људско биће, особа; људско тело, стас; раст, узраст; појава, фигура; лик, прилика; слика, портрет'. У питању је балкански хунгаризам од мађ. *kép* 'слика, облик, лице' < сттур. *ker*, које је у другом гласовном лику преко старобугарског ушло у старословенски као **капъ**, **-пи** 'лик, слика', одатле **капиште** 'светилиште, олтар; статуа, идол', уп. и чак. *капишиће* 'олтар' XII век, Повља, Брач, као и име ластовског острвца *Капиште* (Skok 2: 38 s.v. *каръ*³; в. и ESJS 303 s.v. *каръ*). С обзиром на потпуни формално-семантички паралелизам облика *укъпати се* : *укъпати се*,²³ не може се искључити могућност да први глагол посредно чува трагове стсл. **капъ**, **-пи**, с.-х. *kâp* 'идол, божанство' (РСА), баш као и именица *поткапина* 'слепа пећина', ако је Скок добро изводи од синтагме *под капом* (Skok l.c.).

6.2.2 Са друге стране, могућом се чини и његова веза са псл. **kypěti* 'кипети', за семантику уп. рус. *скипáться* 'отврдњавати услед кипљења, згрудњавати се (о млеку, крви, гвозђу итд.)', рус. дијал. *кипéть* 'извирати и одмах се замрзавати (о води у зимском периоду)': речка кипит (в. Черниш 2003: 316–317). Ова претпоставка је занимљива и због тога што је **kypěti* у етимолошкој вези са **kvapiti*, *kvapati* између осталог и 'капати', а псл. **kapati* се, према неким тумачењима, изводи из **kvapati* (в. нпр. Machek 239–240 s.v. *kapati* 1).

7 Сprovedена семантичка анализа континуаната псл. глагола **kapati*, пре свега оних које се доводе у етимолошку везу са лит. *kāpanoti* 'убијати, клати', *nusikāpanoti* 'умирати, цркатати', поткрепљује мишљење о његовој исконској истоветности са псл. **kopati*. У том случају, за примарно значење псл. **kapati* ваљало би узети значење 'ударати'²⁴ из којег се – као секундарна – радијално развијају значења 'падати кап по кап', 'слабити, пропадати, умирати' итд. Уосталом, семантички потенцијал значења 'ударати' омогућава развој већине горенаведених значења (в. Влајић-Поповић 2002: 32–36).²⁵ Тиме се коригује постојеће, широко прихваћено тумачење, према

23 Уп. и заст. *kāpīште* 'многобожачки, пагански храм или култно место': заст. *kūpīште* 'место паганских кулtnих обреда са киповима божанстава' (РСА), уколико није пореди Милићевићева индивидуална кованица или чак штампарска грешка уместо *капиште*.

24 Иако се опредељује за везу глагола **kapati* са лит. *kópti* 'пузати, милети', лет. *kāpt* 'пузати, милети, ићи, ходати', Сној признаје да је поменуто тумачење привлачно јер се тако реч *kāp* 'апоплексја' лако објашњава из првобитног значења 'ударац', уп. нем. *Schlag* 'ударац' и 'кап' (Сној 284–285 s.v. *kāplja*).

25 Као илустрацију наводимо секундарна значења три основна глагола ударања у с.-х. језику – *бити*, *дерати* и *лупати*: *бѣти* 'пљуштати (о киши)', *ѹбити* 'усмртити', 'уништити, сатрти', *прѣбити* 'ослабити' (ор. cit. 62, 48, 49); *ѹдарѣти* 'падати (о киши)', *ѹдарити*

којем се значење ‘слабити, пропадати, умирати’ изводи непосредно из ‘капати, падати у капима’ (в. § 3).

Треба нагласити да је ово само једно од могућих тумачења псл. глагола **kapati*. Овом приликом у разматрање нису узете оне његове континуанте које се доводе у етимолошку везу са лит. *kópti* ‘пузати, милети’, лет. *kāpt* ‘пузати, милети, ићи, ходати’, бацајући другачије светло не само на његово порекло, већ и на развој појединих значења која се овде изводе из ‘ударати’.²⁶ Непостојање једнозначног тумачења овог прасловенског глагола указује на то да су се међу његовим ‘континуантама’ нашли облици различитог крајњег порекла који су се међусобно испреплитали због своје формално-семантичке сличности (в. § 6.2.1). Њихово прецизно разврставање на синхронном плану вероватно више и није могуће.

ИЗВОРИ И ЛИТЕРАТУРА

Бјелетић 2006 = Марта Бјелетић, Прилог проучавању псл. **vez-*, *Ad fontes verborum: исследование по этимологии и исторической семантике: к 70-летию Жанны Жановны Варбот*, Москва: Индрик, 2006, 40–50.

Букумирић 2012 = Милета Букумирић, *Речник говора северне Метохије*, Београд: Институт за српски језик САНУ, 2012 (Монографије, 15).

Виноградова 2008 = Людмила Николаевна Виноградова, К проблеме типологии и функции магических текстов: формулы проклятий в народной культуре, *XIV Международный съезд славистов: письменность, литература и фольклор*, Москва: Индрик, 2008, 397–411.

Вујичић 1995 = Милош Вујичић, *Рјечник говора Проиђења (код Мојковца)*, Подгорица: ЦАНУ, 1995 (Посебна издања 29, Одјељење умјетности 6), 1995.

Вук = Вук Стефановић-Караџић, *Српски рјечник*, четврто државно издање, Београд: Државна штампарија Краљевине Југославије, 1935.

Вучковић 2007 = Марија Вучковић, Глагол *опузнати* ‘ослабити, омршавети; оронут; омлохавети’ – јужнословенски дијалектизам или континуанта псл. основе **rylz-*?, *Шездесет година Института за српски језик САНУ: зборник радова II*, Београд: Институт за српски језик САНУ, 2007, 21–33.

Далмација 2004 = Стево Далмација, *Рјечник говора Поткозарја*, Бања Лука: Глас српски – Графика, 2004 (Рјечници).

Ђоковић 2010 = Љубомир Ђоковић, *Рјечник никшићког краја*, Подгорица: ЦАНУ, 2010 (Посебна издања 68, Одјељење умјетности 17).

Елезовић 1932 = Глигорије Глиша Елезовић, *Речник косовско–метохиског дијалекта 1 = Српски дијалектолошки зборник IV* (1932).

ЕСУМ = *Етимологічний словник української мови 1–*, ред. О. С. Мельничук, Київ: Наукова думка, 1982–.

Едельман = Джой Иосифовна Эдельман, *Этимологический словарь иранских языков 4: I–K*, Москва: Издательская фирма „Восточная литература“ РАН, 2011.

► ‘убити’, *дєрати се* ‘мучити се радећи претерано тешко’ (ор. cit. 147, 126, 130); *удлунити* ‘уништити, упропастити’, *лунити* ‘ослабити, остарити’ (ор. cit. 182, 183) итд.

26 О томе детаљније: М. Бјелетић, К изучению чеш. диал. *kapati* ‘лезть’, *Etymologický výzkum češtiny: z perspektivy slovanské, indoevropské i obecnělingvistické: Etymologické sympoion Brno 2017* (у штампи).

- ЭСБМ** = *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* 1–, ред. В. У. Мартынаў, Мінск: Навука і тэхніка, 1978–.
- ЭССЯ** = *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* 1–, ред. О. Н. Трубачев, Москва: Наука, 1974–.
- Живковић 1987** = Новица Живковић, *Речник пиротског говора*, Пирот: Музеј Понишавља – Пирот, 1987.
- Златановић 1998** = Момчило Златановић, *Речник говора јужне Србије: провинцијализми, дијалектизми, варваризми и др.*, Врање: Учитељски факултет, 1998.
- Златковић 2014** = Драгољуб Златковић, *Речник пиротског говора* I–II, Београд: Службени гласник, 2014.
- Јовановић 2004** = Властимир Јовановић, *Речник села Каменице код Ниша, Српски дијалектолошки зборник* LI (2004), 313–688.
- Кожељац 2014** = Љубиша Рајковић Кожељац, *Речник тимочког говора*, Неготин: Књижевно-издавачко друштво Лексика, 2014.
- Куркина 1978** = Любовь Викторовна Куркина, *Русск. диал. малохолный, сверёжий, Этимологические исследования* (Свердловск) 1978, 23–27.
- Лома 2013** = Александар Лома, *Топонимија Бањске хрисовуље: ка осмишљењу старосрпског топонимастичког речника и бољем познавању општесловенских именословних образаца*, Београд: САНУ, 2013 (Библиотека Ономатолошких прилога 2).
- Марковић 1986** = Миодраг Марковић, *Речник народног говора у Црној Реци, Српски дијалектолошки зборник XXXII* (1986), 245–500.
- Марковић 1993** = Миодраг Марковић, *Речник народног говора у Црној Реци II, Српски дијалектолошки зборник XXXIX* (1993), 149–398.
- Ристић 2010** = Данијела Ристић, *Рјечник говора околине Мојковца*, Подгорица: ЦАНУ, 2010 (Институт за језик и књижевност „Петар II Петровић Његош“, Рјечници 5).
- РСА** = *Речник српскохрватског књижевног и народног језика* 1–, Београд: САНУ – Институт за српски језик САНУ, 1959–.
- РСГВ** = *Речник српских говора Војводине* 1–10, Нови Сад: Матица српска, 2000–2010.
- СМ** = *Словенска митологија: енциклопедијски речник*, ред. Светлана М. Толстој – Љубинко Раденковић, Београд: Zepter Book World, 2001.
- Станић 1990–1991** = Милија Станић, *Ускочки речник* 1–2, Београд: Научна књига, 1990–1991.
- СТИЈОВИЋ 1990** = Рада Стијовић, *Из лексике Васојевића, Српски дијалектолошки зборник XXXVI* (1990), 121–380.
- Стојановић 2010** = Радосав Стојановић, *Црнотравски речник* = *Српски дијалектолошки зборник* LVII (2010).
- Ћирић 1983** = Љубисав Ћирић, *Говор Лужнице, Српски дијалектолошки зборник XXIX* (1983), 7–191 (речник 125–164).
- Цвијетић 2014** = Ратомир Цвијетић, *Речник ужичког говора*, Београд: Службени гласник – Крагујевац: Универзитет у Крагујевцу – Ужице: Учитељски факултет у Ужицу, 2014.
- Черниш 2003** = Тетяна Олександрівна Черниш, *Слов'янська лексика в історико-етимологічному висвітленні: гніздовий підхід*, Київ: Київський національний університет ім. Тараса Шевченка, 2003.
- Berneker** = Erich Berneker, *Slavisches etymologisches Wörterbuch* 1, Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1908–1913.
- Bezljaj** = France Bezljaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika* I–V, Ljubljana: SAZU, 1976–2007.
- Brückner** = Aleksander Brückner, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa: Wiedza Powszechna, 1957.
- Derksen 2015** = Rick Derksen, *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon*, Leiden – Boston: Brill, 2015.
- ESJS** = *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* 1–, ред. E. Havlová, Praha 1989–.
- Fraenkel** = Ernst Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch* I–II, Heidelberg – Göttingen: Carl Winter – Vandenhoeck & Ruprecht, 1962–1965.

- Hadžić 2003** = Ibrahim Hadžić, *Rožajski rječnik: građa za diferencijalni rječnik narodnog govora rožajskog kraja*, Rožaje: Kulturni centar Rožaje, 2003.
- Havlová 1999** = Eva Havlová, Komplexní situace jako sémantické východisko při vzniku slovanských slov (na příkladu sémantického východiska 'chřadnout'), *Slavia* 68 (1999), 287–294.
- Jokić 2012** = Branko Jokić, *Rječnik veličkoga govora*, Podgorica: Institut za crnogorski jezik i književnost, 2012 (Lexicographia 1).
- Machek** = Václav Machek, *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha: Academia, Nakladatelství Československé akademie věd, ²1968.
- Otrębski 1965** = Jan Otrębski, *Gramatyka języka litewskiego II*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965.
- Reković 2013** = Ibrahim Reković, *Rječnik plavsko-gusinjškoga govora*, Podgorica: Institut za crnogorski jezik i književnost, 2013 (Lexicographia 3).
- RJA** = *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I–XXIII*, Zagreb: JAZU, 1880–1976.
- Skok** = Petar Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I–IV*, Zagreb: JAZU, 1971–1974.
- Ślowski** = Franciszek Ślowski, *Słownik etymologiczny języka polskiego* 1–, Kraków: Nakładem Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego, 1952–.
- Smoczyński 2000** = Wojciech Smoczyński, *Untersuchungen zum deutschen Lehngut im Alt-preussischen*, Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2000.
- Smoczyński 2005** = Wojciech Smoczyński, *Lexikon der altpreussischen Verben*, Innsbruck: Institut der Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck, 2005.
- Smoczyński 2007** = Wojciech Smoczyński, *Słownik etymologiczny języka litewskiego*, Wilno: Uniwersytet Wileński, 2007.
- Snoj** = Marko Snoj, *Slovenski etimološki slovar*, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, ³2016.
- SSN** = *Slovník slovenských nářečí*, I–, Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1994–.
- Vaillant** = André Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves I–IV*, Lyon – Paris, 1950–1974.
- Vaillant 1946** = André Vaillant, La déprévarbation, *Revue des études slaves* 22 (1946), n° 1, 5–45.

POVZETEK

Prispevek k proučevanju psl. glagola *kapati

V delu se semantično analizirajo kontinuant i psl. glagola *kapati, predvsem tisti, ki se etimološko povezujejo z lit. *kāpanoti* 'ubijati, klati', *nusikāpanoti* 'umirati, crkavati'. Rezultati analize govorijo za skupni izvor psl. *kapati in *kopati, kar pomeni, da je psl. *kapati prvotno pomenilo 'udarjati', iz tega pa so se radialno razvili pomeni 'padati kaplja za kapljo', 'slabeti, propadati, umirati' itd. Izrecno pa se izvzemajo tisti kontinuant i psl. *kapati, ki se etimološko povezujejo z lit. *kópti* 'plaziti se, lesti', let. *kāpt* 'plaziti se, lesti, iti, hoditi', pri tem pa mečejo drugačno luč ne le na njegov izvor, ampak tudi na razvoj posameznih pomenov, ki se tu izvajajo iz 'udarjati'. Odsotnost enoumne razlage tega praslovanskega glagola kaže na to, da so se med njegovimi kontinuant i znašle oblike različnih izvorov in se med sabo prepletle zavoljo svoje formalno-semantične podobnosti. Njihovo precizno razvrščanje v sinhroni ravnini verjetno tudi ni več mogoče.

VÍT BOČEK

POZNÁMKA K ETYMOLOGII STAROSLOVĚNSKÉHO *вѣсѣдѣ* ‘SVATÉ PŘIJÍMÁNÍ’

COBISS: 1.01

Pripomba k etimologiji starocerkvenoslovanskega *вѣсѣдѣ* ‘sveto obhajilo’

Prispevek pregleduje dosedanje etimološke razlage starocerkvenoslovanskega *вѣсѣдѣ* ‘sveto obhajilo’. Argumentira se v prid hipoteze, da gre za zgodnjeromansko izposojenko. Najbolj verjetno izvira iz romanskega kontinuantu poznolatinkega *usandum* s področja Dalmacije.

Ključne besede: etimologija, prevzemanje, stara cerkvena slovansčina, *вѣсѣдѣ*

A note on the etymology of Old Church Slavic *вѣсѣдѣ* ‘Holy Communion, Eucharist’

This article reviews etymological explanations of Old Church Slavic *вѣсѣдѣ* ‘Holy Communion, Eucharist’. It argues in favor of the hypothesis that the word is an Early Romance loanword. The source was probably a Dalmato-Romance derivative of Late Latin *usandum*.

Keywords: etymology, borrowing, Old Church Slavic, *вѣсѣдѣ*

Staroslověnské *вѣсѣдѣ* ‘svaté přijímání’ (podrobně k dokladům viz Mareš 1984) dosud nemá uspokojivou etymologii. Existuje následujících šest výkladů:

- (1) Přejetí starohornoněmeckého *wiz(z)ōd* ‘přijímání’, ‘svátost’, původně ‘zákon, řád’. To je výklad Nahtigalův (Nahtigal 1936: 5n), který přebírá většina badatelů (podrobně k literatuře viz ESJS 18: 1108).
- (2) Přejetí románského pokračování pozdnělatinského (*post, ad*) *usandum*, tedy verbálního substantiva nebo gerundia od slovesa *ūsāre* ‘užívat’. To je výklad Marešův (Mareš 1984 = Mareš 2000: 578–581), který převzal a co do sémantiky dále podpořil Schaeken (1987: 134).
- (3) Různé způsoby spojení se slovanským **sѣdѣ* ‘soud’ (Šachmatov 1905; Skok 1973: 356; Hamm 1979: 39–40, 72–73; Nimčuk 1983: 55–56).
- (4) Deverbativum od *вѣсѣ(д)лiti* ‘usídlit, usadit’ nebo *вѣсѣдiti* ‘vsadit’ (Ondruš 1984; 1991).
- (5) Derivát adverbia *вѣсѣду* ‘všude’ (Jagić 1898: 11–12).
- (6) Přejetí románského kontinuantu latinského *visitāre* ‘navštěvovat’ (Kronsteiner 1989: 96).

Pomineme-li Kronsteinerův návrh, který není hlouběji rozveden a narazil by zjevně na nepřekonatelné potíže formální i sémantické, nepřesvědčují především

všechny domácí výklady staroslověnského slova (výklady 3–5), a to zejména ze sémantických, popřípadě věcných důvodů (pro podrobnosti viz ESJS 18: 1108). Konkurují si tak především dva výklady přejetí, tedy přejetí buď z prostředí germánského (výklad 1), nebo románského (výklad 2). Ačkoli většina badatelů přebírá Nahtigalův výklad o přejetí ze staré horní němčiny, nikdo dosud přesvědčivě neobjasnil hláskové nesrovnalosti (staroslověnská nosovka proti starohornoněmeckému *ō*, staroslověnský *ʁ* proti starohornoněmeckému *i*), a musí se tedy počítat s nepravidelnými hláskovými substitucemi, případně se sekundárním vlivem jiných slovanských slov (*sqdb*, *vsqdb*), či dokonce s jinou původní podobou staroslověnského slova (*vsudb*).

Jako nejpravděpodobnější se tak jeví Marešův výklad o románském původu staroslověnského slova, který souzní také s většinovým názorem, že staroslověnské slovo je panonismus nebo moravismus. V rámci tohoto výkladu však doposud nebyla diskutována jedna otázka, která podle mého soudu zaslouží bližší pozornost. Mareš považuje svůj výklad za bezproblémový z formálního hlediska. Počítá s krácením nepřízvučného latinského *ū* v postklasické době, takže *u* pak dává na slovanské půdě regulerně *ʁ* a vzhledem k iniciální pozici ve slově dochází k přibrání protetického *v-*. Skupina *-an-* v zavřené slabice dává nosovku *ɔ*. Po morfologické stránce dochází k zařazení k *o*-kmenovým maskulinům, odtud zakončení *-ʁ* za latinské *-um*. Potud je Marešův výklad vskutku bez vady. Autor však kromě toho výslovně počítá „s neznělým intervokálním *-s-*“ ve zdrojovém románském slově (Mareš 2000: 580). A to je právě bod, který vyžaduje upřesnění.

Jak je dobře známo, ve vývoji z latiny do románských jazyků docházelo k sonorizaci, změně neznělých konsonantů v intervokálníce pozici v konsonanty znělé. Ačkoli je tento jev romanisty analyzován ve velkém množství prací, nepanuje dosud shoda o jeho dataci, způsobu geografického rozšíření ani příčinách. Sonorizace je přitom jedním z hlavních rysů, na jejichž základě se románské jazykové kontinuum dělí na dvě části: proběhla v západorománském areálu, tedy v těch raně románských dialekttech, z nichž se konstituovaly iberorománské jazyky, gallorománské jazyky, rétorománské jazyky (rétorománština v užším smyslu, ladinština a furlánština) a severoitalské dialekty, tj. dialekty ležící severně od takzvané hranice La Spezia – Rimini;¹ ve většině těchto jazyků pak docházelo k různým dalším hláskovým změnám *sonorizovaných* konsonantů (pro přehled viz například Skok 1940: 63–75; Lausberg 1967: 23–33; Weinrich 1969: 105–143; Banfi 1996: 183–184). Práce k tomuto tématu se přitom zaměřují převážně na vývoj okluziv *p > b*, *t > d*, *k > g*, zatímco sonorizaci *s > z* zatím nebyla, pokud je mi známo, věnována samostatná studie. Poznámky k tomuto jevu tak nacházíme zejména v příručkách historického hláskosloví jednotlivých západorománských jazyků a dialektů (srov.

1 Výjimkou v západorománském areálu jsou gaskoňská a aragoněská nářečí v blízkosti baskičtiny, v nichž sonorizace neproběhla. Naopak na východorománském území jsou i doklady na proběhlou sonorizaci, například řada slov ve spisovné italštině, vzešlé z toskánského dialektu.

k rétorománštině v užším smyslu Eichenhofer 1999: 289–290, k ladinštině Kramer 1977: 138–139, k severoitalským dialektům Rohlf s 1949: 341–342) a v obecných pracích o vývoji románských jazyků (srov. například Elcock 1975: 375, 432, 478, 480–481). Problémem při výzkumu sonorizace *-s-* je fakt, že se tato změna – na rozdíl od okluzivní řady – většinou nereflektuje v písmu (srov. Wartburg 1950: 33–34). Platí však, že k sonorizaci *-s-* > *-z-* došlo na západorománském území i v románském kontinuantu pozdnělatinského *ūsāre*: benátské *usār* ‘užívat, mít ve zvyku’, ‘zvykat’ (Boerio 1867: 775), furlánské *usâ* ‘užívat, mít ve zvyku’ (Pirona – Carletti – Corgnalli 1983: 1249), rétorománské *išar*, *üšar*, *üšer* ‘opotřebovat’ (Bernardi aj. 1994: 413–414), starofrancouzské *user* ‘užívat, upotřebit’, ‘mít ve zvyku’, ‘přijímat eucharistii’ (Wartburg 1961: 69–72; Mareš 2000: 580) obsahují hlásku sonorizovanou, tedy znělé *z*.² Pomýšlel-li tedy Mareš v závěru svého textu na to, že výpůjčka mohla pocházet z rétorománského, nejspíše furlánského prostředí jakožto jedné z jazykových složek akvilejského patriarchátu a jeho misijního působení, může to být v rozporu s jeho tvrzením o zachování intervokálního neznělého *s* v našem slově. Otázkou je ovšem datace změny: pokud by k této románské změně došlo později, až po začátku kontaktu románského a slovanského obyvatelstva, bylo by možno počítat s tím, že k přejetí románského kontinuantu pozdnělatinského *usandum* došlo ještě před jejím provedením, a co do místa by pak bylo možné i přejetí v oblasti styku Slovanů s územím rétorománským, jak to předpokládal Mareš. Pokud by však k sonorizaci došlo ještě před prvními kontakty románského a slovanského obyvatelstva, nebylo by možné s místem přejetí v oblasti styku Slovanů s rétorománským územím počítat. Podívejme se proto jednak blíže na to, co o dataci a šíření této změny říkají romanisté, jednak na to, zda a jak se tato románská změna případně reflektuje v dalších raných románských výpůjčkách na slovanské půdě.

Sporadické doklady sonorizace jsou známy už z pozdnělatinských nápisů doby císařské. Doba změny se pak na různých románských územích zřejmě lišila. Ti, kdo předpokládají cizí, totiž keltský vliv na provedení této změny, mají obvykle za to, že se změna šířila z francouzského území směrem na jih a na východ, a počítají s jejím postupným vyzníváním. Rétorománská a severoitalská území, která nás zde zajímají nejvíce, by tak patrně byla změnou zasažena nejpozději, a východnější území dalmatské románštiny už by změnou nebylo zasaženo vůbec. V poslední době se však většina badatelů kloní k modelu, který formuloval Cravens (1991; 2000; 2002; srov. podobně už Bichakjian 1977; nejnověji jej přijímá Loporcaro 2015: 75–76). Podle něj sonorizované konsonanty nejprve vznikly jako alofony neznělých konsonantů na celém románském území, a to už v latině, ale pouze na západě pak došlo v jednotlivých varietách k fonologizaci sonorizovaných variant

2 V ladinštině je doloženo – rovněž se sonorizaci – *ausé* ‘užívat; zvyknout’, které je zřejmě pokračováním prefigovaného latinského *adūsāre* (pro přehled jednotlivých nářečních podob viz Kramer 1988: 178–179). *Aisé*, *ausé* ve významu ‘štvát, vypouštět na někoho (psa)’ sem zřejmě nepatří (diskusi viz u Gsella 1993: 117).

a zániku variant nesonorizovaných, zatímco na východě naopak došlo k ústupu k původnímu stavu. Model předpokládá, že ke změně na západorománských územích dochází s různou dynamikou, řízenou spíše vnitřními dispozicemi jednotlivých dialektálních útvarů než geografickým šířením z francouzského centra na periferii.

Jak známo, první kontakty Slovanů s románským obyvatelstvem zahrnovaly jak styk se západorománskými dialekty (předchůdci dnešní rétorománštiny, ladinštiny, furlánštiny a severoitalských dialektů), tak s dialekty východorománskými (předchůdci dalmatštiny a všech variet rumunštiny). Slované se tedy setkávali v mluvě románského obyvatelstva jak se sonorizovanými, tak nesonorizovanými konsonanty v intervokaliké pozici. Slavisté mají většinou za to, že v době příchodu Slovanů do oblastí osídlených románským obyvatelstvem byla už západorománská sonorizace provedena. Šturm (1928: 23) na základě slovinského toponymického materiálu stanovuje hranici mezi západorománským provedením sonorizace a jejím východorománským neprovedením: hranice probíhá slovinským územím zhruba od Kobaridu na severu směrem ke Koperu na jihu. Podle přítomnosti sonorizovaného, či naopak nesonorizovaného konsonantu v románských výpůjčkách zachovaných ve slovinštině se pak běžně určuje právě přesnější zdrojový románský dialekt: kde je sonorizace, tam se jedná o výpůjčku z furlánštiny, ladinštiny či benátštiny, kde není, tam byla zdrojem románština dalmatská (viz materiál u Šturma 1928). Nejzajímavější vrstvou na tomto materiálu je nejstarší slovanská křesťanská terminologie. I v ní najdeme slova, v nichž se provedená sonorizace reflektuje (například *č* > *dž*: lat. *crux*, akuz. *crucem* ‘kříž’ > rom. **krŭ(d)že* > praslov. **kr’ŭ(d)ži* > **križb*, pro podrobnosti viz Boček 2010: 82–90), a naopak slova, v nichž se neodráží (například zachované *t*: lat. *sabbatum* ‘sobota’ > rom. **săbbăta* > praslov. **săbăta* > **sobota*, pro podrobnosti viz Boček 2010: 142–144). Zřejmě jen přesnější znalost historických okolností misijního působení z románského prostředí ke Slovanům by mohla vést k závěru, zda provedení či neprovedení sonorizace odpovídá christianizaci vedené ze dvou různých center. Staroslověnské *vsqdb* bez reflexe sonorizace bychom pak museli zařadit do východněji položené oblasti dalmatské. Jediná doložená dalmatská forma příbuzná s latinským *ūsāre* v dalmatštině má podobu *ušūanz* a je Bartolim (1906: 232) glossována s významem ‘uso’ (dalmatské doklady na zachované intervokaliké *-s-* uvádí Bartoli 1906: 362).

Shrňme, že Marešův výklad o románském původu staroslověnského *vsqdb* ‘svaté přijímání’ lze upřesnit asi v tom smyslu, že o něco pravděpodobnější než přejetí z románštiny rétorománské je přejetí z románštiny dalmatské.

LITERATURA

- Banfi 1996** = Emanuele Banfi, *Gemeinromanische Tendenzen I: Phonetik*, in: *Lexikon der romanistischen Linguistik* II/1, Tübingen: Günter Niemeyer, 163–199.
- Bartoli 1906** = Matteo Giulio Bartoli, *Das Dalmatische: altromanische Sprachreste von Veglia bis Ragusa und ihre Stellung in der apennino-balkanischen Romania I–II*, Wien: Alfred Holder, 1906.
- Bernardi aj. 1994** = Rut Bernardi aj., *Handwörterbuch des Rätoromanischen: Wortschatz aller Schriftsprachen, einschliesslich Rumantsch Grischun, mit Angaben zur Verbreitung und Herkunft* 1, Zürich: Offizin Verlag, 1994.
- Bichakjian 1977** = Bernard H. Bichakjian, Romance lenition: thoughts on the fragmentary-sound-shift and the diffusion hypotheses, *Romance Philology* 31 (1977), 196–203.
- Boček 2010** = Vít Boček, *Studie k nejstarším romanismům ve slovanských jazycích*, Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2010.
- Boerio 1867** = Giuseppe Boerio, *Dizionario del dialetto veneziano*, Venezia: Cecchini, 1867.
- Cravens 1991** = Thomas D. Cravens, Phonology, phonetics, and orthography in Late Latin and Romance: the evidence for early intervocalic sonorization, in: *Latin and the Romance Languages in the Early Middle Ages*, ed. Roger Wright, London: Routledge, 52–68.
- Cravens 2000** = Thomas D. Cravens, Romance lenition, in: *New Approaches to Old Problems: Issues in Romance Historical Linguistics*, eds. Steven N. Dworkin – Dieter Wanner, Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2000, 47–64.
- Cravens 2002** = Thomas D. Cravens, *Comparative historical dialectology: Italo-Romance clues to Ibero-Romance sound change*, Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 2002.
- Eichenhofer 1999** = Wolfgang Eichenhofer, *Historische Lautlehre des Bündnerromanischen*, Tübingen – Basel: Francke Verlag, 1999.
- Elcock 1975** = William Denis Elcock, *The Romance languages*, London: Faber & Faber, ²1975.
- ESJS 18** = *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* 18, Brno: Tribun EU, 2016.
- Gsell 1993** = Otto Gsell, Beiträge und Materialien zur Etymologie des Dolomitenladinischen (Nachträge), *Ladinia: sföi culturäl dai Ladins dles Dolomites* 17 (1993), 117–124.
- Hamm 1979** = Josip Hamm, *Das Glagolitische Missale von Kiew*, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979.
- Jagić 1898** = Vatroslav Jagić, Einige Streitfragen, *Archiv für slavische Philologie* 20 (1898), 1–53.
- Kramer 1977** = Johannes Kramer, *Historische Grammatik des Dolomitenladinischen: Lautlehre*, Gerbrunn bei Würzburg: Wissenschaftlicher Verlag A. Lehmann, 1977.
- Kramer 1988** = Johannes Kramer (ed.), *Etymologisches Wörterbuch des Dolomitenladinischen* 1, Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1988.
- Kronsteiner 1989** = Otto Kronsteiner, *Žitije blaženaago Mefodia archiepiskupa moravjskaago*, Salzburg: Institut für Slawistik, 1989.
- Lausberg 1967** = Heinrich Lausberg, *Romanische Sprachwissenschaft II: Konsonantismus*, Berlin: Walter de Gruyter, ²1967.
- Loporcaro 2015** = Michele Loporcaro, *Vowel Length from Latin to Romance*, Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Mareš 1984** = František Václav Mareš, Das altkirchenslavische *ъꙋꙋꙋꙋ* „communio, Eucharistia“, *Das Romanische in den Ostalpen: Vorträge und Aufsätze der gleichnamigen Tagung am Institut für Romanistik der Universität Salzburg vom 6. bis 10. Oktober 1982*, hrsg. von Dieter Messner, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1984, 125–131.
- Mareš 2000** = František Václav Mareš, *Cyrlometodějská tradice a slavistika*, Praha: Torst, 2000.
- Nahtigal 1936** = Rajko Nahtigal, *Starocerkvenoslovanske študije*, Ljubljana: Učiteljska tiskarna, 1936.
- Nimčuk 1983** = Vasil' V. Nimčuk, *Kyjivs'ki hlholyčni lystky*, Kyjiv: Naukova dumka, 1983.
- Ondruš 1984** = Šimon Ondruš, Z lexiky Kyjevských listov: *ъꙋꙋꙋꙋ*, *Slavica Slovaca* 19 (1984), 36–42.
- Ondruš 1991** = Šimon Ondruš, Ešte raz o genéze moravizmu-panonizmu *ъꙋꙋꙋꙋ*, *Slavia* 60 (1991), 380–383.

- Pirona – Carletti – Corgnalli 1983** = Giulio Andrea Pirona – Ercole Carletti – Giovanni Battista Corgnalli, *Il nuovo Pirona: vocabolario friulano*, Udine: Società filologica friulana, 1983.
- Rohlf s 1949** = Gerhard Rohlf s, *Historische Grammatik der italienischen Sprache und ihrer Mundarten I: Lautlehre*, Bern: Francke, 1949.
- Schaeken 1987** = Jos Schaeken, *Die Kiever Blätter*, Amsterdam: Rodopi, 1987.
- Skok 1940** = Petar Skok, *Osnovi romanske lingvistike II: historijska fonetika romanskih jezika (nenaglašeni vokali i konsonanti)*, Zagreb: Izdanje naklade školskih knjiga i tiskanica Banovine hrvatske u Zagrebu, 1940.
- Skok 1973** = Petar Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika 3*, Zagreb: Jugoslaven-ska akademija znanosti i umjetnosti, 1973.
- Šachmatov 1905** = Alexej A. Šachmatov, Der Ausdruck *vsqdb* in altkirchenslavischen Denkmälern, *Archiv für slavische Philologie* 27 (1905), 141.
- Šturm 1928** = Romanska lenizacija medvokaličnih konzonantov in njen pomen za presojo romanskega elementa v slovenščini, *Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino* 7 (1928), 21–46.
- Wartburg 1950** = Walther von Wartburg, *Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume*, Bern: Francke, 1950.
- Wartburg 1961** = Walther von Wartburg, *Französisches etymologisches Wörterbuch: eine Darstellung des galloromanischen Sprachschatzes* 14, Basel: Helbing & Lichtenhahn, 1961.
- Weinrich 1969** = Harald Weinrich, *Phonologische Studien zur romanischen Sprachgeschichte*, Münster: Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1969.

POVZETEK

Pripomba k etimologiji starocerkvenoslovanskega *vsqdb* ‘sveto obhajilo’

Prispevek je posvečen etimologiji starocerkvenoslovanskega *vsqdb* ‘sveto obhajilo’. Najprej so navedene dosedanje etimološke razlage. Za najbolj verjetno se kaže Mareševa razlaga, po kateri je starocerkvenoslovanska beseda izposojenka romanskega kontinuant-a poznolatinskega *usandum*, le da je Mareš mislil na prevzem iz alpske (retoromanske ali furlanske) romanščine, glasovna podoba starocerkvenoslovanske besede pa govori za izvor iz vzhodne romanščine, ker tam ni prišlo do romanske sonorizacije nezvenečih so-glasnikov v medvokalnem položaju.

WIESŁAW BORYŚ

ZE STUDIÓW NAD LUDOWYM SŁOWNICTWEM
CHORWACKIM

COBISS: 1.01

Iz proučevanja hrvaške ljudske leksike

Razvoj hrvaške narečne leksikografije v zadnjem času dopušča poglobitev raziskovanja ljudske leksike tega slovanskega jezika in pomaga pri proučevanju slovanske etimologije. V prispevku, posvečenem spoštovani jubilatki, vidni raziskovalki slovanske etimologije, odlični poznavalki južnoslovanske leksike, obravnavam geografijo, semantični razvoj in etimologijo treh sorodnih leksemov: dveh čakavskih z bogato in razvejeno semantiko in enega kajkavskega, ki ni več v rabi.

Ključne besede: hrvaška in slovanska leksika, čakavščina, kajkavščina, slovanska etimologija

Selected studies in Croatian folk vocabulary

The recent development of Croatian dialect lexicography has strengthened research on the folk vocabulary of this Slavic language and facilitated studies in Slavic etymology. This article is dedicated to a distinguished professor that is celebrating her birthday and is an outstanding researcher of Slavic etymology and a great expert in South Slavic vocabulary. I discuss the geography, semantic development, and etymology of three native lexemes: two from the Čakavian dialect and featuring rich and varied semantics, and one now-obsolete lexeme from the Kajkavian dialect.

Keywords: Croatian and Slavic vocabulary, Čakavian dialect, Kajkavian dialect, Slavic etymology

1 CZAK. *graja* ‘JEŽYNA; GĘSTE, SPLECIONE ZAROŚLA JEŻYN I INNYCH CIERNISTYCH KRZEWÓW, GĘSTWINA; ZAROŚLA WZDŁUŻ POLNYCH DRÓG; OGRODZENIE, ŻYWOPŁOT, PŁOT’

W czakawskich gwarach w pobliżu Rijeki (zwłaszcza w Liburnii) rzeczownik *graja* oznacza ‘zarośla jeżyny, cierniste zarośla’: *grāja* ‘wielka jeżyna, krzaki i cierniste krzewy razem’ (Kastav, Jardas 1957: 392), *grāja* ‘jeżyna, cierniste krzewy’ (Rukavac, Mohorovičić 2001: 84),¹ *grāja* ‘ts.’ (Draga, Milić 1999: 32). W innych czakawskich gwarach na Półwyspie Istria ten wyraz ma ogólniejsze znaczenie ‘krzaki, zarośla’: *grōja* ‘krzewy, zarośla’ (Labin, Milevoj 2006: 98), to samo znaczenie odnotowano też na wyspie Cres: *grāja* ‘krzewy’ (Bejska Tramuntana, Velčić 2003:

1 W tym źródle też drugie znaczenie ‘ceremonia kod vjenčanja’ z opisem »Susjedni mladići nevjestice podižu blizu njezine kuće slavaluk od zelenoga granja, u sredini postave stol sa kolačima i pićem, pa časte svatove... U ovom slučaju riječ bi značila „zagrada“«.

125), na Przymorzu Chorwackim *grāja* ‘cierniste krzewy’, Turina – Šepić 1977: 58), w Vinodolu *grāja* ‘krzaki, cierniste krzewy’ (Sokolići-Kozarići 2003: 72). W gwarach Istrii poświadczane jest także znaczenie ‘ogrodzenie z żywych roślin, żywopłot’: *grāja* ‘żywopłot’ (Pazin, Gagić 2017: 92), *grāja/grāja* ‘zarośnięty, zapuszczony żywopłot’ (Roverija, Kalčić – Filipi – Milovan 2014: 86), *grāja* ‘(thorn) bush (at the roadside), thorny branches (used by way of fence)’ (Žminj, Kalsbeek 1998: 449), *grāja/grāja* ‘ogrodzenie, żywopłot’ (Ćičarija, Ribarić 2002: 173), *graja* ‘ts.’ (Svetvinčet, Šugar 2008: 217), *gròje* pl. ‘ogrodzenia, żywopłoty’ (Pićan, Ružić 1999: 38). Szczegółowo znaczenia rzeczownika *graja* (i lokalnych wariantów fonetycznych *groja*, *groaja*, *grāja*) i ich geografie przedstawia elektroniczny słownik gwar Istrii: ‘jeżyna, *Rubus*’ (s.v. kupina), ‘gatunek jeżyny, *Rubus ulmifolius*’ (s.v. seoska kupina), ‘krzew *Paliurus spina-christi*’ (s.v. drača), ‘krzaki, zarośla’ (s.v. grmlje), ‘cierniste, kolczaste zarośla’ (s.v. trnje), ‘gęste zarośla, gęstwina’ (s.v. šiprag, šikara, ‘ogrodzenie’ (s.v. ograda), ‘żywopłot’ (s.v. živa ograda, živica), ‘płot’ (s.v. plot, IstarskiR).² Pod koniec XIX wieku D. Nemanić zapisał (prawdopodobnie w okolicy Pazina) *grāja* ‘ogrodzenie (septimentum)’ (Nemanić 1884: 525), *grāja/graja* ‘żywopłot (sepes viva); krzew, zarośle (virgultum)’ (Nemanić 1884: 529, 528), *graje* ‘krzew, zarośle (virgultum)’ (Nemanić 1884: 508).

Omawiany wyraz występuje również w innych gwarach czakawskich, zwłaszcza gwarach środkowej Dalmacji, np. w Splicie: *grāja* ‘kolczaste zarośla wzdłuż wiejskiej drogi (jeżyna i podobne)’ (Vidović 1971: 244; Radišić 1999: 24), *grāja* ‘ts.’ (Petrić 2008: 91) *grāja* ‘ts.; splecione, gęste zarośla, zastępujące odgradzający mur’ (Matoković 2004: 311), *grāja* ‘kolczaste zarośla wzdłuż drogi’ (Trogir, Geić – Šilović 1994: 78), *grāja* ‘ts.; żywopłot’ (Kašteli, Baldić-Đugum 2006: 84). Ten sam wyraz zapisano też na wyspie Dugi otok (*grāja* ‘kolczasta łądyga do grodzenia’, Sali, Piasevoli 1993: 98) i na wyspie Lastovo (*graja* ‘ogrodzenie, zwłaszcza z gałęzi’ (Kućarić 2001: 103); w słowniku gwary wyspy Iż podano nieco odmienne znaczenie: *grāja* ‘ułożone suche gałęzie do palenia; ogrodzenie, szereg suchych gałęzi do palenia’ (Martinović 2005: 96).

Odpowiednik omawianego wyrazu czakawskiego występuje również w niektórych gwarach kajkawskich: *gr’aja* ‘gałęzie, chrust na ogrodzenie, na płot’ (Krapina, Crnek 2005: 20), *gr’oja* ‘ogrodzenie’ (Međimurje, Blažeka 2011: 17), odnotował go także jeden z XIX-wiecznych słowników kajkawskich: *graja* ‘ogrodzenie (septum, septimentum)’ (Kristijanović 1840).

W bliskim znaczeniu i odpowiedniej postaci fonetycznej ten wyraz odnotowano w południowych gwarach sztokawskich, np. w Dalmacji *grāda* ‘ogrodzenie’ (Vuk 1852 I 157), w Dalmatinskiej Zagorze *grāda* ‘zielsko na murze ogradzające mur’ (Gusići 2004: 111).

2 W romańskich gwarach Istrii (w IstarskiR określanych terminem „istromletački”) występuje rzeczownik *graija* (*graja*) w znaczeniach ‘jeżyna’, ‘gęste zarośla, gęstwina’, niewątpliwie zapożyczony z gwar czakawskich.

Pochodzenie rozpatrywanych wyrazów (czak. *graja/groja/graža*, kajk. *graja/groja*, sztok. *građa*) jest całkiem jasne. Są to odpowiedniki chorw. standardowego *građa* ‘to, z czego się coś buduje, materiał, budulec’ (najwcześniej, w XVII wieku, jest poświadczony w chorwackim znaczenie ‘ogrodzenie’, dalsze wtórne znaczenia pojawiają się później, por. ERHJ I 292–293), kontynuanty (z różnym rozwojem pierwotnej grupy spółgłoskowej **dj* i ze zmianami rdzennego *ā > ō/o*) psł. **gord’a* (< **gord-ja*) ‘grodenie, przegradzanie, ogradzanie’ > ‘to, co przegradza, ogradza, zagradza: płot, zagroda, koszara, wał, nasyp, grobla, jaz’, derywatu z sufiksem **-ja* od psł. **gorditi* ‘stawiać przegrodę, zagrodę, ogrodzenie, zagradzać, przegradzać, ogradzać’ (SP VIII 102–103, 107–108). Podstawę dalszego rozwoju semantycznego, widocznego zwłaszcza w dialekcie czakawskim, stanowiło znaczenie ‘ogrodzenie’, istniejące także w innych językach słowiańskich (np. słowen. *grája* ‘ogrodzenie, płot’, pol. *grodza* ‘ts.’, dial. ‘ogrodzenie z żerdzi’, ros. dial. *zopóžka* ‘ogrodzenie, płot; ogrodzenie z cienkich gałązek, z żerdzi’). Na terenie Chorwacji, zwłaszcza południowej, funkcję ogrodzeń, przeważnie wzdłuż polnych dróg, odgradzających np. pola od drogi, stanowiły nierzadko pasy gęstych krzaków, krzewów, zarośli, żywopłoty, co uwidoczniło się w znaczeniu wyrazu *graja*. Ponieważ takie odgradzające zarośla złożone były często ze spletanych krzewów jednego lub kilku gatunków, w gwarach czakawskich dochodziło do zawężenia znaczenia rzeczownika *graja*, który stawał się zbiorową nazwą pewnego typu roślin występujących w tego rodzaju ogrodzeniach, w żywopłotach (np. ‘zarośla jeżyny, ciernistych krzewów, tarniny’) lub nazwą konkretnych roślin (np. jeżyny *Rubus*, *Rubus ulmifolius*, *Paliurus spina-christi*).

2 CZAK. *hõmūt* ‘WINNA LATOROŚL WIJĄCA SIĘ WOKÓŁ DRZEWA; PAL, DO KTÓREGO PRZYWIĄZUJE SIĘ WINNA LATOROŚL; ZAROŚLA, GĄSZCZ WYSOKIEJ TRAWY, KRZAKÓW; GARŚĆ, WIĄZKA (TRAWY, SIANA)’

W archaicznych gwarach czakawskich wyspy Krk poświadczony jest rzeczownik *hõmūt* jako ludowy termin botaniczny, nazwa jakiejś odmiany winnej latorośki: *homut* ‘*Vitis arbustiva*’ (Vrbnik, Žic 1900: 68), *hõmūt* ‘ts.’ (Dobrinj, Jelenović 1973: 290); być wyraz w tym z tym samym znaczeniem występuje też w miejscowości Orlec na wyspie Cres, gdzie zapisano postać *hõmut* niestety bez podania znaczenia („meaning unclear”, Houtzagers 1985: 253). Za identycznością tych wyrazów przemawiają niewątpliwie utworzone od nich mikrotoponimy na obu wyspach: w Dobrinju na Krku *Homũtnā* (Jelenović 1973: 290) i koło wsi Frantin na Cresie nazwa ogrodu *Homuĩni* (Velčić 2003: 132). Dokładne ustalenie znaczenia przytoczonych poświadczeń czak. *hõmūt* jest trudne, gdyż dostępne mi polskie, chorwackie i innojęzyczne naukowe słowniki botaniczne nie notują łacińskiego botanicznego terminu *Vitis arbustiva*. Wydaje się, że jest to termin stworzony przez kogoś, nie przyjęty w nauce. Ponieważ łac. *arbustivus* znaczy

‘wspinający się na drzewo (odmiana winnej latorośli)’, można przypuszczać, że *Vitis arbustiva* to ‘winna latorośl wspinająca się na drzewo, wijąca się wokół drzewa’ (w klasycznej łacinie poświadczona jest fraza *vitis arbustiva* w takim znaczeniu: „vites maxime gaudent arboribus... hoc genus vitium arbustum vocamus”, Plezia 1959). Przypuszczalnie chodzi tu o odmianę winnej latorośli, noszącej w terminologii botanicznej nazwę *Vitis vinifera* subsp. *silvestris*.

W innych gwarach czakawskich (a także sztokawskich) ten sam wyraz ma odmienne znaczenia. W czakawskiej gwarze miejscowości Omišalj na wyspie Krk *hòmūt* to ‘zarośle, gąszcz, gęstwina wysokiej trawy, krzaków itp.’ (Mahulja 2006: 90), w środkowej Dalmacji, w czakawskiej gwarze wsi Brusje na wyspie Hvar odnotowano *hòmūt* m. ‘gałązki, pręciki; chwasty, zielska’ (Dulčić 1985: 467), ponadto w serbskiej gwarze w rejonie Užic zapisano *omut* ‘bardzo gęsty las lub zarośla tarniny splecione pnącymi roślinami’ (RJAZ III 650). Godne uwagi jest, że bliskie znaczenie odpowiednika wyrazu czakawskiego i sztokawskiego występuje w języku słoweńskim, gdzie poświadczono przestarzałe i dialektalne (w Karyntii) *homót* ‘gęstwina, gąszcz’ (Pleteršnik I 275; SSKJ I 818). Mamy tu zatem do czynienia z jednym z bardzo licznych przykładów leksykalnych związków obszaru słoweńskiego i chorwacko-serbskiego.

Jeszcze inne znaczenie omawianego wyrazu występowało na południu wyspy Krk, w czakawskiej gwarze miejscowości Draga Bašćanska: *homut* ‘to, co można pochwycić ręką, wiązka trawy, siana, paszy dla konia’ (Skok ER I 678), to samo znaczenie właściwe było pewnym sztokawskim gwarom w północnej Chorwacji i w Serbii: (*h*)*òmūt* (i *òmūc* w Baranji) ‘garść (siana, trawy), wiązka, naręcze, ilość (siana, trawy), którą można objąć rękami’ (RJAZ III 649–650), *omut* ‘mała ilość czegoś (zwykle tyle, ile się mieści w garści), wiązka’, *òmute* pl. ‘gužva’ (RSGVojv VI 74).

Specjalne znaczenie zapisano pod koniec XIX wieku w Istrii (zapewne w okolicy Pazina): *homut/homot* ‘pal, do którego przywiązuje się winną latorośl (*pālus ad quem palmes adligatur*)’ (Nemanić 1883: 389, 396).

Dla objaśnienia złożonej semantyki rozpatrywanego wyrazu ważne są starochorwackie poświadczenia, występujące w XVI wieku u dubrownickiego pisarza Mavra Vetranovicia: *homut* zapewne w znaczeniach ‘zwój, splot (np. włosów)’, ‘rój (much)’ („Vlasi u *homut* spleteni”, „Muhe se sklopiše sve zajedno u *homut*”, RJAZ III 649–650). Do starochorwackiego znaczenia ‘gromada (np. owadów), rój’ nawiązuje niewątpliwie dialektalne *omut* ‘stado drobnego bydła, owiec’, odnotowane w niektórych sztokawskich gwarach w Hercegowinie: Popovo polje (Mićević 1952: 26), Podveležje (Kanaet 1955: 96), Lištica (Ilić 1970: 193), por. też gwarowe czarnogórskie *omut* ‘gromada, stado’ (szczegółowo o tym Boryś 1986: 87–89).

Z historycznych poświadczeń omawianego leksemu zwraca uwagę zapis w powstałym około r. 1700 słowniku P. Rittera Vitezovicia, zawierającym leksykę ze wszystkich trzech chorwackich dialektów (także z czakawszczyzny, autor

słownika pochodził z Senja): *homut* ‘sznurek z konopi, sitowia (thomix [= funiculus ex canabe, junco])’ (Vitezović 2009: 249).

Etymologia stchorw. *homut*, chorw. dial. *hõmūt*, serb. dial. *õmut* i ich słoweńskiego odpowiednika *homót* ‘gęstwina, gąszcz’ (Pleteršnik I 275; SSKJ I 818) nie jest całkowicie jasna, nie ma jednak podstaw, by nie przyjmować rodzimego pochodzenia leksemu. Można przypuszczać, że ten rzeczownik, dający się sprowadzać do pierwotnej postaci **chomq̃t̃*, pozostaje w związku etymologicznym z chorwackim dialektalnym kajkawskim czasownikiem, znanym głównie z gwar Podraviny: *hõmiti*, *hõmim* ‘chciwie, łakomie jeść’ (Gola, Večenaj – Lončarić 1997: 105), jego prefigowana postać *zahõmiti* ‘łakomie pożreć paszę (o zwierzętach domowych)’ (Večenaj – Lončarić 1997: 445), *zahomiti* ‘o bydle: chciwie zapchać pysk trawą’ (Virje, Herman 1973: 97), por. też adv. *zahonce* (fonetycznie *zahunc’e* < **zahomce*) ‘łapczywie, chciwie (jeść)’ (Međimurje, Blažeka w druku). Czasownik ten kontynuuje prawdopodobnie prapostać **chomiti* z pierwotnym znaczeniem ‘ściskać, gnieść’, z którego rozwinęło się kajkawskie ‘opychać się paszą, chciwie, łakomie żreć, jeść’. Na ten czasownik wskazują również fakty innych języków słowiańskich: ekspresywne czasowniki czes. dial. *chomtat* ‘chciwie brać coś w dużej ilości’ i zapewne (z wtórną samogłoską rdzenną -u-) *chumlat* ‘miać, gnieść’, *chumlat se* ‘związać się’ (z interfiksami -t- < **-vt-*, -l- < **-vl-*) oraz derywaty czes. *chomác/chumác* ‘kłąb, zwój, kłak’, *chomel/chumiel* ‘kłąb, zwój; gromada, kupa, kłębowski, tłum, ciżba; zamieszanie’, słowac. *chomác/chumác* i *chumel* ‘pęk, kłąb’ (Snoj³ 236, który jednak nieprzekonująco z przyczyn fonetycznych [wątpliwy rozwój **g- > χ-*] dopuszcza pochodzenie słów. *homót* z wcześniejszego **gomot̃*, pokrewnego z psł. **gomola*/**gomola* ‘ugniecioną bryłą jakiejś masy’, z tym wiąże przytoczone wyrazy czeskie i słowackie). Zwraca uwagę semantyczna bliskość tych czeskich i słowackich derywatów z omawianym wyżej stchorw. *homut*.

Przytoczone czasowniki i utworzone od nich derywaty pozwalają rekonstruować psł. dial. **chomiti* ‘ściskać, gnieść’, będące wariantem fonetycznym (zapewne o ograniczony zasięgu) psł. **(s)komiti* ‘ściskać, ugniatać’ (ros. *скомѣть* ‘ścisnąć, zmiąć’ i *комѣть* ‘zgniać, zmiąć’, Vasmer ES II 303, III 647), z *s*-mobile (por. pokrewnie psł. **skoma* i **o(b)skoma* ‘cierpienie, drętwienie zębów’, **ščymiti* ‘powodować, ból, ściskać’ < **skīm-*). Nagłosowe **ch-* postaci **chomiti* jest wynikiem rozwoju **sk-* > **χ-* (jak np. w psł. **chvoja* < **skuojā*, **chrom̃* < **skrom̃*, **chud̃* = litew. *skaudūs*). Podstawę czasownika **(s)komiti*/**chomiti* stanowił indoeuropejski pierwiastek **kem-* ‘ściskać, stłaczać’ (Pokorny IEW 555; por. Boryś 1986: 89; Králik SESS 224, 225).

Staje się jasne, że omawiany rzeczownik **chomq̃t̃* to derywat dewerbalny od psł. **chomiti* z sufiksem **-qt̃* (najlepiej znanym jako składnik końcówki participium praesenti activi **-qt̃-jb*). Etymologia leksemu i realne znaczenia, poświadczone w XVI-wiecznych chorwackich tekstach oraz nowsze i współczesne dialektalne znaczenia chorwackiego *homut*, serbskiego *omut* i słoweńskiego *homot* wskazują

na pierwotne dwa pokrewne znaczenia (1) ‘coś ściśniętego, zbitego, ściśnięta, zbita masa czegoś’ i (2) ‘coś ściskającego, oplatającego jakiś przedmiot, wiążącego różne przedmioty’. Pierwsze znaczenie w określonych związkach frazeologicznych lub w konkretnych kontekstach znaczeniowych mogło podlegać specjalizacji, zwężeniu, np. *homut vlasā* ‘(zbity, związany) kłęb, zwój włosów’, *homut sijena* ‘garść, snop siana’, *homut muhā* ‘rój much’, *homut ovācā* ‘stado owiec’. Reliktem przypuszczalnego dawnego znaczenia jest czakawskie ‘zbita masa roślin, gęste (kolczaste) zarośla, gąszcz, gęstwina’, dialektalne serbskie ‘gęstwina, zarośla tarniny splecione pnącymi roślinami’, podobny rozwój semantyczny sugeruje także słowen. *homót* ‘gęstwina, gąszcz’. Znaczenie ‘coś ściśniętego’ rozwinąć się musiało także w innym kierunku, stąd realne znaczenie dialektalne ‘to, co można ścisnąć, pochwycić garścią lub rękami, wiązka, naręcze (trawy, siana)’. Z drugiego znaczenia ‘to, co ścisną, łączy coś’ wyprowadzić można dialektalne znaczenia ‘winna latorośl wspinająca się po drzewie, wijąca się wokół drzewa’ (w związku z tym ‘pal, do którego przywiązuje się winną latorośl’, z przeniesieniem znaczenia z tego, co się pnie po drzewie na podpórke rośliny) i dawne ‘rodzaj sznurka’, z pewnością używanego do wiązania, łączenia czegoś.

Derywatami od kontynuantów rzeczownika **chomŭtъ* są czasowniki: czak. *homūtāt* ‘robić nieporządek, rozrzucać (rzeczy)’ (Omišalj, Mahulja 2006: 91), słowen. dawne *homotāti* ‘wikłać, gmatwać, mieszać’, *homotāti se* ‘wić się, kręcić się’ (Pleteršnik I 275; SSKJ I 818), semantycznie nawiązujące przypuszczalnie do pierwotnego znaczenia podstawowego rzeczownika (zwraca uwagę zwłaszcza znaczenie słoweńskiego czasownika zwrotnego ‘wić się, kręcić się’, wyraźnie powiązane znaczeniowo z czak. *hōmūt* ‘winna latorośl wijąca się wokół drzewa’). Szczegóły ewolucji semantycznej przytoczonych czasowników nie są jednak jasne.

3 KAJK. *kneja* ‘LAS LIŚCIASTY NA PODMOKŁYM TERENIE’

Rozpatrywany wyraz *kneja* ‘stary las liściasty na podmokłym terenie’ w nowszych czasach poświadczony jest tylko w kajkawskim dialekcie Međimurja. Wymieniła go Marijana Gušić w zwięzłym artykule o praslaviańskim dziedzictwie w tym dialekcie:

u Međimurju se još, iako sporadično, čuje riječ *k n e j a* kao naziv za staru gustu bjelogoričnu šumu na podvodnom tlu, kako je ovu praslavensku riječ Vladimir Mažuranić našao u Pokuplju i na padinama Plešivičkog prigorja (Gušić 1972: 63).

Za M. Gušić informował o omawianym wyrazie Stjepan Hranjec:

Nizinski dio Međimurja karateriziraju šume, livade – *senokoše*, ornice i vode. U doba kad su Hrvati naselili, ovaj je kraj bio prekriven gustim šumama; nazivi kao *dobrava* ostali su do danas, a odnosi se na hrastovu šumu, a sporadično se čuje i *kneja* »stara gusta bjelogorična šuma na podvodnom tlu« (Hranjec 1997: 17).

Następnie appellativum *kneja* w podanym znaczeniu przytoczyła, za podanymi powyżej źródłami, w spisie kajkawizmów, pochodząca z Čakovca Lidija Bajuk

(1999: 293), tytuł *Kneja* nosi jej tom bajkowych opowiadań, tak zatytułowane jest też ostatnie opowiadanie, kończące się zdaniem „mirisnom *knejom* odjekne Vančekov bezbrižni smijeh” (Bajuk 1999: 85).³ Według listownej informacji dr L. Bajuk apelatywny wyraz *kneja* był w jeszcze żywy na terenie Međimurja w połowie XX wieku, później wyszedł z użycia.

W początkach XX w. występowanie appellativum *kneja* na obszarze chorwackim sugerował V. Mažuranić, ale nie przytoczył na to argumentów, opisał natomiast obiekty fizjograficzne o takiej nazwie:

U nas barem dolazi ta rieč [tj. *kneja*] vrlo često i to kao mjesno ime, ali bez sumnje kao apelativ, oznaka vrste šume, prema stabljima, što u njoj rastu, njezinu položaju itd. [...] Zovu se dakle i neki vodoteči, koji protječu kroz kneje, istim imenom. Bio sam i sam u šumskih rudinah takova imena u karlovačkom kotaru. To su šume u ravnici, hrastom i johom obrasle paše, često podvodne. G. 1910. izvestio me je karlovački gruntovničar A. Piškulić, da takvih rudina ima u Blatnici, Luki, Šišljaviću, Rečici, Mrzljakih, pak oko Jastrebarske, Krašića i Petrove gore. Kneje leže prema nizu, na podvodnom tlu. Slunjani, ikavci, govore *knija*. (Mažuranić 1975: I 514)

Mniej więcej ćwierć wieku później dawne toponimy *Kneja* zapisał E. Dickenmann na obszarze obecnej żupaniji zagrzebskiej: nazwę leśnego i bagienego terenu na wschód od miasta Jastrebarsko i lasku na północ od miejscowości Donja Kupčina oraz nazwę bagnistego i lesistego terenu *Kneje* pl. nad potokiem Obdina w Turopolju (Dickenmann 1966 I 176–177).

Oto przykłady historycznych poświadczeń toponimów (nazw lasów, okolic lesistych, bagnistych, rzek, potoków, miejscowości), wydobytych z wydań dawnych dokumentów przez V. Mažuranića i E. Dickenmanna, odnotowanych w dorzeczu Sawy (Dickenmann 1966: I 176–177). Takie toponimy są poświadczone od XIII w., np. „Silva quae *Megna knea* [tj. *Menja kneja*] nominatur” (r. 1228, Zagreb), „Super frutices *Keneje vocatae*” (r. 1284), „Ad rivulum *Haranichka knea vocatum*” (r. 1358, Mažuranić l.c.), „inde vadit per Dolbokam (= Dubokam), que nominatur *Kneya*” (r. 1249), „ad silvam que *Magnaknea (Magnacnea)* [tj. *Manja kneja*] nominatur” (r. 1288), „quandam silvulam *Knea dictam* (r. 1351), „ad caput longi rivuli, ubi oritur ipse rivulus vulgariter *Dulgaknea* [tj. *Dulga* ‘duga’ *kneja*] vocatus” (r. 1380), „per alium rivulum *Kneya nominatum* usque viam magnam, per quam itur et que ducit ad antiquam Gradecz” (r. 1438), „ad teritorium dicte possessionis Kwche et per consequens glandifloras silvas eorundem protestancium *Kneye Gay vocatas*” (r. 1520, Turopolje), „ad sylvas glandiferas dictae possessionis Koche, *Kneye vocatas*” (r. 1555, Dickenmann 1966 I 176–177).

Współcześnie jest poświadczona nazwa polany (zapewne z otaczającym lasem bukowym, u podnóża góry Klek) *Kneja*, na której obecnie znajduje się ośro-

3 Warto tu wspomnieć, że istniejące w Čakovcu stowarzyszenie ekologiczne nazywa się *Kneja*, por. <www.kneja.hr, 5.11.2012>, taką też nazwę nosi restauracja w tym mieście. L. Bajuk potwierdziła moje przypuszczenie, że obie nazwy powstały pod wpływem tytułu jej książki.

dek sportowo-rekreacyjny pobliskiego miasta Ogulin o tej nazwie (www.radio-ogulin.hr/jutarnji_program/kneja.html, 28.12.2012) a także *Kneja* nazwa koszar (zapewne od nazwy terenu, gdzie je zbudowano) w mieście Slunj (www.slunj.hr/vijesti/news_item.asp?NewsID=917, 28.12.2012); ciekawe, że przed stu laty V. Mažuranić zapisał w Slunju przytoczoną wyżej ikawską postać *knija*, może nawet odnoszącą się do tego terenu, na którym później ulokowano koszary.

Dane onomastyczne poszerzają zasięg rzeczownika *kneja*: appellativum istniało jeszcze kilkadziesiąt lat temu w Međimurju, tj. na północy obszaru kajkawskiego, nazwy terenowe wskazują na dawne występowanie tego wyrazu w okolicach Zagrzebia, Turopolja, Karlovca, Jastrebarskiego, Ogulina czyli w centralnej Chorwacji. Niektóre poświadczenia historyczne nazw terenowych sugerują występowanie nazwy *Kneja* także poza obszarem kajkawskim, w Sławonii (por. „quandam silvulam *Knea* dictam” (r. 1351, dokument z Pożegi) i w Bośni (por. cytowane wyżej poświadczenie z r. 1249, z informacją, że wymieniony w tekście potok *Duboka* znajduje się „im Komitat Bos<anska> Dubica”, Dickenmann 1966 I 176).

Kajk. *kneja* (z lokalnym wariantem *knija*) ma apelatywne odpowiedniki na obszarze zachodnio- i wschodniosłowiańskim: pol. *knieja* ‘dziki, gęsty las’, stpol. ‘pewna określona część lasu (np. do polowania)’, w XVI w. ‘wielki, gęsty las, schronienie zwierząt’, dial. *knije* pl. też ‘doły na drogach na wiosnę napełnione wodą’, kasz. *kńeja* (*kńeja*, *kneja*) ‘krzaki, gęsty las’, ros. arch. *kneja* ‘las otoczony polami; gęste zarośla; rejon polowań’, poza tym w kilku językach słowiańskich poświadczane są tylko nazwy własne: słoweń. *Kněj* m. (toponim, w XV w. też *Kneja*, Snoj 2009: 191), czes. *Knije*, stczes. *Knijeř* (toponim), ukr. *Knija* (hydronim). Wszystkie te wyrazy pospolite i nazwy kontynuują psł. **kǫnĕja* ‘gęsty, dziki, trudny do przebycia las (zapewne z dużą ilością zwalonych pni)’, derywat z sufiksem **-ĕja* od psł. **kǫnъ*/**kǫnъ* ‘(obrabany) pień drzewa, kłoc’, zob. Vasmer ES II 262; Sławski SE II 286–287; ESSJa 13: 198–199 (z dalszą literaturą); Boryś SE 240.

ŹRÓDŁA I LITERATURA

- Bajuk 1999** = Lidija Bajuk Pecotić, *Kneja*, Zagreb: Mozaik knjiga, 1999.
- Baldić-Đugum 2006** = Radojka Baldić-Đugum, *Beside kaštelanske*, Kaštela: „Bijaći”: društvo za očuvanje kulturne baštine Kaštela – Muzej grada Kaštela, 2006.
- Blažeka 2011** = Đuro Blažeka, „Lažni prijatelji” između hrvatskoga standardnoga jezika i međimurskoga dijalekta, *Filologija* (Zagreb) 57 (2011), 1–33.
- Blažeka w druku** = Đuro Blažeka, *Rječnik preloške skupine govora međimurskog dijalekta*.
- Boryś 1986** = Wiesław Boryś, Z badań nad innowacjami semantycznymi w ludowym słownictwie serbsko-chorwackim (Ludowe terminy pasterskie *buk*, (*h*)*omut*, *uvor* ‘stado’), *Studia linguistica Polono-Jugoslavica* (Sarajevo) IV (1986), 85–91.
- Boryś SE** = Wiesław Boryś, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
- Crnek 2005** = Viktor Crnek, *Kaj ne bi pozabili*, Krapina: Društvo za kajkavsko kulturno stvaralaštvo, 2005.
- Dickenmann 1966** = Ernst Dickenmann, *Studien zur Hydronimie des Save-Systems I–II*, Heidelberg, 1966.

- Dulčići 1985** = Jure Dulčić – Pere Dulčić, *Rječnik bruškoga govora, Hrvatski dijalektološki zbornik* (Zagreb) 5 (1985), sv. 2, 373–747.
- ERHJ** = Ranko Matasović – Tijmen Pronk – Dubravka Ivšić – Dunja Brozović Rončević, *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika* 1: *A–Nj*, ur. R. Matasović, Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2016.
- ESSJa** = *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* 1–40, отв. редактор О. Н. Трубачев – А. Ф. Журавлев, Москва: Наука, 1974–2016.
- Gagić 2017** = Marija Gagić, *Rječnik pazinskoga govora*, Pazin: Katedra Čakavskog sabora za povijest Istre Pazin – Zadar: Ogranak Matice hrvatske u Zadru, 2017.
- Geić – Šilović 1994** = Duško Geić, Mirko Slade-Šilović, *Rječnik trogirskog čakavskog govora*, Trogir: Muzej grada Trogira, 2017.
- Gusići 2004** = Ivica Gusić – Filip Gusić, *Rječnik govora Dalmatinske Zagore i zapadne Hercegovine*, Zagreb, 2004.
- Gušić 1972** = Marijana Gušić, *Praslavenska baština u Međimurju, Kaj* (Zagreb) V (1972), br. 5, 62–65.
- Herman 1973** = Josip Herman, *Prilog poznavanju leksičkog blaga u govoru Virja (Podravina), Filologija* (Zagreb) 7 (1973), 73–99.
- Houtzagers 1985** = Hubrecht Peter Houtzagers, *The Čakavian dialect of Orlec on the Island of Cres*, Amsterdam: Rodopi, 1985.
- Hranjec 1997** = Stjepan Hranjec, *Zipka vu horvatskom cvetnjaku*, Čakovec: Zrinski, 1997.
- Ilić 1970** = Žarko Ilić, *Narodna privreda Lištica i okoline, Glasnik zemaljskog muzeja u Sarajevu: etnologija* (Sarajevo) n. s. 34–35 (1970), 185–236.
- IstarskiR** (www.istarski-rjecnik.com/pretrazivanje, 25.8.2017).
- Jardas 1957** = Ivo Jardas, *Kastavština: građa o narodnom životu i običajima u kastavskom govoru* = *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena* 39 (1957). – Przdruk: Kastav: Naklada Kvarner – „Ivan Matetić Rongjov”, 2010.
- Jelenović 1973** = Ive Jelenović, *Mikrotoponimija dobrinjskog područja na otoku Krku, Hrvatski dijalektološki zbornik* (Zagreb) 3 (1973), 151–317.
- Kalčić – Filipi – Milovan 2014** = Slavko Kalčić – Goran Filipi – Valter Milovan, *Rječnik roverskih i okolnih govora*, Pazin: Naklada Dominović – Zagreb: Matica hrvatska – Pula: Znanstvena udruga Mediteran, 2014.
- Kalsbeek 1998** = Janneke Kalsbeek, *The Čakavian Dialect of Orbanici near Žminj in Istria*, Amsterdam – Atlanta: Rodopi, 1998.
- Kanaet 1955** = Tvrtko Kanaet, *Podveležje i Podvelešci*, Sarajevo, 1955.
- Králik SESS** = Ľubor Králik, *Stručný etymologický slovník slovenčiny*, Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV – Jazykovedný ústav Ľudovita Štúra SAV, 2015.
- Kristijanović 1840** = Ignaz Kriztjanovich, *Anhang zur Grammatik der kroatischen Mundart, enthaltend: eine Sammlung der nothwendigsten Wörter in der kroatisch-deutschen und deutsch-kroatischen Mundart*, Zagreb, 1840.
- Kučarić 2001** = Kristo Kučarić Kolende, *Rječnik starih i stranih riječi u lastovskome govoru*, Split: vlastita naklada, 2001.
- Mahulja 2006** = Ivan Mahulja, *Rječnik omišaljskoga govora*, Rijeka: Riječki nakladni zavod – Omišalj: Općina Omišalj, 2006.
- Martinović 2005** = Žarko Martinović, *Rječnik govora otoka Iža*, Zadar: Gradska knjižnica Zadar, 2005.
- Matoković 2004** = Berezina Matoković, *Ričnik velovareškega Splita*, Split: vlastita naklada, 2004.
- Mažuranić 1975** = Vladimir Mažuranić, *Prinosi za hrvatski pravno-povjesni rječnik* 1–2, Zagreb: Informator, 1975. – Przdruk wydania Zagreb, 1908–1922.
- Mičević 1952** = Иван Мићевић, *Живот и обичаји Поповаца, Српски етнографски зборник* (Београд) LXV (1952).
- Milevoj 2006** = Marijan Milevoj, *Gonan po nase: rječnik labinske čakavice*, Labin: Mathias Flacius, 2006.
- Milić 1999** = Dušan Milić, *Rječnik draških čakavskih riječi i izraza*, Rijeka: vlastita naklada, 1999.

- Mohorovičić 2001** = Franjo Mohorovičić-Maričin, *Rječnik čakavskog govora Rukavca i bliže okoliće*, Rijeka: Adamić – Opatija – Matulji: Katedra čakavskog sabora, 2001.
- Nemanić 1883** = Davorin Nemanic, Čakavisch-kroatische Studien: erste Studie: Accentlehre, *Sitzungsbericht der philologisch-historischer Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften* 104, Wien, 1883, 363–428.
- Nemanić 1884** = Davorin Nemanic, Čakavisch-kroatische Studien: erste Studie: Accentlehre (I. Fortsetzung), *Sitzungsbericht der philologisch-historischer Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften* 105, Wien, 1884, 505–572.
- Petrić 2008** = Žarko Petrić, *Rječnik starih splitskih riječi i izraza*, Split: Naklada Bošković, 2008.
- Piasevoli 1993** = Anka Piasevoli, *Rječnik govora mjesta Sali na Dugom otoku oliti libar saljski besid*, Zadar: Ogranak Matice hrvatske, 1993.
- Pleteršnik** = Maks Pleteršnik, *Slovensko-nemški slovar: transliterirana izdaja I–II*, ur. Metka Furlan, Ljubljana: Založba ZRC, 2006.
- Plezia 1959** = Marian Plezia (red.), *Słownik łacińsko-polski I: A–C*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1959.
- Pokorny IEW** = Julius Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch I*, Bern – München: Francke Verlag, 1959.
- Radišić 1999** = Tonko Radišić, *Ričnik spliskoga govora*, Split: Mala splitska biblioteka, 1999.
- Ribarić 2002** = Josip Ribarić, *O istarskim dijalektima: razmještaj južnoslavenskih dijalekata na poluotoku Istri s opisom vodičkog govora*, Pazin: „Josip Turčinović”, 2002.
- RJAZ** = *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* 1–23, Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1880–1976.
- RSGovjv** = *Речник српских говора Војводине VI*, ред. Д. Петровић, Нови Сад: Матица српска, 2006.
- Ružić 1999** = Šime Ružić Sudčev, *Pićan i pičònski idiomi*, Pula: C.A.S.H., 1999.
- Skok ER** = Petar Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I–IV*, ur. M. Deanović – Lj. Jonke, Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.
- Ślawski SE** = Franciszek Ślawski, *Słownik etymologiczny języka polskiego I–V*, Kraków: Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego, 1952–1982.
- Snoj 2009** = Marko Snoj, *Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen*, Ljubljana: Založba Modrijan – Založba ZRC, 2009.
- Snoj SES³** = Marko Snoj, *Slovenski etimološki slovar*, Ljubljana: Založba ZRC, 2016.
- Sokolići-Kozarići 2003** = Josip M. Sokolić-Kozarić – Gojko M. Sokolić-Kozarić, *Rječnik čakavskog govora Novog Vinodolskog*, Rijeka – Novi Vinodolski: vlastita naklada, 2003.
- SP** = *Słownik prasłowiański I–VIII*, opracowany przez Zespół Zakładu Słowianoznawstwa (Instytutu Słowianoznawstwa, Instytutu Sławistyki) PAN pod. red. F. Ślawskiego, Wrocław: Ossolineum, 1974–2001.
- SSKJ** = *Slovar slovenskega knjižnega jezika I–V*, Ljubljana: SAZU – ZRC SAZU, 1970–1991.
- Šugar 2008** = Ivan Šugar, *Hrvatski biljni imenoslov = Nomenclator botanicus Croaticus*, Zagreb: Matica hrvatska, 2008.
- Turina – Šepić 1977** = Zvonimir Turina – Anton Šepić, *Rječnik čakavskih izraza: područje Bakarca i Škriljeva*, Rijeka: Riječko književno i naučno društvo, 1977.
- Vasmer ES** = Макс Фасмер, *Этимологический словарь русского языка I–IV*, перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, Москва, 1964–1973.
- Večenaj – Lončarić 1997** = Ivan Večenaj – Mijo Lončarić, *Srednjopodavska kajkavština: rječnik govora Gole*, red. Vesna Zečević, Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 1997.
- Velčić 2003** = Nikola Velčić, *Besidar Bejske Tramuntane*, Mali Lošinj: Katedra Čakavskog sabora Cres-Lošinj – Beli: Tramuntana – Rijeka: Adamić, 2003.
- Vidović 1971** = Radovan Vidović, *Rječnik*, [w:] Ivan Kovačić, *Smij i suze starega Splita*, Split, 1971, 234–264.
- Vitezović 2009** = Pavao Ritter Vitezović, *Lexicon latino-illyricum 3: hrvatsko-latinski rječnik, priručnik* N. Vajs – Z. Meštrović, Zagreb: ArTresor naklada – Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2009.

Vuk 1852 = Вук С. Караџић, *Српски речник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима*, Београд, ²1852.

Žic 1900 = Ivan Žic, Vrbnik na otoku Krku: narodni život i običaji, *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena* 5 (1900), 51–83.

www.kneja.hr, 5.11.2012).

www.radio-ogulin.hr/jutarnji_program/kneja.html, 28.12.2012).

www.slunj.hr/vijesti/news_item.asp?NewsID=917, 28.12.2012).

POVZETEK

Iz proučevanja hrvaške ljudske leksike

V članku se posebej analizirajo območja, zapletena, raznorodna semantika in izvor dveh narečnih leksemov iz hrvaške čakavščine. Čakavsko *graja* 'robida' (in druge trnate rastline), 'gosto grmovje iz trnatih, bodikavih rastlin; tako grmovje ob kolovozih', 'živa meja', 'plot' izvira iz praslovanskega **gordja*, narečni pomeni so se razvili iz prvotnega 'ograja'. Čakavsko *homut* 'trtna mladika, ki se vije okrog drevesa', 'kol, na katerega se privezuje trtna mladika', 'gošča visoke trave, grmovja', 'prgišče, otep, naročaj (trave, sena)' (z ustrezniki *omut* v srbskih govorih in slovenskim *homot*) izvira iz praslovanskega narečnega **chomъtъ* 'nekaj stisnjenega, zbitega, zbita gmota česa', 'kar se stiska, ovija okrog česa', izpeljanke iz glagola **chomiti* 'stiskati, gnesti' (< **(s)komiti*), ohranjenega v kajkavščini. Vrh tega se obravnava kajkavski samostalnik *kneja* 'gost listnati gozd' (kot kontinuant praslovanskega **kъnēja* 'gost, divji, težko prehoden gozd'), do srede 20. stoletja ohranjen na severu Hrvaške (v Medžimurju), nadalje fiziografska imena v hrvaških spomenikih od 18. stoletja, medtem ko so na terenu zabeležena na prehodu iz 19. v 20. stoletje (izjemoma tudi zdaj). Zbrani podatki dopuščajo ugotovitev, da se je ta arhaični apelativ v preteklosti uporabljal na večini kajkavskega območja in je gotovo nastopal tudi zunaj meja tega narečja.

VARJA CVETKO OREŠNIK — JANEZ OREŠNIK

NARAVNA SKLADNJA – STANJE STVARI LETA 2017

COBISS: 1.01

Manjša skupina slovenskih jezikoslovcev raziskuje t. i. naravno skladnjo. Prispevek poroča o stanju stvari leta 2017. Večino razdelka I zavzemajo osnove naravne skladnje; razen tega je prikazana sinhrona (obliko)skladnja. Razdelek II opisuje doslej narejeno v okviru diahrona (obliko)skladnje. Razdelek III ponazarja, kako naravna skladnja obravnava slogovne razločke.

Ključne besede: sinhrona (obliko)skladnja, diahrona (obliko)skladnja, slogovni razločki v (obliko)skladnji, slovenski jezik, angleški jezik

Natural Syntax: The state of affairs in 2017

A small group of linguists in Slovenia investigate what they call Natural Syntax. This article is a report on the state of the art in 2017. The basics of Natural Syntax occupy the greater part of Section I, which also presents research in synchronic (morpho)syntax. Section II describes work in diachronic Natural Syntax. Section III illustrates how Natural Syntax treats stylistic differences.

Keywords: synchronic (morpho)syntax, diachronic (morpho)syntax, stylistic differences in (morpho)syntax, Slovenian, English

V Sloveniji razvijamo t. i. naravno skladnjo, namen katere je določati, kako se dajo razmere v neki površinski jezikovni zgradbi narediti napovedljive, ne da bi morali poleg površinske zgradbe postavljati še soodnosno globinsko zgradbo. Znano je, da se s pomočjo globinske in površinske zgradbe določajo napovedi o lastnostih površinske zgradbe takega para v tvorbeni slovnici, in to že desetletja zelo uspešno. Naju (tj. pisca tega prispevka) moti vsakokratna globinska zgradba, saj »biva« samo v možganih govorečega in se (drugače kot površinske zgradbe) ne da opazovati. V sedanji izvedbi je tudi naravna skladnja prikladna za napovedovanje razmer v površinskih zgradbah, vendar se mora vsakič nasloniti na po dve soodnosni površinski zgradbi (»dvojnici«), medtem ko iz posamične površinske zgradbe ne zmore izdelati napovedi o lastnostih take zgradbe. (Tudi tvorbeni slovnici se pri napovedovanju opira na po dve zgradbi, le da nista obe površinski, temveč je ena površinska, druga globinska.)

Naravna skladnja deluje na sinhroni in na diahroni ravni ter se zmore »spopasti« s katerim koli jezikom. Sinhrona naravna skladnja se ukvarja z opisno (obliko)skladnjo (gl. razdelek I) in (kot posebnost) s slogovnimi razločki (gl. razdelek III). Diahrona naravna skladnja (razdelek II) je doslej preverjala napovedovanje smeri tistih predvsem (obliko)skladenjskih sprememb, ki so že končane. Nekaj

manj prvih korakov je naravna skladnja tvegala v semantiki in nekaj več v oblikoslovju; vendar ti področji v nadaljevanju nista obravnavani.

I SINHRONA (OBLIKO)SKLADNJA POSAMEZNEGA JEZIKA KOT PREDMET NARAVNE SKLADNJE

(Obliko)skladnja kot predmet naravne skladnje je predstavljena tu. Da bi se ognili ponavljanju, so v predstavitev vključene nekatere informacije, veljavne širše, zlasti tudi v diahroni naravni skladnji. Posebej opozarjava na seznam t. i. aksiomov. Kar sedaj sledi v razdelku I, so podatki, navedeni v vseh publikacijah o naravni skladnji. Razumevanje in strokovno ocenjevanje naravne skladnje namreč ni mogoče, če teh podrobnosti ne poznamo.

Naravna skladnja je poldeduktivna jezikoslovna teorija (v razvoju), ki določa predpostavke, na podlagi katerih se napovedo (in torej sinhrono razložijo) neke (obliko)skladenjske razmere. Osnovni vrsti predpostavk so lestvice naravnosti in pravila povezovanja med soodnosnimi vrednostmi dveh pridanih lestvic. Vsake (obliko)skladenjske razmere so predstavljene kot dve primerljivi dvojnici. Naravna skladnja ne vsebuje tvorbenih sestavine.

Osnovna oblika lestvic naravnosti je $>\text{nat}$ (A, B), kjer je A bolj naravno od B. Dovoljeni sta tudi dve razširjeni lestvici, namreč $>\text{nat}$ (A + B, B) in $>\text{nat}$ (A, A + B), ki sta veljavni, če je veljavna soodnosna lestvica oblike $>\text{nat}$ (A, B). Iz Siebenreich 2015 dodajam: Lestvica osnovne oblike $>\text{nat}$ (A + B) je veljavna, če so veljavna osnovna načela teorije, ki lestvico podpirajo. Lestvica razširjene oblike $>\text{nat}$ (A, A + B) ali $>\text{nat}$ (A + B, B) je veljavna, če verjamemo, da smo v izpeljavo vključili pravi različek razširjene lestvice. Lestvice razširjene oblike so torej šibki člen slovenske teorije naravnega jezikoslovja. – Sledijo merila, s katerimi naravna skladnja utemeljuje lestvice naravnosti:

(a) Parameter govorečega in ogovorjenega. V lestvici $>\text{nat}$ (A, B) je vrednost A naravna za govorečega (in manj naravna za ogovorjenega); vrednost B je manj naravna za govorečega (in bolj naravna za ogovorjenega). Osnovna lestvica se glasi $>\text{nat}$ (ugodno za govorečega, ugodno za ogovorjenega). Ta pogled na naravnost je v jezikoslovju dobro znan (Havers 1931: 171), in sicer pod imenom težnja po gospodarnosti (ki jo goji predvsem govoreči) in težnja po natančnosti (ki je predvsem v interesu ogovorjenega).

Po Mayerthaler 1981: 13sl. predpostavljamo, da je govoreči središče sporazumevanja, zaradi česar so lastnosti govorečega zvečine naravne; npr. biti prva slovnična oseba in/ali osebek in/ali človeško in/ali moško (!) in/ali ednina in/ali določno in/ali nanašalno itd.

Kar je ugodno za ogovorjenega, je manj naravno za govorečega. To je v naravni skladnji ključna točka in pri njej bo naravna skladnja vztrajala, dokler kak dober protiprimer te točke ne ovrže. Kot ponazoritev navajava, da je tvorba kake

daljše samostalniške zveze lahko »utrudljiva« za govorečega (tj. zanj manj naravna), a občutno lažja odkodiranje, ki ga opravi ogovorjeni (tj. zanj je bolj naravna).

(b) Načelo najmanjšega napora (Havers 1931: 171). Kar je bolj v skladu s tem načelom, je za govorečega bolj naravno. Kar je (za govorečega) kognitivno preprosto, se tvori zlahka, se zlahka priključuje iz spomina itd.

(c) Stopnja včlenjenosti v zgradbo. Kar je bolje včlenjeno v neko zgradbo, je za govorečega bolj naravno. Kot približek velja, da je za govorečega manj naravno, kar tiči na robu zgradbe, in bolj naravno, kar je znotraj zgradbe.

(č) Pogostnost. Kar je bolj pogostno kot pojavnica, je za govorečega bolj naravno. Kar je govorečemu kognitivno bolj preprosto, se rabi več. (Toda obratno ni res: kar je za govorečega naravno, ni nujno bolj pogostno.)

(d) Majhen nasproti velikemu razredu. Majhen razred je za govorečega bolj naraven od velikega razreda. Med sporočanjem govoreči lažje izbira iz majhnih razredov kot iz velikih. (Ta točka je o različnicah.)

(e) Načelo o potekih. Vsak potek je naraven. Zgledi poteka: premik, ujemanje, posnemanje.

(f) Sprejemljiva raba nasproti nesprejemljivi. Sprejemljivo je za govorečega bolj naravno od nesprejemljivega. Temeljni razlog za sprejemljivost neke skladišne enote je ravno njena večja naravnost (za govorečega) v primerjavi z neko soodnosno nesprejemljivo enoto.

(g) Kar je bolj razširjeno po jezikih sveta, je za govorečega bolj naravno (tipološko merilo). Kar je za govorečega kognitivno bolj preprosto, se uresničuje v več jezikih.

Zgornja merila a–g (odslej imenovana tudi aksiomi) so bila že preizkušena ob jezikovnem gradivu različnih jezikov, zlasti ob različnih (obliko)skladišnih razmerah. Pri takem delu so naju merila kar naprej prisiljevala, da sva nekatere rešitve zavračala in dajala prednost drugim rešitvam. Na podlagi te spodbudne izkušnje bova sedanji seznam a–g ohranila, dokler kak prepričljiv in nepopravljiv protiprimer ne zbudi dvomov o teh aksiomih. Tak dogodek bi bil sploh v temeljnem interesu naravne skladnje. Edini realistični cilj deduktivnih teorij je namreč, da se čim prej ovržejo. Kakršno koli popravljanje aksiomov (razen lepotnega) bi zmanjšalo možnosti za ta zaželeni dokončni izid.

Z zgornjimi merili naravnosti se utemeljujejo lestvice naravnosti. Navadno zadošča, da se neka lestvica utemelji z enim samim merilom, ki podpre vrednost A ali vrednost B lestvice; nepodprta vrednost zavzame edino preostalo mesto v lestvici. Seveda se sme lestvica podpreti z več kot enim merilom. Morebitna protislovja med merili, uporabljenimi ob neki lestvici, se razrešijo z omejitvami, veljavnimi za kombinacije meril. Doslej sva izrekla le malo takih omejitev, saj še nisva naletela na veliko uporabnega ključnega jezikovnega gradiva.

Lestvice naravnosti so bistveni del t. i. izpeljav, s katerimi naravna skladnja izraža svoje napovedi o razmerah v jezikovnem gradivu. Zgled izpeljave:

Angleščina. Kratnostni števniki sestojijo navadno iz glavnega števnik in besede *times* (npr. *four times* 'štirikrat'), le za najnižje števnike so na voljo enobesedni izrazi: *once* 'enkrat', *twice* 'dvakrat' in starinsko *thrice* 'trikrat' (*Collins Cobuild* 1990: 270–71).

Dvojnici: tip *once* in tip *four times*.

1. Domneve naravne skladnje:
 - 1.1. >nat (tip *once*, tip *four times*)
Tj., tip *once* je bolj naraven od tipa *four times*. – Po načelu najmanjšega napora, točka b v seznamu aksiomov.
 - 1.2. >nat (nizko, manj nizko) / število
Tj., nizko število je bolj naravno od manj nizkega števila (Mayerthaler 1981: 15). – Nizka števila so govorečemu lažje dostopna. Po parametru o govorečem in ogovorjenem, točka a v seznamu aksiomov.
2. Pravila vzporednega povezovanja soodnosnih vrednosti: vrednost A teži po povezavi z vrednostjo C, vrednost B teži po povezavi z vrednostjo D. Gl. spodaj opombo 4.1.
3. Posledice:
Če jezik pri kratnostnih števnikih loči med nizkimi in manj nizkimi števili, tako da rabi ena vrsta števil vzorec *four times* in druga vrsta števil vzorec *once*, tedaj težijo nizka števila k rabi vzorca *once* in manj nizka števila k rabi vzorca *four times*. Q.E.D. (Ne pričakujemo obratnih razmer.)
4. Opombe
 - 4.1. Vrednost A lestvice 1.1 (= tip *once*) teži k povezavi z vrednostjo C lestvice 1.2 (= nizko število). Vrednost B lestvice 1.1 (= tip *four times*) teži k povezavi z vrednostjo D lestvice 1.2 (= manj nizko število). Podobno v preostalih izpeljavah, s tem da je povezovanje (drugače kot tukaj) pogosto križno. Križno povezovanje je razloženo v nadaljevanju.
 - 4.2. Naravna skladnja ne more napovedati, kje leži v nekem jeziku meja med nizkimi in manj nizkimi števili.

Ta izpeljava trdi, da razmere ne morejo biti obratne, tj., da bi števniki nad *two* (ali *three*) bili enobesedni in števniki pod *three* (ali *four*) dvodelni. Vse napovedi naravne skladnje se omejujejo na take skromne trditve o majhni verjetnosti obratnih razmer.

V izpeljavah igrajo pomembno vlogo pravila povezovanja; prim. točko 2 v zgornji izpeljavi. Pravila povezovanja uravnavajo povezave soodnosnih vrednosti v lestvicah, udeleženih v posamezni izpeljavi.

Povezovanje je vzporedno ali križno. Recimo, da se soodnosni lestvici glasita >nat (A, B) in >nat (C, D). Vzporedno povezovanje združi v par vrednosti A in C ter vrednosti B in D. Križno povezovanje spoji A z D in B s C.

Zelo pomembno je vprašanje, kdaj je povezovanje vzporedno in kdaj križno. Privzeti primer je vzporedno povezovanje. Križno povezovanje je nujno, kadar je jezikovno gradivo izpeljave v celoti znotraj »nenaravnega okolja«. Slednje je opredeljeno kot vrednost B v lestvici >nat (A, B).

Zgled. V lestvici >nat (prosti, priredno zloženi) / stavek tvori vrednost »priredno zloženi stavek« nenaravno okolje. Vse izpeljave, ki so odvisne od takega okolja, zahtevajo križno povezovanje.

Naravna skladnja se je le malo ukvarjala s pomenoslovnimi pojavi. Dosedanja izkušnja uči, da pomenoslovni pojavi razen v posebnih primerih ne dopuščajo križnega povezovanja. Gl. spodaj izpeljavo 3.

Vztrajanje naravne skladnje pri razločevanju med vzporednim in križnim povezovanjem izhaja posredno iz dela Henninga Andersena v okviru teorije zaznamovanosti. Andersen je v vseh človeških semiotskih sistemih opazil razmere, kot so naslednje: ob vsakdanji priložnosti so nezaznamovana neformalna oblačila, formalna pa zaznamovana; ob praznični priliki so formalna oblačila nezaznamovana, neformalna pa zaznamovana, gl. Andersen 1972: 45, zlasti op. 23. Ta zgled, izražen z našimi lestvicami: (i) >nat (neformalna, formalna) / oblačila, (ii) >nat (–, +) / zaznamovano. Tretja lestvica kot vir okolja izpeljave: >nat (vsakdanja, praznična) / priložnost. Če je okolje »vsakdanja priložnost«, je povezovanje v i–ii vzporedno; če je okolje »praznična priložnost«, je povezovanje v i–ii križno.

Kot je razvidno iz vseh najinih izpeljav, tudi iz sledečih, se naravna skladnja ne ukvarja z zbiranjem in razvrščanjem jezikovnega gradiva, temveč obravnava domala samo gradivo, ki je bilo že prej zbrano in razvrščeno ter je v taki obliki dostopno v strokovni literaturi.

Iz Siebenreich 2015 dodajam: V slovenski šoli naravnega jezikoslovja je naloga izpeljav, da NAPOVEDUJEJO gradivske razmere, o katerih izpeljava poteka. Napovedi temeljijo na predpostavkah, (ki so maloštevilne in) ki so izražene v obeh lestvicah vsake izpeljave in v t. i. okolju izpeljave. Same predpostavke pa temeljijo na osnovnih načelih slovenske šole naravnega jezikoslovja. Če se dajo gradivske razmere napovedati, to ne pomeni nič manj, kot da ob veljavnosti soodnosnih predpostavk niso samo take, kot res so, temveč sploh ne morejo biti drugačne, kot so. V tem smislu so gradivske razmere opisno razložene. Enako ravna *mutatis mutandis* tvorbeni slovnica.

II DIAHRONA NARAVNA SKLADNJA

Diahrona naravna skladnja še ni kdove kako napredovala. Doslej smo se v okviru diahronih sprememb ukvarjali samo z njihovo usmerjenostjo. A še tu smo se omejili na vprašanje, ali se da smer spremembe napovedovati post factum, tj., kadar poleg izhodiščne enote že poznamo tudi soodnosno ciljno enoto. Ta možnost je stvarna pri spremembah, o katerih vemo ali vsaj domnevamo, da so že gotove. Spremembe, opazovane post factum, so hvaležno gradivo za preverjanje, ali diahrona naravna skladnja njihovo usmerjenost napoveduje pravilno.

Poskusno smo določili, (1) da se izhodiščna in ciljna enota spremembe vedeta, kakor da bi bili soodnosni dvojnici, kakršne poznamo iz sinhronne naravne skladnje, (2) da veže tako določeni dvojnici skupno krovno okolje in (3) da je druga lestvica vsake diahronne izpeljave vedno enaka; glasi se >nat (novo, staro) in sama nikoli ne sooblikuje okolja izpeljave. (Vse drugo deluje kot v sinhronih izpeljavah.) Ta poskusna določitev je bila že preverjena ob zgledih iz indoevropskih in drugih jezikov v Orešnik 2013: 80–252. Po najini sedANJI presoji se je preverba pokazala kot obojetna; vendar kliče k previdnosti okoliščina, da pisec (ki sopod-

pisuje tudi ta prispevek) zaradi pomanjkljivega védenja zlasti o neindoevropskih jezikih ni zmožgal samostojnega stališča do marsikaterega jezika, temveč je moral zaupati ustrezni strokovni literaturi.

Monografija Orešnik 2013 temelji na domnevi, da odloča o smeri spremembe njeno okolje. Če je okolje naravno, poteka sprememba od manj naravne enote k bolj naravni enoti. Če okolje ni naravno, poteka sprememba od bolj naravne proti manj naravni enoti. Ključno je vedeti, kako se okolje določa. Okolje tvorijo lastnosti, ki so obema enotama (»dvojnica«) skupne. Pri tem ne smemo pozabiti, da so ponazorila na začetku izpeljav vsakič navadno v resnici predstavniki množstva zgledov, in da so številni (največkrat iz praktičnih razlogov nenaštet) zgledi včasih vsaj videti zelo različni drug od drugega, tako da je iskanje njihovih skupnih lastnosti tu in tam kar zamudno delo. (V razdelku III sledi prav tak zgled). – Zgled diahrone izpeljave v okviru navedenih poskusnih parametrov:

(1) Slovenščina. Na nekaterih zemljepisnih področjih se je v nepomožniški rabi glagola *biti* razvil prihodnjik *bom bil* (za sedaj samo neknjižne rabe). Npr. *Janez bo bil tam; a boš bil tiho. Bom bil se ne rabi, kadar je bom pomožnik, npr. bom šel, *bom bil šel. Bom bil se je razvil pod vplivom starejšega nepomožniškega bom in navadnih prihodnjikov kot bom stal.* O (ne)pomožniškem *bom (bil)* gl. opombe 4.2–4.4.

1. Domneve diahrone naravne skladnje

1.1. >nat (*bom, bom bil*) / nepomožnik

Tj., *bom* je bolj naravno od *bom bil*. Po načelu najmanjšega napora, točka (b) v seznamu aksiomov.

1.2. >nat (novo, staro)

Tj., novo je bolj naravno od starega. Novo namreč kujejo govoreči (ne ogovorjeni!). Stvaritve govorečih se štejejo za naravne po načelu o govorečih in ogovorjenih, točka (a) v seznamu aksiomov.

2.1. Opis okolja: glagol *biti* kot nepomožnik.

2.2. Okolje je nenaravno. – Da je nepomožnik nenaraven, se vidi iz lestvice >nat (pomožnik, nepomožnik). Dalje gl. opombo 4.4.

2.3. Povezovanje je križno. (Nenaravna okolja zahtevajo križno povezovanje.)

3. Posledice

Če jezik loči pri nepomožniku glagola *biti* med enotama *bom* in *bom bil*, tako da je ena možnost staro, druga pa novo, tedaj teži enota *bom*, da bi bila staro, in enota *bom bil* teži, da bi bila novo. Q.E.D.

4. Opombe

4.1. Izpeljava ni oblikovana tako, da bi zajemala narečja, v katerih nepomožnika *bom* in *bom bil* še vedno sobivata. Ta možnost se zlahka vdela v izpeljavo, a bi bila tu zgolj zastranitev.

4.2. Za namene tega besedila sva se odpovedala zelo širokemu pojmu pomožnik naše slovenistike. Pri glagolu *biti* ločiva naslednje rabe (»najin« pomožnik v zgledih podčrtan): v tipu oba sta, sta bila, bosta, bi, bi bila padla je glagol *biti* pomožnik; v tipu oba *sta*, *bosta lena/vpoklicana* glagol *biti* ni pomožnik, medtem ko je v podtipu oba sta *bila lena/vpoklicana* oblika *sta* pomožnik, oblika *bila* pa ni pomožnik; v zgledu *semnja* sta *bila*, *semnja sta in semnja bosta* ima vlogo pomožnika samo oblika *sta* v stavku *semnja* sta *bila*. Vse oblike glagola *biti*, ki niso pomožniške,

so zamenljive z (nekaterimi) drugimi glagoli: *oba sta lena* : *oba ostajata lena*, *semnja sta bila* : *semnja sta ostala* itd. Pri *bi* (*bil*) je samo *bi* pomožnik.

- 4.3. Samo nepomožniški *bom* se narečno razvije v *bom bil* (z *bom* kot pomožnikom, *bil* pa ni pomožnik). Tako *oba bosta lena* (*bosta* tu ni pomožnik) postane narečno *oba bosta bila lena*. Na podlagi narečnega razvoja se vidi, da je najino razlikovanje med pomožnikom in nepomožnikom glagola *biti* bistveno, saj sicer ne bi razumeli, zakaj narečni razvoj ni zajel tudi prihodnjika *bom padel* in ga razširil v *bom bil padel*.
- 4.4. Pomožnik je bolj naraven od nepomožnika. Pomožniki tvorijo majhen razred enot, nepomožniki velikega, zato so pomožniki naravni po načelu o majhnem nasproti velikemu razredu, točka (d) v seznamu aksiomov. V najini klasifikaciji (v točki 4.2) tvorijo razred pomožnikov samo nekatere rabe slovarske enote *biti*.
- 4.5. Dihrona naravna skladnja ne more napovedati, da bo poleg nepomožnika *bom* nastal tudi nepomožnik *bom bil*. A ko ta zaživi, se da napovedati, da je *bom bil* novo, goli *bom* pa staro; drugače povedano: smer razvoja je bila od izhodiščne enote *bom* proti ciljni enoti *bom bil*.

Prehajava na obravnavo angleške zgradbe (iz pesnitve Bēowulf), ki je na najstarejši stopnji taka kot ponazorjeno v slovenskem stavku *Janezu grozi bankrot*. Zgradba sestoji iz *Janezu* = doživljavec v dajalniku, iz *bankrot* = spodbujevalec (stimul) v imenovalniku in iz *grozi* = osebna glagolska oblika, ki se ujema z imenovalnikom. *Groziti* je tu glagol duševnega stanja.

(2) Angleščina. Staroangleški zgled take zgradbe: *þām wīfe þā word wel līcodon* 'ženi so te besede zelo ugajale'. Vse bistveno je kot v slovenščini, namreč doživljavec *ženi* je v dajalniku, spodbujevalec *te besede* je v imenovalniku, osebna glagolska oblika *so ugajale* se ujema s spodbujevalcem. V nadaljnjem razvoju se je staroangleška zgradba postopno razvila v soodnosno imenovalniško-tožilniško zgradbo *the woman liked those words well* 'žena je zelo cenila te besede' (Harris – Campbell 1995: 83 in naprej; ta monografija ne navaja pravkar omenjenega modernoangleškega zgleda, temveč soodnosne starejše, da z njimi opozori na čas, ko se je spreminjanje zgradbe dogajalo; za namene tega prispevka starejši zgledi niso pomembni). Veliko črnila je že prelitega o vmesnih stopnjah prehoda iz ene zgradbe v drugo (nekaj novejših del o tem je naštetih npr. v Roberts 2007: 152); a tu je bistveno samo, da se izhodiščna zgradba glasi *þām wīfe þā word wel līcodon* in da se ciljna zgradba glasi *the woman liked those words well*. Naravna skladnja zna napovedati smer spremembe.

1. Domneve diahrona naravne skladnje:

1.1. >nat (*þām wīfe þā word wel līcodon*, *the woman liked those words well*)

Tj., dvojnica *þām wīfe þā word wel līcodon* je bolj naravna od dvojnice *the woman liked those words well*. – V zgradbi vrste *þām wīfe þā word wel līcodon* je za ogovorjenega odkodiranje težavno (neugodno), ker se kar dve enoti potegujeta za vlogo vršilca ali za vlogo nosilca. V zgradbi *the woman liked those words well* take težave ni in sploh izkazuje zgradba pričakovani skladenjski vzorec. Zato je prva zgradba naravna, druga zgradba pa nenaravna. Po načelu o govorečem in ogovorjenem, točka a v seznamu aksiomov.

1.2. >nat (novo, staro)

V izpeljavah diahrona naravne skladnje je ta lestvica (natanko v tej obliki) obvezna.

2.1. Opis okolja: staroangleška in soodnosna moderna zgradba vsebujeta po dve ključni udeleženski

vlogi: v staroangleški zgradbi sta doživljavec v dajalniku in spodbujevalec v imenovalniku, v mlajši zgradbi sta doživljavec v imenovalniku in spodbujevalec v tožilniku.

2.2. Okolje je nenaravno. – V naravni skladnji so stavki, ki vsebujejo več kot eno ključno udeležensko vlogo, nenaravni.

2.3. Povezovanje je križno. (Nenaravna okolja izsiljujejo križno povezovanje.)

3. Posledice

Če jezik loči med tipom *þām wīfe þā word wel līcōdon* in tipom *the woman liked those words well*, tako da je en tip staro, drugi pa novo, tedaj teži tip *þām wīfe þā word wel līcōdon*, da bi bil staro, in tip *the woman liked those words well* teži, da bi bil novo. Q.E.D.

III SINHRONA NARAVNA SKLADNJA IN NAPOVEDOVANJE SLOGOVNIH RAZLOČKOV MED DVOJNICAMA

Nekoliko osupljiva lastnost sinhrone naravne skladnje je njena zmožnost napovedovati, katera dvojnica v paru dvojnic je manj in katera je bolj pogovorne narave. Izpeljave, ki napovedujejo slogovne razločke, potekajo na ustaljeni način, že ponačilen v razdelku I, le da je druga lestvica vsakič >nat (bolj, manj) / pogovorno in da sama nikoli ne sooblikuje okolja izpeljave. Zgled izpeljave:

(3) **Slovenščina.** V rabi sta dvojnici 1 in 2 ter dvojnici 3 in 4:

- [1] *Ostali so vsi obroki razen obeh večerij.*
- [2] *Ostali so vsi obroki razen obe večerji.*
- [3] *Pojedli so vse obroke razen obeh večerij.*
- [4] *Pojedli so vse obroke razen obe večerji.*

Zgledi 1–4 vsebujejo zloženo samostalniško zvezo, v kateri je relacija med levo enoto »vsi obroki« in njenim sestavnimi delom »obe večerji« izražena z besedo *razen*. Take samostalniške zveze so torej definirane semantično in se imenujejo eksceptivne (izločevalne?). Pridružujeva se pogledu na te zgradbe v literaturi; kot primer navajava študijo Piper 2013 o srbsčini in nekoliko o drugih slovanskih jezikih ter nemški priročnik Duden (2011) v slovarskem geslu *außer*. V skladu z objavljenimi mnenji je *obeh večerij* zgledov 1 in 3 pričakovano v rodilniku, saj je beseda *razen* pred *obeh večerij* predlog, ki se veže z rodilnikom. V zgledih 2 in 4 pa je beseda *razen* veznik, ki *obe večerji* povezuje z levo enoto *vsi obroki*, in ta enota podeli svoj sklon tudi sestavini *obe večerji*. Leva enota je pogosto goli kvantifikator ali uvedena s kvantifikatorjem ali izražena/uvedena na kak drug poseben način; npr. *vsi*, *vse*, *vsak*, *nihče*, *noben*, vprašalni ali nedoločni zaimke (*Kdo razen Micke je ostal? Je ostalo kaj razen kruha? Družina/nihče razen najmlajše hčerke.*).

V tem prispevku so se prav taki zgledi znašli po naključju. Ne želiva obravnavati eksceptivnih zgradb. Res pa sodiva, da bi tudi slovenske razmere te vrste bile vredne preučevanja. Vendar je najin namen ta hip izključno pritegniti pozornost k slogovnemu razločku med obema paroma dvojnic v 1–4.

Dvojnica *vsi obroki razen obeh večerij* se rabi v knjižnem in v pogovornem jeziku, medtem ko se *vsi obroki razen obe večerji* sliši samo pogovorno (se naj ne

bi pisalo). Te slogovne razmere napove sinhrona naravna skladnja v naslednjem skromnem razponu: bolj pogovorno je *vsi obroki razen obe večerji*, manj pogovorno (ker tudi knjižno) je *vsi obroki razen obeh večerij*. Podrobnosti izpeljave:

1. Domneve naravne skladnje:
 - 1.1. >nat (veznik, predlog) / beseda *razen* v eksceptivni zgradbi
Tj., veznik je bolj naraven od predloga. – Veznikov (štetih kot različnice) je manj kakor predlogov (štetih kot različnice), zato je veznik naraven po načelu o majhnem nasproti velikemu razredu, točka (d) v seznamu aksiomov.
 - 1.2. >nat (bolj, manj) / pogovorno
Ta lestvica (natanko v tej obliki) je v izpeljavah o slogovnih razločkih obvezna.
 - 2.1. Okolje. Okolje je eksceptivna zgradba, tj. enota predvsem semantične narave. Vse semantično (razen posebnih primerov) je naravno, torej je okolje te izpeljave naravno.
 - 2.2. Zaradi naravnega okolja se v lestvicah te izpeljave uveljavlja vzporedno povezovanje soodnosnih vrednosti.
 3. Posledice
Če jezik loči med eksceptivno zgradbo, v kateri je beseda *razen* veznik, in eksceptivno zgradbo, v kateri je beseda *razen* predlog, tako da je ena možnost bolj pogovorna, druga pa manj pogovorna, tedaj teži eksceptivna zgradba, v kateri je beseda *razen* veznik, da bi bila bolj pogovorna, in eksceptivna zgradba, v kateri je beseda *razen* predlog, teži, da bi bila manj pogovorna. Q.E.D.
 4. Opombe
 - 4.1. Za kolegialno pomoč (v 8/17) se zahvaljujeva Predragu Piperju in Stojanu Bračiču.
 - 4.2. Pri levi enoti v dajalniku ali v roditelju ni takih dvojnic kot (zgoraj) pri levi enoti v imenovalniku ali v tožilniku. Zgleda sta 5 in 6:

[5] *Branili so se vseh obrokov razen obeh večerij.*

[6] *Bili so kos vsem obrokom razen obema večerjama.*

Zgled 5 je slovnično dvoumen: *razen* + roditelj vsebuje *razen* kot predlog ali *razen* kot veznik – izid je iz oblikoslovnih razlogov obakrat enak, in slovnično dvoumje se po najinem mnenju ne da odpraviti. V zgledu 6 je *razen* + dajalnik: tu je povsem prevladal *razen* v vlogi veznika. Ker v 5 in 6 ni dvojnic, tudi ni slogovnega razločka.

- 4.3. Napovedovanje slogovnih razločkov je soavtor preveril ob angleškem gradivu slovnice Huddleston – Pullum 2002 (prim. Cvetko Orešnik – Orešnik 2016; Cvetko Orešnik – Orešnik [oddano za objavo]), slovenščina pa je bila doslej ponazorjena domala samo v zgornji izpeljavi 3.

SKLEP

Ob prostorskih omejitvah, ki so nama bile zadane, sva skušala predstaviti tista tri področja naravne skladnje, ki so za sedaj vsaj kolikor toliko razvita: sinhrono (obliko)skladnjo, diahrono (obliko)skladnjo in slogovne razločke med dvojnicama. S sinhrono (obliko)skladnjo je naravna skladnja segla po vrsti jezikov in po pahljači (obliko)skladenjskih pojavov. Pri nadaljnjem delu bo bolj kot obravnavanje dodatnih zgledov treba ponatančiti vednost o nekaterih pomembnih podrobnostih, npr. kdaj smeta dve primerljivi enoti veljati za dvojnici. Diahrona skladnja zajema zgolj napovedovanje smeri (obliko)skladenjskih sprememb, ki se štejejo za končane; torej je delo za sedaj obstalo domala na začetku. Slogovni razločki med dvojnicama so napovedljivi samo v skromnih mejah: napoved uvrsti dvojnici med

manj in bolj pogovorne, pri čemer manjša pogovornost navadno zajame tudi knjižni jezik. Doslej sva se ukvarjala samo s slogovnimi razločki v angleškem gradivu, rada pa bi se lotila slovenskih zgledov.

NAVEDENKE

- Andersen 1972** = Henning Andersen, Diphthongization, *Language* 48 (1972), 11–50.
Collins Cobuild 1990 = *Collins Cobuild English Grammar*, London: HarperCollins, 1990.
Cvetko Orešnik – Orešnik 2016 = Varja Cvetko Orešnik – Janez Orešnik, Naravna skladnja in slogovni razloček med dvojnicama, *Jezikoslovni zapiski* 22 (2016), št. 1, 23–38.
Cvetko Orešnik – Orešnik [oddano za objavo] = Varja Cvetko Orešnik – Janez Orešnik, Prispevek naravne skladnje k določanju slogovnih razločkov, [oddano za objavo].
Duden 2011 = *Duden 9: Richtiges und gutes Deutsch*, Mannheim: Bibliographisches Institut, 2011.
Harris – Campbell 1995 = Alice C. Harris – Lyle Campbell, *Historical syntax in cross-linguistic perspective*, Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
Havers 1931 = Wilhelm Havers, *Handbuch der erklärenden Syntax*, Heidelberg: Winter, 1931.
Huddleston – Pullum 2002 = Rodney Huddleston – Geoffrey K. Pullum, *The Cambridge grammar of the English language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
Mayerthaler 1981 = Willi Mayerthaler, *Morphologische Natürlichkeit*, Wiesbaden: Athenaion, 1981.
Orešnik 2013 = Janez Orešnik, *Diachronic Natural Syntax: directionality of change*, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 2013.
Piper 2013 = Predrag Piper, Gramatika eksceptivnosti u srpskom i drugim slavenskim jezicima, *Zbornik Matice srpske za slavistiku* 83 (2013), 199–216.
Roberts 2007 = Ian Roberts, *Diachronic syntax*, Oxford: Oxford University Press, 2007.
Siebenreich 2015 = Nika Siebenreich, *Delovanje naravnega oblikoslovja*, doktorsko delo, Filozofska fakulteta v Ljubljani, 2015. – Razmnoženo.

SUMMARY

Natural Syntax: The state of affairs in 2017

A small group of linguists in Slovenia works with Natural Syntax. This article briefly presents the level that this theory has reached by 2017. The basic task of Natural Syntax is to define presuppositions that must apply to particular linguistic material so that a particular aspect of the state of affairs in this material can be made predictable (and thus cannot be otherwise than it is). This article has three sections. Section I presents the basics of Natural Syntax and at the same time describes synchronic (morpho)syntax. Section II is dedicated to the application of Natural Syntax in diachronic linguistics, and Section III shows how Natural Syntax deals with a possible stylistic difference between two comparable structures. Some highlights by section are as follows.

Section I. This section presents important criteria of naturalness through which Natural Syntax defines which of two comparable units A and B (referred to as variants) is more natural and which less natural. This information is couched in a naturalness scale, e.g. >nat (A, B). The work continues in a deduction, which defines the environment of the deduction and the manner of its alignment (parallel or chastic) with values in the scales of the deduction. The deduction then calculates a prediction about a certain aspect of the state of affairs in the language material that is the object of investigation.

Section II. So far, we have addressed only diachronic (morpho)syntactic changes that are already complete and predicted the direction of a change, and then checked the resulting predictions against those already completed diachronic developments that were the

object of investigation. In order to formulate a prediction about the direction of a change it is necessary to know the two extreme points of the change (but not which extreme point is the starting point and which the endpoint). Diachronic deductions are made in the same way as synchronic ones, only that one of the naturalness scales is always $>\text{nat}$ (new, old). Unfortunately, this manner of predicting the direction of a change cannot be expanded to diachronic developments that are still incomplete; for example, to developments for which we only know the starting point.

Section III. When there is a stylistic difference between two codependent variants, Natural Syntax predicts this to be “more colloquial” and “less colloquial” (the second value also often encompasses the standard language). The deductions are made in the same manner as synchronic ones, only that one of the naturalness scales is always $>\text{nat}$ (more, less) / colloquial. See deduction (3), which addresses the stylistic difference between the variants *vsi obroki razen obeh večerij* ‘all meals except both suppers’ (less colloquial) and *vsi obroki razen obe večerji* ‘idem’ (more colloquial).

ALEKSANDRA DERGANČ

POIMENOVANJA ZA ŽENSKÉ NOSILKE POKLICEV IN POLOŽAJEV V SLOVENŠČINI IN RUŠČINI

COBISS: 1.03

V prispevku se primerja raba ženskih poimenovanj za (zlasti prestižnejše) poklice, nazive in položaje v slovenščini in ruščini. V slovenščini je tvorjenje takih poimenovanj stilistično nezaznamovano, medtem ko so v ruščini nekatere tvorjenke za ta poimenovanja stilistično zaznamovane, kar ima negativne posledice za njihovo rabo v nevtralnem diskurzu.

Ključne besede: ženska poimenovanja za poklice, nazive in položaje, slovenščina, ruščina

Designations for female holders of professions and positions in Slovenian and Russian

This article compares the use of feminine designations for (especially prestigious) professions, titles, and positions in Slovenian and Russian. In Slovenian, the formation of such designations is stylistically unmarked, whereas in Russian certain derivations for such designations are stylistically marked, which may have negative consequences for their use in neutral discourse.

Keywords: feminine designations for professions, titles, and positions; Slovenian; Russian

- 1 V prispevku bi rada opozorila na razlike med slovenščino in ruščino pri poimenovanjih poklicev, nazivov in položajev (predvsem prestižnejših) za ženske osebe. V obeh jezikih velja (oz. je vsaj veljalo, prim. Kranjc – Ožbot 2013: 234), da so poimenovanja moškega spola kot *direktor*, *profesor*, *dekan*, *директор*, *профессор*, *декан* v enem svojih pomenov generična, nezaznamovana in lahko pomenijo osebo bodisi moškega bodisi ženskega spola, ki ima ta naziv oz. položaj. Ko pa gre za poimenovanja, ki se nanašajo specifično na žensko nosilko tega naziva ali položaja, vidimo v obeh jezikih različni sliki.
- 2 Oglejmo si najprej položaj v slovenščini. V slovenščini pri tvorjenju ženskih poimenovanj načeloma ni večjih besedotvornih težav. Ada Vidovič Muha (1997: 74–75) navaja kot sufikse feminativov, torej samostalnikov ženskega spola, tvorjenih iz samostalnikov moškega spola, ki pomenijo intelektualni poklic, položaj in dejavnost, sufikse *-ica*, *-ka*, *-arka* in *-inja*: *inštruktor-ica*, *profesor-ica*, *učitelj-ica*, *dekan-ka/dekan-ica*, *direktor-ica*; *inženir-ka*, *kozmonavt-ka*, *slavist-ka*, *zgodovinar-ka*; *filozof-inja*, *kirurg-inja*; *kemi(č)-arka*, *fizi(č)-arka*. Avtorica pripominja, da gre pri poklicih, ki so nastali kot posledica predpisanega (tudi) univerzitetnega šolanja, dosledno za feminine, ki izražajo

jo zakrito hierarhizacijo, kar pač zrcali družbeno resničnost. Sama dodajam, da je v luči primerjave z ruščino zelo pomembno, da ti feminativi (ali pa vzporedne tvorbe tipa *svetovalec* – *svetovalka*, Vidovič Muha 1997: 75) stilistično niso zaznamovani.

Število teh poimenovanj narašča tako v slovarjih kot v rabi, kar je posledica tako jezikovnopolitičnega delovanja kot tudi tega, da vedno več žensk opravlja poklice oz. zaseda položaje, ki so jih prej zasedali moški. V Sloveniji se je začelo opozarjati na spolno občutljivo rabo jezika in jo tudi zakonsko urejati v devetdesetih letih 20. stoletja (Stabej 1997; Doleschal 2015). Položaj se seveda nenehno spreminja. Saška Štumberger (Štumberger 2015) je s primerjanjem poimenovanj za osebe v Slovarju slovenskega knjižnega jezika (SSKJ, 1970–1991) in v Slovarju novejšega besedja slovenskega jezika (SNB, 2012) ugotovila, da je bilo v SNB sprejetih 187 novih poimenovanj za ženske. Med poimenovanji v SNB navaja npr. *notarka*, *bankirka*, *koordinatorica/koordinatorka*, *šolnica*, *atašejka*, *dekanica/dekanja/dekanka*, *ekologinja*, *klovnesa*, *konzulka*, *magistrica*, *parlamentarka*, *menedžerka*, *podjetnica*, *podžupanja*, *poslovnica*, *primarijka*, *prodekanica/prodekanka/prodekanja*, *rektorica*, *škofinja*, *nevrobiologinja*, *ombudsmanika*, *varuhinja človekovih pravic*. Že v SSKJ najdemo npr. poimenovanja *akademikinja*, *asistentka*, *dekanica*, *docentka*, *veleposlanica*, še več pa je ženskih poimenovanj v SSKJ2 (2014).

Saška Štumberger tudi opozarja, da pogled v korpus kaže, da je pri mnogih poimenovanjih med žensko in moško obliko precejšnja razlika v pogostnosti pojavljanja, kar je razumljivo zaradi generičnosti moškega poimenovanja (oz. spolno neobčutljive rabe jezika), pa seveda tudi zato, ker zlasti visoke položaje in nazive zaseda manj žensk.

Pogostejša pojavitev nekaterih ženskih poimenovanj je bila povezana s pojavitvijo konkretnih nosilk funkcij in nazivov. V prvem desetletju 21. stoletja sta imeli tako Univerza v Ljubljani kot Univerza na Primorskem rektorici. Filozofska fakulteta je imela v zadnjih desetletjih dve dekanji in več prodekanj. Imela pa je dekanjo že v petdesetih letih 20. stoletja, namreč Almo Sodnik, ki je bila tudi akademikinja. Glede rabe ženskih poimenovanj v besedilu je zanimivo primerjati prve vrstice njenega življenjepisa; prvi je iz Slovenskega biografskega leksikona in je nastal leta 1967, drugega pa zasledimo na spletu in je bil napisan leta 2015 (krepki tisk besed je moj dodatek – A. D.):

Sodnik Alma r. Zupanec, **filozofinja**, [...] Bila je od 1922 s prekinitvami zaradi študija **asistent** lj. filoz. fak., se 1932 habilitirala ter tu postala priv. **docent** za zgod. filoz. Izpopolnjevala se je v Rimu, Milanu, Parizu, na Dunaju in v Gradcu, bila od 1946 izr. prof., od 1951 do upok. 1959 red. prof., 1952–3 **dekan**. (SBL 3: 402)

Alma Sodnik, rojena leta 1896, umrla pa je 12. februarja pred 50. leti, je svojo pot hodila v tedaj prevladujočem moškem svetu. Bila je prva **doktorica** filozofije, ena izmed prvih univerzitetnih **profesorice** pri nas in prva **dekanja**. (<https://val202.rtvsllo.si/2015/02/bila-je-strasno-dober-clovek>)

- 3 Oglejmo si zdaj položaj v ruščini. V ruščini obstaja seveda tudi veliko stilistično nezaznamovanih in uporabljenih poimenovanj poklicev in funkcij ženskega spola, npr. *учительница*, *певица*, *актриса*, *студентка*, *художница* itd. Vendar je, zlasti pri prestižnejših poklicih in položajih, tvorjenje stilistično nevtralnih feminativov oteženo.

V Akademski slovnici (AG 1982: 200–204) zasledimo pri navajanju sufiksov za feminine več opozoril, da so tvorjenke z njimi stilistično zaznamovane, pogovorne, šaljive ali celo ironične. Tako je, če prav razumem, z vsemi tvorjenkami s sufiksoma *-ичка*, *-(лог)иня*, *-иха* in *-ша*, npr. *биологичка*, *географичка*, *астрономичка*, *хирургичка*, *филологичка*; *геологиня*, *филологиня*, *шефиня*; *врачиха*; *лекторша*, *секретарша*, *профессорша*, *докторша*, *директорша*, *инженерша*.

Pri sufiksih *-ица*, *-(н)ица* in *-ка* ni omenjeno, da bi bile tvorjenke z njimi stilistično zaznamovane, med drugim se navajajo tvorjenke *председательница*, kot novo *водительница* 'šoferka', dalje *крановщица* 'žerjavistka', *скрипачка* 'violinistka' in kot novo *космонавтка* 'kozmonavtka'. Vendar je treba pristaviti, da imata besedi *председательница* in *космонавтка* v slovarju Švedove (2008) kvalifikator – pogovorno, v BTS ju sploh ni, v wikislovarju pa sta in nimata kvalifikatorja.

Med tvorjenkami s sufiksoma *-есса* in *-ица* je po Akademski slovnici nekaj nevtralnih poimenovanj, npr. *клоунесса*, *стюардесса*, *поэтесса* ter *актриса*, *аббатиса*, *директриса*. Kot šaljivo ali pogovorno zaznamovana so označena poimenovanja *адвокатесса*, *авторесса* in *редактриса*. Spet je treba pripomniti, da ima *директриса* v slovarju Švedove (2008), v BTS in v Wikislovarju kvalifikator pogovorno.

Zdi se torej, da imajo tudi poimenovanja, tvorjena s sufiksi, ki načeloma ne vnašajo stilistične zaznamovanosti, pod vplivom onih, ki stilistično zaznamovanost vnašajo, glede nezaznamovanosti negotov položaj. Pesnica Ana Ahmatova menda ni želela biti imenovana *поэтесса*, ampak le *поэт*.

Na koncu naštevanja sufiksov za tvorjenje ženskih poimenovanj najdemo v Akademski slovnici razlago, da se samostalniki za poimenovanja žensk tvorijo, kadar je nujno poudariti spol osebe. Če take nujnosti ni, se za ženske običajno uporabljajo ustrezna poimenovanja moškega spola, ki ne označujejo spola osebe, npr. *бригадир Иванова*; *ударники коммунистического труда Павлова и Кузнецова*; *секретарь на этот счет не сказала ничего*.

V poglavju o morfoloških kategorijah samostalnika Akademski slovnica (AG 1982: 465–468) navaja, da obstaja med samostalniki, ki poimenujejo osebe, več samostalnikov moškega spola, kar je določeno tako z zunajjezikovnimi socialno-zgodovinskimi kot jezikovnimi razlogi. Samostalniki moškega spola namreč pomenijo osebo ne glede na spol, zato se lahko uporabljajo tako za osebe moškega kot ženskega spola, npr. *композитор Д. Шостакович* in *композитор Ольга Берггольц*. Dalje slovnica navaja, da s samostalniki moškega spola lahko poimenujemo tudi

osebe ženskega spola, čeprav obstajajo feminativi, torej kljub obstoju poimenovanj *делегатка, студентка, поэтесса*, npr. *она – делегат партийного съезда*. In nazadnje: za osebe ženskega spola se uporabljajo samostalniki moškega spola, katerih feminativi so stilistično obarvani, npr. *бригадир, врач, доктор* (torej vsaj v knjižnem, stilistično nevtralnem besedilu ne *бригадириша, врачиха, докториша* – op. A. D.). Za ponazoritev te misli navaja Akademska slovnica pesnika Tvardovskega: »Женщина врач оскорбится, если ее назвать врачихой (хотя за глаза называют и без всякого оттенка пренебрежительности). Назовите старшего повара Макарову поварихой, она обидится.« (AG 1982: 467), torej opažanje, da bosta zdravnica in glavna kuharica užaljeni, če ju bodo poimenovali s feminativom.

Dodajmo temu sodobni zgled iz Wikipedije, kjer so prav vsa poimenovanja, ki se nanašajo na žensko nosilko, v moškem spolu (kreпки tisk je moj dodatek):

Валентина Ивановна Матвиенко [...] советский и российский государственный деятель, политик, дипломат. **Председатель** Совета [...], **член** Совета [...]. **Губернатор и председатель** Правительства Санкт-Петербурга [...] **Полный кавалер** ордена «За заслуги перед Отечеством». Почетный **гражданин** Санкт-Петербурга.

- 4 Razmerje med obema jezikoma dobro ponazarja odstavek v slovnici slovenskega jezika Olge S. Plotnikove (Plotnikova 1990: 108) o sufiksih samostalnikov ženskega spola v slovenščini. Avtorica ob slovenskih zgledih navaja prevode v ruščino. Nekatera slovenska poimenovanja za ženske osebe avtorica prevede z vzporednimi ruskimi: *gostiteljica хозяйка, lektorica преподавательница по языку, državljanka гражданка, novinarica журналистка, bralka читательница, jezikoslovka лингвистка* in še nekaj drugih. Vrsto slovenskih poimenovanj za ženske osebe pa avtorica prevede z zloženko, katere prvi del je *женицина*, drugi pa ustrezno poimenovanje v moškem spolu: *ministrica женицина-министр, ravnateljica женицина-директор, borka женицина-борец, docentka женицина-доцент, zgodovinarica женицина-историк, napovedovalka женицина-диктор, književnica женицина-литератор, predsednica женицина-председатель, президент, zdravnica женицина-врач, kmetičarka женицина-хумик*.

Tako stanje ima zanimive posledice v skladnji. Vrnimo se k Akademski slovnici, ki navaja, da se v pogovornem jeziku čedalje pogosteje uporablja semantično ujemanje: *врач пришла, бригадир уехала в поле*. Redkeje naletimo na take zveze s prilastkom, npr. *новая бригада, прекрасная врач*. Sledijo zgledi iz publicistike (kreпки tisk je moj): *Обо всем этом говорила председатель жюри фестиваля, лауреат премии Ленинского комсомола Александра Пахмутова. Своим молодым друзьям известный композитор пожелала счастливых творческих открытий* (AG 1982: 467–468).

Ta skladenjska poteza je za slovenščino nenavadna in spričo več ali manj regularnega tvorjenja in rabe feminativov tudi nepotrebna. Vendar je treba omeniti, da se je začelo tudi v slovenščini pojavljati tako semantično ujemanje, čeprav je

redko. Gre za zglede, ko se ob priimku v moški obliki, ki pa se nanaša na žensko, pojavi povedek v ženski oblik, npr. *Novak je rekla* (prim. spletni forum *SlovLit* 28. 11. 2017). Zdi se, da je tako izražanje nastalo pod vplivom angleščine (prim. *I have made my position on Trump clear, said May* – s spleta).

Navedbe iz Akademске slovnice (AG 1982) bi se morda lahko zdele nekoliko zastarele. Vendar tudi sodobnejši članki kažejo na podobno stanje. Tudi v Rusiji se je namreč začelo razpravljati o spolno občutljivi rabi jezika pri poimenovanju žensk in o večji vidnosti žensk v javnem diskurzu. Ingeborg Ohnheiser omenja prizadevanja, da bi se odpravilo stilistično zaznamovanost sufiksa za feminative *-ua* (Ohnheiser 2015: 334), Krongauz (2015: 165–166) pa omenja demonstrativno rabo nenormativnih oblik, npr. *педагожка*, ki pa v večini javnosti vzbuja začudenje in nesprejemanje. Ingeborg Ohnheiser piše, da, kot kaže, zahteve za obvezno rabo ženskih poimenovanj ob moških v Rusiji ne vzbujajo javnega in znanstvenega zanimanja v tako veliki meri kot v drugih državah, prizadevanja v tej smeri pa včasih vzbujajo tudi posmehljive ali celo katastrofične odzive, češ da gre pri takih zahtevah za vzpostavljanje *novojaza* v Orwellovem duhu (Ohnheiser 2015: 335). Krongauz v istem zborniku svoj prispevek končuje takole: »Dejstvo, da nastopa kot zaznamovani spol večinoma (čeprav neobvezno) ženski, lahko služi kot neke vrste feministični očitek ruskemu jeziku. Je pa to značilno za večino naravnih jezikov.« (Krongauz 2015: 171)

- 5 Na koncu bi rada omenila, da označuje Ursula Doleschal slovenščino glede spolno nediskriminatorne rabe jezika med slovanskimi jeziki za najnaprednejšo (Doleschal 2015: 98). Razlogi za to so verjetno večplastni. Sama bi opozorila, da so deloma gotovo strukturnojezikovni: feminativi niso stilistično zaznamovani, semantičnemu ujemanju tipa *директор сказала* se slovenščina izogiba.
- 6 Čeprav je v pričujočem članku govor tudi o sociolingvističnih in jezikovnopolitičnih dogajanjih, pa je namen članka predvsem opozoriti na določene jezikovne razlike med obema jezikoma. Tako v Rusiji kot v Sloveniji je veliko raziskovalk, znanstvenic in univerzitetnih profesorice (nekoliko manj pa rektorice, akademikinj in predsednic države), jezikovna raba in norma poimenovanj zanje pa kažeta razlike.

LITERATURA IN VIRI

AG 1982 = *Русская грамматика* I, red. Н. Ю. Шведова idr., Москва: Наука, 1982.

BTS = *Большой толковый словарь русского языка*, gl. red. С. А. Кузнецов, Санкт-Петербург: Норинт, 1998, публикуется в авторской редакции 2014 года <<http://gramota.ru/slovari/info/bts/>>.

Doleschal 2015 = Ursula Doleschal, Genderlinguistik im Slowenischen, v: *New Approaches to Gender and Queer Research in Slavonic Studies*, ur. Dennis Scheller-Boltz, Wiesbaden: Harrasowitz, 2015 (Die Welt der Slaven 59), 87–100.

Kranjc – Ožbot 2013 = Simona Kranjc – Martina Ožbot, Vloga spolno občutljivega jezika v slovenščini, angleščini in italijanščini, v: *Družbena funkcijskost jezika: vidiki, merila, opredelitve*, ur. Andreja Žele, Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2013 (Obdobja 32), 233–239.

- Krongauz 2015** = Максим Кронгауз, Гендерная парадигма названий людей, v: *New Approaches to Gender and Queer Research in Slavonic Studies*, ur. Dennis Scheller-Boltz, Wiesbaden: Harrasowitz, 2015 (Die Welt der Slaven 59), 165–173.
- Ohnheiser 2015** = Ingeborg Ohnheiser, С глаз долой – из сердца вон?: некоторые наблюдения над «языковым равноправием» женщин и топосами аргументации его сторонников, скептиков и противников, v: *New Approaches to Gender and Queer Research in Slavonic Studies*, ur. Dennis Scheller-Boltz, Wiesbaden: Harrasowitz, 2015 (Die Welt der Slaven 59), 327–339.
- Plotnikova 1990** = Ольга Сергеевна Плотникова, *Словенский язык*, Москва: Издательство Московского университета, 1990.
- SNB** = *Slovar novejšega besedja slovenskega jezika*, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2014 (Slovarji).
- SSKJ** = *Slovar slovenskega knjižnega jezika* 1–5, Ljubljana: SAZU – ZRC SAZU – DZS, 1970–1991.
- SSKJ2** = *Slovar slovenskega knjižnega jezika: druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja 2014* (<http://www.fran.si/>).
- Stabej 1997** = Marko Stabej, Seksizem kot jezikovnopolitični problem, v: *Seminar slovenskega jezika, literature in kulture* 33: *ženska v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi*, ur. Aleksandra Derganc, Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta, Oddelek za slovanske jezike in književnosti, 1997, 57–69.
- Štumberger 2015** = Saška Štumberger, Veränderungen in der gesellschaftlichen Stellung von Frauen in Slowenien seit 1991: Personenbezeichnungen im Wörterbuch *Slovar novejšega besedja slovenskega jezika* (2012), v: *New Approaches to Gender and Queer Research in Slavonic Studies*, ur. Dennis Scheller-Boltz, Wiesbaden: Harrasowitz, 2015 (Die Welt der Slaven 59), 101–109.
- Švedova 2008** = *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*, отв. ред. Н. Ю. Шведова, Москва: Азбуковник, 2008.
- Vidovič Muha 1997** = Ada Vidovič Muha, Prvine družbene prepoznavnosti ženske prek poimenovalne tipologije njenih dejavnosti, lastnosti, v: *Seminar slovenskega jezika, literature in kulture* 33: *ženska v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi*, ur. Aleksandra Derganc, Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta, Oddelek za slovanske jezike in književnosti, 1997, 69–79.
- Wikislovar** (<https://ru.wiktionary.org/wiki/>).

SUMMARY

Designations for female holders of professions and positions in Slovenian and Russian

This article compares the use of feminine designations for (especially prestigious) professions, titles, and positions in Slovenian and Russian. In Slovenian, the formation of feminine forms with productive suffixes is mostly unproblematic, and the derivations are stylistically unmarked (e.g., *profesorica* ‘professor’, *ministrica* ‘minister’, *direktorica* ‘manager’). In Russian, derivations with certain suffixes are stylistically marked as colloquial or humorous (e.g., *professorša* ‘professor’, *ministerša* ‘minister’, *direktrisa* ‘manager’), which it seems also encumbers the use of other derivations (e.g., *predsedatel'nica* ‘president’, *poetessa* ‘poet’) because these are not labeled as stylistically marked in the grammar but are marked as such in certain dictionaries. Consequently, the use of generic masculine designations is widespread, which also has an impact on syntax; specifically, semantic agreement (e.g., *direktor skazala* ‘the manager-MASC said-FEM’).

In Slovenian, the use of feminine designations has become increasingly established in texts, also under the influence of language policy efforts, which began in the 1990s, whereas in Russian discussions on gender-sensitive use of language have not been widespread. The difference between Russian and Slovenian is in part certainly structurally linguistic (stylistic markedness vs. unmarkedness of designations, and avoidance of semantic agreement in Slovenian).

METKA FURLAN

PRISPEVEK K ŽIVALSKIM LASTNOIMENSKIM POIMENOVANJEM HIDRONIMSKEGA IZVORA: SLOVENSKO *SEBIN/SABIN/SAVIN* IN *SAVA*

COBISS: 1.01

Slovenska in hrvaška lastna imena govedi z osnovo *Sav-* lahko odražajo slovensko onomastično tradicijo transonimiziranih živalskih lastnih imen iz hidronimov.

Ključne besede: živalska lastna imena, transonimizacija, hidronim, besedotvorje, slovenski jeziki, etimologija, narečna diferenciacija

Animal names of hydronymic origin: Slovenian *Sebin/Sabin/Savin* and *Sava*

Slovenian and Croatian proper names for cattle with the stem *Sav-* may reflect a Slavic onomastic tradition of the transfer of animal names from hydronyms.

Keywords: animal names, transonymization, hydronym, word formation, Slavic languages, etymology, dialect differentiation

1 VOL *SEBIN*

Lastno ime¹ vola *Sebin* je za goriško kraško območje sporočil Karel Štrekelj

- 1 Terminološko pojasnilo:** V slovenski jezikoslovni terminologiji se za termina *nomen appellativum* in *nomen proprium* uporabljata *občno ime* in *lastno ime*, a se za slednjo besedno zvezo pogosto uporablja kar *ime* (Toporišič 1992: 58), kar je sicer skladno z normiranim pomenom knjižne besede *ime* v SSKJ. Taka raba besede *ime* se potrjuje tudi v ubeseditvi vprašanj za SLA, npr. vprašanji *Ime vasi*, *v kateri se zapisuje*, *Ime za prebivalce*, *prebivalke vasi*, *v kateri se zapisuje* (Benedik 1999: 91). Terminološka raba besede *ime* 'lastno ime' pa ob besedni zvezi *občno ime* 'nomen appellativum', kjer sestavina *ime* nadomešča lat. *nomen* in nastopa v širokem pomenu 'poimenovanje', oziroma po Toporišiču 1992: 188 »To, da čemu damo (da kaj dobi) obliko besede ali besedne zveze, npr. *stol*, *desnica*, *Viator* [...]«, ustvarja jezikovni šum, saj npr. iz samega termina *živalsko ime* ni enoznačno jasno, ali nastopa kot elipsa za *živalsko občno ime* ali *živalsko lastno ime*. Za to, kar Hrvati uporabljajo enoznačna para *naziv* 'občno ime' in *ime* 'lastno ime', tudi *imenovanje* 'lastno ime' (Čilaš Šimpraga – Horvat 2014: 39), bi v slovenščini veljalo ali dosledno uporabljati besedni zvezi *občno ime* 'nomen appellativum' in *lastno ime* 'nomen proprium' ali pa – še boljše – uvesti drugačen, po možnosti enobesedni termin za pomen 'občno ime', kar bi omogočilo besedno zvezo *lastno ime* avtomatično zamenjati z *ime*. Pri reševanju problema termin *poimenovanje* ni uporaben, ker vključuje tako nomina appellativa kot nomina propria. Oba temeljna priročnika sodobne knjižne slovenščine pa v rabi besede *ime* namreč nista enotna, saj v SSKJ pri jezikoslovnem terminu *fitonim* preberemo pomensko razlago 'ime rastline, rastlinsko ime' (enako SP 2001: 'rastlinsko ime'), kjer *ime* nastopa za *občno ime*, pri *mikrotoponim* 'ime njive, travnika, gozda' ima *ime* pomen 'lastno ime', pri *toponim* pa pomenska razlaga 'lastno ime kraja ali kakega drugega dela zemeljskega površja, zemljepisno ime' (bolj enoznačno v SP 2001: 'zemljepisno

kot *sebin*² ‘Ochsenname’ (Štrekelj 1887: 400), kar z *ε* ponazarja reduciran samoglasnik kot npr. v kraš. goriš. *tetjié* Npl m ‘tatje’ (Štrekelj o.c.: 386) < **tâtje*, zato se lahko poveže s *sabín* ‘goveje ime’, ki je v Pleteršnikovem slovarju za Tolminsko sporočeno po Erjavcu 1875: 225: *Sabin*.

2 SLN. *SABIN* : SLN., HRV. *SAVIN*, HRV. *SAVINA*

Od tolminskega *Sabin* se le s fonemom *v* razlikuje lastno ime *Savin*, ki se ob *Bakin*, *Boškarin*, *Galjardo*, *Moro*, *Sivc*, *Napoli*, *Pronto* in *Berlino* danes daje istrskim boškarinom nove generacije (Gigafida, 1. 6. 2015 po reviji Kmetovalec 2002). Ker se na območju Tolminskega prvotni ustnični zvočnik *u* pred sprednjimi samoglasniki artikulacijsko okrepi v pripornik *ǃ*, pojav pa je znan tudi v kraški Lokvi,³ je v razmerju *Sabin* : *Savin* drugi člen treba določiti za fonetično prvotnejšega.

Tako sklepanje dopušča tudi hrv. *Savin* ‘ime volu’, ki se v ARj navaja po Kurelcu 1867: 61 (*savin* ‘lastno ime vola pepelnato sive, rumenkaste barve’) in Nemaniću 1883: 41 (*savín* m, g *savína* = *savín*, nomen bovis, g. *savína*), najdemo pa ga tudi v slovarju čakavskih boljunskih govorov (*Savín* ‘ime vola bijele boje’: Francetić 2015) in roverijskih (oboje v osrednji Istri), kjer pa ob *Savín* ‘ime vola’ obstaja tudi feminativ *Savína* ‘ime krave’ (Kalčić – Filipi – Milovan 2014). V Bejski Tramuntani na Cresu je *Savín* lastno ime za vola večinoma črne barve, feminativ *Savínka* pa za krave takšne barve (Velčić 2003).

► lastno ime’) implicira, da je z *zemljepisno ime* mišljeno ‘zemljepisno lastno ime’. Čeprav je sicer možno, da bi kdo npr. svoj priljubljeni fikus lastnoimensko poimenoval z *Zelenko* (ker je zelene barve) ali *Čistko* (ker kot druge rastline »čisti«⁴ zrak), se danes – v slovenskem jezikoslovju – še ne govori o *rastlinskih lastnih imenih* in se zato termina *rastlinsko ime* in *fitonim* razume, da označujeta nomina appellativa. Povsem drugače pa so razmere pri rabi termina *živalsko ime* in *zoonim*, ker so domače živali praviloma tudi lastnoimensko poimeno-vane. Toporišič 1992: 383 je skušal uveljaviti razlikovanje med terminoma *živalsko ime* (npr. *siva*, *sivka*) in *živalsko lastno ime* (npr. *Liska*, *Rjavec*), a se pozneje v SP 2001: 12 (že prej v Osnoven 1983: 96) uporablja termin *živalsko ime*, ko se misli na lastno ime živali *Sultan*, *Švrk*, *Muki* itd. Kaj pa pri vseh teh nedoslednostih v slovenski terminologiji označuje *zoonim*? Bezljaj je v vseslovanski onomastični terminologiji Osnoven 1983: 96, ki pa ni imela večjega vpliva na slovensko jezikoslovno terminologijo, po vzoru večine drugih slovanskih jezikov in nemščine določil, da označuje živalsko lastno ime. V SSKJ in SP 2001 termin ni bil vključen in ga ne prinaša niti Toporišičeva enciklopedija (Toporišič 1992). Tudi zato se je v slovenski jezikoslovni literaturi verjetno pod angleškim vplivom (prim. *zoonym* ‘the common name for a (species of) animal’) termin *zoonim* začel pojavljati v pomenu ‘živalsko občno ime’. Taki rabi termina se pridružujem tudi sama, saj je v sozvočju s podpomenkami tipa *ih tionim*, *malakonim*, *ornitonim* itd.

2 Po sodobnem slovenskem pravopisu se živalska tako kot vsa druga lastna imena pišejo z veliko začetnico, starejši avtorji pa so se odločali zelo različno, kot je razvidno iz Štrekcljevega zapisa *sebin* in Erjavčevega *Sabin*.

3 Podrobneje o tem položajno pogojenem glasovnem razvoju prim. Furlan 2012: 48sl. s starejšo literaturo.

3 SAVIN V ISTROBENEŠKIH OZIROMA ISTRIOTSKIH GOVORIH

Lastno ime vola *Savin* 'nome proprio di manzo dal colore bianco latte'⁴ (Balbi – Moscarda Budić 2003) je bilo znano tudi v govoru kraja Galizana (it. Galesano) na jugu Istre, v katerem se ob danes prevladujoči istrobeneščini ohranjajo še substratne istriotske jezikovne prvine. Isti vir za galižanski govor navaja lastno ime *Savina*, a v funkciji vzdevka (»soprannome gallesanese«), kar je bilo lahko transnimizirano iz živalskega feminativa, prim. zgoraj hrv. *Savina* 'ime krave'. V govoru kraja Vodnjan (it. Dignano) severneje od Galizane, ki tudi slovi po ohranjenosti istriotskih prvin, je bilo zabeleženo *savi* 'nome di manzo' (Dalla Zonca 1978: 337), pred tem kot *Savi* 'nome di bovino' (Rosamani 1990), v obeh primerih torej brez izglasnega *-n*.

4 ISTROBENEŠKO SALVIN IN FURLANSKO SALVINE

Samo v romanskem jezikovnem prostoru, ki je v neposrednem stiku s slovenščino in hrvaščino, je bila zabeležena tudi lastnoimenska varianta z *-l-*. Lastno ime vola *Salvin* je ob *Boscarin*, *Caparin*, *Faganel*, *Gaiardo*, *Gardelin*, *Ialén*, *Moro*, *Napoli*, *Rosso* za italijansko narečno govoreče kmete v koprskem zaledju sporočil Graviš 1943: 30. Temu ustrezni feminativ je furl. *Salvine* 'come n. pr. di vacca'⁵ (NP).

Med naštetimi Gravisijevimi lastnimi imeni je nedvomno slovenskega izvora *Ialén*, ker se v njem ohranja slovenski samostalnik *J/jélen*, ki se na dokaj širokem slovenskem območju uporablja tudi za označevanje vola, postal pa je tudi lastno ime, npr. *jélen* 'rjavkasto siv vol, rjavec' (SSKJ), *jélen* 'ime volu jelenje barve' (Pleteršnik), na Kostelskem *ljelen* 'vol z lepimi rogovi in lepo držo' (Gregorič 2014) ← sln. *jélen* 'cervus' < psl. **jelènъ*.

5 SLOVANSKI ALI ROMANSKI IZVOR

Ker so slovenski zahodni govori ter slovenščina in hrvaščina v Istri prepredeni z romanizmi, je pri izvoru lastnih imen *Sabin/Savin* v enaki meri treba upoštevati možnost, da sta ali domačega, slovanskega izvora, ali pa tujega, romanskega. Potrjenost lastnega imena v galižanščini in vodnjanščini pa še ni zanesljivi znak, da bi bilo obravnavano gradivo nedvomno romanskega izvora, ker tako kot drugi istrobeneški govori tudi ta dva vsebujeta besedje hrvaškega (← slovanskega) izvora, npr. *brituva* 'coltello a serramanico' (Balbi – Moscarda Budić 2003) ← hrv. *brìtva* 'žepni nož zaklepček' (< psl. **britъya*); *chila* 'ernia' (Balbi – Moscarda Budić 2003), *chèila* 'ernia o rottura o crepatura o allentatura' (Dalla Zonca 1978) ← hrv. *kìla* 'kila' (< psl. **kyla*); *jàlovo* 'sterile' (Balbi – Moscarda Budić 2003) ← hrv. *jàlov* 'jalov, sterilen, neploden' (< psl. **jalouъ*).

4 Tj. 'lastno ime vola mlečno bele barve'.

5 Tj. 'kot lastno ime krave'.

Ker se alternacija v izglasju *Savin* (Galižana) : *Savi* (Vodnjan) v Istri pojavlja tudi pri pogostem istrskem lastnem imenu goveda *Boscarin* : *Boscarì* (Buje/ Buie) / *Boscaréi* (Rovinj/Rovigno) istriotskega izvora (Furlan 2016: 38sl.), je možno, da je prav ta alternacija vplivala na nastanek vodnjanskega *Savi* iz *Savin*.

Pri varianti z *-l-* *Salvin* iz koprškega zaledja in furlanščine (*Salvine*), ki je v hrvaškem in slovenskem gradivu ni bilo mogoče zaslediti, bi se lahko pomislilo, da ohranja prvotnejšo fonetično podobo živalskega lastnega imena, kar bi narekovalo romanski izvor obravnavanega besedja. Ker se v Galižani lastno ime *Savin* daje govedu mlečno bele barve, bi bilo možno, da bi bila vsa lastna imena tvorjena iz italijanskega fitonima *salvia* 'žajbelj, Salvia' po svetlih, belkastih listih rastline in da tista brez *-l-* odražajo fonetični razvoj, ki je viden tudi pri samem fitonimu, prim. furl. *sàlvie* (NP) : v Istri 'šavja (Bale/ Valle: Filipi – Buršič Giudici 1998: 631), *sàvia* (Rovinj, Vodnjan, Bale: Rosamani 1990). Čeprav bi bil tak besedotvorni vzorec možen: *salvia* 'žajbelj' → ***salvino* *'takšen, ki je barve kot žajbelj, belkast',⁶ pa verjetnost romanske etimologije obravnavanih živalskih lastnih imen izničuje fonetični argument, ker so v slovenščini in hrvaščini vsa lastna imena vzglasna na *s-*, pri izposoji iz romanskih ljudskih predlog z etimološkim vzglasnim romanskim *s-* pa pričakujemo vzglasni *š-*, prim. sln. *šagra* 'praznovanje godu zavetnika cerkve', 'žegnanje; veselica' (prim. ben. it. *sagra* [š-] 'žegnanje; praznik' < lat. *sacra* ob *sacer* 'posvečen, svet'), *šalša* 'omaka' (prim. ben. it. *salsa* [š-] 'omaka' < lat. *salsa* ob *salsus* 'slan'), *šantlo* 'boter' (prim. ben. it. *sàntolo* [š-] 'boter' < lat. *sanctulus* 'boter') itd.

Pri starejši izposoji, ki bi v vzglasju dala sln./hrv. repliko *s-*, pa se preostali izposojeni del ne bi glasil na *-alvin*. Pri izposoji iz časa po delovanju metateze likvid bi se tuji *a* v rom. **sāl'vīnū* odražal kot sln./hrv. *o*, kar bi dalo sln./hrv. ***solūin* (tip *oltar*), še starejša izposojenka iz iste predloge pa bi se odražala enako ***solūinb*, a bi se danes kazala kot sln./hrv. ***slavin* (tip tpn *Labin*). Ker je slovensko in hrvaško gradivo brez *-l-*, je razumljivo, da se tudi zaradi tega tako stare izposoje iz romanske predloge ne sme predpostaviti.

Varianti z dodatnim *-l-* v it. kopr. *Salvin* in furl. *Salvine* sta bili zato verjetno preoblikovani iz prvotnih slovanskih izposojenk **Savin* in **Savina*, lahko celo kar pod vplivom romanskega fitonima *salvia*.

Verjetnost, da sta spolska para **Savin* in **Savina* domačega, slovanskega izvora, lahko povečuje koroško lastno ime krave *Sabína*, ker ga je Reichmayr 2005: 83 zabeležil na zahodnem koroškem območju, kjer se v ziliškem narečju ustnični zvočnik *u* pred sprednjimi samoglasniki artikulacijsko okrepi v pripor-nik *ḥ* in je zato *Sabína* lahko nastalo iz prvotnega *Savína*. Pa ne le to. V narečni slovenščini je bilo na dveh medsebojno oddaljenih območjih zabeleženo lastno

6 Šlo bi lahko za besedotvorni vzorec tipa it. *pecora* 'ovca' → *pecorino* 'ovčji sir', tj. 'sir, ki je narejen iz ovčjega mleka'.

ime krave *Sava*, ki napeljuje k domnevi, da je s *Savin* in *Savina* v besedotvornem razmerju.⁷

6 SLOVANSKI IZVOR: *SAVA* : *SAVIN* : *SAVINA*

Na slovenskem zahodu je bilo namreč v livškem govoru nadiškega narečja (primorska narečna skupina) zabeleženo lastno ime krave *Sá:va* in tudi *Só:ča* (Šekli 2008: 201),⁸ na vzhodnem območju, v govoru kraja Meliške (= T313)⁹ zgornjesavinskega narečja (štajerska narečna skupina) pa *'sa:wa* (SLA). Ker sta lastni imeni krav enakozvočni s slovensko-hrvaško-srbskim hdn *Sava*,¹⁰ ne bo odveč podatek, da je bilo livškemu *Só:ča* enakozvočno lastno ime krave *sôča* (: hdn *Soča*) in tudi *drîna* (: hdn *Drina*) zabeleženo v govoru kraja Sabonje (= T154) notranjskega narečja (primorska narečna skupina). Ob koroškem lastnem imenu krave *Drîna* je Reichmayr 2005: 83, 134 zabeležil tudi *Drávka*, prim. hdn *Drava*.

Besedotvorno razmerje sln. *Sava* 'lastno ime krave' : sln. *Sebin/Sabin* 'lastno ime vola', hrv. čak. *Savin* : sln. kor. *Sabína*, hrv. čak. *Savina* je mogoče primerjati s sln. *rôga* 'krava z velikimi rogovi' (Pleteršnik) : *rogîn* 'vol z dolgimi rogovi' (dol. – Pleteršnik) : *rogína* 'govedo z dolgimi rogovi' (jvzh. štaj.: Pleteršnik). Razmerje pa ni le slovensko, prim. hrv. *rôga* 'ovca, koza ali krava z večjimi rogovi' (ARj), *Roga* 'ime krave' (ARj; Kurelac 1867: 25), srb. *rôga* 'ovca, ki ima rogove' (Vojvodina: RSGV), črnogor. *rôga* 'ovca, ki ima rogove' (Vujičić 1995) : hrv. *rogin* 'vol' (ARj) : hrv. *rogîna* 'vol z dolgimi rogovi' (Žumberak: Skok 1912: 369),

7 Le za hrv. lastno ime goveda *savin*, za katero je imel podatek, da se daje volu pepelnato sive in rumenkaste barve, je Kurelac 1867: 61 sklepal, da je v zvezi s hdn *Sava* in nadalje tudi, da naj bi zato hidronim v etimološkem smislu označeval rumeno reko (!?). Slednji sklep je jezikoslovno popolnoma neargumentiran in zato nesprejemljiv.

8 Zanju avtor, ne da bi upošteval druga slovanska dehidronimna živalska lastna imena, pravi, da najverjetneje ne spadata med avtohtona lastna imena, češ da so bile krave večinoma lastnoimensko poimenovane po rečnih lastnih imenih šele po drugi svetovni vojni. A je bolj verjetno, da je na livškem območju obstoj živalskega lastnega imena *Sava* povzročil transonimizacijo hdn *Soča* → živalsko lastno ime *Soča*. V e-pismu z dne 2. 3. 2017 M. Šekli meni, da bi lastno ime krave *Soča* lahko bilo avtohtono. Dvom v mlad nastanek livških živalskih lastnih imen *Soča* in *Sava* je bil izražen že v Čilaš Šimpraga – Horvat 2014: 61. Po podatkih Statističnega urada Republike Slovenije (<http://www.stat.si/StatWeb/News/Index/6038d>, 24. 8. 2017) je bilo v Sloveniji v obdobju 2000–2015 lastno ime *Soča* najpogostejše na skrajnem zahodu, kjer je bilo tako poimenovanih kar 4376 govedi ženskega spola. Za lastno ime *Sava* isti vir navaja 3705 nosilk. V primerjavi z najpogostejšim lastnim imenom *Pika* z 9908 nosilkami (sledita *Šeka* z 9618 nosilkami, ki je najpogostejše lastno ime govedi ženskega spola v vzhodni Sloveniji, in *Liska* z 6235 nosilkami) je pogostnost lastnih imen *Soča* in *Sava* danes precej visoka, če se upošteva, da je v gradivu za SLA, ki je bilo pretežno zbrano v drugi polovici 20. stoletja, silno redko. Ne glede na večjo frekventnost lastnega imena govedi ženskega spola *Sava* v novjšem času pa o njegovi daljši in starejši prisotnosti pri nas posredno pričajo prav njegove tvorjenke s primerjalnim gradivom vred.

9 Za lažjo identifikacijo so krajem, ki so kot narečne točke vključeni v projekt Slovenski lingvistični atlas, dodane tudi njihove številke.

10 S tem hdn je enakozvočen p. hdn *Sawa*, manjši rečni tok na jugu Poljske.

Rogina 'lastno ime krave' (Kurelac 1867: 25). Izhodišče slednjih občnih in lastnih imen je samostalnik **rōgъ* 'cornu'. Enako je tudi pri razmerju *čāda* 'črnikasta ali črna krava' (Pleteršnik), *Čāda* 'lastno ime krave' (npr. Čepovan, Štanjel, Kopriva, Hrušica, Klenik, Vipava, Podnanos: SLA), hrv. *čāda* 'ime crnaste krave' (Vodice: Ribarić 1940) : *čadīn* 'vol črne ali sajaste barve' (Pleteršnik), *Čadīn* 'lastno ime vola črne barve' (Rakitovec: SLA), hrv. *čadīn* 'ime crnastoga vola' (Vodice: Ribarić 1940) izhodišče samostalnik **čādъ* 'dim, saje'.

Neposredna predloga ajevskim samostalom *roga* in *čada* je bila prvotno verjetno pridevniška določna oblika kot v sln. *brēza* 'lastno ime belolisaste krave ali koze' (Pleteršnik) < **bērzaja* ← adj **bērzъ* 'albus' ← subst **bērъ/bērza* 'betula' (Furlan 2013: 252sl.; Ramovš 1997 (= 1927/28): 378) ali nedoločna kot npr. v hrv. *brēza* 'črna ovca z belo liso na nosu', *brīza* 'isto' (Ribarić 1940: 134).

V tvorjenkah na *-in* bi bilo mogoče prepoznati posamostaljenost svojilne pripone *-*inъ*, izostanek delovanja prve palatalizacije velarov pa pri sln.-hrv./srb. *rogin* pripisovati analoškem vnosu -*g-* iz sln. *rōga* oz. hrv. *rōga*, a ni mogoče povsem izključiti možnosti, da se prvotna pripadnostna pripona *-*ynъ* v maskulinativu **rogŭnъ* (tip tpn *Tuhinj* < **Tuh-ynъ* *'Tuhov (kraj)') ni šele pozneje, po sovpadu **y* in **i* v sln./hrv. *i*, preoblikovala pod vplivom pripone *-*inъ*: **rogŭnъ* → **roginъ*. Lastna imena goveda *Savin*, *Čadin* in *Rogin* so v odnosu do lastnih imen krav *Sava*, *Čada* in *Roga* njihovi maskulinativi, hrv. čak. *Savīna*, kar je enako sln. kor. *Sabīna*, pa feminativ k hrv. *Savīn*.

7 LASTNO IME KRAVE *SAVA* IN HIDRONIM *SAVA*

Primorsko *Sá:va* 'lastno ime krave' (Livek) in štajersko '*sa:wa* 'isto' (Meliše = T313) sta v slovenščini enakozvočni s hdn *Sáva* < **Savā*, prim. hrv., srb. *Sáva*. Enako lastno ime *Sava* je bilo sicer za ovco in brez naglasnih podatkov evidentirano v hrvaških slavonskih krajih Bastaji in Daruvar (ARj). Králik 1993b: 160 je opozoril, da je *Sáva* v slovaškem gemerskem narečju lastno ime psa, manjšalnica *Sávka* pa na območju Orave na severu Slovaške lastno ime konja.

Vsa ta živalska lastna imena se vključujejo v širšo slovansko problematiko transonimiziranih živalskih lastnih imen iz hidronimov, ki jo je, kot kaže, prvi opazil in izpostavil Kurelac 1867: 61, ko je sklepal, da je hrv. *savin* 'lastno ime vola pepelnato sive, rumenkaste barve' v zvezi s hdn *Sava*,¹¹ aktualna pa je postala šele proti koncu prejšnjega stoletja, ko so se začeli vrstiti podatki, s katerimi so avtorji z različnih območij slovanskega sveta poročali o živalskih lastnih imenih, ki so enakozvočni s hidronimi. Med prvimi je bil Machek 1968: 134, ki je slovaško pogosto lastno ime psa *Dunaj* izvajal iz hdn *Dunaj*, češ da naj bi taka lastna imena živali bila varovalna, ker naj bi tako lastnoimensko poimenovane živali magična

¹¹ S hdn *Sava* pa ni v nobeni zvezi osebno lastno ime *Sava* grškega izvora, zlasti razširjeno med pravoslavci (Skok III: 208).

moč vode ščitila pred zlom, pri psih pred steklino. Rjadčenko 1994: 80 je območje in število tovrstnih lastnih imen povečal z ruskimi primeri *Amazonka*, *Amur*, *Visla*, *Vltava*, *Dvina*, *Oka*, *Tissa*,¹² ki pa odražajo tudi neruske in geografsko zelo oddaljene hidronime in zato kažejo, da je transonimizacija hidronim → lastno ime živali ponekod še danes besedotvorno produktivna. Nemalo živalskih lastnih imen hidronimskega izvora je bilo iz različnih virov zbranih za hrvaščino (Čilaš Šimpraga – Horvat 2014: 61sl.).

Ker je Sava reka južnoslovanskega prostora, je Králik 1993b: 162 pri slovaških lastnih imenih živali *Sáva* in *Sávka* sklepal, da odražata slovansko onomastično tradicijo srednjedonavskega območja, ko so stari Slovaki pred madžarskim vdorom med 9. in 10. stoletjem še bili v stiku z južnimi Slovani. Ker so iz hidronimov transonimizirana lastna imena živali prvotno lahko nastajala na območjih rečnih tokov s takim lastnim imenom, lahko dehidronimna lastna imena živali, ki jih danes v ljudskem jeziku najdemo zunaj teh območij, pričajo o starejših, starih in tudi mlajših migracijskih tokovih. Tudi lastna imena živali so torej lahko pomemben vir pri preučevanju lingvo- in etnogenetske problematike Slovanov nasploh (Králik 1993a: 69).

8 SKLEP

Ker je lastno ime živali *Sáva* kot varovalno lahko nastalo le na območju rečnega toka Save, njegova sodobna narečna distribucija z distribucijo njegovih slovenskih in hrvaških tvorjenk (sln. *sebin*, *sabîn*, *Savin*, *Sabína*, hrv. *Savin*, *Savîna*) priča, da so bili predniki sodobnih narečnih govorcev teh živalskih lastnoimenskih poimenovanj v neposrednem stiku s porečjem Save.¹³ Živalska lastnoimenska poimenovanja z osnovo *Sav-* so zato lahko v pomoč pri preučevanju narečne diferenciacije zahodnega južnoslovanskega areala.

VIRI IN LITERATURA

Alerić 1982–1983 = Danijel Alerić, Hidronimni apelativ Sava, hidronimi Savinja i Dravinja i problem starosti slovenske vokalne redukcije, *Filologija* 11 (1982–1983), 271–296.

ARJ = *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* 1–23, Zagreb: JAZU, 1880–1976.

12 Varnikova 2011: 60 dodaja še npr. *Aragva*, *Volga*, *Irma*, *Kama*, *Kubena*, *Ladoga*, *Mologa*, *Neva*, *Pečora*, *Urdoma*, *Èlba*.

13 Jezikovni ostanek migracije s porečja Save je lahko tudi hrv. apelativ *sáva* 'reka' (Vodice: Ribarić 1940: 189; Skok III: 208), *sáva* 'isto' (Istra: ČDL III: 545), vendar pa Alerić 1982–1983: 273 kljub Ribariću 1940: 189 in Skoku III: 208 zavrača razlago o apelativizaciji *sava* ← hdn *Sava*, češ da naj bi bil apelativ slovanskega izvora in razvit iz **śbhāya* ali **śuhāya* (k **śūh* 'siccus'), kar v fonetičnem in pomenskem pogledu ne prepričuje. Od hdn **Sauā* (ap B, prim. hrv. *Asg Sāvu*) se apelativ razlikuje, ker kaže na **sāya*, kjer je novi akut tako kot npr. v sln. *snāha* 'nurus' (: psl. **snāhā* = sti. *snušā* ...), hrv. dial. *rika* 'reka' (Vrgada), *Rika* (Susak: oboje Jurišić 1977) (: psl. **rěkā*) morda posledica analoškega vnosa po obliki za Gpl, če ne gre za ostanke še neprepoznane pojava v okviru ajevskih osnov in oblik na *-a (prim. sln. *nebēsa* : psl. **nebesā*).

- Balbi – Moscarda Budić 2003** = Maria Balbi – Maria Moscarda Budić, *Vocabolario del dialetto di Galesano d'Istria*, Rovigno: Unione Italiana – Trieste: Università popolare, 2003.
- Benedik 1999** = Francka Benedik, *Vodnik po zbirki narečnega gradiva za Slovenski lingvistični atlas (SLA)*, Ljubljana: Založba ZRC, 1999.
- ČDL** = Mate Hraste – Petar Šimunović, *Čakavisch-deutsches Lexikon I–III*, unter Mitarbeit und Redaktion von Reinhold Olesch, Köln – Wien: Böhlau Verlag, 1979–1983.
- Čilaš Šimpraga – Horvat 2014** = Anica Čilaš Šimpraga – Joža Horvat, Iz hrvatske zoonimije: imenovanje krava, *Folia onomastica Croatica* 23 (2014), 39–75.
- Dalla Zonca 1978** = Giovanni Andrea dalla Zonca, *Vocabolario dignanese-italiano*, Trieste: Università popolare – Rovigno: Unione degli Italiani dell'Istria e di Fiume, 1978.
- Erjavec 1875** = Fran Erjavec, Iz potne torbe, *Letopis Matice slovenske za leto 1875*, Ljubljana, 1875, 218–228.
- Filipi – Buršić Giudici 1998** = Goran Filipi – Barbara Buršić Giudici, *Istrijski lingvistički atlas = Atlante linguistico istrioto*, Pula: Znanstvena udruga Mediteran, 1998.
- Francetić 2015** = Ivan Francetić, *Rječnik boljunskih govora*, izvorni rukopis uredila, priredila i popratila etimološkim komentarima Sandra Tamaro, Pula: Sveučilište Jurja Dobrile, 2015.
- Furlan 2012** = Metka Furlan, Primorsko gradivo z v iz b v širšem slovenskem in slovanskem kontekstu, *Jezikoslovni zapiski* 18 (2012), št. 1, 47–69.
- Furlan 2013** = Metka Furlan, Miklošičev adjektivizirajoči »suffix ъ«: da ali ne, v: *Miklosichiana bicentennialia: zbornik u čast dvestote godišnjice rođenja Franca Miklošiča*, ur. Jasmina Grković-Mejdžor – Aleksandar Loma, Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti, 2013, 247–263 (<https://www.sanu.ac.rs/Izdanja/ElIzdanja/PosebnaIzdanja674.pdf>).
- Furlan 2016** = Metka Furlan, *Prispevki k slovenski in slovanski etimologiji*, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2016 (Linguistica et philologica 32).
- Gigafida** = Korpus Gigafida (<http://www.gigafida.net/>).
- Gravisi 1943** = Gianandrea Gravisi, *I cortivani dell'agro capodistriano*, Parenzo: Stab. Tip. G. Coana & Figli, 1943.
- Gregorič 2014** = Jože Gregorič, *Kostelski slovar*, ur. Sonja Horvat – Ivanka Šircelj-Žnidaršič – Peter Weiss, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU – Občina Kostel, 2014.
- Jurišić 1973** = Blaž Jurišić, *Rječnik govora otoka Vrgade 2*, Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1973.
- Kalčić – Filipi – Milovan 2014** = Slavko Kalčić – Goran Filipi – Valter Milovan, *Rječnik roverskih i okolnih govora*, Pazin: Matica hrvatska – Zagreb: Naklada Dominović – Pula: Znanstvena udruga Mediteran, 2014.
- Králik 1993a** = Ľubor Králik, Slovenské zoonymá *Bodrik* a *Sáva*, v: *Varia* II, ur. M. Nábělková – P. Odaláš, Bratislava: Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV – Banská Bystrica: Pedagogická fakulta Univerzity Mateja Bela, 1993, 66–69.
- Králik 1993b** = Ľubor Králik, Hydronymia versus zoonymia (po pôvode niektorých zooným), *Slovenská reč* 55 (1993), št. 3, 156–164.
- Kurelac 1867** = Fran Kurelac, *Imena vlastita i splošna domaćih životin u Hrvatov a ponekle i Srbalj: s primětbami*, Zagreb: Troškom Svetozara Galca, 1867.
- Machek 1968** = Václav Machek, *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1968.
- Nemanić 1883** = Nemanić, *Čakavisch-Kroatische Studien: Erste Studie: Accentlehre*, Wien: In Commission bei Carl Gerold's Sohn, 1883.
- NP** = *Il nuovo Pirona: vocabolario friulano*, aggiunte e correzioni riordinate da Giovanni Frau per la seconda edizione (1922), Udine: Società filologica friulana, 2004.
- Osnoven 1983** = *Osnoven sistem i terminologija na slovenskata onomastika = Osnovnaja sistema i terminologija slavyanskoy onomastiki = Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik*, Skopje: Makedonska akademija na naukite i umetnostite, 1983.
- Pleteršnik** = Maks Pleteršnik, *Slovensko-nemški slovar 1894–1895*, elektronska izdaja, ur. Metka Furlan – Helena Dobrovoljc – Helena Jazbec, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2006.

- Ramovš 1997** = Fran Ramovš, *Zbrano delo* 2, ur. Jože Toporišič, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1997.
- Reichmayr 2005** = Michael Reichmayr, *Von Ajda bis Žuži*, Graz: Artikel-VII-Kulturverein für Steiermark, Pavelhaus/Pavlova hiša, Laafeld/Potrna, 2005.
- Ribarić 1940** = Josip Ribarić, *Razmještaj južnoslovenskih dijalekata na poluotoku Istri* = *Srpski dijalektološki zbornik* 9, Beograd: Srpska kraljevska akademija, 1940.
- Rjadčenko 1994** = N. G. Rjadčenko, *Zoonimija russkaja*, v: *Russkaja onomastika i onomastika Rossii: slovar'*, pod redakcijej akademika RAN O. N. Trubačeva. Moskva: Škola-Press, 1994, 73–84.
- Rosamani 1990** = Enrico Rosamani, *Vocabolario giuliano dei dialetti parlati nella regione Giuliano-Dalmata quale essa era stata costituita di comune accordo tra i due stati interessati nel convegno di Rapallo del 12-XII-1920*, Trieste: Edizioni Lint, 1990.
- RSKV** = *Rečnik srpskih govora Vojvodine* 1–10, ur. Dragoljub Petrović, Novi Sad: Matica srpska, 2000–2010.
- SLA** = Listkovno in zvezkovno gradivo za Slovenski lingvistični atlas, dialektološka sekcija Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU v Ljubljani.
- SP 2001** = *Slovenski pravopis*, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti – Znanstveno-raziskovalni center SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, 2001.
- SSKJ** = *Slovar slovenskega knjižnega jezika* I–V, Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1970–1991.
- Skok** = Petar Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* I–IV, Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.
- Skok 1912** = Petar Skok, *Mundartliches aus Žumberak* (Sichelberg), *Archiv für slavische Philologie* 33 (1912), 338–375.
- Šekli 2008** = Matej Šekli, *Zemljepisna in osebna lastna imena v kraju Livek in njegovi okolici*, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2008 (Linguistica et philologica 22).
- Štrekelj 1887** = Karl Štrekelj, *Morphologie des Görzer Mittelkarstdialektes mit besonderer Berücksichtigung der Betonungsverhältnisse*, Wien: In Commission bei Carl Gerold's Sohn, 1887.
- Toporišič 1992** = Jože Toporišič, *Enciklopedija slovenskega jezika*, Ljubljana: Cankarjeva založba, 1992.
- Varnikova 2011** = E. N. Varnikova, *Zoonimy: mesto v onomastičeskem prostranstve*, *Voprosy onomastiki* 10 (2011), št. 1, 51–62.
- Velčić 2003** = Nikola Velčić, *Besedar Bejske Tramuntane*, Mali Lošinj: Katedra Čakavskog sabora Cres-Lošinj – Beli: Tramuntana – Rijeka: Adamić, 2003.

SUMMARY

Animal names of hydronymic origin: Slovenian *Sebin/Sabin/Savin* and *Sava*

The Slavic animal name **Sava* (Slk. dial. *Sáva*, *Sávka*) as an apotropaic name could have only arisen along the course of the Sava River, and so its modern dialect distribution in Slovenian (Littoral *Sá:va* 'name for a cow', in Livek; Styrian '*sa:wa* 'idem.', in Meliše), with the distribution of its Slovenian and Croatian masculine equivalents (Sln. *sebin*, *sabîn*, *Savin*, *Sabína*, Cro. *Savin*, *Savîn*) and the feminine equivalents derived from them (Sln. *Sabína* < **Savina*, Cro. *Savîna*, *Savînka*), show that the ancestors of today's dialect speakers using these animal names were in direct contact with the basin of the Sava River. Animal names with the root *Sav-* may therefore be of use in studying dialect differentiation in the western South Slavic area.

MARIOLA JAKUBOWICZ

Z HISTORII NAZW ‘MIŁOŚCI’ W JĘZYKACH SŁOWIAŃSKICH

COBISS: 1.01

K zgodovini poimenovanj za ljubezen v slovanskih jezikih

Članek je posvečen starejšim in sodobnim opredelitvam ljubezni v slovanskih jezikih. Obravnavajo se tri besedne družine praslovanskega izvora, katerih pomeni se osredotočajo na razne vidike ljubezni od evangeljske ljubezni do bližnjega, danes štete za usmiljenje, do telesne ljubezni. Praslovanske besedne družine s temi pomeni slonijo na korenih **ljub-*, **lask-* in **mil-*. V članku je pozornost usmerjena predvsem na razlikovanje v oblikovanju pojmovnega polja ljubezen v posameznih jezikih.

Ključne besede: ljubezen, etimologija, semantični razvoj

A contribution to the history of the names of love in Slavic languages

This article is devoted to early and modern terms referring to ‘love’ in Slavic languages. Three lexical families of Proto-Slavic origin are discussed. Their meanings focus on various aspects of love, ranging from love of one’s neighbor (which is referred to as mercy today) to carnal love. The Proto-Slavic word families in which these meanings are realized are based on the roots **ljub-*, **lask-*, and **mil-*. The article directs the reader’s attention mainly to the diversity manifested in the development of the conceptual field of love in the individual languages.

Keywords: love, etymology, semantic development

Любови Викторовне о любви

W moim artykule przeznaczonym do księgi jubileuszowej ofiarowywanej Ljubow Wiktorownie Kurkinie pozwoiliam sobie nawiązać do imienia Jubilatki. Imię to, należące do trójcy cnót teologicznych wymienionych w drugim liście św. Pawła do Koryntian: WIARA, NADZIEJA, MIŁOŚĆ, a w języku rosyjskim: ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ, jest popularne w języku rosyjskim oraz w innych językach słowiańskich.

Czy może być imię piękniejsze niż ЛЮБОВЬ czyli MIŁOŚĆ?

W artykule chcę rozpatrzyć semantyczne i leksykalne pole tego pojęcia i wyrażających je leksemów zarówno w postaci rzeczownikowej, jak i czasownikowej. W językach słowiańskich konkurują z sobą trzy rodziny wyrazowe, do których należy większość leksemów z pola semantycznego MIŁOŚĆ.

- (1) **ljubъ*, **ljubiti*, **ljuby*, **ljubeznъ*, **ljubostъ*, **ljubovati*
- (2) **milъ*, **milostъ*, **milovati*, **militi*
- (3) **laska*, **laskavъ*, **laskati*

Szczególnie ciekawa w tym polu znaczeniowym wydaje się dystrybucja semantyczna poszczególnych rodzin wyrazowych w słowiańszczyźnie. W artykule prześlę, jakie miejsca w szeroko rozumianym polu znaczeniowym MIŁOŚĆ zajęły w różnych językach poszczególne kontynuanty. Zbliżony materiał, lecz w innych ujęciach metodologicznych, został przedstawiony też w artykułach Swiętłany Michajłowny Tołstoj (2012) i Jiřého Rejzka (2012).

1 ЛЮБОВЬ

Leksemy kontynuujące **ljubiti* i **ljuby*: ros. *любѣть, любовь*, ukr. *любіти, любов* brus. *любѣць, любоў* znaczą ‘amare’ i ‘amor’ we wszystkich językach wschodniosłowiańskich, choć w językach ukraińskim i białoruskim pod wpływem polskiego na pierwszy plan wysuwają się współcześnie inne leksemy: ukr. *кохати, кохання*, brus. *кахаць, каханне*. Drugim znaczeniem formy czasownikowej jest ‘lubić, znajdować upodobanie, przyjemność’. Z osłabieniem intensywności łączy się znaczne poszerzenia zakresu użycia. Kontynuanty **ljubiti* odnoszą się do ludzi, ale także do przedmiotów, miejsc i czynności. Kontynuanty rzeczownika **ljuby* (a właściwie formy **ljubъv*- występującej w przypadkach zależnych: serb. *љубав*, chorw. *ljubav*, mac. *љубов*, bułg. *любов*) pełnią rolę podstawowej nazwy miłości we wszystkich językach południowsłowiańskich, prócz słoweńskiego. Słwn. *ljubēzen* jest utworzone na bazie psł. **ljubeznъ*, a *ljubāv* w tym samym znaczeniu jest wyrazem przestarzałym.¹ Scs. *любы* jest bogato poświadczone. Poza ogólnym znaczeniem ‘miłość’, ma też znaczenia wyraźnie wskazujące na kierunek rozwojowy tego leksemu, mianowicie ‘pożądanie, żądza’, poświadczane są też zwroty o wyrażnie pejoratywnym wydźwięku: *любы дѣяти* to ‘cudzołożyć; uprawiać rozpustę’ (SJS 163–164). Znaczenia czasownika *любити* w scs. to ‘kochać’, ‘lubić’, ‘chcieć, pragnąć’ (SJS 158). Kontynuantów rzeczownika **ljuby* brak w językach zachodniosłowiańskich poza staroczeskim, gdzie leksem *ľubý* ma znaczenie ‘dilectio = miłość, oddanie, miłosierdzie’. Kontynuanty psł. **ljubiti* są obecne w językach zachodniosłowiańskich, jednak (z wyjątkiem języka słowackiego) brak w nich znaczenia ‘amare’. Już pierwsze zapisy staroczeskie i staropolskie notują przede wszystkim znaczenia osłabione w stosunku do ‘amare’. W słowniku języka staroczeskiego pod hasłem *ľubiti* znajdujemy znaczenia: ‘rād miti, milovati; gern haben, lieben’ (Gebauer 1970: 279). Znaczenie ‘milovati = kochać’ nieprzypadkowo zostało umieszczone na drugim miejscu, ponieważ nie jest poparte żadnym przykładem, por. „Bóh [...] chlúby *nelyuby*” ‘Bóg nie lubi chepliwości’, „Obětí proč buoh *nelibi* našich” ‘dlaczego Bóg nie lubi naszych ofiar’. Warto jeszcze

¹ Pleteršnik (1894: 524) notuje *ľubāv* w znaczeniach ‘Liebe’, ‘Liebesdienst, Gefälligkeit’, ale również w zwrocie: komu *na ľubav* ‘jemandem zulieb’ (co jest wariantem zwrotu: komu *na ľubo*).

dodać, że w czterech spośród pięciu przykładów czasownik *l'ubiti* ma postać zaprzeczoną. Więcej przykładów podaje Gebauer dla zwrotnej formy czasownika *l'ubiti se* 'podobać się', np. „co sě *lijbij* bohu, co *nelijbij*” ‘co się Bogu podoba, co nie podoba’. W ciągu wieków forma niezwrótta całkiem wyszła z użycia i współczesny język czeski zna tylko formę *libit se* ‘podobać się’ oraz zfrazeologizowane już: *si dát <nechát> libit něco* ‘pozwolić na coś’. W słowniku języka staropolskiego przykłady z niezwrótnym użyciem czasownika *lubić* zaświadczone są tylko wyjątkowo. „Bog nye chce szmyerczi grzesznego czlowyeka, ale wyaczey sprawyedlywego *luby*” „Bóg nie chce śmierci grzesznego człowieka, ale bardziej sprawiedliwego *lubi*’ oraz „Gdyby gednemv vidano prawo, czo by <go> nye *luby!*” ‘gdyby komuś wydano prawo, którego by nie *lubił*’ = ‘które by mu się nie podobało’. Znacznie więcej jest użyć czasownika *lubić się* w formie zwrotnej, wyraźnie wzorowanych na języku czeskim i zanikłych w późniejszych stadiach języka (SS 66–67). Współcześnie w języku polskim kontynuant psł. **ljubiti*, pozostając w tym samym kręgu semantycznym pozytywnego stosunku do drugiej osoby, oddaje ten stosunek z osłabioną intensywnością; znaczy tyle, co ‘odczuwać sympatię’. Pol. *lubić* może wręcz wystąpić jako antonim słowa *kochać*, np. „*lubię* ją, ale jej nie *kocham*”. W języku słowackim, inaczej niż w reszcie języków zachodniosłowiańskich, słowo *lubiť* zachowało znaczenie ‘kochać’ i występuje obok synonimicznego *milovať*. Najdalej od reszty języków odbiegły języki łużyckie, w których kontynuanty psł. **ljubiti* mają współcześnie znaczenia ‘obiecować; dawać słowo, przysięgać’² (głuż. *lubić*, dłuż. *lubiś*) obok ‘podobać się’ w użyciu nieosobowym. Znaczenie ‘lieben’ jest wyrażane przez inne czasowniki z rodziny *lub-*: głuż. *lubować* i dłuż. *lubować*, a rzeczownikowe znaczenie ‘Liebe’ w obu językach przez *lubosć*. Znaczenie ‘obiecować’ notuje też Pleteršnik (1894: 524) dla słoweńskiego *ljubiti*, którego podstawowymi znaczeniami są dziś ‘kochać’, ‘lubić’, a dawniej też ‘pieścić, całować’, a w użyciu nieosobowym ‘podobać się; smakować’. Serbski i chorwacki zachowały znaczenie ‘kochać’ dla czasownika *ljubiti*, natomiast w formie zwrotnej *ljubiti se* znaczy ‘całować się’. Znaczenia związane z pieszczotą nie są też obce czeskiemu, gdzie występują przy czasownikach prefigowanych: czes. *políbit* ‘pocałować’.

Oczywiście tak ważne pojęcia, jak MIŁOŚĆ i KOCHAĆ musiały być w jakiś sposób wyrażane również w tych językach, które, jak polski czy czeski, utraciły pierwotne znaczenie kontynuantów psł. **ljubiti* i **ljuby* i w ten sposób przechodziły do dalszych rodzin wyrazowych pochodzenia prasłowiańskiego: **milost*, **milъ*, **milovati* i **laska*.

2 Schuster-Šewc nie objaśnia tego specyficznego rozwoju znaczeniowego w słowniku etymologicznym (1983: 863). Być może jest on skutkiem deprefiksacji czasowników z przedrostkiem *s-*: głuż. *slubić*, dłuż. *slubiś*, które w znaczeniu ‘obiecować’ występują też w innych językach zachodniosłowiańskich.

2 MIŁOŚĆ

W języku polskim pojęcie AMOR wyrażane jest leksemem *miłość*. To znaczenie kontynuantów psł. **milostь* jest ograniczone do języka polskiego, natomiast w pozostałych językach słowiańskich odpowiedniki oznaczają przede wszystkim ‘łaskę, wielkoduszne postępowanie w stosunku do kogoś ze strony osoby wyżej postawionej’, a także ‘oszczędzenie kogoś; przebaczenie’, ‘miłosierdzie’. Stan ten ulegał zmianom na przestrzeni wieków. Podczas gdy dla leksemu *milostь* scs. zaświadcza jedynie znaczenia ‘miłosierdzie, łaska, zmiłowanie’ (w przekładach z greki na scs. nie spotyka się wcale odpowiedników *amor* czy *eros*), to w różnych językach południowosłowiańskich (serbskim, chorwackim i bułgarskim) pojawia się znaczenie ‘amor’ – zwykle z kwalifikatorem „przestarzałe”. W materiale staropolskim dla wyrazu *miłość*, oprócz znaczenia zgodnego z dzisiejszym ‘gorące przywiązanie do kogoś’, bardzo dobrze poświadczone są także znaczenia ‘miłosierdzie, litość, współczucie’, ‘łaska, zmiłowanie’, ‘przychylność, względy, życzliwość’ (SS 261–265). Dla odmiany w zabytkach staroczeskich z początku XV wieku znajdujemy jeszcze użycia, które z pewnością nie odnoszą się do miłosierdzia: „kdož srdečnú *mylostь* milují boha” ‘kto serdeczną miłością miłuje Boga’, „*milost* zažęci” ‘rozpalić miłość’, „*mylost* bude jako plamenem pláti” ‘miłość będzie jak płomieniem płonąć’ (Gebauer 1970: 361–362), natomiast dziś *milost* znaczy ‘łaska’.

Jednoznacznych przykładów na *miłość* w znaczeniu ‘amor’ nie znajdujemy w języku staroruskim, choć i w tym wypadku autorzy słownika SRJ XI–XVII wieku na podstawie cytatów podają dla staroruskiego *милость* znaczenie ‘*ljubov* = miłość’ (SRJ XI–XVII 155). Zdecydowanie lepiej poświadczone są jednak w tekstach staroruskich znaczenia ‘miłosierdzie, współczucie, łaska’, a także ‘jałmużna’ jako skutek wspaniałomyślności. Współcześnie ros. *милость* ma znaczenia ‘litość; łaska; miłosierdzie’, ‘współczucie’, podobnie w białoruskim, gdzie brus. *міласць* to ‘wspaniałomyślność; jałmużna’. Od tych dwóch języków odbiega ukraiński. Ukraiński słownik opisowy (USUM 452) nie podaje nawet osobnego leksemu *мілиць*, ale traktuje ten wyraz jako *nomen abstractum* od *мілий* ‘drogi, kochany’. Dawne ukraińskie *милость* ‘miłość’ (Hrinčenko 1908: 424) z pewnością wywodzi się z języka polskiego, a dziś jest zastąpione innym polonizmem *кохання*.

Psł. abstraktum **milostь* jest derywatem od **milь*. We współczesnych językach słowiańskich (np. czes. *milý*, ros. *милый*, bułg. *мил*) są dwa podstawowe znaczenia kontynuantów psł. **milь*, mianowicie ‘drogi, kochany’ i ‘sprawiający przyjemność, przyjemny’, z przewagą jednego bądź drugiego znaczenia w poszczególnych językach, przy czym, nawet jeśli w języku literackim funkcjonuje tylko jedno z tych znaczeń (por. pol. *miły* ‘przyjemny’), to drugie z nich ‘drogi, kochany’ jest widoczne w warstwie dialektalnej. Więcej uwagi należy poświęcić znaczeniu tego kontynuantu w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Najczęściej spotykane znaczenie przymiotnika *milь* w zabytkach scs. to ‘godzien miłosierdzia’. Znaczenie

‘drogi’ z przykładami „с’ милымъ своимъ отрокомъ, милаа моа дружино” występuje tylko w Legendach Waclawskich – zabytku zdradzającym wpływy czeskie. Problemem tym zajęła się w swoim artykule Žofie Šarapatková (2014: 95–98). Autorka sugeruje, że na powstanie cerkiewno-słowiańskiego znaczenia ‘godny litości’ miały wpływ wyrazy staro-wysoko-niemieckie: *miltī* ‘miłosierny, współczujący’, *milten* ‘okazywać miłosierdzie’, *miltida* ‘miłosierdzie’.

Czasowniki denominalne – kontynuanty psł. **militi* i **milovati* wykazują związek z współczesnymi znaczeniami kontynuantów **milь*. Kontynuanty **milovati* w językach czeskim i słowackim (czes. *milovat*, słc. *milovat’*) znaczą przede wszystkim ‘kochać’, ‘otaczać miłością, pieścić’. Przykłady na miłość, również seksualną, zaświadczone są już w staroczeskim, np.: „Když sě sběřeta, jeřto sě télesně *milugeta*” (Gebauer 1970: 364). W języku polskim dawne słowo *miłować* zostało zastąpione przez *kochać* i zachowało się tylko w określonych rejestrach, np. w języku religijnym; w tekstach staropolskich to ono w pierwszym rzędzie wyrażało pojęcie ‘amare’. Należy jednak zauważyć, że we wszystkich tych językach czasowniki prefigowane: pol. *zmiłować się*, ches. *smilovat se*, słc. *zmiловать sa*, mają znaczenie ‘zlitować się’. W językach południowosłowiańskich kontynuanty psł. **milovati* odnoszą się do fizycznego wyrażania miłości, niekoniecznie erotycznej, por. serb. i chorw. *milovati* ‘pieścić, głaskać, gładzić; kochać, lubić’, mac. *милува* ‘pieścić, przytulać’, ‘kochać’, bułg. *милувам, мѣлвам* ‘głaskać, gładzić wyrażając pieśczętę’, natomiast dial. ‘kocham’ (BER 789–790), słwn. *milovati* ‘całować’. Zwraca uwagę wyjątkowe w tej grupie znaczenie ‘współczuć’ słoweńskiego *milovati* (Pleteršnik 1894: 583). W tekstach staroruskich znajdujemy głównie znaczenia związane z pojęciem MIŁOSIERDZIA: *миловати* ‘okazywać miłosierdzie, współczucie; wspomagać, przebaczać’. Znaczenie ‘kochać, okazywać miłość, caritas’ także występuje w tekstach z tego samego okresu, jednak jest spotykane znacznie rzadziej (por. SRJ XI–XVII 151). We współczesnych językach wschodniosłowiańskich rosyjskim (*мѣловать*) i białoruskim (*мѣлаваць*) konkurują z sobą dwa znaczenia, z których jedno ‘litować się, darować winę, przebaczać’ kontynuuje staroruski cerkiewizm, drugie ‘pieścić, hołubić’ – traktowane w słownikach jako homonim – wywodzi się zapewne ze znaczenia ‘kochać’, dobrze zresztą poświadczonego w słowniku Dala (Dal 1881: 333), a do dziś obecnego w dialektach (SRNG 161). W języku ukraińskim czasownik *мѣлувати* znaczy tylko ‘darować winę, przebaczać’.

Kontynuanty **militi* mają znaczenia zróżnicowane, np. dawne pol. *milić* ‘pieścić’, chorw. i serb. *militi* ‘głaskać’, ale także ‘okazywać litość’, podobnie w słoweńskim: *militi* ‘żałować’, *se mi mili* ‘przykro mi’, ale także w znaczeniu ‘po-chlebiać’, ches. *militi* ‘sprawiać, że coś jest przyjemne’, a w formie zwrotnej ‘być przyjemnym, podobać się’.

Wyrażnie wtórne znaczenie kontynuantów obu psł. czasowników ‘pieścić, głaskać’ najprawdopodobniej powstało na podstawie znaczenia ‘amare’, czy to w odniesieniu do miłości erotycznej, czy też między rodzicami a dziećmi. Teoretycznie możliwy inny rozwój znaczeniowy, mianowicie ‘litować się nad kimś’,

‘żałować kogoś’, ‘uspokajać, pocieszać głaskaniem’, wydaje się mniej prawdopodobny z uwagi na widoczne w historii kontynuantów omawianej psł. rodziny dwa niezależne ciągi rozwojowe. Jeden oparty na rodzimym **miľ* ‘przyjemny, drogi, kochany’, drugi zaś oparty na znaczeniu powstałym pod wpływem obcym ‘godny zmiłowania’ (por. przedstawioną wcześniej hipotezę Šarapatkovéj).

Zreasumujmy. Skoro znaczenie przymiotnika **miľ* jest proste do zrekonstruowania i jest to znaczenie ‘drogi, kochany’, ‘sprawiający przyjemność’, abstractum od niego **miľostъ* powinno mieć znaczenie ‘bycie drogim, kochanym, miłym’. W tym stanie rzeczy najbardziej prawdopodobna wydaje się hipoteza, że odnoszące się do miłosierdzia znaczenia kontynuantów psł. **miľostъ* powstały pod wpływem znaczenia cerkiewno-słowiańskiego. Zbiorowa zmiana znaczenia tych wyrazów we wszystkich językach słowiańskich znajduje uzasadnienie w rozpowszechnieniu się znaczenia ‘łaska, litość, miłosierdzie’ poprzez przekłady Ewangelii, w której pojęcie miłosierdzia pełni kluczową funkcję.

3 LÁSKA

W językach czeskim i słowackim pojęcie AMOR wyrażane jest leksemem *láska*. Leksem ten wyraża miłość w ogólnym szerokim sensie. Mieści się tu zarówno miłość macierzyńska, zamięłowanie do czegoś, jak i – najbardziej reprezentatywna w powszechnym odbiorze – miłość między mężczyzną a kobietą, związana również z obcowaniem seksualnym. Znaczenie ‘miłość seksualna’ czeskiego i słowackiego *láska* jest poświadczane w przekładzie księgi Koheleta, gdzie „czas wstrzymywania się od pieszczot cielesnych” jest przetłumaczony jako „daleko byti ot *lasky*”. Inne poświadczenia zawarte w słowniku staroczeskim dotyczą szeroko pojętego znaczenia AMOR, np. *majíci otce svého v veliké laasce* (Gebauer 1970: 208). *Elektronický slovník staré češtiny* podaje następujące definicje: ‘przychylność, życzliwość’, ‘miłość; żądza, pożądanie’, ‘najwyższa cześć, stosunek między Bogiem a człowiekiem’ (ESSČ). Widać więc, że znaczenie ‘miłość’ istniało już na pewno w czasach pierwszych zapisów języka czeskiego. Nie inaczej przedstawia się historia słowa *láska* w języku słowackim. Bardzo wcześnie, bo już w XV wieku pojawia się zapis „*laska* vprzgmna a braterska lybost meczy nimi trwaty mogla” ‘szczerza miłość i miłość braterska między nimi trwać mogła’ (HSSJ: 196).

We wszystkich językach wschodniosłowiańskich słowem *láska* określa się wyrażanie uczucia, które nie jest miłością seksualną, a więc CARITAS; przede wszystkim miłość macierzyńską, miłość między członkami rodziny, ale także życzliwość, serdeczność, oraz fizyczne objawy czułości, czułe obchodzenie się z kimś; pieszczoty. Derywat czasownikowy ros. *ласкать* znaczy ‘być miłym dla kogoś, zwłaszcza dziecka’, ‘pieścić’, ‘pocieszać, uspokajać’, a *ласкаться* ‘przypochlebiać się’, brus. dawne *ласкати* ‘być czułym, pieścić’, ‘przypochlebiać się’ (HSBM: 299). Znaczenia, które występują w językach wschodniosłowiańskich, wydają się dotyczyć głównie pieszczot o nieerotycznym charakterze – między rodzicami a

dziećmi, niewykluczone jednak, że do ograniczenia pola użycia doszło ze względu na rozgraniczenie znaczeń słów *любовь* i *ласка*. Derywaty podkreślają aspekt czułości, chęci sprawienia przyjemności drogiej osobie, por. ros. *ласкавые слова*, *ласкавые обращения*. W tekstach stanowiących kanon staro-cerkiewno-słowiański brak kontynuantów psł. **laska*, pojawiają się natomiast derywaty; czasownik *ласкати* ‘pochlebiać’ i przymiotnik *ласкавъ* ‘przyjemny’. Samo *ласка* zapisane jest w XVI wieku w znaczeniu ‘pochlebstwo, przymilanie się’ (Miklosich 1862–1865: 333). Zbliżone znaczenia występują we współczesnych językach południowosłowiańskich. W bułgarskim *ласка* oznacza pieśczętę, czułość i tkliwość, natomiast w serbskim, chorwackim i macedońskim – pochlebstwo. Pol. *laska* ma znaczenie, które w większości języków słowiańskich wyraża się kontynuantami psł. **milostъ*. Nieco szersze było znaczenie tego słowa w okresie staropolskim. Stpol. *laska* ma albo znaczenie równe dzisiejszemu: ‘miłosierdzie, litość’, ‘życzliwość, względy, przychyłność’ albo odnosi się do miłości w sensie religijnym (tak w przekładzie fragmentu z Listu św. Pawła: „*lasky*, *miloscy caritatem non habeam*”, ‘a miłości bym nie miał’; „*wyara, nadzieja y laską*”, ‘wiarą, nadzieją i miłością’, SS 99).

Formalnie nie budzi wątpliwości związek psł. **laska* z przymiotnikiem **lasъ* ‘łasy’. Motywacja semantyczna omawianego teraz wyrazu ‘bycie łasym, chciwym, pożądanym’ wskazuje, że początkowo słowo to było związane z pożądaniem. Pozostaje zagadką, czy ta pierwotna konotacja rzeczywiście jest zachowane w wyrazach czeskich i słowackich, a całkowicie utracona w innych językach, czy też języki czeski i słowacki przypadkowo (choć już od pierwszych źródeł pisanych) wykorzystały kontynuanty psł. **laska* dla oddania pojęcia MIŁOŚĆ. Za tym drugim przemawia odosobnienie leksemy *láska* na gruncie samego języka czeskiego. Dla pojęcia KOCHAĆ wykorzystywany jest czasownik *milovat* (zgodny ze znaczeniem słowa *milost* w staroczeskim), ewentualnie kalka niemieckiego *gern haben* w postaci *mít rád*. Podobnie jest w języku słowackim, gdzie wykorzystywane są leksemy *ľúbiť* i *milovať*. Wydaje się więc, że hipotetyczne pierwotne znaczenie ‘pożądanie, miłość fizyczna’, oparte na budowie wyrazu i jego etymologii, w późnej epoce prasłowiańskiej już nie istniało, pozostawiając po sobie konotację pieśczętliwego dotyku.

ZAKOŃCZENIE

Z zestawienia trzech rodzin wyrazowych omówionych w artykule wynika, że należące do nich leksemy mogły dość swobodnie zmieniać swe miejsca w polu leksykalno-semantycznym oznaczające MIŁOŚĆ, odnosząc się do różnych rodzajów miłości określanych jako AMOR, CARITAS i MISERICORDIA. Przez porównanie z odpowiednikami w innych językach indoeuropejskich, które wskazują, że **ljub-* pierwotnie było związane z pie. **leubh-* ‘kochać, pożądać’ (pgerm. **leuba-* ‘drogi, kochany’, stind. *lubhyati* ‘pożądać’, łac. *libīdō* ‘żądza’), **mil-* z pie. rdzeniem **mej-* (por. lit. *mielas* ‘miły, przyjemny’, łac. *mītis* ‘łagodny’, stir. *mōeth* ‘miękki, delikatny’), a **las-* z pie. **lās-* (lit. *lasùs* ‘chciwy’, stind. *lasati* ‘pożą-

dać’) (np. Sławski 1952–1982 5: 21; 4: 353), można zrekonstruować pierwotną motywację omawianych w artykule prasłowiańskich nazw miłości. Z porównania wynika, że psł. rdzenie **ljub-* i **las-* predestynowane były do oznaczenia miłości fizycznej, zaś **mil-* przede wszystkim do uczucia. Pierwotna konotacja najlepiej zachowana jest w psł. **ljub-*, które utrzymało semantykę związaną z upodobaniem, przyjemnością, a więc nawiązującą do pierwotnego znaczenia skupionego na dążeniu do realizacji swych pragnień.

Zakończę życzeniami dla Ljubow Wiktorowny, aby i jej imię przyniosło realizację wszelkich jej pragnień.

LITERATURA

- BER** = *Български етимологичен речник* 3, ред. В. И. Георгиев, София: Издателство на Българската Академия на науките, 1986.
- Dal 1881** = Владимир Даль, *Толковый словарь великорусского языка* 2, С.-Петербург – Москва: Изд. М. О. Вольфа, 1881.
- ESSČ** (<http://vokabular.ujc.cas.cz>, verze dat 1.1.2, 7. 10. 2017).
- Gebauer 1970** = Jan Gebauer, *Slovník staročeský* 2, Praha: Academia, 1970.
- Hrinčenko 1908** = Борис Д. Гринченко, *Словарь української мови* 2, Київ: Редакція журналу Київська Старина, 1908.
- HSBM** = *Гістарычны слоўнік беларускай мовы* 16, ред. А. М. Булыка, Мнск: Беларуская навука, 1997.
- HSSJ** = *Historický slovník slovenského jazyka* 2, red. M. Majtán, Bratislava: Vydavateľstvo SAV Veda, 1992.
- Miklosich 1862–1865** = Franz Miklosich, *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, Wien, 1862–1865; Aalen: Scientia Verlag, 1977.
- Pleteršnik 1894** = Maks Pleteršnik, *Slovensko-nemški slovar* 1, Ljubljana, 1894.
- Rejzek 2012** = Jiří Rejzek, *Vyrazy pro lásku v češtině, polštině a jiných slovanských jazycích*, w: *Odkrywanie znaczeń w języku*, ur. A. Mikołajczuk – K. Waszakowa, Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2012, 280–285.
- Schuster-Šewc 1983** = Heinz Schuster-Šewc, *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache* 12, Bautzen: Domowina-Verlag, 1983.
- SJS** = *Slovník jazyka staroslovenského* = *Lexicon linguae palaeoslovenicae* 2, red. J. Kurz, Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1973.
- Sławski 1952–1982** = Franciszek Sławski, *Słownik etymologiczny języka polskiego* 4–5, Kraków: Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego, 1952–1982.
- SRJ XI–XVII** = *Словарь русского языка XI–XVII веков* 9, ред. С. Г. Бархударов – Р. Н. Кривко, Москва: Издательство Наука, 1982.
- SRNG** = *Словарь русских народных говоров* 18, ред. Ф. П. Филин, Ленинград: Издательство Наука, 1982.
- SS** = *Slovník staropolski* 4, red. S. Urbańczyk, Wrocław: Ossolineum, 1963–1965.
- Šarapatková 2014** = Žofie Šarapatková, *Poznámka k staroslověnskému adjektivu миль*, w: *Studia Borysiana: Etymologica – Diachronica – Slavica*, ur. M. Jakubowicz – B. Raszevska-Žurek, Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy SOW, 2014.
- Tolstaja 2012** = Светлана М. Толстая, *Лики любви в зеркале славянских языков*, w: *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука*, ur. Ю. Д. Апресян, Москва: Издательство Языки славянской культуры, 2012, 587–597.
- USUM** = Зоряна Куньч, *Універсальний словник української мови*, Тернопіль: Навчальна книга – Богдан, 2007.

POVZETEK

K zgodovini poimenovanj za ljubezen v slovanskih jezikih

V članku se obravnava semantika kontinuantov praslovanskih besednih družin (**ljubъ*, **ljubiti*, **ljuby*, **ljubeznъ*, **ljubostъ*, **ljubovati*, **milъ*, **milostъ*, **milovati*, **militi*, **laska*, **laskavъ*, **laskati*), ki v slovanskih jezikih zapolnjujejo široko razumljeno leksikalno-semantično polje LJUBEZEN. V tem polju so zajeti trije pojmi – AMOR, CARITAS in MISERICORDIA –, ki so pogosto predmet leksikalnih obdelav, usmerjenih v raziskavo razlik med temi pojmi. Zbrane so najstarejše in najnovejše razvojne stopnje posameznih slovanskih jezikov glede na pomenske spremembe, ki so nastale med temi stopnjami. Ugotovljeno je, da se ob glavni vlogi poimenovanja čustva ljubezni kontinuantni navedenih besed nanašajo na eni strani na podobo usmiljenja, na drugi na izražanje ljubezni, posebno starševske, z dotikom. Poskuša se pojasniti dejstvo razhajanja pomenov kontinuantov pridevnika **milъ* in samostalnika **milostъ*, verjetno izzvanega s tujim – nemškim – vplivom v slovanskih jezikih v zvezi s specifiko verskega besedja.

ILONA JANYŠKOVÁ

K VÝKLADU ČESKÝCH NÁZVŮ JANOVCE (SAROTHAMNUS)

COBISS: 1.01

K razlagi čeških imen za košeničico (*Sarothamnus*)

Članek podaja pregled dosedanjih razlag etimološko ne povsem jasnega češkega botaničnega termina *janovec*. Pojasnjuje semantično motivacijo čeških narečnih poimenovanj košeničice glede na semantične vzporednice v drugih jezikih.

Ključne besede: etimologija, semantična motivacija, češčina, ljudsko poimenovanje rastlin

Interpretation of Czech names for broom (*Sarothamnus*)

This article reviews interpretations of the etymologically unclear Czech botanical term *janovec* 'broom'. It clarifies the semantic motivation of Czech dialect names for broom, taking into account semantic parallels in other languages.

Keywords: etymology, semantic motivation, Czech, popular plant names

K rostlinám, které mají v češtině řadu nářečních ekvivalentů, a jsou tak zajímavé z hlediska jazykového, patří *janovec*. *Janovec* metlatý (*Sarothamnus scoparius* (L.) Koch) je keř z čeledi bobovitých (Fabaceae) s četnými prutovitými větvemi a nápadnými žlutými květy; plody jsou podlouhlé zploštělé lusky s četnými semeny. Celá rostlina je jedovatá, o jejích léčivých účincích se dozvídáme již z děl starověkých lékařů a farmakologů (Mathioli 1596: 453D).

Botanický termín *janovec*

Rodové jméno *janovec* představuje z hlediska etymologického tvrdý oříšek. Z pohledu jazykového je situace komplikována tím, že české *janovec* (s řadou variant ve staré češtině i v nářečích, viz níže) nemůžeme oddělit od tvarů s iniciálním *z-* (např. české dial. *zanovec* – Machek 1954: 118) či – v rámci ostatních jazyků slovanských – s iniciálním *ž-* (např. (staro)polské *żarnowiec* – Rostafiński 1900 1: 207). Navíc mezi příbuznými rody rostlin patřících do čeledi bobovitých (motýlokvětných) – týká se to zejména rodů *janovec*/*Sarothamnus*, čilimník/*Cytisus*, kručinka/*Genista*, jehlice/*Ononis*, žanovec/*Colutea* aj. – docházelo k záměně názvů rostlin, které spojovaly některé další charakteristické rysy (např. žlutá barva květů). České *janovec* má řadu forem ve staré češtině, srov. *janofít*, *janofiet*, *janosít*, *janosiet*, *janoset*, *janovít*, *janoviet*, *janobít*, *janobiet*, *janbik* 'janovec' i 'kručinka barvířská' / *Genista tinctoria* (ESStč), ale i v dialekttech, srov. *janoch*, *jenestr* (ALJ), *janestr*,

Článek vznikl v rámci projektu GA ČR č. 13–17435S.

zanovec (Machek 1954: 118–119), *jenestří* (Kosík 1941: 42; Hubáček 1949: 83), *janovní* (Hadač 1958: 57), *šenestr* (ALJ; Hadač 1958: 57) ‘janovec’, *jenestr* ‘janovec’ i ‘žanovec/Colutea’ (Kott 1910: 37). Pro ilustraci uvedeme alespoň několik příkladů i z dalších slovanských jazyků, které rovněž dokazují formální i významovou konfuzi: slovenské starší *zanoveť* ‘Cytisus’, *žanovec* ‘Colutea’ (Buffa 1972: 385, 390), hornolužické *žanowc* ‘Colutea’ (Lajnert 1954: 62), dolnolužické *zanowjeś* ‘jehlice trnitá / Ononis spinosa’ (Schuster-Šewc 1978–1996 4: 1780), polské *janowiec* ‘Genista’, *żarnowiec* ‘Sarothamnus’ aj. Ve východoslovanských jazycích je doloženo např. ukrajinské *зі́новать* ‘čilimník/Cytisus’, dial. ‘kručinka/Genista’, *зі́новать* ‘štírovník/Lotus’ (Makowiecki 1936: 163–164, 216), ruské dial. *жерновѣц* ‘janovec’ (Annenkov 1878: 153; SRNG 9: 142), z jazyků jihoslovanských sem patří například bulharské dial. *зі́новец*, *зі́новец*, *зі́новит* ‘čilimník/Cytisus’ (Achтаров 1939: 150; BER 1: 600), chorvatské *zănovijet*, srbské *zanovet*, *zanovijet* ‘Cytisus’ (Šulek 1879: 453; Simonović 1959: 160);¹ sln. *zanovet* tv. je – dle Pleteršnika – přejato ze srbochorvatštiny (Pleteršnik 1894–1895 2: 858).

Není jednoty ve výkladu uvedených slov, není ani možné rekonstruovat nějaké společné slovanské východisko. Miklošič (1886: 399) uváděl pod záhlavím *zanověť* tvary s iniciálním *za-* (např. polské *zanowiec*) i *ja-* (polské *janowiec*) ‘Genista’, které srovnával se středolatinským *janestaria* ‘ager genistis obsitus’.² Nejčastěji se uvažuje o románském původu s východiskem v latině. Latinské *genista*, *genesta* označovalo kručinku, konkrétně kručinku barvířskou (*Genista tinctoria*), která se od dávných dob používala v celé Evropě k barvení látek na žlutě. Latinské *genista*, vulg. latinské *genestra*, *genistra*, jež jsou nejasného původu (Ernout – Meillet 1959: 270), možná etruského (Walde – Hofmann 1938–1956 1: 591), mají pokračování v jazycích románských (např. starofrancouzské *genest*, *ginest*, francouzské *genêt*, italské *ginestra*) a jejich prostřednictvím i v jazycích germánských (německé *Ginster*, srov. EWAhd 4: 162–163). Ve slovanských jazycích slovo prodělalo změny ve slootovorbě (srov. zakončení slov) a v důsledku lidové etymologie zejména v první části slova. Předpokládáme, že původní jsou tvary na *ja-* a že lidově etymologické spojování s vlastním jménem *Jan* v češtině je až sekundární (je zřejmě spojeno s datem 24. června, svátkem Jana Křtitele: v tomto období se sbíral květ i nať janovce pro využití v lidovém léčitelství). Jiného názoru je Machek 1954: 118–119 (rovněž Machek 1957: 170; 1968: 216), který považoval za primární podobu *zanovec* z původního *za nova* (tj. *měsíce*), kdy se údajně měla tato magická rostlina³ sbírat, tvary na *ja-* vysvětloval rovněž příkloněním ke jménu *Jan*; pouze pro nářeční tvary *janestr*, *jenestr* předpokládal

1 Ke vztahu fytonyma *zanovet* ‘Cytisus’ a slovesa *zanovetamu* ‘žvanit, tlachat, žertovat aj.’ v. Bjeletić 2009: 29–34.

2 O spojení se středolatinským *janestaria* ‘pole porostlé kručinkou’ uvažoval ovšem již dříve Matzenauer 1870: 183.

3 Kašubské názvy janovce *djãbli ogón* a *djãblë zelë* (Sychta 1967–1976 1: 216; 6: 210) dokazují, že janovec je mezi lidem považován za magickou rostlinu.

Machek původ ze středolatinského **jenestra*. Ještě jinak vysvětluje české *janovec*, *zanovec* a další výše uvedené slovanské názvy Varbotová 1975: 32–33: rostliny řadí ke kořeni **nāu-/nū-* (> **naviti* ‘unavovat, vyčerpávat’, **nyti* ‘chřádnout’) a předpokládá starobylé střídání iniciálního *ja-/za-*; sémantickou motivací je pro ni jedovatost mnohých výše zmíněných rostlin (odmítl Schuster-Šewc 1978–1996 4: 1781 s poukazem na nedostatečné objasnění začátku slova). Loma (1990: 94–95) vidí ve fytonymu **zanověťb* ‘*Cytisus*’ kompozitum, jehož první částí je psl. **zona* ‘prázdné obilné zrno’ (< ie. **ken-/kon-* ‘prázdný’), druhá část slova odpovídá staroslověnskému *větvb* ‘větev’, s nímž příbuzné je psl. **vitva*, odkud je např. i polské *witwa* ‘vrba košíkářská / *Salix viminalis*’. Původní význam kompozita by tak podle Lomy byl ‘škodlivý keř’ v souvislosti s jeho jedovatostí.

Ostatní názvy

Lidé pojmenovávají rostliny z jiného pohledu než terminologického, všímají si místa a doby výskytu, nápadných vnějších znaků rostliny (barvy, tvaru květů, plodnosti aj.), charakteristického pachu rostliny či jejích částí, využití rostliny (např. jako materiálu pro různá řemesla, na krmení, jako potravy lesní zvěři, v lidovém léčitelství) aj. V následujících řádcích představíme zejména lidové názvy janovce, které žily či žijí na území naší vlasti, a které dokládají bohatou fantazii našich předků.

Celkový vzhled rostliny

Janovec je keř s četnými prutovitými větvemi, což reflektují i následující deriváty psl. **prŭtŭ* ‘prut’: české dial. *zající proutí* (Hadač – Hadačová – Spal 1964: 19; Hadač 1996: 15) a *zelený proutky* (Hadač 1958: 57; 1996: 15); stejné východisko platí i pro slovenský botanický termín *prútnatec* ‘*Sarothamnus*’ (Buffa 1972: 349) a pro hornolužické starší *prutowc* tv. (SSA 3: 308). Podobně motivováno je v druhé části kompozita i německé dial. *Hasenrute* (Marzell 1943–1979 4: 114), jež jako celek současně napovídá, že pruty janovce slouží jako potrava zajícům (viz níže).

Keře janovce tvořící hustý porost připomínají remíz, tj. křovinatý lesík v poli sloužící k úkrytu drobné zvěře. Tak objasníme motivaci pojmenování českého dial. *remís* ‘*Sarothamnus*’ (Hadač 1996: 15) a *revízek* tv. (Königsmark 1942: 28). Pro srovnání uvádíme i německé dial. *Heidenbusch* ‘*Sarothamnus scoparius*’ (Marzell 1943–1979 4: 120).

Žlutá barva květů

Nápadná žlutá barva květů janovce je motivačním východiskem pro pojmenování *kočičí zlato* ‘nepravé, falešné zlato’,⁴ jež jako lidový název pro ‘*Sarothamnus scoparius*’ uvádí bez lokace Rystonová (2007: 202); srov. i bulharské dial. *жълт цетилник* tv. (Achtarov 1939: 274).

4 Srov. popis janovce u Mathiola 1596: 453D „... nese květ žlutý co zlato“.

Tvar květů

Květy janovce tvarem připomínají ženskou botu, odtud pramení jeho jihozápadočeské nářeční názvy *pantofličky* (Kosík 1941: 84; Machek 1954: 119; Hadač 1958: 57; Hadač – Hadačová – Spal 1964: 18; Hadač 1996: 15, ALJ), *střevíček* (ALJ), *střevičky* (Machek 1954: 119; Hadač 1958: 57). Sémantickou paralelu nabízí německé dial. *Frauenschuh* a *Pantoffeln* ‘*Sarothamnus scoparius*’ (Marzell 1943–1979 4: 115).

Název *krutopysk* ‘*Sarothamnus scoparius*’ (uvádí mezi českými lidovými názvy janovce Rystonová 2007: 202), který by se sem motivací hodil, je slovenský – z Reussovy Květny Slovenska z roku 1854 (Buffa 1972: 315).

Doba květu

České dial. *jánský kvítí* ‘*Sarothamnus scoparius*’ (Hadač 1995: 163) představuje sousloví se specifickým adjektivem podle doby květu na svátek Jana Křtitele (24. června). Německý dial. název janovce *Pfingstblumen*, *Pfingstenblumen* (Marzell 1943–1979 4: 115) naznačuje, že janovec kvete o svatodušních svátcích.

Vlastnost plodů

České dial. *třesk* ‘janovec’ bylo zaznamenáno v Podkrkonoší: „třesk se bere na košťata“ (ALJ). Jde o deverbativum od onomatopoického slovesa *třeskat* ‘práskat, bouchat’. Motivace pojmenování je následující: zralé lusky se s chřestivým praskotem zkrucují a odmršťují daleko semena.

Připodobnění rostliny živočichům

Na Chodsku se pro janovec používají výrazy *švábí* (Jindřich 2007: 306), *švábí a šváboví* (Hadač – Hadačová – Spal 1964: 18–19), *švábín* (ALJ). Možné spojení se šváby vysvětluje Hadač 1996: 6 takto: „V práci Hadač et al. (1964) [= Hadač – Hadačová – Spal 1964: 48] jsme uvedli, že jméno šváboví pro janovec se vztahuje na černé lusky, které „rozšlápnuty hlasitě praskají.“ Nedořečeno bylo „jako když je rozšlápnut šváb. Ale k tomuto prasknutí není třeba rozšlapávat lusk. Za slunečného počasí přezralé lusky samy hlasitě praskají a vystřelují svá semena do okolí, což jistě vzbudilo pozornost dobrých venkovských pozorovatelů.“ Jiné vysvětlení nabízí při výkladu německého dial. *Schwoabekraut* ‘*Sarothamnus scoparius*’ Marzell 1943–1979 4: 122: „Der Strauch wird im Hause ausgelegt, dann kriechen die Schwaben (Küchenschaben, Blatta) darunter und gehen zugrunde oder können in ihrer Betäubung leicht gefangen und vernichtet werden.“

Rostlina jako potrava pro živočichy

Motivace následujících českých názvů je jasná, neboť zelené větve janovce slouží hlavně v zimě jako potrava především pro zajíce a srnčí zvěř: *zaječí*, *zaječinec* (Hadač 1958: 57), *zajičák* (Hadač – Tomková-Součková 1994: 14), *zaječina*,

zajči/zaječí chleba, *zaječí zeli*,⁵ *zaječí sanejstří* (ALJ), *zaječovní*, *zaječí jetel*,⁶ *zaječí proutí*, *zaječí žrádlo* (Hadač – Hadačová – Spal 1964: 51), *zaječí kvítí*, *zaječí listí* (Hadač 1996: 15). Četné jsou paralely nejen u jiných Slovanů, např. v dolnolůžickém dial. *uchacyna*, *uchacovyna* (< *uchac* ‘zajíc’) (SSA 3: 308), ale i například v německých dial. *Hasenkraut*,⁷ *Hasenruten* aj. (Marzell 1943–1979 4: 114, 116). Ve východomoravských nářečích (Kyjovsko) je ojediněle doloženo spojení *srnčí zeli* (ALJ), srov. německé dial. *Rehkraut* tv. (Marzell 1943–1979 4: 117).

Praktické využití rostliny

Tenkých ohebných větví janovce se používalo na výrobu košťat, jak dokládá české dial. *metlica* (Čouka 1929: 124); Jirásek – Zadina – Blažek 1957: 273 a Rystonová 2007: 202 uvádějí ještě jako lidové názvy *metlovka*, *metlovník* a *metlinie* (k poslednímu srov. slovenské *metlíní* u Palkoviče 1820–1821 1: 887) a rovněž *chvoště* a *chvoštěnka*, na Plzeňsku i *košťata*, *zelený na košťata* (Hadač 1958: 57). Názvy *metlica* aj. jsou deriváty praslovanského a všeslovanského **metъla*, derivátu slovesa **mesti* ‘mést, zametat’, *chvoště* a *chvoštěnka* (ke změně *chvoště* > *koště* srov. Gebauer 1894–1929 1: 461) vycházejí z původního **chvostъ*, snad deverbativa od **chvostati* (srov. stč. *chvostati* ‘šlehat, mrskat’ – ESSč) (Machek 1968: 282; Rejzek 2008: 80–81). Předpokládáme (třebaže nemáme doloženu lokaci názvů *chvoště* a *chvoštěnka*), že obě skupiny názvů (*metlica* versus *chvoště*) korespondují s diferenciací nářečního pojmenování pro svazek prutů sloužící k zametání, jak dokládá mapa ČJA 1: 343 (v Čechách *koště*, na Moravě *metla*). Stejný typ pojmenování janovce nacházíme v jazycích slovanských, např. v hornolůžickém *chošćowc* (Lajnert 1954: 62), odvozeném od *chošćo* ‘koště’, v bulharském dial. *черна метла* (Achtarov 1939: 274) aj., v němčině, srov. německé dial. *Bese(n)*, *Besenkraut* aj. ‘*Sarothamnus scoparius*’ (Marzell 1943–1979 4: 117–118) či v latinském botanickém termínu *Sarothamnus*, což je složenina z řeckého *σάρον* ‘koště’ a *θάμνος* ‘keř’ (Carnoy 1959: 235).

Přejaté názvy

Ve starších botanických příručkách (např. Sloboda 1852: 528; Polívka 1900–1904 2: 406 aj.) se pro *Sarothamnus scoparius* vyskytuje rovněž název *vítečník*. Podrobně o něm psal Machek (1954: 119), jehož názor zde stručně interpretujeme. Jméno *vítečník* zavedl J. S. Presl v díle (které napsal spolu s bratrem K. B. Preslem) *Flora*

5 Na Moravě je *zaječí zeli* nejběžnějším nářečním pojmenováním šťavele (*Oxalis*) (ČJA 2: 229).

6 U Kosíka 1941: 43 (s nespecifikovaným odkazem na Presla) nacházíme i název *jetelice* ‘*Sarothamnus*’, derivát českého *jetel*.

7 *Hasenkraut* ‘*Sarothamnus*’ uvádí i Hadač 1996: 15, informátorem byl ovšem muž z Plané u Mariánských Lázní, který chodil do německé školy. *Honzigraus* tv. (Hadač – Tomková-Součková 1994: 14) představuje zřejmě zkomoleninu, srov. německé dial. *Hos'nkraut*, *Rehgräs* aj. ‘*Sarothamnus scoparius*’ (Marzell 1913: 156).

čechica v roce 1819 pro *Spartium scoparium*, což je synonymní botanický termín pro *Sarothamnus scoparius*. V Mathioliho herbáři (Mathioli 1596: 453D) Presl zjistil, že pro *Spartium* má polština výraz *witeczki*, odtud zřejmě vytvořil české *vítečník*. Existuje i polský název *witecznik*, ten však označuje jinou rostlinu (Bosea) a je doložen později (Majewski 1889–1894 1: 483). Z hlediska etymologického je polské *witecznik* jasné: je to derivát od *witka* ‘tenká haluz’, deminutiva od *wić* ‘dlouhá větev, prut’, jež patří do rodiny slovanského *viti* ‘vít, plést’.

Přenesené názvy

Ze štědrince odvislého (*Laburnum anagyroides*), nazývaného *zlatý déšť* (Machek 1954: 118), byl název přenesen na janovec, srov. české dial. *zlatej déšť* ‘*Sarothamnus scoparius*’ (Hadač 1958: 57; 1996: 15), zřejmě na základě podobnosti žlutých květů obou keřů. Že nejde o jev ojedinělý, dokazuje i existence německého dial. *Wilder Goldregen* ‘*Sarothamnus scoparius*’ (Marzell 1943–1979 4: 118).

V Podkrkonoší je doložen pro janovec název *zimolez* (ALJ), který běžně pojmenovává jiný keř, *Lonicera*. O důvodech přenesení názvu na janovec můžeme spekulovat, jistým pojitkem by mohla být skutečnost, že zelené ratolesti obou rostlin, janovce i zimolezu, jsou dobrou zimní pastvou pro zvěř.

Nejasná motivace

Spojení *babí hněv* pro ‘*Sarothamnus*’ uvádějí různé příručky (např. Jirásek – Zádina – Blažek 1957: 273; Rystonová 2007: 202 aj.), ovšem bez jakékoliv lokace. Uvedené sousloví je etymologicky průhledné, obtížné je však odhalit důvod této motivace. Sousloví *babí hněv* je sice v českých nářečích známo, ale v odlišném významu ‘jehlice trnitá / *Ononis spinosa*’ (Sloboda 1852: 537; Bartoš 1886–1895 2: 505; 1906: 8) a ‘plody lopuchu (rod *Arctium*)’ (ČJA 2: 282). Název *babí hněv* lze v uvedených případech chápat jako metaforické žertovné pojmenování, jehož negativní charakter souvisí s ostnatostí jak keře *Ononis spinosa*, tak plodů lopuchu. Janovec ovšem žádné trny nemá.

Záhadou pro nás zůstává české dial. *jezumín* ‘janovec’, jež je zaznamenáno ojediněle v jihočeských nářečích (ALJ).

LITERATURA

- Achtarov 1939** = *Материали за български ботаничен речник*, събрани от Б. Давидов и А. Явашев, подредени от М. Шосев и П. Балабанова, допълнени и редактирани от Б. Ахтаров, София, 1939.
- ALJ** = Archiv lidového jazyka českého uložený v dialektologickém oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR v Brně.
- Annenkov 1878** = Николай И. Анненков, *Ботанический словарь*, Санкт-Петербург, 1878.
- Bartoš 1886–1895** = František Bartoš, *Dialektologie moravská* 1–2, Brno, 1886–1895.
- Bartoš 1906** = František Bartoš, *Dialektologický slovník moravský*, Praha, 1906.
- BER** = *Български етимологичен речник* 1–, ред. В. И. Георгиев – И. Дуриданов – Т. А. Тодоров, София, 1971–.

- Bjeletić 2009** = Мапра Бјелетић, Још једном о с.-х. занов(у)етату (проблеми етимолошке праксе), in: *Studia etymologica Brunensia* 6, eds. I. Janyšková – H. Karlíková, Praha, 2009, 27–36.
- Buffa 1972** = Ferdinand Buffa, *Vznik a vývin slovenskej botanickej nomenklatúry: k histórii slovenského odborného slovníka*, Bratislava, 1972.
- Carnoy 1959** = Albert Carnoy, *Dictionnaire étymologique des noms grecs de plantes*, Louvain, 1959.
- ČJA** = *Český jazykový atlas* 1–5, Praha, 1992–2005.
- Čouka 1929** = František Čouka, Lidové názvy rostlin z Moravy, in: *Časopis Vlasteneckého spolku musejního v Olomouci* 41–42 (1929), 122–124.
- Ernout – Meillet 1959** = Alfred Ernout – Antoine Meillet, *Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots*, Paris, 1959.
- ESStč** = Elektronický slovník staré češtiny (<http://vokabular.ujc.cas.cz>, 25. 7. 2017).
- EWAhd** = Albert L. Loyd – Otto Springer – Rosemarie Lühr, *Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen* 1–, Göttingen – Zürich, 1988–.
- Gebauer 1894–1929** = Jan Gebauer, *Historická mluvnice jazyka českého* 1–4, Praha, 1894–1929.
- Hadač 1958** = Emil Hadač, Lidové názvy vyšších rostlin Plzeňského okresu, in: *Sborník Vyšší Pedagogické školy v Plzni: biologie – chemie*, Praha, 1958, 37–70.
- Hadač 1996** = Emil Hadač, Lidová jména rostlin v západních Čechách, in: *Sborník Západočeského muzea v Plzni: příroda* 94 (1996), 5–22.
- Hadač – Hadačová – Spal 1964** = Emil Hadač – Alena Hadačová – Jaromír Spal, Jména rostlin na Chodsku, in: *Sborník Pedagogické fakulty Západočeské univerzity v Plzni: jazyk a literatura* 5 (1964), 5–60.
- Hadač – Tomková-Součková 1994** = Emil Hadač – Milada Tomková-Součková, Lidová jména rostlin z Podorlíč, in: *Panorama* 2 (1994), Dobré, 1–16.
- Hubáček 1949** = Jaroslav Hubáček, Lidové názvy rostlin na Uherskohradištsku, in: *Vlastivědný sborník okresu Uherskohradištského* 3, Uherské Hradiště, 1949, 82–83.
- Jindřich 2007** = Jindřich Jindřich, *Chodský slovník*, sestavil J. Kotal, Plzeň, 2007.
- Jirásek – Zadina – Blažek 1957** = Václav Jirásek – Rudolf Zadina – Zdeněk Blažek, *Naše jedovaté rostliny*, Praha, 1957.
- Königsmark 1942** = Josef Königsmark, Lidová jména rostlin na Rokycansku, *Naše řeč* 26 (1942), 28–29.
- Kosík 1941** = Vladimír Kosík, *Slovník lidových názvů rostlin*, Praha, 1941.
- Kott 1910** = František Št. Kott, *Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku moravskému*, Praha, 1910.
- Lajnert 1954** = Jan Lajnert, *Rostlinské jména serbske – němske – lačanske*, Berlin, 1954.
- Loma 1990** = Александар Лома, Позајмљенице из непознатог језика у прасловенском (Georg Holzer, Entlehnungen aus einer bisher unbekannten indogermanischen Sprache im Urslavischen und Urbaltischen), *Јужнословенски филолог* 46 (1990), 87–122.
- Machek 1954** = Václav Machek, *Česká a slovenská jména rostlin*, Praha, 1954.
- Machek 1957** = Václav Machek, *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, Praha, 1957.
- Machek 1968** = Václav Machek, *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1968.
- Majewski 1889–1894** = Erazm Majewski, *Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich* 1–2, Warszawa, 1889–1894.
- Marzell 1913** = Heinrich Marzell, *Die Tiere in deutschen Pflanzennamen*, Heidelberg, 1913.
- Marzell 1943–1979** = Heinrich Marzell, *Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen* 1–5, Leipzig, 1943–1979.
- Mathioli 1596** = *Herbář aneb Bylinář... Petra Ondřeje Mathiola...* z německého pak jazyka v český přeložený od Adama Hubera z Rysnbachu D. – Danyele Adama z Veleslavína, Praha, 1596.
- Matzenauer 1870** = Anton Matzenauer, *Cizí slova ve slovanských řečech*, Brno, 1870.
- Miklošič 1886** = Franz Miklosich, *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, Wien, 1886.
- Palkovič 1820–1821** = Juraj Palkovič, *Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch* 1–2, Praha, 1820–1821.
- Pleteršnik 1894–1895** = Maks Pleteršnik, *Slovensko-nemški slovar* 1–2, Ljubljana, 1894–1895.

- Polívka 1900–1904** = František Polívka, *Názorná květena zemí koruny české* 1–4, Olomouc, 1900–1904.
- Rejzek 2008** = Jiří Rejzek, *The Proto-Slavic Word-Initial ch-*, Praha, 2008.
- Rostařínski 1900** = Józef Rostařínski, *Symbola ad historiam naturalem medii aevi* 1–2, Kraków, 1990.
- Rystonová 2007** = Ida Rystonová, *Průvodce lidovými názvy rostlin i jiných léčivých přírodnin a jejich produktů*, Praha, 2007.
- Schuster-Šewc 1978–1996** = Heinz Schuster-Šewc, *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache* 1–5, Bautzen, 1978–1996.
- Simonović 1959** = Драгутин Симоновић, *Ботанички речник: имена биљака*, Београд, 1959.
- Sloboda 1852** = Daniel Sloboda, *Rostlinnictví čili Návod k snadnému určení a pojmenování rostlin v Čechách, Moravě a jiných zemích rakouského mocnářství domácích*, Praha, 1852.
- SRNG** = *Словарь русских народных говоров* 1–, Москва – Ленинград / Санкт-Петербург, 1965–.
- SSA** = *Sorbischer Sprachatlas = Serbski řečny atlas* 1–15, Bautzen, 1965–1996.
- Sychta 1967–1976** = Bernard Sychta, *Słownik gwar kaszubskich* 1–7, Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1967–1976.
- Šulek 1879** = Bogoslav Šulek, *Jugoslavenski imenik bilja*, Zagreb, 1879.
- Varbot 1975** = Жанна Ж. Варбот, К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен, in: *Этимология* 1973, Москва, 1975, 23–33.
- Walde – Hofmann 1938–1956** = *Lateinisches etymologisches Wörterbuch* 1–2, von Alois Walde, 3., neubearbeitete Auflage von Johann B. Hofmann, Heidelberg, 1938–1956.

POVZETEK

K razlagi čeških imen za košeničico (Sarothamnus)

Češki botanični termin *janovec* je etimološko nejasna beseda, ob njej je zabeleženo tudi narečno *zanovec* v enakem pomenu. Najbolj pogosto se misli na romanski izvor iz izhodiščem v latinščini. Latinsko *genista*, *genesta* je označevalo žoltovino (*Genista tinctoria*), ki se je nekdanj uporabljala po vsej Evropi za rumeno barvanje tkanin. Prvotne so očitno oblike na *ja-*, medtem ko je ljudskoetimološko vezanje z imenom *Jan* šele drugotno. Po Machku je prvotna oblika *zanovec* < **za nova* (*meseca*), Varbotova povezuje *janovec* z ide. korenem **nāu-*/**nū-* ‘mučiti, slabeti, padati od utrujenosti’ glede na strupenost rastline. Loma misli na **zanověť* < **zona* ‘prazno žitno zrno’ in **větvь* ‘veja’ s prvotnim pomenom *‘škodljiv grm’. Češka narečna imena so motivirana z zunanjim videzom rastline (*zajičí proutí*, *zelený proutky*, *remís*, *revízek*), barvo cvetov (*kočičí zlato*), obliko cvetov (*pantoflíčky*, *střevíčky*), časom cvetenja (*jánský kvítí*), lastnostjo plodov (*třesk*). V poimenovanju rastline so bogato zabeležena živalska imena (*švábí*, *zaječí*), motivacijska prvina je praktična uporaba rastline (*metlica*, *chvoště*). Prevzeto je *vítečník*, preneseno z drugih rastlin *zlatej děšť* in *zimolez*. Nejasna je motivacija v besedni zvezi *babí hněv*, nerazloženo ostaja češko nar. *jezumín*.

HELENA KARLÍKOVÁ

ČESKÝ ZOOLOGICKÝ TERMÍN *zlak* – NOVOTVAR NEBO VÝPŮJČKA?

COBISS: 1.01

Češki zoološki termin *zlak* – neologizem ali izposojenka?

V češko zoološko imenoslovje je termin *zlak* uvedel J. S. Presl za ustreznik latinskega ihtiološkega termina *coryphaena*. Beseda *zlak* kot poimenovanje ribe je očitno omejena samo na češčino, v nobenem drugem slovanskem jeziku se s to besedo ne poimenuje riba. Namen prispevka je pojasniti izvor tega češkega imena ribe.

Ključne besede: češčina, zoološka terminologija, ihtiologija, etimologija, izposojenke

The Czech zoological term *zlak*: A neologism or borrowing?

The term *zlak* was introduced to Czech zoological terminology by J. S. Presl, who created it as an equivalent of the Latin ichthyological term *coryphaena*. As a fish name, the word *zlak* is probably limited to Czech only; it designates a fish in no other Slavic language. The article clarifies the origin of this Czech fish name.

Keywords: Czech, zoological terminology, ichthyology, etymology, loanwords

V českém ihtiologickém názvosloví má své pevné místo termín *zlak nachový* (*Coryphaena hippurus* L.). *Coryphaena hippurus* je ryba podtřídy *paprsokoploutví* (Actinopterygii), řádu *ostnoploutví* (Perciformes), čeledi *zlakovití* (Coryphaenidae). Řád *ostnoploutví* je na druhy nejbohatším řádem kostnatých ryb, je popsáno 20 podřádů a asi 200 čeledí (Kratochvíl – Bartoš 1954: 305). Slovo *zlak* jako pojmenování ryby je podle všeho omezeno pouze na češtinu, v žádném jiném slovanském jazyce se tímto slovem, pokud je mi známo, tento druh ryby neoznačuje, a to ani jako odborný termín, ani jako výraz běžného jazyka.

Do českého zoologického názvosloví zavedl termín *zlak* Josef Svatopluk Presl¹ (žil v letech 1791–1849), který jej vytvořil jako ekvivalent latinského názvu *coryphaena* (< ř. *κορυφαίνα*). Presl se, jak známo, věnoval české vědecké terminologii po celý svůj život a výsledkem jeho úsilí je česká terminologie botanická, paleontologická, mineralogická, chemická, technologická a v neposlední řadě zoologická.²

Návrh zoologické terminologie publikoval v několika pokračováních v časopise Krok, jehož byl „zakladatelem, vydavatelem a častým přispěvatelem“ (Havlová 1992: 205). V duchu tehdejších obrozeneckých snah usiloval o vědec-

Príspevok vznikl v rámci projektu Grantové agentury České republiky, reg. č. 13-17435S.

1 Termín *zlak* Presl poprvé uveřejnil v časopise Krok I, č. 4, 1823, na str. 107.

2 Podrobně o jeho životě a díle srov. především Hoffmannová 1973.

ké názvosloví české, zbavené všech cizích, především neslovanských termínů. Tam, kde s češtinou nevystačil, přejímal slova ze slovanských jazyků (především z ruštiny a polštiny, ale i ze srbštiny, chorvatštiny nebo slovinštiny): „Kde naše čeština nestačila, tuť jsem se ubral k polštině, ruštině a jiným nářečím slovanským. Protož však neviniž mne nikdo z popoľšťování nebo porušťování; jestiť lépe přijímati jména příbuzná a jazyk náš slovy zbratřenými, toliko u nás vymřelými obohacovati, nežli z nova a často nešťastně stvořenými, neb dokonce cizími ponešvařovati.“ (Presl 1821, I/2: 68). Z neslovanských jazyků přejímal jen ve velmi omezené míře. Zvláštní skupinu tvoří Preslovy vlastní novotvary. Podle jaké metodologie Presl postupoval a jakými slovotvornými, případně motivačními hledisky se řídil, když vytvářel nová slova, o tom se lze jen domýšlet, sám autor žádné záznamy o svých postupech nezanechal. Proto právě tyto novotvary zůstávají často etymologicky neprůhledné. A u slov „formálně zcela jasných [...] někdy chybí sémantická motivace“ (Havlová 1992: 209).

Pokud jde o substantivum *zlak*, může to být jeden z Preslových novotvarů, ale může to být též výpůjčka. Nejasná je i sémantická motivace tohoto slova. V českém lexikálním systému má toto slovo izolované postavení, nejen pokud jde o význam, ale i pokud jde o formu. Nejasný zůstává i původ tohoto slova, podle dostupných informací se jeho původem zatím nikdo nezabýval.

Dá se předpokládat, že název byl motivován nějakým typickým znakem týkajícím se vzhledu, nebo určitým výrazným rysem v chování této ryby. Ačkoli Presl postuluje slovo *zlak* jako náhradu za lat. *coryphaena*, motivačně tomuto řecko-latinskému termínu evidentně neodpovídá: ř. *κορυφαίνα* je derivát substantiva *κορυφή* ‘vrcholek, temeno’ (Frisk 1954–1972, 1: 926). Motivací tohoto pojmenování je nejspíš výrazně zploštělý tvar hlavy této ryby. Má totiž „hlavu vpředu jako by uťatu, neboť čelo velice příkře spadá dolů“ (Brehm 1929: 304). Srov. shodně motivované r. *тынозолóв* (Lindberg 1980: 182), srb. *зрбóглāвка* (RSANU 3: 589).

Nabízí se v zásadě dvě možnosti výkladu, žádná však není zcela uspokojivá:

- 1 *Zlak nachový*, obecným pojmenováním nověji též *doráda* nebo *koryfěna* (*Coryphaena hippurus* L.), je dravá ryba, která žije v teplých mořích celého světa. Vyznačuje se nápadným zelenomodrým a zlatým zbarvením: „Za bezvětří [...] září zlak, plove-li na hladině vodní, barvou zářně modrou nebo nachovou, s překrásným kovovým leskem, měnícím se ve všechny možné odstíny podle toho, je-li právě ve stínu nebo na slunci. Jedině ocas podržuje svoji zlatožlutou barvu. Vytáhneme-li však zlaka z vody na palubu, počne se jeho barva hned měnit v barvy jiné, neméně skvostné. Zářné zbarvení nachové a zlaté přechází v lesknoucí se barvu stříbrnou, po níž ještě tu a tam uzmáme nádech do zlatova a nachu. A tak se barvy mění drahnou chvíli, poznenáhlu však ubývá jim sytosti, až konečně vyblednou v jednoduchou barvu hnědošedou.“ (Brehm 1929: 304–305).

Právě nápadným zlatožlutým zbarvením ocasní ploutve je motivován název této ryby v románských jazycích:³ it. *orata*, šp. *dorada* (> fr. *dorade*), port. *dorado*, *dourada*, vše ‘pražma zlatá, zlak nachový’; v řadě slovotvorných variant je tento název doložen i v chorvatštině, což podle Skoka (1971–1974, 2: 581) dokládá, že jde o dalmátsko-románskou izoglosu: *òvrata*, *obrata*, *lovràta*, *lòvrata*, *òvratìca* apod. Z románských jazyků se rozšířil tento název i do dalších evropských jazyků včetně češtiny (srov. např. č. *doráda*, p. *dorada*, r. *ðopádo*, něm. *Dorade*, aj.); zlatá barva se objevuje v synonymním něm. pojmenování *kleine Goldmakrelle* (→ p. *zlota makrela* – Majewski 1894: 243; r. *золотая макрель*, *золотистая макрель* – Lindberg 1980: 182), dán. *guldmakrel*, švéd. *guldmakrill*, nor. *gullmakrell*, aj. V souvislosti s uvedenými názvy se nabízí otázka, zda i č. *zлак* nebyl motivován zlatou barvou, a zda tedy nebyl Preslem vytvořen na bázi adjektiva *zlatý*. Psl. adjektivum **zoltъ* ‘zlatý’ (> č. *zlatý*) je utvořeno sufixem **-to-* od *o*-ového ablautového stupně ie. kořene **ǵhel(H₃)-* ‘svítit, třpytit se, lesknout se; (o barvách) zelený, žlutý, modrý apod.’. Za východisko slova *zлак* však tvar **zoltъ* patrně být pokládán nemůže, protože by předpokládal rozšíření o sufix **-kъ* a současně zánik předcházejícího sufixu *-tъ-*, a takový vývoj je málo pravděpodobný.⁴

Pravděpodobnější se proto zdá možnost, že Presl nevytvořil nové slovo, ale převzal do češtiny už slovo hotové, byť významově odlišné. Č. *zлак* je totiž totožné s r. arch. *злак* ‘trávitá rostlina různého druhu’. V ruštině (a stejně tak v ukrajinštině – ukr. arch. *злак* ‘tráva’, běloruštině – br. *злакі* pl. ‘druh rostlin’, a v bulharštině – b. *злак* ‘zeleň’) jde o církevní slavismus, o přejetí stsl., resp. csl. substantiva *злакъ* ‘zeleň, zelený porost’. Psl. východisko se většinou rekonstruuje jako **zolkъ*, což je *o*-ový ablautový stupeň k psl. **zel-* obsaženému např. též v psl. **zelenъ* ‘zelený’ (ie. kořen je stejný jako v případě **zoltъ* ‘zlatý’, tedy ie. **ǵhel(H₃)-*) (Orel 2007–2011, 1: 401; ESB 3: 334 aj.) Spíše pro přejetí než pro novotvar hovoří skutečnost, že formy s krátkým *-a-* před koncovým *-k* nejsou pro Preslovo zoologickou terminologii typické. Často se sice v jeho návrhu zoologické terminologie (Presl 1821) objevují názvy tvořené derivačním sufixem *-ák* (např. *křidlák*, *brňák*, *struňák*, *mnohoperák*, *zubeňák* a mnoho dalších), ale tvarů s krátkým *-a-* je minimum (v ichtyologickém názvosloví není s výjimkou *zlaka* žádný, a v jiných třídách se formy s krátkým *-a-* vyskytují jen marginálně, snad jen *vakodlak* a několik dalších). Proč Presl sáhl v ruštině právě po tomto slově, které nadto ani neoznačuje rybu, ale rostlinu, se lze jen domýšlet. Možná se tímto slovem pokusil zachytit obě nápadné barvy na těle této ryby, a to jak zelenou, tak zlatou, neboť v základu *zla-* jsou implikovány obě.⁵

3 Základem těchto pojmenování je střlat. adjektivum *aurata* f. ‘pozlacená, zdobená zlatem; zlatá’ < lat. *aurum* ‘zlaté’.

4 K vývoji sufixální formace *-tъ-kъ* srov. Meillet 1902: 333–335.

5 Přenesení rostlinného názvu na živočicha, v tomto případě na rybu, není úplně výjimečné. Srov. např. srb.-ch. *podlanica* ‘jméno rostliny’ (Šulek 1879: 300) a ‘mořská ryba *ovrata*’ (ARj 10: 253).

- 2 Dalo by se však uvažovat i o jiné motivaci pojmenování *zлак*, a to v souvislosti s tím, že *dorády* jsou dravé ryby, které loví především ve vyšších vodních vrstvách a dychtivě se vrhají na menší druhy ryb vyskakujících nad hladinu. Pokud by se dalo vyjít z této motivace, pak by *zлак* mohl souviset se stč. slovesem *lákati* ‘dychtit’ (Gebauer 1903–1916, 2: 201) a č. st. *zlákati* ‘sežrat, polknout, zhltnat’ (Jungmann 1835–1839, 5: 692) (< psl. **olkati*⁶) a motivací pojmenování bylo to, že *zлак* je žravá, hltavá ryba. Tento výklad ovšem oslabuje jednak fakt, že žádnou analogickou motivaci pro pojmenování ryby se mi nepodařilo najít, jednak skutečnost, že č. st. sloveso *zlákati* (které by bylo dobrým východiskem pro substantivum *zлак*) uváděné Jungmannem je pouze jediným a navíc sporným dokladem tohoto slovesa.

Ačkoli etymologie slova *zлак* není zcela jednoznačná, dá se přesto říct, že potvrzuje Preslovu terminologickou strategii, tedy úsilí o zachování pokud možno slovanského odborného názvosloví.

LITERATURA

- ARj** = *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* I–XXIII, Zagreb: JAZU, 1880–1976.
- Brehm 1929** = Alfred Brehm, *Ryby a obojživelníci*, přepracovali W. Kahl, O. Steche, V. Franz a F. Werner, přeložil a doplnil Václav Voska, Praha: Nakladatelství J. Otto, 1929.
- ESJS** = *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* I–XIV, Praha: Academia, 1999–2008, XV–, Brno: Tribun EU, 2010–.
- ESBr** = *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* I–, Мінск, 1978–.
- Frisk 1954–1972** = Hjalmar Frisk, *Griechisches etymologisches Wörterbuch* I–III, Heidelberg: Carl Winter – Universitätsverlag, 1954–1972.
- Gebauer 1903–1916** = Jan Gebauer, *Slovník staročeský* I–II, Praha: Československá akademie věd, 1903–1916.
- Havlová 1992** = Eva Havlová, Několik poznámek k počátkům české zoologické terminologie, *Naše řeč* 75 (1992), 205–211.
- Hoffmannová 1973** = Eva Hoffmannová, *Jan Svatopluk Presl – Karel Bořivoj Presl*, Praha: Melantrich, 1973 (Odkazy pokrokových osobností naší minulosti 34).
- Jungmann 1835–1839** = Josef Jungmann, *Slovník česko-německý* I–V, Praha, 1835–1839.
- Kratochvíl – Bartoš 1954** = Josef Kratochvíl – Emanuel Bartoš za spolupráce 60 československých zoologů, *Soustava a jména živočichů*, Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1954.
- Lindberg aj. 1980** = Георгий У. Линдберг – Александр С. Герд – Теодор С. Расс, *Словарь названий морских промысловых рыб мировой фауны*, Ленинград: Наука, 1980.
- Majewski 1894** = Erazm Majewski, *Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich II: słownik łacińsko-polski*, Warszawa: nakładem autora, 1894.
- Meillet 1902** = Antoine Meillet, *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, Paris, 1902.
- Orel 2007–2011** = Vladimir Orel, *Russian etymological dictionary* I–IV, Canada: Octavia & Co. Press, 2007–2011.
- Presl 1821** = Josef Svatopluk Presl, Navrzení soustavy živočichů dle tříd, řádů a rodů, a spolu pokus zčeštění potřebných v živočišstvu názvů, *Krok: veřejný spis všeučený pro vzdělance národu Česko-Slovanského* I, č. 2 (1821), 67–84, č. 3 (1822), 116–129, č. 4 (1823), 104–109.

6 K původu tohoto psl. slovesa v. ESJS 7: 399–400.

RSANU = *Речник српскохрватског књижевног и народног језика* I–, Београд: Институт за српски језик САНУ, 1959–.

Skok 1971–1974 = Petar Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* I–IV, Zagreb: JAZU, 1971–1974.

Šulek 1879 = Bogoslav Šulek, *Jugoslavenski imenik bilja*, Zagreb, 1879.

POVZETEK

Češki zoološki termin *zлак* – neologizem ali izposojenka?

Češko ime ribe iz družine Coryphaenidae *zлак* je termin, ki ga je v češko imenoslovje uvedel J. S. Presl. Kakor kaže, s to besedo ni poimenovana riba v nobenem drugem slovanskem jeziku. Izvor besede ni jasan in sporna je tudi njena semantična motivacija. Avtorica se v prispevku sprašuje, ali je češ. *zлак* Preslov neologizem ali izposojenka iz kakšnega slovanskega jezika. Primerjava z analogno motiviranimi imeni te ribe v drugih (ne le slovanskih) jezikih in besedotvorna analiza te besede se nagibata k sklepu, da se od dveh možnih razlag javlja za bolj verjetno tista, ki *zлак* postulira kot izposojjo iz ruskega samostalnika *zлак* 'travnata rastlina različne vrste'.

ĽUBOR KRÁLIK

ПРАСЛАВ. ДИАЛ. **drynъ* ~ СЛОВАЦ. ДИАЛ. *driňica* 'ОГРАДА; ОГОРОЖЕННОЕ МЕСТО' И РУС. ДИАЛ. *zádryna* 'БРЕВЕНЧАТЫЙ ЗАБОР, БРЕВЕНЧАТАЯ СТЕНА'?

COBISS: 1.01

Psl. nar. **drynъ* – slovaš. nar. *driňica* 'ograda; ograjen prostor' in rus. nar. *zádrypa* 'brunasta ograja, brunasta stena'?

Članek je poskus etimološke interpretacije slovaš. nar. *driňica* 'ograda; ograjen prostor' (gl. Slovar slovaških narečij, geslo *drienica*). Po avtorjevem mnenju izhaja beseda iz prvotnega **drynъnica* 'ograda iz kolov ipd.' izpeljanega iz psl. nar. **drynъ* in rekonstruiranega po leksičnem gradivu vzhodnoslovanskih jezikov (rus. nar. *dryn* 'palica, žrd, kol, gorjača' idr.). Ni jasno, ali spada sem tudi rus. nar. *zádrypa* 'brunasta ograja, brunasta stena' (če gre za nepravilno branje zapisa **zádryna*, od **zadrynit* 'zagraditi z drinami ipd.'?).

Ključne besede: etimologija, slovaščina, ruščina, praslovanski leksični dialektizmi, poimenovanja ograj

Proto-Slavic dial. **drynъ* ~ Slovak dial. *driňica* 'fence; fenced-in place, enclosure' and Russian dial. *zádrypa* 'fence, wall made of logs'?

This article presents an etymological interpretation of Slovak dial. *driňica* 'fence; fenced-in place' (cf. the *Dictionary of Slovak Dialects*, s.v. *drienica*). In the author's opinion, the word may be traced back to **drynъnica* 'fence made of wood', derived from Proto-Slavic dial. **drynъ*, whose reconstruction was based solely on lexical evidence from East Slavic languages (Russian dial. *dryn* 'piece of wood; pale, stake, stick, log', etc.). It is not clear whether Russian dial. *zádrypa* 'fence, wall made of logs' also belongs here (an erroneous reading for **zádryna*, derived from **zadryniti* 'to fence in with logs, etc.'?).

Keywords: etymology, Slovak, Russian, Proto-Slavic lexical dialectisms, names of fences

Академический «Словарь словацких диалектов» (SSN 1: 389) содержит статью *drienica* 'огороженное место для скота или домашних птиц'; эта лексема иллюстрируется следующим примером из говоров центральной области бывшего Спишского комитата восточнословацкой диалектной зоны: *Zrop ti sebe driňicu a ňprejdz e ci krava do sušeda!* «Сделай себе *driňicu* и твоя корова не зайдет к соседу!» (село Спишски-Штврток, район Левоча). На первый взгляд, передача диалектизма¹ *driňica* в виде *drienica* может казаться вполне

Статья написана при поддержке Научного грантового агентства Министерства образования, науки, исследовательской деятельности и спорта Словацкой Республики и Словацкой академии наук (VEGA; проект № 2/0136/16). – За корректуру текста автор приносит искреннюю благодарность Е. Л. Березович.

1 Согласно концепции словаря, заглавное слово словарной статьи имеет «фонетически и орфографически нормализованную форму... Диалектные лексические единицы, не име-

адекватной, так как дифтонгу *ie*, существующему в фонетико-фонологической системе словацкого литературного языка, соответствует в говорах центрального Спиша гласный *i*; ср. словац. литер. *bieda* 'бедность', *biely* 'белый' и спишское диал. *bida*, *bili* (Krajčovič 1988: 279; ср. также Štolc 1994: 112).

Выбор формы заглавного слова для словарной статьи в то же время ведет к размышлениям об этимологии лексемы. Представляются возможными две версии семантической интерпретации указанного диалектизма. — 1. Слово *drienica* по своей форме близко словацкому фитониму *drieň* 'кизил обыкновенный (*Cornus mas*)', на основе чего можно высказать предположение, что первичным значением диал. *drienica* могло быть *'заросшее кизилом место',² откуда, вероятно, *'расчищенный от зарослей кизила участок' > '(находящееся на нем огороженное) место для домашних животных'.³ — 2. Словац. *drieň* '*Cornus mas*' представляет собой рефлекс праслав. **dern'ь*,⁴ связываемого с праслав. **derti* (словац. *driet'* 'тереть, натирать'), **dъrati* (словац. *drat'* 'драть'). От глагола **dъrati* образовано также праслав. **dъranica* (ЭССЯ 5: 217; SP 3: 228, s. v. *dъranica* 2), к которому восходит и словац. диал. *dranica* 'неплодородное поле': может быть, словац. *drienica* представляет собой параллельное образование, предполагающее **dernica*, от **derti*?⁵ В таком случае значение слова *drienica* могло развиваться в направлении *'неплодородное поле' > 'место, употребляемое не для выращивания сельскохозяйственных культур, а для содержания животных и т. п.'.

Хотя указанные попытки объяснения спишского диал. *driňica* нельзя, вероятно, безоговорочно отвергнуть, мы считаем возможным предложить для указанного слова альтернативное объяснение.

По нашему мнению, здесь мы имеем дело с одним из случаев, когда «[з]а определением, даваемым лексикографическими источниками, [...] стоит не совсем ясное представление о реалии или действии» (Куркина 2011: 22).

На такую мысль наводит уже внеязыковой контекст самого высказывания, приведенного в качестве примера употребления слова *driňica* (см.

► ющие формальных эквивалентов в литературном языке..., приводятся в форме, какую бы они имели (с учетом соответствующих фонетических изменений и этимологии) в литературном языке» (SSN 1: 29).

2 Такую семантическую мотивацию можно предположить и для многочисленных словацких топонимов от корня *drieň*-, см. о них работу картографов И. Горнянского и Р. Смычковой (Horňanský – Smyčková 2000).

3 Предполагаемое семантическое развитие представляется возможным с учетом ситуаций, когда «расчистка лесного участка производилась с целью получения свободного пространства, которое в дальнейшем могло быть использовано под пастбище, строительство дома и т. п.» (Куркина 2011: 36).

4 См. ЭССЯ 4: 208 (s. v. **dernъ*), SP 3: 47 (s. v. *dern'ь*). — Палатальный согласный *ň* в словац. литер. *drieň* указывает на исходную **io*-основу (**dern'ь*); об образованиях от словац. диал. *drien* как возможного прямого рефлекса праслав. **dernъ* (**o*-основа) в топонимии Словакии см. Horňanský – Smyčková 2000: 292–294.

5 См. соответствующие рассуждения авторов «Праславянского словаря» (SP 3: 229).

выше).⁶ Судя по всему, речь идет о ситуации (несомненно, вряд ли желательной), когда чей-то скот заходит «*do sušeda*», т. е. к соседу, на чужой участок, являющийся чужой собственностью; в высказывании говорится о том, что нечто, называемое *driňica*, поможет решить эту проблему. Но действительно ли необходимо соорудить здесь «огороженное место», т. е. место, обнесенное со всех сторон оградой и т. п.?

Ознакомившись с соответствующей статьей в «Словаре словацких диалектов», мы сделали осторожный вывод о том, что здесь могла иметься в виду более простая (и, следовательно, требующая меньших усилий и затрат) реалья, ограничивающая скот в движении, – «ограда для двора или участка, обозначающая их границы и защищающая их от нежелательного проникновения посторонних людей и животных» (Botík online). В Словакии чаще всего встречались «ограды с прибиваемыми вертикально шестами, брусками-рейками и с досками, укрепляемыми на столбовой конструкции» (Botík online); в контексте темы нашей заметки нам представлялось функционально вполне достаточным примитивное ограждение, состоящее из двух или трех параллельных горизонтальных шестов или бревен, прикрепленных к вертикальным опорным столбам.

В ходе последующей проверки материала лексической картотеки «Словаря словацких диалектов» в Отделе диалектологии Института языкознания им. Л. Штура Словацкой академии наук в Братиславе мы обнаружили всего две фиксации словац. диал. *driňica* (обе из села Спишски-Штврток) – в одном случае в значении ‘огороженное место, где днем содержатся гуси’ (запись от 1967 г.), в другом ‘ограда из горизонтально прибитых планок’ (1975 г.). К сожалению, в самом «Словаре словацких диалектов» указанная семантика отражена недостаточно адекватно.

Значение типа ‘ограда’ в словац. диал. *driňica*, вероятно, первично; на его основе могло возникнуть и (вторичное) значение ‘место, огороженное оградой’. Такое же семантическое развитие («Название переходит на огороженное место», Куркина 2011: 221) наблюдается и в случае рефлексов праслав. **obgordь*/**obgorda*/**obgordь* (словац. *ohrada* ж., диал. и *ohrad* м. ‘ограда, забор; загон’, рус. *огород*, диал. и *огорода*, и т. д.; см. ЭССЯ 27: 7–12) как обратного производного – несомненно, первоначального помет *actionis*, – от глагола **obgorditi* (к его рефлексам ср. ЭССЯ 26: 235–237).

Небезынтересно упомянуть также словац. диал. *kolok*, обычно мн. ч. *kolky* ‘деревянный загон для гусей или свиней’ (SSN 1: 802, s. v. *kolík* и *kolok¹*). *Kolok* – уменьшительное производное от словац. *kôl* ‘кол’; с семантической точки зрения, по-видимому, ‘(деревянные) колышки > *‘ограда из

6 Ср. в связи с этим ценные методологические указания юбиляра: «Весьма существенна роль контекста, детальный анализ высказываний информантов, записей живой диалектной речи, приведенной в лексикографическом источнике в качестве материала, иллюстрирующего употребление слова в том или ином значении...» (Куркина 2011: 23).

них’ > ‘огороженное (ею) место’, причем *kolok* ед. ч. ‘огороженное место’ могло возникнуть в результате универбации атрибутивного словосочетания типа **kolkový plot* ‘ограда, забор из колышков’. Приведенный словацкий диалектизм указывает и на вероятную семантическую мотивацию диал. *drīnica*: может быть, и эта лексема образована от какого-то слова со значением ‘(деревянный) кол и т. п.’, обозначавшего предмет, употребляемый для строительства оградений.

В связи с этим представляет особый интерес праслав. **drynъ* (**drūno-*), реконструированное О. Н. Трубачевым – при учете лексического материала иранских языков⁷ – на основе рус. *дрын* ‘дубинка, палка’, известного русскому просторечию (ср. Трубачев 1975: 135); к обзору рефлексов слова в славянских языках – рус. диал. *дрын*, укр. диал. *дрин*, *дрін*, брус. диал. *дрын* (‘палка; жердь; кол; дубина и т. п.’) – см. ЭССЯ 5: 145 и SP 5: 33 (s. v. *drynъ* ‘kij, żerdź, pałka, laska, polano, bierwiono’).⁸

В таком случае мы считаем возможным предложить для словац. диал. *drīnica* этимологическую интерпретацию **drynъnica* – вероятно, это суффиксальный дериват от **drynъna*, которое могло возникнуть в результате субстантивации относительного прилагательного **drynъnъ*, употреблявшегося в словосочетании **drynъna obgorda*⁹ и т. п.; ср. следующую словообразовательную характеристику праслав. **koľna*: «Производное с суф[фиксом] -ьна от **koľъ*... По-видимому, первоначальное прилаг[ательное], возможно, в составе двучленного наименования типа **koľna хуѡа*...» (ЭССЯ 10: 169, s. v. **koľna*).

В контексте словакистики реконструкция «**drynъnica* > спишское диал. *drīnica*» представляется вполне приемлемой. Рефлексом праслав. *у в спишских говорах является гласный переднего ряда *i* (ср. Krajčovič 1988: 279); палатальный согласный *ň* возник в результате позиционного смягчения (*ni* > *ňi*) из первоначального *n* как рефлекса группы *-*ny-*, после падения редуцированного *ь в слабой позиции перешедшей в *-*nn-* и подвергшейся дальнейшему упрощению в *n*, так как в спишских говорах нет геминированных согласных (Krajčovič 1988: 280; см. также Stanislav 1967: 689). Учитывая вышесказанное, следовало бы оформить соответствующее заглавное слово в «Словаре словацких диалектов» скорее в виде *drynnica*.

В свете предложенной этимологической интерпретации представляется также возможным уточнить лингвогеографическую характеристику праслав. **drynъ*, для которого в обоих цитированных словарях праславянской лексики приводятся только рефлексy из восточнославянского ареала (см. выше), на основе чего «Праславянский словарь» использует по отношению к этой

7 См. ЭСИА 2: 362 и сл. («**drūna-*, **drunā-*, **drauna-*... из арийск. **drunā-*», с привлечением древнеиндийского материала и дальнейшей литературой вопроса).

8 В словарях Р. Дерксена (Derksen 2008) и Э. Клоца (Klotz 2017) лексема отсутствует.

9 Ср. также упомянутое выше словац. **kolkový plot*.

лексеме эксплицитную формулировку «wsch.» (wschodnie, восточное). Однако словац. диал. *drīnica* может свидетельствовать о том, что праслав. **dryнь* существовало и у западных славян. В таком случае наша этимологическая заметка вносит свою скромную лепту и в изучение диалектной структуры праславянского языка, также относящееся к широкой сфере научных интересов юбиляра (см. Куркина 1992).

В заключение укажем и на возможную словацко-восточнославянскую параллель, связанную с использованием производных от рефлексов праслав. **dryнь* для обозначения ограждений. В «Словаре русских народных говоров» приводится существительное *зáдрына* ‘бревенчатый забор, бревенчатая стена’ (СРНГ 10: 69: псков.); в «Псковском областном словаре» (ПОС) соответствующая статья отсутствует. В названных лексикографических источниках нам не удалось найти лексем с корнем *дрып-*, которые представляли бы собой подходящую (в семантическом плане) основу для образования слова *зáдрына* как обозначения указанной реалии. Поэтому напрашивается вопрос, не относится ли форма *зáдрына* к случаям, «фиксация которых... вызвана неверным чтением полевых эксплораторских записей» (Журавлев 1995: 183). Оставляя окончательное решение этого вопроса за российскими коллегами, мы все-таки считаем возможным высказать следующее предположение: может быть, *зáдрына* – ошибочное прочтение¹⁰ записи **зáдрына*, одновременно позволяющей сделать также вывод о существовании производящего глагола **задрынить* ‘загородить *дрынами*,¹¹ оградой из *дрынов* и т. п.’?

ЛИТЕРАТУРА

- Журавлев 1995** = Анатолий Ф. Журавлев, Лексикографические фантомы. 1. СРНГ, А–З, в: *Dialectologia Slavica: сборник к 85-летию С. Б. Бернштейна*, Москва: Издательство «Индрик», 1995 (Исследования по славянской диалектологии 4), 183–193.
- Куркина 1992** = Любовь В. Куркина, *Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики*, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1992.
- Куркина 2011** = Любовь В. Куркина, *Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка*, Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2011.
- ПОС** = *Псковский областной словарь с историческими данными*, Ленинград (Санкт-Петербург): Издательство Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета, 1967–.
- СРНГ** = *Словарь русских народных говоров*, Ленинград (Санкт-Петербург): Наука, 1965–.
- Трубачев 1975** = Олег Н. Трубачев (рец.), В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. II: L–R, Л., 1973. 448 стр., *Вопросы языкознания* 1975, № 1, 131–135.

10 К возможности смешения рукописных букв *и* и *п* ср. также форму *гасник* ‘снурок, которым стягиваются шаровары, порты’ вместо *гасник* = *гашиник* (< *гачник* < праслав. **gatiŋnikъ* – ЭССЯ 6: 108; SP 7: 67–68); см., с дальнейшей литературой, Шаповал 2010: 146. – См. также Шаповал 2011: 110–112 (глава «Смешение двухэлементных букв»), 189–191.

11 К словообразовательной модели ср. рус. диал. (твер.) *зазаборить* ‘поставить забор между столбами, закрыть расстояние между столбами забором’ (СРНГ 10: 89), разг. *зарешетить* ‘закрыть, заделать решеткой’ и т. п.

- Шаповал 2010** = Виктор В. Шаповал, Выявление ошибочных написаний заглавных слов в словаре, в: *Вестник Челябинского государственного университета* 2010, № 17 (198: Филология. Искусствоведение 44), 144–148.
- Шаповал 2011** = Виктор В. Шаповал, *Типология ошибок в заглавном слове и других частях словарной статьи: введение в критику словарей*, Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011.
- ЭСИЯ** = Вера С. Расторгуева – Джой И. Эдельман, *Этимологический словарь иранских языков*, Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000–.
- ЭССЯ** = *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд*, Москва: «Наука», 1974–.
- Botík online** = Ján Botík, Plot, в: *Tradičná ľudová kultúra Slovenska slovom a obrazom* (<http://www.ludovakultura.sk/index.php?id=1895>, 15.03.2017).
- Derkzen 2008** = Rick Derksen, *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*, Leiden: Brill, 2008.
- Hornňanský – Smyčková 2000** = Imrich Hornňanský – Radomíra Smyčková, Príspevok k štandardizácii geografických názvov so slovotvorným základom drien, в: *Vlastné mená v jazyku a spoločnosti: 14. onomastická konferencia: Banská Bystrica 6.–8. júla 2000: zborník referátov*, zost. Jaromír Krško – Milan Majtán, Bratislava: Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV – Banská Bystrica: Fakulta humanitných vied – Pedagogická fakulta UMB, 2000, 291–294.
- Klotz 2017** = Emanuel Klotz, *Urslawisches Wörterbuch*, Wien: Facultas Verlags- und Buchhandels AG, 2017.
- Krajčovič 1988** = Rudolf Krajčovič, *Vývin slovenského jazyka a dialektológia*, Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1988.
- SP** = *Słownik prasłowiański*, Wrocław etc.: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974–.
- SSN** = *Slovník slovenských nářečí*, Bratislava: Veda, 1994–.
- Stanislav 1967** = Ján Stanislav, *Dejiny slovenského jazyka I: úvod a hláskoslovie*, Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1967.
- Štolc 1994** = Jozef Štolc, *Slovenská dialektológia*, z autorovej pozostalosti na vydanie pripravil Ivor Ripka, Bratislava: Veda, 1994.

POVZETEK

Psl. nar. *drynъ – slovaš. nar. driňica ‘ograda; ograjen prostor’ in rus. nar. zádrypa ‘brunasta ograja, brunasta stena’?

Slovar slovaških narečij razlaga besedo *driňica*, zabeleženo v vzhodnoslovaški regiji Spiš, kot ‘ograjen prostor za živino ali perutnino’; za podani dialektizem se v slovarju rekonstruira (ob upoštevanju predpostavljenih fonetičnih in etimoloških ustreznici v knjižnem jeziku) normalizirana oblika *drienica*, uporabljena za geslo danega slovarskega članka. V slovarju podano sobesedilo, ki ponazarja rabo besede *driňica*, daje misliti na nerelevantnost navedenega pomena. Po slovarski kartoteki v Jezikoslovnem inštitutu Ľudovíta Štúra Slovaške akademije znanosti v Bratislavi je beseda zabeležena v pomenih ‘ograja iz vodoravno pribitih desk’ (po avtorjevem mnenju prvotna semantika) in ‘ograjen prostor, kjer se podnevi držijo gosi’ (drugotni pomen). Glede na to bi se slovaš. nar. *driňica* vezalo na prvotno *drynъnica ‘ograda iz kolov ipd.’ kot izpeljanka iz psl. nar. *drynъ, rekonstruiranega po leksičnem gradivu vzhodnoslovaških jezikov (rus. nar. ‘palica, žrd, kol, gorjača’ itn.); slovaški dialektizem kaže tudi na obstoj psl. *drynъ v zahodnoslovaškem arealu. Ni pa jasno, ali spada sem tudi rus. nar. (pskov.) *zádrypa* ‘brunasta ograja, brunasta stena’: v članku se dopušča, da je navedena oblika lahko posledica napačne interpretacije (mešanje rokopisnih črk *n* in *p*?) zapisa *zádryna, iz rus. *zadryniť ‘zagraditi z drynami’.

АЛЕКСАНДАР ЛОМА

К ВОПРОСУ О И.-Е. **-tro-*, **-d^hro-* В ПРАСЛАВЯНСКОМ

COBISS: 1.01

Ide. **-tro-*, **-d^hro-* v praslovanščini?

Pregledujejo se možnosti različnih odrazov pide. pripon za nomina instrumenti **-tro-* in **-d^hro-* v praslovanščini in baltoslovanščini. Posebna pozornost je posvečena možnosti, da se psl. **odrъ* 'lesena konstrukcija' in **bedro* 'pasni del telesa' razložita kot izpeljanki na **-d^hro* iz pide. **b^her-* 'nositi' oziroma **h₂er-* 'sklepati', z regresivno disimilacijo korenskega *r* v obeh primerih.

Ključne besede: indoevropska nomina instrumenti, baltoslovanščina, disimilacija, **bedro*, **odrъ*

Proto-Indo European **-tro-*, **-d^hro-* in Common Slavic?

This article deals with possible instances of PIE nomina instrumenti in **-tro-* and **-d^hro-* reflected in Common Slavic and Balto Slavic, with special regard to the possibility of interpreting CSI. **odrъ* 'wooden construction' and **bedro* 'waist < belt' as derivatives formed with the suffix **-d^hro* from PIE **b^her-* 'to carry, bear' and **h₂er-* 'to fit together', respectively, with regressive dissimilation of the root *r* in either case.

Keywords: Proto-Indo European nomina instrumenti, Balto Slavic, dissimilation, **bedro*, **odrъ*

- 0 Рассматривая лексико-словообразовательные диалектизмы западно- южнославянского ареала, наш юбиляр Любовь Викторовна в том числе приводит суффикс **-tra*, выделяемый в словен. *vītra* 'прутья для плетения; годовой прирост, годовое кольцо (о дереве)', с.-хорв. диал. *vitra* 'слой, пласт, стружка', прутья для плетения решета', *vītrice* мн. 'прутья для плетения корзин', чеш. *vitra* 'жгут, прут',¹ добавляя, что в балтских языках точное соответствие образует лтш. *vītra* 'вьющееся растение'.² Поскольку нет сомнения, что все сближаемые формы восходят к глагольному корню прасл. **vi-ti*, лит. *vū-ti*, лтш. *vī-t*, следовало бы признать балто-славянскую древность суффикса *-trā*, восходящего к и.-е. *-treh₂* для образования nomina

1 Сюда не относится *Vitrina*, название ямы, впадины (RJA XXI, 46, Далмация) < **Vētr̥na*, ср.: „Подземне шупљине, које имају по два отвора на површини ... кроз које стално јури јака промаја [зову се] ... ветрње јаме (РСА 2: 557a s.v. *вѣтрњѣ*, *Вјѣтреница* пећина у Херцеговини (ib. 692b s.v.).

2 Куркина 1992: 173; сближение восходит к словарю Миленбаха и Эндзелинса (Mülenbahs – Endzelīns 4: 648); принято, м. пр., О. Н. Трубачевым (1967: 41) и Фр. Безлаем (Bezljaj 1967: 124; ср. он же 2003: 307), опущено Дерксом в обоих его словарях (Derksen 2008, 2015).

instrumenti, но всё не так просто. Речь идет о суффиксе столь редком в славянских и балтских языках, что некоторыми оспаривается его существование и предлагаются другие анализы слова: как производного на -ra от варианта корня с расширением -t³ или как отражения древнего имени деятеля **uēiH-ter-*;⁴ Махек даже сомневался в принадлежности чеш. *vitra* к **viti*.⁵ С подобной дилеммой, превращающейся в трилемму, мы сталкиваемся при анализе прасл. **větrь* ‘ветер’, но прежде чем перейти к частным проблемам, необходимо дать краткий обзор общей проблематики, связанной с праиндоевропейскими *nomina instrumenti* и их продолжениями в балтском и славянском.

- 1 Для праиндоевропейского реконструируются четыре суффикса, с помощью которых от глагольных основ образовались *nomina instrumenti*, т.е. названия орудий действия: *-trom, *-d^hrom, *-tlom и *-d^hlom.⁶ В исторически засвидетельствованных индоевропейских языках они отражены неравномерно, в результате фонетического совпадения между собой или вытеснения одних другими. В индоиранском, в котором утратилось различие между двумя и.-е. плавными, *-tlo- и *-d^hlo- совпали с *-tro- и *-d^hro-, тогда как в германском в силу действия закона Вернера трудно различать отражения *-tlo- и *-d^hlo-, *-tro- и *-d^hro-.⁷ В балто-славянском фонетические конвергенции такого рода не произошли, но по какой-то причине продуктивность сохранили из четырех суффиксов только два, содержащие плавный l: *-d^hlo- и *-tlo-. Предполагается, что балто-славянской языковой общности сосуществовали оба, а потом в славянском обобщился *-d^hlo- > прасл. *-dlo-, в балтском — *-tlo- > др.-прuss. -tlan, лит. -klas.⁸ Чтобы пояснить себе процесс, в ходе которого в балто-славянском, при его обособлении из праиндоевропейского языкового континуума, число и.-е. суффиксов

3 Vaillant 1979: 642 (не упоминает латышское слово, а для расширенной основы указывает на *vitilū* ‘винт, мотовило’, о котором см. ниже § 2.2.4, прим. 29). И Скок исходил из **vit-ica*, предполагая вставной характер r в *vitrice* (Skok 3: 600).

4 М. Фурлан в Bezlaž 4: 326, там приводимое русск. диал. *viter* не указывает, вопреки автору, на прасл. **vitrь* m.; слово отмечено в СРНГ 4: 301 как «*витерь*, и, ж. [удар.?). Рыболовная снасть, сплетенная из ниток, без горла внутри. Север., 1872. Олон.», приведено в качестве параллели слов., чеш. диал. (мор.) *vitra* в Куркина 1970: 102; возможно, что речь идет о преобразовании собирательного **vitryje*.

5 Machek 1968: 692–693: «*lze snad je spojit s ví-ti. Ale přípona -tra je jinak vzácná.*»

6 Наряду с ними встречаются варианты *-treh₂, *-d^hreh₂, *-tleh₂, *-d^hleh₂, которые надо считать вторичными, возникшими в результате сингуляризации множественного числа o-основ среднего рода.

7 Brugmann 1906: 344; Vaillant 1979: 420; Olsen 1988: 6. О смешении *-tro- и *-d^hro- в греческом см. ниже, § 4.2.

8 Предполагается (Vaillant 1979: 421), что *-tlo сохранилось в славянском у типа на -slo, а именно, что славянский, располагая суффиксами -dlo и *-tlo, обобщил -dlo за гласными и *-tlo в более сложных сочетаниях *-zdlo, и *-ztlo; это самый простой способ объяснить производные на -slo от основ на -z- и -d- вроде **veslo* (**vez-*), *prešlo* (**pred-*).

для *nomina instrumenti* сократилось вдвое, а потому в каждом из его двух ответвлений свелось к одному, кратко затронем вопросы возникновения и развития данной группы формантов.

1.1 При изофункциональности четырех суффиксов, фонетическая близость между ними с давних пор наводит на мысль об их общем происхождении. Согласно преобладающему мнению, надо исходить из **-trom* как тематизированного варианта суффикса **-ter-/tor-/tr-* для *nomina agentis*, в том смысле, что именам деятеля вроде **h₂arh₃-tér-/tor-* ‘пахарь’ > гр. ἄροτήρ, лат. *arātor* противопоставлялись тематизированные формы неодушевленного рода на *-tro-*, представляющие собой названия соответствующих орудий, в данном случае **h₂arh₃-tro-* ‘соха, орало’ > гр. ἄροτρον, арм. *arōr*, лат. *arātrum*, др.-ирл. *arathar*, др.-исл. *arðr*.⁹ Вариант **-tlo-* несложно выводится из **-tro-* путем диссимилиации, происшедшей в производных с этим суффиксом от корней, заканчивающихся на *-r(H)*; **-d^hlo-* тем же способом возводимо к **-d^hro-*; только возникновению варианта со звонким придыхательным пока нет надежного объяснения. Высказано предположение, что он возник путем уподобления *-t-* предшествующим *b^h*, *g^h*, но нет доказательства, что закон Бартоломе действовал уже в праиндоевропейскую эпоху.¹⁰ Не исключено, что с самого начала существовали два разнородных суффикса, **-tro-* и **-d^hro-*, каждый из них с двумя позиционными вариантами: **-tro-* и **-tlo-*, **-d^hro-* и **-d^hlo-* соответственно.

2 Как бы то ни было, в развитии данных образований важную роль сыграла дистантная диссимилиация плавных. В своих различных видах; прогрессивная или регрессивная, результирующая либо в изменении одного из плавных, либо в его выпадении, она наблюдается в разных языках на разных хронологических уровнях.

2.1 В вышеприведенном примере, древнему производному **h₂arh₃-tro-*, отраженному в пяти ответвлениях и.-е. языка (§ 1.1), противостоят лит. *árklas*, латыш. *ar̃kls* и стсл. *palo*, серб. *pǎlo*, чеш. *radlo* и т.д. Трудно полагать, что в

⁹ Ср. NIL 322 и далее, там и о вторичности *-ā-* в латинских формах.

¹⁰ Хотя Бругман отвергнул до тех пор сделанные попытки возвести **-d^hro-*, **-d^hlo-* к **-tro-*, **-tlo-*, путем перехода *t* в *t^h* или изменения *-g^ht-* > *-gd^h-* (Brugmann 1906: 378), они в последствии возобновлены; к закону Бартоломе прибег Лойман (Leumann 1977: 312), тогда как Биргит Ольсен пришла к выводу, что исконным вариантом было **-tlo-*, откуда, под влиянием конечного *h₁*, *h₂* корня, возникало *-t^hlo-*; диссимилиационными вариантами от корней, содержащих плавный, являлись **-tro-* и **-thro-*; суффиксы **-d^hro-* и **-d^hlo-* вообще не существовали (Olsen 1988). Как в рамках данной гипотезы объясняется слав. *-dlo*, остается неясным, так что мы не видим основания, отказываться от реконструкции **-d^hro-*, **-d^hlo-*.

случае прабалт. **ártlan*¹¹ речь идёт о новообразовании с помощью суффикса **-tlo-* от *árti* ‘пахать’; скорее в нем следует признать продолжение праиндоевропейского слова в котором произошла диссимилиация *-rtr-* > *-rtl-* сравнительно поздно, за выделением балто-славянского из праиндоевропейского континуума. Другими словами, балто-славянское название сохи можно считать, со словообразовательной точки зрения, прямым и лишь с фонетической точки зрения (диссимилиация) косвенным продолжением и.-е. первоисточника, имея в виду что в данном случае на балто-славянской почве реализовалась одна уже присущая праиндоевропейскому тенденция. Морфологический реанализ — замещение **-tlo-* суффиксом **-dlo-* — произошёл только на праславянской почве.

- 2.2 Рассмотрим и другой пример, в котором балтскому **-tlan*, славянскому **-dlo* в древнегреческом соответствует -θρον, восходящее к **-dʰrom*. Во всех трех языках слово проявляется в двух аблаутных вариантах, с нулевой и с полной ступенью огласовки: ст.-прус. *gurcle*, ст.-лит. *gurklė* ‘горло’ : прасл. **gʷrdlo* то же; ‘пещера, грот; расселина, ущелье’ > стсл. *грьло*, русск. *гóрло*, с.-х. *гърло*, словен. *gʹrlo* и т.д. : гр. ион.-атт. *βάραθρον* ‘яма, пропасть’ и, с другой стороны, лит. *gerklė*, вин. п. *geàklė*, вост.-лит. *gėrkle* ‘горло, глотка, гортань’ : прасл. **žerdlo* ‘отверстие, устье, пасть; источник, ключ, родник; ущелье; пропасть, бездна’ > стсл. *жрѣло*, русск. *жерелó*, с.-х. *ждриѣло*, словен. *žrělo* и т.д. : гр. арк. *ζέρεθρον*, хом. (эол.) *βέρεθρον* то же, что *βάραθρον*. Все эти слова возводимы к и.-е. **gʷerh₃-* ‘глотать, прожирать’; поскольку сам глагол отражен в данных языках — лит. *gerti, geriù* ‘пить’, лтш. *dzeft, dzeru/dzėru* то же, прасл. **žerti, žьrę* ‘жрать’, гр. *βιβρώσκω* ‘жру’ — нельзя а limine исключить возможность, что в каждом из них речь идет о самостоятельных (einzelsprachlich) образованиях; все-таки, близость словоформ и значений производит впечатление, что родство, связывающее их друг с другом, не только корневое. Это замечено и учтено сравнительным языкознанием довольно рано. С конца девятнадцатого и в течении двадцатого века, славянские и балтские формы постоянно сближались с древнегреческими в качестве если не полных соответствий, то по меньшей мере словообразовательных параллелей.¹² Младограмматическая школа не видела проблемы в этом сближении, но с применением ларингальной теории, возникли сомнения. В своей монографии о развитии и.-е. ларингальных в греческом Бекес пришел к выводу, что из-за отсутствия каких-либо следов ожидаемой *o*-огласовки

11 Для бсл. **-n* < и.-е. **-m* см. Poljakov 1995: 173. В литовском и латышском языках средний род утрачен, следовательно, прабалт. **-tlan* > **-klan* замещено формой мужского рода *-klas*, наряду с которой употребляется вариант *-klis* и, в женском роде, *-klė* (Otrębski 1965: 378; Vaillant 1979: 420).

12 Ср., напр., Kretschmer 1892: 402; Brugmann 1906: 381; Berneker 1: 369–370; ЭССЯ 7: 205; SP 8: 281.

в слове βάραθρον следует отказаться от связи этого слова с βιβρώσκω и что оно скорее догреческого происхождения (Beekes 1969: 193–195, 234). Это мнение он повторно высказал сорок лет спустя в своем этимологическом словаре греческого языка.¹³ За Бекесом последовал Дерксен, который в своих словарях отвергает сопоставление прасл. *gъrdlo, лит. gurklỹs с «неясной греческой словоформой βάραθρον», в первом без обоснования,¹⁴ тогда как во втором, ссылаясь на Beekes 2010: 200, пишет:

Греческая словоформа βάραθρον ‘ущелье’ ... иногда представляемая как полное соответствие, скорее всего не родственна. Прежде всего, реконструкция *g^w(e)rh₃-d^hrom нарушала бы звуковые законы, принятые в настоящее время. Более того, есть варианты вроде βέρεθρον (хом.), ζέρεθρον (арк.), которые скорее указывают на субстратное происхождение.¹⁵

Другим путем шла Ольсен, возводя βάραθρον, βέρεθρον, ζέρεθρον к корню *g^werh₁-, возникшему предположительно в результате скрещения *g^werh₃- с якобы синонимичным *g^welh₁-, отраженным в гр. δέλεαρ, δέλετρον ‘приманка’.¹⁶ Сразу можно сказать, что существование и.-е. корня *g^welh₁- сегодня не признается, а δέλεαρ ‘приманка’, вместе со своим синонимом βλήρ у Алкмана, интерпретируется не как *‘пожираемое’, а, более убедительно, как *‘бросаемое’, от *g^welh₁- ‘разить, бросать’ > гр. βάλλω, βέβληκα.¹⁷ Но как справиться с возражениями, касающимся отражения ларингального и варьирования в анлауте?

13 Beekes 2010: 200: “The connection with βιβρώσκω ‘devour’ cannot be maintained: *g^werh₃-/g^wrh₃- would give *δερο-/βρω-, *βαρ(ο)-. In view of the variants, the word is rather Pre-Greek, like φάραξ; see Beekes 1969: 193.”

14 “The comparison with the obscure Greek form βάραθρον ‘gorge’ may not be justified” (Derksen 2008: 198, с единственной ссылкой на ЭССЯ 7: 205 — где, как мы выше сказали, это традиционное сопоставление принято Трубачевым!).

15 “The Greek form βάραθρον ‘gorge’ ... which is sometimes presented as an exact match, is most probably not cognate. First of all, a reconstruction *g^w(e)rh₃-d^hrom would violate the currently accepted sound laws. Moreover, there are variants such as βέρεθρον (Hom.) and ζέρεθρον (Arc.), that rather point to a substratum origin” (Derksen 2015: 195). Бекесом в 1969 выраженный сомнение в отношении βάραθρον учтено в этимологическом словаре словенского языка s.v. žrelo (Bezljaj IV: 480), где все-таки аркад. ζέρεθρον (в тексте опечатка: φέρεθρον) приводится без оговорки как параллель праславянскому *žerdlo. Ср. и ALEW 1: 316 s.v. gérti: „Zugehörigkeit von gr. arkad. ζέρεθρον, βέρεθρον, βάραθρον ‘Schlund, Abgrund’ ist zweifelhaft“ (Д. Водтко, со ссылкой на Ольсен и Бекеса).

16 Olsen 1988: 9–10. Древнее слово — гетероклит δέλε(φ)αρ, мн. δελέατα, тогда как δέλετρον считается сравнительно поздним новообразованием, ср. Chantraine 1933: 332.

17 Таким способом отклоняется корень, реконструируемый в словаре Покорного (Pokorny 365) как 2. *gel-/g^wel- ‘verschlingen’, в пользу *g^wel- в том же значении, отраженного только в арм. ekowl ‘verschlang’ и в отглагольных существительных арм. kowl-, лат. gula ‘глотка’. Ср. LIV 192 (М. Kümmel); 208; Beekes 2010: 312 s.v. δέλεαρ (где ссылается на личное сообщение де Ваана), de Vaan 2008: 275 s.v. gula. Добавим, что прежние попытки этимологии слова δέλεαρ включали его выведение путем диссимилиации из *δέρεαρ, от того же корня, который в βιβρώσκω.

2.2.1 Начнем с вопроса о начальном согласном. Взаимоотношение форм ион.-атт. βάρθρον : арк. ζέρεθρον, δέρεθρον,¹⁸ то же самое, как в случае вышеупомянутого глагола βάλλω : арк. ζέλλω, δέλλω, а именно в позиции перед слогообразующим плавным *r*, *l* и.-е. **gʷ* во всех диалектах отразилось как β, тогда как перед *e* оно во всех неэолийских говорах дало δ через промежуточную ступень *dz*, засвидетельствованную только аркадским.¹⁹ В эолийском **gʷ* и в этой позиции отражено как β, так что форму βέρεθρον следует отнести к эолийскому слою гомеровского языка, тем же способом как и гом. βέλος ‘стрела’, от корня, который в βάλλω. Эолийское развитие и диссимилятивное выпадение корневого *ρ* наблюдаются в βέθρον, отмеченном в Etymologicum Magnum как вариант гомеровского βέρεθρον со ссылкой на Кратета и Евфориона;²⁰ есть разные авторы, носившие эти имена, но в данном случае их взаимосвязь недвусмысленно указывает, что речь идет о поэте III в. до н.э. Евфорионе и на полтора столетия моложе его грамматике Кратете Малльском; последний в своих не сохранившихся сочинениях упрекал Евфориона в злоупотреблении редкими словами, которые тот черпал из, также утраченного, словаря Ἀτακτοὶ γλῶσσαι, составленного Филитом Косским (340–285 гг. до н.э.), включавшего немало диалектизмов, в том числе эолизмов.²¹

2.2.2 Итак, с точки зрения консонантизма, нет препятствий для возведения слова к тому корню, который в βιβρώσκω, и.-е. **gʷerh₃-*. Остается вопрос, почему во втором слоге **h₃* не вокализировалось в [o]: ожидалось бы **βάροθρον*, **βέροθρον*, **ζέροθρον*, как ἄροτρον от ἄρόω < **h₂árh₃-*. Все-таки, эпиграфически (в Гортине на Крите) засвидетельствован и вариант последнего слова ἄратρον, а в других дорийских и северо-западных говорах и другие формы с ἄρα- вместо ἄро- (Ἀράτιος название месяца ‘пахотный’, ἐναράτιον = ион. ἐνῆρόσιον ‘аренда пашни’, сам глагол ἄράω ‘пахать’), причем никто, насколько нам известно, не отрицает сопоставимость двух др.-гр. вариантов, пред-

18 δέρεθρον· λίμνη ἀποχώρησιν ἔχουσα Hesych. Глосса вероятно передает более позднюю звуковую форму аркадского ζέρεθρον, ср. Страбон VIII 8, 4 и след. прим.

19 Бекес неверно утверждает, за Фриском, что арк. ζ в данных случаях возникло в результате вторичной ассимиляции. Свидетельство двух глосс ζέρεθρα· βάραθρα и ζέλλειν· βάλλειν взаимно дополняется одной надписью V в. д. н.э. из Мантинеи, где результат палатализации глухого лабиовелярного **kʷ* передается особой буквой вроде кириллского И с наклоном влево, звуковое значение которой было, по видимому, [ts]: Ἰνῖα : атт. τίνα, εἰἸε : атт. εἴτε; в кипрском диалекте соответствует *s* в σίς : атт. τίς. Лежен заключает: «Le groupe arcado-cypriote a dont gardé trace, jusqu'à l'époque historique, d'une prononciation de type *rʷ* (> *s*) *dz* pour **kʷ*, **gʷ* devant voyelle prépalatale; il reste le seul à témoigner de la façon dont les anciennes labiovélares ont dû se palataliser avant de devenir des occlusives dentales» (Lejeune 1972: 51).

20 EM 194, 22: βέθρον] βέρεθρον·καὶ συγκοπή, βέθρον. Κράτης καὶ Εὐφορίων οὗτω.

21 Об этом узнаем из эпиграммы Кратета Anth. Pal. XI 218. Ср. Meineke 1843: 33–34; Susseml 1891: 395 (где процитирован Вильгельм Шульце); F. Skutsch, RE VI 1 (1907), 1183. О диалектизмах в словаре Филита см.: Latte 1925: 162–163; A. von Blumenthal, RE XIX 2 (1938), 2169.

полагая, скажем, синонимичный корень **h₂árh₂-* ‘пахать’. Не желая подвергать сомнению трехларингальную модель реконструкции и важность для неё греческого, мы хотели бы только предостеречь от её прямолинейного применения, не учитывающего совокупность внутриязыковых фактов. Особую осторожность необходимо проявлять в отношении рассматриваемых здесь отглагольных имен существительных, поскольку в данной категории производных слов внутри греческого языка наблюдается частичная нейтрализация оппозиции не только среди трёх ларингальных, а и среди сет- и анит-корней; ср., с одной стороны, утрату двусложности корня в **βέρθρον* > *βέθρον*, а с другой — формы фёретров ‘носилки’ наряду с фёртрово то же, фарётра ‘колчан’ относящиеся к анит-корню **b^her-* ‘носить’. Сопоставление фёретров с др.-инд. вед. **bharitra-* ‘рука’ даже искушало на реконструкцию варианта **b^herh₁-*.²² Но объяснение следует искать скорее в более поздних процессах, чем в праязыковом состоянии. Кажется, что в греческом ларингальный в заударном слоге за плавным иногда мог слабеть и, потеряв свою фонологическую индивидуальность, уподобляться гласному предшествующего слога (ǵратров вместо ǵротров, βέρεθров вместо **βέροθров*), или выпасть (**βέρθров*). С другой стороны, существовала тенденция избегать сочетания типа -ртр-, -рθр-, которые устранялись путем диссимиляции (*βέθров*) или вставки гласного, по аналогии с производными от сет-корней, на пр. фёретров вместо более древнего фёртрово (гом.) по модели тёретров ‘сверло’ (гом.) от *τεῖρω* < **terh₁-*. Подобно этому, для гапакса *bharitra-* предположено, что речь идет об окказионализме (*Augenblicksbildung*), возникшем под влиянием *caritra-* ‘нога’ (Mayrhofer 2: 251). Сходная тенденция наблюдается в развитии типа на -*klas* в литовском, у которого производные от основ на согласный встречаются относительно редко, н. пр. *keřslas* ‘ланцет’, ст. прус. *kersle* ‘топор, мотыга’ = прасл. **čerslo*, тогда как в большинстве случаев стечение согласных избегается с помощью расширенного варианта -*eklas*: *áudeklas* ‘ткань’, лтш. *aúdekls*, от лит. *áudžiū*, *áusti* ‘плести’, *kabėklis* ‘крюк’ от *kabėti* ‘висеть’, и т.д., в том числе и лит. *ker(s) tēklis* ‘ланцет’ вместо более древнего *keřslas*.²³

2.2.3 В итоге, мы не видим оснований для того, чтобы ради отчасти абстрактных фонологических конструкций отвергнуть одно из реальных лексических соответствий, каким впрочем, а не того рода конструктам, обязано своим возникновением сравнительно-историческое языкознание.²⁴ Итак, продолжаем

²² Chantraine 1933: 330; Chantraine 1191; Olsen 1988: 10; ср. NIL 29–30.

²³ Vaillant 1979: 420–421; наблюдается изменчивость вставного гласного в случаях как лит. *audaklas*, лтш. *audakls*; ср., от того же корня как *keřslas* (*kiřsti*, *keřta* ‘сечь, рубить’) лит. *kirtiklis* ‘кирка’ (Otrębski 1965: 132–139). О варианте *keřslas* ‘ланцет’ см. ниже, § 2.2.4.

²⁴ Кажется, что современная индоевропеистика, стараясь укрепить свои основы, их иногда невольно подрывает. Обсуждение греческого βάρθρον и т.д. в словарях Бекеса и Деркесна мы не можем расценивать иначе, как шаг назад.

считать, что балтские, славянские и греческие слова для ‘горла, пропасти и т.п.’ связаны прародством. Это значит, что к позднепраиндоевропейскому можно отнести два аблаутных варианта, отраженных во всех трех языках;²⁵ что касается суффикса, если исходить из *-dʰro- > гр. -θρον, слав. -dlo в *gʷr-dlo, *žerdlo объяснимо в этих словах как результат диссимиляции -rdr- > -rdl-. По отношению к лит. *árklas* : прасл. *ordlo здесь имели бы обратный случай, т.е. прасл. формы с звонким *d сохраняли бы и.-е. древность, а балтские с *t представляли бы собой инновации.

2.2.4 Но дело осложняется существованием варианта с.-х. *gr̥kʷan* (с XV в.), мак. *grkʷan*, болг. *gr̥kʷjǎn*, диал. *gr̥kʷkʷan* ‘гортан’, переключаящегося с балтским *gurkl-; следует принять, что и в случае слав. слова *kl* безусловно восходит к *tl*, но поскольку *gʷrkl- отражено в южнославянских языках, в которых прасл. *tl должно было упроститься в *l, лучшим способом объяснения представляется допущение, что в южной части позднепраславянского ареала сохранялась недиссимилятивная форма *gʷrtr- до того момента, когда в результате падения слабых еров возникла новая группа *tl*, которая впоследствии переходила в *kl*, ср., на пр. с.-х. *кѡа* < *мѡа* < *tʷl’a ‘тля’.²⁶ Исходя из *gʷrtr-, форма *gʷrtlanь²⁷ возводима к одному первоисточнику с более распространенным обозначением гортани прасл. *gʷrtanь > стсл. *gr̥tanь*, русск. *гортань* и т.д. Одно и то же диссимилятивное сочетание могло развиваться двояко, путем изменения или утраты второго *r*, ср., наряду с лит. *keĩslas* ‘ланцет’, *keĩstas* то же; последняя форма скорее восходит к первоначальному бсл. *kerstron, откуда путём другого рода диссимиляции возникло и *kerstlon, лежащее в основе форм *keĩslas*, стпрус. *kersle*, прасл. *čerslo, чем представляла бы собой независимое образование от того же

25 Два апофонических варианта слова в древнегреческом, с нулевой и е-оглаской, существовали, по меньшей мере, с II тысячелетия до н.э., в течение которого древнегреческий, по свидетельству микенского, в большинстве случаев сохранял лабиовелярные. По акцентологическим причинам (перед *-tlóm ожидалась бы нулевая ступень корня), Дерксен заявляет, что е-огласовка в *žerdló и gerklē (в его реконструкции: *gerʔtló) вторична (Derksen 2008: 559; 2015: 172), но кроме гр. ζέρεθρον/βέρεθρον, родство с которым им оспаривается, есть и вариант *gʷerh₃-trom, отраженный в германском, см. ниже, § 2.2.4. Безусловно вторична ступень редукции в лит. уст. *girklas* ‘напиток’, лтш. *džirklis* ‘воронка’, прасл. диал. *žrdlo.

26 В качестве альтернативы можно допустить, что с.-х. *gr̥kʷan*, болг. *gr̥kʷjǎn* является позднепраславянским фонетическим диалектизмом, отражая развитие *tl > *kl, характерное для древненовгородского диалекта (*сустр̥ькли* и т.п.), происшедшее до упрощения *tl > l в южно- и восточнославянском, ср. Лома 2010: 96. Все-таки, есть основания полагать, что словоформа -кл- развилась только на ю.-слав. почве; в сербо-хорватском засвидетельствована форма *gr̥tanь*, у двух писателей из Боснии XVII и XIX вв. (RJA 3: 473b; высказанное там мнение, что она вторична по отношению к *gr̥kʷan*, малоубедительно).

27 Скорее чем *gʷrtr-janь; слово изначально относилось к i- а впоследствии к jo-основам м. р.; в с.-х. *gr̥tanь*, *gr̥kʷan*, болг. *gr̥kʷjǎn* произошла перестановка палатальности l – n' > l' – n.

корня.²⁸ Здесь принятая трактовка, объединяющая **gʷrkl'anʲ* и **gʷrtanʲ* общим происхождением и возводящая их к древнему названию горла, имеет перед предлагаемыми ранее интерпретациями этих слов и формальные и семантические преимущества.²⁹ Наряду с **gʷr̥h₃-trom*, косвенно отраженным в приведенных выше славянских и балтских формах, реконструируется, с тем же вариантом суффикса и *e*-огласовкой корня, др.-герм. **kver-þra-* > ствнем. *querdar* 'приманка'.³⁰

- 3 Рассмотренные нами примеры отобраны не случайно, а они в высшей степени показательны для процессов, посредством которых возникла и преобразовалась четырехчленная система суффиксов, образующих *nomina instrumenti* в праиндоевропейском языке и его ответвлениях, в частности в славянских и балтских языках. Эти процессы не прервались вместе с выделением балто-славянского — в том смысле что он сразу и без исключения ограничился бы вариантами **-tlo-* и **-dʰlo-*, полностью устранив (предположительно, более древние) **-tro-* и **-dʰro-* — а продолжались до сравнительно поздних этапов развития обеих групп ветви: славянской и балтской. У названия горла как части тела и сохи, лемеха как важнейших земледельческих орудий труда общим является то, что они относятся к основному словарному фонду в и.-е. языках, а в трех конкретных случаях и то, что они образованы от кор-

28 Об отражении суффикса **-tlo-* в славянских названиях орудий на *-slo* типа **veslo* см. выше § 1, прим. 8. Любопытно, что Махек сближал слав. **čerslo* 'лемех' с лат. *culter*, *cultrum* то же, возводя и одно, и другое к и.-е. **ker(t)-tro-* (Machek 1951: 211–212). И Лойман, независимо от него, исходил для *culter* из корня **(s)ker-* 'сечь', предполагая, что корневое *-r* диссимилировалось перед суффиксом *-tros* (Leumann 1977: 313). Сегодня предпочитают этимологию, относящую лат. слово к другому синонимичному корню, **(s)kelh₂/₃* (de Vaan 151, без учета балто-славянской словообразовательной параллели, указывающей на **(s)ker-*).

29 В ЭССЯ 7: 214 **gʷrtanʲ* трактуется как «производное с суф. *-t-an-* от продолжения и.-е. **gʷer-/gʷr̥-* 'пожирать, поглощать', с возможной параллелью в др.-инд. пр. страд. прош. *gūrtá-* 'gefressen'. В SP 8: 296 В. Сендзик исходит из прасл. (?) **gr̥tʲ*, отраженного только в н.-луж. *gjarś*, *-śi* 'горло, глотка' (гапакс, отмеченный в словаре Муки), предполагая, что первичное *nomen actionis* стало *nomen instrumenti*. По нашему мнению, для гортани следует исходить из **to-*, чем пожирается', т.е. из семантики орудия, присущей суффиксу **-tro-*, который в **gʷrtanʲ* расширен с помощью **-ōn* именно так, как в гр. *λου-τρόν* 'баня, ванная, купальня' наряду с *λου-τρόν* то же, *λούω* 'мыть' (Chantraine 1933: 164), скорее чем из значения **'пожранное'* (суф. **-to-*) или из **'пожирание'* (суф. **-ti-*). Изолированная в славянском *i*-основа мужского рода на *-anī* (Vaillant 1979: 618) восходит, скорее всего, к винительному падежу более древней *n*-основы **-ōn-и*. Формы с.-х. *gr̥kʲan*, мак. *gr̥tlan*, болг. *gr̥kʲljan* в ЭССЯ s.v. **gʷrtanʲ* не упоминаются, в SP l.c. охарактеризованы как вторичные, но не объяснены подробнее; попытку их объяснить, сделанную Скоком (Skok 1: 621 s.v. *gr̥kljan*) вряд ли можно расценить как удачную (скрещение с **gl̥t-* 'глотать', перемещение *l*). И Валян допускает скрещение **gūrdlo* с *gl̥tati* 'глотать' (Vaillant 1958: 149). Исходное **gʷrtʲl-*, образованное как **vitʲl̥b-*, лит. *vitūlas*, не исключено, но и не слишком вероятно.

30 Откуда диссимилировано нвнем. *Köder*, см. ниже §§ 4.1, 4.1.3.

ней, содержащих плавный *r*, так что при их сочетании с суффиксами *-tro-, *-d^hro- возникала диссимилятивная тенденция, которая могла реализоваться различными способами в разные времена. Более того, в отношении таких древнейших лексем надо полагать, что они были не очень склонны уподобляться другим словам в силу аналогии, а скорее сами служили словообразовательными моделями; следовательно, отдельные случаи фонетического развития, охватившего данные слова, являлись местом возникновения вариантных типов уже в праязыке, а и позднее, в ходе истории отдельных языков, оказывали влияние на обобщение одних и устранение других унаследованных вариантов суффикса в каждом из них.

- 3.1 Все вышесказанное предостерегает от априорно отрицательного отношения к возможным следам и.-е. *-trom, -d^hrom (*-treh₂, -d^hreh₂) в славянских и балтских языках, которое в начале этой статьи иллюстрировано примером прасл. *vitra. Там сделан намек на аналогичный случай прасл. *vētrь. В самом деле, расхождение мнений по поводу слова *vitra отражает в большой мере дискуссию о слове *vētrь и его балтских соответствиях, стпрус. wetro ‘ветер’, лит. vētra ‘буря, ураган’ продолжающуюся полтора столетия. Одни принимают анализ *vē-tro-, другие — *vēt-ro-.³¹ Здесь можно уже с большей определенностью предпочесть первый анализ, выделяющий корень *vē- ‘дуть’ < и.-е. *h₂ueh₁- и суффиксальное -tro-, но в дальнейшей интерпретации суффикса мнения расходятся. Остхоф и Бругман выводят имена деятелей на *-tros типа гр. ιατρός ‘врач’ из более древних атематических образований на *-ter- (гр. хом. ιητήρ то же) посредством pomina

31 Обе интерпретации восходят к Остхофу, который в тексте относит vē-trū к pomina agentis типа гр. ιατρός, но в примечании допускает, что это слово и его балтское соответствие лит. vētra могли бы быть скорее производными суффикса -ra- [т.е. -ro-] из расширенного корня, отраженного в лит. vētyti ‘веять’, поскольку таким способом устраняется единственное исключение из правила, согласно которому древнее -tra- [-tro-] в праславянском замещено вариантом -dlo (Osthoff 1875: 20). Последнюю интерпретацию, с той самой аргументацией, повторяет Olsen 1988: 23. Все-таки, трудно признать основу *vēt- ‘дуть’ балто-славянской или даже праиндоевропейской; она ограничена литовским языком, в котором vētyti представляет собой скорее новообразование, чем архаизм (ср. Otrębski 1965: 378). Сам Отрэмбский относит vētra к существительным на -ra, служащим для обозначения рассвета и погоды (aušrà ‘заря’, audrà ‘буря’, giedrà ‘вёдро’), обсуждая -t- как «spółgłoską rozłączającą» корень *ue- от суффикса (Otrębski 1965: 143). Вайан анализирует славянское слово вместе с его балтскими соответствиями как субстантивированное прилагательное на -ro- от основы *wē-t-, как будто отраженной в др.-инд. vāta- м ‘ветер’ (Vaillant 1979: 638; лит. vētyti не упоминает), но др.-инд. (и уже индоир.) vāta- считается сегодня, вместе с лат. ventus, герм. гот. winds и т.д., хет. huçant-, тох. A want, B yente, отражением и.-е. первоисточника *h₂ueh₁nto-/ *h₂uh₁ento- (ср. Mayrhofer 2: 542), к которому нельзя отнести бсл. *vēt-. Кстати, отглагольными прилагательными на -ro- обозначаются скорее результаты глагольного действия, чем само действие, т.е. *h₂ueh₁t-ro- было бы скорее *‘дутый’ чем ‘дующий’, как *bьdrь ‘пробужденный > бодрый’, а не *‘будящий’.

instrumenti на *-trom,³² тогда как Мейе это посредство исключает;³³ ему последовали авторы славянских этимологических словарей, м.п., Фасмер 1: 306 и М. Фурлан в Bezlaĵ 4: 306, интерпретируя *vě-trъ как отражение древнего *nomen agentis* на *-tros. Нам кажется, что, вообще говоря, такого типа образования вряд ли настоль древние, чтобы помещать их на один хронологический и деривационный уровень с *nomen agentis* на *-trom,³⁴ а в частном случае слова *větrъ следует учесть женский род балт. *vētrā, который, по-видимому, получен путем сингуляризации из *h₂ueh₁treh₂, формы множественного числа в собирательном значении от *h₂ueh₁trom ‘веяние, дуновение’. Напрашивается предположение, что то же самое существительное неодушевленного рода, бсл. *vé-tron, лежит в основе прасл. *větrъ, только слово на славянской почве подверглось маскулинизации, чтобы заменить утраченное славянским обозначение олицетворенного в мужском роде ветра,³⁵ которое в балтском сохранилось, ср. лит. *vėjas* как нарицательное ‘ветр’ и в качестве мифологического названия *Bejās, Bejō-natīs* ‘языческий бог ветра’.³⁶

3.2 Суффикс и.-е. *-tro- в своей исконной форме среднего рода без диссимиляции наблюдается только в слове прасл. *pętro ‘крыша, потолок, этаж’, если исходить от корня, который в *pęti, *pęnq*. Однако это нельзя принять безоговорочно, поскольку широко засвидетельствован вариант *pętro, анализируемый как производное на *-ro- от *pęt- ‘прятать’; он, возможно, возник в результате вторичного скрещения (так недавно Boryś 434–435), но не исклю-

32 Cp. Osthoff 1875: 59: „Die bewegung des formenerschaffenden sprachtribes war offenbar eine rückläufige: von -tar- m. gieng -tra-m n. aus und dises letztere wiederum veranlasste die mit -tar- notionell notwendig wider zusammenfallende form -tra-s“, Brugmann 1906: 345: „Gr. δαιτρός ‘Zuteiler, Vorleger’ nach δαιτρόν ‘Zuteilung, Zugeteiltes (vgl. Δαίτωρ und aind. datrá-m ‘Zugeteiltes, Anteil’)’. Ebenso setzt ιατρός neben ion. ιητήρ ‘Arzt’ wenigstens ideel ein *ιατρόν ‘ärztliches Tun, Arzthandwerk’ voraus ...“ Cp. ниже, прим. 34.

33 Meillet 1905: 407: «Un type indo-européen de noms en -tro- n’est représenté que par un seul mot [vě-trū], qui se trouve être masculin et qui, par suite, doit être rapproché du type gr. ιατρός, δαιτρός bien plutôt que du type de noms d’instrument ordinairement neutre.»

34 Микенское *i-ja-te* указывает, что прагреческой формой можно признать только ιατήρ, а ιατρός возникла в ходе собственно греческого языкового развития («einzelsprachlich»); гипотетически предполагаемое Бругманом ιατρόν между тем засвидетельствовано как ἱατρα ср. мн. ‘гонорар врача’ в надписях из Эпидавра и, в ионийской форме ἱητρα, в папирусном фрагменте Герода (IV 16; ср. Chantraine 1933: 332, с ошибочной ссылкой на Геродота IX 16); значение развилось, очевидно, из *‘лечение’.

35 Таким способом мужской род слав. слова интерпретировал вслед за Остхофом сам Мейе: «C’est sans doute originairement le vent personnifié, le génie du vent, comme l’indique en quelque mesure le genre masculin» (Meillet l.c.). Ср., напр., *ветри* — *Стрибожи внуци* в Слове о полку Игореве; о мифологии ветра у славян см. недавно Лома 2008.

36 Балтское *vėjas близко родственно, или, при учете лит. диал. *vėjus*, даже тождественно индоиранскому имени обоготворенного ветра др.-инд. *Vāyu-*, авест. *Vaiyu-* (ср. Derksen 2015: 496); не исключено, что славянское соответствие *Vějъ реликтивно отражено в укр. *Вій* (Абаев 1958).

чено, что форма с двумя *r* более древняя, а **pętro* возникла путем диссимилиации, ср. случаи как **gabrъ < *grabrъ*, **bystrъ < *brystrъ*.

- 3.3 Есть и другие случаи кроме выше указанного **gъrtanъ/*gъrtlanъ* (§ 2.2.4), когда можно подозревать, что суффикс **-to* восходит к **-trom*, при условии, что слово в своем корне содержит *r* и что оно семантически интерпретируемо как *nomen instrumenti*. В с.-х. языке встречается слово *вратло* в значении ‘ворота’³⁷ наряду с вариантом *врато*, отмеченным в двух грамотах XIV в. на территории современной Черногории.³⁸ Очевидно, что оба слова соотносятся с прасл. **vorta* ср. мн.; при прямолинейном подходе, последнее следовало бы интерпретировать как реликтовое сохранение формы единственного числа, лежащего в основе балто-славянского обозначения дверей,³⁹ тогда как первое имплицировало бы реконструкцию с редуцированным *ь* или *ъ* между *t* и *l*. Но есть возможность, возвести **vorto* и **vortlo* к одному этимону **vortro* тем же способом, как **gъrtanъ* и **gъrtlanъ* к прасл. **gъrtro*, т.е. с диссимилиацией *rtr* в *rt* с одной и в *rtl* с другой стороны.⁴⁰ Это значило бы, что и для бсл. **vartā* ‘ворота’⁴¹ как мн. ч. от **vartan* можно исходить из производного на **-tro-* **vartran* < и.-е. **(H)uort-rom* ‘устройство для закрытия’. Таким образом, этимология слова теряет свою фонетическую прямолинейность, но становится более прозрачной со словообразовательной точки зрения,⁴²

37 В PCA 3: 15b s.v. *вратло* отмечены значения: ‘отверстие бухты’ (Бока, Дубровник), ‘подступ к лестнице’ (Дубровник), ‘ворота овечьего загона’ (Тимок), ‘отверстие гончарной печи’, ороним *Вратла*, -*ālā* ср. мн. гора в Герцеговине. *Вратло* — деревня в Герцеговине, перевал на горе Орьен. Уменьш. **вратьлца > вратаџа* ‘дверца’, и как топоним (*Вратџа*, с.-з. Сербия).

38 Определение на *Врато* в учредительной грамоте монастыря Дечаны, где речь идет о размежевании деревни Добра Река в Верхнем Полимле (так читается во всех трех копиях грамоты, датированных второй четвертью XIV в.); *Maistorcho Vrato* в одной из трех копий (фальсифицированного) перевода на итальянский грамоты, изданной городу Котору царем Душаном около 1350; в других двух название переведено как *porta de maistore*. В обоих случаях оно применено к горным перевалам; только в последнем случае сохранилось до сих пор, в производной форме прилагательного *Вратнџо*: так называется часть горы Ловчен, прилегающая к деревне Майсторы. Ср. ОП 22 (2015): 742.

39 В современном языке слово засвидетельствовано только однажды, в тексте народной песни где словоформа на *врато* вместо на *врата* обусловлена рифмой (RJA 21: 416). Праславянскому **vorto* соответствовала бы, с восточнобалтским переходом из среднего в мужской род, форма единственного числа лит. уст. *vaĩtas* ‘двери’, см. ниже, прим. 41.

40 Подразумевая, что последняя произошла только за изменением **tъ/bl > tl*, см. выше § 2.2.4.

41 Ср. стсл. *врата*, болг. *врата̀*, с.-х. *вр́ата*, диал. чак. *врџта*, слов. *vŕata*, слч. *vŕata*, чеш. *vrata*, в.-луж., н.-луж., польск. *wrota*, русск., укр. *ворџта*, русск. диал. и *воротá*, блр. *варџты* < прасл. *vorta* (*vortā/vǫrta*), стпрус. *warto*, лит. *vaĩtai*, лтш. *vārti*. Исконное мн. число ср. рода отражено в слав. языках и в старопрусском; в литовском отмечена и форма ед. числа *vaĩtas* м. (< ср.).

42 Традиционно бсл. слово анализируется **Hъǫr-to-* и интерпретируется как ‘закрытие’, ср. недавно М. Сной в Bezlej 4: 352, со ссылкой на словообразовательный тип гр. *κοῖτος* ‘ночной покой, сон’.

тем более, что предполагаемая праформа **uor-tro-* находит ряд параллелей в других и.-е. языках, ср. **uer-tro-* > др.-инд. *vártra-* ср. ‘защитная дамба, крыша’, др.-иран. **varθra-*, отраженное в авест. *varəθra-* ‘защитное вооружение’, осет. *wart* ‘щит’,⁴³ ср.-кимр. *gwerthyr* ‘крепость’; **u₂-tro-* > др.-инд. *vṛtrá-*, авест. *vərəθra-* н. ‘отпор’, авест. *vərəθra-* н. ‘то же; щит’; **uer-d^hro-* > др.-инд. *várdhra-*, *vádhra-* м. ‘ремень, пояс’.⁴⁴

3.4 Следы древних производных на **-tro* можно искать тоже в отыменных глаголах на **-triti* вроде **patriti* ‘смотреть, принадлежать’, для которого предполагают исконное значение ‘пасти, следить за скотом’, исходя из и.-е. **peh₂trom*, отраженного в др.-исл. *fóðr*, англос. *fōðor*, др.-в.-нем. *fuotar* ‘пропитание, пища, корм’, авест. *pāθra-* ‘защита, охрана’, арм. *hawr-an* ‘стадо’.⁴⁵

4 Распределение вариантов суффикса **-tro-* и **-tlo-*, **-d^hro* и **-d^hlo-* в и.-е. языках отчасти обусловлено различными обобщениями и обособлениями результатов дистантной диссимилиации, произошедшей в корнях, оканчивающихся на плавный или на сочетание плавного с ларингальным. В случае *žer-dlo* < **g^uerh₃-d^hrom* прогрессивная диссимилиация привела к изменению *r* > *l* в суффиксе, но тем не менее внутренняя форма слова оставалась прозрачной. С другой стороны, как указано выше, есть случаи, когда диссимилативный процесс шел в обратном направлении, затрагивая корневой плавный и

43 Обе ир. формы выводятся путем прогрессивной диссимилиации двух *r*, о которой свидетельствует авест. *θ*, осет. *t* < др.-иран. *θ*, возникшее из **t* в позиции перед *r*; ср. Абаев 4: 50–51 s.v. *wart*; Cheung 2002: 237, то же самое развитие в сарматском имени собственном Хоро(υ)αθος, толкуемом нами как *Xurvaθa-* < **hu-brāθra-* ‘имеющий хороших братьев, Добро-брат’ (Loma 2000: 93–94).

44 Данные слова, охваченные в словаре Покорного корнем 5. **uer-* ‘verschließen, bedecken; schützen, retten, abwehren’ (Pokorny 1160–1161), приведены здесь несколько условно, поскольку сегодня — прежде всего из-за (отчасти противоречивых) наблюдений об отсутствии или присутствии ларингальных, принимается, что в индо-иранском смешалась три и.-е. корня, реконструируемых в LIV как **H₁uer-* ‘einschließen, stecken, hineintun’ (227–228), 1. **uel-* ‘einschließen’ (674), 1. *uer-* ‘aufhalten, (ab)wehren’ (684–685 s.v.), ср. Mayrhofer 2: 512 s.v. *VAR²*; 521–522 s.v. *várdhra-*, 573–574 s.v. *vṛtrá-*; Mayrhofer 2005: 10. По крайней мере, индо-иранские слова следует принять как словообразовательно-семантические параллели балто-славянскому реконструкту, а возможно и этимологические. Кстати, даже общепринятое отнесение бсл. существительного к глагольному корню, который в *at-*, *už-vérti*, прасл. **ot-*, **za-verti* ‘от-, за-крыть’, кажется не совсем безупречным; можно исходить и из и.-е. **d^huor-* ‘дверь’, согласно устному сообщению д-р Орсата Лигория, который выступит с этой интерпретацией в особой статье; пока ограничимся замечанием, что в рамках новой этимологии лучше объяснялась бы *o*-огласовка бсл. слова, тогда как образование **d^huor-tro-* имело бы параллели в гр. *θύρετρα* ср. мн. ‘дверная рама, дверь’ и, вероятно, др.-перс. *duvarṇi* ‘Torgang, Säulengang’ < **duvarθri* (для диссимилационного выпадения второго *r* см. предшествующее примечание).

45 См. недавно Boryś 418, ср. Olsen 1988: 15 n. 14; Martirosyan 401; Трубачев 1965: 47–48 предполагал в **patriti* праславянский иранизм, ср. Cvetko-Orešnik 1998: 94–95.

приводя к его утрате, что результировало в полном затемнении морфологической структуры словоформы.⁴⁶

- 4.1 Одним из трудно анализируемых слов праславянского лексического фонда является **odръ* > ст.-слав. *odръ*, болг. *ôдр*, мак. *одар*, ст.-серб., серб.-цслав. *odръ*, с.-х. *ôдар*, -*дра*, словен. стар. *voder*, *ôder*, словц. диал. (v)*ôdor*, ст.-чеш., чеш. *odr*, др.-русс., русск.-цслав. *odръ*, русск. *одр*, диал. *одѣр*, *одеп*, укр. диал., блр. диал. *од'ôр*, блр. диал. *адзѣр*, *одзѣр*, с вариантами **odro* > чеш. *vodro*, блр. диал. *адрô* и **odra* > чеш. *odra*, польск. *odra*, русск. диал. *ôдра*. Хотя слово плохо засвидетельствовано на северо-западе, его все равно следует считать общеславянским. В современных литературных языках (русском, сербском) это слово высокого стиля, употребляемое в значениях, унаследованных из церковнославянского ('брачное, смертное ложе'), ср. ст.-слав. *odръ* 'постель, ложе, кровать; носилки, погребальные носилки, одр', но кроме этого оно, во всех слав. языках, за исключением лужицких, отмечено в народных говорах в широком спектре значений, тесно связанных с традиционным бытом, относящихся к терминологии домашней утвари, домостроительства, колесничества: 'деревянная кровать' (мак., болг., с.-х.), 'полка, деревянная лавка в доме', (словен., словц.), 'спинка' (чеш.), вообще 'конструкция из досок' (с.-х.), '(дощатый) пол' (болг.), 'крыша, каркас крыши' (словен., ст.-чеш., русск. диал.), 'терраса перед домом (крытая или открытая), палатка, веранда' (болг., макед.), 'коридор, комната (где принимали гостей, спальня)' (болг., др.-русс., русск.-цслав.), 'легкий передвижной домик' (болг., чеш.), 'подиум, трибуна' (словен.), 'деревянная подставка-настил на дереве для улья в лесу (или для охотника, поджидающего медведя)' (русс., укр., блр., польск.), 'леса для сушки, сеник, сушильня, помост из жердей на столбах для сушения (соломы, сена, зерна)' (болг., с.-х., словен., словц., чеш.), деревянные подпорки для виноградной лозы, решетка, к которой крепится в. лоза или другие растения, беседка' (болг., макед., чеш.), 'кол для виноградной лозы' (чеш.); 'повозка, телега, кузов телеги' (ст.-чеш., др.-русс., русск.-цслав., русск.). Праславянская древность приписывается и производным **odrina* и **odрьсь*, которые по своей семантике и распространению соответствуют исходному слову (ЭССЯ 26: 164–169).

- 4.1.1 Праслав. **odръ* традиционно этимологизируется как и.-е. **od^h-ro-*, на основе его предполагаемого родства с германскими словами, возводимыми к тому же первоисточнику (ср.-д.-нем. *ader(e)* 'кол; бревно, балка в ограде') или его апофоническому варианту **ed^h-ro-* (др.-исл. *jaðarr* 'край, верхняя жердь в заборе', англос. *eodor* 'ограда, изгородь; жилье', др.-сакс. *edor*,

46 Ср. гр. βέθρον § 2.2.1, нвнем. *Köder* § 2.2.4, прим. 30, др.-инд. *vádhra-* § 3.3.

eder ‘плетень, ограда’, др.-в.-нем. *etar* ‘ограда, огороженное поле, край’, нем. стар. *Etter* ‘ограда’). В современной литературе эта этимология принята м. п. Дерксом (Derksen 2008: 364) и Кроном (Kroonen 2013: 114), а в ESJS 573–574 охарактеризована как наиболее вероятная. Однако само германское слово не имеет дальнейшей, более глубокой этимологии и даже неизвестно, восходит ли в нем *-r-* к и.-е. **r* или к **s*; недавно в EWA 5/2014 предпочли реконструкцию **h₁ed^{hes}-*, при которой сближение его со слав. словом теряет свою основу.

- 4.1.2 Есть и попытки внутриязыкового анализа прасл. **odrъ*, для которых общим является то, что исходят из приставочной формы **ob-drъ*, причем *-drъ* этимологизируется по-разному, как нулевая ступень от **der-ti* ‘драть’ или как корень слова **drъvo*. Последнее толкование, восходящее к Ильинскому, принято в ЭССЯ 26: 168; оно подразумевает, что слово изначально обозначало настил вокруг дерева, откуда развились его остальные значения. Самой слабой точкой данной интерпретации является тот факт, что **odrъ* однозначно реконструируется как *o*-основа, тогда как при допущении и.-е. **dru-* как второй части сложного слова мы ожидали бы прасл. *u*-основу: род., местн. ***o(b)dru*, мн. ч. ***o(b)drove* и т.д., тематизированный вариант которой содержал бы *-v-*: ***o(b)drъvъ* (*-va*, *-vo*).⁴⁷ Что касается трактовки **odrъ* как отглагольного от **o(b)derti*, она с формальной точки зрения хотя не исключена, но маловероятна. Нулевая ступень **dr-* корня **der-* в праславянском заменена на редуцированную **dъr-*, так что в ЭССЯ 26 наряду с **obdrъ*/**obdra*/**obdro*, **obdrina* (где *b* совсем гипотетично) реконструированы и более регулярные формы **obdъra*/**obdъrъ*, **obdъrina* (175–179), непосредственно отражающие семантику производящего глагола и вряд ли соприкасающиеся со значениями слова **odrъ*, **odra*, **odrina*. Семантические интерпретации в рамках данной этимологии расходятся в двух направлениях: Потебня исходил из значения содранной кожи животного (ср. **o(b)dora*), употребляемой как ложе, другие из ‘дерево, с которого сняли кору’ > ‘изделие из (ободранной) древесины’. И одно и другое толкование с семантической точки зрения малоубедительны, а имея ввиду вышеупомянутые, отчасти непреодолимые формальные трудности, реконструкция с **ob-* скорее всего заводит в тупик и от неё лучше отка-

47 *O*-основа подтверждается совокупностью данных: род. *одра* (русс.-цсл., серб.-цсл., русск.-диал. и т.д.), местн. *на одрѣ* (русс.-цсл. СРЯ XI–XVII вв. 12: 294), русск. диал. (*на*) *одре*, мн. русс.-цсл. *одри* XVI в. (СРЯ XI–XVII вв. 12: 294), ст.-чеш. *odry* (ЭССЯ 26: 166), русск. диал. *одры* СРНГ 23: 14–15, уже XVI в. (СРЯ XI–XVII вв. 12: 294). При деривации от *u*-основы вместо **odrina* и **odrъсь* имелось бы ***odrov-ina* (как **domov-ina*), ***odrov-ьсь* (как **supov-ьсь*). Формы вроде вин. мн. ч. *одрове* (рус.-цсл. XII в.; серб.-цсл. Студеницкий устав Св. Савы 1208 г., переписанный в 1619 г.: ~ *поста-вити*) – явно вторичны; они отражают смешение древних *o-* и *u*-основ, встречающееся уже в старославянском языке (ср., напр., стслав. род. мн. *дарове*, совр. с.-х. *ветрови*, род. *ветрове* и т.д.).

заться. С другой стороны, сближение славянского слова с германским, даже если бы и было вне всякого сомнения, не приближает нас к убедительному ответу на вопрос об этимоне и первоначальном значении. Точек соприкосновения между славянскими и германскими значениями мало; чешское ‘кол’ изолированно на общеславянском фоне, тогда как ‘частокол, ограда’ вообще не встречается.

4.1.3 Разветвленную семантику слав. **odrъ* скорее можно объединить более общим понятием скрепления деревянных частей и рассматривать **odrъ* как термин традиционного плотничества, изначально обозначавший любое сложное изделие из дерева,⁴⁸ чем исходить из предметно-вещественного значения ‘кол, (сплачиваемые, сбиваемые в плоты) колья’. В индоевропейском существовал глагольный корень **h₂er-* ‘соединять(ся)’. Кроме глаголов гр. ἄραρισκω ‘устраиваю, сплачиваю, смыкаю, соединяю, составляю’, др.-инд. вед. *sat-ar-* ‘соединиться, сойтись (о составах)’, *ar-pay-* ‘прикрепить’, арм. *aṛnē* ‘делаю’, он отражен в ряде отглагольных существительных широкого семантического диапазона, представляющих собой важнейшие термины как материальной, так и духовной культуры древних индоевропейцев. Изначально глагол относился к терминологии плотничества, в первую очередь — колесничества, ср. др.-инд. *ará-* м. р. ‘спица колеса’, гр. ἄρμα ср. р., мн. ἄρματα ‘колесница, повозка’ (**h₂er-smn̥*). Изобретение легкого колеса со спицами вместе с приручением лошади позволило постройку быстроходной боевой колесницы с лошадиной запряжкой. Первые сохранившиеся такого типа колесницы использовали в конце третьего тысячелетия до н. э. носители синташтинской культуры на южном Урале, приписываемой предкам индоиранцев. В последующих столетиях эта крупнейшая технологическая инновация бронзового века дала решительный толчок к расселению ранних индоевропейцев по всей Евразии. В их идеологии колесо со спицами приобрело большое символическое значение, как символ солнца,⁴⁹ а тоже государственного порядка, царской власти.⁵⁰ От корня **h₂er-* образованы слова, выражающие ключевые понятия архаического мировоззрения: др.-инд. *ṛtām* ‘рита, божественный порядок вещей, правда, истина и т.п.’, авест. **arəta-*, *aša-* ср. р. ‘закон, (священное) право, священный порядок; персонифицированное

⁴⁸ То, что *odr* из дерева, подразумевается; если он из какого-то другого материала, это подчеркивается, ср. русск.-цсл. *одри желѣзнии огнени* ‘ἑσχαράι πυρός, приспособление с решеткой, устанавливаемое над огнем, которое употреблялось как орудие пытки’.

⁴⁹ Ср. словосочетание ‘солнечное колесо’: др.-инд. *sūryasya cakram*, гр. ἡλίου κύκλος, др.-исл. *sunnu hvél*, др.-англ. *sunnan hweogul*, восходящее к языку праиндоевропейской сакральной поэзии (Schmitt 1967: 169).

⁵⁰ Ср., на пр., ведийское сравнение: *rāja kṣayati carṣaṇinām/arān ná nemih pári tā babhūva* «Это он [Индра] как царь правит народами / Как обод – спицы (колеса), он охватил их (всех).» (Ригведа I 32, 15, перевод Т. Я. Елизаренковой).

божество истины, мирового порядка Арта, Аша’, гр. ἁρμονία ‘соглашение, порядок, склад, строй, лад, гармония’.⁵¹ Данный корень для нас интересен потому, что к нему относится одно из рассматриваемых здесь древних *nomina instrumenti*, а именно **h₂er-d^hrom* > гр. ἄρ-θρον ср. р. ‘член тела, сочленение, сустав’. Следует сразу отметить, что упоминаемая выше диссимилятивная тенденция, присущая сочетаниям типа *-rCr-*, в греческом слове не реализовалась, по-видимому из-за того, что структура его оставалась прозрачной внутри древнегреческого языка, в котором сосуществовали глагольный корень ἄρ-, узнаваемый в ἄρ-αρ-ίσκω (редупликация), ἄρ-μενος ‘прикрепленный, подходящий’ и т. д., и продуктивный суффикс -θρον. Но в отдельных случаях могло произойти и по-другому. В дорийском диалекте острова Родос отмечено, в качестве глоссы, слово ἄθραι ж. мн. ‘колесница’,⁵² для которого до сих пор не предложено убедительной этимологии (ср. Beekes 2010: 30). При проекции на праязыковой уровень, гр. ἄθραι совпадает, по форме а также по значению, со стчеш. *odru*, струс. *odry* ‘телега’.⁵³ Это сближение не ведет прямо к надежному праязыковому этимону, но в свете приведенных здесь примеров диссимиляции типа гр. βέθρον < βέρ(ε)θρον, др.-инд. *vádhra-* < *várdhra-*, нвнем. *Köder* < ствнем. *querdar*⁵⁴ допустима возможность, что ἄθραι восходит к **ἄρθραι*, производному од того же корня, который в ἄρμα, с помощью того же суффикса, который в ἄρ-θρον, и что слав. **odr-* тем же способом диссимилировано из **ordr-*, восходящего к тому же первоисточнику, и.-е. **h₁er-d^hrom*, мн. *-d^hreh₂*.

4.1.4 Это допущение не совсем беспочвенно, так как оно находит свою опору в балтском материале, а именно в лит. *aĩdas*, мн. *ardai* ‘подмостки, жерди; колосники (для просушки льна)’, лет. *ārdas*, *ārde*, *ārdi* ‘настил из толстых жердей для сушки (снопов в овине; лучины, одежды и т.п. в комнате над печью); балки в кухне, бане; очаг’. В первом этимологическом словаре славянских языков Франц Миклошич для внеславянских этимологических связей слова *odrǫ* ограничился указыванием на лит. *ardai* ‘Stangengestell’ (Miklosich 219–220). Это наблюдение, что в балтском есть слово по звучанию близкое и по значению соответствующее⁵⁵ славянскому **odrǫ*, в последующих обсужде-

⁵¹ Показательно, что в ранних употреблениях слова сохраняется его изначальное, техническое значение, на пр. в. Одиссеи V 249, где оно является термином судостроения (‘скрепа’).

⁵² В словаре Гесихия: ἄθρας: ἄρμα. ῥόδιον.

⁵³ И.-е. **adh^hrās* < **h₂ed^hreh₂es* (первичное окончание род. ж. р. мн. *-ās* > прасл. -у замещено в греческом местоименным -αι).

⁵⁴ Ср. далее прасл. **gabrǫ*, **bystǫ*, **pǣtro* < **grabrǫ*, **brystrǫ*, **pǣtro* (правда, первичность последней формы, как сказано выше § 3.2, спорна).

⁵⁵ Значение ‘леса для сушки’ засвидетельствовано во всех южнославянских языках и в южной части западнославянского ареала.

ниях этимологии славянского и балтского слов никто не принимал всерьез.⁵⁶ В этом, кстати, нет ничего удивительного, так как сопоставление их друг с другом предполагает, по меньшей мере на первый взгляд, что в одном из языков произошел метатез, $dr > rd$ в балтском или $rd > dr$ в славянском, а поскольку того рода изменения не свойственны ни одному ни другому языку, сходство между славянским и балтским словами казалось случайным, а родство между ними исключенным и впоследствии их рассматривали отдельно друг от друга, скорее чем прибегать одному ad hoc объяснению за счет нарушения звуковых законов. Балт. *arda-* интерпретировано как заимствование из русск. диал. (олон., ленингр.) *арда* ‘устройство из столбов, жердей, на котором развешивают для просушки невод’, а оно из прибалтийского финского, ср. карел. *ardo*, вепс. *ard* ‘жердь, на которой просушивается невод’.⁵⁷ Есть и противоположное мнение, о происхождении финских форм из балтского.⁵⁸ Мы полагаем, что дискуссия должна возвратиться к своей исходной точке, зафиксированной более полутора века тому назад пионером славянской этимологии, а именно воскресить его спонтанное сопоставление слав. *odrъ* и лит. *ardai*, которое слишком рано пало жертвой на алтарь младограмматической доктрины об абсолютной силе звуковых законов. Диссимилятивное упрощение типа $rdr > rd$ или dr отнюдь не столь иррегулярно, как метатеза, а проявляется довольно закономерно на стыке корня и суффикса вследствие стирания морфологической границы между ними. Из сопоставления прасл. **odrъ*, балт. *ardas* и гр. ἄθραι выводится с почти математической точностью и.-е. **h₂er-dʰro-* ‘соединение, сцепка, связка; конструкция’, прямо отраженное в гр. ἄθρων. Эта этимология предполагает, что в балто-славянском изначально сохранялась недиссимилятивная форма **ardro-*, которая впоследствии диссимилировалась по-разному в балтском и славянском. Следом бсл. формы с двумя *r* является, возможно, русск. диалектное слово *андрѣц*, *ондрѣц*, мн. -ѣцы, представляющее собой вариант к *одрец*, хотя детали фонетического развития остаются неясными.⁵⁹

56 О нем кратко упомянуто в самом конце статьи в ЭССЯ, тогда как статья *odrъ* в ESJS обошла его молчанием, хотя там дан довольно подробный обзор разных, даже совсем мало вероятных попыток интерпретации слова.

57 Недавно см. Аникин 2005: 90.

58 Недавно см. Derksen 2015: 60, который, считая слово исконно балтским, сближает его с арм. *ardn* ‘копье’. Ср. Аникин 2005: 90, где допускает, что новгородское *årdy* в значении колосников для просушки льна заимствовано из балтского, а не из прибалтийского финского.

59 Слово широко распространено в восточных среднерусских говорах и северном наречии, наряду с *одрец* в том же значении (‘двухколесная телега с приделанными сзади длинными жердями для перевозки тяжестей волоком’ и т. п.; только в архангельской области *андрец*, *ондрец* значит ‘сарай’, ср. СРНГ 1: 258–259; 23: 215). Сосуществование синонимических форм *одрец* и *ондрец* напоминает пару праслав. **žalo* и **želo*, возникшую из **gěl-tlon*, путем двух различных диссимилятивных процессов (ср. недавно М. Сной в Bezlaž 4: 444 s.v. *želo*, 434 s.v. *žalec*). Правда, на праслав. почве из **andr-* ре-

4.2 Есть и другой возможный случай, когда древнее и.-е. *nomen agentis* на *-d^hro* отразилось в праславянском с диссимилятивной утратой корневого *r*. Эта возможность уже указана в этимологическом словаре сербского языка под словом *bědro* (ЕРСЈ 3: 41); там сжато сформулированную идею необходимо здесь развернуть. В данной статье, после обзора существующих попыток этимологического анализа прасл. **bedro*, **bedra* (происхождение от корня, который в **bosti*, *bodq*; сближение с лат. *femur*, см. ниже § 4.2.1), указано, в качестве альтернативной интерпретации, на возможность отнести **bedro*⁶⁰ к и.-е. корню **b^her-* ‘нести’, исходя из семантики пояса, к которому что-то подвешивается чтобы носить с собой; в основе лежало бы и.-е. *nomen instrumenti* **b^her-d^hrom*, с близкой или даже полной параллелью в греч. φέρ(ε)τρον ‘носилки’, в зависимости от того, восходит ли суффикс греческого слова к и.-е. **-trom* или, путем диссимиляции двух придыхательных, к варианту *-d^hrom*, отраженному, на пр., в вышеупомянутом ῥθρον ‘сустав’ (§ 4.1.3), тогда как праславянское слово возводимо к предполагаемому первоисточнику если допустить, что в нем произошла регрессивная диссимиляция двух *r*: **berdro* > **bedro*, вполне затемнившая его первоначальную структуру.

4.2.1 Смелость выдвинутой нами гипотезы надо соразмерять с неудачностью предшествующих попыток. Упомянем только те, которые не потеряли своей актуальности. Сближение **bedro* с лат. *femur*, *feminis* ‘бедро’ нельзя обойти молчанием, поскольку оно глубоко укоренилось в славянских этимологических словарях (ср. Фасмер 1: 143; ESJS 58), вопреки тому, что никогда не было принято всерьез в кругах специалистов по латинской этимологии и сравнительному языкознанию.⁶¹ Можно согласиться с Аникиным (Аникин 3/2009: 33), что боль-

► зультативало бы **odr^ь* > русск. **удр-ец*; по географическим причинам здесь нельзя допустить заимствование из лехитских говоров, тем более, что в них прасл. **odr^ь*, **odr^ьсь* почти незнакомо. Скорее речь идет о скрещении славянского **odr^ьсь* с чужим, семантически близким словом, отраженным в русск. диал. *андрѡн* ‘совок, черпак; шест, жердь’. Слово отмечено Далем без указания местности, но в СРНГ 1: 259 имеется мн. число *андрѡны* из псковской области, обозначающее тот же вид телеги, что и *андрѣ-ц(ы)*. Возможно, термин проник с запада, где был заимствован из балтского субстрата, если допустить, что в балтском из **ardro-* возникла пара **ardo-/andro-*, сравнимая с **gēntlo-/gētlo-* из **gēltlo-*.

60 Форму **bedra*, хотя она довольно древняя, следует считать вторичной; в отличие от выше рассмотренных случаев, здесь не надо исходить из мн. числа ср. рода на *-a* а, ввиду того, что бедра составляют пару, нейтрализация оппозиции между *o*-основой среднего и *a*-основой женского рода произошла в оканчивающихся на *-ě* падежах: в именительном/винительном двойственного и в местном единственного числа.

61 Дикая корневая этимология Петра («Asl. russ. *be-dró*, čech. *be-dro* schenkel weist den stamm *bhē-* auf, der im deutschen *bei-n*, lat. *fe-men*, *fe-mur* schenkel vorkommt», Petr 1895: 210) переформулирована Бернекером, который (правда, с оговоркой «Unsicher») допустил, что в основе славянского и латинского слов лежит древняя гетероклитическая основа **b^hed^h-r-/b^hed^h-men-* (Berneker 47–48); в последующих обсуждениях лат. слова

шего внимания заслуживает сравнение **bedro* с арм. словом *port* ‘пуп, живот, середина’, возводимым к и.-е. **bodro-*; в основе лежало бы значение чего-то круглого, выпуклого (ср. ESJS 58), но надо иметь в виду, что предполагаемая структура и.-е. корня маловероятна.⁶² За недостатком убедительных и.-е. параллелей, сделаны попытки, раскрыть возможные внутриязыковые связи прасл. **bedro*. При этом исходили, по-разному, из корня, который в прасл. **bosti, bodq*, и.-е. **bʰedʰ-/bʰodʰ-* ‘колоть, копать’.⁶³ Розвадовский указал на польск. *ubiedrze* ‘склон, крутизна’ и лтш. *bedre* ‘яма’ как производное от *best, bedu* ‘копать’, аргументируя, что бедра одновременно ‘склон’ и ‘углубление’, так как каждый настоящий склон тоже уклон, снижение.⁶⁴ Это толкование принял Вайан, приводя и лит. *bėdrė* ‘fosse’ и уточняя, что **bedra, bedro* изначально обозначало паховую складку.⁶⁵ Недавно Аникин присоединился к этой трактовке, указав на укр. диал. *бедра́* ‘большая яма; болото, долина’, значением точно соответствующее балтскому слову,⁶⁶ правда, с оговоркой, что укр. слово могло бы быть из *дебра*. Эта возможность, что укр. *бедра* восходит к прасл. **dʰbra*, в самом деле, довольно вероятна; после утраты слабого редуцированного **dʰbra* могло претерпеть метатезу в **бдра*, ср. польск. название реки *Brda < Dbra* (XIII в.); -е- в данном случае вторично, как и в *дебра*. Что касается польского *ubiedrze*, справедливая критика Фасмера, что это слово может быть образовано от *biodro* ‘склон горы’, подкрепляется серб. топонимом *Подбедарје*⁶⁷ ‘место под бедром (горы)’; здесь слово *бедро* следует понимать как метафорическое обозначение (бока, стороны) возвышения, а никак не углубления. Другим путем к выводу, что **bedro/*bedra* производное от глагольной основы **bed-/bʰod-* ‘бить, колоть’, пришел О. Н. Трубачев, который реконструирует прилагательное **bedr̥-*,

► это сравнение отвергнуто (Walde – Hofmann 477; Ernout/Meillet 224), а в новейшем этимологическом словаре латинского де Ваана оно больше не упоминается (de Vaan 210; единственная принятая там во внимание возможность реконструкции лат. *femur* на и.-е. уровне **dʰen-ur*).

62 Этимология, выдвинутая Петерссоном (Petersson 1915: 32) принята Покорным, который с вопросниками реконструировал корень *bed-* ‘schwellen’ (Pokorny 96), несмотря на факт отсутствия звонкого лабиального **b* в праиндоевропейской звуковой системе. По этой или другой причине, *port* не включено в новый этимологический словарь унаследованной лексики армянского языка (Martirosyan 2009). В случае прасл. **bedro-*, возведение его к и.-е. **bed-* противоречит и закону Винтера, утверждающему что и.е. краткий гласный перед непридыхательным звонким в балто-славянском подлежал удлинению, т.е. из и.-е. **bedro-* ожидалось бы ***bēdro* (ср. Derksen 2008: 35).

63 Или **bʰedʰh₂-*, как реконструировано в LIV 66. Уже в 1880 г. Даничич утверждал, что *bedra, bedro* «Od korijena *bhadh*, tiskati, stezati, vezati, od koga je i *bosti* i *bijeda*» (RJA 1: 222).

64 «Hüfte ist ja zugleich ‘Abhang’ und ‘Einsenkung’ und jeder wirkliche Abhang ist auch eine Senkung.» (Rozwadowski 1909: 104).

65 Vaillant 1979: 641: ‘pli de l’aîne’.

66 Аникин 3/2009: 33; для лит. *bėdrė* он приводит значение ‘болото, долина’.

67 Упоминается в османском дефтере 1604. г. и в помяннике монастыря Крушево = Добрун, записи в котором датируются тоже XVII столетием. Сегодня деревня Победарје в восточной Боснии (Республика Сербская).

предполагая, что слово изначально обозначало бедренную кость.⁶⁸ Эта реконструкция могла бы с формальной стороны подкрепиться иранскими названиями орудий (лопата, заступ), восходящими к **badar-*, **badra-* от того же корня (ср. Расторгуева – Эдельман 2: 43; ЕРСJ 3: 41), но самая главная её опора с семантической стороны, словацкое значение ‘бедренная кость’, изолировано на общеславянском фоне и, по-видимому, вторично, возникло в результате скрещения между **bedro* и **rebro*, происшедшего в самом словацком языке, ср. слц. диал. *bedro* ‘ребро’. Приводимое Трубачевым в качестве семантической параллели нем. *Bein* ‘кость > нога’, если и восходит, в конечном счете, к и.-е. **b^hei(H)-* ‘бить’, неотделимо от общегерманского прилагательного **bainaz* ‘прямой’ (кость как правило — пряма), тогда как соответствующее промежуточное звено в значениях и.-е. корня **b^hed^h(h₂)-* не обнаруживается. Серб. диал. *бѣдрица* ‘синяк, кровоподтек от удара на теле’, вопреки Трубачеву, трудно считать доказательством семантики битья, биения, лежащей в основе прасл. **bedro/*bedra*; и в этом случае речь идет об изолированной словоформе, которая, возможно, возникла в результате перинтеграции из **ob-ędriti*, ср. серб. *jѣдрица* ‘прыщик’, русск. диал. *едрѣть* ‘(о нарыве) нарывать’.⁶⁹ Проведенную дискуссию можно подытожить следующими цитатами: «Brak pewnych (dalszych) odpowiedników» (Ślawski 1: 34; SP 1: 200), «Nejasné» (ESSJ 58), «Bez pewnej dalszej etymologii» (Boryś 28), «The etymology of this word is not entirely clear» (Derksen 2008: 35). И в нашем словаре мы воспользовались сходной формулировкой: «Крајња етимологија псл. речи није јасна» (ЕРСJ 3: 41), но не одолели искушение, увеличить число недоказуемых гипотез, исходя из праформы **berdro* и сближая ее с гр. φέρ(ε)τρον. В свете аналогического развития, предполагаемого для прасл. **odrъ*, это допущение теперь представляется менее смелым, по меньшей мере с формальной точки зрения. Остается подкрепить его с семантической стороны менее лапидарно, чем в словарной статье девять лет тому назад.

4.2.2 В самых ранних употреблении *бедро* (*бедра*) — часть человеческого тела, на которой что-то носится, к ней подвешивается, которая чем-то опоясывается. В староцерковнославянских памятниках слово встречается только однажды, а именно в переводе псалмов, восходящем к Кириллу и Мефодию: *Прѣпоѣши сѧ ѡрѡжѣемъ твоимъ по бедрѣ твоєі силъне* = περιζωσαι τὴν ῥομφαίαν σου ἐπὶ τὸν μηρόν σου, δύνατέ, Пс. 44, 4. Кирилло-мефодиевский перевод, засвидетельствованный Синаской псалтирью (Северьянов 58), усвоен последующей традицией;⁷⁰ он довольно верен греческому подлиннику, но не

68 ЭССЯ 1: 179–180; новую этимологию Трубачев представил уже 1972 г. в своем докладе на симпозиуме в Лейпциге, см. Трубачев 1975: 341.

69 Ср. ЕРСJ 3: 38–41 s.vv. *бедреник*, *бедрика*, *бедринац*.

70 Ср., на пр., *Прѣпоѣшиши оружїемъ твоимъ по бедрѣ твоєи* в Симоновской псалтири XIII в. (274, по СРЯ XII–XVIII вв. 19: 29). Этот псалом довольно часто цитируется в произведениях средневековой литературы, на пр. Даниилом II в «Житиях королей и архиепископов сербских»: *Прѣпоѣши се оружїемъ симъ по бедрѣ своєи* (ЖКА 26).

подражает ему слепо (греческая предложная конструкция с винительным передана творительным падежом), так что его можно рассматривать скорее как отражение устной основы языка кирилло-мефодиевской письменности чем как кальку. И в древнерусских текстах, язык которых близок живой народной речи, слово *бедро/бедра* ассоциируется с поясом, к которому подвешен меч: в Поучении Владимира Мономаха *вепрь ми на бедрѣ мечь от-тять*,⁷¹ в Радзивилловской летописи под годом 1204, где речь идет о встрече Романа Мстиславича Галицкого с папским посланцем: *изъѣвъ мечь свои, рече послу „Такии ли то мечь Петровъ у папы? изъѣ имать такии, то можетъ города давати, а азъ доколѣ имамъ и при бедрѣ, не хочу куповати ино кровию* (Срезневский 1: 132). Народный характер данных оборотов находит свое подтверждение в языке былинного эпоса,⁷² только в нем вместо слова *меч* употребляется *сабля*: *На левой бедре сабля вострая*,⁷³ *на бедре висит сабля острая*,⁷⁴ *ко левой бедре припоясана сабля вострая*,⁷⁵ *На бедры берет саблю вострую*.⁷⁶ Очевидно, что словосочетание *на бедре* (и сл.) *сабля вострая* представляет собой эпическую формулу, которая имеет близкие соответствия в сербских юнацких песнях, где в качестве оружия на бедре выступает как правило *сабля*,⁷⁷ иногда *мач* ‘меч’⁷⁸ или *ћорда* ‘турецкая сабля’,⁷⁹ а глагол — *припасати* < *pri-pojasati, как и в приведенном выше стихе былины о Михаиле Казарине. Сопоставление данных русской и сербской устных традиций позволяет отнести сочетание слова *bedro/bedra с названиями

71 Лаврентьевская летопись 251; *бедрѣ* здесь местной от *бедра*, ср. в продолжении *лютыи звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры* (СРЯ XI–XVII вв. 1: 89).

72 В следующем представлены результаты нашего поиска на странице <http://feb-web.ru/feb/byliny/default.asp>, откуда вместе со стихами приводим и ссылки на их источники.

73 «Илья Муромец и богатырь турок», по: *Илья Муромец*, Москва – Ленинград, 1958, 219 (28°, стих 6, об Илье).

74 *Русские сказки*, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения I: *Сказки богатырские*, Москва, 1780/84, 66–67, по: В. А. Левшин, *Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков*, Москва, 1960, 249 (о Добрыне).

75 *Древние Российские стихотворения*, собранные Киршею Даниловым, МОСКВА, 1977, 110–115 («Михайло Казарин и сестра», стих 18).

76 По: *Былины: Сборник*, Л. 1986, 408 (о Добрыне).

77 *Од како ме породила мајка, / И на бедру сабљу припасао* («Неманић Стјепан и Урица баница», Вук V 13°, 58–59), *А о коњу топуз објесио, / И на бедру сабљу припасао* («Откуд је Герзелез», Пјеванија 149°, 160–161), *И о бедри сабљу припасао* («Женидба Марка Краљевића», Вук VI 94°, 117), *О бедри је сабљу припасала* («Кадун Асан-аге Куне», Вук VI 69°, 55).

78 *А о бедри мача припасао*, «Ограшић сердар и Раде Крајинић», Вук VI 49°, 181. Самым древним является, по-видимому, этот вариант, содержащий слово *мач* в нерегулярной форме винительного падежа *мача*, поскольку данное явление восходит ко времени, когда слабый редуцированный на конце слова еще произносился; о метрически обусловленной вокализации его в сербском устном стихе см. Лома 2014.

79 Это турцизм, характерный для мусульманских песен: *А уз бедру припасао ћорду* «Мехо Боснић (Новљанин)» Херман II 66°, 539, «Османагић Мехо и Алага од Новога» 259.

оружий **mešь/*mьсь* и *sabl'a* и глаголами **pripojasati*, возможно и **(ob-)vėsiti*, **visēti*,⁸⁰ к языку праславянской эпической поэзии.⁸¹ Итак, независимо от любой этимологической спекуляции, чисто филологическим подходом, приходим к выводу, что древнейшим значением прасл. **bedro/*bedra* было, скорее всего, ‘пояс’, ср. сербский вариант вышеупомянутой формулы *a pripinasa sabљу o pojasy*,⁸² и что, вероятнее всего, значение части тела возникло, как и в случае слова **pojasь*, из обозначения части одежды, в результате метонимии (т.е. ассоциации по смежности).

4.2.3 Это сознание важно не терять из виду при обсуждении до сих пор предложенных толкований, полагающих в основу слова **bedro* совсем другую исходную семантику: **‘что-то выкопанное, углубленное > пах’*, **‘что-то быющее, колющее > бедренная кость’*, **‘что-то выпуклое > пуп, живот’*. Показательно, что в славянском переводе Ветхого завета *бедра* употреблено для передачи гр. *μηρός* только на вышеупомянутом месте из псалмов, где речь идет о части тела, которая опоясывается (§ 4.2.2), тогда как там, где греческое слово фигурирует в мн. числе в качестве синонима к *ὄσφϋς*, калькирующему др.-евр. *hālās* ‘чресла отца, дающие начало потомству’, выбор пал на другое слово, *чресла*, ср. *яже изыдоша из чресль его* οἱ ἐξελθόντες ἐκ τῶν μηρῶν αὐτοῦ Пост. 46,26 наряду с *из чресль твоихъ изыдутъ* ἐκ τῆς ὀσφύος σου ἐξελεύσονται Пост. 35,11.⁸³

4.2.4 Если при сближении прасл. **bedro*, **bedra* с гр. хом. *φέρτρον*, мн. *φέρτρα* ‘носилки’⁸⁴ < и.-е. **b^her-trom* или *b^her-d^hrom* (см. выше § 4.2) слабой точкой является отсутствие доказательства того, что **bedro* возникло путем диссимилиации из ***berdro*,⁸⁵ предлагаемая нами этимология обладает тем преимуществом, что возводит слово к надежному праязыковому первоисточнику. Он отражен и в аблаутном варианте **b^hr-treh₂* или **b^hr-d^hreh₂* > гр. *φάρετρα*

⁸⁰ *Низ бедрицу сабљу објесио* («Марко Краљевић и Рушко Арап-ага», Петрановић III 20°, 51). Ср. самое раннее серб.-цсл. употребление слова в Студеничком уставе начала XIII в.: *набедръницоу навесаєт* (так!) *ємоу на лѣвоюу бедроу*.

⁸¹ Вариант глагола с приставкой **per-* свойствен церковнославянскому языку, где, как выше сказано, глаголом *прѣпоясати* с.а. передается гр. *περιζόβεισθαι*; показательно, что в современном сербском переводе Ветхого завета Дж. Даничича данное место из псалма 44,4 (там: 45,3) уподоблено языку устной эпики: *Припаши, јуначе, уз бедру своју меч свој*. И в Елизаветинском переводе *оружие* замещено словом *меч*: *Преполоми мечъ твой по бедръ твоѣй, Сильне*.

⁸² «Ограшић Алија и сестра Цмиљанића», Вук VI 66°, 248.

⁸³ Ср. ESJS 112 s.v. *črěsla* ‘часть тела ниже пояса’ (внешне: ‘бедра’, внутренне: ‘внутренности, кишечник, тоже место мужской порождающей силы’).

⁸⁴ Илиада XVIII 236, где речь идет о похоронных носилках. Более поздний вариант – *φέρетρον* (Полибий), см. выше § 2.2.2.

⁸⁵ В отличие, скажем, от случая **bystrь* < **brystrь*, где более древняя форма с двумя *r* широко засвидетельствована.

ж.р., ион. у Гомера *φάρετρον*, беот. *φάράτρα* ‘колчан, тул’, т.е. сумка или чехол, в которой носят стрелы.⁸⁶ Колчан, как и меч или сабля, располагался, вместе с луком, обычно на поясе; в былинах и в данном контексте употребляется *бедро*: *Его лук-колчан по бедрам бьется*;⁸⁷ *Со бедра Добрыня бросил лук о землю*.⁸⁸ У всадников колчан иногда подвешивался к седлу; таким способом, лошадиный круп мог перенять роль пояса как «носящей» части одеяния. Более того, понятием «носилки» были охвачены и такие примитивные средства транспорта, как волока или волочуга; запряженная волочугой лошадь могла восприниматься как «препоясанная носилкой». Перенос значения ‘пояс’ > ‘поясница, бедро человека’ > ‘бедро животного’ предположительно затронул, прежде чем других животных, именно лошадь. И об этом будто свидетельствуют былины, в которых кроме богатырских бедер речь идет также о лошадиных: формула *бьет коня по тучным бедрам* (и т.п.) встречается в них очень часто.⁸⁹ Точная или нет, наша этимология может послужить иллюстрацией методологического правила, которое не всегда соблюдается, а гласит, что прежде чем пускаться в этимологическую комбинаторику надо как можно ближе подойти к исконному значению данного слова, учитывая, кроме его ранних письменных употреблений, и устойчивые сочетания народной речи.⁹⁰

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев 1–5** = В. И. Абаев, *Историко-этимологический словарь осетинского языка* 1–5, Москва – Ленинград, 1958–1995.
Абаев 1958 = В. И. Абаев, *Образ Вия в повести Гоголя, Русский фольклор* 3, Москва – Ленинград, 303–307.
Аникин = А. Е. Аникин, *Русский этимологический словарь*, Москва, 2007–.
Аникин 2005 = А. Е. Аникин, *Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке*, Новосибирск, 2005.
Вук = Вук Ст. Караџић, *Српске народне пјесме* II, Беч, 1845; V–VI, Београд, 1935.
ЕРСЈ = *Етимолошки речник српског језика*, Београд, 2003–.

- ⁸⁶ Ед. число ж. р. из мн. ч. ср. р.; нулевая ступень объясняется первичным ударением на суффиксе *-tróm*, *-dhróm*, вставной гласный как в *фѣретров*, для варьирования его окраски ср. выше *ѣротров/ѣратров*, *бѣреѣтров/бѣраѣтров* (§ 2.2.2).
⁸⁷ *Песни, собранные П. В. Киреевским*, нов. сер. II 2, Москва, 1929, 226 («Дюк Степанович», песня записана В. Далем).
⁸⁸ По: В. Я. Пропп, *Русский героический эпос*, Москва, 1958, 365.
⁸⁹ В сербских юнацких песнях *бедро*, *бедра*, *бедрица* применяется лишь к человеку; для обозначения лошадиного крупа употребляется слово неизвестного происхождения *сапи* мн. ж. р.: *па удари вранца по сапи* Вук II 94^о, 313.
⁹⁰ Здесь мы ограничились сравнением данных русской и сербской народной эпикой и далеко не исчерпали всей совокупности устной традиции славянских народов. В качестве примера приведем русскую пословицу: *быть было беде, да деньги на бедре* (у Даля вариант: *Быть было бѣдѣ, да случились деньги при бедрѣ*), где, очевидно, речь идет о к поясу подвешенной сумке-кошелке, которая, в случае опасности, может сыграть роль меча.

- ЖКА** = *Животи краљева и архиепископа српских*, написао архиепископ Данило и други, изд. Ђ. Даничић, Београд, 1866.
- Куркина 1970** = Л. В. Куркина, Словенско-восточнославянские лексические связи, *Этимология* 1970, Москва, 1970, 91–102.
- Куркина 1992** = Л. В. Куркина, *Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики*, Ljubljana, 1992.
- Лома 2008** = А. Лома, Кривой ветер и откуда он подул: к истокам дуалистического понимания ветра и огня в индоевропейских традициях, *Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика*, Београд, 2008, 199–226.
- Лома 2010** = А. Лома, Етимологија и дијалектологија у дијахроној перспективи, *Теорија дијахроничке лингвистике и проучавање словенских језика*, Београд, 2010, 89–101.
- Лома 2014** = А. Лома, У Будима у бијела града. Прилог истраживању старине епског десе-терца, *Промишљања традиције: фолклорна и литерарна истраживања*, Београд 2014, 49–62.
- ОП** = *Ономатолошки прилози*, Београд.
- Петрановић** = *Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине* III, скупко Б. Петрановић, Београд, 1870.
- Пјеванија** = *Пјваннија црногорска и херцеговачка* собрана Чубром Чојковићем Црногорцем = *Volkslieder der Montenegriner und Herzegowinaer Serben*, Leipzig, 1837.
- Расторгуева – Эдельман** = В. С. Расторгуева – Д. И. Эдельман, *Этимологический словарь иранских языков*, Москва 2000 и д.
- РСА** = *Речник српскохрватског књижевног и народног језика* САНУ, Београд, 1959–.
- Северьянов 1922** = *Синайская псалтырь*, Глаголитический памятникъ XI века, приготовилъ к печати С. Северьяновъ, Петроградъ, 1922.
- Срезневский** = И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древне-русского языка по письменнымъ памятникамъ* I–III, Санктпетербургъ, 1893–1912.
- СРНГ** = *Словарь русских народных говоров*, Москва – Санкт-Петербург, 1965–.
- СРЯ XI–XVII вв.** = *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, Москва, 1975–.
- Трубачев 1965** = О. Н. Трубачев, Из славяно-иранских лексических отношений, *Этимология* 1965, Москва, 1967, 3–81.
- Трубачев 1967** = О. Н. Трубачев, Из работы над этимологическим словарем славянских языков, *Вопросы языкознания* 1967, № 4, 34–45.
- Трубачев 1975** = О. Н. Трубачев, Словообразование, семантика, этимология в новом «Этимологическом словаре славянских языков» 1–3, *Slawische Wortstudien: Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes*, Leipzig, 11.–13. 10. 1972, Bautzen, 1975, 27–34.⁹¹
- Трубачев 2004** = О. Н. Трубачев, *Труды по этимологии: слово, история, культура* 1, Москва, 2004.
- Фасмер** = М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка* I–IV, Москва, 1986–1987.
- Херман** = К. Hörmann, *Narodne pjesme Muhamedovaca u Bosni i Hercegovini* I–II, Sarajevo, 1888–1889.
- ЭССЯ** = *Этимологический словарь славянских языков*, Москва, 1974–.
- ALEW** = W. Hock (Hrg.), *Altltauisches etymologisches Wörterbuch* I–III, Hamburg, 2015.
- Beekes** = R. S. P. Beekes, *Etymological Dictionary of Greek*, Leiden, 2010.
- Beekes 1969** = R. S. P. Beekes, *The development of the Proto-Indo-European laryngeals in Greek*, The Hague – Paris.
- Berneker** = E. Berneker, *Slavisches etymologisches Wörterbuch: A–morъ*, Heidelberg, 1908–1913.
- Bezljaj** = F. Bezljaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika* I–IV, Ljubljana, 1977–2005.
- Bezljaj 1967** = F. Bezljaj, *Eseji o slovenskem jeziku*, Ljubljana, 1967.
- Bezljaj 2003** = F. Bezljaj, *Zbrani jezikoslovni spisi* I–II, ur. M. Furlan, Ljubljana, 2003.

91 Цитируется по Трубачев 2004.

- Boisacq** = É. Boisacq, *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*, Heidelberg – Paris, 1916.
- Boryś** = W. Boryś, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 2005.
- Brugmann 1906** = K. Brugmann – B. Delbrück, *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen* II/1, zweite Bearbeitung, Straßburg, 1906.
- Chantraine** = P. Chantraine, *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: histoire des mots* I–IV, Paris, 1968–1980.
- Chantraine 1933** = P. Chantraine, *La formation des noms en grec ancien*, Paris, 1933.
- Cheung 2002** = J. Cheung, *Studies in Historical Development of the Ossetic Vocalism*, Wiesbaden, 2002.
- Cvetko-Orešnik 1998** = V. Cvetko-Orešnik, *K metodologiji preučevanja baltoslovansko-indoiranskih jezikovnih odnosov*, Ljubljana, 1998.
- Derksen 2008** = R. Derksen, *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*, Leiden, 2008.
- Derksen 2015** = R. Derksen, *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon*, Leiden, 2015.
- de Vaan 2008** = M. de Vaan, *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*, Leiden, 2008.
- Ernout – Meillet** = A. Ernout – A. Meillet, *Dictionnaire étymologique de la langue latine*, Paris, 1959.
- ESJS** = *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*, Praha, 1989–.
- EWA** = *Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen*, Göttingen, 1988–.
- Frisk** = H. Frisk, *Griechisches etymologisches Wörterbuch* I–III, Heidelberg, 1960–1973.
- Hofmann** = J. B. Hofmann, *Etymologisches Wörterbuch des Griechischen*, München, 1950.
- Kretschmer 1892** = P. Kretschmer, *Indogermanische Accent- und Lautstudien*, *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen* XXXI, N. F. XI (1892), 325–472.
- Kroonen 2013** = G. Kroonen, *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*, Leiden.
- Latte 1925** = K. Latte, *Glossographica*, *Philologus* 80 (1925), 136–175.
- Lejeune 1972** = M. Lejeune, *Phonétique historique du mycénien et du grec ancien*, Paris, 1972.
- Leumann 1977** = M. Leumann, *Lateinische Laut- und Formenlehre*, München, 1977.
- LIV** = *Lexikon der indogermanischen Verben: Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*, zweite, erweiterte und verbesserte Auflage bearbeitet von Martin Kümmel und Helmut Rix, Wiesbaden, 2001.
- Loma 2000** = A. Loma, *Serbisches und kroatisches Sprachgut bei Konstantin Porphyrogennetos*, *Зборник радова Византолошког института* 38 (1999–2000), 87–161.
- Machek 1951** = V. Machek, *Quelques mots slavo-germaniques*, *Slavia* 20 (1951), 200–218.
- Machek 1957** = V. Machek, *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, Praha, 1957.
- Machek 1968** = V. Machek, *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1968.
- Martirosyan 2009** = H. Martirosyan, *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*, Leiden, 2009.
- Mayrhofer** = M. Mayrhofer, *Etymologisches Wörterbuch des Altindoirischen* I–II, Heidelberg 1986–1996.
- Mayrhofer 2005** = M. Mayrhofer, *Die Fortsetzung der indogermanischen Laryngale im Indo-Iranischen*, Wien, 2005.
- Meillet 1905** = A. Meillet, *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave* 2, Paris, 1905.
- Meineke 1843** = A. Meineke, *Analecta Alexandrina*, Berlin, 1843.
- Miklosich** = F. Miklosich, *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, Wien, 1886.
- Mūlenbahs – Endzelīns** = K. Mūlenbahs, *Latviešu valodas vārdnīca*, rediģejis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns, 1–4, Rīga, 1923–1932.
- NIL** = D. S. Wodtko – B. Irslinger – C. Schneider, *Nomina im indogermanischen Lexikon*, Heidelberg, 2008.
- Olsen 1988** = B. Olsen, *The Proto-Indo-European Instrument Noun Suffix *-tlom and its Variants*, Kopenhagen, 1988.
- Osthoff 1875** = H. Osthoff, *Forschungen im Gebiete der indogermanischen nominalen Stammbildung* 1, Jena, 1875.

- Otrębski 1965** = J. Otrębski, *Gramatyka języka litewskiego II: nauka o budowie wyrazów*, Warszawa, 1965.
- Petersson 1915** = H. Petersson, *Zur slavischen und vergleichenden Wortforschung*, Lund, 1915.
- Petr 1895** = V. J. Petr, *Slavische etymologien, Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen* XXI (1895), 207–217.
- Pokorny** = J. Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern – München, 1959.
- Poljakov 1995** = O. Poljakov, *Das Problem der balto-slavischen Sprachgemeinschaft*, Frankfurt am Main, 1995.
- RE** = *Realencyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft*, Stuttgart, 1893–1978.
- RJA** = *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika JAZU I–XXIII*, Zagreb, 1880–1976.
- Rozwadowski 1909** = J. Rozwadowski, *Slavisches etymologisches Wörterbuch von Dr. Erich Berneker, Rocznik Slawistyczny* 2 (1909), 71–112.
- Schmitt 1967** = R. Schmitt, *Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit*, Wiesbaden, 1967.
- Skok** = P. Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I–IV*, Zagreb, 1971–1974.
- Sławski** = F. Sławski, *Słownik etymologiczny języka polskiego 1–5: A–L*, Kraków, 1952–1982.
- SP** = *Słownik prasłowiański*, Kraków, 1974–.
- Susemihl 1891** = F. Susemihl, *Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit* I, Leipzig, 1891.
- Vaillant 1958** = A. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves* II/1: flexion nominale, Lyon, 1958.
- Vaillant 1979** = A. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves* IV: la formation des noms, Paris, 1979.
- Walde – Hofmann** = A. Walde – J. B. Hofmann, *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1938.

POVZETEK

Ide. **-tro-*, **-d^hro-* v praslovanščini?

Od štirih ide. pripon za nomina instrumenti – **-tro-*, **-d^hro-*, **-tlo-*, **-d^hlo-* – je na slovanskih tleh ostala produktivna samo zadnja, ker je ta, kakor kaže, sovpadla s **-tlo-*, ki je ohranjeno v baltskih jezikih (lit. *-klas*). Neposredni odrazi pide. **-tro-* in **-d^hro-* v balto-slovanščini so redki in sporni, kakor v primeru analize **vē-tro-* ‘veter’, le da za nekatere izpeljanke na *-tlo*, *-dlo*, kakor psl. **ordlo*, lit. *árklas* ‘ralo’ ali psl. **gъrdlo*, **žerdlo*, lit. *gurklė*, *gerklė* ‘grlo, žrelo’ ide. paralele navajajo na predpostavko, da je treba izhajati iz izpeljank na **-tro-*, **-d^hro-*, v katerih je *l* nasledek progresivne disimilacije dveh *r*. Ista disimilatorna tendenca je lahko izzvala izpad enega *r*, bodisi v priponi bodisi v korenu. Drugi primer bi bil v psl. besedah **bedro/bedra* in **odrъ/odro/odra*, razložljivih kot izpeljanke na **-d^hro-* h korenu **b^her-* ‘nositi’ oziroma **h₂er-* ‘sklepati’, v prvotnih pomenih **‘del telesa, na katerem se kaj nosi zapeto za pas’ (bedro) in *‘lesena konstrukcija’ (oder).*

MAREK MAJER

POCHODZENIE PRASŁOWIAŃSKIEGO *čbjb ‘CZYJ’

COBISS: 1.01

Izvor praslovanskega *čbjb ‘čigav’

Članek prinaša novo razlago izolirane praslovanske besede *čbjb ‘čigav’. Leksem se razlaga s tematično izpeljavo (na *-o-) iz praindoevropskega *k^wi-h₁ ‘s kom/čim’ (or. ed. h *k^wi- ‘kdo/kaj’), torej: pide. *k^wi-h₁-o ‘tak, ki je s kom/čim’ > ‘čigav’ > psł. *čbjb. Struktura izpeljanke je primerljiva z novo razlago pide. *h₂ep-i ‘v vodi’ → *h₂ep-i-o- ‘tak, ki je v vodi’ > ved. ápiya- ‘isto’.

Ključne besede: praslovanski, čigav, zaimek, morfologija, etimologija

The origin of Proto-Slavic *čbjb ‘whose’

This article proposes a new analysis of the isolated Proto-Slavic word for ‘whose’, *čbjb. The lexeme is explained as a simple thematic derivative (in *-o-) from PIE *k^wi-h₁ ‘with whom/what’ (instrumental singular of *k^wi- ‘who/what’); thus: post-PIE *k^wi-h₁-o- ‘being with whom/what’ > ‘whose’ > PSł. *čbjb. The structure is comparable to derivatives such as PIE *h₂ep-i ‘in water’ → *h₂ep-i-o- ‘being in water’ > Ved. ápiya- ‘idem’.

Keywords: Proto-Slavic, whose, pronoun, morphology, etymology

1 PRASŁOWIAŃSKIE *čbjb ‘CZYJ’ I DOTYCHCZASOWE OBJAŚNIENIA

- 1.1 W języku psł. w roli zaimka dzierżawczego pytajnego ‘czyj’ (a także odpowiadającego mu zaimka względnego i nieokreślonego) funkcjonował – w pełni odmienny przez przypadki, liczby i rodzaje – leksem *čbjb *čbjja *čbjje, widoczny na przykład w scs. čii, sbch. čijī, stę. przestarzałe čij,¹ ros. čej č’ja č’je, pol. czyj (stpol. czej), głuż. čejī, cz. čí itp. (pełny materiał zob. Vaillant 1958: 465–470; Kopečný ESSJ-SGZ: 129–130; SP 2: 308–309; ÈSSJa 4: 140–141; ESJS 2: 107).
- 1.2 Nawet pobieżna lektura powyższych prac pokazuje, że leksem *čbjb bynajmniej nie uchodzi w literaturze za zagadkowy. I rzeczywiście, jego ostateczna podstawa słotwórcza nie budzi najmniejszych wątpliwości: jest nią (podobnie jak dla innych psł. zaimków pytajnych) pie. pierwiastek zaimka pytajnego *k^w-, tworzący tematy *k^wo-, *k^we- oraz *k^wi-.² Zwraca jednak uwagę fakt, iż psł. *čbjb nie posiada

1 SSKJ; dziś literackie čigáv; zob. § 4.3.

2 Co do *k^wo-, por. na przykład wed. ká-, goc. hxas, psł. *k^w(to) ‘kto’; co do *k^wi-, por. na przykład łac. quis, gr. τίς ‘kto’, PSł. *čb(to) ‘co’. Dystrybucja wariantów jest niejasna i stanowi w indoeuropeistyce starą zagadkę. Obszerny materiał, analiza i literatura por. Dunkel LIPP 2: 452–479.

dokładnego odpowiednika w innych językach indoeuropejskich. Tu należy z całą stanowczością podkreślić, iż psł. *čbjb nie może być traktowane jako identyczne lub niemal identyczne z łac. *cuius* ‘czyj’ (starsze *quouis*; od najdawniejszych czasów również odmieniane *cuius*, *cuia*, *cuim*) oraz gr. ποῖος, ποῖα, ποῖον ‘który’. Obie te formy są najprawdopodobniej oparte na przekształceniu pie. *k^wo-syo, czyli GEN.SG zaimka pytajnego *k^wo- (por. wed. *kásya* ‘kogo’).³ Traktowanie tych wyrazów jako (niemal) dokładnych odpowiedników psł. *čbjb (tak np. Vasmer ÊSRJa 4: 323–324 i wielu innych autorów) jest zatem niemożliwe, gdyż fonologicznie są one nie do pogodzenia (sekwencja pie. *-sy- dałaby oczywiście w psł. inny rezultat).

1.3 Należy więc uznać, że psł. *čbjb kontnuuje nie formę odziedziczoną z pie.,⁴ a jakąś przed-psł. innowację. Nie jest to wniosek nieoczekiwany, gdyż – w przeciwieństwie do psł. – dla języka pie. nie da się zrekonstruować osobnego leksemu odpowiedzialnego za wyrażanie znaczenia ‘czyj’: w tej funkcji używano zapewne GEN.SG i innych form przypadkowych zaimków pytajnych ‘kto/co’. Analiza etymologiczna psł. *čbjb musi więc założyć rekonstrukcję innowacyjnej, post-pie. formy, niezaświadczonej nigdzie indziej poza sł. Przy tego rodzaju procedurze niezwykle ważne jest, aby punkt wyjścia oraz wszystkie mechanizmy derywacyjne i stadia pośrednie zostały określone tak precyzyjnie, jak to tylko możliwe.

1.4 Zakładając regularny rozwój fonologiczny (i ignorując niewątpliwie innowacyjną morfologię typu GEN.SG na *-ogo zamiast *-a, zapożyczoną z innych zaimków⁵), psł. *čbjb można sprowadzić do hipotetycznych form (post-)pie. takich jak:

- (a) *k^wiyo-
- (b) *k^wiho-⁶
- (c) *k^weyo-⁷

1.5 Analizy zawarte w większości słowników etymologicznych nie są jednak zbyt szczegółowe i ograniczają się zwykle do uznania psł. *čbjb za derywat od rdzenia pytajnego na *k^w-, zawierający przyrostek taki jak *-yo- lub *-iyo- (np. SP 2: 309). Z kolei próby objaśnień wewnątrzsłowiańskich, jak np. założenie derywacji typu *vorgb ‘wróg’ → *voržbjb ‘wroga, wraży’ od podstawy zaimka *kb(to) ‘kto’

3 Zob. Dunkel LIPP 2: 456 oraz Weiss 2009: 351. Jak zaznacza listownie Jeremy Rau, jeśli chodzi o gr. ποῖος, wyprowadzenie tej formy z przekształcenia pie. *k^wo-syo jest nieco trudniejsze, gdyż pie. *-osyo nie dawało gr. -oio we wszystkich dialektach. Mimo to, bezpośrednie połączenie z psł. *čbjb pozostaje tu niemożliwe.

4 Można nadmienić, iż Derksen EDSIL, leksykon odziedziczonej leksyki psł., nie zawiera zaimka *čbjb.

5 Zob. też § 4.4, § 4.5

6 Z bsl. ‘hiatem laryngalnym’, zob. Smoczyński 2003.

7 Jeśli zgodzić się z (dość szeroko przyjmowanym) regularnym rozwojem pie. *-eyV- > psł. *-bjV- (a nie psł. *-ejV-); zob. Vaillant 1950: 110–111. Przykład: psł. *vbjetb ‘wije’ < *weyeti < pie. *weyh-e-ti.

(Meillet 1905: 377), nastroczają problemów formalnych. Dołączenie sufiksu **-yo-* lub **-iyo-* bezpośrednio do rdzenia zaimkowego o strukturze C- byłoby operacją poprzedzającą zarówno w epoce psł. jak i pie.⁸

- 1.6 Wyjaśnień takich jak opisane powyżej nie da się oczywiście wykluczyć całkowicie: na pewną ilość nieoczekiwanych, nietypowych lub przynajmniej trudnych do objaśnienia derywatów natrafiamy w każdym właściwie języku. W analizie etymologicznej wskazane jest jednak poleganie, w całym ciągu derywacyjnym, na elementach i procesach dających się uzasadnić niezależnie od reszty objaśnienia. Czy da się zatem zrekonstruować taką trajektorię dla psł. formy **čbjb* i jej ewentualnych (post-)pie. źródeł w rodzaju **k^wiyo-*, **k^wiho-* lub **k^weyo-*?

2 KU ALTERNATYWNEJ ANALIZIE

- 2.1 W pie. i wczesnych językach ie. podstawą przymiotników derywowanych prostym sufiksem tematycznym **-o-* były często różne elementy typu adverbialnego lub wręcz paradygmatyczne formy przypadkowe rzeczowników⁹ (mówimy tu o zjawisku tzw. hipostazy¹⁰). Poniżej podano przykłady takich derywatów, gdzie bazą są formy utworzone za pomocą partykuł przysłówkowych o znaczeniu zbliżonym¹¹ do paradygmatycznych form przypadkowych, np. lokatywnego **-er* lub instrumentalnego **-b^{hi}i*:

- (a) pie. **nok^wt-* ‘noc’ → **nok^wt-er* ‘w nocy’ (por. dalszy derywat gr. νύκτωρ ‘w nocy’) → hipostaza **nok^wt-er-o-* ‘będący w nocy’ > ‘nocny’ > gr. νυκτερός ‘ts.’ (Rau 2007: 289)
- (b) pie. **wih-* ‘siła’ → **wih-b^{hi}i* ‘(z) siłą’ (gr. ἰσχύς ‘ts.’) → hipostaza **wih-b^{hi}i-o-* ‘będący z siłą, charakteryzujący się siłą’ > ‘silny’ > gr. ἰσχυρός ‘ts.’ (Höfler 2017: 84)

- 2.2 Typologicznie rzecz biorąc, dla tego rodzaju derywatów odprzysłówkowych można wskazać liczne paralele we współczesnych językach słowiańskich. Dla przykładu można tu wymienić słoweński formant odprzysłówkowy *-šnji*, widoczny w elementach takich jak *včérāj* ‘wczoraj’ → *včérājšnji* ‘wczorajszy’ lub *tàm(kaj)* ‘tam’ → *tàmkajšnji* ‘tamtejszy’.¹² Tę przykładową paralelę (tego

8 Występującej szcztakowo w językach ie. postaci **tyo-* ‘ten’ z pewnością nie można uznać za derywat tego rodzaju od podstawy zaimka wskazującego **t-*; por. argumentację w Dunkel LIPP 2: 770–771 z dalszą lit.

9 Por. § 2.4 poniżej.

10 O tym terminie i jego użyciu w językoznawstwie ie., oraz o naturze omawianych tu procesów, por. najogólniej Widmer 2008: 620. Dalsza obszerna bibliografia w Höfler 2017: 27.

11 Wymienione poniżej morfemy nigdy nie zostały w pełni zintegrowane z systemem fleksyjnym pie.

12 Jak widać, podane tu polskie odpowiedniki również pokazują ten sam proces, z etymologicznie spokrewnionym, mniej złożonym sufiksem *-szy*.

rodzaju wypadków znajdziemy oczywiście w językach słowiańskich o wiele więcej) można też zastosować do wielu kolejnych procesów omówionych w niniejszym artykule.

2.3 W pie. i starych językach ie. derywacja za pomocą prostego sufiksu tematycznego *-o- nie była jedynym sposobem tworzenia derywatów odprzysłówkowych. Przyimiotniki są także tworzone od przysłówek za pomocą przyrostków takich jak *-no- (por. łac. *super* ‘ponad’ → *supernus* ‘górnny, wyższy’) i wielu innych.¹³

2.4 Jak już wspomniano w § 2.1, niezależnie od zastosowanego sufiksu, omawiane procesy mogły także działać na paradygmatycznych formach przypadkowych. Por. poniższe przykłady:

- (a) pie. **h₂ep-* ‘woda’ → **h₂ep-i* ‘woda.LOC.SG, w wodzie’ → hipostaza **h₂ep-i-o-* ‘będący w wodzie’ > wed. *āpiya-* ‘ts.’.
- (b) pie. **wet-* ‘okres czasu, rok’ → **wet-es* ‘rok.GEN/ABL, w ciągu roku’ (temporalne użycie GEN lub ABL) → hipostaza **wet-s-o-* ‘mający rok’ > wed. *vatsá-* ‘cieleń’ (Vine 2009)
- (c) pie. **trey-(es)* ‘3’ → **tri-su* ‘3.LOC, w 3’ (wed. *trišū* ‘w 3’, lit. dial. *trisū* ‘w 3 osoby’) → hipostaza **tri-sw-o-* ‘będący w 3 częściach’ > aw. *θrišuuā-* ‘trzecia część’, gr. *θρίων* ‘liść figowy’ (nazywany tak z powodu trójdzielnej struktury) (Sommer 1905: 57–58)¹⁴

2.5 Co do typologicznych paraleli we współczesnych językach słowiańskich (por. § 2.2), zachowanie morfologii fleksyjnej (np. wykładników przypadku) w podstawie derywacyjnej nie jest w słowiańszczyźnie zjawiskiem typowym, choć i tu przykładów nie brakuje. Por. wypadki takie jak **pri tomь* ‘przy tym’ (przyimek + LOC.SG zaimka wskazującego **tь* ‘ten’) → adi. **přitom-ьнъ* ‘obecny, przytomny’ lub choćby strukturę zaimków dzierżawczych takich jak sbch. *njǫhov*, sło. *njǫhov*, mac. *niven*, bg. *těhen* ‘ich, their’, derywowanych od form **(n)jixь*, **těxь*, czyli GEN.PL odpowiedniego zaimka osobowego/wskazującego.¹⁵

13 Ciekawe i bardzo ważne są także wypadki derywacji wstecznej wiodącej do postaci atematycznych (które jednak nie są tu bezpośrednio porównywalne i nie ma potrzeby bliższego ich omawiania). Por. np. Nussbaum 1986: 189–194 i *passim*, Widmer 2008: 620 i *passim*, z dalszą lit.

14 Zob. Majer 2017 co do próby rekonstrukcji kolejnych derywatów utworzonych od form lokatywnych liczebników głównych: np. pie. **penk^we* ‘5’ → **penk^we-r* ‘w 5, w grupie 5’ → hipostaza **penk^w-er-o-* ‘pięciokrotnie, składający się z 5 części, itp.’ >> lit. *penkeri* ‘5 (liczebnik używany z *pluralia tantum*)’, >> psł. **peterь* ‘pięciokrotny, składający się z 5 części, itp.’; dalszy derywat: **pēnk^w-r-ō-* ‘należący do zestawu 5 części, występujący w grupach po 5’ > pgerm. **fingraz* ‘palec’, itd.

15 Warto też wspomnieć o występowaniu zjawiska hipostazy z poziomu składniowego, obejmującej elementy takie jak przysłówki czy partykuły; por. **orz go (j)eti* ‘rozróżnić, zrozumieć’ (czasownik **(j)eti* ‘wziąć’ poprzedzony przysłówkiem/przedrostkiem werbalnym **orz* oraz partykułą wzmacniającą **go*) → adi. **orz-go-(j)etьнъ* >> sbch. *rǝzgovětan* ‘jasny, zrozumiały’ (zob. Bjeletić 2012).

2.6 Wydaje się więc prawdopodobne, iż elementem poprzedzającym sufiks **-o-* w potencjalnym **k^wih-o-*, **k^wi(y)-o-* lub **k^wey-o-* była jakaś forma przysłówkowa. Mogłaby ona bazować na paradygmatacznej formie przypadkowej lub wręcz być z taką formą tożsama. Dla ugruntowania takiej etymologii należałoby wykazać istnienie formy adverbialnej w rodzaju pie. **k^wih*, **k^wey* etc., która mogłaby być podstawą słowotwórczą derywatu odzwierciedlonego w psł. **čbjb*.

2.7 Takim tokiem rozumowania, doskonalszym pod względem formalnym niż te przedstawione powyżej w § 1.5, podążał Hujer 1909 (jego wyjaśnienie przyjęte jest też, z pewnymi modyfikacjami, na przykład w ÈSSJa 4: 140). Jako punkt wyjścia przyjmuje on formę LOC.SG **k^we-y* ‘gdzie’. Na rekonstrukcję tej ostatniej formy, składającej się z rdzenia zaimka pytajnego w postaci **k^we-* (zob. § 1.2) oraz wykładnika LOC.SG **-i*, pozwalają dane takie jak np. gr. dor. *πεῖ* czy (mniej pewne) mesap. *kei* ‘gdzie’ (Dunkel LIPP 2: 458). Proces derywacyjny postulowany przez Hujera można zapisać w postaci **k^we-y* ‘gdzie’ → hipostaza **k^we-y-o-* ‘gdzie umiejscowiony’ > ‘czyj’. Pod względem formalnym wywód ten jest – jak wspomniano – całkowicie uzasadniony; różnica semantyczna między znaczeniem lokatywnym a posesywnym jest jednak nadal dość znaczna (choć z pewnością nie niemożliwa do pokonania¹⁶). Ulepszona hipoteza powinna zatem z jednej utrzymać wspomnianą powyżej przewagę formalną, z drugiej przyjąć za punkt wyjścia element, który jeszcze lepiej tłumaczyłby posesywne znaczenie otrzymanej formy.

3 HIPOTEZA NARZĘDNIKOWA

3.1 Nowe rozwiązanie zaproponowane w niniejszej pracy zakłada, iż formą leżącą u podstaw psł. **čbjb* było pie. **k^wi-h_i*, czyli INSTR.SG rdzenia zaimka pytajnego w postaci **k^wi-*. Do takiego wniosku mogą prowadzić trzy przesłanki, oznaczone poniżej jako (a), (b), i (c).

3.2 (a) Jak wiadomo, jedną z głównych funkcji przypadku określanego tradycyjnie w indoeuropeistyce mianem narzędnika (INSTR) było znaczenie komitatywne (zob. np. Meier-Brügger 2010: 404–405 z lit.). Jednym z pierwotnych znaczeń formy INSTR.SG **k^wi-h_i* musiało zatem ‘z kim/czym, u kogo/czego’. Wczesna hipostaza odprzysłówkowa w postaci **k^wi-h_i-o-* dałaby więc przymiotnik o znaczeniu ‘będą-

16 W starszych językach ie. konstrukcje posesywne nie mają zwykle źródła lokatywnego. W językach świata trajektoria taka bynajmniej nie jest jednak rzadkością; por. np. Corum 2015: 24; Heine 1997: 101–103.

cy z kim/czym, będący u kogo/czego’, skąd – w całkowicie naturalny sposób¹⁷ – ‘czyj’.

3.3 Można dodać, iż pewne aspekty pierwotnego bezprzyimkowego komitatywnego/posesywnego użycia INSTR są zachowane w językach bśł. nawet do czasów dzisiejszych (por. lit. *merginà juodaĩs plaukaĩs* ‘dziewczyna-NOM czarny-INSTR-PL włos-INSTR-PL’ ‘dziewczyna z czarnymi włosami / o czarnych włosach / mająca czarne włosy’).

3.4 Co się zaś tyczy kwestii formalnych, przyznać trzeba, iż występowanie u tematu **k^wi-* końcówek przypadkowych innych niż NOM i ACC jest w językach ie. rzadkością (przykładem jest osk. *piei* ‘komu’, DAT.SG). (b) Mimo to, w istnienie pie. formy INSTR.SG **k^wi-h₁* nie należy wątpić, gdyż jest ona bezpośrednio zachowana – w adverbializowanych znaczeniach typu ‘jak’, ‘dlaczego’ itp. – w wielu językach ie., w tym w psł. (**či*, wykazujące szereg znaczeń: ‘lub’, ‘czy’, partykuła pytajna¹⁸). Por. materiał w Dunkel LIPP 2: 464, na który składają się m.in. przykłady takie jak stang. *hwī* ‘dlaczego’, łac. *quī* ‘jak, dlaczego’, alb. *si* ‘jak’, być może aw. *?čī* ‘jak’ oraz luv.-hier. REL-*i(-i)* ‘kiedy’.¹⁹

3.5 (c) Wśród opartych na hipostazie derywatów takich jak te przytoczone powyżej w § 2.1 oraz § 2.4, derywaty bazujące na formach INSTR na **(e)h₁* są w pie. oraz wczesnych językach ie. dość licznie reprezentowane (najszerzej o tym niedawno Höfler 2017 z bogatą dalszą literaturą; warto wspomnieć, iż za pierwotnego pomysłodawcę tego rodzaju analiz odnarnzędnikowych uchodzi H. Osthoff). Por. przykłady takie jak:

- (a) pie. **k^ln-u-* ‘róg’ → **k^ln-u-h₁* ‘róg.INSTR, (z) rogiem’ → **k^ln-u-h₁-to-* ‘będący z rogiem, rogaty’ > łac. *cornūtus* ‘rogaty’
- (b) pie. **to-* ‘ten’ → **to-h₁* ‘ten.INSTR, (z) tym’ → **to-h₁-went-* > wed. *távant-* ‘tak wielki, tyle’
- (c) pie. **seǵ^h-es-* ‘siła’ → **seǵ^h-es-eh₁* ‘siła.INSTR, (z) siłą’ → **seǵ^h-es-eh₁-no-* ‘będący z siłą, silny’ > wed. *sahasāná-* ‘silny’

17 Zob. też Heine 1997: 101–103.

18 Prawdopodobne jest, że psł. **či* pochodzi częściowo od INSTR.SG **k^wi-h₁*, a częściowo od LOC.SG **k^we-y* (o którym zob. powyżej w § 2.7), co pozwala również wytłumaczyć dość zróżnicowaną gamę znaczeń. Formy oczywiście złyły się ze sobą z powodu czystego rozwoju fonologicznego. Szczegółowiej o psł. **či* por. Kopečný ESSJ-SGZ: 125–127.

19 W odróżnieniu od postaci adverbializowanych, INSTR.SG **k^wi-h₁* jako forma paradygmatyczna był przeważnie ‘uaktualniany’ morfologicznie za pomocą bardziej produktywnych i wyrazistych wykładników INSTR.SG, które upowszechniły się w pojedynczych językach ie. Tak na przykład **k^wi-h₁* > psł. **či-* + **-mb* > **čimb* (paradygmatyczny INSTR.SG zaimka **čb(to)* ‘co’, w odróżnieniu od nietkniętego **či* jako adverbium; zob. powyżej w tekście oraz przyp. 18). Zachowanie **k^wi-h₁* jako formy paradygmatycznej aż do rozpadu wspólnoty pie. jest jednak prawdopodobne z uwagi na zróżnicowane znaczenie przysłówków zaświadczonych w pojedynczych językach.

Wiele spośród form INSTR.SG na $^{*-(e)h_1}$, stanowiących pośrednie ogniwo w ciągach derywacyjnych takich jak opisane powyżej, jest bezpośrednio poświadczonych – niekiedy jako paradygmatyczne formy przypadkowe, niekiedy zaś (dodatkowo) w postaci adwerbializowanej (np. wed. *sáhasā* ‘silnie’).²⁰

3.6 Jak pokazano na powyższych przykładach, od hipostazy narzędnikowej przymiotniki tworzą często za pomocą sufiksów takich $^{*-to-}$, $^{*-no-}$ czy $^{*-went-}$. Na użycie prostego sufiksu tematycznego $^{*-o-}$ (co skutkuje derywatem zakończonym na $^{*-h_1-o-}$) również jednak wskazywano (Höfler 2017: 83–84, skąd zaadaptowane zostały podane poniżej przykłady). Z uwagi na fonetyczną niestabilność sekwencji $^{*-h_1-o-}$ i praktyczny brak możliwości odróżnienia jej od ‘czystego’ $^{*-o-}$,²¹ przykłady tego rodzaju są trudne do jednoznacznego zidentyfikowania; często jednak analizę zakładającą $^{*-h_1-o-}$ pośrednio potwierdzają inne dane (głównie różnorakie derywaty paralelne):

- (a) $^{*h_1rewd^h-es-}$ ‘czerwień’ (gr. *ῥευσθος* ‘ts.’) → $^{*h_1rud^h-es-eh_1}$ ‘(z) czerwienią’ → $^{*h_1rud^h-s-h_1-o-}$ ‘będący z czerwienią, mający czerwień, czerwony’ > łac. *russus* ‘czerwony’
- (b) $^{*mewd-es-}$ ‘gnicie, rozkład’ (gr. *μύδος* ‘ts.’) → $^{*mud-s-eh_1}$ ‘(z) rozkładem, gniciem’ → $^{*mud-s-h_1-o-}$ ‘mający (w sobie) gnicie, cechujący się gniciem, rozkładający się’ > św. *mws* ‘obślizgły, mokry’, lit. *mūsaĩ* ‘pleśń’

W drugim z wymienionych przypadków na podstawie $^{*mud-s-(e)h_1-}$ wskazuje paralelny derywat $^{*mud-s-eh_1-to-}$ ‘mający (w sobie) gnicie, cechujący się gniciem, etc.’ > gr. *μυστητός* ‘brudny, nieczysty’.

3.7 W ten sposób, łącząc przesłanki wymienione powyżej w punktach (a) (§ 3.2–3.3) – komitatywne znaczenie pie. narzędnika, (b) (§ 3.4) – niewątpliwe istnienie formy pie. INSTR.SG $^{*k^wi-h_1-}$ oraz (c) (§ 3.5–3.6) – prawdopodobne istnienie prostych derywatów tematycznych na $^{*-h_1-o-}$ utworzonych od INSTR.SG na $^{*-(e)h_1-}$, możemy założyć ciąg pie. $^{*k^wi-}$ ‘kto/co’ → $^{*k^wi-h_1}$ ‘(z) kim/czym, u kogo/czego’ → post-pie. $^{*k^wi-h_1-o-}$ ‘będący z kim/z czym, będący u kogo/czego’ > ‘czyj’ > psł. *čbjb .

²⁰ Zgodnie z powyższą analizą, wiele produktywnych sufiksów psł. traktuje się jako utworzone od hipostaz narzędnikowych, np. psł. $^{*-atb}$ < pie. $^{*-o-h_1-to-}$, psł. $^{*-itb}$ < pie. $^{*-i-h_1-to-}$, psł. $^{*-inb}$ < pie. $^{*-i-h_1-no-}$ itd.

²¹ Można tu zwrócić uwagę na tzw. ‘sufiks Hoffmanna’ (ang. *Hoffmann suffix*), który jednoznacznie należy rekonstruować $^{*-hon-}$, a nie $^{*-on-}$ (wprowadzenie do zagadnienia np. Weiss 2009: 310; pierwotnie Hoffmann 1955), a w którym może również kryć się deinstrumentalne $^{*-h_1-o-}$ (+ $^{*-n-}$); tak Höfler 2017: 34, 85.

4 DYSKUSJA UZUPEŁNIAJĄCA

- 4.1 Pewne aspekty zarysowanej powyżej hipotezy wymagają dalszego doprecyzowania. Większość z poruszonych poniżej kwestii odnosi się właściwie w takim samym stopniu do nowego rozwiązania zaprezentowanego w niniejszym artykule jak i do pozostałych dotychczasowych objaśnień (zreferowanych pokrótce w § 1.5 i § 2.7), choć ich omówienie w istniejącej literaturze jest niewystarczające.
- 4.2 **Czas utworzenia.** Forma **k^wi-h₁-o-* jest niemal na pewno tworem pochodzącym z doby późniejszej niż praindoeuropejska, jako że refleksu nie odnajdujemy w żadnej z podrodzin poza słowiańską. Mimo to, z uwagi na archaiczne elementy składowe (zarówno bazę derywacyjną jak i sufiks), akt słowotwórczy należałoby lokować dość wcześnie, na przykład w dobie prabałtosłowiańskiej lub zbliżonej.²² Bliższe szczegóły są tu oczywiście nie do ustalenia. Można przypuszczać, że język pbsł. używał GEN.SG zaimka pytajnego ‘kto’ dla wyrażenia znaczenia ‘czyj’, co stanowiłoby kontynuację prawdopodobnego stanu pie. (zob. § 1.3 powyżej; por. też § 4.3 poniżej co do sytuacji w bałt.). Forma pochodząca z **k^wi-h₁-o-* (i dająca w ostatecznym rozrachunku psł. *čjb) mogła wówczas wciąż oddawać nieco inny niuans znaczeniowy, zbliżony do postulowanego tu znaczenia pierwotnego – być może ‘będący z kim/czym, będący u kogo/czego, skojarzony z kim/czym’ lub podobnie. Do roli podstawowego zaimka dzierżawczego pytajnego ‘czyj’ forma ta zostałaby zaprzęgnięta dopiero bezpośrednio przed dobą psł.
- 4.3 **Status lit. *kienō/kienàs* ‘czyj’.** Ważny jest fakt, iż języki bałtyckie (a konkretnie – litewski) również wykazują nieznany w innych językach indoeuropejskich wyraz o znaczeniu ‘czyj’. W standardowym języku litewskim funkcjonuje nieodmienna forma *kienō* ‘czyj’ (morfologia wskazująca na skostniałą formę GEN.SG.MASC); taka forma jest też zaświadczona w stlit. W pewnych gwarach ukazuje się jednak odmienny pytajny zaimek dzierżawczy *kienàs* (FEM *kienà*, itp.). Zdania co do starszeństwa nieodmiennego *kienō*²³ lub też odmiennego *kienàs*²⁴ są podzielone, tak jak i opinie co do pochodzenia samego tematu *kien-*. Przegląd problemu ze współczesnej perspektywy, wraz z nowym objaśnieniem etymologicznym leksemu, daje de Vaan (2017); zob. też Smoczyński (SEJL²: 513). Temat *kien-* wydaje
- 22 Podobny przypadek – zgramatyzalizowana formę ograniczoną zasięgiem do psł., jednak prawdopodobnie wykazującą dość archaiczną morfologię (post-)pie. – opisano w Majer 2012. Chodzi o psł. partykułę **-žbdo*, tworzącą zaimki i przysłówki nieokreślone (por. **kč-žbdo* ‘każdy’), analizowaną jako kontynuant 3.SG.MED **g^hid^h-o(r)* o znaczeniu ‘jest pożądaný’, z czego ‘-kolwiek’ i podobne znaczenia (por. pol. *który chcesz* w znaczeniu ‘którykolwiek’).
- 23 Które mogłoby polegać na ponownym zastosowaniu morfologii posesywnej (tu: GEN.SG) u już posesywnej formy *kienàs*. Typologicznie porównywalne jest literackie sł. *čigáv* ‘czyj’, utworzone poprzez dodanie posesywnego *-(o)v* do *čiga*, czyli formy GEN.SG odziedziczonego *čij* (por. § 1.1); zob. Snój SES³, hasło *čigáv*.
- 24 Które mogłoby być dotworzone wstecznie do *kienō*.

się wskazywać na postać typu **k^weyno-*, **k^woyno-* lub podobną; trudno doszukać się bliższego związku lit. wyrazu z psł. **čbjb*.

4.4 Akcentuacja. Trudno powiedzieć cokolwiek znaczącego o akcentuacji psł. **čbjb*, nie wspominając już o zastosowaniu takich informacji dla wzmocnienia lub odrzucenia takiej czy innej teorii na temat pochodzenia leksemu. Segmentalna struktura wyrazu (jeśli analizować go jako regularny przymiotnik, a nie zaimek) pozwalałaby teoretycznie na dwa sposoby akcentuacji: psł. paradygmat akcentowy c (**čbjb* **čbjá* **čbjē*), czyli ruchomy, oraz psł. paradygmat akcentowy b (**čbjb* **čbjá* **čbjē*), czyli ze stałym akcentem na pierwszej sylabie po rdzeniu. Należy jednak zaznaczyć, że wyraz wraz z przyjęciem fleksji zaimkowej (GEN.SG.MASC na **-ogo* zamiast **-a*, itp.) podlegał też tendencjom akcentuacyjnym typowym dla tej klasy wyrazów; por. formy przypadków zależnych GEN **čbjegó*, DAT **čbjemú* (ros. *č'egó*, *č'emú*) tak jak GEN **togó*, DAT **tomú* od zaimka wskazującego **tb* 'ten'.

4.5 Inne warianty objaśnienia. Zaprezentowaną w niniejszym artykule nową hipotezę można na wiele sposobów zmodyfikować (choćby przez przyjęcie sufiksu **-yo-* zamiast **-o-*²⁵), jednak nie wydaje się, aby można było uzyskać dzięki temu bardziej ekonomiczne objaśnienie. Najbardziej interesującą możliwością byłoby założenie (zamiast prostego derywatu w rodzaju **k^wi-h₁-o-* 'będący z kim, będący u kogo') uniwerbizacji pierwotnej frazy zawierającej pie. zaimek względny **(h)yo-* '(ten,) który'.²⁶ Należałoby wówczas wyjść od sekwencji **k^wi-h₁ (h)yo-* '(ten,) który jest z kim/u kogo'. Analiza taka mogłaby wydawać się atrakcyjna choćby z tego powodu, iż zaimek względny **(h)yo-* odegrał kluczową rolę w wykształceniu się innych zjawisk w morfologii i składni sł. (i bałt.), zwłaszcza w rozwoju złożonej fleksji przymiotników (najcelniejszy opis genezy tego ostatniego zjawiska, wraz z paralelami w innych językach ie., zob. Koch 1992). Taka hipoteza objaśniałaby też oczywiście pronominalną fleksję, którą wykazuje **čbjb* (GEN.SG. **-ogo* itd.; zob. § 4.4, § 1.4), bez konieczności założenia wtórnego jej przyjęcia. Z drugiej strony możliwość rozwoju fonetycznego **k^wi-h₁ (h)yo-* > **čbjb* jest niepewna (prawdopodobnie należałoby oczekiwać **k^wīyo-* > psł. **čijb*²⁷); poza tym objaśnienie zakładające uniwerbizację jest bardziej skomplikowane niż to posługujące się derywacją i przez to z gruntu mniej prawdopodobne.

25 Tym sufiksem posługują się też niektóre dotychczasowe objaśnienia formy **čbjb* (por. § 1.5, § 2.7), niewychodzące od pierwotnej formy INSTR.SG pie. zaimka pytajnego. W obecnym przypadku (gdzie trzeba by założyć **k^wi-h₁-yo-*) natrafia się na problem związany z rozwojem fonetycznym; szerzej o tym zob. poniżej w tekście.

26 Por. gr. ὅς, wed. yá- '(ten,) który'; w psł. jest on widoczny głównie w postaci rozszerzonej o partykulę **-že*: psł. **jb-že*, **ja-že*, **je-že* '(ten,) który'.

27 Dyskusję o tym por. w Kopečný ESSJ-SGZ: 130 (z dalszą lit.), choć morfologia historyczna wyrazu analizowana jest tam inaczej.

5 WNIOSKI

- 5.1 Objaśnienie etymologiczne krótkiej, zgramatyzowanej formy derywowanej (w ostatecznym rozrachunku) od rdzenia zaimkowego o strukturze C- jest zawsze zadaniem utrudnionym. Istniejących już objaśnień (zakładających postaci typu **k^wiyo-*, **k^weyo-* itp., z różną segmentacją morfologiczną, zwykle niezbyt obszernie uzasadnioną) nie sposób uznać za całkiem niemożliwe.
- 5.2 Zaletą postulowanej powyżej nowej analizy (pie. **k^wi-h₁* ‘z kim/czym, u kogo/czego’ → post-pie. **k^wi-h₁-o-* ‘będący z kim/czym, będący u kogo/czego’ > ‘czyj’ > psł. *čbjb) jest jednak fakt, iż każdy z zakładanych etapów pośrednich można precyzyjnie uzasadnić formalnie i semantycznie, choć – jak zawsze przy etymologizowaniu form niemających dokładnych odpowiedników w innych językach – wymaganych jest kilka dodatkowych założeń.

SKRÓTY I OZNACZENIA

>	rozwój fonologiczny
>>	rozwój ze zmianami morfologicznymi
→	derywacja

ABL	ablativus
ACC	accusativus, biernik
adi.	adiectivum, przymiotnik
alb.	albański
aw.	awestyjski
bałt.	bałtycki
bg.	bułgarski
bsł.	bałtosłowiański
cz.	czeski
DAT	dativus, celownik
dial.	dialektalny
dor.	dorycki
FEM	femininum, rodzaj żeński
GEN	genetivus, dopełniacz
głuż.	górnolужицьki
goc.	gocki
gr.	starogrecki
ie.	indoeuropejski
INSTR	instrumentalis, narzędnik
lit.	litewski
LOC	locativus, miejscownik
luw.-hier.	luwijski hieroglificzny
łac.	łaciński
mac.	macedoński
MASC	masculinum, rodzaj męski

MED	medium, strona medialna
mesap.	mesapijski
NEUTR	neutrum, rodzaj nijaki
NOM	nominativus, mianownik
osk.	oskijski
pbsł.	prabałtosłowiański
pgerm.	pragermański
pie.	praindoeuropejski
PL	pluralis, liczba mnoga
pol.	polski
post-pie.	post-praindoeuropejski
psł.	prasłowiański
ros.	rosyjski
sbch.	serbski/bośniacki/chorwacki
scs.	staro-cerkiewno-słowiański
SG	singularis, liczba pojedyncza
sł.	słowiański
słē.	słoweński
stang.	staroangielski
stlit.	staroliteński
stpol.	staropolski
stwnm.	staro-wysoko-niemiecki
śrwal.	średniowalijski
ts.	to samo
wed.	sanskryt wedyjski

LITERATURA

- Bjeletić 2012** = Marta Bjeletić, Ètimologizacija ‘slovoobrazovatel’nyx gapaksov’ (na primere s.-xorv. *razgovetan* ‘vnjatnyj, jasnyj, ponjatnyj’), w: Ilona Janyšková – Helena Karlíková (red.), *Theory and Empiricism in Slavonic Diachronic Linguistics*, Praha: Lidové noviny, 2012 (*Studia etymologica Brunensia* 15), 15–25.
- Corum 2015** = Micah Corum, *Substrate and Adstrate: The Origins of Spatial Semantics in West African Pidgincreoles*, Berlin – Boston: de Gruyter, 2015 (*Language Contact and Bilingualism* 10).
- Derksen EDSIL** = Rick Derksen, *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*, Leiden – Boston: Brill, 2008 (*Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series* 4).
- Dunkel LIPP** = George Dunkel, *Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme* 1–2, Heidelberg: Winter, 2014.
- ESJS** = Eva Havlová i in., *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* 1–, Praha: Academia, 1989–.
- ÈSSJa** = O. N. Trubačev i in., *Ètimologičeskij slovar’ slavjanskix jazykov: praslavjanskij leksičeskij fond* 1–, Moskva: Nauka, 1974–.
- Heine 1997** = Bernd Heine, *Cognitive Foundations of Grammar*, New York: Oxford University Press, 1997.
- Hoffmann 1955** = Karl Hoffmann, Ein grundsprachliches Possessivsuffix, *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 6 (1955), 35–40.
- Höfler 2017** = Stefan Höfler, *Der Stier, der Stärke hat: Possessive Adjektive und ihre Substantivierung im Indogermanischen*, praca doktorska, Universität Wien, 2017.
- Hujer 1909** = Oldřich Hujer, Slavische Miszellen, *Indogermanische Forschungen* 24 (1909), 70–72.
- Koch 1992** = Christoph Koch, Zur Vorgeschichte des relativen Attributivkonnexes im Baltischen und Slavischen, w: Bernd Barschel – Maria Kozianka – Karin Weber (red.), *Indogermanisch, Slawisch und Baltisch: Materialien des vom 21.–22. September 1989 in Jena in Zusammenarbeit mit der Indogermanischen Gesellschaft durchgeführten Kolloquiums*, München: Sagner, 1992 (*Slavistische Beiträge* 285), 45–88.
- Kopečný ESSJ-SGZ** = František Kopečný (red.), *Etymologický slovník slovanských jazyků: slova gramatická a zájmena* 2: *spojky, částice, zájmena a zájmenná adverbia*, Praha: Academia, 1980.
- Majer 2012** = Marek Majer, An archaic Indo-European verbal form in the Slavic generalizing particle **-ždo?*, w: H. Craig Melchert (red.), *The Indo-European Verb: Proceedings of the Conference of the Society for Indo-European Studies, Los Angeles 13–15 September 2010*, Wiesbaden: Reichert, 2012, 225–234.
- Majer 2017** = Marek Majer, The ‘fiver’: Germanic ‘finger’, Balto-Slavic de-numeral adjectives in **-ero-* and their Indo-European background, *Transactions of the Philological Society* 115 (2017), nr 2, 239–262.
- Meier-Brügger 2010** = Michael Meier-Brügger, *Indogermanische Sprachwissenschaft*, Berlin – New York: de Gruyter, 2010.
- Meillet 1905** = Antoine Meillet, *Études sur l’étymologie et le vocabulaire du vieux slave* II, Paris: Bouillon, 1905.
- Nussbaum 1986** = Alan J. Nussbaum, *Head and Horn in Indo-European*, Berlin – New York: de Gruyter, 1986.
- Rau 2007** = Jeremy Rau, The derivational history of PGmc. **webru-* ‘lamb’, w: Alan J. Nussbaum (red.), *Verba Docenti: Studies in Historical and Indo-European Linguistics Presented to Jay H. Jasanoff by Students, Colleagues, and Friends*, Ann Arbor – New York: Beech Stave Press, 2007, 281–292.
- Smoczyński 2003** = Wojciech Smoczyński, *Hiat laryngalny w językach balto-słowiańskich*, Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2003.
- Smoczyński SEJL2** = Wojciech Smoczyński, *Słownik etymologiczny języka litewskiego*, 2016 (rękopis udostępniony przez autora pod adresem: <https://romanes.org/pub/alii/Smoczy%C5%84ski%20W.%20S%C5%82ownik%20etymologiczny%20j%C4%99zyka%20litewskiego.pdf>, 24/11/2017).

- Snoj SES³** = Marko Snoj, *Slovenski etimološki slovar*, Ljubljana: Založba ZRC, ³2016 (<http://fran.si/193/marko-snoj-slovenski-etimoloski-slovar/>, 26/04/2016).
- Sommer 1905** = Ferdinand Sommer, *Griechische Lautstudien*, Straßburg: Trübner, 1905.
- SP** = Franciszek Sławski i in., *Słownik prasłowiański 1–*, Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1974–.
- SSKJ** = *Slovar slovenskega knjižnega jezika* 1–5, Ljubljana: SAZU – DZS, 1970–1991.
- de Vaan 2017** = Michiel de Vaan, Inflected and uninflected possessives and Lithuanian *kienō*, *Baltistica* 52 (2017), nr 1, 65–72.
- Vaillant 1950** = André Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves I: Phonétique*, Lyon – Paris: IAC, 1950.
- Vaillant 1958** = André Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves II: Morphologie 1: Flexion nominale 2: Flexion pronominale*, Paris: Klincksieck, 1958.
- Vasmer ĚSRJa** = Maks Fasmer [Max Vasmer], *Ětimologičeskij slovar' russkogo jazyka*, perevod s nemeckogo i dopolnenija člena-korrespondenta AN SSSR O. N. Trubačeva 1–4, Moskva: Progress, ²1986–1987.
- Vine 2009** = Brent Vine, A yearly problem, w: Kazuhiko Yoshida – Brent Vine (red.), *East and West: Papers in Indo-European Studies*, Bremen: Hempen, 2009, 205–224.
- Weiss 2009** = Michael Weiss, *Outline of the Historical and Comparative Grammar of Latin*, Ann Arbor – New York: Beech Stave Press, 2009.
- Widmer 2008** = Paul Widmer, Drei griechische *-ōy-Stämme, w: Brigitte Huber – Marianne Volkart – Paul Widmer (red.), *Chomolangma, Demawend und Kasbek: Festschrift für Roland Bielmeier zu seinem 65. Geburtstag*, Halle (Saale): International Institute for Tibetan and Buddhist Studies, 2008 (Beiträge zur Zentralasienforschung 12), 615–630.

POVZETEK

Izvor praslovanskega *čbjb 'čigav'

Praslovanski svojilno-vprašalni zaimek *čbjb *čbja *čbje 'čigav' (csl. *čii*, rus. *чей ч'я ч'је* itd.) je nedvomno izpeljan iz pide. vprašalnega zaimka na *k^w-, s tem da nima natančnih ustreznikov v drugih ide. jezikih (ne da se neposredno soočiti z lat. *cuius* ali gr. *poios* 'kateri', kakor se včasih počne v literaturi). Etimološka analiza mora skratka upoštevati inovacije (obliko pide.). Dosedanje razlage ne podajajo jasne razvojne poti izpeljave besede. V članku se predlaga nova interpretacija, ki izvaja psl. *čbjb iz post-pide. oblike *k^wi-h_i-o- 'tak, ki je s kom/čim, tak, ki je pri kom/čem', torej 'čigav'. To bi bila skratka tematična izpeljanka (pripona *-o-) iz orodnika ed. *k^wi-h_i 's kom/čim' pide. vprašalnega zaimka *k^wi- 'kdo, kaj'. Hipoteza se da podpreti s tremi dejstvi: (a) med drugim komitativni pomen orodnika v pide. (torej 's kom/čim, pri kom/čem'); (b) nedvomni obstoj pide. oblike or. ed. *k^wi-h_i (ohranjene v prislovnih pomenih v številnih indoevropskih jezikih, tudi v psl. *čī); (c) dobro izpričan proces tvorjenja tematičnih pridevnikov (pripona *-o-) iz sklonskih oblik v starih ide. jezikih (tip *h₂ep- 'voda' → mest. ed. *h₂ep-i 'v vodi' → *h₂ep-i-o- 'tak, ki je v vodi' > ved. *āpiya-* 'isto').

MAJDA MERŠE

RABA GLAGOLA *biti sem* V SLOVENSKEM KNJIŽNEM JEZIKU 16. STOLETJA

COBISS: 1.01

Sestavek ima namen predstaviti osnovne oblikoslovne, pomenske in z njimi povezane skladenske značilnosti rabe glagola *biti sem* v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja. Prikaz temelji na analizi gradiva, zbranega za slovarske namene s popolnim izpisom vseh ohranjenih slovenskih tiskanih del iz druge polovice 16. stoletja. Glagol *biti* je zaradi svoje dvojne funkcionalnosti (polnopomenski in pomožni glagol) hkrati tudi ena izmed najpogostejše rabljenih besed v 16. stoletju.

Ključne besede: glagol *biti sem*, oblikoslovje, polnopomenski glagol, pomožni glagol, vezni glagol

Usage of *biti sem* 'to be, am' in sixteenth-century standard Slovenian

This article outlines the basic morphological, semantic, and related syntactic characteristics of the usage of the verb *biti sem* 'to be, am' in sixteenth-century standard Slovenian. Based on materials collected for lexicographic purposes, it includes a complete list of all preserved Slovenian printed works from the second half of the sixteenth century. Due to its double functionality (full verb and auxiliary verb), the verb *biti* 'to be' was one of the most frequently used words in the sixteenth century.

Keywords: the verb *biti sem* 'to be, am', morphology, full verb, auxiliary verb, copular verb

0 Glagol *biti* je najpogostejše rabljeni glagol v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja in hkrati ena izmed najpogostejše rabljenih besed. S popolnim izpisom vseh ohranjenih slovenskih tiskanih besedil, nastalih v začetnem razvojnem obdobju slovenskega knjižnega jezika (1550–1603), je bilo zbranih pribl. 97.000 njegovih pojavitev.¹ K pogosti rabi je prispevala njegova dvojna funkcionalnost, saj izkazuje polnopomenskost, hkrati pa je osnovni pomožni glagol. Uporablja se za tvorbo sestavljenih časovnih oblik in z njimi za izražanje časov ter naklonov, hkrati pa zelo pogosto tudi kot vez, v tej vlogi pa tudi za tvorbo trpnika. V takih primerih kot osebna glagolska oblika skupaj s povedkovim določilom (so)oblikuje povedek.

0.1 Podrobna analiza gradiva, opravljena v slovarske namene in v skladu z zamislijo slovarja slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja (Merše – Novak – Premk 2001), je omogočila natančen, večravninski prikaz glagola: poleg predstavitve njegovega oblikoslovja, ki vključuje tudi prikaz glasoslovnih različic, predvsem natančno

¹ Na pogostnost njegove rabe posredno zelo zgovorno kaže podatek, da je bilo s popolnim izpisom zbranih več kot 3.300.000 pojavitev vseh besed (Merše 2011b: 7).

predstavitev njegovih pomenskih uresničitev, tesno povezanih s skladenjskimi. Popolno gradivo za to in za vsa druga gesla, določena na osnovi pregleda zbranih pojavitev,² zahteva izčrpen pomenski, hkrati pa tudi jezikoslovno ustrezen prikaz problematike, ki so jo dosedanja obsežnejši in splošnejši slovarski opisi slovenskega jezika, zlasti Pleteršnikov Slovensko-nemški slovar (1894–1895) in Slovar slovenskega knjižnega jezika (1970–1991), prikazovali na drugačnih jezikoslovnih temeljih in z drugačnimi poudarki.³

1 Na osnovi zbranih pojavitev glagola *biti* v knjižnem jeziku 16. stoletja je mogoče izdelati natančen prikaz njegovega oblikoslovja, ki uzavešča njegove posebnosti, hkrati pa utrjuje zavest o glagolskem oblikoslovju knjižnega jezika 16. stoletja.

1.1 *Biti* je po vidski karakteristiki nedovršni glagol. Spada tudi med t. i. enovidske glagole, za katere je značilno, da označevano stanje ali dejanje ne stremlje k ciljni ali mejni točki. Zato se tovrstni nedovršni glagoli ne povezujejo s predvidljivo tvorjenimi, vidsko soodnosnimi dovršnimi glagoli na način, da bi s celostno predstavitvijo dejanja sooblikovali vidske pare (Merše 1995: 224–226). Npr.:

jeft [...] hozhem konzhati od Semle, vfe tu, kar **Ie**, kar fim fturil (DB 1584: I,5a)
vi neverujete, kaj fim jeft v'tem Mejfti Northausen, ker **fem** okuli dvajfeti lejt Farmofhter
bil, sa en lep lufhtàn duhouni Vèrtèz [...] safsadil (ZK 1595: 39)

1.1.1 V posebnih okoliščinah pa *biti* poleg statičnega ali dinamičnega trajanja lahko označuje tudi proces ter dovršitev, uresničitev ali celo nastanek oz. nastop česa. Npr.:

Bo li Bug tuimu shiuotu od log dal? kadar ti ta dolgi tui zhas inu shiuot, fi taku hudu nalushil?
Tu guishnu ne **bo** (TO 1564: 155a) 'to se gotovo ne bo zgodilo'
Inu Bug je rekål: **Bodi** Luzh. Inu **je bila** Luzh (DB 1584: I,1a)

Pogosto je na obe vidski možnosti pokazano s tujejezičnimi in domačimi ustreznici v Megiserjevih večjezičnih slovarjih. Pri zvezi *biti večer*, navedeni med slovenskimi ustreznici v MTh 1603, se npr. primerjalno razkriva, da gre za pomen prehajanja v noč, ki ga poimenuje sopomenski glagol *večeriti se*. Npr.:

Veſperafcit. Germ. es wirt Abent oder Spat. Sclau. vezher **biti** (MTh 1603: II,695) 'večeriti se'

2 Slovarski priročnik Besedje slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja (Besedje 2001) razkriva, da je predvidenih pribl. 22.200 geselskih iztočnic slovarja slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja (Merše 2011a: 206).

3 Načinu prikaza glagola *biti* v Slovarju slovenskega knjižnega jezika je Toporišič že leta 1980 namenil kritično obravnavo, ki zadeva zlasti (jezikoslovno dodatno premišljeno) preureditev in dopolnitev prikazane pomenske strukture (Toporišič 1980). Njegov predlog sprememb in dopolnitev je tesno povezan z uvajanjem metodologije strukturalnega pomenoslovja, za katerega je značilno, da pomene določa in potrjuje s pomočjo jezikovne strukture (Toporišič 1980: 151; ponovno tudi v Toporišič 2006: 12–20).

K prepoznavanju dovršnosti večkrat pripomoreta prevodna predloga ter primerjava z domačimi in tujimi prevodi, sočasnimi in novejšimi. Npr.:

Angel pak ie rekal knym [...] Pole vam osnanim veliko vefšellie, katero **bude** vřim Ludem (JPo 1578: I,23a) –

Inu ta Angel je rekāl k'nym: Nebujte ře, pole, jeřt vam osnanujem veliku vefřelje, kateru **ře bo** vřimu Folku **řgudilu** (DB 1584: III,31a)

Sihe ich verkündige euch grořře freude/ die allem volck **widerfaren wirt** (SA 1559: I,XXVII)

- 1.2 Iz oblikoslovnega prikaza, ki se od sodobnega le deloma razlikuje, je npr. razvidna dvojničnost oblik za izražanje prihodnjega časa za vse tri osebe in števila (npr. za prvo osebo ednine prihodnjega časa *bom* in *bodem*, za tretjo dvojine *bota*, *bodeta* in *bosta*⁴ itd.).

Poseben razdelek oblikujejo zanikane sedanjiške oblike, ker je nikalnica njihov sestavni del, kar se razvojno ni spremenilo.⁵ Do posebnih glasovnih realizacij pa prihaja v okviru najpogostejših sobesedilnih povezav, ki ustvarjajo specifične sklope: npr. z vprašalnim členkom *li* in z *ga* kot sklonsko obliko zaimka *on*:

řveti Paval kRimlianom na 3. **Neiga** piřhe, kije bi pravizhan bil [...] **neiga** kije bi rasu-mel, **neiga**, kije bi po Bogu vprařhal. Vři ře ře sablodili, kmalu ře niřřar vředni ratali (KB 1566: F4)

Iosaphat pak je djal: **Neli** tukaj oben GOSPODNI Prerok, de bi GOSPVDA řkusi njega řvejta vprařhali? (DB 1584: I,203b)

Pregled pojavitev kaže, da so se velelniške oblike glagola ře v 16. stoletju uporabljale na enak naćin kot danes, vključno s posebnostmi:⁶ velelniška oblika za drugo osebo ednine se je npr. uporabljala tudi kot nagovor tretje osebe (zlasti v molitvenih obrazcih) ali kot poziv, naslovljen na tretjo osebo, za kar se danes obićajno uporablja opis *naj bo*, npr.:

Natu ře je ta Mosh pēřpognil, inu je GOSPVDA molil, inu je djal: Hvalen **bōdi** GOSPVD, ta Bug mojga Gořpuda Abrahama, kateri nej řapuřtil řvoje milořti, inu řvoje riřnize na moim Gořpudu (DB 1584: I,15a)

Znaćilne za oblikoslovje glagola *biti* so tudi izkazane dvojsinske oblike, čeprav jih pogosto nadomeřćajo množinske. Razlikovalna v primerjavi z danařnjim ća-

4 Glasoslovna razlićica z *u* je najpogostejše zaznavna pri Jurićiću.

5 Nekaj odklonov od ustaljenih oblik, ki so sicer vezane na individualno (Megiserjevo) rabo, pa vendarle kaže, da gre za obdobje oblikovanja slovenskega knjiřnega jezika: npr. Inermis. Germ. vngewaffnet/ wehrloř. Slavon. kateri **ne je varnofhi vřistingi** (MTH 1603: I,705–706) 'je neoborořen'.

6 Nanje npr. opozarja Toporićić 2000: 396–397.

som je npr. ženska oblika na *-e*, ki jo je kot dvojinško mogoče razlagati na osnovi sobesedila.⁷ Npr.:

DVež rizhy **fte**, na katere mi je shal, na tretjo pak fim ferdit (DB 1584: I,163b)
 Sakaj vshe **fo** dvej lejti, kar je lakota v' desheli (DB 1584: I,30a)

Med oblike glagola *biti* spada tudi pogojniška *bi* z redkejšo, v Juričičevem jeziku izpričano različico *bih*, ki se v poznejših stoletjih ni več uporabljala.⁸

2 Glagol *biti* je hkrati eden od t. i. primitivov.⁹ Kot polnopomenski glagol v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja izkazuje več skladenjsko prepoznavnih pomenov s številnimi podpomeni, pomenskimi otenki, pomensko prenesenimi rabami in frazemi.¹⁰

2.1 V okvir prvega pomena, opredeljenega z razlago 'izraža materialno ali duhovno obstajanje v stvarnosti' in sopomenko 'obstajati' (1. zgled), se npr. uvrščata tudi podpomena, ki ju je pomensko mogoče zaobseči s sopomenkama 'nastati' (2. zgled) in 'živeti' (3. zgled).

- (1) Ta Vera/ bode tudi vfeta/ fa ana vľako rezh/ katero my ľposnamo inu veimo de **ye/** koker my vľi veimo inu veryamemo de **ye** an Bug (TC 1550: 203 (109b))
- (2) Inu Bug je rekāl: **Bodi** Luzh. Inu **je bila** Luzh (DB 1584: I,1a)
- (3) Bug nei dal ľuiġa Synu Martrati. le ľa Diuice Marie oli S. Petra volo, temuzh ľa volo vľeh ľudi, kir **fo bili**, inu **fo** ľdai inu kir **bodo** naprei (TT 1557: t4b)

Pridružujeta se jima še manj pričakovana podpomena, ki terjata pojasnila o (so)besedilnem okolju in slovničnih značilnostih njune rabe. V prvega se uvrščajo zelo številne povezave nedoločnika *biti* z oblikami glagola *moči*, običajno z

7 Na razliko med končnicami osebnih glagolskih oblik za ženski in moški spol v knjižnem jeziku 16. stoletja je bilo že opozorjeno, prav tako tudi na dejstvo, da se ženske dvojinške oblike hitreje pluralizirajo kot moške (Derganc 1993: 213). Prim. tudi Jelovšek (2016: 97–98), ki v okviru prikaza dvojinške paradigme osebnih zaimkov in hkratnega procesa pluralizacije opozarja na možnost sobesedilnega prepoznavanja dvojinških oblik s pomočjo dvojinškega glagola, hkrati pa ugotavlja, da ta možnost odpoveduje, kadar gre za ženski spol.

8 Besednovrstna in oblikoslovna karakteristika oblik *bi* in *bih* se ne razlikuje od tradicionalno uveljavljene (prim. Toporišič 2000: 388). Z nedavno vključitvijo oblike *bi* med členke (Žele 2014: 19) je bil dan tudi povod za ponovni teoretični razmislek o njeni besednovrstni karakteristiki. Opravila ga je A. Vidovič Muha (2015: 389–406, zlasti 400), ki ugotavlja, da gre za obliko glagola *biti*, »za njegovo modifikacijsko funkcijo, in ne za pomensko samostojni leksem« (Vidovič Muha 2015: 400). O medsebojnem razmerju oblik *bi* in *bih* glede pogostnosti in razlik v rabi prim. Merše 2015: 507–508.

9 O glagolskih primitivih na več mestih govori Vidovič Muha (npr. Vidovič Muha 1998: 293–294). Termin uporablja za označevanje splošnopomenskih glagolov, ki jih ni mogoče uvrščati v širše pojmovno polje, ker so pomensko posplošujoči do najvišje možne mere. Prim. tudi Žele 2001: 115–116.

10 Zveza *biti pod postavo* je celo nosilka verskega terminološkega pomena 'ravnati se po postavi, vendar brez naklonjene božje milosti'.

njegovo tretjo osebo (*more biti*; 1. zgled), lahko pa tudi z njegovo železniško obliko, kot kaže zgled iz Bohoričeve slovnice (2. zgled). Nekatere izmed tovrstnih povezav so že v 16. stoletju izgubile pomensko razvidnost sestavin in izkazovale členkovno rabo v pomenu 'morda, mogoče' (3. zgled):

- (1) **more biti** da ijm ie tefhkò dialu inu zhudnò fe sdelu, kàr ie puftil [Jezus] to sheno tako sa fábo vpiti (KPò 1567: CXV)
- (2) ô debi **moglu biti**, id est, Vtinam pošet fieri (BH 1584: 105)
- (3) Fortaflè. Germa. vielleicht/ es mag fein. Sclav. lahkai, **more biti** (MTh 1603: I,560)

Pomenski sestav nadalje bogati tudi raba iz Bohoričeve slovnice, ki kaže, da se polnopomensko rabljeni glagol lahko uporablja za izražanje potrditve oz. pritrditve.

Ego ajo, tu negas. Ieft dejm da **je**: Ti pak, pravifh, da **nej** (BH 1584: S9–10)

V okvir drugega pomena, ki ga uvodno opredeljuje razlaga 'izraža navzočnost v prostoru in času', skladenjsko pa označuje prisotnost ustreznega prislovnega določila kraja, se umešča več pomenskih (pod)enot, ki jih je mogoče predstaviti s sopomenkami 'nahajati se', '(pre)bivati, živeti', 'udeleževati se česa', 'nahajati se v družbi s kom', 'spremljati koga'. Zadnji od njih, ki ji je mogoče pripisati pomen 'imeti', k pomenski prepoznavnosti in razvidnosti znatno prispeva (sklonsko) različno izraženi smiselni osebki.¹¹ Npr.:

ta uola **ye** per meni/ anpag de bi dobru fturill/ vfebi ne naidem (TC 1550: 78 (47b))
Inu Elia je [...] djal k'Elisu: Profsi, kaj ti imam fturiti, prejden bom od tebe vset. Elisa je djal: De **bo** tvoj Duh pèr meni dvej gubej (DB 1584: I,203a) 'naj dobim dvojni delež tvojega duha'

Na obrobje drugega pomena se uvršča veliko število frazemov s prislovnim določilom kraja kot razločevalno sestavino: npr. *biti čez graben*, *biti (komu) na poti*, *biti komu na strani*, *biti pred davrmi* itd. Pri številnih od njih je sestavni del prislovnega določila kraja poimenovanje delov in organov človeškega telesa: npr. *oči*, *srce*, *roke*, *noge*.¹² Rabe frazema *biti pred očima* npr. kažejo, da se je uporabljal pomensko različno, saj lahko izraža vidnost ali opaznost, časovno približanost ali celo zavedanje česa. Iz sobesedila je razvidno, da je več tovrstnih frazemov prevodno oprtih na nemške frazeme.¹³ Npr.:

- 11 O pomenskem prepletu glagolov *biti* in *imeti* v sodobnem slovenskem knjižnem jeziku, ki ga spremlja preurejanje delovalniških oz. udeleženskih vlog, prim. Vidovič Muha 1998: 293–323, zlasti 316–319 (ponovno v Vidovič Muha 2013: 307–343).
- 12 Znotraj prikaza procesa frazeologizacije v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja na več tovrstnih frazemov, na njihove pomenske uresničitve, zlasti pa na vlogo samostalniške sestavine frazema (v okviru obravnave frazeologizacije pri pomenskih skupinah o delih človeškega telesa) opozarja Novak (2004: 182–183). O *glavi* in *nogah* kot sestavinah frazemov v DB 1584 prim. Narat 2007: 285–296.
- 13 Na kalkirano prevzete frazeme v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja opozarja tudi Legan Ravnikar 2014: 76.

Sa tiga volo fe ti varui, ne bodi prevsetin, nikar ne misli, leſt **ſim vſhe zhes Graben**, mene nihter ne manka (TPo 1595: I,247) – Derhalben hüte dich/ ſey nit vermessen/ gedencn nicht: Ich **bin vber den graben**/ es hat nit mehr not (LH 1566: I,CXLIIBb)

Ampak takovu vſe oftane le uVeri inu vBefsejdi, onu fe ne vidi, onu fe ne typa, Onu **nej pred rokami**, temuzh v'tem vupanju (TPo 1595: I,268) – Aber folchs alles bleibt nur im glauben vñ wort/ man fihets nicht/ man greiffts nit/ Es **ift nit vor der hand**/ fonder in der hoffnung (LH 1566: I,CLVI)

Oris pomenskega obsega polnopomensko rabljenega glagola *biti* zaokrožata še tretji in četrti pomen. Za tretjega, ki ga je pomensko mogoče povzeti s sopomenkami 'dogajati se/zgoditi se' in 'nastajati/nastati' oz. 'nastopiti, priti', je značilna prisotnost prislovnega določila časa, občasno pa tudi uporaba prihodnjega časa zaradi vezanosti (morebitne) uresničitve dejanja na prihodnost. Npr.:

KVNIMV ZHASV: **Ie** na trety dan **bila** ena Hohceit v'Kani Galileifki (KPo 1567: LXIIIBb)

Gledajte, zhujte inu molite, sakaj vy nevejſte kadaj **bo** taiſti zhas (DB 1584: III,27a)

V poseben pomenski razdelek spadajo rabe, prepoznavne po prisotnosti vprašalnih zaimkov *kdo*, *kaj* in *hčemu*, s pomočjo katerih glagol *biti* sprašuje po neznem: bodisi po osebi, vzroku oz. posledici ali namenu česa. Npr.:

Kadar ie Peter tiga vidil, ie rekal klesufu: GOSPVD, kai **bo** pak leta? (DPa 1576, 40a)
'Kaj se bo zgodilo z njim?'

- 2.2 Pri prepoznavanju ene ali druge vloge glagola *biti*, to je polnopomenskosti ali pomožniške vloge, ki jo opravlja *biti* v vlogi vezi, ter pri dokončni razmejitvi obeh področij nastajajo zadrege, saj se številne rabe v praksi razkrivajo kot uvrstitveno problematične ali celo mejne. Pri večini primerov, navedenih v okviru pomenov polnopomensko rabljenega glagola, je mogoče pravilnost uvrstitve preveriti (in potrditi) z uporabo načela obvezne spremembe spola osebka ob zanikanju,¹⁴ pri nekaterih primerih (npr. iz zadnjega polnopomenskega razdelka) pa je bilo odločilno merilo sopomenskosti.

- 3 Prevladujoče število pojavitev glagola *biti* pripada njegovi vezni vlogi. Prav njihova številčnost in povezovanje z besednovrstno in deloma strukturno različnimi povedkovimi določili zahteva razviden prikaz, utemeljen hkrati oblikovno, pomensko in funkcijsko. Nekaj modelov udejanjajo dosedanja slovarski prikazi glagola, novega pa je dodal Toporišič v sklopu (kritičnega) predloga preureditve in dopolnitve redakcije iz Slovarja slovenskega knjižnega jezika (Toporišič 1980).

Glede na besednovrstno različno izhodišče, ki se mu v nadaljevanju večinoma pridružujejo funkcijsko istovrstne strukture,¹⁵ je mogoče razlikovati pet tipov

¹⁴ Merilo posebej izpostavlja Toporišič 1980: 154–155.

¹⁵ Predstavljajo jih nadomestne besedne zveze, predložne zveze in stavki.

povedkovih določil: samostalniško, pridevniško, prislovno, povedkovniško¹⁶ in glagolsko. Z njimi je zaobsežen širok besednovrstni spekter. Jedro tvorita prvi in drugi tip. Posebno uvrstitev zahtevajo glagoli s predložnimi morfemi kot izrazili vrste prehodnosti.

- 3.1 V okviru prvega tipa je s povedkovim določilom samostalniškega značaja, kamor sodijo samostalniške besede in besedne zveze ter njihova funkcijska nadomestila (npr. nadomestni odvisnik), osebek običajno natančneje opredeljen glede na poklic, položaj, funkcijo, pripadnost skupini ali glede na kako drugo razmerje (npr. *biti gospod, priča, husit, lončar, brat*), pa tudi glede na vsebino, pomen, dejavnost, lastnost, stanje itd. Npr.:

Bodite ferzhni inu Moshje, vy Philifterji, de nebote morali flushiti Ebreerjem [...] **Bodite** Moshje, inu vojkujte (DB 1584: I,151a)

- 3.1.1 Po pogostnosti izstopajo primeri, ki predstavljajo skladenjsko različico definicijskega tipa *x je y*. Uresničujejo jo s pomočjo zveze **to je**, ki uvaja raznonamenska pojasnila. Slednja poleg najpogostejših natančnejših opredelitev osebk (1. zgled) prinašajo še: prevod predhodno navedenega besedila (2. zgled), navezave na domače okolje ali znano pojavnost (3. zgled), navedbo drugega, bolj znanega ali natančnejšega (opisnega) poimenovanja, olajšujejo pa tudi razumevanje redko rabljenih prenosov ter frazemov, navadno prevzetih po tuji prevodni predlogi (4. zgled):

- (1) BIBLIA, **TV IE**, VSE SVETV PISMV, STARIGA inu Noviga Testamenta, Slovenlki, tolmazhena, lkusi IVRIA DALMATINA (DB 1584: I,1a)
- (2) Ob deveti uri ie vpil Iesuf možnò rekoch: Eli Eli, lama sabathani: **To ie**, Bog moi, Bog moi, k'zhemu fi me sapuflil? (KPo 1567: CLXIIIb)
- (3) Ob sšefti uri, **to ie** pàr naf, ob pol dne (KPo 1567: CLXIII)
- (4) nej bilu obeniga praviga Pridigarja, kateri bi nas na to pravo palho bil pelal (**tu je**, ta zhišiti Vuk bil naprej dersal) (TPo 1595: II,168)

Eno od posebnosti predstavljajo tudi zveze, ki potrjujejo vsebinsko istovetnost osebk. Npr.:

Tedaj je rekàl ta Iogar, kateriga je Iesus lubil, h'Petru: Tu **je** GOSPVD. Kadar je Simon Petrus salfihàl, de **je** GOSPVD **bil**, je on fvojo Robazho okuli šebe opašal, sakaj on je bil nag, inu fè je vèrgal v'Morje (DB 1584: III,59b)

- 3.1.2 Pomensko sorodna je skupina pojavitev glagola *biti*, ki se mu kot povedkovo določilo pridružujejo samostalniki *ime*, *priimek* ali *pridevek*. Tudi ti prispevajo k prepoznavnosti in razločevalnosti osebk. Tovrstne zveze so v Bohoričevi

16 Glede uvrščanja povedkovnika med besedne vrste novejšje slovensko jezikoslovje nima enotnega mnenja. Med besedne vrste je npr. uvrščen v Toporišičevi Slovenski slovnici iz leta 2000 (Toporišič 2000: 412), medtem ko ga A. Žele opredeljuje kot pomenskosladdenjsko kategorijo, besednovrstnosti pa mu ne priznava (npr. Žele 2012: 115–116).

slovnici po Melanchthonovem zgledu zaobsežene in poimenovane s t. i. formulo nominandi oz. poimenovalno formulo. Skladenjsko prepoznavnost tipu zagotavljata tudi vzporedno pojavljajoča se brezosebna in sklonsko različno izraženi logični osebki. Npr.:

Vtim iftim zhaflu ie bil en brumen Bogaboiezh Vuzhen Menih [...] timu **ie** Martinus Luter **bilu ime** (TAr 1562: 18b)
Formulae nominandi. Est mihi nomen Pomponius. Meni **je jime** Pomponius (BH 1584: S12)

- 3.1.3 Več pomenov je vezanih na povedke, sestavljene iz *biti* v vezni vlogi in povedkovega določila v obliki predložne zveze, ki nadomešča samostalniško besedo. V primerih, ko pomožnemu glagol *biti* sledita po nemškem zgledu oblikovani, h kateri pa v rabi trdno zasidrani predložni zvezi *h komu/k čemu*, se na strukturo veže pomen spreminjanja oz. spremembe v kaj ('postajati/postati to, kar poimenenjuje povedkovo določilo'): *kaj biti k zemlji* 'spremeniti se v zemljo'. Izkazuje jo tudi frazem *biti (komu) k ničemer*.¹⁷

Za izražanje namenskosti so med drugim skladenjsko specializirane povezave veznega glagola s predložnimi zvezami, katerih sestavini sta predloga *k* in *za*. Zgled iz Bohoričeve slovnice, ki je opredeljen kot aticizem, razkriva Bohoričeve nadomestitvene zadrege.¹⁸ Npr.:

Inu on **ie** niei [faraonovi hčeri] **bil sa Sina**, inu ona ga ie imenouala Moses (DB 1578: 49b)
Ti pak od vľake fľpishie, katera ľe jej, k'ľebi vsami, inu ľi jo v'kupe ľpravi, de **bo** tebi inu nym **k'jedi** (DB 1584: I,5a)
Atticifmus. Quid hominis? Kaj **je zhloveka**, vtuntur etiam periphrasi Carnialani cum particula sa, quod figvificat pro [...] **kaj je sa zhloveka** (BH 1584: S2–3) 'namenjeno človeku'

Značilne za 16. stoletje so tudi rabe samostalniške besede v različnih sklonih: npr. v roditeljski ali dajaljski; služijo za izražanje svojine in (sorodstvene) pripadnosti. Npr.:

O GOSPVD Bug, **kateriga je** mafzhovanje, ò Bug, **kateriga je** mafzhovanje, pèrkashi ľe (DB 1584: I,303b)
Sakai skufi nega mi shiuimo, inu ľe giblemo, inu fmo mi, koker fo tu tudi ty vashi eni Poeti gouurili, Mi **fmo nega shlahte** (TT 1557: 391) 'smo njegovi potomci'

- 3.1.4 Več primerov se je iz različnih razlogov pokazalo kot uvrstitveno izjemno zahtevnih. Mednje npr. spada zgled z nedoločnikom v povedkovem določilu (Vmreti **je pred Bugom safpati** (TPo 1595: II,295)), ki pa se funkcijsko razlikuje od rab

17 Tudi pri drugih tipih povedkovih določil (npr. pri prislovnem in povedkovniškem) pogostnostno izstopajo predložne zveze, posnete po tujih vzorcih: npr. Inu tu fidane nee fydu, **ie od ľafpida**, inu tu Meiftu ie bilu zhiľtu slatu (TT 1581–82: II,443) – Vnd der Baw jrer mauren/ war **von Jaspis**/ vnd die Stad von lauterm Golde (LB 1545: 2511).

18 Ahačič opozarja, da gre pri zvezi *kaj je za človeka* za odstopanje od latinskega modela (Ahačič 2007: 169).

nedoločnikov v vlogi povedkovega določila, predstavljenih v posebnem razdelku. O njegovi pridružitvi povedkovemu določilu samostalniškega značaja je kljub besednovrstni neskladnosti odločala možnost pretvorbe nedoločnika v glagolnik oz. nadomestne rabe izglagolskega samostalnika, ki jo potrjuje tudi primerjava s prevodno predlogo.¹⁹ Razmerje med nedoločnikom in glagolnikom je povzročalo preglavice že prvemu slovenskemu slovničarju ob njegoven zgledovanju pri Melanchthonovem latinskem viru in vzorcu.²⁰

- 3.2 V okviru drugega tipa, ki ga uvaja pridevniška beseda, sooblikujejo pa njena večbesedna oz. skladenjsko obsežnejša nadomestila, med katerimi so tudi predložne zveze, se je po povedkovem določilu mogoče spraševati z ustaljenimi vprašalnici: npr. *kakšen, čigav, kateri, kolikšen*. Povedkovo določilo izraža bodisi lastnost, značilnost, pripadnost, količino ali vrstnost. Npr.:

Danas **fo** eni Mladi, Lipi, Sdraui, Veffeli, Mozhni, Srezhni, Bogati, V ueliki zhafti inu Oblafti, inu Shiui, Iutri pag **fo** Stari, Neushtalni, Nemarni, Bolni, Shaloftni, Shibki, V ueliki reui inu Nadlugi (TKo 1557: d1b)
Ieft **fem** te Criftianske Vere (TC 1567: A4)
Sakaj nekateru framovanje **je** s'gréhom, nekateru framovanje **je** pak, od kateriga fe zhaft inu miloft dobode (DB 1584: II,155a)

- 3.2.1 Med zgledi so tudi taki, ki ne kažejo pričakovanega uravnavanja prilastka po samostalniški odnosnici v spolu, sklonu in številu. Namesto pričakovane imenovalniške oblike, ki bi jo zahteval sicer neizraženi osebek predvidljivega predmetnega odvisnika ali nedoločniške zveze, se pogosto pojavlja orodniška. Npr.:

on v'letih Buqvah vuzhy supër nevolu inu fkushnave, **potèrpeshlivim** inu **ftanovitim biti** (DB 1584: I,317a)

- 3.2.2 Tudi z oblikovanjem tega tipa in z njegovo pomensko strukturiranostjo je povezanih več uvrščevalnih dilem. Eno od njih npr. v primeru *vfi enajft Tebihi imajo biti uv'eno mero* (DB 1584: I,52a) ustvarja povedkovo določilo, izraženo s predložno zvezo. Po njem bi se bilo brez širše seznanjenosti z okoliščinami mogoče vprašati *kako?*. K potrebnemu poznavanju vsebine prispeva seznanjenost z možnimi prevodnimi predlogami,²¹ posredno pa tudi s sodobnejšimi prevodi, ki kažejo, da je pravilen odgovor *iste mere*, ki ga terja vprašanje *kakšni?*.

¹⁹ Wir sollen lernen den tod anfehen **wie ein schlaff** (LH 1566: II,CLXXXIIIb).

²⁰ O Bohoričevih prevodnih dilemah, ki so spremljale njegovo obravnavo latinskega gerundija, prim. Ahačič 2007: 147–149.

²¹ Konkretni zgled je domnevno preveden po Lutrovi Bibliji kot prevodni predlogi: vnd sollen alle eilffe **gleich gros sein** (LB 1545: 171), v sodobnem slovenskem prevodu pa je mesto prevedeno takole: **ista mera** naj bo za vseh enajst preprog (SP 1996: 133).

3.3 Tretji tip oblikuje glagol *biti* v vlogi vezi ter tej sledeči prislov oz. katera izmed nadomestnih struktur. Npr.:

veliku **je** poklizanih, ali mallu isvolenih (DB 1584: III,14a)

3.3.1 Večvrstno problematiko npr. izkazujejo zveze *biti si v svesti* in *biti (si) v skrbi*: glede načina pomenske interpretacije, ki odpira vprašanje stopnje pomenske razvidnosti posamezne sestavine zveze in z njim povezane problematike prepoznavnosti frazeološke rabe; glede odvisnosti od prevodnih predlog in glede funkcije morfema *si*, kadar se pojavlja kot neobvezna sestavina (*biti v skrbi* ali *biti si v skrbi*). Npr.:

kadar ludje špee, inu **fi neifo** obene fhkode **vferbi**, taku on ne fpy (TPo 1595: I,117) 'jih ne skrbi nobena škoda'

wenn man schlaffe/ vnd **fich** keines schadens **beforge** (LH 1566: I,LXIXb)

3.4 Četrty tip, ki ga predstavljajo primeri z vezno rabljenim glagolom *biti* in povedkovim določilom, v katerem nastopa povedkovnik²² ali katero izmed njegovih skladijskih nadomestil, pogostnostno zaostaja za prvimi tremi. Glagol skupaj s povedkovim določilom izraža raznovrstno stanje (npr. v naravi; 1. zgled), doživljajsko oz. razpoloženjsko stanje udeleženca oz. nosilca (2. zgled) ali stanje kot nasledek vrednotenja (3. zgled), naklonsko opredeljuje dejanje, izraženo z nedoločnikom (4. zgled), itd. Npr.:

- (1) Inu Semla je bila pufta tår prasna, inu **je bilu temnu** na Globokoſti (DB 1584: I,1a)
- (2) MOj Bug left fe framujem, inu me **je ftrah** (DB 1584: I,255)
- (3) **Pfu te bodi**. Ti fi ta kir ta Tempel refualuiesh, inu fpet utryeh dneh fafidash (TT 1557: 150)
- (4) Danas ie zlouik lep nu mlad, Iutri fi bo na fmert bolan, vſai mu **ye treibe** le vmreiti (*P 1563: 174)

Tip je prepoznaven tako po brezoseb(kov)nosti kot po sklonsko različno izraženem smiselnem osebk²³. Brezosebnost²⁴ se pri izražanju vrednotenja izmenjuje

²² Ustaljeno povedkovniško rabo npr. izkazujejo: *blizu, mrzlo, toplo; marej, res, žal; groza, sram, težko; treba, potreba; zadosti; pfu/pfuj; proč, tje, vun*, pa tudi izdeležniški *ležoč* (npr.: On pag pride, kadar **bo** nemu **lefozh** (TT 1581–82: II,109)) itd.

²³ Smiselni osebek je izražen bodisi rodilniško, dajalniško, tožilniško ali orodniško, prevladuje pa dajalniška oblika: npr. DVej rizhy fte, na katere **mi je shal**, na tretjo pak fim ferdit (DB 1584: II,163b).

²⁴ Med brezosebne rabe se uvrščajo tudi primeri z osebkom *ono*, ki je pogosto prevodno nadomestilo za nemški *es* (npr. Tukaj my tedaj miſlimo, **onu** je vun s'nami (TPo 1595: II,40) – Da ſchließen wir denn/ **es** fey auß mit vns (LH 1566: II,XXV)), redkeje pa oblika *ga*, ki bi lahko bila rodilniška ali tožilniška (npr. Sakaj taku pravi Gofpud GOSPVD: **Bodi ga sadofti**, vy Israelfki Viudi: Puftite od krivice inu fyle, inu fturite kar je prou inu dobru (DB 1584: II,82b) – Denn so spricht der HERR/ **Jr habts lang gnug gemacht** jr Fürsten Jsrael/ Lasset abe vom Freuel vnd Gewalt/ vnd thut was recht vnd gut ist (LB 1545: 1490). O funkcijah nemškega neosebne *es*, o prevodnem razmerju med njim in slovensko ustreznico *ono* ter o obsegu neosebne rabe oblike *ono* v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja prim. Jelovšek 2011.

z neživim osebkom. Simbolizira ga zaimek *kaj*, ki nadomešča bodisi polstavek, odvisnik z *da* ali nedoločnik. Npr.:

Tefhku je delati (BH 1584: 101)

Nu jeft tebe vpraham, **nej** li **onu reis** [...] de fe njemu en Syn pravi (TPo 1595: II,100)

- 3.5 Primeri povezav pomožnega glagola *biti* z nedoločnikom, v katerem nastopa glagol *videti*, so redki. Celotni povedek izraža videz stanja ali lastnosti, poimenovanega oz. poimenovane s povedkovim določilom. Npr.:

te Svirine **fo bile viditi**, kakòr Sherjaviza ker gory, inu kakòr bakle, katere fo mej témi Svirinami hodile (DB 1584: II,60a)

- 3.6 Posebno skupino sestavljajo primeri rab glagola *biti* v kombinaciji s predložnimi morfemi *čez*, *prez*, *proti*, *za* in *zoper*, ki izražajo različno sklonsko prehodnost (*prez* rodilniško, *proti* dajalniško, *čez* in *za* tožilniško, *zoper* dajalniško ali tožilniško in *z* orodniško) in uresničujejo različne pomene. Tudi v tej skupini je mogoče zaznati primere, pri katerih je na vezno vlogo in nepolnopomenskost glagola *biti* posredno opozorjeno tudi s formalno brezosebkovnostjo, hkrati pa s sopojavljanjem smiselnega osebk. Npr.:

Zhes Olikove vérté inu Murve na púli, **je bil** Baalhanan, Gaderiter. **Zhes** Olifke Hrame, **je bil** Ioas (DB 1584: I,233a)

Kateri **nej** s'mano, ta **je supèr** mene (DB 1584: III,9a)

- 3.7 S pogosto rabo zvez, katerih sestavni del je bodisi polnopomensko rabljeni ali pomožni glagol *biti* – zlasti tistih, ki so vezane na določeno (versko) besedilno okolje in na tip besedil (npr. na molitvene obrazce) –, nastajajo formule, ponujene v nadaljnjo rabo na istih ali podobnih mestih. Prav tako nastajajo z ustaljeno rabo zvez v ponavljajočih se vsakdanjih okoliščinah formule, primerne za rabo ob podobnih prilikah. V okviru polnopomenske rabe glagola *biti* in pomena 'obstajati' se v vlogi zaključnega obrazca govornega ali pisanega besedila pojavlja stavek *Tu bodi konèc* (DB 1584: II,205a). Podobne rabe je mogoče zaslediti v okviru besednovrstno različnih povedkovih določil ob veznem glagu *biti*. S ponovitvami velelniških oblik v vlogi vezi, ki ji sledijo pridevniške besede ali katero izmed sopomenskih skladijskih nadomestil, se utrjuje raba formul, uporabljanih v molitvenih obrazcih, kot pozdrav ali kot blagoslovitveni obrazec, večkrat pa tudi kot členek s pomenom čustvene odzivnosti na kaj. Mnenjski ali čustveni odziv na vsebino je pogosto dodan v oklepaju. Npr.:

Zhaft inu Huala bodi tebi Ozha, Syn, Sueti Duh, koker ie vtim fazhetki bilu, inu ie sdai inu bode imer tar vfelei. Amen (TC 1555: L5a–b)

Pole, tedaj je Iesus nje frezhal, inu je djal: Sdrave **bodite** (DB 1584: III,18b) 'Pozdravljene!'

LEtukaj (**Bodi ga Bug hvalen**) hozhe cillu hudu ftati sa Papesha (DB 1584: II,92a)

4 Med skladenjske značilnosti rabe glagola *biti* v vlogi vezi je mogoče uvrščati tudi način zanikanja, ki se v primerjavi z današnjo normo kaže kot razlikovalen: namesto danes uveljavljenega dvojnega zanikanja zgledi iz 16. stoletja izkazujejo enojno (1. zgled). Razlikovalna je tudi današnja uveljavljenost nikalnice ob *dokler* v primerjavi z njeno pogrešljivostjo v 16. stoletju (2. zgled). Nasprotno pa so v 16. stoletju opazni tudi primeri dvojnega zanikanja v primerjavi z danes uveljavljenim enojnim. Npr.:

- (1) Sakaj kulikur nalha della antizhe, kadar fo ona nar bulha, taku fmo my drusiga nifhter, kakor nepridni Hlapzi (TPo 1595: II,271) – ‘mi nismo nič drugega ...’
- (2) KAdar v'tvojga blishniga Vinograd gréfh, taku morefh grossdje jéfti [...] **dokler bofh fit** (DB 1584: I,118b (= 112b))

4.1 Pregled rab glagola *biti sem* razkriva tudi več oblik povedkovega ujemanja glede števila in spola z večlenskim, priredno zloženim osebkom, ki so dokaz, da so se tovrstna načela še oblikovala. Celo v DB 1584 kot jezikovno najtrdnjšem in normativno dokaj ustaljenem delu izstopata vsaj dva načina. Najpogostejše je številsko in spolsko uravnavanje povedka, v katerem se kot osebna glagolska oblika pojavlja *biti*, po najbližjem, navadno zadnjem členu priredno zloženega osebka. Npr.:

Obtu taka Islaga inu faftop **ie** kriiu inu falsh (TT 1577: 131)

Kula tër Kojni **fo bily**, Sgul Ogen, fvetli tër lipy, v'teh fe je v'Nebu pelal (DC 1584: CCLVII)

Oblaki inu Mrak **je** okuli njega (DB 1584: I,304a)

Sakaj tu pèrvu Nebu inu ta pèrva Semla **je minila**, inu Morje nej vezh (DB 1584: III,150b) on je rojen, prejden **je** ta Svej, prejdan Nebu inu Semla, prejden **je** Sonze inu Luna **bila** (TPo 1595: I,81)

Tudi kadar je povzemalni povedek v množini, se glede spola večkrat navezuje na zadnji člen osebkovnega niza. Npr.:

prejdan **fo** Sonze inu Luna **ftvarjene** (TPo 1595: I,81)

Sakai kadar bi leto duoie, Salnze inu Dash **nebile**: Takobi ta Suet vshe sdauna puft bil (JPo 1578: II,105)²⁵

Kadar priredno zloženemu osebku sledi povedek, sestavljen iz glagola *biti* kot vezi in samostalniškega povedkovega določila, se povedek po številu in spolu ujema z njim. Npr.:

Nebu inu Semla **bodo** prizhe, de vy nas fylo inu po krivizi morite (DB 1584: II,180a)

25 Ob povedkovih neujemalnosti z osebkom glede spola in števila, ki jo npr. razkriva zgled iz JPo 1578, bi med morebitnimi vzroki zanjo lahko bila celo vplivnost ženske dvojine, saj bi glede na začetek povedi morala slediti oblika za ednino srednjega spola, glede na priredno zloženi osebek pa dvojska (ali običajnejša množinska) oblika moškega spola.

4.2 Prav ustaljenost rabe je pogosto osnova ali celo vzrok za izpust ene izmed sicer obveznih sestavin povedka. Možen – čeprav redko uresničen – je izpust osebne oblike glagola *biti* (1. zgled), pogost pa izpust opisnega ali trpnega deležnika (2. zgled) oz. povedkovega določila. Izpusti so večkrat vezani na posebne besedilne okoliščine, npr. na odgovor kot del dvogovora (3. zgled). Pogost je tudi izpust naklonskega izraza iz ustaljenih povezav z nedoločnikom (4. zgled) itd. Npr.:

- (1) vtim 1336. leitu **fo** Vnemshki desheli tudi veliki trefluui, koker vti Bafilei inu Vltrafpurgi **bili**, [so] dofti ludi/ pobili, hishe [**so se**] poderle (TT 1577: 307)
- (2) Kam **je** tvoj Krajl, de bi tebi mogël pomagati, u'vfeh tvoih Méftih? (DB 1584: II,107b)
- (3) Taku ie delo ena lepa rézh? Ia ti povem da **ie** (KPo 1567: LXVIb)
- (4) Kadar nam **bo** it is tiga fueidta [...] Obarri nas lubi Gofpud Bug (TC 1550: 184–185 (100b–101a))

Za izpuste je mogoče predvidevati različne vzroke. Poleg uporabe ustaljenih modelov, nedvomno uveljavljenih tudi v pogovornem jeziku, so izpusti lahko rezultat presoje, da sporočilnost besedila na bo prizadeta. Občasno jih sproža tudi oblikovanje rime oz. glasovne (ali števične) uravnanosti zlogov. Lahko so posledica sledenja tujejezični prevodni predlogi, občasno pa tudi premajhne ubesedovalne pozornosti.

5 V prispevku so predstavljene le najopaznejše oblikoslovne značilnosti glagola *biti*, od skladenjskih pa zlasti tiste, ki se primerjalno z današnjo normo kažejo kot razlikovalne. Okvirno je predstavljena tudi pomenska struktura, ki jo *biti* uresničuje kot polnopomenski glagol, ter delež pomožnega glagola *biti* pri uresničevanju pomenov, vezanih na povedke, ki jih pomožni glagol skupaj z besednovrstno različnimi povedkovimi določili sooblikuje kot vez. Številne pomenske nianse in značilnosti rabe, na katere še kaže obsežno gradivo, so ostale neomenjene.

6 POVZETEK

Glagol *biti sem* je najpogostejše rabljeni glagol v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja in hkrati ena najpogostejše rabljenih besed. S popolnim izpisom vseh ohranjenih slovenskih tiskanih besedil iz druge polovice 16. stoletja je bilo zbranih pribl. 97.000 njegovih pojavitev (slednje so del kartoteke, ki šteje pribl. 3.300.000 izpisov). K pogosti rabi je prispevala njegova dvojna funkcionalnost, saj izkazuje polnopomenskost, hkrati pa je osnovni pomožni glagol. V tej vlogi se uporablja za tvorbo sestavljenih časovnih oblik in izražanje časov, pa tudi naklonov in načinov. Pogosto nastopa v vlogi vezi (oz. veznega glagola). V takih primerih kot osebna glagolska oblika skupaj s povedkovim določilom sestavlja povedek.

Popolno gradivo omogoča natančen prikaz oblikoslovja glagola *biti*. Po vidski karakteristiki je *biti* nedovršni glagol. Ker večinoma izraža stanje ali dejanje, ki se ne razvija k mejni točki, z dovršniki ne tvori vidskih parov. V posebnih sobesedilnih

okoliščinah lahko izraža tudi dovršnost (npr. *Inu Bug je rekāl: Bodi Luzh. Inu je bila Luzh* (DB 1584: I,1a)). Oblikovno variantnost izkazujejo predvsem njegove oblike za izražanje prihodnosti (npr. *bota, bodeta* in *bosta* za 3. osebo dvojine). Ob pogojniku *bi* se pojavlja tudi različica *bih*, ki je značilna za Juričičev jezik. Izkazuje tudi dvojinske oblike, ki pa jih pogosto nadomeščajo množinske.

Biti sem kot polnopomenski glagol in hkrati kot primitiv v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja izkazuje več skladenjsko prepoznavnih pomenov s podpomeni in pomenskimi odtenki (npr. 1. *obstajati/nastati, živeti*, izraža tudi pritrditev, negotovo obstajanje itd.). Npr. *Svet, Svet, Svet je GOSPOVD Bug, ta vsigamogozhi, kir je bil, kir je, inu kir pride* (DB 1584: III,139b). V njihov okvir se uvrščajo tudi številni frazemi (npr. *biti čez graben, biti pred očima*).

Pomožni glagol *biti* skupaj s povedkovimi določili v okviru petih osnovnih besednovrstno različnih tipov (samostalniškega, pridevniškega, prislovnega, povedkovniškega in glagolskega) uresničuje vrsto različno razčlenjenih pomenov. Npr. *Leta je moj lubesnivi Syn, na katerim jeft imam dobru dopadenje* (DB 1584: III,11a). Posebno skupino oblikujejo zveze glagola *biti* s predložnimi morfemi (*čez, prez, proti, za, zoper* in *z*), ki izražajo sklonsko različno prehodnost.

Glagol *biti* se v obeh vlogah (polnopomenski in vezni) pojavlja tudi kot sestavina ustaljenih besednih povezav oz. formul, značilnih zlasti za verska besedila (npr. za molitve) in za vsakdanjo rabo (npr. kot pozdravna ali blagoslovitvena formula, kot tipizirani čustveni odziv na kaj, kar je navadno omenjeno v sobesedilu, itd.; npr. *LEtukaj (Bodi ga Bug hvalen) hozhe cillu hudu ftiati sa Papesha* (DB 1584: II,92a).

Raba glagola *biti* v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja kaže tudi na več oblik povedkovnega ujemanja glede števila in spola z veččlenskimi, priredno zloženim osebkom, kar je dokaz, da so se tovrstna pravila še oblikovala. Npr. *Oblaki inu Mrak je okuli njega* (DB 1584: I,304a); *prejdan fo Sonze inu Luna stvarjene* (TPo 1595: I,81). Nasprotno pa je bila prav ustaljenost rabe pogosto osnova za izpust ene izmed obveznih sestavin povedka: redko osebne glagolske oblike, pogosteje pa opisnega deležnika ali povedkovnega določila. Npr. *Kam je tvoj Krajl, de bi tebi mogel pomagati, u'vfeh tvoih Méftih?* (DB 1584: II,107b).

VIRI

BH 1584 = Adam Bohorič, *Arcticae horulae succifivae*, Wittenberg, 1584.

DB 1578 = Jurij Dalmatin, *BIBLIE, TV IE, VSIGA SVETIGA PISMA PERVI DEIL*, Ljubljana, 1578.

DB 1584 = Jurij Dalmatin, *BIBLIA, TV IE VSE SVETV PISMV, STARIGA inu Noviga Testamenta*, Wittenberg, 1584.

DC 1584 = Jurij Dalmatin, *TA CELI CATEHISMVS, ENI PSALMI*, Wittenberg, 1584.

DPa 1576 = Jurij Dalmatin, *PASSION*, Ljubljana, 1576.

JPo 1578 = Jurij Juričič, *POSTILLA, To ie KERSZHANSKE EVANGELSKJE predige*, Ljubljana, 1578.

KB 1566 = Sebastijan Krelj, *OTROZHIA BIBLIA*, Regensburg, 1566.

KPo 1567 = Sebastijan Krelj, *POSTILLA SLOVENSKA*, Regensburg, 1567.

LB 1545 = Martin Luther, *Biblia: Das ift: Die gantze Heilige Schrifft/ Deudsch/ auff's new zugericht*, Wittenberg, 1545; München, 1974.

- LH 1566** = Martin Luther, *Haußpoftill Doc. Martin Luthers/ Vber die Sontags/ vnd der fürnembften Fest Euangelia/ durch das gantze Jar*, Nürnberg, 1566.
- MTh 1603** = Hieronymus Megiser, *Thefaurus Polyglottus vel, Dictionarium Multilingue*, Frankfurt, 1603.
- *P 1563** = *ENE DVHOVNE PEISNI*, Tübingen, 1563.
- SA 1559** = Iohannes Spangenberg, *Auflegung der Episteln vnd Euangelien auff alle Sontage vnd fürnembsten Fest durchs gantze Jar*, Nürnberg, 1559.
- SP 1996** = *Sveto pismo stare in nove zaveze*, Ljubljana: Svetopisemska družba Slovenije, 1996.
- SSKJ I–V** = *Slovar slovenskega knjižnega jezika* I (A–H, 1970), II (I–Na, 1975), III (Ne–Pren, 1979), IV (Preo–Š, 1985), V (T–Ž, 1991), Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti (izd.), Državna založba Slovenije (zal.).
- TAr 1562** = Primož Trubar, *ARTICVLI OLI DEILI, TE PRAVE STARE VERE KERSZHANSKE*, Tübingen, 1562.
- TC 1550** = Primož Trubar, *Catechismus In der Windischenn Sprach*, Tübingen, 1550.
- TC 1555** = Primož Trubar, *CATECHISMVS*, Tübingen, 1555.
- TC 1567** = Primož Trubar, *TA CELI CATEHISMVS*, Tübingen, 1567.
- TC 1575** = Primož Trubar, 1575, *CATEHISMVS SDVEIMA ISLAGAMA*, Tübingen, 1575.
- TKo 1557** = Primož Trubar, *TA SLOVENSKI KOLENDAR*, Tübingen, 1557.
- TO 1564** = Primož Trubar, *CERKOVNA ORDNINGA*, Tübingen, 1564.
- TPo 1595** = Primož Trubar, *HISHNA POSTILLA*, Tübingen, 1595.
- TT 1557** = Primož Trubar, *TA PERVI DEIL TIGA NOVIGA TESTAMENTA*, Tübingen, 1557.
- TT 1577** = Primož Trubar, *NOVIGA TESTAMENTA PVSLEDNI DEIL*, Tübingen, 1577.
- TT 1581–82** = Primož Trubar, *TA CELI NOVI TESTAMENT*, Tübingen, 1581–1582.
- ZK 1595** = Janž Znojilšek, *KATECHISMVS DOCTORIA MARTina Luthra*, Tübingen, 1595.

Kartoteka Sekcije za zgodovino slovenskega jezika Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU

LITERATURA

- Ahačič 2007** = Kozma Ahačič, *Zgodovina misli o jeziku in književnosti na Slovenskem: protestantizem*, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2007 (Linguistica et philologica 18).
- Besedje 2011** = Kozma Ahačič – Andreja Legan Ravnikar – Majda Merše – Jožica Narat – France Novak, *Besedje slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja*, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2011 (Slovarji).
- Derganc 1993** = Aleksandra Derganc, Spremembe nekaterih dvojinskih oblik in zvez v slovenščini in ruščini, *Slavistična revija* 41 (1993), št. 1, 209–218.
- Jelovšek 2011** = Alenka Jelovšek, Neosebna raba oblike *ono* v jeziku slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja, *Slavistična revija* 59 (2011), št. 4, 415–435.
- Jelovšek 2016** = Alenka Jelovšek, »My sva téh svetnikou otroci«: dvojina osebnih zaimkov v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja, *Slavistična revija* 64 (2016), št. 2, 95–112.
- Legan Ravnikar 2014** = Andreja Legan Ravnikar, Problematika germanizmov v zgodovinskem slovarju knjižne slovenščine 16. stoletja, v: *Slovenski jezik na stičišču kultur*, Bielsko-Biala idr., 2014 (Zora 102), 70–84.
- Merše 1995** = Majda Merše, *Vid in vrstnost glagola v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja*, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Razred za filološke in literarne vede, 1992 (Dela – Opera 44).
- Merše 2011a** = Majda Merše, Besedje slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja, *Stati inu obstati* (Ljubljana) 13–14 (2011), 205–213.
- Merše 2011b** = Majda Merše, Uvod, v: Kozma Ahačič – Andreja Legan Ravnikar – Majda Merše – Jožica Narat – France Novak, *Besedje slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja*, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2011 (Slovarji), 7–16.

- Merše 2015** = Majda Merše, Slovnicična obvestilnost slovenskega zgodovinskega slovaropisja, *Slovnica in slovar – aktualni jezikovni opis* 2, Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2015 (Obdobja 34), 503–510.
- Merše – Novak – Premk 2001** = Majda Merše, France Novak, Francka Premk, *Slovar jezika slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja: poskusni snopič*, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2001.
- Narat 2007** = Jožica Narat, Življenje besed v Bibliji: od nog do glave, *Merkujev zbornik = Jeziko-slovni zapiski* 13 (2007), št. 1–2, 285–296.
- Novak 2004** = France Novak, *Samostalniška večpomenskost v jeziku slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja*, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2004 (Linguistica et philologica 18).
- Toporišič 1980** = Jože Toporišič, O strukturalnem določanju besednih pomenov glagola *biti*, *Linguistica: in memoriam Milan Grošelj oblata II* 20 (1980), 151–167.
- Toporišič 2000** = Jože Toporišič, *Slovenska slovnica*, Maribor: Obzorja, 42000 (1976).
- Toporišič 2006** = Jože Toporišič, *Besedjeslovne razprave*, Ljubljana: Založba ZRC SAZU, ZRC SAZU, 2006 (Linguistica et philologica 13).
- Vidovič Muha 1998** = Ada Vidovič Muha, Pomenski preplet glagolov *imeti* in *biti* – njuna jezikovnosistemska stilistika, *Slavistična revija* 46 (1998), št. 4, 293–323.
- Vidovič Muha 2013** = Ada Vidovič Muha, *Slovensko leksikalno pomenoslovje*, Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2013 (Razprave FF).
- Vidovič Muha 2015** = Ada Vidovič Muha, Propozicija v funkcijski strukturi stavčne povedi – vprašanje besednih vrst (poudarek na povedkovniku in členku), *Slavistična revija* 63 (2015), št. 4, 389–406.
- Žele 2001** = Andreja Žele, *Vezljivost v slovenskem jeziku (s poudarkom na glagolu)*, Ljubljana: Založba ZRC SAZU, ZRC SAZU, 2001 (Linguistica et philologica).
- Žele 2012** = Andreja Žele, *Pomensko-skladenjske lastnosti slovenskega glagola*, Ljubljana: Založba ZRC SAZU, ZRC SAZU, 2012 (Linguistica et philologica 27).
- Žele 2014** = Andreja Žele, *Slovar slovenskih členkov*, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2014 (Slovarji).

SUMMARY

Usage of *biti sem* ‘to be, am’ in sixteenth-century standard Slovenian

The verb *biti sem* ‘to be, am’ was the most frequently used verb as well as one of the most common words in sixteenth-century standard Slovenian. The complete list of all preserved Slovenian printed works from the second half of the sixteenth century yielded some 97,000 occurrences of the verb (the entire file contains some 3,300,000 entries). Its common usage was a consequence of its double functionality because it is a full verb as well as an auxiliary verb; in the latter function it distinguishes time in periphrastic forms, verbal moods, and voices, or serves as a copula, creating predicators as a finite verb form in conjunction with a subject complement.

The complete collected materials made it possible to outline the morphology of the verb *biti*. In terms of aspect, the verb *biti* is imperfective. Because it usually expresses a state or an act that does not evolve towards an end, it does not form aspectual pairs with perfective verbs; however, in special circumstances, it does express perfectivity; for example, *Inu Bug je rekā: Bodi Luzh. Inu je bila Luzh* ‘And God said, “Let there be light,” and there was light’ (Dalmatin’s Bible, DB, 1584: I,1a). Morphological variation is manifested in forms expressing future tense (e.g. *bota*, *bodeta*, and *bosta* for the third-person dual). The conditional mood form *bi* is also expressed with the variant *bih*, which is quite common in Juričič’s language. The infrequent dual forms are often replaced by the plural.

As a full verb and a primary verb, *biti* expresses several syntactically distinct meanings in sixteenth-century standard Slovenian, with further sub-senses and sense nuances (e.g., 1. *obstajati/nastati, živeti*, ‘to exist / be created, live’, also expressing confirmation,

uncertain existence, etc.), e.g. *Svet, Svet, Svet je GOSPOD Bug, ta vfigamogozhi, kir je bil, kir je, inu kir pride* 'Holy, holy, holy, Lord God Almighty, which was, and is, and is to come' (DB 1584: III,139b). This includes several phrasemes (e.g. *biti čez graben* 'to be beyond the ditch', *biti pred očima* 'to be before one's eyes').

As an auxiliary verb, *biti* with a subject complement forms a number of distinct senses within the limits of five basic word-class types (nominal, adjectival, adverbial, predicative, and verbal); for example, *Leta je moj lubesnivi Syn, na katerim jeft imam dobru dopadenje* 'This is my beloved Son, in whom I am well pleased' (DB 1584: III,11a). Another distinct group are phrases with *biti* and prepositional morphemes (*čez, prez, proti, za, zoper, z* 'across, without, against, for, against, with') expressing transitivity with various cases.

In both functions (full verb and copula), the verb *biti* occurs as a compound of common phrases or formulae commonly occurring in religious texts (e.g., prayers) or in everyday situations (e.g., greetings or blessing formulae, or typical emotional reactions to something mentioned in the context, etc.); for example, *LEtukaj (Bodi ga Bug hvalen) hozhe cillu hudu fiati sa Papesha* 'Here (praise God) it will even become angry with the Pope' (DB 1584: II,92a).

The use of the verb *biti* in sixteenth-century standard Slovenian also exhibits several forms of predicate-compound subject agreement in number and gender, indicating that the rules were still taking shape: for example, *Oblaki inu Mrak je okuli njega* 'Clouds and darkness are round about him' (DB 1584: I,304a); *prejdan fo Sonze inu Luna stvarjene* 'Before the Sun and Moon were created' (Trubar's Postil, TPo 1595: I,81). In contrast, common use often led to omitting an indispensable compound of the predicate: in exceptional cases, the personal verb form, but more commonly the descriptive participle or the subject complement; for example, *Kam je tvoj Krajl, de bi tebi mogel pomagati, u'vfeh tvoih Méftih?* 'Where is your king that may save thee in all thy cities?' (DB 1584: II,107b).

МАРИЯ РАЧЕВА

РЯДКАТА БЪЛГАРСКА ДИАЛЕКТНА ДУМА свещ 'ЦВЯТ, COLOR' И НЕЙНИТЕ ВЕРОЯТНИ СЛАВЯНСКИ СЪОТВЕТСТИЯ

COBISS: 1.01

Redka bolgarska narečna beseda *svešt* 'barva' in njeni morebitni slovanski ustrezniki

Za redki bolgarski apelativ *svešt* 'barva' se predlaga, da je nastal s poznim narečnim prehodom *c-* > *s-* na podlagi psł. **kvěťb* kot izpeljave iz **květiiti* 'barvati' in 'cvesti'. Za možna ustreznika za bolg. *svešt* 'barva' se zdita gluš. *kweć* in dluž. *kwiś* 'cvetenje', ki nadaljujeta psł. **kvěťb* s poznejšo premeno lužiškega refleksa *-c* < **-tj*.

Ključne besede: bolgarska in slovanska etimologija, etimološki problemi drugih oblik

The Rare Bulgarian Dialect Lexeme *свещ* 'color' and Its Possible Slavic Cognates

This article argues that the rare Bulgarian noun *свещ* 'color' succeeded Common Slavic **kvěťb* due to the late dialect transition *ts-* > *s-*, with **kvěťb* a derivative of **květiiti* 'to color; to bloom'. It points to Upper Sorbian *kweć* and Lower Sorbian *kwiś* 'blossoming' as likely cognates of Bulgarian *свещ* 'color'. The two words succeeded Common Slavic **kvěťb* via a late change of the Sorbian reflex *-c* < **-tj*.

Keywords: Bulgarian and Slavic etymology, etymological problems in secondary forms

- 1 Общеизвестно значение на бълг. *свещ* ж.р. и на запазените в народните говори форми *свѣща*, *свѣшча*, *свѣкя* и др. е значението 'пръчица от восък, лой, стеарин и др., с фитил в средата, която служи за осветление'. Покрай него съществуват и метафорични по произход значения, срв. например разпространените в някои северозападни български говори *свещ* 'луна', *свѣча* 'върлина на кладенец' и др. Специализирани съвременни значения на *свещ* са 'вид електрическа запалка в устройството на автомобила' и 'мерна единица за сила на светлината във физиката'. Бълг. *свещ* и *свѣща* с домашни думи с отдавна установен произход, за чиято основа обикновено се сочи праславянското нарицателно с индоевропейски произход **světъ* 'светлина'. Според С.Б. Бенрщейн (Бернштейн 1974: 306), не винаги ясната разграничимост между индоевропейски и праславянски образувания позволява да се предполага и девербативен произход на праславянското образувание **světja*, чиито продължения, представени във всички славянски езици, са *nomina instrumenti* със същото основно значение като това на бълг. диал. *свѣща* и варианти.

Различно от споменатото по-горе общославянско значение е значението 'цвят, color', представено у Геров 5: 143 като трето значение на *свещ* (*свѣщъ*). Значението е илюстрирано с текста: *Виното не е на тая свещ*, и е изтъкнато

с помощта на руското преводно съответствие *не того цвета*. Приведените от Геров български синоними *шар, ренк, боя* и техните руски преводни съответствия *цвет* и *масть* сочат, че бълг. *свеиц* в посочения текст назовава представата ‘цвят, color’ в нейната обичайна връзка със зрителните възприятия отлъченията на слънчевия спектър.

При оскъдното внимание към семантичните данни, както и към семантичния анализ въобще, с което е известен етимологичният речник на Ст. Младенов, не предизвиква изненада липсата на интерес у този автор към засвидетелстваното само у Геров значение ‘цвят, color’ на общобългарската дума *свеиц* (*свѣицъ*) с подразбиращо се обичайно значение, която е изтълкувана в речника чрез общоприетата етимологична връзка със *свят* (*свѣтъ*) (Младенов ЕТР: 574). Макар и засвидетелствувано в авторитетен лексикографски източник, необичайното значение ‘цвят, color’ на бълг. диал. *свеиц* (*свѣицъ*) не е намерило място и в богатата колекция от книжовни и диалектни, основни и производни форми с техните звукови варианти и значения, която е представена при тълкуването на *свеиц* с варианти в академичния БЕР 6: 545. Не е ограезено и при свързаните с тях фразеологични съчетания.

В БЕР 6: 545 са посочени две праславянски форми: **světja* и **světjъ*. Покрай традиционното определение на първата от тях като образуване от **světъ* ‘светлина’ с праславянска наст. *-ja*, известни съмнения може да предизвиква праславянската давност на формата **světjъ*, тъй като съответната ѝ новобългарска форма *свеиц* (у Геров покрай *свѣицъ* са представени и диалектните варианти *свѣчъ, свѣкъ, свѣчъ*) не е засвидетелствувана в старобългарския език и няма съответствия в останалите славянски езици. Затова може да се предполага, че съвременната българска форма от ж.р. *свеиц* с посочените у Геров диалектни варианти е вторична, възникнала в самостоятелната история на българския език. Възможно е да става въпрос за обратна деривация на *свеиц* с варианти като форма за ед.ч. от твърде често употребимата в някогашния традиционен бит форма за мн.ч. *свѣици* на запазената на диалектно равнище форма *свѣица* с варианти, по модела на някои често употребими домашни съществителни от ж.р. като напр. *нощ*, мн.ч. *нощи*, или *пещ*, мн.ч. *пещи*. Съществуват обаче и двойки праславянски именни образувания с наст. *-jъ* и *-ja*, които не са с отименен, а с отглаголен произход, като напр. **cědъjъ* и **cědja* : **cěditi*, срв. бълг. диал. *цѣжд*, но рус. диал. *цѣжа*, или **lъžъ* и **lъža* : **lъgati*, срв. рус. *ложъ*, но бълг. *лъжа*. Затова словообразователната аналогия води до предположението, че изходен за именните образувания **světjъ* и **světja* може да е праславянският отименен глагол **světiti* > бълг. *свѣти* и т.н., срв. споменатото вече предположение на Бернщейн 1974: 306.

- 2 Обяснението на рядкото и странно значение ‘цвят, color’ на бълг. *свеиц* несъмнено е свързано с трудности. Затруднява преди всичко фиксацията на това особено значение в един-единствен лексикографски източник, както и

липсата на данни за местоговора. Не са известни и свързани с представата ‘цвят, color’ значения при съответствията на бълг. *свец* и варианти в други славянски езици, както и при продълженията на възлизащите към същата основа праславянско нарицателно **svěť* > бълг. *свят* и т.н., а също и при праславянския глагол **světiti* > бълг. *свѣтя* и т.н. Тук не следва да се взема предвид представената у Шустер-Шевц (Schuster-Šewc 8: 750) староруска форма *сѣтъ* ‘Blume, Blüte, Wiese’ в която *с-* вместо *ц-* е резултат от допуснатата буквена грешка. Като цветоопределящи, но в условния смисъл, могат да бъдат отбелязани едва далечните в езиковоисторическо отношение значения на някои сродни с праслав. **svěť* думи от други индоевропейски езици: стинд. *śvetá-* ‘бял’, авест. *spaēta* също, лит. *šveisti* ‘лъскам’ и др., които са свързани с ахроматичните по същество представи ‘светъл’ и ‘блестящ’.

Зрителното възприятие на лъченията от слънчевия спектър, което бива назовавано с праславянското съществително **kvěť* > бълг. *цвят/цвет* в значението му ‘багра, color’, е обаче полихроматично. Това съществително бива тълкувано като именно образуване с *-o-* вокализъм: **kwoito-*, от същия ие. глаголен корен **kuejt-*, към който възлиза и праслав. **svěť*, но с предполагаема вторична кентумизация на началната съгласна. Впечатляващият паралелизъм между възлизащото към ие. **kuejt-* праславянско съществително **kvěť* (> бълг. *цвят/цвет* и т.н.) и възлизащото към ие. **kuejt-* праславянско съществително **svěť* (> бълг. *свят/свет* и т.н.) е мотивирал припомненото от О.Н. Трубачов (в ЭССЯ 13: 163) Брюкнерово определение „*Kwiat jest to samo słowo co i świat*“ (Brückner 287). Необходими допълнения към това ярко, но все пак крайно определение на Брюкнер са вариантността на началната съгласна (за която вж. подробно ЭССЯ, цит. м., с литература) и различно осъщественият исторически развой при свързаната с една и съща зрителна представа дълбинна семантика на двете праславянски думи: ‘lumen’ > ‘mundus’ при **svěť* и ‘lumen’ > ‘flos’ и ‘color’ при **kvěť*. Значението ‘color’ не е застъпено във всички славянски езици.

- 3 С оглед на посоченото дотук, един евентуален опит за обяснение на бълг. диал. *свец* ‘цвят, color’ чрез пряка връзка с праслав. **světja* ‘вид традиционно приспособление за осветление’ изглежда неприемлив, въпреки примамливата възможност за аналогия с исторически осъществения при ред продължения на праслав. **kvěť* семантичен развой ‘lumen’ > ‘color’. Няма следи от подобен развой при съответствията на българска дума *свец*, *свѣща* и вариантите ѝ в други славянски езици. Много по-вероятно изглежда, че засвидетелствуваното у Геров бълг. диал. *свец* ‘цвят, color’ представя променен звуков облик на дълга дума.

Трябва да се предполага, че първоначална форма на бълг. диал. *свец* с посоченото значение е била формата **цвец*, продължаваща едно праславянско именно образуване **kvěťjъ*, *nomen actionis* с наст. *-jъ* от основата в

праслав. **květiti* с изходно значение ‘придавам цвят, оцветявам’ и ‘цъфтя’, срв. рус. диал. *цветить* ‘красить, окрашивать’ (Даль), бълг. *оцветя* също и др., срв. и бълг. диал. *цветъ* ‘цъфтя’ в текста: *Това още не е цветило* (Героу 5: 522). Началното *с-* вместо *ц-* в бълг. *свеиц* ‘цвят, color, оцветеност’ от изходна форма **цвеиц* със същото значение може да бъде определено като резултат от късна, осъществена на българско диалектно равнище комбинаторна промяна, аналогична на промяната *ц-* > *с-* във формата с неизвестен местоговор *седж* ‘вода, варена с пепел’, която е представена у Героу (5: 157) заедно с *цедж* (*цѣджъ*) и *цежд* (*цѣждъ*). Посочените варианти продължават праслав. **сѣдѣ*, производно с наст. *-ѣ* от основата в праслав. *сѣдѣти* > бълг. *цедя* и т.н. Същата промяна е осъществена и в представената пак у Героу (5: 315) производна форма *съждец* ‘пепелива вода’ (изписано е с неетимологично *ж*: *съждецъ*), отново с неизвестен местоговор. Тази форма е възникнала от първоначално **сеждец* < **цеждец*. Гласната *ѣ* от *е* < *ѣ* в *съждец* е както в *свѣча* ‘свещ’ (Ново село, Видинско), което подсеща, че *съждец* с посоченото значение произхожда от северозападен български говор (вж. тълкуванията в БЕР 7: 657).¹ В българските народни говори е осъществена и обратна, също късна комбинаторна промяна *с* > *ц*, свързана в този случай с основата **svět-*, срв. *цветѣн* ‘светѣн’: *вода цветѣна* (Миладинови 299; Панчев 322), *цвѣта* ‘светя’ и *цвѣтелен* ‘светъл’ (Тресанче, Дебърско – Сб. Илиев 1: 278; Панчев 322), *цвѣтулка* ‘животина цвитка’ (мияци в Дебърско – ИССФ 2: 303; Панчев 322), *цвѣтка* ‘светулка’ (Героу 5: 521).

Посоченото дотук разкрива своеобразието на връзката между засвидетелствуваната у Героу българска диалектна дума *свеиц* ‘цвят, color’ < ‘оцветеност’ и общобълг. *свеиц* ‘вид традиционно приспособление за осветление’. Тази връзка е основана на късното формално изравняване между двете забележително съзвучни, може би и еднакво образувани, но различни български думи. Късно възникналото съзвучие между тях е все пак неслучайно. В основите му стои дълбоко родство, свързано с ранен период от историята на праславянския език в неговия индоевропейски аспект.

Извънреден интерес по отношение на предложеното тук тълкуване на бълг. диал. *свеиц* ‘цвят, color; оцветеност’ от изходно **цвеиц* < праслав. **květijь* представят някои вероятни съответствия на думата в лужишките езици, чиято закономерна съотносимост със същата праславянска форма **květijь* изглежда също затруднена от появата на по-късни формални изменения. Това са засвидетелствуваните, покрай горлуж., доллуж. *kwět* м.р. ‘цвят на растение; цъфтеж’, по-различни форми горнолуж. *kwěc* м.р. и ж.р. ‘цъфтеж’

1 Един по-късен запис от говора на Ново село, Видинско, документираща и вариант *чедж* ‘луга, лишия’ (архивни материали Ницолов, ДА). Форма *чедж* ‘луга за омекотяване на преждата’ е засвидетелствувана за Трънско и Пирот (архивни материали Любичев, ДА). Вариант на същата дума *цекъ* със значение ‘утайка от пепел’ е отбелязан за говорите на Каменица, Кюстендилско, и Велес (СБНУ 40: 136).

и долнолуж. *kwiś* м.р. също. Отбелязвайки особената горнолужишка форма *kwěć* като “по-стара”, Шустер-Шевц (Schuster-Šewc 8: 750 и сл.) я определя като продължение на праформа **kvěťь*, за разлика от съвременно *kwět* м.р. като съответствие на продълженията във всички останали славянски езици на праформата **kvěťь*.

Реконструкцията **kvěťь* на Шустер-Шевц не е намерила подкрепа в ЭССЯ 13: 162, където, покрай горно- и долнолужишката форма *kwět* м.р. с посоченото значение, е приведена без коментар сред продълженията на праслав. **kvěťь* и формата *kweć* м.р. и ж.р. ‘цъфтеж; цвят на растение’ с отпратки към речниците на Мука и Пфул. Така представена, горнолужишката форма *kweć* следва да се възприема като вторична по отношение на *kwět*. Подобна преценка не буди може би принципи възражения, тъй като отбелязаната от Шустер-Шевц по-голяма старинност на *kwěć* не изключва сама по себе си вторичния, или дори по-различния, произход на тази форма. Нарочен коментар заслужават в този смикъл както краесловието на *kwěć* ‘цъфтеж’ покрай *kwět* със същото значение, така и засвидетелствуваният за *kwěć* женски род. Тези особености допускат определението на горнолужишката форма *kwěć* ж.р. ‘цъфтеж’ и на долнолужишката форма *kwiś* като продължения, с вторична промяна на очаквания закономерен лужишки рефлекс –с в –ć или –ś, на същата праславянска форма **kvěťь*, която се оглежда в анализирания по-горе български звуков вариант *свец* ж.р. ‘цвят, color, оцветеност’ с изходен облик **цвец*. Звуковата промяна при посочените лужишки форми може да е била осъществена по завършека на някои често или ритуално употребявани престижни думи като напр. *mać* и *maś* < **mati* ‘майка’. Интересни биха били в този смисъл контекстовите предпоставки, които биха могли да се съдържат в сочените като източници за горнолуж. *kwěć* ‘цъфтеж’ стари католически църковни песни заради обичайно честото при подобни текстове споменаване на Божията майка.

За отбелязване е диаметралната раздалеченост по периферията на славянската езикова територия на предполагащите реликтови продължения в български и лужишки на едно праславянско именно образуване: **kvěťь*, помен actionis с наст. –jь от основата в праслав. **květiti*. Незначителни са обаче разликите в значенията им ‘цвят, color’ и ‘цъфтеж’, които съответствуват на значенията ‘оцветявам’ и ‘цъфтя’, засвидетелствувани за продължения на изходния за **kvěťь* праславянски глагол **květiti* (вж. по-горе), а появата на посочените нееднакви и късни звукови промени: *свец* < **цвец* в самостоятелния рязвой на българския език и *kwěć*, *kwiś* < **kwěć* в самостоятелния развой на лужишките езици, е рядко наблюдавано явление при изолирани образувания.

ЛИТЕРАТУРА И СЪКРАЩЕНИЯ

БЕР = *Български етимологичен речник* 1–, София, 1971–.

Бернштейн 1974 = С.Б. Бернштейн, *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*, Москва, 1974.

Геров = Н. Геров, *Речник на българския език с тълкуване речите на български и руски* 1–5, Пловдив, 1895–1904.

ДА = Диалектен архив на Института за български език при БАН, София.

Даль = Вл. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка* 1–4, Москва, 1955.

ИССФ = *Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София* 1–9, София, 1905–1948.

Миладинови = Д. и К. Миладинови, *Български народни песни*, Загреб, 1861.

Младенов ЕТР = Ст. Младенов, *Етимологически и правописен речник на българския език*, София, 1941.

Панчев = Т. Панчев, *Допълнение към българския речник на Н. Геров*, Пловдив, 1908.

Сб. Илиев = А. Илиев, *Сборник от народни умотворения, обичаи и др.* 1, 1889.

СБНУ = *Сборник за народни умотворения и народопис* 1–52, София, 1889–1963.

ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков* 1–, Москва, 1974–.

Brückner = A. Brückner, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 1927.

Schuster-Šewc = H. Schuster-Šewc, *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und nieder-sorbischen Sprache* 1–5, Bautzen, 1978–1996.

POVZETEK

Redka bolgarska narečna beseda *svešt* 'barva' in njeni morebitni slovanski ustrezniki

Za bolgarski dialektizem *svešt* 'barva' z doslej neraziskanim redkim pomenom 'barva' se domneva, da je nastal s poznim narečnim prehodom *c- > s-* na podlagi psl. glagolnika **květjъ* s pripono *-jъ* iz psl. **květiti* 'barvati' in 'cvesti'. Verjetna ustreznika za bolg. nar. *свец* 'barva' < **cvešt* sta *gluž. kweć* in *dluž. kwiś* 'cvetenje', ki odražata, pod vplivom končaja nekaterih pogosto ali obredno rabljenih apelativov (prim. *mać* in *maś* 'mati'), redni lužiški refleks *c < *tj* kot *ć* ali *ś*. Reliktni značaj nadaljevanja psl. **květjъ* v bolgarščini in lužiščini podpira njihova ohranjenost v diametralno nasprotnih delih slovanskega jezikovnega prostora. Pomenske razlike nasproti osnovnemu praslovanskemu glagolu **květiti* so neznatne, različne zvočne premene, ki so nedvomno potekle v samostojnem razvoju teh jezikov, pa pri izoliranih tvorbah niso redek pojav.

JIŘÍ REJZEK

PSL. **marъnъ* A DALŠÍ ODVOZENINY OD KOŘENE **mar-*

COBISS: 1.01

Psl. **marъnъ* in druge izpeljave iz korena **mar-*

Prispevek se ukvarja s psl. besedami **marъnъ*, **mariti*, **mara* in drugimi izpeljavami iz korena **mar-*, katerih etimološka in besedotvorna razmerja so prepletena in jih različni avtorji interpretirajo različno. Na podlagi pomenov posameznih besed se prispevek trudi za kar najbolj verjetno podobo njihovih etimoloških in besedotvornih razmerij.

Ključne besede: etimologija, semantični razvoj, besedotvorna razmerja

Proto-Slavic **marъnъ* and other derivatives from the root **mar-*

This article discusses the Proto-Slavic words **marъnъ*, **mariti*, **mara*, and other derivatives from the root **mar-* whose etymological and word-formation relations are puzzling and are interpreted differently by various authors. Departing from the meanings of individual words, the article draws the most plausible picture of their etymological and word-formation relations.

Keywords: etymology, semantic development, word-formation relations

Stč. *marný* se pojavlja v mnoha stč. dokladech ve významech ‘daremný, nicotný, pomíjivý; chatrný, bídný’ (MSS: 132). V podstatě totožný význam mají i slk. *márny*, hl., dl., p. *marny*, br. *márny*, ukr. a r.d. *márnyj* i sln.st. *máren*, přidat je možno i csl. *zamarъnъ* ‘futilis’ (srov. ESSJa 17: 219). Na základě těchto výrazů je možno bez problémů rekonstruovat psl. **marъnъ*, staré adjektivum odvozené sufixem *-ъnъ*.

Problém nastává, pokud máme stanovit výchozí útvar, od něhož je **marъnъ* odvozeno. Suffixem *-ъnъ* se tvoří primárně desubstantivní adjektiva (Erhart – Večerka 1981: 98), ale najdeme i řadu případů tvoření od sloves, pro něž můžeme předpokládat již psl. stáří (srov. stč. *varný*, *berný*, *milovný* apod.). Jako fundující slovo našeho adjektiva tedy připadá v úvahu psl. **mara* ‘přízrak, (zlý) duch’, doložené v b., zsl. (kromě č.) a vsl., s výrazně menší pravděpodobností pak psl. **marъ* ‘suchá mlha, sluneční žár’ doložené jen v r.d. Mezi slovesy se nabízí psl. **mariti* (*se*), které se ovšem ve slovanských jazycích objevuje v řadě různých významů – ‘hřát (*se*)’ (b., podobné významy ‘žhnout, pálit (o slunci)’ jsou i v r. dialekttech), ‘kazit, ničit, neužitečně trávit’ (č., slk.), ‘vidět ve snách, snít, toužit’ (slk., p., ukr.). ESSJa (17: 212) slučuje všechny tyto významy do jednoho slovesa, které vyvo-

Tato studie vznikla za podpory projektu Univerzity Karlovy Progres č. 4, Jazyk v proměnách času, místa, kultury.

zuje od výše uvedeného *mara, *marъ. Vedle toho ESSJa (17: 212), rekonstruuje i psl. *marěti, jež údajně pokračuje v č. mářeti ‘mdlít, ochabovat’¹ a hl.st. marješ ‘vadnout od slunečního žáru’, přidat je možno spíš psl. *mar’ati na základě sln. marjati ‘zabíjet’, csl. umarjati (Snoj in: Bezlaj II: 168). Blízko k těmto významům má br.d. máryc ‘mořit, trápit’. Jako homonymní se odděluje *mariti II, *marati (ESSJa 17: 214), které má významy ‘starat se, dbát, projevovat náklonnost’ a je doloženo pouze v jsl. (od toho i s./ch. máran, sln. máren ‘pilný, příčinlivý’, které je tak homonymní s výše uvedeným máren).

Vidíme tedy značnou škálu významů, což komplikuje etymologický výklad. Významově se jako fundující slovo psl. *marъъ zdá být nejbližší sloveso *mariti právě v těch významech, které jsou doloženy ve stč. Problémem je, že stč. mařiti je doloženo poměrně okrajově,² zatímco adj. marný je mnohem četnější a navíc ve stejném významu doloženo v celé zsl., ukr. a sln. Navíc na etymologické souvislosti č. mařiti jsou různé názory, jež je rovněž třeba přiblížit:

Zubatý (1946 I/2: 103) spojuje mařiti i marný s psl. *marъ, *mara, jež vyvozuje z kořene *ma- ‘mámit, klamat’, jehož rozšířeními jsou i *mam- a *man-. Podobný výklad zastávají Holub – Kopečný (1952: 217), kteří však uvažují i o sekundárním vlivu slovesa *merti. Machek (1968: 353) počítá se splynutím dvou sloves: mařiti I ‘usmrcovati’, které by patřilo k mřiti, faktitivum jako mořiti, jenže s délkou v kořeni, což ukazuje na starobylost tohoto útvaru, a mařiti 2 ‘kazit (plány), ničit (naděje), utrácet (majetek)’, jež by bylo příbuzné se sthn. marrjan ‘překážet, bránit, rušit’ a angl. mar ‘mařit, kazit’ (cituje Bezlaj II: 167, odmítá ESSJa 17: 214). Spojení s germ. slovy (navzdory zdánlivé shodě formy i významu) je nepřijatelné – vzhledem k příbuznosti gót. marzjan ‘překážet, rušit’ musí být výchozí germ. podobou *mers- (srov. LIV 441). Pro slk. marit’ přijímá Králík (2015: 347) jako možnost první část Machkova výkladu (kauzativum k merti), druhou možností je podle něj odvození od marit’ sa ‘jevit se v neurčitých obrysech’; sémantický vývoj by pak byl ‘neskutečný (přízrak)’ → ‘činit neskutečným, zne-možňovat existenci’. Polské slovníky celkem bez rozpaků spojují mara ‘přízrak, vidina, duch, sen’, marzyc ‘snít, toužit’ i marny. Brückner (1927: 322) přijímá Zubatého myšlenku o rozšíření původního *ma-, Bańkowski (2000: 140) a Borys (2005: 314) vycházejí z ie. *mōr-, mār-, resp. *mer- ‘blýskat se, mihotat se’, liší se však v otázce fundace adj. marny – Borys je vyvozuje od *mariti ‘způsobovat, že se něco ukazuje, vyjevuje’, Bańkowski od *mara s předpokládaným sémantickým vývojem ‘nereálný, rychle pomíjející’ → ‘daremný’. Ukr. máryty je podle Bańkovského z p., ale č. mařiti sem nepatří. Bezlaj (II: 167) spojuje s č. mařit sln. marjati ‘mořit’, csl. umarjati ‘zabíjet’, s./ch. -máрати ‘usmrcovati’, odmáрати ‘odpočívat’, vše od *mer-; adj. marný sem však podle něj nepatří.

1 Toto slovo je však nejspíš Husův neologismus (srov. Němec 1968: 151), takže psl. rekonstrukce založená pouze na ojetině hl. příkladě je pochybná.

2 Srov. 4 doklady u Gebauera – Nerod’te... časov mařiti HusPost. 115b; nemařme nádeje zlymi skutky HusE. 1, 86; nemark své mladosti OpMus. 147b. – marzye prázdne vacant Fagif. 46a.

U psł. slovesa **mariti*, ale i dalších odvozených slov můžeme tedy rozeznat celkem čtyři výrazné sémantické okruhy: 1. ‘usmrcovat, ničit, utrácet’, 2. ‘přízrak, vidění; jevit se ve snách, snít, toužit’, 3. ‘hřát, žhnout, pálit’ a 4. ‘starat se, dbát’. Tyto sémantické okruhy, ač zdánlivě výrazně odlišené, ovšem jeví řadu styčných ploch. Hl. st. *marješ* ‘vadvout od žáru’ spojuje okruhy 1 a 3. R.d. *márit* ‘řinout se (o parách) nad zemí za teplého počasí v době tání sněhu’ se zdá být na pomezí okruhů 2 a 3. Hl. *mara* ‘bohyně nemoci a smrti’ se logicky spojuje s p. *mara* ‘přízrak, (noční) duch, sen’ (2), zároveň je lze sotva oddělit od č. *morana*, *mořena*, *mařena* ‘bohyně smrti, smrt’ a kořene **mer-* ‘mřít’ (1). Slovesa s významem ‘starat se, dbát’ v jsl. se většinou berou jako homonymní (ESSJa 17: 214; Snój in: Bezljaj II: 167), ale významy ‘chtít, přát si’ (s./ch. *máriti*, sln. *márat*) mají blízko k významu ‘snít, toužit’ v p. *marzyć* (2), zatímco významy ‘starat se, dbát, rmoutit se’ jeví styčné body s okruhem (3), srov. č. *péče* či r. *pečalít’sja* ‘rmoutit se’ od kořene **pek-*. Navíc Kurkinová přichází s myšlenkou, že jsl. **mariti*, **marati* je od *moriti*, spojuje tedy okruhy 1 a 4 – významový vývoj vysvětluje ‘umírat’ → ‘silně si přát’ → ‘starat se, usilovat’ (Kurkina 1985: 12).

Otázkou tedy je, kolik různých etymologických východisek máme hledat pro slova od ie. kořene **mar-*, případně jak rekonstruovat vývoj významu v případě, že se pokusíme některé sémantické okruhy sloučit do jednoho etymonu.

Zřejmá významová souvislost některých z uvedených slov s kořenem **mer-* a možnost vysvětlit **mariti* jako zdloženou variantu kauzativa **moriti* (Kurkina 1985: 12 uvádí jako paralelu **tariti* – **toriti*, **zariti* – **zoriti*, srov. i Varbot 1984: 31n., kde jsou další podobné případy) nás nutí uvažovat o tomto etymologickém spojení jako výchozím. Psł. **mariti* by pak mělo význam ‘způsobovat, že něco hyne, pomíjí, slábne’. Tento význam je nejlépe dochován v č. *mařit* a slk. *marit* ‘kazit, znemožňovat, ničit, neužitečně trávit’, případně i br.d. *maryc* ‘mořit, trápit’; ještě výrazněji je spojení s **mer-* ‘mřít’ patrné u iterativa **mar’ati* v sln. *marjati* ‘zabíjet’, csl. *umarjati* ‘tv.’, s./ch. *-márat* ‘usmrcovati’. Od **mariti* ‘způsobovat, že něco hyne, pomíjí, slábne’ potom snadno odvodíme i adj. **marьnъ* ‘nicotný, daremný, pomíjivý, bídný’, které zůstalo ze všech slovanských slov na *mar-* významově nejkompaktnější a pokrývá nejrozsáhlejší slov. areál. P. *marzyć* ‘vidět ve snách, snít, toužit’ (i ukr. *máryty* a slk. *marit* sa) může být výsledkem významového posunu ‘způsobovat, že něco pomíjí’ → ‘dostat se mimo realitu, být ve snách’ (srov. zvratnost slovesa v slk. a č. *pominout se* ‘pomátnout se, zbláznit se’), ale možný je i zánik původního **mariti* a jeho sekundární tvoření od **mara* ‘přízrak, duch, sen’. To lze sotva oddělit od **mora* ‘noční můra, noční strašidlo’, v původních představách ‘zlá ženská bytost, jejíž duše za noci obchází a tlačí spící na prsou’.³ Souvislost obou slov se však nepřijímá jednoznačně, např. Derksen

3 K podobným významům podoby *mara* především v ruských a polských dialekttech srov. ESSJa 17: 204–206, pro bulharštinu viz BER 3: 659. Etymologickou totožnost obou slov uznává např. Schuster-Šewc (1978–1989: 885–886).

(2008: 302) kvůli nepravidelným přízvukovým poměrům počítá spíš s kontaminací a analogií. Psl. *Mora, které má dobře známé paralely především v germ. jazycích (angl. *mare*, něm. *Mahr*), se ovšem často od *mertī ‘mřít’ odděluje,⁴ i když paralela *moriti – *mariti a *mora – *mara vypadá nadějně. Pokud skutečně existovaly dva ie. kořeny lišící se pouze laryngálou s podobnými významy ‘mřít’ a ‘tlačit, svírat’, můžeme u slova *mara opět uvažovat o jejich kontaminaci, spíše bychom se však přikláněli k vyvození všech uvedených slov od *mer- ‘mřít’. Málo pravděpodobný se nám pak jeví výše uvedený Zubatého návrh odvození od *ma- s předpokládaným významem ‘klamat’ i výklad polských slovníků z *mer-, *mōr- ‘blýskat se, mihotat se’ (které LIV nezná); už vzhledem k tomu, že nejstarší csl. a str. doklady s významy ‘extáze, ztráta vědomí, zatemnění rozumu, mráкотy’ (ESSJa 17: 204–205) ukazují na souvislost se stavem vědomí, jeho slabostí či nedostatečností.

V r. dialektech se sloveso *mariti objevuje v mnoha specifických významech souvisejících s atmosférickými jevy, nejčastěji ‘pálit, být parno, dusno (před bouřkou)’, ale i ‘unavovat, oslabovat, přivádět k spánku’ (ESSJa 17: 213). Pravděpodobně jde o specifikaci původního významu *mariti ‘způsobovat, že něco hyne, slábne’ na ‘způsobovat, že něco slábne (dusí se) žárem’ (tento význam najdeme i v hl.st. *marješ* ‘vadnout žárem’). Méně pravděpodobné je zpětné odvození od *mara s motivací ‘přízrak, vzdušný přelud, mrak’ → ‘být parno, dusno’. R.d. *mar* ‘suchá mlha, mračný vzduch, sluneční žár, dřímota’ považujeme vzhledem k omezenému výskytu a specifickým významům za deverbativum od r.d. *máriti*, *máriti*; psl. stáří je tu problematické. V b. pak u slovesa *mariti došlo k zobecnění významu na ‘hřát’, v jsl. oblasti srov. ještě s./ch. *omariti* ‘zahřát’ (Varbot 1984: 23) a odvozené *omar(in)a* ‘parno, dusno’.

Zřejmě přes význam ‘hřát’ bychom pak vysvětlili posun k významu ‘starat se, dbát, rmoutit se, chtít’ v jsl. jazycích (‘hřát, pálit’ → ‘rmoutit se, starat se’ → ‘projevovat náklonnost, chtít, přát si’), srov. podobnou motivaci u psl. *peča, *pečovati. Dáváme přednost tomuto výkladu před výše zmíněným návrhem Kurkinové, protože více zohledňuje původní kauzativní charakter psl. *mariti. Nelze zavrhnout ani tradiční výklad od ie. *(s)mer- ‘pamatovat si, myslet, starat se’ (Pokorny 1959–1969: 969; ESSJa 17: 215; Skok II: 375). Zde je ovšem třeba podotknout, že LIV (517) nově u tohoto kořene rekonstruuje pouze význam ‘myslet na, pamatovat si’ a zařazení slovanského materiálu považuje za pochybné. Navíc je vždy méně věrohodné, pokud je ie. kořen doložen pouze na části slovanského území.

Domníváme se tedy, že všechny zde diskutované významy a formy lze vyvodit od psl. *mariti ‘způsobovat, že něco hyne, slábne’, zdložené varianty

4 Srov. Machek 1968: 383, Bezlaj II: 194, Fasmer II: 231, kteří souvislost nezmiňují. Dva různé kořeny má Pokorny 745 i LIV 395–396 (v podobě *mer- ‘mřít’ a *merh₂- ‘tlačit, svírat’). O původní etymologické totožnosti obou kořenů uvažuje Snoj 2003: 414, deklaruje ji BER 4: 237 a ie. *mor-ah₂ s *mer- ‘mřít’ spojuje i NIL 489, byť s pochybnostmi. Derksen (2008: 324) považuje *mora za nejasné a Pokorného spojení s mer- ‘tlačit’ za nepřesvědčivé.

kauzativa **moriti* od kořene **mer-* ‘mřít’. Odtud vyložíme i dubletu **mara* – **mora* i další významové posuny slovesa. Původní význam se nejlépe udržel v č. a slk., ale i v některých r. dialekttech a iterativním sln. *marjati*. Pestrost významových posunů snad lze vysvětlit tím, že slovo **mariti* na většině slovanského území etymologicky vykořejilo a jeho souvislost s kořenem **mer-* přestala být pocítována, snad tu mohlo hrát roli i tabu. Z obecného hlediska se domníváme, že v řadě případů, kdy se kořeny slovanských slov jeví jako homonymní a přitom nemají jasné etymologie, se ukazuje vhodnější a realističtější je vykládat z rozpadlé polysémie (k tomu srov. i Rejzek 2015).

ZKRATKY

angl. anglický
b. bulharský
br. běloruský
csl. církevněslovanský
č. český
d. dialektní
dl. dolnolůžický
germ. germánský
hl. hornolůžický
ie. indoevropský
jsl. jihoslovanský
něm. německý
p. polský

psl. praslovanský
r. ruský
s./ch. srbský/chorvatský
slk. slovenský
sln. slovinský
st. starší
stč. staročeský
sthn. starohornoněmecký
str. staroruský
tv. téhož významu
ukr. ukrajinský
zsl. západoslovanský

LITERATURA

- Bańkowski 2000** = Andrej Bańkowski, *Etymologiczny słownik języka polskiego*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PAN, 2000.
BER = *Bălgarski etimologičen rečnik* I–, Sofia: Akademično izdatelstvo, 1971–.
Bezljaj I–IV = Franc Bezljaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika* I–IV, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1977–2005.
Boryś 2005 = Wiesław Boryś, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
Brückner 1957 = *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa: Wiedza Powszechna, 1957.
Derksen 2008 = Rick Derksen, *Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon*, Leiden: Brill, 2008.
Erhart – Večerka 1981 = Adolf Erhart – Radoslav Večerka, *Úvod do etymologie*, Praha: SPN, 1981.
ESSJa = *Etimologičeskij slovar' slavjanskix jazykov: praslavjanskij leksičeskij fond*, Moskva: Nauka, 1973–.
Fasmer I–IV = Maks Fasmer, *Etimologičeskij slovar russkogo jazyka* I–IV, perevod s nemeckogo i dopolnenija O. N. Trubačeva, Moskva: Progress, 1964–1973.
Gebauer 1903–1916 = Jan Gebauer, *Slovník staročeský* 1–2, Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa, 1903–1916.
Holub – Kopečný 1952 = Josef Holub – František Kopečný, *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha: SPN, 1952.

- Králik 2015** = Lubor Králik, *Stručný etymologický slovník slovenčiny*, Bratislava: Veda, 2015.
- Kurkina 1985** = Ljubov Kurkina, Slavjanskije etimologii, *Etimologija* 1985, Moskva, 1988, 10–16.
- LIV** = Helmut Rix et al., *Lexikon der indogermanischen Verben*, Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1998.
- Machek 1968** = Václav Machek, *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha: Academia, 1968.
- MSS** = Jaromír Bělič – Adolf Kamiš – Karel Kučera, *Malý staročeský slovník*, Praha: SPN, 1978.
- Němec 1968** = Igor Němec, *Vývojové postupy české slovní zásoby*, Praha: Academia, 1968.
- NIL** = Dagmar S. Wodtko – Britta Irslinger – Carolin Schneider, *Nomina im Indogermanischen Lexikon*, Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2008.
- Pokorny 1959–1969** = Julius Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern: Francke, 1959–1969.
- Rejzek 2015** = Jiří Rejzek, On the false homonyms in Slavonic etymology, v: *Etymological Research into Old Church Slavonic*, ed. I. Janyšková – H. Karlíková, Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2015 (Studia etymologica Brunensia 18), 325–335.
- Schuster-Šewc 1978–1989** = Heinz Schuster-Šewc, *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*, Bautzen: Domowina, 1978–1989.
- Skok I–IV** = Petar Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I–IV*, Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.
- Snoj 2003** = Marko Snoj, *Slovenski etimološki slovar*, Ljubljana: Modrijan, 2003.
- Varbot 1984** = Žana Varbot, *Praslavjanskaja morfonologija, slovoobrazovanje i etimologija*, Moskva: Nauka, 1984.
- Zubaty 1949** = Josef Zubatý, *Studie a články I/2*, Praha: Česká akademie věd a umění, 1949.

POVZETEK

Psl. *marъnъ in druge izpeljave iz korena *mar-

Odraze psl. *marъnъ 'daremy, nicotny, pomijivy, bidny' nahajamo v podobnih pomenih praktično v vseh severnoslovanskih jezikih in v slovenščini, le da se na njegovo besedotvorno podstavo ne gleda enotno. V igro prihaja psl. *mara 'prikazen, (zli) duh, sen', ki manjka v češčini in slovenščini in je semantično nekoliko bolj oddaljen, in *mariti v pomenu 'povzročiti, da se kaj prezre, skazi, onemogoči', ki je ohranjen v češčini in slovaščini, drugod v slovanskem prostoru pa se nahaja v drugih pomenih. Semantična analiza slovanskih besed s korenem *mar- navaja na misel, da je glagol *mariti podaljšana varianta kavzativa *moriti 'moriti, povzročiti, da kaj umre'. Iz tega izvajamo dubletu *mara – *mora 'zli duh, nočna mora, prikazen ipd.' ter nadaljnje premike pomena glagola – 'sanjati, videti v spanju', 'biti soparno, zadušno', iz tega 'greti' in na koncu tudi jsl. 'skrbeti', kar se zvečine ločuje kot homonim.

LUKA REPANŠEK

FUNKCIJA STAROPERZIJSKEGA ZAIMKA *aita*

COBISS: 1.01

Obravnavana je vloga kazalnega zaimka *aita* v opisno tridimenzionalnem sistemu deikse, kakršno je mogoče razbrati iz ohranjenih staroperzijskih klinopisnih besedil. Njegova doslej neeksaktno prepoznana funkcija v odnosu do obeh protipolnih demonstrativnih zaimkov za bližnjo in daljno deikso je definirana preko interne rekonstrukcije sinhronnega sistema, hkrati z njegovo genezo pa utemeljena in podprta s staroindoiranskim, zlasti v tem pogledu bistvenim vedskostaroindijskim primerjalnim gradivom.

Ključne besede: stara perzijsčina, stara iranščina, vedska stara indijščina, zgodovinska skladnja, kazalni zaimki, deiksa

The function of the Old Persian pronoun *aita*

This article examines the particular pragmatic and semantic properties of the Old Persian demonstrative pronoun *aita* 'he, this' in relation to its opposing counterparts, the proximal and distal demonstrative, in a descriptively three-term deictic system. An autonomous semantic function of *aita* that does not seem to have been sufficiently highlighted yet is recovered on the solid basis of internal reconstruction and supported, along with its genesis, with important external Indo-Iranian (especially Vedic) comparative evidence.

Keywords: Old Persian, Old Iranian, Vedic, historical syntax, demonstrative pronouns, deixis

- 1 Staroperzijski kazalni (demonstrativni) zaimek *aita* = **aītaḍ* je formalno identičen in soroden z mladoavestijskim *aitaḍ* in s staroindijskim *etád* (po uzusu je citatna/slovarska oblika zaimka enaka obliki za ITed srednjega spola). Njegova paradigma je prav tako kot v drugih dveh sistemih supletivna (nadomestna), pri čemer je imenovalnik ednine moškega in ženskega spola tvorjen iz praindoiranske osnove **aī-ša-*, ostali skloni pa iz **aī-ta-*. Etimološko gledano gre za zloženi zaimek, ki v okviru indoevropskih jezikov predstavlja indoiransko inovacijo in svojega formalnega sorodnika v eksterni evidenci, torej v drugih indoevropskih jezikih ne pozna.¹ V staroperzijskem klinopisnem korpusu se pojavi le petnajstkrat, od tega enajstkrat v medbesedilno neodvisnem kontekstu: DB I.44, DB I.45, DP^d 20, DP^d 22, DN^a 48, DN^a 53, DN^a 54, DN^b 31, XPh 30, XPh 35, XPh 43 (XPh 59 = DN^a 53, XPh 60 = DN^a 54, XP^l 35 = DN^b 31, XS^c 4 ≅ DP^d 20). Funkcijsko se običajno nenatančno pojmuje kot kazalni zaimek neposredne

¹ Glede funkcije in nastanka oskijsko-umbrijskega kazalnega zaimka **eiso-* gl. Dupraz 2012: 299 in *passim* (prim. LIPP: 195⁶⁵, 371⁴³), prim. tudi EWAia I: 273.

bližine (proksimalni ali bližnjedeiktični zaimek).² Ker je sistem demonstrativnih zaimkov v obeh najstarejših izpričanih iranskih jezikih tridimenzionalen (avestijsko *imaṭ* ~ *aitaṭ* ~ *auuaṭ* = staroperzijsko *ima* ~ *aita* ~ *ava*), kot tak pa je strukturno primerljiv tudi z osrednjim sistemom deikse v stari indijsčini (sti. *imád* ~ *etád* ~ *adás*), je taka funkcijska opredelitev nezadovoljiva, saj zaimku ne uspe pripisati vloge, ki bi ga v sinhroni sistem umeščala kot funkcijsko samostojni in nezamenljivi element. Tak pa je glede na svojo besedotvorno strukturo, ki ga formalno jasno loči od drugih dveh, zagotovo moral biti.

1.1 Staroperzijska zaimka *ima* (paradigma je supletivna: *i(m)-* ~ *a-*) in *ava* (s supletivnim *hauv* v imenovalniku ednine moškega in ženskega spola) sta primarno eksoforična³ demonstrativna zaimka, pri čemer *ima* služi kot kazalni zaimek neposredne bližine (prva oz. proksimalna deiksa in s tem neposredna sfera tvorca besedila), *ava* pa za tretjo (distalno) deikso in se tako nanaša na denotato zunaj neposredne sfere tvorca besedila. Ti dve vlogi sta splošno prepoznani, sinhrono jasno razvidni in v skladu z eksterno indoiransko evidenco. Prim.:

- (1) *baga^h vaṣarka^h A^huramazdā^h haya^h imām būmim adā^t haya^h avam asmānam adā^t (passim)*
»Mogočen bog je Ahuramazda, ki je postavil/dal (= ustvaril) to zemljo, ki je ustvaril ono nebo.«⁴
- (2) *antar imā^h dahqāwā^h martiya^h haya^h agriya^h āhat avam ^hubartam abaram* (DB I.20)
»S človekom, ki (mi) je bil v teh deželah zvest, sem dobro ravnal.«
- (3) *tuvam kā haya^h aparam imām dipim patiparsāhay* (DB IV.41–42)
»Ti, kdor koli že si, ki boš poslej bral ta napis ...«
- (4) *yadi imām haⁿdugām naiy apagaudayāhay* (DB IV.54–55)
»Če tega sporočila ne boš prikrival ...«
- (5) *haya^h imām tacaram akunauš* (DPa 5–6)
»... ki je napravil to palačo.«
- (6) *imam xšačam taya^t adam dārayāmiy* (DPh 4–5)
»To je kraljestvo, ki ga držim (= mu vladam) jaz.«

2 V zadnji sintetični obravnavi pri Schmitt 2014: 128 je *aita* npr. opisan kot »Demonstrativpronomener der Nahdeixis«, »auf Vorausgehendes zurückweisend wie auf Folgendes vorausweisend«. Glede staroindijske ustreznice *éta-* prim. še EWAia I: 272 s funkcijsko opredelitvijo zaimka kot »Demonstrativpronomener in ich-Deiktischer Verwendung«.

3 Za termina eksoforičen (»zunajkazalen«, tj. tak, ki kaže na specifično predmetno stvarnost) v odnosu do endoforičen (»znotrajkazalen«, tj. tak, ki kaže na jezikovni izraz, najsi bo s formalno izraženo ali implicitno anaforo) gl. npr. Diessel 1999: 94.

4 Knjižna slovenščina formalno razlikuje tri različne kazalne zaimke (pridevniško *ta* »zaim. bližnjega«, *tisti* »zaim. oddaljenega«, *oni* »zaim. najbolj oddaljenega«, gl. SP 2001). Gradivski zgledi iz starih indoiranskih zgledov so zaradi natančnosti ponazoritve v slovenščino deloma prevedeni pomensko kalkirano.

- (7) *adam niyaštāyām imām ya(u)viyām kaⁿtanaⁱy hacā Pirāva^h nāma rauta^h taya^h Mudrāyayⁱ danuvati^h abiy dray^h taya^h hacā Pārsā^t aitiy pasāva^t iyam ya(u)viyā akaniya^t avaḏā yaḏā adam niyaštāyām utā nāva^h āyaⁿtā hacā Mudrāyā^t tara^h imām ya(u)viyām abiy Pārsam* (DZc 8–12)
»Ukazal sem izkopati tale kanal med reko po imenu Nil, ki teče v Egiptu, do morja, ki prihaja s perzijske (strani). Nato je bil ta kanal izkopen, kakor sem ukazal, in ladje so preko tega prekopa pričele iti (= peljati) od Egipta do Perzije.«
- (8) *naiy āha^t martiya^h naiy Pārsa^h naiy Māda^h naiy a^hmāxam tau^hmāyā^h kaš=čiy haya^h avam Gaumātām tayam magum xšačam dītam caxriyā^t* (DB I.48–50)
»Ni bilo človeka, ne Perzijca ne Medijca ne kogar koli iz naše družine, ki bi onemu magu Gaumati odvzel prestol.«⁵
- (9) *avaḏā adam hadā kamnaibiš martiyaibiš avam Gaumātām tayam magum avājanam utā tayai=šaiy fratamā^h martiyā^h anušiya^h āhaⁿtā* (DB I.56–58)
»Nato sem skupaj z nekaj malega možmi pokončal onega maga Gaumato in (vse tiste), ki so bili njegovi glavni privrženci.«
- (10) *utā I martiya^h Bābiruviya^h Nadīⁿtabaira^h nāma Ainairahqayā puça^h ... pasāva^t kārā^h haya^h Bābiruviya^h haruva^h abiy avam Nadīⁿtabairam ašiyava^t* (DB I.77–78, 79–80)
»In bil je neki Babilonec, Nadintabajra po imenu, sin Ajnajre ... Nato je celotno babilonsko ljudstvo prestopilo na stran onega Nadintabajre.«

K polarizirani kazalni funkciji staroiranskih zaimkov **ima-* in **aṇa-* prim. rabo v (stari) avestijščini in stari indijščini:

sraēštām aṭ tōi kəhrpēm kəhrpəm āuuaēdaiiamahī mazdā ahurā imā raocā
bar²zištām bar²zi/əmanəm auuaṭ yā(a)ṭ huuar² auuacī (YH 36.6, prim. Narten 1986)
»Tvojo najlepšo podobo med podobami oznanjamo, Ahura Mazda, (kot vso) to svetlobo (sc. tu na zemlji) (in) ono (tam), najvišjo med vsemi višavami, kolikor/od kar se ji pravi sonce.«

nahī te kṣatrām nā sāho nā manyūm
vāyaš canāmī patāyanta āpūh
némā āpo animiṣām cārantīr
nā yé vātasya praminānti_y ābhvam
(RV I.24.6)

»Saj tvoje oblasti in ne moči, ne srda niti one ptice (sc. tam daleč na nebu) leteče nikdar ne dobé,
niti te vodé (sc. tu na zemlji), ki nikdar ne mižijo,
ne ti, ki vetra bes blažijo.«

1.2 Hkrati je njuna raba v stari perzijščini pričakovano endoforična, in sicer večinsko kataforična (napovedovalna) v primeru zaimka *ima* in anaforična (navezovalna) pri zaimku *ava*. Zaimek *hauv* ~ *ava-* v stari perzijščini hkrati služi kot nenaslonski osebni zaimek za tretjo osebo in mu je sinhrono hkrati s to vlogo

5 Prim. lat. ... *et tantum valeat quantum ille mortuos quei istic sepultus est* (CIL I².1012, gl. še Dupraz 2012: 270) »... in tolikšno moč naj ima kakor oni mrlič, ki je pokopan tukaj.«
Glede rabe tretje deikse za v diskurzu prisotne, vendar oddaljene referente prim. še vedski zgled:

āranyāny āranyāny
asáu yā prēva nāsyasi
(RV X.146.1a–b)

»Áranjani, Áranjani,
ti (sc. nevidna), ki zdiš se, kot da izginevaš.«

logično pripisana tudi funkcija soodnosnice (korelativa) v vseh vrstah oziralnih odvisnih stavkov.⁶

vašnā A^huramazdāh^h utā=mai^y aniyaš=ci^y vasa^y k^hartam ava^t ahayāyā dipiyā nai^y nipištam avahaya=rādī^y nai^y nipištam mā=taya^t haya^h aparam imām dipim patiparsāti^y avahayā paruv^h ḡadayāti^y taya^t manā k^hartam nai^y=šim ima^t varnavāti^y duruxtam maniyātai^y (DB IV.45ff.)

»Po Ahuramazdovi volji sem naredil tudi mnogo drugega. **Tisto** (sc. ostalo, kar sem napravil, a o čemer nisem pripovedoval) ni zapisano na tem napisu. Zato ni zapisano, da se ne bi tistemu, ki bo poslej bral ta napis, zdelo veliko, kar sem napravil, (in) ga **to** (sc. kar je tu zapisano) ne bi prepričalo (in) bi mislil, da je laž.«

- (11) *imā^h dahayāva^h tayā^h manā patiyāišan ...* (DB I.17)
 »**To** (sc. kakor sledi) so dežele, ki so prišle k meni (= pod mojo oblast).« Sledi seznam triindvajsetih dežel (*dahayāva XXIII*).
- (12) *ima^t taya^t manā k^hartam pasāva^t yaḡā xšāyaḡti^y abavam ...* (DB I.27–28 ~ I.72)
 »**To(le)** (sc. kakor sledi) je, kar sem napravil, potem ko sem postal kralj.« Sledi izsek iz analov.
- (13) *vašnā A^huramazdāhā^h imā^h dahayāva^h [tayā^h adam agarbāyam apataram hacā Pārsā^t] adam=šām patiyaxšaya^y (DNa 16–19)
 »**To** (sc. kakor sledi) so dežele, ki sem jih po Ahuramazdovi volji zavzel izven Perzije. Zavladal sem jim.« Sledi seznam dežel.*
- (14) *A^huramazdāhā^h ragam varḡdiyai^y yaḡā ima^t hašiyam nai^y duruxtam adam akunavam hamahayāyā^h ḡardah^h* (DB IV.44–45)
 »Sebi delam (= nadse kličem) Ahuramazdovo jezo, da sem **to** (sc. kar je tu zapisano) resnično storil v enem samem letu, ne lažno (= in da to ni laž).«
- (15) *imā^h hūnarā^h tayā^h A^huramazdā^h upari^y mām niyasayat ... taya=mai^y k^hartam imai^biš hūnarai^biš akunavam* (DNb 45–46, 48–49)
 »**To** so veščine, s katerimi me je obdaril Ahuramazda ... Kar sem napravil, sem izvršil **s temi** (sc. svojimi) veščinami.«
- (16) *mā=tai^y ava^t vahištam ḡadaya taya=tai^y gaušāyā^h ḡa^hhayāti^y avaš=ci^y āxšnudi^y taya^t paratar ḡa^hhayati^y* (DNb 52–54)
 »Naj se ti ne zdi najboljšje **ono**, kar je povedano tvojim ušesom. Poslušaj tudi **ono**, kar je rečeno poleg.«⁷
- (17) *imai^y IX xšāyaḡti^y tayai^y adam agarbāyam antar imā^h hamaranā^h dahayāva^h imā^h tayā^h hamīciyā^h abavaⁿ drauga=diš hamīciyā^h akunauš taya^t imai^y kāram adurujiyašaⁿ* (DB IV.31–35)
 »**To** (sc. ti tu zapisani) so deveti vladarji, ki sem jih pokoril v teh bitkah. **To** (sc. tu zapisane) so dežele, ki so postale uporniške (= so se uprle). Laž jih je naredila uporniške, saj so **tí** (sc. vsak od teh devetih vladarjev) lagali ljudem.«

6 Prim. *avam_{ij} kāram_i jadiy [haya^h_i manā nai^y gaubataiy]* (DB III.14–15) »Udari to ljudstvo, ki se ne priznava za moje« proti *kāra^h_i [haya^h_i ... manā nai^y gaubataiy]* *avam_{ij} jadiy* (DB II.30–31) »Ljudstvo, ki se ne priznava za moje, udari«. Zaimek *avam* (Ted m.) je tu semantično ošibljen in postavljen v vlogo soodnosnice k zaimku *haya*, ki uvaja prilastkov oziralni odvisni stavek.

7 Tretja deiksa z inherentno kazalnostjo nebližine tu pričakovano odraža distanciranost tvorca besedila od besedilnih situacij, v katerih ni oz. ne bo soudeležen.

- 2 Kakor kaže natančno branje sledečih zgledov, pa tretji kazalni zaimек, torej *aita*, v stari perzijsčini zagotovo nima predmetnokazalne funkcije in ga sinhrono tudi ni mogoče razumeti kot vmesni člen med zaimkoma *ima* 'ta' in *ava* 'oni' na deiktični osi. S stališča pragmatike zaimек izraža anaforično razmerje, najsi bo s samostalniško nanosnico (ta raba je sicer redka, gl. zgled 24) ali kot referenčni izraz za celotno vsebino ubesedenega (po smeri nanašanja večinoma anaforično, kot v zgledih 18, 21, 22, 26 in 27, in le enkrat kot katafora v XS^c, zgled 28) in kot manj običajna soodnosnica k oziralnemu zaimku pri zvezah s prilastkovim odvisnikom (zgledi 19, 23 in 20, 25). S stališča pomena (zaimек *aita* je tu v primerjavi z zaimkom *ava* vselej pomensko restriktiven⁸) pa je njegova vloga najizraziteje razpoznavna prav iz sopostavitve z zaimkom *ima* v DN^b 31 (v celotnem korpusu je to tudi edini primer, kjer je kontrast med zaimkom *aita* in *ima* na pomenski ravni mogoče neposredno opazovati v okviru ene in iste besedilne situacije):

- (18) *yaðā=mai yaya' kartaṃ vaināhaya yadi=vā āxšnavāhaya utā viðiyā utā spāyaⁿtiyāyā aita=mai y aruvastam upariy manas=cā ušī=cā ima=pati=mai y aruvastam taya=mai tanūš tāvayati hamaranakara^h a^hmi hušhamaranakara^h* (DNb 28–34)
 »Ko boš videl ali ko boš izvedel, kar sem napravil, tako na dvoru kot na bojnem polju, **tisto** je moja telesna sposobnost poleg razuma in modrosti. **To** (sc. kakor sledi) je nadalje moja telesna sposobnost: da je moje telo krepko, (kot) bojevnik sem dober bojevnik.«

Tako *ima* kot *aita* imata v navedenem zgledu svojo nanosnico v sledeči oz. predhodni propoziciji, pri čemer *aita* služi kot anafora in *ima* kot katafora. Takšna razvrstitev ni arbitrarna in odraža bistveno funkcijsko razliko med zaimkoma: *ima* opravlja vlogo kazalca na sledeče, še ne upovedano in torej še neznano, medtem ko se *aita* nanaša na naslovniku že znano informacijo. Tudi preostali zgledi opozarjajo na takšno vlogo. Čeprav je zaimек *aita* v ohranjenih staroperzijskih besedilih zelo redko rabljen, je ravno njegova kontekstualno ozko določena raba v odnosu do zaimkov *ima* in *ava* tista njegova posredna lastnost, ki omogoča izluščenje zaimkove sinhronne funkcije.

- (19) [*xšaçaṃ hauv agarbāyatā ... avaðā xšaçaṃ agarbāyatā ...* (DB I.41–42, 42–43)]
aita' xšaçaṃ taya' Gaumata^h haya^h maguš adīnā' Ka^mbūjiyam aita' xšaçaṃ hacā paruviyata^h a^hmāxam tau^hmāyā^h āha' (DB I.44–46)
 [»Prevzel je kraljestvo (= prestol) ... Tedaj je prevzel kraljestvo (= prestol) ...«]
 »**To** (sc. omenjeno) kraljestvo (= pravica do prestola), ki ga je mag Gaumata odvezel Kam-bizu, **to** kraljestvo (= pravica do prestola) je od nekdaj pripadalo naši družini.«

8 Tj. identifikacijski, pri čemer njegova soodnosnica obvezno uvaja restriktivni, torej vsebinsko obvezen oziralni odvisnik.

Zaznavna poudarjalna vloga zaimka *aita* je tu stranski produkt skladienske zaznamovanosti.⁹ Za nevtržno skladiensko konstrukcijo v primeru (opisno gledano) vrinjenega restriktivnega prilastkovega oziralnega odvisnika pri samostalniški nanosnici prim. naslednje zglede, ki strukturno ustrezajo podedovanemu tipu:¹⁰

A^huramazdā^h xšačam manā frābara^t θātiy Dārayava^huš xšāyaθiya^h xšačam_j [taya^t hacā^hmāxam tau^hmāyā^h parābārtam āha^t] ava^t_j adam patipadam akunavam (DB I.60–62)
»Ahuramazda mi je vrnil kraljestvo. (Kralj Darej oznanja:) Prestol, ki je bil odvzet naši družini, sem sam povrnil.«

pasāva^t kāra^h Pārsa^h_j [haya^h viθā=patiy hacā Yadāyā^h frataram] hauv_j hacā=ma^t hamičiya^h abava^t (DB III.25–27)
»Nato se je perzijska vojska, ki je bila prej (poslana) v palačo iz Jade (= Anšan), zarotila proti meni.«

dātam_j [taya^t manā] ava_j=diš adāra(i)ya^t (DNa 21–22)
»Moja postava jih je držala.«

kāra^h_j [haya^h hamičiya^h manā naiy gaubataiy] avam_j jadyi (DB II.30–31)
»Udari tisto vojsko, ki se je zarotila (proti meni) in se ne kliče za mojo.«

Formalno primerljivo in pomensko zelo jasno kontrastivno je razmerje med paroma soodnosnic *tād – yād* in *etād – yād* v stari indijščini, kar posredno utrjuje pravilnost zgoraj podane interpretacije v stari perzijsščini le enkrat zastopanega in s tem zgolj interno sicer težko opredeljivega tipa. Prim.:

*ā tāt te dasra mantumah
pūšann āvo vṛṇīmahe
yéna piṭṭṇ ācodayaḥ*
(RV I.42.5)

*yuṡam etām cakrathuḥ sindhuḥ plavām
ātmanvāntam pakṣīṇam taugryāya kām
yéna devatrā mānasā nirūhāthuḥ
supaptanī petathuḥ kṣōdāso mahāḥ*
(RV I.182.5)

»Za (*tisto*) tvojo, ki večš si svetovalec,
Pušan, te prosimo *pomoč*,
s katero si očete (naše) (že) podprl.«

»Napravila sta vidva *čoln tisti* (sc. vsem splošno znani) na tokovih,
s telesom / z dušo, s krili prav za
Tugrovega sina,
s katerim sta z močjo (ga) misli k
bogovom odpeljala,
z dobrim vzletom odletela iz velike sta
povodnji.«

9 Prim. še:

utā=šām I martiyam maḍiṣtam akunauš ... pasāva^t hauv martiya^h_j [haya^h avahayā kārahayā maḍiṣta^h āha^t (tayam Vahayazdāta^h frāišaya^t abiy Vivānam)] hauv_j amuḍa^t hadā kamnaibiš asabāraibiš ašiyava^t (DB III.57, 70–72)

»In za poveljnika jim je napravil enega samega človeka ... Nato je *tisti* človek, ki je bil poveljnik *one* vojske, ki jo je Vahjazdata poslal proti Vivani, pobegnil (in) odšel z nekaj konji.«

10 Redka je v stari perzijsščini v teh primerih stava z zapostavljenim prilastkovim odvisnikom. Prim.:
avam kāram Bābiruviam jatā [haya^h manā naiy gaubataiy] (DB III.85–86)

»Udari *tisto* babilonsko vojsko, ki se ne kliče za mojo.«

pasāva^t adam kāram Pārsam utā Mādam frāišayam [haya^h upā mām āha^t] (DB III.29–30)
»Nato sem odposlal perzijsko in medijsko vojsko, ki je bila (tedaj) pri meni (= pod mojim poveljstvom).«

- (20) [... *vašnā A^huramazdāh^h adam=šim gāḍavā niyašādayam taya=šām adam aḍaⁿham ava^t akunavaⁿ yaḍā mām kāmāh āha^t ...* (DNa 35–38)]
aita^t taya^t karta^m ava^t visam vašnā A^huramazdāh^h akunavam (DNa 48–50)
 »Po volji Ahuramazde sem jo (sc. zemljo) postavil na mesto. Kar sem jim naročil, to so naredili, kakor je bila moja želja ...«]
 »To (sc. pravkar ubesedeno), kar sem naredil, sem vse naredil po Ahuramazdini volji.«

Prim. zgled (12), kjer se *ima* (*ima^t* [*taya^t manā karta^m*] *pasāva^t yaḍā xšāyaḍiya^h abavam*) kot tipična katafora in v diametralnem nasprotju z anaforičnim *aita* nanaša na to, kar v besedilu šele sledi (razmerje je enako kot v zgledu 18). Obakrat gre za neposploševalno restriktivnost (»ravno to«), k čemur prim. DNa 20–21 brez uvajalnega kazalnega elementa, ki narekuje nepartitivno, splošno branje predmetnega oziralnega odvisnika:

[*taya=šām hacā=ma aḍaⁿhaya^t*] *ava^t akunavaⁿ*
 »Kar (= karkoli!) sem jim rekel, to so naredili.«

- (21) [*mām A^huramazdā^h pātuv hacā gastā^t utā=mai^y viḍam utā imām dahayāum* (DNa 51–53)]
aita^t adam A^huramazdām jadyāmiy aita^t=mai^y A^huramazdā^h dadātuv (DNa 53–55)
 [»Ahuramazda naj me obvaruje pred zlom in tudi mojo kraljevo palačo in tudi to deželo.«]
 »To (sc. kakor ubesedeno) prosim Ahuramazdo. To naj mi Ahuramazda nakloni.«
- (22) [... *manā A^huramazdā^h upastām baratuv hadā visaibiš багаibiš utā imām dahayāum A^huramazdā^h pātuv hacā haināyā^h hacā dušiyārā^t hacā draugā^t abi imām dahayāum mā ājamiyā^t mā hainā mā dušiyāram mā drauga^h* (DPd 13–20)]
aita^t adam yānam jadyāmiy A^huramazdām hadā visaibiš багаibiš aita^t=mai^y yānam A^huramazdā^h dadātuv hadā visaibiš багаibiš (DPd 20–24)
 [»Ahuramazda z vsemi ostalimi bogovi naj mi da oporo in čuva naj to deželo pred vojsko, pred slabo letino, pred lažjo. Naj nad to deželo ne pridejo ne vojska ne slaba letina ne laž.«]
 »S to priprošnjo se v molitvi obračam k Ahuramazdi z vsemi ostalimi bogovi. To milost naj mi Ahuramazda nakloni (= naj usliši to molitev) skupaj z vsemi ostalimi bogovi.«¹¹
- (23) *yaḍā taya^t adam xšāyaḍiya^h abavam astiy aⁿtar aita^h dahayāva^h taya^y upariy nipištā^h ayauda^t* (XPh 29–32)
 »Ko sem postal kraj, je (bila) med temi (sc. pravkar omenjenimi) deželami, ki so zgoraj zapisane, (ena) nemirna.«¹²

11 S stališča pragmatike gre tu za interpretacijsko mejni primer, saj je nanosnico kazalnega zaimka »ta priprošnja« mogoče razumeti kot predmetnostvarnostno entiteto, tj. besedilo kot celoto, in ne nujno kot njeno vsebino. Za ugotavljanje in interpretacijo semantične sestavine zaimka *aita* takšna ambivalentna vloga sicer ni relevantna.

12 Prim.:
imé yé nārvān nā parās cāranti
nā brāhmaṇāso nā sūtēkarāsaḥ
tā eté vācam abhipāḍya pāpāyā
sirīś tāntram tanvate āprajajñayaḥ
 (RV X.71.9)

Ti (sc. tukaj), ki gibljejo ne semkaj se ne proč,
 (ki) brahmāni niso (in) some ne ožemajo,
 (so) *tisti* (sc. vsem poznani) (ki) prišli do
 govora so nepoštene
 (in kot) *sirīś* (tkalke?, vodo?) napenjajo
 brezumno/brez haska niti (sc. osnove na
 statvah).

- (24) *utā aⁿtar aita^h dahqāyāva^h āhaⁿ yadā=taya^t paruvam daivā^h ayadiyaⁿ* (XPh 35–36)
»In med **temi** (sc. pravkar omenjenimi, gl. zgled 23) deželami so bile (take), kjer so prej darovali malikom.«
- (25), prim. (20) *utā aniyaš=cīy āha^t taya^t duškārtam akariya^t ava^t adam naibam akunavam aita^t taya^t adam akunavam visam vašnā A^huramazdahā^h akunavam* (XPh 41–45)
»In še nekaj drugega je bilo, kar je bilo storjeno slabo. To sem napravil (spet) dobro. **To**, kar sem naredil, sem vse storil po Ahuramazdini volji.«¹³
- (26) = (21) *aita^t adam A^huramazdām jadiyāmiy aita=mai^y A^huramazdā^h dadātuv* (XPh 59–60 = DNa 53–55)
- (27) = (18) *aita=mai^y aruvastam* (XPI 35 = DNb 31)
- (28), prim. (22) *aita^t adam yānam jadiyāmiy A^huramazdām mām A^huramazdā^h pātuv hadā bagaibiš uta=mai^y xšačam utā taya=mai^y kārtam* (XSc 4–5 ≅ DPd 20–22)
»**S** to priprošnje se v molitvi obračam k Ahuramazdi. Ahuramazda naj me čuva skupaj z bogovi in tudi moje kraljestvo in kar sem napravil.«

2.1 Povsem primerljiva je raba praindoir. zaimka **ai-ša-* ~ **ai-ta-*, kakor se ta zrcali v mladoavestijskem korpusu (v staroavestijskih besedilih zaimek ni izpričan, kar utegne biti v neposredni povezavi z besedilno zvrstnostjo). S pilotnim vpogledom v gradivo se jasno odrazi zaimkova opominjevalna vloga (»to, o čemer veš« oz. »to, kar je bilo pravkar omenjeno« ipd.):

aēta^t tē vaiiō ya^t tē asti spəntō.mañtiaom (Y 0.9)

»Tisto tvoje, Vaju, kar imaš od krepčilnega duha ...«

caθ^haras=ca aθa garaiiō

spitama zarađuštra

caθ^harəsatəm=ca duuaē=ca sa^tte

duuaē=ca hazañre

...

yauuat^t anu a^tpi

aēte garaiiō višastar^o

(Yt. 19.7–8, prim. Hintze 1994)

»Tako so štiri gore,

Spirama Zaratuštra,

in štirideset in dvesto

in dvatisoč.«

...

»Čez kolikor že

so se *te* (sc. pravkar omenjene) gore

razprostrle.

a^tpi=ca hō varəm marəza^t duuarəm raocanəm x^vāraoxšnəm antare.naēmāt (V 2.38)

... *cayō āa^t aēte raocā aṇhən ... yō auuaθa āraocaiiēte aētaēšuuā^a +varəšuuā yō yimō kərənao^t* (V 2.39)

»In podrgnil je po ogradi, svetleča vrata, samosvetleča od znotraj ... Kaj je bila *ta* (sc. pravkar omenjena) svetloba, ki tako sveti semkaj, v *tej* (sc. vsem splošno znani) ogradi, ki jo je napravil Yima?«

*θrii^m aētaēšqm šiiāoṇnanqm yōi vərəziṇti mašiiāka yō gaδβqm yaqm apuθraqm jana^ti ... yezi=ca aēša gaδβa ma^ye vā cā^ti vā vaēme vā *rū^tdi vā apō vā nāuuaiiā^a pa^tdiia^tte ahmāt haca^a i^trišiiāt* ... (V 15.5–6, prim. Brockhaus 1850)

13 Brez soodnosnice, kar pa ni povedno, saj je besedilo poklasično in v marsičem le (nepopolno) posnema svojo klasično predlogo.

»Tretje od *teḥ* (grešnih) dejanj (sc. o katerih je govor) je, ki jih napravijo (= zagrešijo) ljudje, ko (kdo) udari brejo psico ... In če bo *tā* (sc. o kateri je govor) psica padla v luknjo ali vodnjak ali prepad ali v strugo deroče reke ali v kanal (in) se bo pri tem poškodovala ...«

āaṭ mraoṭ ahurō mazdā ime vaca framrauua yōi hənti gāḍāhuua bišāmrūta ...

... kaiia aēte vaca yōi hənti gāḍāhuua bišāmrūta

āaṭ mraoṭ ahurō mazdā ime aēte vaca yōi hənti gāḍāhuua bišāmrūta (V 10.2–3)

»In Ahura Mazda je dejal: „Povedal (ti) bom besede, ki se jih dvakrat izreče pri (recitaciji) himen“ ...

... „Katero so *te* besede, ki se jih dvakrat pove pri himnah?“

Ahura Mazda je dejal: „*Tole* so *tiste* besede, ki se jih dvakrat izreče pri himnah.“«

Pogosta je tudi raba av. *aēta*- kot nanosnice na celotno besedilno entiteto (v tovrstnih primerih gre seveda za predmetno kazalnost). Tudi tu se pragmatična pogojenost staroiranskega **aīta*- zopet kaže kot odraz njegove primarno opominjevalne pomenske sestavine:

aēša astī daēnaiiā māzdaiiasnōiš āstu'tiš (Y 12.9)

»*To* (sc. vse, kar je bilo pravkar povedano) je vera (veroizpoved) nazora mazdaizma.«

pər³saṭ zaraḍuṣtrō ahurəm mazdām ... ciṭ auuaṭ vacō ās ahura mazda yaṭ mē frāuuaoṭ (Y 19.1)

āaṭ mraoṭ ahurō mazdā baṭa aēša ās ahunahe va'riiehe spitama zaraḍuṣtra yaṭ tē frāuuaoṭ (Y 19.3)

»Zaratuštra je vprašal Ahuro Mazdo ... „Kaj je bila *ona* beseda, Ahura Mazda, ki si mi jo oznanil?“«

»Ahura Mazda je dejal: „O, Spitama Zaratuštra, *to* (sc. o čemer govoriva) je bil del (Jasne, ki je sestavljena iz molitve) *Ahuna Vairiia* (= Y 27.13), kar sem ti oznanil.“«

2.2 Tako s stališča rabe (pragmatike) kot njegovega pomena staroiranskemu **aīta*- ustreza tudi vloga staroindijskega kazalnega zaimka *etād*. Tu je dejanska nanosnica pogosto celo neizražena, opominjevalna vloga zaimka *etād* pa s tem toliko izrazitejša. Npr.:

*hayé jāye mānasā tiṣṭha ghore
vácāṃsi miśrā kṛṇavāvahai nū
nā nau māntrā ānuditāsa eté
māyas karan pāratara canāhan*
(RV X.95.1)

*kīm etā vācā kṛṇavā tāvāhām
prākramiṣam uśāsām agriyēva*
(RV X.95.2ab)

»Hej, žena, z mislijo postoj, kako si huda!
Dajva, zdaj si izmenjavja besede,
saj *misli te*, če neizrečene, ne bodo nama
na še tako oddaljen dan veselja naredile.«

»Kaj počela jáz naj bi s *tem* tvojim
govorjenjem?
Odšla sem dalje že, kot prva izmed zarij.«

Zvezi *māntrā eté* in *etā vācā* se obakrat nanašata na nedvoumno predvidljivo oz. znano realnost, prvič le implicitno izraženo (faza se pojavi v prvi, vstopni kitihi himne, kar stilistično učinkuje kot nenadni vstop v samo sredino že nekaj časa trajajočega dogajanja), drugič eksplicitno podano s predhodnim kontekstom (v drugem primeru je pragmatična funkcija interpretacijsko na meji med endoforično

in eksoforično, saj lahko na prej izgovorjene besede kaže tudi kot na homogeno entiteto in ne v smislu njihove dejanske vsebine – taka funkcija je pri zaimku *etád* sorazmerno pogosta, in kakor je bilo opozorjeno zgoraj, prisotna tudi v avestij-skem, morda celo staroperzijskem korpusu). S tem zaimek *etád* v besedilo sicer uvaja popolnoma novo informacijo (v X.95.1c bi bila uporaba nevtralnega anaforičnega zaimka *tád* nemogoča, saj v predhodnem besedilu ni eksplicitno izražene nanosnice), ki hkrati predstavlja stično točko védenja (najsi bo splošnega ali pač situacijsko zamejenega) tvorca besedila in njegovega naslovnika. Enake razmere veljajo v primeru RV VIII.29.6, endoforično branje pa zanesljivo narekujejo tudi primeri kot npr. RV VII.68.9ab:

pathá ékah pīpāya tās-karo yathām
ešá veda nidhīnām
 (RV VIII.29.6)

»Nekdo (je, ki) polni poti – kakor tat,
 (prav) *tā* ve o zakladih skritih.«

ā śubhrā yātam aśvinā sāvāsvā
gīro dasrā jujuṣāṇā yuvākoḥ
 (RV VII.68.1ab)

»Ašvina, oj, prelepa, pripotujta sem, z
 lepimi konjiči,
 uživajta pesmi, čudodelna, *njega* (= mene), ki je vama zvest.«

...
ešá syá kārūr jarate s[u-u]ktāir
āgre budhānā uṣāsām sumānmā
 (RV VII.68.9ab)

...
 »(Prav) *tā* (sc. vama dobro znani) pevec
 (vaju) z lepimi pesmimi opeva,
 naklonjen, prebudivši se ob prvi / še pred
 prvo zoro.«

Ker je nanosnica v tem primeru identična z govorcem, je uporabo zaimka *etád* namesto pričakovanega *idām* ('ta tu(le)' = 'jaz') mogoče interpretirati le kot opominjevalno (kljub Klein 1998: 363, prim. Kupfer 2002: 232, 275, 360).

- 2.3 Vendar pa se v staroindijskem korpusu tovrstnim zgledom, ki sicer utrjujejo pojmovanje o funkciji zaimka **ai̯ta-* v stari iranščini, pridružujejo številni primeri, kjer se zdi upravičeno slutiti na pravo deiktično, torej še negramatikalizirano *eksoforično* rabo istega zaimka.¹⁴ Zlasti je taka prostorska umestitvena funkcija razvidna tam, kjer zaimku *etád* diskurzivne vloge ni mogoče nedvoumno pripisati. Zlasti povedna je v tem pogledu redka, skoraj edinstvena kataforična raba¹⁵ v drugi kitici *kitavasūkte*:

14 Nenatančno in interpretacijsko nezadovoljivo Kupfer 2002: 156–157 (prim. str. 156: »Die deiktisch gebrauchten Belege des Demonstrativpronomens *etád* sind dér-deiktisch, da sich sowohl Belege für Nahdeixis ... als auch für Ferndeixis ... finden lassen«).

15 Kljub Kupfer 2002: 163 (prim. še str. 305): »Zweifelsfreie Belege für Katapher lassen sich nicht finden.«

ná mā mimetha ná jihīla eṣā
śivā sākhibhya utā máhyam āsīt
akṣāsyāhām ekaparāsyā hetōr
ānuvratām āpa jāyām arodham
 (RV X.34.2)

»Nikdár me ni oštela ali se ujezila *tista*,
 prijazna je bila do mojih drugov in celo do
 mene.
 Zaradi kocke, ki za eno prekoračila je
 (vsoto),
 sam sem zvesto ženo (v)stran potisnil.«

Zaimek *eṣā* (Ied ž.), ki se nanaša na implicitno izraženi samostalni *jāyā* 'žena', tu ne more opravljati opominjevalne vloge, saj v diskurz vnaša popolnoma novo informacijo na mestu, kjer denotat nedvoumno ni ne splošno znan niti predvidljiv iz neposrednega konteksta.¹⁶

- 2.3.1 Če je eksoforična funkcija zaimka *etād* v tovrstnih primerih upravičeno prepoznana, se zastavlja vprašanje, kako jo v sistemu opredeliti v odnosu do drugih dveh protipolnih demonstrativnih zaimkov *idām* in *adās* (tj. staroindijskima funkcijskima ustreznikoma staroiranskima **ima-* in **aṇa-*). Kot je razvidno iz kontekstualno določene protistave zaimka *etād* z zaimkom za prvo, tj. bližnjo deikso *idām*, kjer *etād* opravlja kontrastivno vlogo, je to očitno funkcija druge, torej srednje deikse in s tem naslovnikove (prostorske) sfere. Prim.:

iti tvā devā imā āhur aiḷa
yāthem etād bhāvasi mṛtyūbandhuḥ
prajā te devān haviṣā yajāti
suvargā u tvām āpi mādayāse
 (RV X.95.18)

»Tako ti *tī* bogovi (tule) govore, potomec
 Idin,
 da kakor *tisto* (tam) je, boš ti ostal pač
 zvezan s smrtjo:
 potomstvo tvoje bo bogovom darovalo,
 a ti veselil se boš v nebesih.«

Zadnja kitica dialoške himne RV X.95 pripada nesmrtni nimfi Urvaši (*Urvāśī*), ki se še zadnjič iz nebes oglašča svojemu nekdanjemu ljubimcu – smrtniku, s katerim je na zemlji preživela »štiri jeseni« (= štiri leta oz. štiri letne čase) in ga nato v jezi zapustila. V danem kontekstu zveza *devā imé* torej točneje pomeni 'ti bogovi (sc. tu ob meni, tj. v nebesih)', medtem ko se opozicijski *etād* (Ied s) jasno nanaša na interesno območje neposredno ob naslovniku in s tem hkrati še v vidnem dosegu tvorca, torej 'tisto (sc. tam pri tebi, tj. na zemlji)'. Tudi zgoraj izpostavljeno izstopajočo kataforično rabo zaimka *eṣā* v X.34.2a (*ná mā mimetha ná jihīla eṣā ... ānuvratām āpa jāyām arodham*) bi bilo torej v tem pogledu najverjetneje treba razumeti v pomenski niansi 'ona (ki je zdaj) tam (pri vas oz. ne več pri meni)', kar se lahko posredno potrjuje tudi z verzom X.34.4a: *anyé jāyām pári mṛśantī asya 'drugi* (zdaj) grabijo okrog za njega (= moja) ženo'.

¹⁶ Njegova vpeljava v besedilo v kadenci četrtega verza (*jāyām*, Ted) v tem primeru seveda učinkuje kot stilistična prvina.

2.3.2 Diahrono gledano, prvotna funkcija zaimka *etád* torej zagotovo ni opominjevalna, ampak prostorsko (eksoforično) demonstrativna in kaže na stično točko med tvorcem in naslovnikom v okviru diskurza, pri čemer se je njegova sekundarna endoforična vloga utrdila preko situacij, ko je denotat pripadal kognitivni sferi obeh udeležencev (premik v pragmatični funkciji so seveda povzročile interpretacijsko ambivalentne besedilne situacije, npr. že izpostavljena X.95.18b ali IV.35.4a spodaj). V smislu perspektive se torej praindoiranska deiktična os zdi orientirana po prostorski sferi 1. osebe (= tvorca besedila, T) proti 2. osebi (= naslovnika, N) na eni in prve z drugo (tu je kontrast logično nevtraliziran) proti splošno oddaljenemu na drugi strani (pri meni : pri tebi : pri onem tretjem), gl. spodnji diagram.¹⁷ Čeprav je jasno polarizacijo referentov v sferi 1. proti 2. osebi teoretično možno predvideti tudi za tridimenzionalni sistem v smislu gole prostorske osi (tu : tam (še v vidnem dosegu) : tam daleč), v katerem bi bila odvisno od besedilne situacije srednja deiksa razumljena ali kot enaka, tj. srednja relativna prostorska oddaljenost od tvorca in naslovnika ali kot neposredni prostor naslovnika (in s tem le posredno dostopni prostor tvorca besedila), bi bila taka interpretacija verjetno nepravilna, saj korpus dejansko ne nudi nobenega enoznačnega primera, kjer bi se zaimek *etád* dalo zanesljivo interpretirati kot primarno temelječ izključno na jezikovnem izrazu srednje oddaljenosti od relativnega izhodišča. Tudi zgledi kot zgoraj izpostavljeni deiktični kontrast v I.24.6b (*váyaś canāmī patáyanta āpúh* 'tiste/one ptice (sc. tam na nebu)', tj. proti *imā āpo* 'te vode (sc. tu na zemlji)', k čemur prim. številne kolokacije tipa *eṣā (syā) uṣās* 'tista (znana) zora', ki so neposredno primerljive glede na dejansko prostorsko oddaljenost referenta), z uporabo zaimka *adās* in ne, kot bi sicer lahko pričakovali, *etád* utegnejo posredno opozarjati na isto dejstvo. Poleg tega je večinsko (četudi seveda sekundarno) opominjevalno funkcijo kazalnega zaimka logično izvajati prav iz njegove vloge kazanja v naslovnikovo sfero.

2.3.3 Tudi pri interpretacijsko sicer mejnem primeru

āpoṣā ānasaḥ sarat
sāmpīṣṭād āha bibhyūṣī
nī yāt sīm śiśnāthad vjāś //
etád asyā ānaḥ śaye
sūsāmpīṣṭaṁ vipāśy ā
sasāra sīm parāvātaḥ
 (RV IV.30.10–11)

»Proč od vozu uteče zarja,
 razbitega v drobce, prestrašena,
 ko bik (= Indra) z (neba) ga sune.
 Tam leži *voziček tisti* njen,
 dodobra uničen v reki Vipáš,
 stekla sama je v daljave.«

17 Interpretativno podobno ÈSJA I: 129 (s.v. *¹*aita*): »В иранских языках обычно соотносится с сериями Du-Deixis и Der-Deixis, часто выступая при эмфазе и анафоре.« Po osebi je npr. tipčno orientiran tudi hrvaški oz. srbski sistem kazalnih zaimkov: »Zamjenica se *òv-āj* (*òv-ā*, *òv-ō*) vezuje uz ono što se nalazi pored *ja*, zamjenica *t-āj* (*t-ā*, *t-ō*) uz ono što se nalazi pored *ti*, zamjenica *òn-āj* (*òn-ā*, *òn-ō*) uz to što se nalazi pored *on*« (Silić – Pranjković 2005: 126).

kjer je frazo *etād ánas* mogoče razumeti tako opominjevalno, pri čemer je denotat enak *ánasas* (Red s.) v prvem verzu desete kitice, torej »tisti/ta njej voziček (o katerem je bilo pravkar govora)«, kot eksoforično: »tisti njen voziček tam (tj. v hkratnem enako oddaljenem vidnem dosegu tvorca in naslovnika)«, verjetnost, da gre za endoforo in s tem nevezanost zaimka na srednjo prostorsko deikso, krepi prav neposredno sledeča glagolska oblika *śáye* (3. os. ed. indikativa stativa), ki v starejšem jeziku pomeni 'ležati tam (stran)'¹⁸ in je torej inherentno deiktična, njena pogosta pejorativna ali kako drugače slabšalna raba pa utrjuje prepričanje, da je združljiva le s tretjo, torej distalno deikso.¹⁹

Podobna, tokrat intenčna distanca od denotata se zdi izražena tudi v primeru X.34.4cč, vendar je ravno glede na bližnjo kolokacijo z glagolsko obliko *náyata* (2. os. mn.) celo tu mnogo prepričljivejša interpretacija, da zaimek dejansko kaže v sfero ogovorjenega, torej: 'tistega tam (ki je zdaj pri vas, mi pa ga ne prepoznamo več oz. ga nočemo več poznati)':

*pitā mātā bhrātara enam āhur
ná jānīmo náyatā baddhām etām*

»O njem oče, mati in bratje govorijo:
„*Tistega* ne (pre)poznamo. Zvežite ga in ga odpeljite!“«

Tako je tudi v primeru RV VI.65.1 in RV X.10.8ab funkcija kazalnega zaimka nedvomno endoforična:

18 Glede pomena sedanjiških oblik glagola *śay-/ši-* prim.:

*saṁvatsarāṁ śaśayānā
brāhmaṇā vratacārīṇaḥ
vācam parjanyaṁ invitām
prā maṇḍūkā avāḍiṣuḥ*
(RV VII.103.1)

»Potem ko celo leto (tako) so *tam ležale*,
(kot) brahmani, ki strogo se postijo,
z glasom, ki dež ga je vzpodbudil,
pričele so oglašati se žabe.«

*nāhām tāṁ veda dābhyam dābhat sā
yāsyedām dūtīr āsaram parākāt
ná tāṁ gūhanti sravāto gabhīrā
hatā indreṇa paṇayaḥ śayadhve*
(RV X.108.4)

»Ne poznam ga (kot) zvodljivega, on
(sam) ukane,
čigar sel pritekla sem od daleč,
globoko ga deroče (sc. vode) ne zakrijejo,
ležali boste *tam*, Paníji, od Indre
pokončani.«

*kārhi svīt sá ta indra cetiyāsad
aghāsya yād bhinādo rākṣa ēsat
mitra-kruvo yac chāsane ná gāvaḥ
pṛthivā ā-pṛg amuyā śáyante*
(RV X.89.14)

»Kdaj le, Indra, (prišlo) bo tvoje
maščevanje,
ko razklal boš zlo nevarno, ki poskuša nas
doseči,
ko tisti, ki (svoja) zaveznitstva okrvavijo,
kot govedo v pokolu
bodo (kot) združeni z zemljo (= *Vrtra*)
tako *tam ležali*?«

19 Za tako rabo zaimka *adās* prim. npr.:

*sām indra gardabhām mṛṇa
nūvantam pāpāyāmuyā*
(RV I.29.5ab)

Zdrobi, Indra, osla,
ki riga na *oni* zlobni način!

*eṣā syā no duhitā divojāḥ
kṣitīr uchāntī mānuṣīr ajīgaḥ
yā bhānūnā rūsatā rāmyāsu
ājñāyi tirās tāmasaś cid aktūn
nā tiṣṭhanti nā nī miśanti eté
devānām spāśa ihā yé cāranti*

»*Tista* nam znana (*syā*), hči z neba rojena,
svetleča se, zbudila je ljudi domove,
ki s svojo svetlo je lučjo bila v nočeh
spoznana, celo čez samo temo mraka.«
»*Ti* (sc. saj dobro veš, kdo) ne mirujejo in
ne mižijo,
bogov ogleduhi, ki gibljejo se tu okrog (po
zemlji).«

Nanosnica zaimka *eṣā* je v prvem zgledu sicer implicirani, vendar splošno znani denotat, namreč jutranja zarja (*uśās-*). Čeprav kontekst tudi tu dopušča interpretacijo v smislu gole prostorske umestitve, torej '(glej,) tista (znana) tam(le na nebu)', v prid zaimkovi endoforični vlogi govori neposredno sledéči demonstrativ *tyād* (*syā*, led ž), katerega funkcija je izrazito (in pravzaprav izključno) endoforična in opominjevalna.²⁰ Enako *eté devānām spāśas* v X.10.8ab dejansko pomeni 'ti, nama obema znani ogleduhi bogov', kar utrjuje hkratna v prislovu *ihā* 'tukaj (na zemlji)' inherentna kazalnost v neposredno bližino. Podobno hkratna prisotnost zaimkov *idām* in *etād* na gotovo endoforično interpretacijo slednjega opozarja v temle zgledu:

20 Prim.:

*indra túbhyam id adrivo
ḡnuttam vajrin vīryam
yād dha tyām māyīnam mṛgām
tām u tvām māyāyāvadhiḥ
(RV I.80.7)*

»Índra, le tebi, ki kamnu vladaš,
je bilo priznано, ki nosiš vadžro,
herojsko (to) dejanje,
ko *tisto* (sc. splošno znano je, katero,
namreč Vrtr) zver čarovno
pogubil s svojo si magijo.«

*ní gāvo goṣṭhé asadan
ní mṛgāso avikṣata
ní ketāvo jānān,ām
ny adṛṣṭā alipsata //
etā u tyé prāty adṛśran
pradoṣām tāskarā iva
adṛṣṭā viśvadṛṣṭāḥ
prātibuddhā abhūtana
(RV I.191.4–5)*

»Krave so polegale v hlevu,
zveri se umirile,
(in) luči ljudi;
nevidni so izginili. //
A *ti* (sc. pravkar omenjeni) so (spet) se
prikazali,
ob mraku kot tatovi.
Nevidneži, ki videni od vseh ste,
bili ste prepoznani!«

*yād adyā sūr̥ya brávo ḡnāgā
udyān mitrāya vāruṇāya satyām
vayām devatrā ḡdite syāma
tāva priyāso aryaman gr̥ñāntaḥ //*

»Če danes, sonce, govorilo o nedolžnih
boš,
ko vstaneš, Mitri, Varuni resnično,
med bogovi, Aditi, bili bi,
tebi dragi, Arjaman, pojoči. //
To (sc. dobro znano), Mitra, Varuna,
čigar oko je na ljudeh,
preko obeh vzhaja sonce proti zemlji,
pastir vsega, kar stoji in se premika,
videč med smrtniki, kar dobro je in kar
izkrivljeno.«

*eṣā syā mitrāvaruṇā nṛcákṣā
ubhé úd eti sūr̥yo abhi jmān
viśvasya sthātūr jāgataś ca gopā
ṛjū mārteṣu vṛjinā ca páśyan
(RV VII.60.1–2)*

Prim. Kupfer 2002: 242–243. Manj prepričljiva je interpretacija, ki jo podaja Klein 1998: 370–371.

*etā arṣantīy alalābhāvanīr
ṛtāvārīr iva saṃkróśamānāḥ
etā ví prcha kīm idám bhananti
kám āpo ádrim paridhīm rujanti*
(RV IV.18.6)

»*Te* (sc. reke) tečejo (in so) postale
žlobudrave (= in glasno žuborijo),
kot resnice polne vse povprek^{20a} kričeče.
Povprašaj *jih*, kaj *to* govorijo,
(in) katero reke skalno gmoto lomijo,
oviro.«

Zaimek *etās* (Imn ž.) namreč nima formalno izražene nanosnice (niti v predhodnem besedilu) in ga je zato mogoče interpretirati zgolj kot opominjevalni deiktični element, ki se v konkretnem zgledu nanaša na iz ujetništva osvobojeno vodovje v nasloviku splošno znanem mitu o Indri in Vrtri. Bližnjedeiktični zaimek *idám* ob tem fokus jasno postavlja v sfero tvorca besedila, tj. '(vse) to, kar se tu sliši, da pripovedujejo (te reke tu)'.

2.3.4 Tudi pilotna preverba preostalih pojavitev zaimka *etád* je v celoti skladna z večinsko interpretacijo 'ta/tisti, ki se nahaja pri tebi oz. v tvoji interesni sferi'. Prim.:

*imé vām sómā apsṛv ā sutā ihfā
ādhvaryúbhīr bhāramānā ayaṃśata
vāyo śukrá ayaṃśata
eté vām abhy āsykṣata
tirāḥ pavītram āśāvaḥ
yuvāyāvo āti rómāṇy avyāyā
sómāso āty avyāyā*
(RV I.135.6)

Sem v vodé bila za vaju je *ta* soma (sc. tukaj) ožeta,
Adhvarjuji so nesli jo in jo predali,
bleščeče čista, Vaju, je bila predana!
Izpuščena k vama *ta* (sc. ki je zdaj pri vaju)
bila je čez cedilo – urna,
stremeča k vama preko ovčje dlake,
soma preko ovčje (sc. dlake).

*ná te sákhā vaṣṭi etát
sálakṣmā yád víśurūpā bhavāti*
(RV X.10.2ab)

»Tvoj prijatelj *tega* (sc. nama znanega in kar ti hočeš) noče,
da to, kar isto nosi znamenje, različno bi postalo.«

*uśánti ghā té amṛtāsa etád
ékasya cit tyajásam mártṛasya*
(RV X.10.3ab)

»Od tebe *to* (sc. o čemer govoriva in k čemur bi moral ti stremeti) želé vendar nesmrtni,
sinú od smrtnika edinega.«

*ná vā u te tanvā tanvāṃ sām paprcyām
pāpām āhur yāḥ svāsāraṃ nigáchāt
anyéna māt pramúdaḥ kalpayasva
ná te bhrātā subhage vaṣṭi etád*
(RV X.10.12a–ě)

»A jaz s telesom tvojim se ne bi želel združiti,
saj pravijo, da zli je tisti, ki legel k svoji bi sestrici.
Pri drugem, ne pri meni, si užitka najdi
in boš srečna, tvoj brat (pa) *tega* (sc. kar ti hočeš) noče.«

^{20a} Tak prevod, ki se morda lahko zdi nekoliko prost, mi narekuje prisotnost preverba *sam* v kombinaciji z recipročnim medijem.

*pravácyañ śaśvadhā vīryaṃ tād
indrasya kārma yād āhiṃ vivṛśāt
vī vājreṇa pariśādo jaghāṇ[a
ā]yann āpo āyanam ichāmānāḥ //*

*etād váco jaritar māpi mṛṣṭha
ā yāt te ghōsān úttarā yugāni
ukthēṣu kāro prāti no juśasva
(RV III.33.7, 8a–c)*

*ayāṃ nidhiḥ sarame ádribudhno
góbhir áśvebhir vásubhir nīṛṣṭaḥ
rákṣanti tám pañāyo yé sugopā
réku padám álakam ā jagantha //*

*tá etám ūrvām vī bhajanta gónām
áthaitád vácaḥ pañāyo vāmān it
(RV X.108.7, 8cč)*

*ná vái stráñāni sakhyaṇi santi
sālāvṛkāñāḥ hṛdayāṇy etā
(RV X.95.15cč)*

*vī akrṇota camasām caturdhā
sákhe vī śikṣa iti abravīta ... //*
*kimmāyaḥ svic camasā eśá āsa
yām káviyena catúro vicakrá
(RV IV.35.3ab, 4ab)*

»Vedno znova naj pove naprej se o
herojskem tem dejanju,
Indrovem podvigu, ko razklal je kačo.
Z vadžro je razbil obdajujočo,
da priteklo so vodé, svojo pot iščoče. //

Teh besed (sc. tebi znanih),^{20b} o pevec,
níkdar ne pozabi,
da od tebe slišali prihodnji bodo jih
rodovi.
V himnah, pesnik, bodi nam naklonjen!«

»Ta zakladnica, Saráma, kamnitega je dna,
preplavljena z govedom je ter konji in
bogastvi,
čuvajo Paníji jo pastirji,
komaj da prikladno je, da sem prišla si po
sledeh puščenih. //
Razdelili bodo *tisti* (sc. vaš) *obor* goveda
si med sabo
in kar izpljunili bodo (= boste) Paníji
besede tiste^{21c} (vaše).«

»Družabništva resnično (iskati) ni pri
ženskah,
njih (sc. o katerih je govora) *srca* so
hijenska.«

»Čašo razdelili ste na štiri dele,
„Priatelj, daj, razkosaj (jo),“ dejali ...
Iz česa le *ta* (sc. vaša) *čaša* bila je narejena,
ki ste na štiri jo z modrostjo razdelili?«

2.3.5 Enako vlogo kazalni zaimek *etád* dejansko ohranja skozi celotno vedsko obdobje, saj ga je v obeh pomenih, tj. 'tisti tam pri tebi' oz. 'ta, o katerem veš/se ve; do-tični', mogoče zaslediti tudi v srednjevedski prozi (drugače sicer Amano 2009: 67–72, ki neutemeljeno prepozna le zaimkovo tipično anamnestično = opominjevalno funkcijo). Npr.:

20c V obeh primerih je raba zaimka eksoforična, pri čemer se *etád vácas* nanaša na besede, izrečene v X.108.5:

*imā gāvaḥ sarame yā a-ichah
pāri divó 'ntān subhage pātantī
kās ta enā āva sṛjād āyudhv
utāsmākam āyudhā santi tigmā*

»Krave te (sc. pri nas), ki si, Saráma, jih
iskala,
leteča vse okrog mejá neba, presrečna,
kdo prepustil ti jih bo brez boja?
Poleg tega so orožja naša ostrá!

20b Verjetno v smislu eksofore, torej »besede« (*vácas*-) kot predmetnostvarnostne entitete in torej glede na celoto ubesedenega.

tād vai devāḥ suśruvuh | vi bhajante ha vā imām āsurāḥ prthivīm prā_ita tād eṣyāmo yātra_imām āsurā vi-bhājante ké tātaḥ syāma yād asyai ná bhājemahi_iti té yajñām evā viṣṇum puraskṛtvéyuh té ha_ucuh | ānu no 'syām prthivyām ā bhajata_āstv_evā nó 'py_asyām bhāgā_iti té hāsura asūyānta ivocur yāvad evā_eṣā viṣṇur abhi-śēte tāvad vo dadma_iti (ŠBM I.2.5.3–4)

»Bogovi so to slišali. „Asure si menda (*ha*) dejansko (*vai*) skušajo razdeliti to zemljo. Dajmo, pojdimo tja, kjer si jo asure delijo med seboj. Kaj bo le z nami, če ne dobimo svojega deleža?“ Postavili so Višnuja kot prav to daritev pred sabo in dejali: „Oddelite nam kos te zemlje. Naj vsaj en njen del pripade nam!“ Asure pa so rekli nekako nejevoljno: „Kolikor pokriva *tistile* Višnu (sc. ki je z vami), ko leži, toliko vam damo.“«

pātiṃ nū me pūnaryuvāṇām kurutam ātha vām vakṣyāmi_iti tāu ha_ucatuh | etāñ hradām abhy_āva hara (ŠBM IV.1.5.11–12)

»„Naredita mojega soproga zopet mladega, pa vama povem,“ je rekla. Onadva pa sta odvrnila: „Odpelji ga dol do *tistega* (sc. tebi znanega) jezera.“«

te tam aichan ya enam āriṣyaty_etam anyo 'nyasmin na_avindan (AB III.33.1, prim. Delbrück 1968: 564)

»Iskali so takega, ki bo prispel do njega. *Tega* (sc. dotičnega, o katerem je govora) drug v drugem (= med seboj) niso našli.«

tad adhastāt prāṇam akuruta yathā_eṣa striyā adhastād ākāṣa evam | tasmād āpo 'srjanta balbalbal_ity_etayā vācā | tad idam āpo mahat salilam āsit | yad dha vā idam āhur āpo vā idam agre mahat salilam āsīt_ity_etās tā āpas (JB III.360.14–16)

»Svojo sapo si je spravilo (= potisnilo) dol, kakor ima ženska spodaj *tisto* luknjo/odprtino. Iz nje so se sprostile vode s *tistimi* (sc. znanimi) besedami *bal-bal-bal*. Vse to (= stvarstvo) je bilo (= je nato postalo) voda, en velik ocean. Ko torej o tem (= stvarstvu) pravijo, da je bilo v začetku voda, velik ocean, so to (*ravno*) *te* vode (sc. o izvoru katerih je bilo pravkar vse povedano).«

tēsām indrah pakṣān achinat tair_imām adyṃhad yé pakṣā āsaṃś té jīmūtā abhavaṃś tasmād_ete sadadī pārvatam ūpa plavante yōnir hy_eṣām eṣāḥ (MS I.10.13:152.13–15)

»Indra jim (sc. goram) je pristrigel peruti. Tako je *tole tukaj* (sc. zemljo) umiril/utrdil. Kar so bila (prej) krila, so postali nevihtni oblaki. Zato *ti* (sc. znani) venomer plujejo proti gori. *Prav ta* je namreč *tistih* dom.«

sā vā āditir ādityān ūpādhāvad āstv_evā_ma idām mā ma idām moghé pārā paptad_iti té 'bruvann ātha_eṣō 'smākam evā bravātai²¹

(MS I.6.12:105.4–6)

»Aditi se je zatekla k sinovom. „Naj *to moje* (sc. jajce) ostane. Naj ne gre v pogubo.“ Oni pa so dejali: „Potem naj se *tisti* (sc. pri tebi oz. tvoj) imenuje za enega od nas.“«

21 Vendar prim. MS IV.8.1:106, kjer kljub jasno izraženi vezanosti nanosnice na naslovnika besedila v konkretni situaciji prevlada dejanska hkratna neposredna bližina tvorca nanosnici in s tem prva deiksa:

mānor vai pātrāṇy_āsan ... tā abrūtām māno yājvā vai śraddhādevo 'si_imāni nau pātrāṇi dehi_iti

»Manu je imel bronaste čaše ... Rekla sta mu: „Manu, ti, ki redno daruješ in ki zaupaš v bogove, daj nama *te* (svoje) čaše (sc. tukaj).“«

3 ZAKLJUČEK

V staroperzijskem kazalnem zaimku *aita* je treba prepoznati funkcijsko samostojen jezikovni element, ki v sinhronem sistemu deikse opravlja vlogo opominjevalnega anaforičnega (navezovalnega) zaimka in kaže v kognitivno sfero naslovnika besedila (mladoavestijska raba se zdi v celoti paralelna); deloma je njegovo eksoforično pragmatično funkcijo mogoče zaslediti le pri interpretacijsko ambivalentnih nanosnicah (referentih), kjer deiktični fokus prehaja z vsebine ubesedenega na samo besedilno entiteto. Kakor je to jasno razvidno iz vedskega staroindijskega sinhronnega sistema, je taka vloga verjetno že praindoiranska, saj je večinsko prisotna v obeh jezikovnih vejah (paralelnega razvoja seveda ni mogoče izključiti in je tipološko celo predvidljiv), vsekakor pa ni prvotna. Na to kažejo pomembni osamljeni zgledi v rgvedskem besedilnem korpusu, ki opozarjajo na starejšo, eksoforično rabo zaimka **aiša-* ~ **aiṭa-* kot srednjedeiktičnega elementa, ki je v opoziciji do zaimka za prvo deikso in protipolnega demonstrativnega zaimka za nebližino kazal v prostorsko (in po metafori tudi v kognitivno) sfero naslovnika. Etimološko kljub tej ugotovitvi o genezi zaimkove pomenke komponente ostajata enako verjetni obe interpretacijski možnosti formalne analize: **e-i so-* ~ **e-i to-* (tj. mestnik ednine anaforičnega zaimka **e-* v kombinaciji s prav tako anaforičnim zaimkom **to-* oz. **so-*, posnemajoč supletivno razmerje v simpleksu *so-/to-*, tako LIPP: 186) oz. **eṭ so-* ~ **eṭ to-* (polna prevojnina stopnja anaforičnega zaimka **i* v enaki okrepljeni strukturi, prim. LIPP: 371 in *passim*, prim. EWAia I: 272–273, ÈSIJA I: 128–129), zlasti glede na dejstvo, da latinski kazalni zaimek *iste*, ki povsem transparentno nadaljuje sopostavitev led praindoevropskega zaimka **i* (torej **i-s*) z zaimkom **to-* (gl. tudi LIPP: 364 in *passim*), v latinskem sinhronem sistemu opravlja primerljivo funkcijo. Prim. lat. *est equos perpulcer sed tu uehi non potes istoc* (CIL I².2177): »Prelep je konj, a ravno *tega* jahati ne moreš.« Kljub mnenju, izraženemu v Dupraz 2012: 23–24, 272–275, 278 in *passim* (za starejšo literaturo gl. Dupraz 2012: 19–20), da latinski kazalni zaimek *iste* nanosnico pomensko ovrednoti kot nekaj, kar se dejansko nahaja v interesni sferi tvorca, zgledi, kot je pravkar citirani, kažejo prav na nasprotno. Vloga zaimka *istoc* je tu identična kot, denimo, v zgoraj navedenem rgvedskem primeru *nā tiṣṭhanti nā nī miṣanti etē devānām spāša ihā yē cāranti* (X.10.8ab) ipd., le da je njegova geneza iz samega sinhronnega sistema mnogo slabše prepoznavna kot v primeru staroperzijskega gradiva, pri katerem je še mogoče eksterno preverjanje.

KRAJŠAVE

AB = *Aitareyabrāhmaṇa*; **DB** = Darej I., Bisitun/Behistun; **DN** = Darej I., Naqš-e Rostam; **DP** = Darej I., Perzepolis; **DZ** = Darej I., Suez; **JB** = *Jaiminīyabrāhmaṇa*; **MS** = *Maitrāyaṇīśaṃhitā*; **RV** = *Ṛgvedasaṃhitā*; **ŚBM** = *Śatapathabrāhmaṇa* (*Mādhyandina*); **V** = *Vīdēvdād*; **XP** = Kserkses I., Perzepolis; **XS** = Kserkses I., Suza; **Y** = *Yasna*; **YH** = *Yasna Haptaṅghāiti*; **Yt.** = *Yašt*

LITERATURA IN VIRI

- Amano 2009** = Kyoko Amano, *Maitrāyaṇī Samhitā* I–II, Übersetzung des Prosapartien mit Kommentar zur Lexik und Syntax der älteren vedischen Prosa, Bremen: Hempen Verlag, 2009.
- Avesta Corpus** = *Avesta Corpus*: On the basis of the editions by K. F. Geldner, Avesta: The Sacred Book of the Parsis, Stuttgart 1889–96; N. L. Westergaard, Zendavesta or The Religious Books of the Zoroastrians, Copenhagen 1852–54 and others electronically prepared by Sonja Fritz, Berlin 1985–1988; corrections and additions by J. Gippert, H. Kumamoto, M. de Vaan and others, 1989–1997; TITUS version by Jost Gippert, Frankfurt am Main, 15. 7. 1996 / 28. 2. 1998 / 22.6.1998 / 15.3.2000 (<http://titus.fkdg1.uni-frankfurt.de/texte/etcs/iran/airan/avesta/avest.htm>).
- Bartholomae 1904** = Christian Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904.
- Brockhaus 1850** = Hermann Brockhaus, *Vendidad Sade: die heiligen Schriften Zoroaster's Yaçna, Vispered und Vendidad*, Leipzig: F. A. Brockhaus, 1850.
- Delbrück 1888** = Bertold Delbrück, *Altindische Syntax*, Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1888.
- Diessel 1999** = Holger Diessel, *Demonstratives: Form, Function and Grammaticalization*, Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999.
- Dupraz 2012** = Emmanuel Dupraz, *Sabellian Demonstratives: Forms and Functions*, Leiden – Boston: Brill, 2012.
- ĖSĪJA** = Вера Сергеевна Расторгуева – Джой Иосифовна Эдельман, *Этимологический словарь иранских языков* I–, Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000–.
- EWAia** = Manfred Mayrhofer, *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen* I–III, Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1992–2001.
- Geldner 1896** = Karl F. Geldner, *Avesta: The Sacred Books of the Parsis* I–III, Stuttgart, 1896.
- Hintze 1994** = Almut Hintze, *Zamyād-Yašt*, Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1994.
- Klein 1998** = Jared S. Klein, *Rigvedic syā/tyā*, v: Jay Jasanoff – H. Craig Melchert – Lisi Oliver (ur.), *Mir curad: Studies in Honour of Calvert Watkins*, Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1998, 361–372.
- Kupfer 2002** = Katharina Kupfer, *Die Demonstrativpronomina im Rigveda*, Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002.
- LIPP** = George E. Dunkel, *Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme* I–II, Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2014.
- Mayrhofer 1987** = Manfred Mayrhofer, *Supplement zur Sammlung der altpersischen Inschriften*, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1987.
- Narten 1986** = Johanna Narten, *Der Yasna Haptanhāiti*, Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1986.
- Raghu Vira – Lokesh Candra 1954** = Raghu Vira – Lokesh Candra (ur.), *Jaiminiya Brāhmaṇa of the Sāmaveda*, Nagpur: International Academy of Indian culture, 1954.
- Schmitt 1991** = Rüdiger Schmitt, *The Bisitun Inscriptions of Darius the Great: Old Persian Text*, London: School of Oriental and African Studies, 1991 (Corpus inscriptionum Iranicarum I/1, Texts I).
- Schmitt 2000** = Rüdiger Schmitt, *The Old Persian Inscriptions of Naqsh-e Rostam and Persepolis*, London: School of Oriental and African Studies, 2000 (Corpus inscriptionum Iranicarum I/1, Texts II).
- Schmitt 2014** = Rüdiger Schmitt, *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*, Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2014.
- Silić – Pranjković 2005** = Josip Silić – Ivo Pranjković, *Gramatika hrvatskoga jezika: za gimnazije i visoka učilišta*, Zagreb: Školska knjiga, 2005.
- SP 2001** = *Slovenski pravopis*, ur. Jože Toporišič, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti – Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša (izd.) – Založba ZRC, ZRC SAZU (zal.), 2001.

- van Nooten – Holland 1994** = Barend A. van Nooten – Gary B. Holland, *Rig Veda: A Metrically Restored Text With an Introduction and Notes*, Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 1994.
- von Schroeder 1970–1972** = Leopold von Schroeder (ur.), *Maitrāyaṇī Saṃhitā* I–IV, Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1970–1972.
- Weber 1855** = Alfred Weber (ur.), *The Ṣatapatha-Brāhmaṇa in the Mādhyandina-Čākhā with extracts from the commentaries of Śāyana, Harisvāmin and Dvivedaganga*, Berlin – London: Dümmler, 1855.

SUMMARY

The function of the Old Persian pronoun *aita*

Little attention seems to have been paid to the three-dimensionality of the Old Persian system of demonstrative pronouns. It is argued that the marginally attested demonstrative *aita* 'he, this' is not simply an allogram of the widely attested proximal deictic *ima* 'he, this' (standing in clear opposition to the distal deictic and equally suppletive *hauv* ~ *ava* 'he, this') but functions as a basically endophoric (usually anaphoric with a single exception in a late text) medial deictic pronoun with a clear recognitional function. (The only possible instance of its exophoric use is when it points to some previously uttered set of expressions, but here its use is clearly ambivalent and expectedly oscillates between discourse and text deixis.) This is most clearly recoverable from a few cases in which *aita* anaphorically points to what has been said and stands in polar opposition to the proximal deictic term *ima*, which functions as a cataphora. Such use is completely parallel to what can be claimed for the pronoun's Young Avestan and Vedic cognate in opposition to the semantic functions of the demonstratives on the opposing ends of the deictic scale. Even though this function is clearly as old as Proto-Indo-Iranian (if it is not the result of parallel development, which is theoretically at least predictable), the Vedic corpus still shows that in a few interpretatively incontestable cases the pronoun is assigned a clearly exophoric pragmatic function. In this respect it matches the transitory value of the proximal demonstrative and its distal counterpart, and so it must somehow be semantically independent. A careful interpretational reading of such instances reveals an unmistakable tendency of Vedic *etād* 'this' to point to the immediate sphere of the addressee, and it is thus, in essence, a medial deictic term that stands in direct opposition to the speaker-oriented proximal deictic demonstrative *idám* 'this' in what seems to be a clearly person-oriented deictic system (this can be confirmed by a few rare examples in which the encoded oppositional contrast between the two pronouns brings about a transparent change of focus). There are virtually no cases of *etād* being unambiguously used as a medial demonstrative based solely on the relative distance from the deictic center (and thus essentially disregarding the position of the addressee's space). In potentially ambivalent situations in which *etād* could be interpreted as pointing either to the spatial or indeed mental space of the addressee (i.e., the addressee's knowledge about the location/identity of the referent), the endophoric recognitional function naturally set in and soon spread beyond its original productivity. Whereas in Vedic both functions tend to remain alive well into the Middle Vedic period (consider the use of *etād* in Vedic prose), the Old Persian corpus shows no clear trace of the old exophoric use, which may reflect the actual situation or be somehow blamed on the genre and the rather limited textual variety attested for that language corpus. Its peripheral position within the extant texts, however, does seem to indirectly reflect its origin, recoverable on the basis of a careful reading of important external evidence.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ САЕНКО — RAFAŁ SZEPTYŃSKI

ПРАСЛАВЯНСКОЕ **žeratykъ*: СЛОВО-АЙСБЕРГ

COBISS: 1.01

Praslovansko **žeratykъ*: beseda kot vrh ledene gore

Članek je posvečen zgodovini in etimologiji praslovanske besede **žeratykъ* 'žareče oglje'. Podrobno se razbira zakonitost glosiranja kontinuantov dane besede kot 'pepel' tako na podlagi pisnih spomenikov kakor tudi narečnega gradiva. Analizira se semantika kontinuantov **žeratykъ* v stari češčini in tudi vrsta leksikografskih fantomov.

Ključne besede: etimologija, praslovanščina, cerkvena slovanščina, stara češčina, leksikografski fantomi

Proto-Slavic **žeratykъ*: an iceberg word

This article looks at the history and etymology of the Proto-Slavic word **žeratykъ* 'live coal'. A detailed study, based on literary monuments and dialect material, is provided on whether **žeratykъ*'s descendants can be glossed as 'ash'. The semantics of the derivatives of **žeratykъ* in Old Czech and a number of ghost words are analyzed.

Keywords: etymology, Proto-Slavic, Church Slavonic, Old Czech, ghost words

0 Для праславянского языка сравнительно надёжно реконструируется слово **žeratykъ* «горячие угли», которое на первый взгляд является совершенно заурядным, что выразилось в достаточно слабом интересе историков языка и этимологов к данной лексеме. Однако при более тщательном изучении материала оказывается, что за этим невзрачным дериватом таится целый клубок сложных этимологических, словообразовательных, лингвострановедческих и даже лексикографических проблем. В данной статье мы постараемся хотя бы часть из них решить.

Первоначально мы пытались проанализировать данный вопрос в ключе традиций ЭССЯ и SP, при этом, отдавая себе отчёт в существовании ряда проблем, требующих пространных комментариев, как в описании самого материала, так и в части интерпретации, мы рассчитывали получить словарную статью большого размера. Однако трудности с решением некоторых ключевых вопросов, заставили нас отступить от первоначального плана. В связи с этим мы решили сосредоточиться в первую очередь на тех аспектах, которые, с одной стороны, оказались наиболее трудными, а с другой, позволили привнести

Авторы выражают искреннюю благодарность В. С. Ефимовой, В. Желязковой, И. И. Мажеевой, З. Бабику и М. Хохолу за помощь в работе над статьёй.

новые интерпретации, которые, как мы надеемся, будут достойны через несколько десятков лет упоминания на страницах названных словарей.¹

1 РЕКОНСТРУКЦИЯ

1.1 Реконструкция значения

В праславянском характере значения «горячие угли (зачастую с горячим пеплом)» нас убеждает его наличие в большей части славянского мира. Перечислим самые важные случаи:

- церковнославянские памятники (ГСБМ 9: 267; СРЯ XI–XVII 5: 75; Тимченко 1: 918). Показательный пример мы находим в древнейших списках (XII–XIII вв.) Пролога краткой редакции: “дѣждь идаше съхощацѣк же бѣ попельъ горѣць· акы жератѣкъ” (= ἀνθρακιά «горячие уголья») (СРПДС 2010: 308–311),
- другие исторические памятники, в частности:
 - древнечешские: “budeli zeratek geho popelem przikrit doroka ohnyw oftane” (1. пол. XV в.; см. пункт 3),²
 - среднепольский: “Iáko wágl w rzeżatku á drwá ná ogniu/ thák człowiek fwarliwy łatwie roznieći zwáde” (1563 г., SP XVI 36: 329),
 - нижнелужицкие: *schoratk* (1650 г.), *žoratki* (1761 г.) (Schuster-Šewc: 1806). Данные восточнославянских памятников мы опускаем, поскольку для них зачастую трудно провести чёткую границу влияния церковной литературы.
- диалектные данные:
 - белорусские: *жарáтак* (ЛАБНГ 4: 48; СПЗБ 2: 141; МСММГ 1974: 58; Сцяшкóвiч 1983: 139),
 - украинские: *жерáтокъ* (Budziak 2014: 191), *жураток* (Верхратський 1894: 194),
 - русские: *жарáто́к/жерáто́к* (АОС 13: 212), *жаротóк* (НОС 2010: 250), *жарáтки* (СРГК 2: 35),
 - польские: *żarżotki* (Lubicz 1892: 272), по материалам картотеки Словаря польских говоров ПАН: *rzerżotek* (sic!) (Забратувка, Жешувский повят), *żeżotek* (Близне, Бжозувский повят),
 - словацкие: *žerátok* (см. пункт 4.1, сноска 31),
 - сербские: *жерáтак* (Ивић 1957; см. пункт 2.3).³

1 В данной статье мы не обсуждаем все потенциальные реликты этого слова. В частности, мы опускаем формы с вторичными звонкими согласными *d: болг. *жерад(а)*, *жарада* (с XVII в.; РКБ XVII: 268–269; БЕР 1: 524; Неделчев 1994: 158), каш. *řeżezě* (SEK 4: 229), рус. *жарáдок* (СРГК 2: 35).

2 Цитируется по картотеке Гебауэра (<http://vokabular.ujc.cas.cz>). Далее мы приводим старочешские контексты по статье Черной (Černá 2003), в современной орфографии.

3 Это слово известно из словаря и корреспонденции Вука (письмо С. Милутиновича Сарайлии, ВП 1: 20), а также из перевода «Тараса Бульбы», выполненного Н. Беговичем (в журнале *Neven. Zabavni i poučni list*. 1855, с. 820). По материалам books.google.com только

Вдобавок можно упомянуть бачванское *жертáток* (Руски Крстур, Сербия) (Гнатюк 1908: 43, 79). Следует обратить внимание на то, что это не обычный диалектный апеллятив (*жирйáчка*, Гнатюк 1908: 79), а видоизменённая цитата из Книги Товита в церковном переводе (Тов. 6,17; см. пункт 2.1.2), вошедшая в свадебный обряд: «Возложіші на фтімію жертáток [...]». ⁴

В большинстве случаев континуанты данного слова употребляются в единственном числе, обозначая при этом некоторую массу угольков, обычно, по-видимому, смешанных с горячим пеплом, на основании чего мы делаем вывод, что первоначально слово **žeratykъ*, вероятно, имело собирательный характер, хотя в некоторых ареалах видна тенденция к переходу в сингулятивы, иногда в *plurale tantum* (наиболее отчётливо в древнечешском). Значению «пепел», зачастую лишь мнимому (несмотря на многочисленные свидетельства) посвящён пункт 2. Локальным семантическим сдвигом является появление значения «углубление в передней части русской печи, куда стребают угли и золу» в поздних севернорусских памятниках и современных русских говорах (СРЯ XI–XVII 5: 75; Дерягин 1968: 175). ⁵

1.2 Реконструкция формы

Реконструкция структуры праславянского слова может вызывать сложность в двух аспектах: мягкость согласного *r*, а также акцентуация. Что касается вокализма корня, в свете древнейших засвидетельствованных форм (Срезневский 1: 861; СДЯ XI–XIV 3: 250, СРЯ XI–XVII 5: 75) и части диалектных данных первичность *e* не вызывает сомнения. Тенденция к появлению в корне рефлексов **a*, обнаруживаемая в древнерусском уже с XIV в. (ОСР II 2: 204) и хорошо известная по современным белорусским и русским говорам, где-то является результатом регулярного фонетического изменения, а где-то – влиянием континуантов алломорфа *žar-*, например, **žariti* (*se*), **žarъ* (ср. многочисленные примеры из окружающих говоров); исключительно второй фактор имел место в случае единичных древнечешских (1× <a>, наряду с амбивалентным <ie>, см. Šimek 1911: 145), польских и словацких примеров (см. выше).

► в 1860-х годах частотность данного слова несколько увеличивается; в то же время, это единственный случай, когда континуант **žeratykъ* вошёл в современный литературный славянский язык.

4 По всей вероятности, на форму повлияло слово *жертва*. Вместе с тем возникают сомнения в том, что в это слово вообще вкладывалось значение «розжарений вуглик» (как это описывает Гнатюк).

5 Сомнителен изолированный украинский пример: «Встаю въ ночі, ма́цаю диті́ну, а ї́й голова́ якъ жéрето́къ горя́ча» (Золочевский округ, современная Львовская область; Дзендзелівський – Ганудель – Головацький 1982: 542). Если значение («место в печи, где огонь разводят») описано Головацким верно, мы имеем дело с независимым сдвигом значения в русских и украинских говорах; однако вполне вероятно, что когда Головацкий давал словарное определение неизвестной ему лексемы, он опирался в первую очередь на значение русского диалектного слова.

Церковнославянские формы, а также большая часть русского диалектного материала, говорят в пользу твёрдого **r* (только sporadически в русских говорах встречается [r'], ср. АОС 13: 232, СРГК 2: 35). На эту же реконструкцию указывает также нижнелужицкий материал (см. выше). Белорусские и сербохорватские примеры амбивалентны из-за совпадения континуантов **r* и **r'*. Что касается украинского материала, часть его также неоднозначна. На **r* указывают формы, отмечаемые в XVII/XVIII в. в Закарпатье (Петров 1932: 161), а также диалектная запись с территории Польши (Верхратский 1894: 194). В случае записи *жєрáтокъ* Вагилевича (Budziak 2014: 191), слишком общая локализация «lwow[skie]» делает невозможной идентификацию говора как сохранившего или утратившего различие континуантов **r* и **r'*; в качестве аргумента нельзя рассматривать отсутствие перегласовки в первом слоге, поскольку в украинских диалектах это изменение протекало непоследовательно (известны достаточно старые исконные формы без перегласовки, о чём свидетельствуют записи XVII века с буквой <и>, см. СУМ XVI–XVII 9: 165; ИСУЯ 1: 931). Золочевская форма *жєретокъ* (см. выше), с перегласовкой *a > e* во втором слоге, указывает на **r'*. В пользу **r'* могут говорить древнечешские,⁶ словацкие и польские записи. В итоге мы склонны признать первичность твёрдого варианта. Чешские, словацкие и польские формы можно объяснить взаимным влиянием согласных корневой морфемы (ассимиляции, поздние метатезы); украинский пример происходит из области, в которой пересекаются изоглоссы диспалатализации *r'* и перехода *C'a > C'e*, следовательно гласный *e* мог возникнуть в связи с гиперкоррекцией в ситуации контакта говоров. Возможно, наличие мягкого [r'], по крайней мере, в некоторых случаях может быть объяснено влиянием варианта прилагательного **žer(')awъ* (если, конечно, его вариативность не имеет идентичных причин).

Что касается акцентуации данного слова, следует выбрать из двух возможностей: **žerātъkъ* (gen.sg. **žerātъka*) либо **žeratykъ* (gen.sg. **žeratykâ*). В пользу первой из них говорят самые старые известные нам акцентуированные формы афонского перевода Лествицы (1387 г. – МДА 152, л. 69б; см. 2.1.1), примеры из болгарского Пролога XV в. (Яцимирский 1909: 123)⁷ и Великих Миней-Четий (ВМЧ [15 XII]), а также диалектный белорусский материал, значительная часть русского диалектного материала и одиночный украинский пример (Budziak 2014: 191).⁸ Вторая возможность опирает-

6 Наряду с древнейшими, иногда амбивалентными записями с <r>, для обоих значений, установленных в пункте 4, известны записи с <rz> или <ř> (ср. Flajšhans 1928: 426; Šimek 1911: 145).

7 Начальное ударение *жєратакъ* в сербском списке XVI в., изданном Радченко (ср. Яцимирский 1909: 119), может отражать новоштокавскую оттяжку ударения (т.е. **žerātъkъ*); также мы опускаем изолированную украинскую форму *жєретокъ* (Дзендзелівський – Ганудель – Головацький 1982: 542).

8 Мы не включаем сюда древнечешский материал, поскольку оригинальные записи не отражают долготы. Единственный потенциально релевантный пример говорит о крат-

ся на словацкий материал из Гемера (вопреки записи Орловского, см. 4.1), печатную версию афонского перевода Лествицы 1647 г. (**жаратѣкъ**), запись **жератчѣный** в «Лексиконе словено-латинском» середины XVII в.,⁹ скудный польский материал XVI в. (см. выше loc.sg. *rzeżatku*, где <a> обозначает «сужение» (*rochylene*), отражаемое как *o* в цитируемых выше диалектных формах, записанных на периферии сохранения разных рефлексов *a* «чистого» и «суженного»), современный сербский материал (в котором, естественно, наблюдается новоштокавская оттяжка ударения; ср. также записи говора галлиполийских сербов, Ивић 1957: 27, 31, 46), а также довольно многочисленные русские диалектные формы (АОС 13: 212; НОС: 250; СРГС 3: 339, 344; ЯОС 4: 40, 44; Мызников 2010: 99). Принимая во внимание эти факты (вместе с данными, упомянутыми в сносках), мы считаем более обоснованной реконструкцию **žerātъkъ*, которая позволяет при этимологическом анализе ориентироваться на конкретные суффиксы с данной просодической характеристикой. Примеры, указывающие на второй вариант, скорее всего, отражают более поздние тенденции к распространению рефлексов окситонезы как признака слов на **-ъkъ* по умолчанию.

1.3 Ареал

Примечание 1: за пределами ареала «часть печи» (в том числе между двумя русскими ареалами) имеются также дериваты с таким значением, например, *жаратник* (НОС: 249).

Примечание 2: Пункты с переселенческими говорами обозначены стрелочками (Руски Крстур, Сербия: бачванцы; Пехчево, Македония: галлиполийские сербы); в пункте, находящемся южнее всего на территории Польши (Бонарувка), был записан материал украинского говора замешанцев.

Примечание 3: Интересующее нас слово было также заимствовано в венгерский (с 1577 г., EWU: 1673; см. диалектный материал в MNA II: 233. *térkép*; ÚMT 5: 215) и румынский (с 1683 г., Tiktin 2: 541; см. диалектный материал на картах с ответами на вопрос 734 JAR «braise» в атласах в серии *Atlasul lingvistic român pe regiuni*).

► кости, т. е. **žerātъkъ*: “zeratkowe učené lidi a múdré znamenají” (Snář 238; по картотеке Гебауэра). Переход этого слова в тип на *-átko* (см. 3.1) не является достаточным аргументом в пользу долготы, что в связи с отсутствием места мы не будем здесь подробно анализировать.

9 У Берынды (1627) полностью отсутствует диакритика над словом **жера**^тчено, хотя нормой является наличие ударения; возможно, пропуск связан с тем, что над <a> было уже вписано <т>, следовательно запись отражает **žerātъkъ*.



Рисунок 1: Значение континуантов *žeratyкъ

2 ЖЕРАТЪКЪ = «ПЕПЕЛ»?

С 1850-ых годов лексикографы глоссировали ц.-слав. **жератъкъ** как ‘тѣфра, cinis’ (Miklosich 1850), ‘зола’ (Востоков 1858), ‘Asche’ (Šumavský 1859), и т. д. (ранее также ‘la cendre’ – Reiff 1: 297). Эта традиция получила продолжения в словаре Срезневского (Срезневский 1: 861), а также в современном Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. (СДЯ XI–XIV 3: 250). Не может не вызывать удивления тот факт, что ни в одном из этих источников не приводится значения «горячие угли, жар, горячий пепел», которое является первичным. Более того, в диалектных записях значение «пепел, потухшие угли» встречается крайне редко. Конечно, нельзя полностью исключать возможности существования в разных эпохах обоих значений, но, по мнению авторов, значительную часть интерпретаций континуантов **žeratъkъ* как названий холодного пепла следует подвергнуть сомнению.

2.1 жератъкъ ~ тѣфра?

В данном разделе мы рассмотрим все найденные нами случаи соответствия тѣфра ~ **жератъкъ** между греческими и церковнославянскими текстами, стараясь выяснить, вызваны ли они значением слова **жератъкъ** или какими-то другими факторами. Мы пропускаем указанные Миклошичем (1850: 43; 1862–1865: 195) примеры из сербских Прологов XIV и XVI вв. в связи с отсутствием цитат и доступа к рукописям. Однако вполне возможно, что они соответствуют анализируемым ниже пассажам.¹⁰

2.1.1 Лествица

Значение «зола» в словарной статье **жератъкъ** Востоков постулирует на основе фрагмента самого старого сохранившегося списка Лествицы (Рум. 198,¹¹ XII в.¹²) “пепелъ жератъкъ въ хлѣба мѣсто падоущемъ”, который он снабдил соответствием из греческого оригинала σποδὸν καὶ τέφραν. На первый взгляд, прямая корреляция **жератъкъ** ~ тѣфра «пепел» (Liddell – Scott 1996: 1784) не должна вызывать сомнений, однако тщательный анализ показывает, что реальная картина гораздо сложнее.

Сразу уточним один немаловажный момент. Лишённый контекста греческий фрагмент, процитированный Востоковым, будто бы перечисляет через союз «и» две разные субстанции. Однако в действительности речь идёт о парафразе отрывка из псалма (101, 8: ὅτι σποδὸν ὡσεὶ ἄρτων ἔφαγον), который характерным для Лествицы образом (Попова 2011: 57) в рито-

10 Остальной материал Миклошича связан с Лествицей. Это несомненно в случае разбираемой ниже цитаты из Востокова и крайне вероятно в случае болгарского Патерика XIV в. (пепелъ и жератъкъ, ср. 2.1.1).

11 В данном разделе мы опираемся на классификацию и датировку списков Лествицы Т. Поповой (2011), используя применяемые ей обозначения.

12 Это первая известная нам фиксация слова **жератъкъ**.

рических целях расширен синонимом: καὶ σποδὸν καὶ τέφραν ἀντὶ ἄρτου ἐσθίουτας.¹³

В славянском переводе на себя сразу обращает внимание асиндетон, который выделяется на фоне перевода других синонимических пар из данного списка Лествицы (цит. по Попова 2011: 57–58): “БЕЗ ВРЕМЕНЕ И БЕЗ ГОДА”, “Ѡ гарости и гнѣва”, “на опечаливѣшаго гнѣвати сѧ и гарити”, “позоръ грозньи и страшньи”, “бѧ немѣтва и немѣсрда Творѣща”. Материал доступных нам списков позволяет сделать предварительный вывод, что асиндетон характерен для самого старшего, «преславского» перевода (РО МГАМИД 452, л. 33; сюда же, конечно, относится и Рум. 198),¹⁴ в то время как в «сербском» (Волок. 463, л. 616) и «афонском» (МДА 152, л. 696) переводах в этой фразе мы находим союз *и*.¹⁵ Изменение в синтаксисе анализируемого фрагмента в самом старом переводе по сравнению с оригиналом, похоже, является результатом сложности перевода синонимической пары,¹⁶ что заставляет осторожно относиться к соответствию **жератъкъ** ~ τέφρα. Нам кажется весьма вероятным, что появление слова **жератъкъ** в данном случае было вызвано попытками переводчика найти синоним слову **пепелъ/попелъ** автономно на славянской почве, дабы сохранить риторический эффект. О самостоятельной работе переводчика над текстом, особенно в сфере передачи синонимов, убедительно свидетельствуют вводимые им «переводческие дублеты» (Попова 2011: 338–339).

Следует отметить, что хотя «сербский» и «афонский» переводы отличаются от «преславского» с точки зрения синтаксиса, они ничего не меняют в обсуждаемом фрагменте в плане лексики,¹⁷ несмотря на то, что в южнославянских языках слово **жератъкъ** постепенно исчезает под давлением синонимов. Мы склонны подозревать, что соответствие **жератъкъ** ~ τέφρα не вызывало нареканий переписчиков и авторов новых переводов, во-первых, в связи с редкостью греческого слова¹⁸ и отсутствием единообразия

13 Поскольку все доступные нам рукописи вводят фразу союзом *и* перед словом **пепелъ/попелъ**, есть основания полагать, что так было и в случае славянского протографа.

14 Ср. также ОСП II 2: 204; к сожалению, нам не удалось обнаружить эту рукопись в списке Поповой, поэтому не можем быть до конца уверены, что речь идёт о преславском переводе. В Трц. 10, л. 51 данная фраза полностью отсутствует.

15 К сожалению, мы не располагаем информацией о «тырновском» переводе. «Киевский» перевод (МДА доп. 6, л. 586) в анализируемой фразе содержит только слово **пепелъ**, расширяя её оборотом «или хлѣбъ посыпающе пепеломъ», не имеющим аналогии в других переводах.

16 Ср. комментарий: “There seems to be no difference in sense between σποδός and τέφρα [...]” (Liddell – Scott 1996 s.v. σποδός). Отметим, правда, что словарь не содержит материала интересующих нас памятников иудео-христианской культуры.

17 Те же выводы можно сделать о «тырновском» переводе на основании описания НБС 416 (ОЎР: 261), где упоминается форма «**жератокъ**».

18 В Септуагинте оно встречается 3 раза; его нет в Lampe 1961.

в его переводе,¹⁹ а во-вторых, из-за ложного авторитета более старых списков болгарского происхождения.²⁰

2.1.2 Книга Товита

В «Материалах...» Срезневского сразу после проанализированной цитаты и отсылки к Лествице идёт сокращение *Тов. VI 6*, отсылающее к книге Товита. В то же время известно, что перевод Книги Товита с греческого не сохранился, а в *Геннадиевской Библии* (1499 г.) перевод сделан с Вульгаты (Алексеев 1999: 197). К сожалению, данный текст для нас недоступен. Из *Елизаветинской Библии* (1751 г.) известны фразы “вѣзмѣши жерáтокъ ѿмѣи́мный” (Тов. 6,17), “ѿ възá жерáтокъ ѿмѣи́мный” (Тов. 8,2), которые соответствуют греческим λήψῃ τέφραν θυμιαμάτων, καὶ ἔλαβε τὴν τέφραν τῶν θυμιαμάτων; но славянское слово **жерáтокъ** было выбрано на основе какого-то другого языка, где оно скорее имело значение «горячая зола» (ср. Дроздов 1901: 55–57). Таким образом в данном случае соответствие с *тэфра* возникло не в результате непосредственного перевода с греческого, а скорее отражает две независимые линии перевода.

2.1.3 Мученичество святой Фотины

С обсуждаемым соответствием мы сталкиваемся и в апокрифическом житии святой Фотины, известном по болгарской версии Пролога XV в.: “**жерáтокъ съ лютымъ ѿцѣмъ смѣсити повелѣ**” (Яцимирский 1909: 123) ~ греч. *тэфра* συνδρυστάτω ὀξεὶ ἐνωθηῖναι.

Однако, как показывают многочисленные примеры из Прологов, средством пыток в описаниях мученичества считались именно раскалённые угли, что могло повлиять на указанное изменение в переводе. Кроме случаев, где **жератъкъ** соответствует греческому сочетанию *ἀνθρακες πυρός* и подобным, известны также случаи проникновения этого слова в

19 В славянских памятниках можно обнаружить минимум три соответствия греч. *тэфра*: 1. попель (Срезневский; СДЯ XI–XIV), 2. прахъ (Срезневский; СРЯ XI–XVII), 3. жератькъ.

20 Наконец следует упомянуть, что выражение, похожее на фразу из Лествицы, дважды встречается в одном отрывке в Великих Четьях-Минеях, куда оно, возможно, попало именно под влиянием произведения Иоанна Лествичника. Речь идёт о фрагменте, описывающем мученичество Тараха: “главъ его оброснѣше, попеломъ жератъкомъ посыплете” ~ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ ξυρήσαντες, ἀνθρακίαν ζέουσαν πυρώσατε αὐτήν; “бричемъ сдерѣте кожую главы его, и паки попеломъ жератъкомъ посыплете” ~ τῷ ξυρῷ τὸ δέρμα περιέλετε τῆς μιαρᾶς κεφαλῆς αὐτοῦ, καὶ ζεούσης ἀνθρακίας πληρώσατε αὐτήν (ВМЧ [12 X]). Выражение **попеломъ жератъкомъ**, по всей видимости, следует интерпретировать как именную конструкцию, в которой **жератъкъ** играет роль определения существительного **попель**. Данное словосочетание, конечно, описывает горячие угли, а не пепел. Этот пример демонстрирует, что понятность формулировок в данном случае была второстепенна. Интересно, что обсуждавшийся фрагмент Лествицы также включён в текст Великих Миней, хотя и в версии без асиндетона (GK), в афонском переводе (ср. Попова 2011: 224).

тексты, греческие оригиналы которых вовсе не содержат слов со значением «уголь», «жар» или «пепел». Помимо анализируемого ниже жития Еликоницы (см. 2.2), где в качестве перевода греч. πῦρ вместо ожидаемого *огнь* в части списков используется *жератокъ*, сюда также относится житие Агафоклии, в котором перевод был расширен фразой “сѣ *жераткомъ*”: “и *огнь сѣ жераткомъ на шію той посыпавши*” ~ πῦρ αὐτῇ κατὰ τοῦ τραχήλου ἐπένευκοῦσα (ВМЧ [17 IX]). Ещё один пример – это вторичное соответствие *жератъкъ* ~ σόρευμα «куча, груда» (Liddell – Scott), известное Миклошичу по сербской редакции Пролога XIV в. (1862–1865: 195); ср. примеры из ВМЧ:

- “и *жератокъ ѡгненный под нимъ посыпаи*” (ВМЧ [15 XII]; СРЯ XI–XVII 5: 75 – «горячая зола») ~ καὶ σόρευμα πυρὸς ὑποστρωθῆναι κάτωθεν;
- “*посыпавше же раткомъ жгущимъ*” (ВМЧ [15 XI]) ~ καὶ σόρευμα πυρὸς ἐπιτεθῆναι.²¹

В связи с этим мы полагаем, что единство содержания, композиции и стиля описаний мученичества влекло за собой и некоторую унификацию лексики, использование в схожих контекстах одних и тех же лексических средств, и именно так мы интерпретируем наличие слова *жератъкъ* в переводе жития св. Фотины.

2.1.4 Как показывает наш анализ, прямая конфронтация славянского текста с греческим оригиналом не всегда помогает адекватно описать значение славянского слова, поскольку при выборе того или иного слова переводчик мог руководствоваться большим количеством факторов, среди которых точное совпадение значения не всегда стояло на первом месте.^{22, 23}

21 Хотя текст ВМЧ демонстрирует определённые отклонения от оригинала, указанное соответствие не вызывает сомнений. Похожую ошибку в восприятии слова мы видим в ВМЧ [5 XI]: “пепель горящъ, яко жара токъ” ~ στακτὴ ζέουσα ὡς ἀνθρακία.

22 Слово *жератъкъ* дважды встречается также на месте греч. θεῖον, что побудило авторов словарей выделить значение «сера, смола» в соответствующих словарных статьях (уже Miklosich 1862–1865: 195):

- “да не *огнемъ и жераткомъ погружени бѣдѣмъ*” (= θεῖον; Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского, XIV век) (СДЯ XI–XIV 3: 250). Эта цитата приводится Срезневским под значением «пепель, зола, cinis», хотя он указывает непосредственный эквивалент θεῖον; тот же источник ещё раз упомянут под значением «сера», однако без цитаты;

- “Погрѣзи, аки въ мори, въ жератцѣ не токмо града два, но и ины грады” (Златая цепь, XIV век) (Срезневский 1: 861). Этот фрагмент требует дальнейших исследований. Септуагинта при описании уничтожения Содома и Гоморры содержит фразу θεῖον καὶ πῦρ (Быт. 19, 24).

23 В виде исключения фраза “Ѡ *пѣннаго жератка*” появляется в XVI в. в качестве перевода греч. ὀλὸν κακινίαν αἰθάλης (ОСР II 2: 96), что, однако, не привело к выделению нового значения в словарях. Ср. «Материалы...» Срезневского s.v. *възгарати*; СРЯ XI–XVII s.v. *возгарати*.

2.2 Пытки пеплом?

В Словаре древнерусского языка XI–XIV веков, так же, как в «Материалах...» Срезневского, первым значением слова **жератъкъ** даётся «пепел». В обоих источниках в качестве подтверждения такой интерпретации приводятся фрагменты описания мученичества из Прологов. Но, если у Срезневского помимо цитат, касающихся мученичества Дулы и Еликонида, при значении «пепел» присутствует и другой материал, то СДЯ ссылается исключительно на фрагмент о Дуле.

Мы считаем, что эти описания нужно интерпретировать по отдельности:

- (мученичество Дулы): “и **главѣ помазавше олъкъмъ и жораткомъ посыпаша**” (СДЯ XI–XIV 3: 250)²⁴ ~ καὶ ἄνθρακας πυρὸς ἐπ’ αὐτὴν ἐπιχέεται;
- (мученичество Еликонида): “**Жератокъ по всемоу тѣлоу посыпати**” (Срезневский 1: 861) ~ καὶ πῦρ φέρει καθ’ ὅλου τοῦ σώματος.

Отсюда следует, что при работе над соответствующими словарными статьями в обоих словарях не было произведено сравнения с текстами оригиналов; ошибочно, совершенно нелогично, если помнить, что речь идёт об описании пыток,²⁵ слову **жератъкъ** приписано значение «пепел». Кажется, в СДЯ оно взято из «Материалов...» Срезневского (хотя цитата взята из другого списка Пролога). Возможно, – в случае Дулы – ошибка возникла из-за ассоциации с обрядами помазания елеем и посыпания головы пеплом. Однако, если в контексте описания мученичества такая связь и существует, то только в качестве издевательств над этими обрядами со стороны пытающих.²⁶

В обоих случаях, конечно, мы имеем дело с раскалёнными углями. Однако отметим, что приведённый фрагмент славянской версии жития Еликонида документирует проникновение интересующего нас слова в описания мученичеств, греческие оригиналы которых совершенно не предполагают такого перевода.²⁷

2.3 Диалектный материал

Единственный надёжный пример со значением близким к обсуждаемому в данном разделе известен из польских говоров: *zożotek* ‘nie żarzące się, nie

24 У Срезневского аналогичный фрагмент цитируется по «Прол. и. публ. б.», датируемому вслед за Лавровским не позже XIII в.; однако s.v.v. **олен** и **синапъ** используется сокращение Жит. св. XIV в., при сохранении отсылки к Лавровскому s.v. **синапъ**. В СРЯ цитата появляется s.v. **синапъ** (24: 148).

25 Ср. однако фрагмент жития Фотины в пункте 2.1.3.

26 Ср. уже в Ветхом Завете: ἐὰν πεινᾷ ὁ ἐχθρὸς σου, τρέφε αὐτόν, ἐὰν διψᾷ, πότιζε αὐτόν· τοῦτο γὰρ ποιῶν ἄνθρακας πυρὸς σφωρεύσεις ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ (Притчи 25, 21–22), а также отсылку в Новом Завете: τοῦτο γὰρ ποιῶν, ἄνθρακας πυρὸς σφωρεύσεις ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ (Рим. 12: 20).

27 Ср. более точный перевод, содержащий слово **огнь** (πῦρ): “и **главоу кѣ постригоша. и огнь приати по всемоу тѣлоу**” (Пролог первой половины XIV в., л. 78в.). Текст предоставлен И. И. Макеевой.

dające już płomienia węgle' (Суллов, Красницкий повят – материал картотеки Словаря польских говоров ПАН).

Кроме того, нам встретились попытки классифицировать как «пепел» также русские диалектные континуанты **žeratykь*. С одним случаем мы сталкиваемся в СРНГ, где значение «пепел» приписывается слову *жарáток* в северодвинских и прионежских говорах (СРНГ 9: 75).

Источником для северодвинских говоров в СРНГ являются материалы Ф. Е. Клещина, собранные в деревне Окуловка Выйско-Тоемского района (в настоящее время – Окуловская Верхнетоемского района Архангельской области). Отсутствие доступа к оригинальным материалам Клещина не позволяет нам верифицировать эти данные непосредственно, тем не менее, необходимо обратить внимание на пример из соседней деревни Усть-Выйская («Жарáток какой большóй зары́ла»), на основании которого авторы Архангельского областного словаря выделили значение «горячие уголья», подтверждённое большим количеством примеров из других населённых пунктов (АОС 13: 212).

Как источник для прионежских говоров указывается статья Н. С. Шайжина «Говоры Прионежья». Однако данная работа не является полноценным лексикографическим исследованием, в ней проводится лишь попытка сопоставить диалектную лексику с лексикой древнерусских памятников. В том числе в ней сравнивается диалектное *жарáток* с «Лестницей»; выбор памятника и его списка XIV в. (Срезневский 1: 845)²⁸ несомненно мотивирован совпадением анлаута (*жа-*). В силу особенностей представления материала не вполне ясно, определяет ли как «пепел» Шайжин только древнерусское слово или и диалектное тоже. Кроме того, лишь в одном из диалектных источников, использованных Шайжиным, присутствует слово *жарáток*, а его значение – «место на шестке, куда сгребают горячий уголь» (Куликовский 1898: 22).

Добавим, что в значении «зола» слова *жаратка* и *жараток* действительно фиксируются лишь в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей», где материал происходит из двух из трёх говоров, учитываемых Шайжиным, т.е. пудожского («А жарáтка – это пепел») и каргопольского («Утром выгребаю жарáток из печи и в ведре вынесу») говоров (СРГК 2: 35). Являются ли эти примеры вполне надёжными – вопрос открытый. С одной стороны, у нас нет достоверных данных, говорящих об обратном, а единственная интерпретация данного слова в СРГК как субстанции с высокой температурой – *жаратки* «головёшки» (Медвежьегорский район). С другой стороны, как уже было показано в данной статье, неправомерное неразличение значений «пепел» и «горячие угли» не является большой лексикографической

28 Среди источников древнерусского материала, использовавшихся Шайжиным, только «Материалы» Срезневского содержат интересующее нас слово.

редкостью. Не может также не настораживать изолированность этих двух примеров, плохо подтверждённых конкретным материалом. Кроме того, за фразой «А жаратка – это пепел» может стоять ситуация, когда носитель пояснил собирателю значение диалектного слова через его не вполне точный синоним. Второй пример достаточно амбивалентен, без более широкого контекста не представляется возможным понять, что именно подразумевается под жаратком в данном случае. Не отрицая саму возможность семантического перехода «горячие уголья» > «пепел», мы полагаем, что его наличие в карельских говорах требует дополнительных доказательств.

Список примеров закрывает неточное сообщение Филиповича (1946: 45) о говоре галлиполийских сербов, где, якобы, слово *жиратак* означало мелкую субстанцию (лит. серб. «прах»), оставшуюся после сжигания дерева. Однако совершенно иную семантику предполагает более поздняя запись, сделанная Ивичем: “Нёка, не наложа́ва о́гња, у пёһу йма жиратка, һе се изгрёйје” (1957: 380).

3 КАРБУНКУЛЫ И СРЕДСТВА ОТ ПОХОТИ

Семантика древнечешских континуантов **žeratykъ* подробно разбирается в статье А. Черной (Černá 2003: 133–138). Она выделяет следующие четыре значения: (1) «раскалённые остатки топлива после сгорания (řeřavé zbytky hořiva)»; (2) «светлячок (světluška)»; (3) «некий вид драгоценного камня»; (4) «некая жидкость, средство от мужской похоти (?)». Предполагаемые инновационные значения (2–4) заслуживают подробного анализа, который мы постараемся дать ниже, причём значения «светлячок» и «некая жидкость, средство от мужской похоти» обсуждаются вместе.

- 3.1 Хотя континуанты псл. **žeratykъ* отсутствуют в современном чешском, значение «светлячок», калька с нем. *Glühwürmchen*, является единственным в словарях XIX века (Добровский, Юнгман, Котт), везде в виде *řeřátko*. Это значение отмечается уже в глоссах к *Mater verborum* в виде *sseratek* (к латинскому *cicendela*; у Черной ошибочно: *cicencela*)²⁹ и оно лучше всего задокументировано в древнечешских памятниках. Колебание между первичным мужским и вторичным средним родом засвидетельствовано уже в древнечешском. В связи с гипонимическим отношением значения «светлячок» к значению «маленькое/молодое существо», изменение формы анализируемого слова под влиянием форм на *-át-k-o* < **-et-ъk-o* (*kuřátko* «цыплёнок», *koťátko* «котёнок», *prasátko* «поросёнок») вполне естественно.

²⁹ Хотя многие глоссы к *Mater verborum* являются подделкой, произведённой В. Ганкой, данное слово – подлинное, что отмечали А. Патера и И. И. Срезневский (Патера – Срезневский 1878: 38–39, 98).

Вероятно, это же значение выступает в глоссе к лат. *noctiluca*, в контексте, где данное средство рекомендуется как противозачаточное: *si vis quod mulier non concipiat ... recipe noctilucas i. e. řeřátka* (рукопись М III, л. 125a, Пражский град). Этот отрывок перекликается со сведениями об abortивных свойствах светлячков в *Insectorum sive minimorum animalium theatrum* (Лондон, 1634): “Nam Cicindela fœmina intra mulæ [? – авторы статьи] matricem poſita, mulierem ſemper cum periculo prægnantem ſterilem reddit” (с. 115). Данный источник также позволяет верифицировать допущение Черной, относящееся к следующему примеру.

В переводе *De secretis mulierum* Псевдо-Альберта Великого *řeřátka* рекомендуется как средство от мужской похоти: *Také řeřátko, ktož je často pie, muže uplně uhasí* (LékŽen 27a). Черна, статья которой в значительной степени посвящена именно интерпретации данного отрывка, в итоге признаёт его неясным, хотя склоняется к тому, чтобы подозревать здесь значение «светлячок». Однако лишь следующая цитата убеждает нас в верности такой интерпретации: “Cicindelæ ex vino potæ, tædium vel faſtidium potiùs veneris adferunt” (*Insectorum ...*, с. 115).³⁰

В свете данных Черной следует констатировать, что формы среднего рода употребляются только в значении «светлячок». Остаётся надеяться, что в будущем сделанные выше выводы удастся верифицировать при помощи материала источников, географически и хронологически близких средневековым чешским рукописям.

- 3.2 Значение «вид драгоценного камня» (ср. Šimek 1911: 343) постулируется на основании следующего контекста из чешского перевода книги Джона Мандевиля: *A nad tiem domem stojíta dvě makovici, a to jsa karbunkuly nebo dva řeřátky, kterýžto tak veliký blesk vydávají a také světlo, že téměř v noci vešken ten kraj osvěcují* (CestMandA 215a). Заметим, что в немецком тексте в данном предложении не фигурируют никакие другие камни, кроме карбункулов. Этот факт позволяет сделать предположение, что *řeřátky* в данном случае не некий отличный от карбункулов вид драгоценного камня, а лишь

30 В этом месте автор ссылается в том числе на „Альберта“. Здесь следует привести фрагмент *Physica* Хильдегарды Бингенской, относящийся к латуку ядовитому (*Lactuca virosa* L.): “Sed etiam sive vir sive mulier qui in libidine incontinens est, wilde latiche in sole exsiccet, et ita in manu sua in pulverem redigat, et pulverem istum in calido vino sepe bibat, et libidinem in eo extinguit absque lesione corporis sui” (Hildebrandt, Gloning 2010: 106). Поскольку в пуристических версиях *Physica* вместо *wilde latiche* обнаруживается *silvestris lactuca*, можно предположить, что в сокращённых версиях похожего фрагмента в некоторых средневековых компиляциях распространилось ошибочное чтение слова *lactuca* «салат» как *noctiluca* «светлячок». Впрочем, известны и другие деформации в упомянутом фрагменте (**lenticula*?, ср. Lemaу 1992: 77, 171). Отметим, что во фрагменте, приведённом Черной, *řeřátka* помещено среди материалов растительного происхождения, что вряд ли было сделано чешским переводчиком.

пояснение, данное переводчиком латинизму *karbunkuly* (лат. *carbunculus* является прозрачным дериватом от *carbo* «уголь»), и то лишь в некоторых списках (ср. Šimek 1911: 145). Таким образом, по нашему мнению, *to jsa karbunkuly nebo dva řeřátky* следует читать скорее как «это карбункулы, *to есть* два уголька». Выбор именно *řeřátky* вместо, например, *uhlíky*, обосновывается контекстом («blesk vydávají a [...] světlo»).

Нелишним будет также упомянуть, что *řeřátek* фигурирует рядом с названием драгоценного камня ещё в одном памятнике (Lapidarium, XIV век): “Crisopasus Krysopasion jest světlý jako zlato, v noci sě svietí jako řeřátek, dobr jest k milosti” (Lapid 162r). Однако в данном случае *řeřátek* также обозначает не драгоценный камень, а выступает в значении «светлячок». На это указывает не только ярко-зелёный цвет хризопраза, но и уточнение, встречаемое в других списках: “Kryzopazon kámen jest světlý jako zlato, v noci sě svietí jako řeřátek črvek, dobr jest k milosti” (LékCzart 226; то же в LapidMuz 570). Здесь форма *řeřátek* поясняется при помощи слова *črvek*, вероятно, для того, чтобы читатель понял, что речь идёт о цвете не горячих углей, а насекомого, светлячка.

- 3.3 Таким образом древнечешские тексты дают основания уверенно говорить только о двух значениях континуантов **žeratyĥъ* – исконном «горячие угли» (как показывает предыдущий анализ, засвидетельствованном также в переводе книги Джона Мандевиля) и, вероятнее всего, скалькированном «светлячок».

4 Слц. *žaratok* (ПОЭТИЧЕСКИЙ ПОЛУФАНТОМ), *žerat'* (ФАНТОМ № 1)

- 4.1 В современном литературном словацком отмечается слово *žaratok*, -u ‘prúd’, с пометой «поэтическое» (SSJ 5: 787). Словарная статья SSJ содержит две цитаты из литературы: 1. “Už iba bystrín hučí žaratok” (М. Разус, *Bača Putera*; ср. также *Poézia, Súsedia*); 2. “A čiernou vlnou vteč v ten žaratok” (П. Орсаг-Гвездослав, *V jesennú polnoc*). Среди авторов, использовавших данное слово – также в первичном значении – можно назвать В. Роя (*Cez závoj, Kúzlo žeravej pahreby* – “Bolo v nej plno žaratoku zo suchého bukového dreva; tvoril kompaktnú pahrebu, ktorá žiarila nádherne”, *Náš Ikarus, Rosou a trním*). Подробный анализ значения слова *žaratok* в этих текстах выходит за границы нашей работы (поэтому мы не приводим более широких контекстов), хотя, без сомнения, эта проблема нуждается в особом внимании лексикографов. Большее значение для нас имеет вопрос, каким образом это поэтическое слово связано с сл. **žeratyĥъ*.

Раньше этих произведений, самые ранние из которых относятся к 1917 г. (*Súsedia* Разуса, *V jesennú polnoc* Гвездослава), было опубликовано стихотворение *K Váhu* И. Краско (1906), датированное 1899 г.: “Ó, premeň vodu v prúdy

lávyl/ a znič ho, slobodu kto dlávi,/ nech zhynie v žaratoku vrení!”. Это самое старое известное нам употребление данного слова в поэзии. Оно характеризуется, во-первых, отсутствием чередования *o* : *∅* (что мы находим и у остальных авторов), во-вторых – не вполне ясным значением. Можно предположить, что упомянутые поэты – в том числе уже немолодой Гвездослав – восприняли данное слово от Краско, не всегда понимая его изначальное значение (тут, возможно, сыграло роль кажущееся сходство второй части слова с дериватами от глагола *tiečť* «течь»). При этом следует обратить внимание на место рождения писателя: центральный Геме́р (Луковиштя, район Римавска Собота).

В ходе поиска по диалектным словарям мы обнаружили только одну точно локализуемую запись – она относится именно к центральному Геме́ру (Брусник, район Ревуца): *žerätok* ‘žeravé uhlie’ – “Nemisela som rano ohen roskladač, ešte od večera bú žerätok” (Orlovský 1982: 421).³¹ Убедительным аргументом в пользу наличия связи между приведёнными фактами является также следующая запись: *žeriatok* ‘řeřavé uhlí’(?) (Kálal 1923: 898);³² материал происходит из этнографической работы авторства П. Добшинского (Dobšinský 1880: 115): “Ked’ vrátil sa domov, sedelo jeho vlastnie diet’a na ohni-sku, krásne, červené ako žeriatok (žiaretok)”. Добшинский не уточнил, каков источник этого предложения, однако во введении к книге указал, что основной массив материала восходит к его родным краям, то есть к центральному Геме́ру (Славошовце, район Рожнява).

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что в XIX и XX вв. в словацком интересующее нас слово в значении соответствующем у псл. *žeratyky сохранилось исключительно в центральном Геме́ре, а в литературный язык оно попало через произведение И. Краско.

- 4.2 Вторым интересующим нас словом является *žerať*, *-te* (ж. р., устар.) ‘žeravé uhlie, pahreba’, якобы также из Добшинского (SSJ 5: 797). Однако в картотеке нет соответствующей карточки; её материал ограничивается цитатой из Ю. Мартинки: «... podloží sa v žeravnici donesená žerať ...» (*Predkovia*, 1941)³³ Это – по нашему мнению – искусственное образование (по сути гапакс) мы склонны объяснить следующей цепочкой событий: 1. лемматизация у Калала – как показывает поиск в Интернете (несколько записей) – причастия/прилагательного П. Добшинского *žeriaci* в виде инфинитива *žerať* (Kálal 1923: 898; ошибка исправлена на с. 992 игнорированием фиктивной леммы); 2. ошибочная интерпретация формы *žerať* в словаре Калала как существительного, сделанная Ю. Мартинкой при стилизации языка в истори-

31 Согласно информации, полученной от М. Хохолы, оригинальная запись в картотеке SSN выглядит следующим образом: *Nemisela som roskladadž ohen, ešte od večera bú žerätok, с -ä-*, а также определением значения ‘žeravá pahreba’.

32 Бачванский материал из записей В. М. Гнатюка мы здесь опускаем, см. пункт 1.1.

33 Информация сообщена М. Хохолом.

ческом произведении; 3. включение примера из Мартинки в картотеку SSJ; 4. ошибочная отсылка в SSJ к Добшинскому на основании глагольной леммы Калала с опорой на «фактический» материал из Мартинки (пропущенный в словаре).

Эту достаточно спекулятивную гипотезу, конечно, можно фальсифицировать, например, если бы удалось найти запись существительного в произведении, предшествующем публикации словаря Калала.

5 БЛР. *жаржаратак* (ФАНТОМ № 2)

В «Лексическом атласе белорусских народных говоров» упоминается будто бы редулицированная форма *жаржаратак* «дробны пасечаны жар» (ЛАБНГ 4: 48). Однако её реальность вызывает серьёзные сомнения. В этом случае ЛАБНГ, по всей видимости, использует те же данные, что и «Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча»: записи, сделанные Е. М. Романович и А. И. Чабярук в деревне Жодишки Сморгонского района, поскольку толкование ЛАБНГ дословно совпадает с контекстом из СПЗБ: «Жаратак – дробны, пасечаны жар; у ямку зграбаюць жаратак» (СПЗБ 2: 141). В другом томе СПЗБ мы находим ещё один контекст, записанный в том же пункте, и в нём мы находим лишь *жаратак*: “Дзе прыпячак, там ямка, туды жаратак зграбаюць” (СПЗБ 4: 154). Наконец, *жаржаратак* является гапаксом, нигде за пределами ЛАБНГ не встречающимся.³⁴ Всё это заставляет видеть в форме *жаржаратак* лексикографический фантом, вызванный неверным пониманием рукописной записи вопроса собирателя («жар») и предполагаемого ответа информанта («жаратак») или двух ответов информанта («жар, жаратак»)³⁵: мы предполагаем, что остался незамеченным пробел между записью слов «жар» и «жаратак». Несмотря на то, что Е. М. Романович и А. И. Чабярук являются соавторами ЛАБНГ, конкретно над картой №89 в данном томе они не работали, её составлял И. Я. Яшкин.

6 ПОЛ. *żarzatek* (ФАНТОМ № 3)

В среднепольской литературе интересующее нас слово встречается, насколько нам известно, лишь однажды, в Брестской Библии 1563 года: “Táko wágl w rzeżatku á drwá ná ogniu/ thák człówiek swarliwy łatwie roznieći zwáde” (SP XVI 36: 329 в словарной статье *roznieći*) (Притчи 26, 21: *Sicut carbonēs ad prunas, et ligna ad ignem, sic homo iracundus suscitāt rixas*). Впервые данная форма была

³⁴ Поскольку ту же форму мы находим в индексе, речь не идёт об ошибке при наборе (ЛАБНГ 4: 140).

³⁵ По данным ЛАБНГ, в Жодишках зафиксирована и форма «жар» (ЛАБНГ 4: 47).

выписана С. Линде (Linde¹ 3: 174), снабдившим эту лексему астериском.³⁶ Во втором издании словаря была введена конъектура *žerzatek* (s.v. *rzeżatek*) (Linde² 5: 197), которая затем была ошибочно оформлена в словарную статью *žarżatek* (Linde² 6: 883); ср. также *zarżatek* в отрывке *Domówienie* (Linde² 6, без пагинации): “Zwracaliśmy też sami baczość na usterki lub niedokładności autora, i to, co się nam w tej mierze stosownem wydawało dokładaliśmy w nawiasach. Tego rodzaju dodatki znajdują się w następujących słowach: [...] *zarżatek* [sic! – авторы статьи] [...]”). Оттуда эта форма попадает в так называемый «Варшавский словарь» (SJP 8: 695, словарная статья *żarzewie*) в виде *rzeżatek* («старопольское») и *žerzatek* («редко используемое»). Таким образом гапакс, отмеченный в Брестской Библии, лёг в основу фиктивной леммы, попавшей даже в работы по компаративистике (ср. Vaillant 4: 702).

7 УКР. жері́й (ФАНТОМ № 3)

В этимологической литературе встречается укр. диал. слово *жері́й* «синее полум’я» (ЕСУМ 2: 194; Черниш 2013: 135); материал ЕСУМ, цитируемый по словарю Яворницкого («синее пламя надъ горящими углями», Яворницкий 1: 222), был взят из «Медіцинського словничка» П. Адаменко, изданного в 1917 году в Могилёве-Подольском. Однако первоначальным источником слова, кажется, является первое издание словаря Б. Гринченко: *жері́й* «синее пламя надъ горящими угольями» (Гринченко 1: 520). Нельзя не отметить, что словарная статья находится между *жесвжичок* и *жесврїти* и, скорее всего, его форма является результатом ошибки наборщика; в издании 1958 года данная форма исправлена на *жесврї́й*. Добавим, что пока что слово *жесврї́й* (*жері́й*) не находит каких-либо подтверждений в диалектном материале. Абстрагируясь от генезиса украинского корня *жесвр-* и самого слова *жесврї́й*, форму *жері́й* следует признать ещё одним лексикографическим фантомом.

8 ЭТИМОЛОГИЯ

Единственным надёжным моментом при этимологическом анализе слова *žeratykь является идентификация корня и аблаута его вокализма: без сомнения, мы имеем дело со ступенью *e* корня *g^uher- «нагреваться» (LIV²: 219).³⁷ Следует обратить внимание на факт, что в истории славянского словообра-

36 “* jedna gwiazdeczka u góry piérwszyéy litery słowa, oznacza, że słowo to, lub wcale nie, lub przynajmniej w przytoczonym kształcie albo znaczeniu, dziś nie iest używane” (Linde¹ 1, без пагинации, на странице, предшествующей основной части словаря).

37 Сразу следует отбросить возможность связи с морфемой *g^uerh₃- «поглощать»: псл. *žerti/žyrati (1 sg. žerq) «поглощать» (LIV²: 211) несмотря на существование случайных семантических сходств (польск. żrący «едкий, жгучий»).

зования ступень *e* не была функционально нагружена, т.е. не служила для отличия деривата от производящей основы; если эта ступень появляется в деривате, можно полагать, что она привнесена в него из мотивирующего слова. В связи с этим желательно произвести поиск слов, содержащих тот же алломорф, и отказаться от мысли о непосредственной словообразовательной связи со словами, содержащими другие засвидетельствованные алломорфы (**gr-*, **gъr-*, **gor-*, **gar-*, **žar-*).

Круг таких слов достаточно узок. Попытки реконструкции глагольной морфемы **žer-*, ожидаемой в индоевропеистической перспективе (ср. LIV²: 220), к сожалению, неубедительны (ср. Варбот 2011: 297).^{38, 39} Соотнесённость фитонима **žer'(j)ucha* с каким-то конкретным корнем тоже находится под вопросом (ср. ЕСУМ 2: 195). Фактически, единственным надёжным примером является прилагательное **žer'(j)awъ(jb)* и его дериваты (составляющие в разных концах славянского мира семантическую конкуренцию слову **žeratъkъ*). Разумеется, это прилагательное не может считаться производящей основой для **žeratъkъ*; однако оно может помочь в поиске словообразующей основы.

Параллельно с идентификацией основы следует решить проблему морфологического членения слова: **žeratъkъ* или **žera-tъkъ*? Производное от прилагательного **žeratъ(jb)* предполагал А. Вайан (Vaillant 4: 702), но он ошибочно выделил формант *-*тъkъ* вместо *-*ъkъ* (ср. ЭСБМ 3: 212); к этой версии мы вернёмся ниже. С членением **žera-tъkъ* соглашался Р. Эккерт. По его гипотезе, *-*тъkъ* является примером тематизации при помощи *-*k-* старого суффикса *-*tu-*,⁴⁰ при параллельной тематизации *-*nu-* в *-*нъk-* (Эккерт

38 Рассматриваемый учёной древнерусский материал традиционно связывается с корнем **gъerH-* «высказывать одобрение» (LIV²: 210), а первоначально засвидетельствованной ступенью аблаута всего славянского гнезда безусловно следует считать ступень редукции (ср. материал SJS 1: 615; там же отмечается ещё несколько возможных континуантов **žerC-* в более поздних памятниках).

39 Следует также отбросить возможность реконструкции **žerēti* (1sg. *žer'o*) «тлеть». Словенский материал Плетершника (*žeretī*) географически нелокализован и вокализм первого слога в этом случае может быть вторичен. В словацком материале Добшинского (*žeriaci*, см. 4.2), мы, вероятно, имеем дело с перегласовкой после *ž*. Наконец, имеется также чеш. диал. *žīreti*, якобы из **žerēti* (Schuster-Šewc: 1806) и бачванское жірі́ячка. Однако все эти примеры не дают достаточного основания для реконструкции такого глагола.

40 Параллельный процесс осуществился в литовском, причём суффикс *-*tuk-* является продуктивным: *piešti* «рисовать» – *pieštukas* «карандаш», *klāusti* «спрашивать» – *klaustukas* «вопросительный знак». Отрембский, сопоставляя лит. *vytūkas* «моталка» и ст.-сл. съвитькъ «свиток», постулирует, что мы имеем дело с балто-славянским словом и формант *-*tuk-as/-tъkъ* мог появиться путём вставки *-*t-* для устранения зияния (Otrębski 2: 282–283). На наш взгляд, оснований для такого утверждения нет: литовское и славянское слово не вполне соответствуют друг другу как семантически, так и формально, оба образованы по сравнительно продуктивной модели, то есть могут быть независимыми параллельными образованиями, наконец, известно, что *-*t-* могло быть вставкой, позволяющей избежать зияния, однако это практически исключительно звукоподражания (**xoxotati*, **gogotati* и др.).

1963: 69–74). Неотглагольными дериватами с формантом **-тъкъ* являются по Эккерту ц.-сл. *полоуѣтъкъ* «половина», ст.-сл. *лихотъкъ* «избыток, изобилие», сюда же он относит собственно *жератъкъ* (Эккерт 1963: 69) и *сланоуѣтъкъ* (Эккерт 1963: 73); мы полагаем, что из этих слов лишь *жератъкъ* может быть восстановлен для праславянского⁴¹. Древнейшие производные на **-тъ(-)къ* образованы от приставочных тематических глаголов (тип *избытъкъ*, ср. Vaillant 4: 301–302), для большей части которых – в связи с подвижным ударением – характерны причастия на **-t- < *-to-* (хотя встречаются и древние дублеты на **-нъкъ*, ср. Vaillant 4: 302). В то же время, хорошо известно, что формант **-ъкъ* служил для субстантивации и других именных частей речи, например, **bělъ* «белый» > **bělъкъ* «белок» (ср. SP 1: 93).

Ввиду вышеизложенного, в дальнейшем мы исходим из членения **žerat-ъk-ъ*. По нашему мнению, оснований для отглагольной интерпретации происхождения морфемного комплекса **žerat-* нет: во-первых, – как уже было сказано – обнаружить глагольный алломорф **žer-* в обсуждаемом этимологическом гнезде невозможно, во-вторых, глагольная основа ***žer-a-* была бы совершенно изолирована с точки зрения структуры,⁴² а причастие от такой основы должно было бы иметь суффикс **-n-*, а не **-t-*.

То, что алломорф **žer-* – помимо интересующего нас слова – ограничивается гнездом прилагательного **žer(′)awъ(jъ)*, имеет большое значение в контексте случаев «синонимичности» суффиксов **-at-* и **-aw-* в сфере десубстантивной деривации. Наиболее показательны примеры **gъrba-tъ(jъ)/*gъrbawъ(jъ)* «горбатый» (ЭССЯ 7: 198–199) и **borda-tъ(jъ)/†borda-wъ(jъ)*. Последнее прилагательное можно восстановить на основании дериватов **bordawica* и **bordawka* (ЭССЯ 2: 198–200); эти два слова являются важной параллелью для **žeratyкъ*: в обоих случаях создается впечатление, что в данном гнезде должны были сосуществовать прилагательные на **-at-* и **-aw-*, но в каждом случае реально засвидетельствовано только по одному

41 Заметим, что *лихотъкъ* является гапаксом и переводит в Супрасльской рукописи *úter-boŭŭ*, при этом “*лихъ*” как наречие соответствует *úter* (SJS 2: 125). Нельзя не согласиться с ESJS, что оно может построено по аналогии с *избытъкъ* (ESJS 7: 422). Слово *сланоуѣтъкъ* «нут» также встречается в Супрасльской рукописи, а позже также в форме *сланотокъ* в Лобковском паримейнике (SJS 4: 108). Эккерт предлагает и другую версию для неотглагольных дериватов: он выдвигает предположение, что *лихотъкъ* можно вывести из **lixota*, расширенного посредством **-ъкъ*, соответственно, *полоуѣтъкъ* сопоставляется со слвн. *roluta* (Эккерт 1963: 73). Сложность со словом *лихотъкъ* «избыток, изобилие» заключается в том, что семантика **lixota* противоречит возможности такой деривации (ЭССЯ 15: 95–97). При этом **žeratyкъ* в такую модель не слишком хорошо укладывается в силу вокализма второго слога. Чтобы обойти эту проблему, Эккерт постулирует влияние **žerawъ* (Эккерт 1963: 74). Так же, как и в предыдущем случае, эта версия натывается на поздний, постпраславянский характер таких производных.

42 Не считая вторичного **žel-a-ti*, помимо **žel-ě-ti*. Если корень на сонорный расширял основу инфинитива суффиксом **-a-*, обычно мы находим в этом корне нулевую ступень (**bъrati*, **gъnati*, **stъlati* и т.д.).

прилагательному: **žer'(a)awъ(jb)* и **bordatъ(jb)*. Так или иначе, мы склонны реконструировать незасвидетельствованное прилагательное *†žeratъ(jb)* «имеющий жар, жаркий» (как **bordatъ* «имеющий бороду»).⁴³ Не вполне ясно, можно ли как аргумент в пользу этой гипотезы трактовать вариативность [r]/[r'] засвидетельствованных континуантов **žeratъkъ* (см. пункт 1.2; ср. **okatъ(jb)/*očatъ(jb)*, **uxatъ(jb)/*ušatъ(jb)*).

Последним этапом является идентификация первоначального мотивирующего слова. По всей видимости, речь идёт о незасвидетельствованном слове, реконструкция которого должна предполагать наименьшее количество допущений. Интуитивно ощущаемая связь прилагательного *†žeratъ* с существительным **žarъ* требует реконструкции корневой основы: акростатической «нартеновского» типа (**g^{uh}er-* в слабых падежах, **g^{uh}ēr-* – в сильных) или амфикинетической (**g^{uh}er-* в сильных падежах, кроме *nom.sg.*, а также в *loc.sg.*, **g^{uh}ēr-* в *nom.sg.* по закону Семереньи). Хотя предположение о подобном происхождении псл. **žarъ* уже было сделано Ф. Кортландтом ('consonant stem', Kortlandt 1975: 72), мы считаем, что реконструкция корневой основы исключительно на основании косвенных славянских данных слишком проблематична.

Мы полагаем, что перспективнее было бы искать среди слов, засвидетельствованных в других индоевропейских языках. Хорошим кандидатом является существительное на **-es-*, реконструируемое на основе др.-инд. *háras-* «жар(?)», гр. *θήρος* «лето; урожай, жатва» а также, возможно, арм. *jer* «тепло» и алб. (старогегское) *zjarrë* «огонь» (NIL: 196): **g^{uh}ér-os-* «жара, жар» > псл. *†žero* «жар». Добавим, что в этот морфологический тип в праславянском также входили конкретизированные абстрактные существительные, производные от глагольных корней, например. **čelo* (*gen.sg. čelese*) «лоб» (внутренняя форма: «нечто поднятое, выдвинутое»; от корня **kelH-* «возвышаться, торчать», LIV²: 349).⁴⁴ Нельзя быть уверен-

43 Мы полагаем, что нельзя рассматривать в качестве свидетельств рус. формы *жаратникъ* (1686 г.; СРЯ XI–XVII 5: 7), диал. *жєратник*, *жєратни́к*, *жєратница*, *жєратничек*, *жєратá*, *жєратушка* (АОС 13: 211; СРКГ 2: 35; СРНГ 9: 75) и с.-х. *žeratica* (гапакс, 1616 г., RHISJ 23: 337), так как данные слова, скорее всего, являются обратными дериватами от **žeratъkъ*, поскольку суффикс *-ъk-* в данном слове мог быть переосмыслен как диминутивный.

44 Препятствием для реконструкции основы на **-es-* иногда считается необычная отнесённость этого слова к акцентной парадигме *b*. Однако – если обратиться к другим, более распространённым морфологическим типам – малое количество слов в а.п. *b* по сравнению с а.п. *a* и *c* не является чем-то исключительным (ср., например, тип на **-i-*); впрочем, а.п. *a* среди существительных на **-es-* встречается не чаще: единственный надёжный пример – это **čido*. В пользу абстрактного существительного на **-es-*, однако, говорит ступень аблаута корня. Мы считаем неубедительными дополнительные доводы ЭССЯ (ЭССЯ 4: 46) против такой реконструкции. Во-первых, в словарной статье пропущена полабская форма дв.ч. *cilēsai* (ср. SP 2: 127–128). Во-вторых, строение дериватов – вопреки интерпретации ЭССЯ – не только не противоречит первичности типа на **-es-*, но даже поддерживает её: псл. **čel'ustъ* «челюсть, пасть» < **kelH-* «возвышаться, торчать» + **-i-* +

ным в том, что следующие прилагательные можно считать параллельными *†žeraty(jь)* дериватами от основы на **-es-*: **čelatъ(jь)*, **okatъ(jь)/*očatъ(jь)*, **ixatъ(jь)/*ušatъ(jь)*. Во-первых, вызывает беспокойство необходимость снова обращаться к прилагательным, производным от существительных определённой семантической сферы, названий частей тела (ср. выше комментарии о параллельности **-at-* и **-aw-*). Во-вторых парадигма слов **oko* и **uxo* носила смешанный характер, поэтому существует возможность, что эти прилагательные не воспринимались как дериваты от основ на **-es-*. В-третьих, задокументированные рефлексy названных прилагательных могут быть более поздними дериватами от основ, уже утративших связь с типом на **-es-*. Все эти факторы, однако, не исключают возможности такой деривации уже на праславянском уровне.

В конечном итоге мы полагаем, что для этимологизирования псл. **žeratyǫ* «жар, горячие угли» следует реконструировать существительное *†žero* (gen.sg. *žerese*) «жар» и производное от него прилагательное *†žeraty(jь)* «имеющий жар, жаркий».45 Псл. **žeratyǫ* мы, тем самым, считаем результатом субстантивации указанного прилагательного при помощи суффикса **-ькъ*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев 1999** = Анатолий Алексеевич Алексеев, *Текстология славянской Библии*, Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999.
- АОС** = *Архангельский областной словарь* 13, Москва: Наука, 2010.
- БЕР** = *Български етимологичен речник* 1, София: Издателство на Българската Академия на науките, 1971.
- Варбот 2011** = Жанна Жановна Варбот, Праслав. **žerti*, **žьrьq* «приносить в жертву», *Исследования по русской и славянской этимологии*, Санкт-Петербург: Нестор-История, 295–297.
- Верхратський 1894** = Иван Григорович Верхратський, *Говор замішанців, Записки Наукового товариства ім. Шевченка* 3, Львів, 1894, 153–210.
- ВМЧ** = *Великие Минеи Четы, собранные всероссийским митрополитом Макарием* 1–14, Санкт-Петербург – Москва, 1868–1917.
- Востоков 1858** = Александр Христофорович Востоков, *Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики*, Санкт-Петербург, 1858.
- ВП** = *Вукова преписка* 1, Београд, 1907.

- **h₃oust-* «рот» (= «выдвинутый, поднятый рот») представляет архаичный тип сложения по «системе Каланда» с интерфиксом **-i-*, который коррелировал с определёнными именными суффиксами, присоединявшимися к первой части сложения; **-es-* как раз является одним из таких суффиксов (Rau 2009: 67; этот пример, наряду с **drьkolь* «дубина», свидетельствует о том, что в праславянском такие сложения носили эндоцентрический характер (т. е. значение словосложения является суммой значений производящих основ).
- 45 Стоит отметить, что апеллатив (!) **žarъ* фиксируется в отдельных славянских языках поразительно поздно, хотя проекция этого слова на прауровень не подлежит сомнению. Тем меньше должен удивлять факт, что реликтовое слово *†žero* до нас не дошло ни в каком виде.

Гнатюк 1908 = Владимир Михайлович Гнатюк, Весіле в Керестурі (бачбодрогської столиці, в полудневій Угорщині), *Матеріали до українсько-руської етнології* 10, Львів, 1908, 30–81.

Дзендзелівський – Ганудель – Головацький 1982 = Йосип Олексійович Дзендзелівський – Зузана Ганудель – Яків Федорович Головацький, *Словник української мови*, Пряшів, 1982.

Грінченко = Борис Грінченко, *Словарь української мови* 1, Київ, 1907.

ГСБМ = *Гістарычны слоўнік беларускай мовы* 9, Мінск: Навука і тэхніка, 1989.

Дерягин 1968 = Виктор Яковлевич Дерягин, Из истории лексических изоглос в говорах Архангельской области, *Этимология* 1966, Москва, 1968, 167–188

Дроздов 1901 = Николай Михайлович Дроздов, *О происхождении Книги Товита*, Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1901.

ЕСУМ = *Етимологічний словник української мови*, Київ: Наукова думка, 1985.

Ивић 1957 = Павле Ивић, *О говору галиполских Срба*, Београд: Научна књига, 1957.

ІСУЯ = *Історичний словник українського язика* 1, з. 2, Харків – Київ: Українська радянська енциклопедія, 1932.

Куликовский 1898 = Герман Илларионович Куликовский, *Словарь областного олонечкого наречия в его бытовом и этнографическом применении*, Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1898.

ЛАБНГ = *Лексичны атлас беларускіх народных гаворак* 4, Мінск: Мінская друкарская фабрыка, 1997.

МСММГ 1974 = *Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак*, Мінск: Выдавецтва БДУ, 1974.

Мызников 2010 = Сергей Алексеевич Мызников, *Русские говоры Беломорья*, Санкт-Петербург: Наука, 2010.

НОС = *Новгородский областной словарь*, Санкт-Петербург: Наука, 2010.

ОСР = *Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, Отдел второй, Писания Святых Отцев* 2, Москва: В Синодальной типографии, 1859.

ОЋР 1986 = Љубица Ћорђевић – Мирослава Гроздановић-Пајић – Луција Цернић, *Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије* 1, Београд, 1986.

Патера – Срезневский 1878 = Адольф Патера Патера – Измаил Иванович Срезневский, *Чешские глоссы в Mater verborum*, Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1878.

Петров 1932 = Алексей Леонидович Петров, *Духовно-полемические сочинения Иерея Михаила Оросвиговскаго Андреллы против католическа и унии: тексты*, Praha, 1932.

Попова 2011 = Татьяна Попова, *Лествица Иоанна Синайского в славянской книжности*, Saarbrücken: LAP, 2011.

РКБ XVII = *Речник на книжовния български език на народна основа от XVII век (върху текст от Тихонравовия дамаскин)*, София, 2012.

СДЯ XI–XIV = *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)* 3, Москва: Русский язык, 1990.

СПЗБ = *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе награнічча* 2, Мінск: Навука і тэхніка, 1980.

СРГК = *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* 2, Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995.

СРГС = *Словарь русских говоров Сибири*, т. 1, ч. 2, Новосибирск: Издательство СО РАН, Научно-издательский центр ОИГТМ СО РАН, 1999.

Срезневский = Измаил Иванович Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка* 1, Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1893.

СРНГ = *Словарь русских народных говоров* 9, Ленинград.: Наука, 1972.

СРПДС = *Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житейная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль I: текст и комментарии*, Москва, 2010.

СРЯ XI–XVII = *Словарь русского языка XI–XVII вв.* 5, Москва: Наука, 1978.

СУМ XVI–XVII = *Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.* 9, Львів, 2002.

- Сцяшковіч 1983** = Таццяна Філіпаўна Сцяшковіч, *Слоўнік Гродзенскай вобласці*, Мінск: Навука і тэхніка, 1983.
- Филиповић 1946** = Миленко Филиповић, *Галипольски Срби*, Београд, 1946.
- Черниш 2013** = Тетяна Олександрівна Черниш, Л. А. Булаховський і проблеми історико-етимологічного дослідження української мови (до походження укр. жевріти), *Мова і культура* 3, вип. 16, Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2013, 134–138.
- Эккерт 1963** = Райнер Эккерт, Основы на -й- в праславянском языке, *Ученые записки института славяноведения* 27, Москва: Издательство АН СССР, 1963, 3–133.
- ЭСБМ** = *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* 3, 9, Мінск: Беларуская навука, 1985, 2004.
- ЭССЯ** = *Этимологический словарь славянских языков* 2, 4, 7, 15, Москва: Наука, 1975, 1977, 1980, 1988.
- Яворницький** = Дмитро Іванович Яворницький, *Словник української мови* 1, Катеринослав: Слово, 1920.
- ЯОС** = *Ярославский областной словарь* 4, Ярославль: Издательство ЯГПИ, 1985.
- Яцимирский 1909** = Александр Иванович Яцимирский, К истории апокрифов и легенд в южно-славянской словесности (Продолжение), *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук* 14, Санкт-Петербург, 1909.
- Beekes 2010** = Robert S. P. Beekes – Lucien van Beek, *Etymological Dictionary of Greek*, Leiden – Boston: Brill, 2010.
- Budziak 2014** = Anna Budziak, *Rękopiśmienna spuścizna słownikarska Iwana Wahylewycza*, Kraków, 2014.
- Černá 2003** = Alena M. Černá, *Možnosti a meze využití kontextu při sémantické analýze staročeských lexikálních jednotek*, *Naše řeč* 86 (2003), č. 3, 133–138.
- Dobšinský 1880** = Pavol Dobšinský, *Prostonárodné obyčaje, povere a hry slovenské*, Turč. sv. Martin, 1880.
- ESJS** = *Etymologický slovník jazyka staroslovenského* 11, Praha: Academia, 2002.
- EWU** = *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*, Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993–1994.
- Flajšhans 1928** = Václav Flajšhans, *Klaret a jeho družina II: texty glosované*, Praha, 1928.
- GK** = *Die grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij (Белікіе Минеи Четьи). Uspenskij spisok (Успенский список)*, Bd. 3. 26. – 31. März, Freiburg i. Br.: Weiher, 2001.
- Hildebrandt – Gloning 2010** = Reiner Hildebrandt – Thomas Gloning, *Hildegard von Bingen: Physica. Liber subtilitatum diversarum naturarum creaturarum. Textkritische Ausgabe I: Text mit Berliner Fragment im Anhang*, Berlin – New York, 2010.
- Kálal 1923** = Karel Kálal – Miroslav Kálal, *Slovenský slovník z literatúry aj nárečí*, Banská Bystrica, 1923.
- Kortlandt 1975** = Frederik H. H. Kortlandt, *Slavonic Accentuation*, Lisse: The Peter de Ridder Press, 1975.
- Lampe 1961** = Geoffrey W. H. Lampe, *A Patristic Greek Lexicon*, Oxford: Clarendon Press, 1961.
- Lemay 1992** = Helen R. Lemay, *Women's Secrets: A Translation of Pseudo-Albertus Magnus' De Secretis Mulierum with Commentaries*, Albany, NY: State University of New York Press, 1992.
- Liddell – Scott** = Henry Liddell – Robert Scott, *A Greek-English Lexicon*, Oxford: Clarendon Press, 1996.
- Linde¹** = Samuel Bogumił Linde, *Słownik języka polskiego* 1, 3, Warszawa, 1807, 1812.
- Linde²** = Samuel Bogumił Linde, *Słownik języka polskiego* 5, 6, Lwów, 1859, 1860.
- LIV²** = *Lexikon der indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstammgebildungen*, unter Leitung von Helmut Rix bearbeitet von Martin J. Kümmel u. a., Wiesbaden: Reichert, 2001.
- Lubicz 1892** = Rafał Lubicz, *Przyczynki do nowego słownika języka polskiego, Prace filologiczne* 4 (1892), 173–279.
- Martirosyan 2010** = Hrach K. Martirosyan, *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*, Leiden – Boston: Brill, 2010.

- Miklosich 1850** = Franz Miklosich, *Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti*, Vindobona: apud Gulielmum Braumüller c. r. bibliopolam aulicum, 1850.
- Miklosich 1862–1865** = Franz Miklosich, *Lexicon paleoslavico-graeco-latinum*, Vindobona: Guillemus Braumueller, 1862–1865.
- MNA** = *A Magyar nyelvjárás atlasza* II, Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970.
- NIL** = Dagmar S. Wodtko – Britta Irslinger – Carolin Schneider, *Nomina im Indogermanischen Lexikon*, Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2008.
- Orlovský 1982** = Jozef Orlovský, *Gemerský nářečový slovník*, Martin: Osveta, 1982.
- Otrebski** = Jan Otrebski, *Gramatyka języka litewskiego* 2, Warszawa: PWN, 1965.
- Rau 2009** = Jeremy Rau, *Indo-European Nominal Morphology: The Decads and the Caland System*, Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität Innsbruck, 2009.
- Reiff** = Charles Ph. Reiff, *Dictionnaire russe-français, dans lequel les mots russes sont classés par familles, ou dictionnaire étymologique de la langue russe* 1, Санкт-Петербург, 1835.
- RHiSJ** = *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* 23, Zagreb: JAZU, 1975–1976.
- Schuster-Šewc** = H. Schuster-Šewc, *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und nider-sorbischen Sprache* 23, Bautzen: VEB Domowina-Verlag, 1989.
- SEK** = Wiesław Boryś – Hanna Popowska-Taborska, *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny* 4, Warszawa, 2002.
- SJP** = Jan Karłowicz – Adam Kryński – Władysław Niedźwiedzki, *Słownik języka polskiego* 8, Warszawa, 1927.
- SJS** = *Slovník jazyka staroslověnského*, Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1958–1983.
- SP** = *Słownik prasłowiański* 1–2, Wrocław i in., 1974, 1976.
- SP XVI** = *Słownik polszczyzny XVI wieku* 36, Warszawa: IBL PAN, 2012.
- SSJ** = *Slovník slovenského jazyka* 5, Bratislava: Vydavateľstvo slovenskej akadémie vied, 1965.
- Šimek 1911** = František Šimek, *Cestopis t. zv. Mandevilla*, Praha, 1911.
- Šumavský 1859** = Josef Franta Šumavský, *Словарь языка словенского шести главных наречий: русского, болгарского, церковного, югославянского, чешского и польского* 1, Praha: Carl Bellmann's Verlag, 1859.
- Tiktin** = Heimann Tiktin, *Rumänisch-deutsches Wörterbuch* 2, Wiesbaden: Harrassowitz, 32003.
- ÚMT** = *Új magyar tájszótár* 5, Budapest: Akadémiai Kiadó, 2010.
- Vaillant** = André Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves* 4, Lyon: Editions IAC, 1974.

POVZETEK

Praslovansko *žeratyкъ: beseda kot vrh ledene gore

Pomen praslovanske besede *žeratyкъ se zanesljivo vzpostavlja kot 'žareče oglje'. Prav ta pomen ima večina kontinuantov *žeratyкъ v posameznih slovanskih jezikih. Natančna analiza je pokazala, da csl. жератыкъ kljub mnenju vrste leksikografov ni pomenilo '(mrzli) pepel' in da zelo verjetno to velja tudi za ruska narečja (s tem da je to vprašanje treba dodatno preveriti).

Staročeški kontinuant za *žeratyкъ so imeli, kakor vse kaže, samo dva pomena: 'žareče oglje; kresnička' spet v nasprotju s predhodnimi leksikografskimi opisi.

V zvezi z analizirano besedo se ugotavlja cela vrsta fantomov. Mednje spada slš. žerati, belorus. žaržaratak, polj. żarzątek in ukr. žerij. Nerazumevanje je povzročilo spremembo pomena besede žaratok v slovaški poeziji.

Etimološka analiza leksema *žeratyкъ zadeva ob vrsto težav. Avtorja članka vidita v njem rajiš izpeljanko s pripono -ъk- k neohranjenemu pridevniku *žeraty(jb) 'žareč'. Slednji pa se lahko šteje za izpeljavo iz starega *-es- debla řzero (rod. ed. žerese) 'žar'.

Людвиг СЕЛИМСКИ

ЗА ПРОИЗХОДА НА ПЕТНАЙСЕТ БЪЛГАРСКИ ДУМИ

COBISS: 1.01

K izvoru petnajstih bolgarskih besed

V članku se analizira 8 besed, pretežno narečnih, zvečine podedovanih, ki so bile zavoljo specifičnih glasovnih sprememb, besedotvornih posebnosti ali pisnih deformacij napačno interpretirane v BES (Bolgarskem etimološkem slovarju) ali štete za nejasne; 7 drugih besed pa je semantičnih ali besedotvornih arhaizmov, ki v BES niso bile podvržene analizi. **Ključne besede:** pisne deformacije, disimilacija, izposoja, poenostavitev

On the origin of fifteen Bulgarian words

This article analyzes eight words, mainly dialect lexemes and mostly inherited, that due to specific sound changes, word-formation features, or graphical deformations have been wrongly analyzed in BED (the *Bulgarian Etymological Dictionary*) or considered obscure. Seven other words that are semantic or word-building archaisms that were not included for analysis in BED have been studied.

Keywords: graphic deformation, dissimilation, borrowing, simplification

- 0 В статията се разглежда произходът, словообразователният строеж и първоначалното значение на 15 български думи. Относно 6 от тях се дискутира по тези проблеми с БЕР, при 1 – със С. Илчев, а 1 е счетена в БЕР за неясна. Останалите 7 от интересуващите ни тук думи не са били анализирани в БЕР. Думите се анализират по азбучния им ред.

- 1 **Влашко** ножче – от *влах* или от *ула̀к*? Определението *влашки* в съчетание с *ножче* (*влашко ножче*) се привежда сред производните от етнонима *влах* в дефиницията на значението на „*влаишък* ‘несгъваем нож с ножница, влашко ножче’ (Вакарел, Ихтиманско)“ (БЕР 1: 164, под *влах*). Словосъчетанието „*влашко ножче*“ се среща в песенния фолклор. Инициалното *в-* тук е поради свръхстарателност. Тук *влашки* няма нищо общо с етнонима *влах*, нито с *Влашко* (Румъния). То е от название за лице, завършващо не на *-х*, а на *-к*, а започващо не с *в-*, а с гласната *у-*. Това название е *ула̀к* (в мн. ч. *ула̀ци*), заемка от тур. *ulak*, *-ği* ‘куриер, пратеник’. Така са наричали „човек, нарочно изпратен нейде с писмо или за друго нещо; саия“ (Геров 5: 431). То е заето и в румънски (*olac*) и в други балкански езици (БЕР 8: 628, под *ула̀к*). Освен паралелната форма *ула̀ка*, умалителното *ула̀че* и прилагателното *ула̀шки*, Н. Геров привежда и словосъчетанието *улашки кон*, съответстващо на рум. *cal de olac*, а също така и фрагмент от народна песен с прилагателното *ула̀шки*:

„Балъо въз Янка отиде,/ Че извади ножче улашко,/ Улашко и касапско,/ У клето се сърце рани“ (Геров 5: 431).

Отбелязваме го в Свищовския дамаскин в словосъчетанието „о^лаците цареви“ (Милетич 1923: 473), на което съответства „посл^анници ц^аревы“ в Троянския дамаскин (с. 270 [вътр. пагинация]) и Тихонравовския дамаскин (с. 139б, вътр. паг.).

- 2 **Вошанин** ‘воин’. Според С. Илчев (1969: 116) в основата на ФИ (фамилно име) *Вошански* е залегнало ЛИ **Вош^ан*, което – не съвсем уверено – той извежда „от диал. **воск^ян* ‘восъчен’ – във връзка с употребата на *восъка* в черква за свещи (?)“. Н. Ковачев (1995) не отбелязва лично име **Вош^ан*. А сред подобните на предполагаемото **Вош^ан* „от диал. **воск^ян* ‘восъчен’“ с алтернатива *ск ~ щ* са отбелязани *в^ош^ен*, *вош^енка*, *вош^еница*, *вош^ина* и др. (БЕР 1: 176–177), но сред тях няма съществително **вош^ан*/**вош^ян*. По всяка вероятност ФИ *Вошански* се базира върху прозвище от название като отбелязаното в Свищовския дамаскин *вош^ани^н* ‘боец, воин, войник’, което съответства на названия за ‘воин’ в паралелни текстове от други дамаскини – все като превод на грц. *στρατιώτης* ‘войник’. Срв. бълг. (от Свищовския дамаскин) „и кажеше ^оти съм **вош^ани^н** Исусу Назар^анину“ (Свищ. дам. 173) и грц. „καὶ ἔλεγε, ὅτι εἶναι **στρατιώτης** τοῦ Ναζωραίου Ἰσοῦ“ (Θησαυρός 1971: 532).

Л. Милетич, който публикува Свищовския дамаскин, помества думата *вош^ани^н* в списък от „По-редки български думи“ в паметника, като привежда няколко употреби (Милетич 1923: 60). А според нас бълг. *вош^ани^н* (по-рядко *вош^ани^н*) е заето от румънски език. То съответства на рум. *oștean* ‘войник, боец; военен’, образувано с наст. *-ean* от *oști*, форма за мн. ч. на думата *oaste* (остар.) ‘военна служба; войска, армия; война, сражение, битка’, извеждана от лат. *hostem < hostis* ‘чужд’, а напоследък се смята „от трако-илир. произход“ (Vinereanu 2009: 587). На българска почва е развило протетично *в-*, може би не без асоциация със синонимното *воин*.

- 3 **„Пашайши** нареч. ‘безгрижно, напълно свободно’ (Тиквеш). – Може би от основата с *паша* (вж.), срв. тур. *paşası* ‘с качества на паша’ [...]“ (БЕР 5: 115). По-добре „от основата **на паша**“, отколкото „от основата **с паша**“. А *пашайши* не можем да приемем за наречие с наст. *-si* поради очевидната фонетична разлика между изгласното *-йши* на загадъчната дума и крайното *-si* на така предполагаемата изходна форма. Най-вероятно е зад привидно еднословното **пашайши** да се крие изафетното съчетание **паш^а иш^й*, в което освен *паш^а* (тур. *paşa*) има още две морфеми: лексикална (коренна) **иш* (от тур. *iş* ‘работа’) и служебна, с морфосинтактична функция на изафет – крайното *-и* (от тур. *-i*). Предполагаемото изходно турско словосъчетание е **paşa işi* ‘работа/грижа на паша’, подобно по строеж и преносно

значение на тур. *çocuk işi* ‘детска (много лесна/незначителна) работа’ (по АКТБР 2009: 294).

- 4 **См’ѐнвам** гл. нсв., **см’ѐна** св. ‘удрям до смазване’ се среща на много места в Смолянско и Ардинско (Стойчев 1983: 340). То не е отбелязано на азбучно място в БЕР 7, а липсва и сред производните от основното *мѐна* ‘отделям влакната от паздера на лен и коноп’ и др., от псл. **meŋi, tьnq* (БЕР 4: 396–397). В него забележително е запазването на мекостта на съгласната пред широкото родопско *ѐ*, явяващо се застъпник на коренната предна гласна (от псл. **e ~ *b*), което е характерно за родопските говори, срв. *см’ѐна* и пол. *zmiąć* ‘смачкам, измачкам’.
- 5 **Сѝстук** и **състук** ‘водопад’. **Сѝстук** ‘водопад’ (Брезе, Смолянско) се извежда „от *сѝскук* също (вж.), с дисимиляция *к-к > т-к*. Срв. *състук, скѝкут*“ (БЕР 7: 358). Но формация *скѝкут* липсва на азбучно място. И паралелното *състук* ‘водопад’ (Лясково, См) се извежда „от първоначално *сѝскок* също, съставено от *сѝ-* [...] и *скок* ‘водопад’ [...] и дисимиляция *к-к > т-к*, срв. *сѝскук* ‘водопад’ (Върбово, См), *сѝскукъ* също (Беден, См), с неударено *о > у* [...]“ (БЕР 7: 697). – Според нас анализът на *сѝстук/състук* е неприемлив. Промяна в корена на този хидронимен термин е претърпяла само гласната *о*, която в неакцентирана позиция се редуцира: *о > у*. Предполагамата „дисимиляция *к-к > т-к*“ би била уникална, а въобще не е наложително да се реконструира формация с корен *скок*. А *състук* ‘водопад’ (Лясково, См) и паралелното *сѝстук* ‘водопад’ (Брезе, См), с широко *ѝ (< ѝ)*, си представяме като варианти на съществително **сѝ-сток* (от глагол **сѝ-стека*), застъпващо диал. псл. **sъ-sъtokъ* (: **sъ-sъtekti*), подобно на по-простото *сток* (: *stekà* [се]), от псл. **sъtokъ* (: **sъtekti*) за ‘място, където две или повече реки се сливат, стичат в една; сток’ (Геров 5: 261). Участващата в повторната префиксация представка **sъ-* на глагола **sъsъtekti*, мотивиращ съществителното **sъsъtokъ*, се различава не само формално – по вокализацията на **ъ* в силна позиция (**sъ- > сѝ-// сѝ-*), но и семантично. За разлика от *с-* (*< *sъ-*) в *сток* (*< *sъtokъ : *sъtekti*), означаваща ‘събиране/стичане на водите на два или повече потока/реки в един’, началната представка *сѝ-/сѝ-* (*< *sъ-*) на по-сложното *сѝ-с-тук/сѝ-с-тук* (*< *sъ-sъ-tokъ*) ‘водопад’ означава ‘отделяне (на водния поток) от едно земно ниво и падане в друго, по-ниско’. Префиксът *сѝ-* (*< *sъ-*) в диалектния хидронимен термин съответства на стб. предлог *сѝ* за ‘отделяне с посока отгоре надолу’. А в съвременния книжовен език няма „семантично съответствие между предлога *с* и префикса *с-*“, „глаголите с представка *с-* са обикновено стари образувания, в които представката е споена здраво с корена формално и семантично“ – тя днес не е словообразователно активна (Спасова-Михайлова 1978: 203–204). Относно така предполагаемата семантика на инициалната представка срв. родоп. *са-сѝркам* (*са*) ‘свличам (се)’, *сѝ-влека* (с вокализирана

ерова гласна), *с-влячище*, *с-валям*, *с-лизам*, *с-мъквам*, *с-немам*, *с-пада* ‘слиза, смъква се, спуска се’ (Селимски 1996: 35–36; 2016: 68).

- 6 ***Спаждам се** достоверно ли е по форма, или не? Глагол **спаждам се** ‘влиза-ме един в друг; спояваме се, спяме се’, с употреба в изреч. *Кюнковете са спаждат един с друг*. МСб. XVI–XVII. 406, както и отглаголно съществително **спаждане** „с. ср. от **спаждам се**. Спояване“, отбелязва Т. Панчев (1908: 295–296). Този глагол не е включен за анализ в БЕР 7. От синонимните в дефиницията на значението му *спояваме се*, *спяме се* може да се предполага, че и в загадъчното *спаждам се* имаме префикс *с-*. Според нас обликът *спаждам се* е възникнал в резултат от погрешно разчитане на буквата ***н** като **п**, т. е. вместо *снаждам се*, каквото Т. Панчев не отбелязва на отделно азбучно място. Но все пак в подобен контекст се отбелязва и дума, която смятаме за сродна с интересувашата ни тук. Това е **надушка** ‘мястото, дето две неща се спаждат, се съединяват едно с друго; частите, с които се спаждат две неща. *Нъ кьѹнкъ надушката*. Търново, МСб. XVI–XVII. 406“ (Панчев 1908: 220). И в приведената дефиниция на семантиката се явява същото „се спаждат“ вместо „се снаждат“. А **надушка** е образувано с наст. *-ушка* за отглаголни названия на действия, като диал. *съмнушка* ‘съмване, съмнало’, разг. *почерпушка* ‘почерпка’ и др. То се базира на глагола **надам** или **надя** ‘снаждам, наставям’, от който имаме и причастие/прилагателно **наден** ‘продължен чрез прибавяне на ново парче’ и др. производни, сред които и **надушка**, **снадя** и търсеното в нашия анализ **снаждам** ‘наставям нещо; удължавам нещо чрез зашиване; съединявам две неща’ (БЕР 4: 471–472), погрешно представено у Т. Панчев като недостоверното ***спаждам (се)**, а неправилно и като възвратен глагол – не „спояваме се“, а *спояват се*, т. е. *биват споявани*, а всъщност: *кюнковете биват снаждани* или *кюнковете ги снаждаме*.

- 7 „**Становище** ‘гледище, мнение, гледна точка’, ‘място или сграда за престой’ (ПРОДД). – Срхр. *stānovīšite* ‘гледище, позиция’, словаш. *stanovište* ‘място’, пол. рядко *stanowiszczce* ‘гледище’. – Произв. от **stānъ* (вж. *стан*), с наст. *-av-iščē*“ (БЕР 7: 431). При изброяването на съответствия в другите езици са предпочетени и „пол. рядко *stanowiszczce*“ и „словаш. *stanovište* ‘място’“, а е пренебрегнато чеш. *stanoviště*, което е най-важното в случая. Защото дори и да е на домашна почва образувана думата *становище* за означаване на ‘място или сграда за престой’, не може да се предполага домашно потекло на *становище* като ‘гледище, мнение, гледна точка’. С второто значение то е чешка заемка, въведена от А. Теодоров-Балан (Иванчев 1983: 321; 1988: 209). В предговора към книгата си „Български залиси“ в порядъка на творческа равностметка и не без чувство на законна гордост А. Теодоров-Балан пише, че „българският книжовен език си служи днес с няколко десетки думи строени“ от негова „ръка изкарани и пуснати на пазар“ (Теодоров-Балан 1956: 4). Тук

той привежда за илюстрация 24 думи и изрази, сред които е и *становище*. А подробен анализ на тази дума публикува по-рано. Според Балан, „да беше думата *становище* произведена у нас от **стан**, като място, дето се **станува** (дето се стои на лагер), тя щеше да гласи **станище** [...]”. Българската железнична управа е нарекла добре български **станище** едно място в Русе [...]. А формата **становище**, усвоена еднъж от чешки, бихме запазвали с изгода за значение, дето не е работа за ‘стояне’ или ‘застаяне’, но повече за ‘поставяне’ (*stanoviti, stellen*)“ (Теодоров-Балан 1927: 164–165; 1956: 176–180).

8 „**Ствар** остар. ‘предмет, вещ, нещо, твар’, ‘твар, живо същество’ (Ем. Васкидович). – Поствербално образуване от *стварам* (вж.)“ (БЕР 7: 440). – Най-вероятно е то да е заемка – срхр. *stwâr*. Относно езика на Ем. Васкидович това не бива да ни учудва. Срв. подчертаните два сърбизма в следния фрагмент от негово изречение: „гол се **вратих**, без да **посвоя** нито ботка от сиромашка кръв“ (по РБЛ 1: 202). А относно интересувашата ни дума отдавна е изказвано мнение, че е хърватизъм в банатския говор (Милетич 1900: 480).

9 **Стъга** (у Геров **стѣга**) „въже, с което порожат добитък; порожница, порожъ, пороже“ (Геров 5: 281), е интересна дума, която липсва в БЕР 7. Архаичното, както изтъква и С. Младенов, „с/**тѣга** обл. стар. ‘въже...’; кор. в др. отгл. степ. *стаг-* в **стѣгам**“ (Младенов 1941: 616), сродно със стб. глагол **вѣстагнѣти** ‘стянуть, обуздать’ (SJS I: 342), то застъпва псл. **stъ-tъg-a*, от което е и рус. *стуга* ‘тясна лента’ (Vasmer 3: 33), словаш. *stuha* ‘лента, панделка, ширит’ (Králík 2016: 563), чеш. *stuha* (и *stouha*) ‘панделка, корделка, лента’ (Machek 1968: 590), долнолуж. *stuga* „älter ‘Senkel, Schnürsenkel, Riemen’“ (Schuster-Šewc 18: 1370). В някои славянски езици се явяват други производни, като словен. *stôgla* ‘ремъче за завързване на чехли’, разширено с наст. *-la* (Bezljaj 3: 319), каквото е и приведеното у В. Махек словаш. *stuhla*. А за стч. *vztúha* ‘първонач. каишка, с която се е пристягала обувката към крака’ (Machek 590) и пол. *wstęga* ‘лента’ (и умалит. *wstążka* ‘панделка’), правилната реконструкция е **vъz-tъga* от глагола **vъz-tegnъti* (Mańczak 2017: 363).

10 „**Стърна** (да се), *-еш, -нал се*, гл. възвр. свър. (?) *Враг ти се стръну̀ло, да би ти се!* Клетва. МСб. ХХІ. Трънско 60“ (Панчев 1908: 300). – Липсва на азбучно място в БЕР 8. На Т. Панчев този глагол не е бил ясен откъм словообразователен строеж и лексикално значение. Обръщали сме вече внимание върху него, между другото, при анализа на бълг. диал. *сутру̀цвам* ‘убивам’ (Selimski 1998: 235–236; Селимски 2016: 81–82). Там се привеждат клетви, като *Дано го болест тръ̀ти!...*; *Бабник те тръ̀тил!* Те са от същата основа (псл. **trъtiti*), от която много производни привежда И. Дуриданов, включително и *тръ̀тна*, но като св. в. срещу *тръ̀ткам* ‘надвивам, събарям

някаго' (Дуриданов 1983: 61). А интересувашото ни тук *стърна се* смятаме застъпник на префиксно-суфиксна формация като псл. **stǣrtnoti*, с представка **sъ-* и наст. **-nq-* за св. в. от *trǣtiti*, с формиране на вторично сричково *-ръ-/ър-*, срв. **трѣтя, трѣтна, трѣтнуам* 'повалям' (БЕР 8: 337) и *търтя* 'поваля', *потъртя, потъртвам* 'повалям' (БЕР 8: 570) и опростяване на консонантната група *-рtn-* (> *-рn-*), както при *загъртам* диал. 'загръщам', *пригъртам* диал. и *загърна, пригърна* (БЕР 1: 290, s.v. **grъm-*).

- 11 Тий** 'това'. Тази рядка диалектна форма не е поместена за анализ в БЕР 8. Тя е подобна на местоимението за ср. р. ед. ч. вин. п. *ний* 'него' от банатския и павликянския говор, съответстващо точно на диал. (Шуменско) *ней* (от псл. **nъjъ*), но с промяна на акцентираното *ѐ* в нова фонема *й*, различна от етимологичното *й* (Селимски 1974; 2006: 44–45; 2016: 110). Тя е подобна също така и на местоименната форма *сий* (Селимски 2015: 311–312).

Новата фонема *й* (на мястото на *ѐ*) се различава от по-ниската *и*, явяваща се застъпник на етимологичното *и*, което съвпада с рефлекс на *ы* в говора, както в украински. Става дума за павликянския говор, а интересувашото ни *тий* 'това' е от гр. Раковски (Пловдивско). Намираме го също така и в текст на основата на този говор от средата на XIX в., чиито съставители са католически свещеници, родом от същото селище. Ето го в контекст: „Draghi moj Spassitel, zaràd tàzi tvója prisvèta pàhà prejemì dnès **tij** mojè nevòlno tèlo, i dai mu pokòra kakvâ ti iskasc“ (Arabagiski – Iakovsky 1844: 140).

За отбелязване тук е важното обстоятелство, че гласната *й* в местоимението *тий*, съвпадаща с гласната в споменаваните *ний* и *сий*, трябва да е обобщена от тези най-близки семантично и морфологично местоимения. Тя в *тий* не може да бъде непосредствен континуант на твърдата ерова гласна на псл. **tъjъ*.

Вероятно по същия начин се е формирало и родопското – от Елховец (Смолянско) – „**тий** и **тий** нарч. Тъй и тъй“ (БДиал 2: 280).

- 12 Тръна** 'тръпна', *Кракъ ми трани*, диалектно (Врачанско) (БДиал 9: 330), липсващо в БЕР 8. Подобно на стб. *оутрънѣти, оутръпати* (SJS IV: 715), то е с опростена структура на сричката (**tъrp-n-* > *тръ-n-*), както в сх. *търну-ти, търнѣм* '1) цепенеть, затекать, неметь, мертветь; 2) затухать, остывать', словен. *otrpnuti* 'окочаниясам', словаш. *trnúť, -niem* '1. замирам, вцепенявам се; 2. безпокоя се, вълнувам се', покрай варианта от XVII в. *tírpnuť, -nem* '1. тръпна, изтръпвам, вцепенявам се (за крак, ръка); 2. вцепенявам се, изтръпвам, замирам (от страх)', чеш. *trnouti* '1. тръпна, вцепенявам се; 2. замирам, вдървявам се, вкаменявам се (от страх)', *ztrnouti, ustrnouti*, диал. (лаш.) *tírpnuť*, пол. *tarnać* 'изтръпвам, вдървявам се, вцепенявам се', рус. *терпнуть*, укр. *потерпнути* – все от псл. **tъrp-nq-ti* (Machek 1968: 652; Králík 2015: 628).

- 13 „Тутòве ‘словаци’ в текст: *Женските прасета се „шкупèват”... Това вèришат ветеринарните лекари и „тутòве” (словаци) от сèседните села...* (Банат, СБНУ 51, 62). – Неясно“ (БЕР 8: 463). Отнася се за име с окончание за мн. ч. -ове, следователно едносрично от м. р. Ако предвидим и редукция в коренната гласна на едносричната основа, т.е., че *тутòве* може да бъде *вм. *тотòве*, ясно е, че става дума за банатското етнично название **тот**, за което С. Стойков (1968: 234) пише: „остар. (унг.) Словак. *Тòтвете сьте сà уд нàшита вèра* [т.е., католици: ЛС]. *Тутòвете шкупèват свин'ьте*“. Стойков привежда и произв. „*тòтск'и, -ска прил. остар.* Словашки. *Тòтск'и йъзìк*“ (с. 234). То е от унг. *Toth* ‘словак’, което от XVII в. означава и ‘сърбин’ (Šimunović 1995: 380). А според П. Скок унг. *Tót* се отнася „и за хърватите между р. Сава и Драва“ (Skok 3: 485). То е заето и в румънски: *tot, toți* (обл., остар.) ‘словак’, от унг. *tót* (DLRM 1958: 870). Срв. и рум. ФИ „*Tot*: ung. *tót* ‘slovak’. Cf. *Tăutu*“ (Iordan 1983: 459), „*Tăut(u)*: ung. *tót* ‘slav; slovac’“ (Iordan 1983: 446). Относно семантичния развой от етноним към занятие или обществено положение срв. *грък* ‘трговец’, *цинцарин* ‘трговец’, а най-вече: *словаш. valach* ‘1. пастир, овчар; 2. кон’, *чеш. Valach* ‘румънец’, а *valach* ‘пастир (в Изт. Моравия); скопен жребец’. Както пише по-нататък Й. Рейзек, „румънските *Valași* стигнали при колонизацията на Карпатите чак до Изт. Моравия (оттук *моравски валаши*) и запознали местното население с кастрацията на жребците, оттук названието за скопен жребец“ (Rejzek 2001: 697).
- 14 „Търпънà ж. ‘голям дървен съд, приличащ на корито, който се използва при гроздобер’ (Желю войвода, Сливенско). – От *тарапанà* (вж. *тарап-хана*)“ (БЕР 8: 575). – При това тълкуване е пренебрегната семантиката – няма никаква смислова връзка между ‘корито за гроздобер’ и ‘работилница за сечене на пари’. Най-вероятно е да имаме пореден случай на „графична деформация“ на изследваната дума – погрешна замяна на началното **ш-* с *т-*. А въпросната дума е *шарапанà* ‘голямо дървено корито, в което берат грозде’ (БДиал 3: 193), *шърпънъ* ‘кораб за грозде’ (БДиал 5: 147), от *шарапханà* (у Геров 5: 574) ‘корито на кола за прекарване грозде’, от ар.-пер.-тур. *şaraphane* ‘винарска изба’ (Георгиев 1978; Селимски 1978; 2016: 10–13).
- 15 Углътка ‘недоразвито дете’ и сродни. В БЕР 8 се анализират няколко производни от *люде* или от забравеното **люд* (от псл. **ludъ*) (БЕР 8: 634–634, под *улюдвам*). Но и в този том на БЕР, въпреки старанието за пълнота на изследвания речников материал, са останали незабелязани някои словообразователни и семантични архаизми, за които се намират съответствия в други славянски езици. За такова смятаме родопското **углътка** ‘недоразвито [...] дете’ (Стойчев 1983: 344), анализирано като субстантивация на прилагателно **одл’уден*, противоположно по значение на *вл’удан* ‘възпитан’, а съответстващо на *словаш. odludný* ‘саможив’, пол. *odludny* ‘намиращ се, живещ

далече от хората, странящ от хората' и укр. *відлюдний* 'необщителен, уединен'. Субстантивацията е осъществена с наст. *-ек/-к-*, която се среща с умалителна или сингулативна функция в сродната родопска формация *л'уткѡве* 'хорица' (Бдиал 2: 201). За свързването на *углѹтка* (от **одл'ѹдка*) с *л'уткѡве* не пречи нито частичната дисимиляция *дл > гл*, нито затвърдяването на *л' > л* (вж. БЕР 3: 486). Така *углѹтка* се очертава като точно съответствие на пол. *odludek* и укр. *відлюдок* 'необщителен човек, саможивец' – също от субстантивация на прилагателни (пол. *odludny* и укр. *відлюдний*), срв. и луж. *wotliudk* 'eremita, Einsiedler'. Срв. също пол. *niedoludek* 'който не умее да съжителства с хората', укр. *недѡлюд(ок)* 'изверг, изрод', чеш. *nelida* 'безчувствен човек, човеконенавистник', рус. и укр. *ублюдок* 'недоразвит, за нищо негоден човек, с низки инстинкти; изрод'. Родопската форма от ж. р. на *-а* е резултат от обобщаване на род.-вин. форма (от изрази като „остави го този **одл'ѹдка*“). А самото родопско *луткѡве*, с уж „неясно образуване“ (БЕР 3: 584), кореспондира точно с чеш. диал. *lidkové*, *ľudkové*, словаш. *ľudkovia*, пол. диал. *ludkowie*, белорус. диал. *л'уткѡв'е*, *людкове*, длж. *ludki*, *lutki* (Schuster-Sewc 12: 870–871, под *lutki*²), укр. *людки*, пол. *ludek* и се извежда от псл. **ľudькъ* (от основа *ľudь* и суф. *-ькъ* с умалителна или сингулативна функция (Селимски 1996: 40–41; 2016: 73–74).

Така *углѹтка* и *л'уткѡве* от родопските говори – несъмнено архаична периферия, – ведно с приведените (и други, неспоменати тук) сродни формации идват в подкрепа на реконструкцията на псл. **отьľudькъ* (ЭССЯ 37: 144–145), в основателността на която като че ли се съмнява А. Банковски, смятайки пол. „*odludek* 'mizantrop' 1564, sztuczny nowotwór Mączyńskiego [...] bez wzorów obcych“ (Bańkowski 2: 378).

Надяваме се, че не само с предложените поправки на известни вече тълкувания, но и насочвайки вниманието към някои необхванати за анализ в БЕР или/и ЭССЯ български диалектни думи, сме допринесли между другото и за утвърждаването на мнението за архаичния характер на родопските говори и за тяхното огромно значение за възстановяването на българската част на праславянския речник.

ЛИТЕРАТУРА И СЪКРАЩЕНИЯ

- АкТБР 2009** = Академичен турско-български речник, ред. И. Добрев, София: РИВА, 2009.
Бдиал 1–10 = Българска диалектология: проучвания и материали I–X, София: БАН, 1962–1981.
БЕР 1–8 = Български етимологичен речник, София: Проф. М. Дринов, 1971–2017–.
Георгиев 1978 = Владимир Георгиев, Относно произхода на диалектното съществително *ша-рапана*, Български език 28 (1978), бр. 1, 52–53.
Геров 1–5 = Найден Геров, Речник на българския език, фототипно изд., София: Български писател, 1975–1978.

- Дуриданов 1983** = Етимологични бележки към бълг. *тръшвам, тръшина, тръшкам*, *Език и литература* 38 (1983), бр. 2, 59–64.
- ЭССЯ 37** = *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* 37, ред. А. Ф. Журавлев, Москва: Наука, 2011
- Иванчев 1983** = Светомир Иванчев, Александър Теодоров-Балан като проводник на чешкото влияние в българския език, *Slavia* 52 (1983), ѓ. 3–4, 317–321 (= Иванчев 1988: 203–209).
- Иванчев 1988** = Светомир Иванчев, *Българският език – класически и екзотичен*, София: Нар. просвета, 1988.
- Илчев 1969** = Стефан Илчев, *Речник на личните и фамилни имена у българите*, София: БАН, 1969.
- Ковачев 1995** = Николай Ковачев, *Честотно-етимологичен речник на личните имена в съвременната българска антропонимия*, Велико Търново: ПИК, 1995.
- Милетич 1900** = Любомир Милетич, Книжнината и езикът на банатските българи, *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина* 16–17 (1900), София: Министерство на народното просвещение, 339–482.
- Милетич 1923** = Любомир Милетич, *Свицовски дамаскин. Новобългарски паметник от XVIII век. Български старини VII* (1923), София: БАН.
- Младенов 1941** = Стефан Младенов, *Етимологически и правописен речник на българския книжовен език*, София: Христо Г. Данов, 1941.
- Панчев 1908** = Тодор Панчев, *Допълнение на българския речник от Н. Геров*, събрал, наредил и изтъкувал Т. Панчев, Пловдив: Печ. „Труд“, 1908.
- РБЛ 1** = *Речник на българската литература 1: А–Д*, София: БАН, 1976.
- Селимски 1974** = Людвиг Селимски, Българската диалектна фонемна промяна *ě > ù*, в: *В памет на професор Стойко Стойков (1912–1969): езиковедски изследвания*, София: БАН, 1974, 183–187.
- Селимски 1978** = Людвиг Селимски, *Думата шарпанà не е тракийска, а арабско-персийска*, *Език и литература* 33 (1978), бр. 1, 106–107 (= Селимски 2016: 10–13).
- Селимски 1996** = Людвиг Селимски, Значението на родопските говори за възстановяването на праславяния речник, *Rocznik Slawistyczny* 50 (1996), cz. 1, 31–44 (= Селимски 2016: 62–75).
- Селимски 2006** = Людвиг Селимски, Етимологични поправки, уточнения и допълнения, в: *Националният език в условията на чужди влияния и глобализация. Научна конференция, посветена на 125-годишнината от рождението на акад. Стефан Младенов* (София, 28–29 юни 2005), София: Изд. на СУ в България, 2006, 40–46 (= Селимски 2016: 102–111).
- Селимски 2015** = Людвиг Селимски, Об етимологии двадцати слов: дополнения и исправления к «Болгарскому этимологическому словарю», в: *Памяти академика Олега Николаевича Трубачева к восьмидесятилетию со дня рождения (23.10.1930 – 9.03.2002) = Труды Инст. русск. языка им. В. В. Виноградова IV: этимология*, Москва: Изд. «Вест-Консалтинг», 2015, 303–322.
- Селимски 2016** = Людвиг Селимски, *Етюди по этимология и ономастика: studia z etymologii i onomastyki*, Велико Търново: УИ „Св. св. Кирил и Методий“, 2016.
- Спасова-Михайлова 1978** = Сийка Спасова-Михайлова, Семантични съоставки между предложната и префиксалната система на славянските езици, *Славянска филология* 15 (1978), София: БАН, 1978, 195–206.
- Стойков 1968** = Стойко Стойков, *Лексиката на банатския говор*, София: БАН, 1968 (ТБД 4).
- Стойчев 1983** = Тодор Стойчев, Родопски речник: второ допълнение, *Родопски сборник* 5 (1983), ред. Х. Христов и др., София: БАН, 287–353.
- Теодоров-Балан 1927** = Александър Теодоров-Балан, *Думотворба: гледище и становище*, Родна реч (Казанлък) I (1927), 163–168 (= Теодоров-Балан 1956: 176–180).
- Теодоров-Балан 1956** = Александър Теодоров-Балан, *Български записи с език, книжнина и общество*. София: Наука и изкуство, 1956.
- Θησαυρός 1971** = *Θησαυρός Λαοαρχηνου του Υποδιακονου και Στουδιου Θεσσαλονικεως, Θεσσαλονίκη*: Εκδοτικός οίκος Βασ. Ρήγοπουλου, 1971.

- Arabagiski – Iakovsky 1844** = Petrus Arabagiski – Iakobus Iakovsky, *Nauka kristianska za kristianete od Filibeliskata darxiava*, Rim: Propaganda fide, 1844.
- Bańkowski 2** = Andrzej Bańkowski, *Etymologiczny słownik języka polskiego*, Warszawa: PWN, 2000.
- Bezljaj 3** = France Bezljaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika 3: P–S*, dopolnila in uredila M. Snoj – M. Furlan. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1995.
- DLRM** = *Dicționarul limbii române moderne*, București: Ed. Academiei RPR, 1958.
- Iordan 1983** = Iorgu Iordan, *Dicționar al numelor de familie românești*, București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1983.
- Králik 2015** = Ľubor Králik, *Stručný etymologický slovník slovenčiny*, Bratislava: VEDA, 2015.
- Machek 1968** = Václav Machek, *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha: ČSAV, 1968.
- Mańczak 2017** = Witold Mańczak, *Polski słownik etymologiczny*, wyd. elektr. pdf, 2017.
- Rejzek 2001** = Jiří Rejzek, *Český etymologický slovník*, Voznice: Leda, 2001.
- Schuster-Šewc 12, 18** = Heinz Schuster-Šewc, *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache 12, 18*, Bautzen: VEB Domowina-Verlag, 1983, 1986.
- Selimski 1998** = Ludwig Selimski, *Z praslaviańskiego dziedzictwa leksykalnego w bułgarskich gwarach ludowych*, w: *Prasłowiańszczyzna i jej rozpad*, red. J. Rusek – W. Boryś, Warszawa: Energeia, 1988, 231–237 (= Селимски 2016: 75–82).
- SJS I–IV** = *Slovník jazyka staroslověnského* = *Lexicon linguae Palaeoslovenicae* I–IV, red. J. Kurz – Z. Hauptová, Praha: Akademie věd, 1966–1994.
- Skok 3** = Petar Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika 3: poni²–Ž*, Zagreb: JAZU, 1973.
- Šimunović 1995** = Petar Šimunović, *Hrvatska prezimena: podrijetlo, značenje, rasprostranjenost*, Zagreb: Golden Marketing, 1995.
- Vasmer 3** = Max Vasmer, *Russisches etymologisches Wörterbuch 3: Sta–Ÿ*, Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1958.

POVZETEK

K izvoru petnajstih bolgarskih besed

V zvezi s 6 besedami (št. 1, 2, 3, 5, 7, 8, 14) se članek razhaja z BES (Bolgarskim etimološkim slovarjem) oziroma št. 2 s S. Ilčevim, medtem ko je št. 13 za BES 'nejasna'. Preostalih 7 besed (št. 4, 6, 9–12, 15) pa v BES ni bilo analiziranih.

Avtor šteje za izposoje: 1. osnovno za *vlaški* (*ulāk* 'kurir', tur. *ulak*); 2. *voščanin* 'vojak' (rom. *oštean*); 3. *pašajši* 'brezskrbno' (tur. *paşa işi* 'paševa skrb'); 7. *stanovište* 'stališče' (iz češ. *stanovište*); 8. *stvar* 'nekaj' (iz sbh. *stvār*); 13. *tutòve* 'Slovaki' (iz madž. *Tót, Tóth* 'Slovak'); 14. *trъръна* 'kad', z napačno branim *t-* nam. *š-* (iz tur. *şaraphane* 'vinska klet').

Sôstuk/s̆stuk 'slap' (št. 5) ni iz *skok*, ampak iz korena *tok/tek*.

V BES niso upoštevani: 4. *sm'ôna* 'zmečkam' (iz **s̆b-meti*); 6. *spaždam se* 'združim se', z napačnim *p-* nam. *n-* (iz *s-naždam* 'zvežem se'); 9. *stъga* 'vrv' (< **s̆b-teg-a*); 10. *stъrna* (*se*) (v kletvi), z izpustom *-rtin-* > *-rn-* (iz **s̆b-tr̆t̆n̆ti*); 11. *tij* 'to', z nar. vokalom *i*, kakor v *nij* in *sij*; 12. *trъna* 'trenem' z izpustom *-rpn-* > *-rn-* (iz **tr̆rp-n̆-ti*); 15. *uglûtkā* 'nerazvit otrok', z disimilacijo *-dl-* > *-gl-* (iz **ot̆b'ud̆b̆k̆*).

MARKO SNOJ

NEBINA

COBISS: 1.03

Prispevek prinaša zgodovinski in etimološki prikaz samo v slovenščini znane besede *ne-bina* »cvetica astra«, ki je pri nas zapisana šele v 19. stoletju, a je njen obstoj posredno dokazljiv že za 18. stoletje. Čeprav je cvet nebine vijoličasto modre in ne nebesno modre barve, slovensko poimenovanje te cvetice po nebesni modrini ni osamljeno, saj podobno pomensko motivacijo najdemo tudi v nekaterih drugih jezikih.

Ključne besede: slovenščina, etimologija, rastlinska imena, pomenska motivacija

The lexeme *nebina*

This article offers a historical and etymological overview of the lexeme *nebina* 'aster (flower)', which is attested only in Slovenian. This word was only recorded in the nineteenth century, but its existence is already indirectly attested in the eighteenth century. Even though the flower of the aster is violet-blue and not sky blue, the Slovenian designation for this flower based on sky blue is not isolated because a similar semantic motivation can also be found in some other languages.

Keywords: Slovenian, etymology, plant names, semantic motivation

- 1 Beseda, ki je, kot kaže, samo slovenska, se je pri nas slovarsko prvič pojavila pri Pleteršniku (1894: 683), in sicer kot izpis iz Tuškove druge izdaje prirodo-pisa rastlinstva A. Pokornega iz leta 1872. Pleteršnik, ki jo je onaglasil *nēbina*, jo po Tušku navaja le v terminološki zvezi *kitajska nebina* »die Chinesische Sternblume, Aster Chinensis«. A že pred tem jo v pomenu »Aster amellus« navaja hrvaški leksikograf Bogoslav Šulek, ki kot vir navaja Freyerjevo zbirko rastlinskih imen iz Kranjske, in sicer tisti del, ki črpa iz gradiva Franca Antona Breckerfelda (1740–1806).¹ V 20. stoletju je *nebina*, kot je beseda onaglašena² v Slovarju slovenskega knjižnega jezika, postala sinonim za astro katere koli vrste (SSKJ II: 12). Posamezne vrste tega rodu strokovni jezik razlikuje s prilastki, npr. *gorska nebina* »Aster amellus«, *alpska nebina* »Aster alpinus«, *obmorska nebina* »Aster tripolium«. Taksonomsko ime za Tuškovo in Pleteršnikovo *kitajsko nebino* je danes *Callistephus chinensis*. Sodobna besedna

1 Šulek 1879: 257 (ki na začetnih straneh napačno piše J. A. Brekerfeld); Praprotnik 2007: 47. Leta 1836 natisnjena Freyerjeva zbirka je goli seznam slovenskih rastlinskih poimenovanj brez latinskih znanstvenih imen.

2 Pri tvorjenkah s pripono *-ina* iz neakutiranih samostalniških osnov pričakujemo naglas na priponi, prim. pri Pleteršniku 1894–95 *perína* iz *perō* in *zlatína* iz *zlatō*.

družina poleg iz te besede sestoji le še iz poimenovanja družine *nebinovke* »Asteraceae«. ³

- 1.1 Potrditev, da je slovenska beseda *nebina* obstajala vsaj že v 18. stoletju, najdemo v Pohlinovem trijezičnem slovarju iz leta 1781 v zapisih *Nebinaft* »himmelblau, aereus, caeruleus« in *Nebine*, ki mu avtor pripiše isti pomen (Pohlin 1781: s. v., neoštevilčena str. 154). Nemški prevedek pomeni »nebesno moder«, prvi latinski »bronaste barve« in drugi »temno moder«. Prvi zapis ima dve možni branji, *nebinast* in *nebinjast*,⁴ drugega je treba brati *nebinji*.⁵ Iz obeh pridevnikov sklepamo o motivirajoči besedi *nebina*, iz katere je prvi tvorjen s pripono *-(j)ast < *-(')astb* za izražanje podobnosti, drugi pa iz **-ji < *-’bjb* za izražanje svojine in širše povezanosti, ki vključuje tudi podobnost.⁶ Besedotvorno razmerje med motiviranimi pridevnikoma *nebinast* in *nebinji* ter v 18. stoletju posredno potrjeno motivirajočo besedo *nebina* je primerljivo z besedotvornim razmerjem med pridevnikoma *bábast* in *bâbji* ter motivirajočo besedo *bába*. Barvni pridevnik, izpeljan s pripono *-(j)ast* iz rastlinskega imena, ima vzporednico v pridevniku *vijôličast* iz *vijôlica*.

- 2 Obravnavana beseda je tvorjenka iz samostalnika *nebô*, kakor je npr. rastlinsko ime *jastrebina* »Galega« tvorjeno iz *jâstreb* ali *črnobína* »*Scrophularia*« iz *črnóba*. Možnosti, da bi bila *nebina* izvirno kaj drugega, skorajda ni. Fonetično bi sicer lahko nastala po betacizmu iz **nevina*, kar je v pomenu »nedolžnost« potrjeno v zahodnoslovenskih jezikih in stari ruščini (ESSJa 1999: 79), a smiselne pomenske zveze med pojmom »nedolžnost« in »rastlina *Aster*« ni mogoče najti,⁷ zato taka domneva ne bi imela nobene vrednosti.

- 2.1 Najpogostejša pomenska motivacija za poimenovanje nebine je »zvezda«, saj oblika cveta te rastline dejansko spominja na zvezdo. Tako so pomensko motivirana poimenovanja gr. *ἀστὴρ* (od tod prevzeto lat. *aster*), narečno nem. *Sternkraut*, *Sternblume* (Marzell 1943: 497), star. sloven. tudi *zvêzdnik*, *zvêzdnica* (Pleteršnik 1895: 946), star. hrv. *zvezdenka*, *zvezdenica*, *zvezdača trava* (po Vitezoviću navaja Vajs 2003: 355) ipd. A kljub dejstvu, da so v naših krajih domače nebine bolj vijoličasto modre kot nebesno modre, je nebina neredko poimenovana prav

3 Termin *nebinovka*, ki ga SSKJ ne navaja, ima BTS na 28 mestih in FTS na treh, v jezikovnem korpusu Gigafida se pojavi 119-krat.

4 Pohlin pogosto ne zapisuje fonema *j* neposredno za *n*, prim. *Dina* »Melone, Melopepo«, *Gonâzh* »Treiber bey der Jagd, Compulsor venatorius«.

5 Kakor pri Pohlinu npr. *Uzhirejshne* za *včerajšnji*. Nekako tako bere že Gutsman 1789: 526, ki v slovensko-nemškem delu piše *Nebinaft*, *nebini* »himmelblau«.

6 eSSKJ v sestavku *opičji* navaja pomen »ki je v zvezi z opicami« in tretji podpomen »ki je podoben, soroden z opicami«.

7 Za nebino namreč v dostopnih virih ni izpričano, da bi jo kot nekatere druge rastline, npr. navadno platico, »*Alchemilla vulgaris*«, uporabljali pri pripravi kopeli, ki naj bi dekletom povrnila nedolžnost (o tem gl. Snoj pri Bezljaju 2005: 353).

po modri barvi. Šulek (1879: 244) navaja izraz *modrinščak* »*Aster amellus*« iz Križevcev v hrvaškem Prigorju, že Bauhinus (1623: 267) pa isto cvetico imenuje *Aster caeruleus Italicus*. Ta izraz vsebuje lat. pridevnik *caeruleus* »temno moder, nebesno moder«, ki je po disimilaciji nastal iz **caeluleus*, tvorjenke prek manjšalnice *caelulum* iz *caelum* »nebo« (Walde – Hofmann 1982: 133).⁸ Motivacijo po nebu najdemo tudi v narečno nem. poimenovanju *Himmelsgebüsch* »*Aster amellus*«. ⁹

- 2.2 Zakaj je vijoličasto modra cvetlica poimenovana po nebesni modrini, ni popolnoma jasno. Morda je bilo dojemanje barvnih odtenkov pred dvesto in več leti nekoliko drugačno, manj natančno od današnjega, a se zdi mogoče tudi, da *nebina* ni poimenovana po modri barvi jasnega neba sredi dneva, temveč po oni ob sončnem vzhodu ali zahodu, ko je ob povečani atmosferski vlagi nebo vijoličasto modro, to barvo pa neredko pojmujejo kot neposredni odsev nebes.¹⁰

LITERATURA

- Bauhinus 1623** = Casparus Bauhinus, *Pinax Theatri botanici*, Basileae Helvet., 1623.
- Bezljaj 2005** = France Bezljaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika IV: Š–Ž*, Ljubljana: SAZU – ZRC SAZU (izd.) – Založba ZRC (zal.), 2005.
- BTS** = Franc Batič – Borislava Košmrlj – Levačič (ur.), *Botanični terminološki slovar* (<https://isjfr.zrc-sazu.si/sl/terminologisce/slovarji/botanici#v>, 8. 8. 2017).
- ĖSSJa 1999** = *Ėtimologičeskij slovar' slavyanskijh jazykov: praslavyanskij leksičeskij fond 25*, Moskva: Nauka, 1999.
- eSSKJ** = *Slovar slovenskega knjižnega jezika* 2016 (www.fran.si, 8. 8. 2017).
- FTS** = Marjeta Humar idr. (ur.), *Farmaceutski terminološki slovar* (<https://isjfr.zrc-sazu.si/sl/terminologisce/slovarji/farmaceutski#v>, 8. 8. 2017).
- Gutsmann 1789** = Oswald Gutsmann, *Deutsch-windisches Wörterbuch mit einer Sammlung der verdeutschten windischen Stammwörter und einiger vorzüglichern abstammenden Wörter*, Klagenfurt: im Verlage bey Ignaz Aloys edlen von Kleinmayer, 1789.
- Marzell 1943** = Heinrich Marzell, *Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen 1*, Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1943.
- Pohlin 1781** = R. P. Marcus a S. Antonio Paduano Augustinianus Discalceatus inter Academicos Operosos Labacenses dictus: Novus, *TU MALU BESEDISHE TREH JESIKOV*, Laibach: Johann Friedrich Eger, 1781.
- Pleteršnik 1894–95** = Maks Pleteršnik, *Slovensko-nemški slovar*, Ljubljana: Knezoškofijstvo, 1894–1895 (www.fran.si, 8. 8. 2017).
- Praprotnik 2007** = Nada Praprotnik, Henrik Freyer in njegov seznam slovenskih rastlinskih imen (Verzeichniß flavischen Pflanzen-Namen) iz leta 1836, v: *Scopolia: revija Prirodoslovnega muzeja Slovenije* 61, Ljubljana: Prirodoslovni muzej Slovenije, 2007, 1–99.
- SSKJ** = *Slovar slovenskega knjižnega jezika I–V*, Ljubljana: SAZU oz. ZRC SAZU (izd.) – DZS (zal.), 1970–1991 (www.fran.si, 8. 8. 2017).

8 Latinsko *caeruleus* je tudi eden Pohlinovih prevedkov pridevnikov *nebin(j)ast* in *nebinji*.

9 Navaja Marzell 1943: 498, ki domneva po nebu motivirano poimenovanje zato, ker nebine rastejo v skupinah, ki naj bi spominjale na zvezdnato nebo.

10 Po vsej Sloveniji se konec novembra in v začetku decembra otrokom razlaga večerna zarja kot pečica, v kateri Miklavž peče piškote. Peče jih seveda v nebesih.

Šulek 1879 = Bogoslav Šulek, *Jugoslavenski imenik bilja*, Zagreb: troškom Jugoslavenske akademije znanostih i umjetnostih, 1879.

Vajs 2003 = Nada Vajs, *Hrvatska povijesna fitonimija*, Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2003.

Walde – Hofmann 1982 = Alois Walde – Johann Baptist Hofmann, *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, ⁵1982.

SUMMARY

The lexeme *nebina*

The lexeme *nebina* ‘aster’ (*Aster* spp., especially *A. amellus*) was first recorded in a Slovenian text in 1872, but is already indirectly attested in the eighteenth century. This article focuses on its etymological explanation. It determines that it is derived from the noun *nebo* ‘sky, heaven’. It continues with a possible explanation of the fact that not only Slovenian names this violet-blue flower after the sky, which is usually ascribed a lighter and purer shade of blue. One possible explanation of this fact is the hypothesis of imprecision in understanding shades of color two hundred and more years ago, and another is that the flower is not named after the light color of a clear sky at midday, but after the color close to sunrise or sunset, when increased moisture in the atmosphere gives the sky a violet-blue color, and this color is often understood as a direct reflection of the heaven.

MATEJ ŠEKLI

ČLENEK MED PRISLOVOM IN VEZNIKOM (NA GRADIVU JEZIKA BRIŽINSKIH SPOMENIKOV)

COBISS: 1.01

V prispevku so obravnavani členki, vezniki in prislovi v vlogi vezniških besed v jeziku Brižinskih spomenikov (zapisani v letih 972–1039), najstarejši časovni različici slovenščine. Odgovarja se na vprašanja, kdaj neka beseda nastopa v vlogi členska, kdaj v vlogi vezniške besede in kdaj postane veznik ter do katerih pomenskih sprememb pri tem prihaja. Natančneje je obravnavana tudi tipologija členkov (na gradivu sodobne knjižne slovenščine).

Ključne besede: primerjalno jezikoslovje, zgodovinska skladnja, prislov, članek, veznik, slovenščina, Brižinski spomeniki

Particles between adverbs and conjunctions (based on language material from the Freising manuscripts)

This article offers a comprehensive analysis of conjunctive elements (i.e., particles, conjunctions, and adverbs) that appear in the Freising manuscripts (AD 972–1039), the oldest known attestation of Slovenian. It establishes and juxtaposes the performative parameters of particles vs. conjunctives, and also identifies the circumstances (and captures the accompanying semantic restructurings) under which conjunctives assume the syntactic role of proper conjunctions. Particular attention is paid to the systematization of particles (based on language material from contemporary Standard Slovenian).

Keywords: comparative linguistics, historical syntax, adverb, particle, conjunction, Slovenian, Freising manuscripts

1 UVOD

V prispevku so obravnavani členki, vezniki in prislovi v vlogi vezniških besed v jeziku Brižinskih spomenikov (dalje BS), najstarejši časovni različici slovenščine, najverjetneje zapisani v letih 972–1039.¹ V uvodu sta predstavljeni geneza in tipologija členkov kot besedne vrste med prislovom in veznikom. V štirih osrednjih razdelkih so obravnavni členki (v razdelku 2), členki, ki lahko nastopajo tudi kot vezniki (v razdelku 3), (gramatikalizirani) vezniki (v razdelku 4) in prislovi, ki so pomensko oslabei v členke in/ali veznike (v razdelku 5). V sklepu so povzete pomenske spremembe, do katerih je prišlo pri nastanku veznikov oz. vezniških besed.

1.1 Geneza členkov

Gledano diahrono se članek (*particula*) v procesu jezikovnega spreminjanja nahaja med prislovom (*adverbium*) kot besedno vrsto s polnim slovarskim

¹ Povzetek manjšega dela članka (in sicer obravnava členkov in veznikov *i*, *a*, *ni*, *n[ə]*, *da*, *bo*) je objavljen v Šekli 2016a.

(leksikalnim) pomenom na eni strani in veznikom (*coniunctio*) kot besedno vrsto s slovničnim (gramatičnim) pomenom na drugi. Členek namreč navadno nastane iz neke polnopomenske besede, najpogosteje prislova,² in sicer s slabljenjem njenega polnega slovarskega pomena, in se lahko s popolno izgubo slovarskega pomena nadalje spremeni v členico (kot besedotvorni morfem), oblikotvorni členek ali veznik, ki ima samo še slovnični pomen oz. slovnično funkcijo. Posledica pomenskih sprememb (slabljenje slovarskega pomena) so skladenjske spremembe (stavčnočlenska beseda postane nestavčnočlenska), lahko pa tudi glasovne (sprememba naglasnice v breznaglasnico, redukcija prvotne oblike na glasovni ravni) in besednoredne (pojavljanje v wackernaglovskem položaju na drugem mestu v stavku; pojavljanje v položaju pred ali za besedno zvezo, ki jo pomensko modificira) spremembe. To je torej proces postopne gramatikalizacije prislova v veznik, pri tem pa ni nujno, da kot vmesna stopnja nastane tudi členek.³

Gledano sinhrono je členek posledično nepregibna (oblikovni vidik), nepolnopomenska (pomenski vidik)⁴ in nestavčnočlenska (skladenjski vidik) besedna vrsta. Zaradi svojega sicer oslavljenega, a še vedno slovarskega (in z izjemo členic in oblikotvornih členkov ne še slovničnega) pomena lahko pomensko modificira, daje poseben odtenek slovničnim (gramatičnim), slovarskim (leksikalnim) in (so)besedilnim ((kon)tekstualnim) pomenom posamezne oblike, besedne zveze, stavka ali besedila.⁵ Zaradi procesualnosti vseh prikazanih jezikovnih sprememb ista oblika na sinhroni ravni lahko nastopa kot prislov, členek in/ali veznik.⁶

2 Prislov pa je po izvoru spet lahko sklonska oblika imenske ali zaimenske besedne vrste brez predloga (sln. *góri, srédi, blizu, döl, vñ, dóbro, domōv, krížem*) ali z njim (sln. *pokónci, napóti, počási, nōtri, vstrán, vkŭp, nōtar, navzdöl, navzkríž, narōbe, okōli, okrōg, ponóči, podnēvi, znóva, dodōbra/dodōbra, predvčērajšnjim, pojútrišnjem*) kot tudi osebná (sln. *sevēda*) ali neosebna (sln. *gredōč, mižē, skrívši*) glagolska oblika.

3 Jezikovno spreminjanje prislov → (členek →) veznik je vzporedno spreminjanju tipa glagol s polnim slovarskim pomenom (*Brät jě za hišo/góri/tām, na krátko/dóbro/takō*) → glagol z nepolnim (oslavljenim) slovarskim pomenom (*Brät je zdrāv/kováč*) → glagol s slovničnim pomenom (*Brät je prišěl*) (za slednje prim. Šekli 2016b: 690).

4 »[Č]lenki [se] ločijo od prislovov po tem, da se po členkih ne moremo vprašati« (Toporišič 1992: 17).

5 »[Z] njimi [tj. členki] vzpostavljamo zveze s sobesedilom, izražamo pomenske odenke posameznih besed, delov stavka, celih stavkov in povedi ali pa tvorimo skladenjske naklone« (Toporišič 2000: 445).

6 Ali gre pri tem za enakozvočnost (homonimijo) različnih besednih vrst (prislov, členek, veznik) ali za večpomenskost (polisemijo) oz. polifunkcionalnost ene besedne vrste (prislov ali členek v vlogi vezniške besede ipd.), je stvar definicije znotraj posameznega teoretičnega modela in metodološkega pristopa.

1.2 Tipologija členkov⁷

Merilo delitve členkov v pričujočem delu so pomeni, ki jih členek modificira, in sicer, ali gre za pomene znotraj slovnice, slovarja ali besedila. Abstraktnost in predvidljivost pomena na različnih ravneh jezikovnega sistema (sosirjanski *langue*) in njegove rabe v sporazumevanju (sosirjanski *parole*) je vse manjša v smeri glasovje (nepomensko), slovnica (slovnični pomen), slovar (slovarski pomen), besedilo (besedilni pomen). Posledično je na tej relaciji vse manjša tudi stopnja gramatikaliziranosti členkov.

(a) Slovnica na oblikovni in skladenjski ravni izkazuje abstraktne, kategorialne slovnične pomene. Na oblikovni ravni se členice pojavljajo kot (v večini primerov) že vezani besedotvorni morfemi, oblikotvorni členki pa kot še prosti oblikotvorni morfemi (oblikotvorni členki so del glagolskih oblik in glagolsko obliko pomensko modificirajo v glagolskem naklonu, posledično pa tudi stavek v stavčnem naklonu). Na skladenjski ravni členki pomensko modificirajo stavek v smislu trdilnosti (afirmativnosti) oz. nikalnosti (negativnosti) (nikalni členki) in v stavčnem (skladenjskem) naklonu, namreč vprašalnosti (vprašalni členki).

(b) Slovar vsebuje leksikalizirane, konkretizirane slovarske pomene. Členki, ki pomensko modificirajo posamezne besedne zveze (če modificirajo neglagolske besedne zveze) ali celoten stavek (če modificirajo glagol), so stopenjski, merni/količinski (dodajalni, izvzemalni, poudarjalni, zadržkovni, presojevalni) in načinovni (verjetnostni, domnevnostni, gotovostni).

(c) Besedilo izkazuje (so)besedilne pomene, ki so kontekstualizirani slovnični in slovarski pomeni. Členki, ki pomensko modificirajo besedilo, so navezovalni in pastavčni (nikalni, vprašalni, soglašalni, spodbujevalni in nekateri drugi).

2 ČLENKI

Najprej so obravnavani členki z najvišjo stopnjo gramatikalizacije, sledijo pa jim členki, ki modificirajo različne prvine jezika v smeri slovnica, slovar, besedilo.

2.1 Členice

Členice (Breznik 1934: 145–146; Bajec – Kolarič – Rupel [– Šolar] 1956: 250, 254–255) so nekdanji členki, ki so se gramatikalizirali v vezani morfem (v primerjavi z oblikotvornimi členki, ki so se gramatikalizirali v nevezane morfeme, in z vezniki, ki

⁷ Pričujoča tipologija členkov na primeru sodobne knjižne slovenščine ima za gradivsko osnovo besede, ki so kot členek opredeljene v Snoj 2016, in izhaja iz »druge klasifikacije« členkov v Toporišič 2000 (1976): 445–449, ki je bila aplicirana tudi v SP 2001. Oboje skuša povezati z delitvijo členkov v ruščini (Švedova idr. 1980: 723–731; Lekant idr. 2017: 320–321) in nemščini (Eisenberg idr. 1998: 377–383). Za druge obravnave členkov v slovenščini prim. npr. Smolej 2001; 2003; 2004; 2017; Žele 2014: 12; Agrež 2016; Perko 2016.

so se gramatikalizirali v slovnično besedno vrsto):⁸ (a) nikalne (negativne) členice so nastale iz nikalnih členkov, pojavljajo se kot predpone v sestavljankeh, npr. psl. **ne-* v samostalniških, pridevniških in glagolskih sestavljankeh ter psl. **ni-* v nikalnih zaimkih (prim. 2.3); (b) nedoločne (indefinitne) členice so sorodne z nikalnimi, npr. psl. **ně-* (prim. 2.3); (c) oziralna (relativna) členica je v slovanskih jezikih nastala iz praslovanskega poudarjalnega členka **že* v položaju za oziralnimi (relativnimi) zaimki **j-* (npr. BS *iŕe* (II 90, III 10, 68) = *iŕe* 'kateri, ki') in vprašalnimi (interogativnimi) zaimki **k-* (npr. BS Gpl *choi[ih]ŕe* (II 23–24) = *koi[ih]ŕe* 'katerih');⁹ (č) istostna členica je v slovanskih jezikih nastala iz praslovanskega poudarjalnega členka **de* v položaju za kazalnimi (demonstrativnimi) zaimki **t-* (npr. BS Asg n *toie* (II 106) = *toje* 'prav, ravno to; isto', Npl m *tazie* (II 31) = *tacije* 'prav, ravno taki; enaki'); (d) celostna (totalna) členica, npr. psl. **žbdo* (BS *chifto* (II 80) = *kiždo* 'vsakdo');¹⁰ (e) poljubnostna členica, npr. sln. *kôli/-kôli* (*kdôrkôli*, *kârkôli*; *kjêrkôli*, *kâmorkôli*, *kôdârkôli*; *kâdarkôli*; *kâkorkôli*), *si bôdi/-sibôdi* (*kdôrsibôdi*, *kârsibôdi*; *kjêrsibôdi*, *kâmorsibôdi*, *kôdârsibôdi*; *kâdarsibôdi*; *kâkorsibôdi*); (f) poudarjalna členica (tudi natančneje določevalna), npr. sln. *-ti* (**kakoti* > *kâkti* nar., *kôti* > *kôt*, *kot*; *nîti*, *kâjti*, *ânti* star. in nar., *bâšti* zastar.), *-le* in *le-*, ki poudarja kazalne zaimke in nekatere prislove (*tâle*, *tîstile*, *ônile*; *tûle*, *tâmle*, *ôndile/ôndile*, *sêmle*, *tjâle*; *zdâjle*; *takôle*; *le-tâ*, *le-ôni*; *le-sêm*, *le-tjâ*), *-ka-j* (sln. *tûkaj*, *tâmkaj*, *ondûkaj* zastar., *sêmkaj*, *tjâkaj*, *vânkaj*), *-da* (*rêšda*, *kômajda*, *břžda*, *kajnêda*, *kâjpada*); (g) strukturalne členice, ki (na sinhroni ravni) nimajo pomena, npr. sln. *-j* (*kâj*; *zúnaj*, *znôtraj*; *kdâj*, *sêdâj/zdâj*, *têdâj*, *včêraj*, *zjûtraj*, *zgôdaj*; *zgóraj*, *spôdaj*, *sprêdaj*, *zâdaj*).

2.2 Oblikotvorni členki

Oblikotvorni členki (rus. формообразующие частицы) so del opisnih slovničnih oblik in imajo oblikotvorni slovnični pomen, npr. sln. *bi* v sedanjem in preteklem pogojnem naklonu (*bi delal*, *bi bil delal*, SP 2001) ter *naj* v opisnem velelnem naklonu (imperativu) (*Naj nas ne čaka*, SP 2001) in opisnem želelnem naklonu (optativu) (*Naj mu bo lahka domača zemlja*, SSKJ2) ali mak. *ke* in blg. *uče* v prihodnjiku. Oblikotvornim členkom so pomensko blizu še nekateri drugi členki, npr. sln. *kâr* (*Kar vstopite*, SSKJ2), spodbujevalni členek (prim. 2.9), ki poudarja velelni naklon v trdilnem stavku, in *nikâr* (*Nikar ne hodi*, Snoj 2016), nikalni členek (prim. 2.3), ki poudarja velelni naklon v nikalnem stavku.

Oblikotvorni členek v jeziku Brižinskih spomenikov bi lahko bil BS *da* (prim. 3), ki se pojavlja v velelnem naklonu za tretjo osebo in v želelnem naklonu za vse osebe, pri čemer meja med namernim odvisnikom na eni strani ter velelnikom in želelnikom na drugi ni povsem jasna.

⁸ Zaslonske (enklitične) členice so **naveski** (nem. Anhängsel).

⁹ V slovenščini so bili prvotni oziralni zaimki **j-* po analogiji zamenjani z vprašalnimi zaimki **k-*, prvotni členek **že* pa se je po rotacizmu, tj. prehodu medsamoglasniškega **ž* v *r*, spremenil v členico *-r* (sln. *kdôr*, *kâr*; *kjêr*, *kâmor*, *kôdâr*; *kâdar*; *kâkor*; *ker*).

¹⁰ Za izvor členice **žbdo* prim. Majer 2012.

2.3 Nikalni členki

Nikalni členki (negativne partikule) (nem. Negationspartikeln, rus. отрицательные частицы) zanikajo besedno zvezo, pred katero stojijo (pred glagolom ves stavek), npr. sln. *ne* (*Oče tega ne ve*, SP 2001), poudarjeno *niti* (*Na nebu ni niti oblaka*, SSKJ2), *ni* zastar. (*Ni malo mu ne zaupa*, SSKJ2). Nikalni členki so (podobno kot vprašalni) lahko tudi pastavčni (prim. 2.9). Prvotno so bili vrsta načinovnih prislovov (modalnih adverbov) (Dunkel 2014: 233). Iz nikalnih členkov v položaju pred besedo so lahko nastale nikalne členice.¹¹

Psl. **ne* 'ne' > (stcsl. *ne* 'ne'), BS *ne* (I 13, 14, 16, 17, 18, II 1, 3, 5, 24, 68, III 31) = *ne* 'ne' (> sln. *ne*) je bil **nikalni** členek s pomenom **'ne'*, ki je zanikal tako besedno zvezo (BS *ili vuolu ili ne vuolu* (I 13–14) = *ili volq ili ne volq* 'ali z voljo ali ne z voljo') kot ves stavek (BS *eſe roti, choi[ih]ſe ne pazem* (II 23–24) = *eže roti, koj[ix]že ne pasem* 'kot prisege, ki jih ne varujemo'), in sicer tako faktično kot (preventivno in inhibitivno) prohibitivno.¹²

Iz nikalnega členka **ne* je v položaju pred besedo nastala členica psl. **ne-* 'ne-' > (stcsl. *ne-* 'ne-'), BS *ne-* (I 14–15, 18, II 8–9, 13, 25, 32–33, III 28, 29, 52–53, 53) = *ne-* 'ne-' (> sln. *ne-*) (pred samostalniki: BS **neděl* 'praznik, nedelja' (Gsg *nedela* (I 18) = *neděla*), **nemof* 'bolezen' (Npl [*nemoki*] (II 13) = *ne-mof*), *nauuizt* (II 25) = *nenavist* 'sovražstvo'; pred pridevniki: **nepravdān* 'nepravičen' (Gsg n *nepraudnega* (III 29) = *nepravdněga*, Lsg f *nepraudnei* (I 14–15) = *nepravdněj*, Gpl n *nepraudnih* (III 28) = *nepravdnix*), **Neprijaznin* 'Neprijaznega, hudičev' (Npl n *nepriiaznina* (II 32–33) = *Neprijaznina*, Isg f *nepriiazninu* (II 8–9) = *Neprijazninu*), *nezramen* (III 52–53) = *nesramən* 'brez sramote', *neztiden* (III 53) = *nestidān* 'brez sramu'; pred glagoli: **vz-nenavidēti* 'zasovražiti' (3pl aor. *uznenauvideffe* (II 33–34) = *vznenaviděše*)). Nikalni predponi **ne-* je sorodna nedoločna predpona psl. **ně-* 'ne-' (> stcsl. *ně-* 'ne-', sln. *ne-*), s pomočjo katere so iz vprašalnih sestavljeni (samostalniški, pridevniški, prislovni) nedoločni zaimki, ki pa v jeziku Brižinskih spomenikov ni izpričana.

Psl. **ni* 'niti' > (stcsl. *ni* 'niti'), BS *ni* (I 18, II 5, 69) = *ni* 'niti' (> sln. *ni*)¹³ je zelo verjetno bil **poudarjalni nikalni** členek (emfatična negativna partikula) s pomenom **'res ne, niti'* ob glagolu, zanikanem z nikalnim členkom *ne*, torej v

11 Za pojem nikalni členek se v slovenskem jezikoslovju pojavljata *nikalnica* (Bajec – Kolarič – Rupel [– Šolar] 1956: 262, 296; Toporišič 1992: 146) in *nikalni členek* (Toporišič 1992: 146). Za pojem *nikalna členica* so uporabljata npr. tudi termina *nikalna predpona* (negativni prefiks) in *odvzemalna predpona* (privativni prefiks). Slednji je prevod nem. *privatives Präfix* (Dunkel 2014: 223). Za poimenovanje sln. *ne-* se v slovenskem jezikoslovju pojavljajo strokovni izrazi kot *predpona zanikanja* (Toporišič 1992: 146), *predpona* (Snoj 2016: 464), *nikalnica* (Bajec – Kolarič – Rupel [– Šolar] 1956: 262; Toporišič 1992: 146) in *nikalna členica* (Toporišič 1992: 146).

12 Praindoevropsčina je verjetno razlikovala med dvema tipoma nikalnih načinovnih prislovov, poznejših nikalnih členkov, in sicer sta to bila faktični **né* 'ne' (zanikanje dejstva) ter preventivni (ob aoristu s pomenom 'ne začenjaj ...') in inhibitivni (ob prezentu s pomenom 'nehaj ...') prohibitivni **mē* 'ne' (prepoved) (Dunkel 2014: 233). V praslovanščini se je v obeh funkcijah posplošil faktični **né*.

13 Prvotno **ni* je bilo pozneje v slovenščini okrepjeno s poudarjalno členico **ti* v **niti* > sln. *niti*.

skladenjskih zgradbah psl. **ne ... ni* 'ne ... niti' > (stcsl. *ne ... ni* 'ne ... niti'), BS *ne ... ni* (I 18, II 5, 69) = *ne ... ni* 'ne ... niti'. Če se je pojavljal pred edino besedno zvezo iste vrste (BS *ne mofem nikīfe liza ni ucriti nicacofe ubegati* (II 68–71) = *ne možem nikimže lica ni ukriti, nikakože ubēgati* 'ne moremo pred nikomer lica res ne / niti skriti, nikakor ubežati'), je izražal poudarjeno zanikanje besedne zveze, pred katero je stal (*ni ukriti*). Če se je pojavljal pred neprvo besedno zvezo iste vrste (BS *ili efe iezem ne zpažal nedela ni zueta vucera ni mega pošta i inoga mnogoga* (I 17–19) = *ili eže jesam ne spasal nedēla ni svēta večera ni mēga posta i inoga mnogoga* 'ali ker nisem spoštoval praznika niti svetega večera niti svojega posta in drugega mnovega'; *starosti ne prigemlioki nikoligefe petfali ne imugi ni řlzna teleze imoki* (II 3–6) = *starosti ne prijemlōti, nikoliježe pečali ne imy ni řlzna tēlese imōti* 'starosti ne prijemajoč, nikoli skrbi ne imajoč niti solznega telesa imajoč'), je izražal **poudarjeno nikalno vezalno** (emfatično negativno kopulativno), tj. **stopnjevalno** (gradacijsko) pomensko razmerje med predhodno in besedno zvezo, pred katero je stal (*nedēla ni svēta večera ni mēga posta, pečali ... ni řlzna tēlese*).

Iz nikalnega členka **ni* je nastala nikalna členica **psl. *ni-** 'ni-' (> stcsl. *ni-* 'ni-'), BS *ni* = **ni-** 'ni-' (> sln. *ni-*), s pomočjo katere in (izbirno tudi) členka **že* so iz vprašalnih sestavljeni (samostalniški, pridevniški, prislovni) nikalni zaimki, od katerih so v jeziku Brižinskih spomenikov izpričani naslednji: samostalniški s podspolom človeško (BS **nikijže* 'nihče', Isg m *nikīfe* (II 69) = *nikimže*), samostalniški s podspolom nečloveško (BS *nizce* (II 26) = *ničže* 'nič'), časovni s pomenom trenutek oz. obdobje (BS *nikoligefe* (II 4) = *nikoliježe* 'nikoli'), načinovni (BS *nicacofe* (II 70) = *nikakože* 'nikakor').

2.4 Vprašalni členki

Vprašalni členki (interogativne partikule) (nem. Fragepartikel, rus. вопросительные частицы) se pojavljajo v odločevalnih vprašalnih stavkih oz. *da/-ne*-vprašanjih, značilne so torej za vprašalni stavčni (skladenjski) naklon, npr. sln. *ali* (*Ali ga ne poznaš?*, SSKJ2), a knj. pog. (*A misliš, da si doma?*, SSKJ2), li zastar. (*Je li težko?*, SSKJ2), jēli zastar. (*Jeli kdo verjame?*, SSKJ2), poudarjeno *mar* (*Mar tega res niste vedeli?*, *Si mar moj šef?*, SP 2001). Vprašalni členki so (podobno kot nikalni) lahko tudi pastavčni (prim. 2.9).

Vprašalni členek **psl. *li** > (stcsl. *li* 'ali, li'), BS *li* (II 82) = **li** 'ali, li' (> sln. *li*) se je pojavljal za prvo polnopomensko besedo v stavku (stcsl. *ne azъ li vasъ dъva na desęte izbъraxъ* (Jn 6,70) 'Ali vas nisem jaz izbral dvanajst?'). V jeziku Brižinskih spomenikov je vprašalni členek *li* izpričan samo v zloženem vezniku BS *libo ... libo li si* (prim. 4).

2.5 Stopenjski členki

Stopenjski členki (gradacijske partikule) (nem. Gradpartikel, rus. частицы, характеризующие признак (действие или состояние) по его протеканию во

времени, po polnоте или nepolnоте оуществления, по резултативности или нерезултативности) so v nekaterih primerih nastali iz mernih/količinskih prislovov (*adverbia quantitatis*) in izražajo stopnjo, obdobjskost (faznost) glagolskega dogajanja, tj. dejanja in stanja, npr. sln. *šĕ, žĕ, šelĕ, (ne) vĕč*. Našteti členki izražajo: *šĕ* istodobnost glede na glagolsko dogajanje navadno ob nedovršenem glagolu (*Zgodaj je, vsi še spijo*, SSKJ2) in preddobnost glede na glagolsko dogajanje navadno ob dovršenem glagolu (*To še pride; Nisem še zdrav*, SSKJ2), *žĕ* začetek glagolskega dogajanja prej, kot se pričakuje (*Mi smo že začeli*, SSKJ2), *šelĕ* začetek glagolskega dogajanja pozneje, kot se pričakuje (*Šele danes mi je to povedal*, SSKJ2), (*ne*) *vĕč* konec glagolskega dogajanja (*Ne čakajte več, pojdite*, SSKJ2).

V jeziku Brižinskih spomenikov sta izpričana stopenjska členka **psl.** **ešĕe* 'še' > (stcsl. *ješte* 'še'), BS *efte* (II 41) = *ešĕe* 'tudi, še' (> nar. sln. *eščĕ, ščĕ*, knj. sln. *šĕ*)¹⁴ (BS *tige fe mofem i mui efte buiti* (II 41–42) = *tije že mozem i my ešĕe byti* 'Prav taki pa moremo tudi mi še biti') in **psl.** **juže* (sklop iz **ju* 'že' in *že* 'pa') ≥ **uže* 'že' > (stcsl. *juže, uže* 'že'), BS *vfe* (I 27) = *uže* 'že' (> nar. sln. *uže, vže, vre*, knj. sln. *žĕ*) (BS *bofe, ti pride ze nebeze, vfe ze da vmoku za vuiz narod* (I 27–28) = *Bože, ti pride s(ə) nebeše, uže se da v mōqō za vas narod* 'Bog, ti si prišel z nebes, že si se dal v trpljenje za ves rod').

2.6 Merni/količinski členki

Pogojno imenovani merni/količinski členki so pomensko podobni stopenjskim členkom, saj gre za skupino členkov, ki (posredno) tudi izraža neke vrste mero/količino. Vsi ti členki modificirajo besedne zveze, in sicer tako neglagolske kot glagolske. Pri mlajših, etimološko prozornih tovrstnih prislovnih in členkih so opazni pridevniški oz. zaimkovni koreni, ki izražajo mero/količino, npr. sln. *sam-*, *cel-*, *vs-*, *velik-*, *mal-*.

Skupini protipomenskih (antonimnih) členkov so **dodajalni** členki s pomenom 'tudi; pri tem, poleg tega, prav tako, vključno', npr. sln. *tūdi* (*Tudi nam se je to zgodilo, Poškodoval si je tudi nogo, Jezi se in tudi kolne včasih*, SSKJ2), in **izvzemalni** členki s pomenom 'le, samo, edino' (rus. выделятельно-ограничительные частицы), npr. sln. *lĕ* (*Na obisku so bili le eno uro*, SP 2001), *samō* (*Zanj je pomembno samo delo*, SSKJ2), *vsāj* (*Vsaj eden se me je spomnil*, SSKJ2).

Splošno **poudarjalni** (tudi poudarni) členki (nem. Intensivpartikeln, Fokuspartikeln, rus. усилительно-подчеркивающие частицы) so npr. sln. *prāv* (*Prav vsi so prišli*, SP 2001) in *rāvno* (*Ravno ona je morala to slišati*, SP 2001), ki se pojavljata pred besedno zvezo, ki jo pomensko modificirata, ter *pa* (*Kdo pa pri-*

14 Prvotno **ešĕe* > nar. sln. *eščĕ* je bilo v večjem delu slovenščine spremenjeno po glasovnih spremembah, in sicer aferezi (nar. sln. *ščĕ*) in poenostavitvi soglasniškega sklopa *šč* > *š* (nar. in knj. sln. *šĕ*).

haja?, po SP 2001), ki se pojavlja za besedno zvezo, ki jo pomensko modificira. Tudi dodajalni in izvzemalni členki so lahko intepretirani kot poudarjalni, npr. sln. *tûdi* (sln. *Potem so odnehali tudi najbolj trmasti*, SP 2001), in sicer dodajalno poudarjalni s pomenom ‘celo’, npr. sln. *celô* (*Prodali so celo hišo*, SP 2001, poudarjeno ‘tudi hišo’), in izvzemalno poudarjalni s pomenom ‘predvsem, zlasti, posebej, posebno’, npr. sln. *predvsēm* (*Predvsem je treba poudariti njegovo razgledanost*, SSKJ2), *zlâsti* (*Za ta šport se odločajo zlasti fantje*, SP 2001), *posêbej* in *posêbno* (*Posebno njemu je bil zelo blizu*, SSKJ2).

Izvzemalno poudarjalnim členkom so pomensko podobni **zadržkovni** členki, npr. sln. *sāj* (*Saj je bilo veselo, vendar ne za vse*, SP 2001), *kvêčjemu* (*Ta knjiga je razumljiva kvečjemu za strokovnjaka*, SSKJ2). V to skupino gredo še **presojevalni** členki s pomeni kot ‘skoraj, domala, do malega’ (precejšnje približevanje določeni polni meri, stopnji), npr. sln. *skōraj* (*Njegova koža je skoraj črna*, SSKJ2), *domâla* ‘skoraj’ (*Domala vse je uničeno*, SP 2001), *cîrka* neknoj. pog. ‘približno, okoli, okrog’ (*znižati stroške za cirka dvajset odstotkov*, SP 2001), *itak* ‘tako in tako’ (*Toča je uničila že itak revne posevke; Ostani še, vlak si itak zamudil*, SSKJ2).

Od vseh teh členkov je v jeziku Brižinskih spomenikov izpričan **psl.** **že* > (stcsl. *že* ‘prav, ravno; pa’), BS *fe* (II 41) = *že* ‘prav, ravno; pa’, ki se pojavlja kot **poudarjalni** članek s prvotnim pomenom *‘prav, ravno; pa’ (BS *tige fe mofem i mui efte buiti* (II 41–42) = *tije že možem i my ešče byti* ‘(prav/ravno) enaki (pa) moremo tudi mi še biti’), s poudarjanjem besedne zveze (v stavku) v nasprotju s predhodno besedno zvezo (v predhodnem stavku) izraža **protivno** (adversativno) pomensko razmerje med stavkoma *‘pa’ (BS *da mi ie na zem zuete beuši, iti fe na on zuet, paki fe uztati na zodni den* (I 8–9) = *da mi je, na sem svěťe bēvši, iti že na on svěť, paki že vzstati na sōdni dān* ‘da mi je, potem ko sem bil na tem svetu, iti pa na oni svet, spet pa vstati na sodni dan’).¹⁵

2.7 Načinovni členki

Načinovni členki (modalne partikule) (nem. Modalpartikeln, rus. модальные частицы) so nastali iz načinovnih prislovov (*adverbia modi*). Pomensko modificirajo glagolsko besedno zvezo. To so **verjetnostni** členki, npr. sln. *mordā/môrda* (*Zvečer se morda vidiva*, SSKJ2), *nājbrž/nâjbrž* (*Pes je najbrž lačen*, SP 2001), *morebīti* (*Morebiti nam bo le uspelo*, SP 2001), *nemâra* star. (*Star je nemara petdeset let*, SSKJ2), **domnevnostni** členki, npr. sln. *bajê* (*Baje so zelo bogati*, SSKJ2) in *bôjda* star. (*Grad je bojda sezidal neki plemič*, SSKJ2), *mendā/mēnda* (*Nocoj se menda že vrnejo*, SP 2001), *kāli* zastar. (*Resnica bo kali ta, da ni več živ*, SSKJ2), in **(ne)gotovostni** členki ali prislovi, npr. sln. *sevêda* (*Z njegovim*

¹⁵ V prvem primeru ima *že* poudarjalni pomen, poudarja istostni zaimek *tije* ‘isti, enaki’. V drugem primeru oba *že* postavljata stavke v nasprotje, pri čemer drugi članek lahko tudi samo poudarja prislov *paki* ‘spet’.

mnenjem se seveda ni mogoče strinjati, SSKJ2) in *vəndar* (*To je vendar preveč*, SP 2001) za izražanje gotovosti ter *bogve* (*Bogve ali še živi*; *Ženejo jih bogve kam*, SSKJ2) za izražanje negotovosti.¹⁶

2.8 Navezovalni členki

Navezovalni členki (za razliko od stopenjskih, mernih/količinskih in načinovnih, ki pomensko modificirajo besedno zvezo ali celoten stavek) pomensko modificirajo besedilo, večje od enega stavka. Členki s pomenom 'torej' se navezujejo na prej povedano (nanašanje nazaj, anafora) in s tem povezujejo vsebino več stavkov, npr. sln. *tōrej* (*Taka je torej ta stvar*, SSKJ2), *nāmreč* (*Posestvo je bilo brez dolga, brez vknjiženega namreč*, SSKJ2). Lahko poudarjajo **pojasnjevalno** (eksplikativno) pomensko razmerje med stavkoma (sln. *Pozni smo, torej moramo pohiteti*; *Vsi so vznemirjeni, zdaj gre namreč za pomembne stvari*, SP 2001).

V jeziku Brižinskih spomenikov je izpričan členek **psl.** **bo* > (stcs. *bo* 'namreč'), BS *bo* (II 44) = **bo** 'namreč'¹⁷ (BS *eccę tage dela nafnem delati, iafę oni delafe, oni bo lafna natrovuechu* (II 42–45) = *ęte taje dęla načnem dęlati, jaže oni dęlašę, oni bo lačna natrovęxę* 'če enaka dela začnemo delati, ki so jih oni delali, oni so namreč lačnega nahranili').

2.9 Pastavčni členki

Pastavčni členki (nem. Gesprächspartikeln, rus. частицы, утверждающие или отрицающие реплики) niso del stavka, temveč so samostojni **členkovni pastavki** (Toporišič 2000: 488–489), saj se pojavljajo samostojno, pred ali za stavkom. V tem se bistveno ločijo od ostalih členkov. Pastavčni so nekateri **nikalni** členki (prim. 2.3), npr. sln. *ně* (*Si ti poklical?* – *Ne*, SSKJ2), poudarjeno *nāk* (*Nak, to pa ne gre*, SSKJ2), prim. tudi *ali ně* (*To je tvoj mož, ali ne?*, SSKJ2), *ně li* (*Govorite o veselici, ne li?*, SSKJ2), in **vprašalni** členki (prim. 2.4), npr. sln. *kajně* (*Saj pojdeš z menoj, kajne?*, SSKJ2), poudarjeno *kajněda* (*Saj greš z nami, kajneda?*, SSKJ2), *kāj* (*Sedaj si zadovoljen, kaj?*, Toporišič 2000: 445), *kāli* 'ali ne' zastar. (*Menda spiš, kali?*, SSKJ2). Za razliko od nepastavčnih nikalnih in vprašalnih členkov so vedno naglašeni. Nikalnim so protipomenski **soglašalni** členki, npr. sln. *dā* (*Si pripravljen?* – *Da*, SSKJ2), *jā* knj. pog. (*Je to vaš sin?* – *Ja*; *Ja, tako je bilo*, SSKJ2), *āmen* (*Reši nas hudega, amen*, SSKJ2). V to skupino gredo še **spodbujevalni** členki, ki pa se

16 Načinovni prislov in »nepravi« verjetnostni členek je npr. sln. *mogōče* (*Tega ni mogoče_{adv.} brati* : *Mogoče_{part.} to že veste*, SP 2001), načinovni prislovi ali načinovni prislovni zaimki in »nepravi« gotovostni členki pa so npr. *vsekākōr/vsěkākōr* (*To je vsekākōr_{pron.adv.} treba povedati* : *To je vsekākōr_{part.} slabo*, SP 2001), *ręs* (*To ni res_{adv.}* : *Ali mi boš res_{part.} napravil to uslugo*, SP 2001), *resničō* (*resničō_{adv.} se veseliti* : *Pokrajina je resničō_{part.} lepa*, SP 2001), *gotōvo* (*Glas mu je zvenel gotovo_{adv.}* in *mirno* : *To bo gotovo_{part.} držalo*, SP 2001). Členki *sevęda*, *vsekākōr/vsěkākōr*, *ręs*, *resničō*, *gotōvo* so v Toporišič 2000: 449 in SP 2001 opredeljeni kot soglašalni, členek *vəndar* kot poudarni.

17 V strokovni literaturi se pojavlja tudi drugačna interpretacija, in sicer pomen 'zakaj, kajti' (BS 2004: 132).

funkcijsko že približujejo medmetom, npr. sln. *nō* (*No, reci kaj*, SSKJ2), *nū* zastar. (*Nu, pomagaj ji*, SSKJ2).¹⁸ Razlika med čustovanjskimi členki in razpoloženjskimi medmeti namreč ni vedno enoznačna, npr. sln. *hvala*, ki izraža hvaležnost (*Kako se imate? – Hvala, dobro!*, SSKJ2), in sln. *ajā*, ki uvaja domislek (*Aja, zdaj sem se spomnil*, SSKJ2). Pastavčno je rabljen tudi členek sln. *čēš*, ki uvaja subjektivno podani govor ali misel (*Držal se je samozavestno, čēš, jaz se ne bojim nikogar*, SSKJ2).

3 ČLENKI IN VEZNIKI

V najstarejših slovanskih jezikovnih spomenikih, npr. v stari cerkveni slovanščini (klasično ciril-metodovsko obdobje 863–885) (dalje stcsl.) pa tudi v jeziku Brižinskih spomenikov, kot tudi v drugih starih indoevropskih jezikih jasne razlike med členki in vezniki še ni bilo (Haburgajev 1986: 234–235; Babič 2003: 230–231; Dunkel 2014: 221–228). Med besedami v členkovni ali vezniški rabi je mogoče razlikovati na osnovni skladenjskega merila, in sicer besednega reda. Beseda v vlogi členka se je pojavljala za prvo polnopomensko besedo v stavku ali (predvsem nikalni in dodajalni členki) pred polnopomensko besedno zvezo, na katero se je nanašala, beseda v vlogi veznika pa se je pojavljala na začetku stavka oz. med besednima zvezama, ki ju je povezovala. Sledi prikaz tovrstnih besed v jeziku Brižinskih spomenikov.

Psl. **i* > (stcsl. *i* ‘tudi, celo; in’), BS *i* ‘tudi, celo; in’¹⁹ je bil prvotno verjetno **dodajalni** členek s prvotnim pomenom *‘pri tem, poleg tega, tudi’ (BS *tige fe mofem i mui efte buiti* (II 41–42) = *tije že možem i my ešče byti* ‘prav taki pa moremo tudi mi še biti’; *i tebe, bofi rabe, choku biti izpovueden uzeh moi h greh* (I 7–8) = *i tebe, božji rabe, xofo biti izpovēdan vsēx moji x grēx* ‘tudi tebi, božji služabnik, hočem biti izpovedan vseh mojih grehov’; *da i zinouue bofi narefem ze* (II 16–17) = *da i sinove božji narečem se* ‘da se tudi sinovi božji imenujemo’) in dodajalno **poudarjalni** členek s pomenom *‘celo’ (morda BS *i gezm, bratria, bozuuvani i bhgeni* (II 66–68) = *i jes(a)m, bratrija, pozvani i pfo]b[ē]jeni* ‘in smo, bratje, poklicani, celo spodbujeni/prisiljeni’), ki izraža **vezalno** (kopulativno) pomensko razmerje med besednimi zvezami (BS *tebe izpovuēde vuez moi greh i zuetemu creztu i zuetei marii i zuetemu michaelu i uuizem crilatcem bofiem i zuetemu petru i uzem zelom bofiem i uzem muſenicom bofiem i uzem vuer-nicom bofiem i uzem devuam praudnim i uzē praudnim* (I 2–7) = *tebe izpovēdē vās moj grēx i svētēmu křstu i svētěj Mariji i svētēmu Mixělu i vsēm krilatcem božjem i svētēmu Petru i vsēm s(a)lom božjem i vsēm mōčēnikom božjem i vsēm vērnikom božjem i vsēm dēvam pravdnim i vsēm pravdnim* ‘tebi izpovem ves moj greh i svetemu križu in sveti Mariji in svetem Mihaelu in vsem krilatcem

18 Tudi drugi členki so lahko rabljeni pastavčno, npr. domevnostni (*Dobite tudi vi obisk? – Morda*, Toporišič 2000: 489).

19 Prvotno **i* je bilo pozneje v slovenščini okrepljeno s poudarjalno členico **no* v **ino* > stcsl. *ino* ‘ampak’, sln. 14. st. *ino*, 16. st. *inu*, sodobno knj. *in*.

božjim in svetemu Petru in vsem slom božjim in vsem mučencem božjim in vsem vernikom božjim in vsem devicam pravični in vsem pravičnim'; *eše protiu bogu i protiu memu creztu* (I 19–20) = *eže protiv bogu i protiv měmu křstu* 'kar je proti bogu in mojemu krstu'; *tebe ze mil tuoriv od zih poštenih greh i od ineh mnozeh* (I 21–22) = *tebě se mil tvořo ot six poštenix grěx i od iněx mnozěx* 'tebe milosti prosim za te našete grehe in za druge mnoge'; *teh ze tebe miltuoriv i zuetei marii v vzem zvetim* (I 23–24) = *těx se tebě mil tvořo i světěj Mariji i všem světim* 'za té te milosti prosim in sveto Marijo in vse svete'; *miloztivui bofe, tebe poronfo me telo i mo dufu i moia zlovueza i me delo i mo vuoliu i mo vueru i moi fivuo* (I 29–31) = *milostivi bože, tebě poročo mě tělo i mo dušo i moja slovesa i mě dělo i mo volo i mo věro i moj život* 'milostljivi bog, tebi bom izročil moje telo in mojo dušo in moje besede in moje delo in moja voljo in moja vero in moje življenje') in stavki (BS *pongese bih na zi zvuet vuuraken i bih criſken* (I 12–13) = *poňeže bix na si svět [u]vraſen i bix křščen* 'potem ko sem bil na ta svet poslan in sem bil krščen'; *nebo ie tepechu metlami i, prinizſe ogni, petſachv i metſi tnachu i po lezv vuefachu i felezni cliuſi ge raztrgachu* (II 98–103) = *nebo je tepěxo metlami i, prináše ogni, pečaxo i meči tnaxo i po lěsu věšaxo i želězni klučſi je raztygaxo* 'ker so jih topli z metlami in, potem ko so jih prinesli k ognju, pekli in z meči sekali in po lesu obešali in z železnimi kljukami so jih raztrgali'; *da bim cisto iz pouued ztuoril i odpuztic ot boga priel* (III 22–24) = *da bim čisto izpověd stvoril i otpustak od boga přijel* 'da bi čisto izpoved storil in odpustek od boga prejel'). Pojavlja se tudi v dvodelnem vezalnem prirednem vezniku BS *i ... i* 'tako ... kot (tudi)' (BS *i vuenſih i minſih* (I 23) = *i věſjix i mǎňšix* 'tako večjih kot (tudi) manjših').

Psl. *a > (stcsl. *a* 'in; a, pa, toda, vendar'), BS *a* (II 34, 103) = *a* 'in; a, pa, toda, vendar' je prvotno verjetno (podobno kot **i*) bil **dodajalni** členek s pomenom **tudi* in je lahko poudarjal **vezalno** pomensko razmerje **in*, ob stavkih z nasprotujočima si pomenoma pa tudi **protivno** (adversativno) pomensko razmerje (BS *preiſe naſſi zefztoco ſtradacho* [...] *a to bac mui ninge* [...] *toie moſim ztoriti* (II 97–98, 103–107) = *prějše naši žestoko ſtradaxo* [...] *a to pak my nině* [...] *toje možem storiti* 'prejšnji naši so hudo trpeli [...] in to pa mi zdaj [...] isto moremo storiti'; *tere nepriiaznina uznenauvi deſſe a boſi uzliubiſe* (II 32–34) = *tere [děla] Neprijaznina vznenaviděše, a božj[a] vzľubiše* 'ter dela Neprijaznega so zasovražili, a božja vzljubili'). V prvem primeru si nasprotujeta osebka (*prejšje naši* : *my*), v drugem pa povedka (*vznenaviděše* : *vzľubiše*).

Psl. *nъ > (stcsl. *nъ* 'a, toda, temveč, ampak'), BS *n[a]* 'pa, saj, vendar' se kot **navezovalni** členek pojavlja na drugem mestu v stavku znotraj samostalniške besedne zveze, na katero se nanaša, in poudarja **protivno** pomensko razmerje do prej povedanega, in sicer v BS II 83–88 (BS *naſ gozbod* [...] *to n bozzledine balouvaniſe pozled ge pozſtavv* (II 89–93) = *naš gospod* [...] *to n[a] poſlěd(a)ně balovanje poſlěd je poſtav[il]* 'naš gospod to pa poslednje zdravljenje je naposled postavil'). Besedilno funkcijsko gledano je bliže členu (pojavlja se v wackernaglovskem

položaju) kot vezniku in je sopomensko členku psl. *že > stcsl. že, BS že. V stari cerkveni slovanščini nastopa tudi kot protivni veznik.

Psl. *da > (stcsl. *da* 'da'), BS **da** 'da' nima enotne etimološke razlage,²⁰ zaradi česar je težko določiti, katera njegova funkcija je prvotna in katere so drugotne. Kot **oblikotvorni** členek (prim. 2.2) se pojavlja v velelnih (imperativnih) stavkih s povednim/velelnim naklonom (BS *da c tomu dini zinzi muzlite* (II 83–84) = *da k tomu d(ə) ni, sinci, myslite* 'da na tisti dan, sinki, mislite') in v želelnih (deziderativnih) stavkih s pogojnim naklonom (BS *da bim na zem zuete tacoga grecha pocazen vzel* (I 25) = *da bim na sem světě takoga grěxa pokazan vzel* 'da bi na tem svetu takega greha kaznen gori vzel'; *da bim uzliffal na zodni den tuo milozt vueliu* (I 31–32) = *da bim uslišal na sōdni dan tvō milost velō* 'da bi uslišal na sodni dan tvojo milost veliko'). Kot podredni **veznik** se pojavlja v **pripovednem vsebinskem** odvisniku s povednim naklonom ob nepolnopomenskih glagolih, in sicer esivnem 'biti' in fientivnem 'poslati', ob glagolih rekanja in mišljenja (*verba dicendi et cogitandi*) ter glagolih telesnega in duševnega zaznavanja (*verba sentiendi*) (BS *vueriui, da mi ie, na zem zuete beufi, iti fe na on zuet* (II 8–9) = *věrujō, da mi je, na sem světě běvši, iti že na on svět* 'verujem, da mi je, potem ko sem bil na tem svetu, iti pa na oni svet'; *i pagi, bratriia, pomenem ze, da i zinouue bofi narefem ze* (II 14–17) = *i paki, bratrija, poměněm se, da i sinove božji narečem se* 'in vendar, bratje, spomnimo se, da se tudi sinovi božji imenujemo'; *tofe uueriui [...], da ta tri imena edin bog* (III 4–5, 7–8) = *tože věrujō [...], da ta tri imena [sqt] edin bog* 'tudi verujem, da so ta tri imena edini bog') v nadrednem stavku kot tudi v **namernem** (finalnem) odvisniku s pogojnim naklonom ob drugih glagolih (BS *vfe ze da vmoku za vuiž narod, da bi ni zlodeiu otel* (I 27–28) = *uže se da v mōkō za vās narod, da bi ni zloděju otel* 'že se je dal v trpljenje za ves rod, da bi nas zlodeju oteľ'; *tofe izco iega milozti [...]* i *ufeh b[osih] moki, da mi rafite na pomoki biti ki bogu moih grechou, da bim cifo izpouued ztuoril i odpuztic ot boga priel* (III 11–12, 19–24) = *tože iskō jega milosti [...]* i *vsěx božjix moči, da mi račite na pomofi biti k bogu mojix grěxov, da bim čistō izpověd stvoril i otpustak od boga prijel* 'tudi iščem njega milosti [...] in vseh božjih moči, da mi blagovolite na pomoči biti k bogu mojih grehov, da bi čisto izpoved storil in odpustek od boga prijel'; *dai mi bofe gozpodi tuuoio milozt, da bim nezramen i neztiden na zudinem dine pred tuima ofima ztoial* (III 49–56) = *daj mi, bože gospodi, tvojo milost, da bim nesraman i nes-tidan na sōd(ə)něm d(ə)ne přēd tv[o]jima očima stojal* 'daj mi, o bog gospod, tvojo milost, da bi brez sramote in sramu na sodni dan pred tvojimi očmi stal').

20 Po eni razlagi gre prvotno za praindoevropsko zaimensko osnovo *de-/do- 'ta', in sicer za direktiv/lativ *doh₂ 'k temu', iz katere naj bi najprej nastal podredni veznik, iz slednjega pa najverjetneje še soglašalni členek (v stavkih tipa *Ali misliš, da je prišel?* – *Mislim, da*; podobno je iz latinskega veznika *si* 'če', v nekaterih romanskih jezikih nastal soglašalni členek *si* 'da') (npr. ЭССЯ 4 (1977): 180–181; Snoj 2016: 124). Prvotno naj bi bil gotovostni členek s pomenom *'tako; seveda, vsekakor' (Haburgajev 1986: 235–236). Po drugi razlagi gre za praindoevropski glagol *deh₃- 'dati', in sicer za obliko druge osebe ednine velelnika aorista glagola *deh₃- 'daj!' (npr. Dunkel 2014: 132).

4 VEZNIKI

Obravnavani so prvotni prislovi, ki so v jeziku Brižinskih spomenikov zelo verjetno že gramatikalizirani v veznike.

Psl. **afe*, **efe* ‘če’ > (stcsl. *ašte* ‘če’), BS *ecce* (II 1, 42), *eche* (III 49) = *efe* ‘če’ (> sln. *če*) je bil veznik, ki je uvajal **pogojni** (kondicionalni) odvisnik (pri čemer se je v nadrednem stavku lahko pojavljal soodnosni (koreferenčni) prislov **te* > (stcsl. *te*, *tě*), BS *te* ‘tedaj, potem’, torej BS *efe ... te* ‘če ... tedaj, potem’ (BS *ecce bi detd naf ne zegrefil, te v ueki gemu be fiti* (II 1–3) = *efe bi ded naš ne sagrašil, te v veki jemu bē žiti* ‘če bi ded naš ne zagrešil, tedaj v veke bi mu bilo živeti’; *tige fe mofem i mui efte buiti, ecce tage dela nafnem delati* (II 41–43) = *tije že možem i my ešče byti, efe taje dela načnem dělati* ‘Prav taki pa moremo tudi mi še biti, če ista dela začnemo delati’; *i rad ze chocu caiati [...], eche me, bofe, poftedifi* (III 47–50) = *i rad se xolō kajati [...], efe mę, bože, poščēdiši* ‘in rad se hočem kesati [...], če me, o bog, obvaruješ’).

Psl. **teže* (sklop iz **te* ‘tedaj, potem’ in **že* ‘pa’) > BS *tere* (II 32, 110) = *tere* ‘ter’ (> sln. *ter*) je bil prvotno verjetno poudarjeni časovni prislov s pomenoma **istodobnost** ‘prav, ravno tedaj’ in **zadobnost** ‘prav, ravno potem’, ki je lahko ob nenasprotujočima si pomenoma stavkov izražal **vezalno** pomensko razmerje, in sicer istodobno (BS *efe befe priuux zlouuezi u liza tazie, acofe i mui gezim, tere nepriiaznina uznenauvideffe* (II 30–34) = *eže bēšę prvē človēci v lica tacije, akože i my jesam, tere [dēla] Neprijaznina vznenavidēšę* ‘da so bili prej ljudje v lica taki, kakor smo tudi mi, ter so dela Neprijaznega zasovražili’) in zadobno (BS *da potomu, zinzi, bofi raba prizzuaufe tere im grechi vuafa poftete* (II 109–112) = *da potomu, sinci, božjfe] rabę prizvavše tere jim grēxi vašę poštēte* ‘da zato, sinki, božje služabnike poklicavši ter jim grehe vaše naštejte’).

Psl. **nu* > BS *nu* (II 6, 24, 71, 85, 91) = *nu* ‘temveč’ je bil **protivni** veznik in je nastopal kot drugi del dvodelnega veznika BS *ne/ni ... nu* ‘ne ... temveč’ (BS *ide neca moze vcloniti, nu ge pred bofima ofima ftati* (II 84–87) = *ide nē kamo sę ukloniti, nu je prēd božjima očima stati* ‘kjer/ko ni kam se skloniti stran, temveč je pred božjimi očmi stati’).

Psl. **ili* ‘ali’ (sklop iz **i* ‘tudi, in’ in **li* ‘ali’) (> stcsl. *ili* ‘ali’), BS *ili* (I 13–17, III 31–32) = *ili* ‘ali’ je bil **ločilni** (disjunktivni) veznik, ki je povezoval tako besedne zveze (BS *ili u nepraudnei rote ili u lfi ili tatbe ili zavuižti ili v uzmaži ili v ziništue* (I 14–16) = *ili v nepravdněj rotē ili v lži ili tatbē ili zavisti ili v vzmaži ili v s(a)ničtvē* ‘ali v nepravilni prisegi ali v laži ali v zavisti ali v skrunitvi ali v nečistovanju’) kot tudi stavke (BS *efe pomngu ili ne pomngu* (I 13) = *eže pomnō ili ne pomnō* ‘kar pomnim ali ne pomnim’).

Psl. **libo* (sklop iz **li* ‘ali’ in **bo* ‘namreč’) > BS *libo* (II 81, 82) = *libo* ‘ali’ (rus. *либо* ‘ali’) je bil **ločilni** (disjunktivni) veznik in se je pojavljal v zloženem vezniku *libo ... libo li si* ‘ali ... ali, bodisi ... bodisi’ (BS *libo bodi dobro libo li si zlo* (II 81–82) = *libo bōdi dobro libo li si zlo* ‘ali naj bo dobro ali zlo’).

Psl. *nebo (sklop iz *ne 'ne' in *bo 'namreč') > BS *nebo* (II 98) = *nebo* 'kajti' (BS *preife naffi zefztoco stradacho, nebo ie tepechu metlami* (II 97–99) = *prejše naši žestoko stradaxo, nebo je tepexo metlami* 'prejšnji naši so hudo trpeli, kajti topli so jih z metlami') stoji na prvem mestu v stavku in poudarja **vzročno** pomensko razmerje.

5 PRISLOVI

Prikazani so prvotni prislovi, ki so v jeziku Brižinskih spomenikov zelo verjetno že pomensko oslabeledi v členke in/ali so se že rabili kot vezniške besede.

Psl. *daže (sklop iz *da 'da' in *že 'pa') > (stcsl. *daže* 'preden'), BS *dafe* (III 40) = *daže* 'pa vse, celo' (rus. *даже* 'celo') je verjetno že bil dodajalno **poudarjalni** členek (BS *od toga dine, ponefe xpen bih, dafe dodiniznego dine* (III 39–41) = *ot toga d(ə)ne, poŋeže křščen bix, daže do dənāšnĕgo d(ə)ne* 'od tistega dne, potem ko sem bil krščen, pa vse do današnjega dne').

Psl. *tože 'to pa, prav to, prav tako' (sklop iz *to 'to' in *že 'pa') > (stcsl. *tože* 'tudi; in'), BS *tofe* (III 4, 11) = *tože* 'tudi; in' (> nar. sln. *tôre*)²¹ je bil prvotno morda **načinovni** prislov s pomenom *'prav tako, enako', pomensko oslabeledi v **dodajalni** členek s pomenom *'tudi', ki poudarja **vezalno** pomensko razmerje (BS *tofe uueruii ubog uzemogoti* (III 4–6) = *tože věrujō v bog vsemogōti* 'tudi/in verjamem v boga vsemogočega'; *tofe izco iega milozti* (III 11–12) = *tože iskō jega milosti* 'tudi/in iščem njega milosti').

Psl. *pak > BS *bac* (II 103) = *pak* 'tudi; pa' (> star. sln. *pāk*, sln. *pa*) je bil **dodajalni** členek s pomenom *'tudi', ki je med stavkoma z nasprotujočima si pomenoma poudarjal **protivno** pomensko razmerje (BS *a to bac mui ninge* [...] *toie mořim ztoriti* (II 103–107) = *a to pak my ninĕ* [...] *toje mořem storiti* 'in to tudi mi zdaj enako moremo storiti' oz. 'in to pa mi zdaj enako moremo storiti').

Psl. *paky > (stcsl. *paky* 'znova, spet, še; tudi; potem'), BS *paki* (I 9), *pagi* (I 14) = *paki* 'znova, ponovno, spet; vendar' je bil prvotno **časovni** prislov s pomenom **ponavljalnost** *'znova, ponovno, spet'²² (BS *iti fe na on zuet, paki fe uztati na zodni den* (I 9) = *iti že na on svět, paki že vzstati na sōdni dān* 'iti pa na oni svet, spet pa vstati na sodni dan'),²³ med stavkoma z nasprotujočima si pomenoma je poudarjal **protivno** pomensko razmerje (BS *i pagi, bratriia, pomenem ze* (II 14–15) = *i paki, bratrija, pomĕnĕm se* 'in spet/vendar, bratje, spomnimo se').

Psl. *poŋeže 'po tem pa' (prvotno predložna zveza **po ŋe že* 'prav, ravno po tem, po tem pa' s predlogom **po* 'po', **n-je*, obliko tožilnika ednine srednjega spola kazalnega, pozneje oziralnega vrstnega pridevniškega zaimka **jь* 'ta; kateri, ki' in

21 Prvotni prislov psl. *tože > nar. sln. *tôre* je bil pozneje v delu slovenščine okrepljen s členico sln. -j (knj. sln. *tôre-j*) (prim. 1.1).

22 Pojavlja se tudi strokovni izraz *kratnostni prislov* (SP 2001 s. v. *znova, ponovno, spet*).

23 Na dejstvo, da je BS *paki* prislov, tj. polnopomenska beseda, kaže tudi to, da se pojavlja na prvem mestu v stavku, sledi pa mu členek na drugem mestu v stavku.

poudarjalnim členkom *že ‘prav, ravno; pa’) > (stsl. *ponježe* ‘zato, ker’), BS *pongeše* (I 12), *boneše* (II 7–8), *poneše* (III 40) = **požeže** ‘potem, potem ko, ker’ (> nar. sln. *pónjer* ‘potem’) (Metka Furlan v Bezljaj 1995: 86) je bil prvotno **časovni** prislov s pomenom **zadobnost** *‘po tem, potem’, ki je v prvem stavku med stavkoma z neistodobnim časovnim razmerjem poudarjal **preddobno časovno** pomensko razmerje *‘potem ko’ (BS *eše iežem ztuoril zla po t den, pongeše bih na zi zvuet vuuraken i bih crišken* (I 11–13) = *eže jesam stvoril zla po t dan, požeže bix na si svēt [u]vraten i bix křščen* ‘kar sem storil zla po tem dne, po tem / potem ko sem bil na ta svet vrnjen/pošan in sem bil krščen’; *eše iešem ztuoril ptiuuu bogu od togo dine, poneše xphen bih* (III 37–40) = *eže jesam stvoril p[ro]tivu bogu ot togo d(ə)ne, požeže křščen bix* ‘kar se storil proti bogu od tega dne, po tem / potem ko sem bil krščen’), kar je bilo mogoče interpretirati tudi kot **vzročno** (kavzalno) pomensko razmerje *‘ker’ (BS *boneše zavuižtiu bui nepriiazninu uvignan od fzlauui bofiže, potom na narod zlovuezki strazti i petzali boido* (II 7–13) = *požeže zavistjo by Nepriiazninu vignan ot slavy božje, potom na narod člověčki strasti i pečali pojdo* ‘ker je bil z zavistjo Neprijaznega izgnan od božje slave, so potem/zato na rod človeški strasti in skrbi prišle’).²⁴

Psl. *potomъ ‘po tem’ (sklop iz predloga *po ‘po’ in *tomъ, oblike mestnika ednine moškega/srednjega spola kazalnega vrstnega pridevniškega zaimka *tъ ‘ta, tisti’) > BS *potom* (II 10) = **potom** ‘potem’ je bil **časovni** prislov s pomenom **zadobnost** *‘po tem, potem’ (BS *potom na narod zlovuezki strazti i petzali boido* (II 10–13) = *potom na narod člověčki strasti i pečali pojdo* ‘potem na rod človeški strasti in skrbi so šle’).

Psl. *potomu ‘po tem’ (prvotno predložna zveza s predlogom *po ‘po’ in *tomu, obliko dajalnika ednine moškega/srednjega spola kazalnega vrstnega pridevniškega zaimka *tъ ‘ta, tisti’) > BS *botomu* (II 17, 35), *potomu* (II 28, 109) = **potomu** ‘zato, torej, zatorej’ je bil prvotno **časovni** prislov s pomenom **zadobnost** *‘po tem, potem’, ki je v drugem stavku med stavkoma z neistodobnim pomenskim razmerjem lahko poudarjal tudi **posledično** (konsekutivno) pomensko razmerje *‘zato’ (BS *i pagi, bratriia, pomenem ze, da i zinouue bofi narešem ze. botomu ozštanem zich mirzcih del* (II 14–19) = *i paki, bratrija, poměněm se, da i sinove božji narečem se. potomu ostanēm six myzkix děl* ‘in spet/vendar, bratje, spomnimo se, da tudi sinovi božji imenujemo se. zato opustimo ta mrzka dela’; *priuue zlouuezi [...] nepriiaznina uz nenauidēše, a bofi[a] uzliubiše, da botomu nine u circuvah ich clanam ze* (II 30–36) = *prvé člověci [...] [děla] Neprijaznina vznenaviděše, a božja vzliubiše, da potomu ninē v cřkvax jix klanām se* ‘prej so ljudje [...] dela Neprijaznega zasovražili, a božja vzljubili, da se potem/zato zdaj v cerkvah njih klanjamo’; *da potomu, zinz, bofi raba prizzuauše* (II 109–110) = *da potomu, sinci, božj[e] rabę prizvavše* ‘da

24 Na to, da *požeže* v prvem stavku poudarja vzročno in ne predodobno časovno pomensko razmerje med stavkoma, bi kazal časovni prislov s pomenom zadobnosti *potom* v drugem stavku. Druga možna interpretacija je, da sta tako *požeže* kot *potom* (še vedno) časovna prislova in je v neodvisnih stavkih nanizano sosledje dogajanja (‘potem je bil z zavistjo Neprijaznega izgnan od božje slave, potem so na rod človeški strasti in skrbi prišle’).

zato, sinki, božje služabnike poklicavši'), iz prvega pomena je s pomenskim slabljenjem nastal **navezovalni** členek (BS *nizce teh del mirze ne pred bofima ozima. mofete potomu, zinzi, uvideti i zami razumeti* (II 27–29) = *ničže tēx děl mřže ně přěd božjima očima. můžete potomu, sinci, viděti i sami rozuměti* 'nič ni bolj mrzko od teh del pred božjimi očmi. morete torej/zato, sinki, videti in sami razumeti').²⁵

Psl. **dožda* > BS *dofda* (II 61–62) = *dožda* 'dokler' (sorodno je stcsl. *doži i do* 'do') je bil prvotno **časovni** prislov s pomenom **preddobnost** *'pred tem, prej', ki je med stavkoma z neistodobnim časovnim razmerje poudarjal **zadobno časovno** pomensko razmerje *'preden' (BS *taco, zinzi, i nam ze modliti tomuge vuirchnemo otzu gofzpodi, dofda ni tamoge vzedli, v zezarftuo fuoge* (II 58–63) = *tako, sinci, i nam se modliti tomuje vřxněmu otcu gospodi, dožda ni tamoje vsedli, v česarstvo svoje* 'tako, sinki, tudi nam se je moliti istemu vrhnjemu očetu gospodu, dokler nas prav tja [ne] vseli, v cesarstvo svoje').

6 SKLEP

Pri analizi procesa postopne gramatikalizacije členkov in prislovov v veznike na gradivu jezika Brižinskih spomenikov je mogoče zaradi njihove pomenske reinterpretacije v besedilu opaziti naslednje težnje (tendence) v pomenskih spremembah: (a) dodajalni in izvzemalni členek sta lahko intepretirana kot poudarjalna, in sicer prvi kot dodajalno poudarjalni s pomenom *'tudi' → *'celo' (BS *i*) in drugi kot izvzemalno poudarjalni s pomenom *'le, samo, edino' → *'predvsem, zlasti, posebej, posebno'; (b) dodajalni členek s prvotnim pomenom *'tudi' lahko med stavkoma z nenasprotujočima si pomenoma poudarja vezalno (kopulativno) pomensko razmerje (BS *i, tože*), med stavkoma z nasprotujočima si pomenoma pa protivno (adversativno) pomensko razmerje (BS *pak*); (c) poudarjalni členek s prvotnim pomenom *'prav, ravno' s poudarjanjem besedne zveze v stavku v nasprotju s predhodno besedno zvezo v predhodnem stavku poudarja protivno pomensko razmerje med stavkoma *'pa' (BS *že, a*); (č) poudarjalni nikalni členek lahko poudarja stopnjevalno pomensko razmerje med stavkoma (BS *ne ... ni*); (d) navezovalni členki s pomenom *'torej' lahko poudarjajo pojasnjevalno (eksplikativno) pomensko razmerje med stavkoma (BS *bo*); (e) časovni prislov s pomenoma istodobnost *'prav, ravno tedaj' in zadobnost *'prav, ravno potem' lahko ob nenasprotujočima si pomenoma stavkov poudarja vezalno pomensko razmerje; (f) časovni prislov s pomenom zadobnost *'po tem, potem' med stavkoma z neistodobnim časovnim razmerjem poudarja preddobno časovno pomensko razmerje *'potem ko', ki ga je mogoče interpretirati tudi kot vzročno (kavzalno) pomensko razmerje *'ker', če prislov stoji v prvem stavku (BS *poñeže*), in kot posledično (konsekutivno) pomensko razmerje *'zato', če prislov stoji v drugem stavku (BS *potomu*).

25 Prislov sln. *potěm* je motiviran enako kot BS *potom* (da gre za ponovno tvorbo, kaže drugotna končnica mestnika ednine zaimka sln. *tā*) in pomensko podobno BS *potomu* (zadobno časovno: *Dobro premisli, potem odgovori*; navezovalno: *Vse je drago, kako naj potem človek kaj privarčuje*; posledično: *Kupcev je malo. Potem bo izkupiček slab*, SP 2001).

LITERATURA

- Agrež 2016** = Maruška Agrež, *Členki v slovenskem knjižnem jeziku od 17. do 19. stoletja: doktorska disertacija*, Filozofska fakulteta v Ljubljani, 2016. – Tipkopis
- Babič 2003** = Vanda Babič, *Učbenik stare cerkvene slovanščine*, Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2003.
- Bajec – Kolarič – Rupel [– Šolar] 1956** = Anton Bajec – Rudolf Kolarič – Mirko Rupel [– Jakob Šolar], *Slovenska slovnica*, Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1956.
- Bezljaj 1976, 1981, 1995, 2005, 2007** = France Bezljaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika I–V*, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Inštitut za slovenski jezik ZRC SAZU, 1976–2007.
- BS 2004** = *Brižinski spomeniki / Monumenta Frisingensia: znanstvenokritična izdaja*, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, ³2004 (¹1992, ²1993).
- Černelič 1991** = Ivana Černelič, Členek kot besedna vrsta v slovenskem knjižnem jeziku, *Jezikoslovni zapiski* 1 (1991), 73–85.
- Černelič 1993** = Ivana Černelič, O delitvi členkov, *Vprašanja slovarja in zdomske književnosti*, ur. Martina Orožen – Mateja Hočevar, Ljubljana: Zavod Republike Slovenije za šolstvo in šport, 1993, 213–227.
- Dunkel 2014** = George E. Dunkel, *Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme* 1–2, Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2014.
- Duridanov idr. 1993** = Иван Дуриданов idr., *Граматика на старобългарския език: Фонетика, морфология, синтаксис*, София: Българска академия на науките, 1993.
- ESSJ 1** = František Kopečný, *Etymologický slovník slovanských jazyků: slova gramatická a zájmena* 1: *předložky, koncové partikule*, Vědecký redaktor Bohuslav Havránek, Praha: Academia, nakladatelství Českoslovené akademie věd, 1973.
- ESSJ 2** = František Kopečný – Vladimír Šaur – Václav Polák, *Etymologický slovník slovanských jazyků: slova gramatická a zájmena* 2: *spojky, částice, zájmena a zájmenná adverbia*, Praha: Academia, nakladatelství Českoslovené akademie věd, 1980.
- Haburgaev 1986** = Георгий Александрович Хабургаев, *Старославянский язык*, Москва: Альянс, 1986 (2016).
- Jakop 2000–2001** = Nataša Jakop, Funkcijska delitev členkov: značilnosti naklonskih členkov, *Jezik in slovstvo* 46 (2000–2001), št. 7–8, 305–316.
- Lekant idr. 2017** = Павел Александрович Лекант idr., *Современный русский язык: учебник для академического бакалавриата*, Москва: Юрайт, ⁵2017.
- Majer 2012** = Marek Majer, An Archaic Indo-European Verbal Form in the Slavic Generalizing Particle *-žido?, *The Indo-European Verb: Proceedings of the Conference of the Society for Indo-European Studies, Los Angeles 13–15 September 2010*, ur. Harold Craig Melchert, Wiesbaden: Reichert, 225–234.
- Perko 2016** = Vesna Perko, *Poskus konstrukcijske analize členkov: magistrsko delo*, Filozofska fakulteta v Ljubljani, 2016. – Tipkopis.
- Smolej 2001** = Mojca Smolej, *Členek v slovenskem knjižnem jeziku: pomenoslovni in skladenjski vidiki: magistrsko delo*, Filozofska fakulteta v Ljubljani, 2001. – Tipkopis.
- Smolej 2003** = Mojca Smolej, Nekoliko drugačna delitev členkov, *Języki i tradycje Słowian*, ur. Emil Tokarz, Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2003 (Prace naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach), 244–251.
- Smolej 2004** = Mojca Smolej, Členki kot besedilni povezovalci, *Jezik in slovstvo* 49 (2004), št. 5, 45–57.
- Smolej 2017** = Mojca Smolej, Partikeln und Lexeme in der Rolle von Partikeln, v: *Partikeln überall: Deutsch – Slowenisch – Chinesisch*, ur. Stojan Bračič – Mateja Petrovčič, Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 73–88.
- Snoj 2016** = Marko Snoj, *Slovenski etimološki slovar*, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, ³2016 (¹1997).

- SSKJ2** = *Slovar slovenskega knjižnega jezika*, druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, Cankarjeva založba, 2014.
- SP 2001** = *Slovenski pravopis*, ur. Jože Toporišič, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, 2001.
- Šekli 2016a** = Matej Šekli, Частицы и союзы в языке Фрейзингенских отрывков = Členki in vezniki v jeziku Brižinskih spomenikov, *Тезисы Международной научной конференции Словенский язык, литература и культура в славянском и европейском контексте 28–29 ноября 2016 года*, Москва: МАКС Пресс, 2016, 106–111.
- Šekli 2016b** = Matej Šekli, Frazni glagoli v rezijanskem narečju slovenščine, *Annales: anali za istrske in mediteranske študije, series Historia et Sociologia* 26 (2016), št. 4, 689–698.
- Švedova idr. 1980** = Наталия Юльевна Шведова idr., *Русская грамматика I–II*, Москва: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1980 (2005).
- Toporišič 1992** = Jože Toporišič, *Enciklopedija slovenskega jezika*, Ljubljana: Cankarjeva založba, 1992.
- Toporišič 2000** = Jože Toporišič, *Slovenska slovnica*, Maribor: Obzorja, 42000 (1976).
- Večerka 2006** = Radoslav Večerka, *Staroslověňština v kontextu slovanských jazyků*, Olomouc: Univerzita Palackého – Praha: Nakladatelství Euroslavica, 2006.
- Vondrák 1928** = Wenzel Vondrák, *Vergleichende slavische Grammatik II: Formenlehre und Syntax*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 21928 (1908).
- Žele 2014** = Andreja Žele, *Slovar slovenskih členkov*, Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2008.

SUMMARY

Particles between adverbs and conjunctions (based on language material from the Freising manuscripts)

In analyzing the gradual grammaticalization of particles and adverbs into conjunctions based on language material from the Freising manuscripts (Fm), their semantic reinterpretation in the text makes it possible to observe the following tendencies in semantic changes: (a) the additive and exclusive particle can be interpreted as emphatic; specifically, the first as additive emphatic with the meaning *‘also’ → *‘even’ (Fm *i*) and the second as exclusive emphatic with the meaning *‘only, just’ → ‘especially, particularly, specifically’; (b) between sentences with non-contrastive meanings, the additive particle with the original meaning *‘also’ can emphasize a copulative relation (Fm *i*, *tože*), and between sentences with contrastive meanings an adversative relation (Fm *pak*); (c) the emphatic particle with the original meaning *‘precisely, exactly’ with emphasis on a phrase in the sentence contrasting with a prior phrase in the previous sentence emphasizes the contrastive relation *‘but’ (Fm *že*, *a*); (d) the emphatic negative particle can emphasize a gradational relation between sentences (Fm *ne ... ni*); (e) the referential particle with the meaning *‘thus’ can emphasize an explicative relation between sentences (Fm *bo*); (f) the temporal adverb with the meanings of simultaneity *‘just, right then’ and subsequent action *‘just, right after’ can emphasize a linking relation with non-contrastive meanings of sentences; (g) the temporal adverb with the meaning of subsequent action *‘after, afterward’ between sentences with a non-simultaneous temporal relation emphasizes the antecedent temporal relation *‘after that’, which can also be interpreted as a causal relation (Fm *pońeže*).

СВЕТЛАНА М. ТОЛСТАЯ

ПРАСЛАВЯНСКИЙ ПРЕФИКС **ob-/o-* ПЕРЕД КОРНЕВЫМ *v-*

COBISS: 1.01

Praslovanska predpona **ob-/o-* pred korenskim *v-*

Praslovanska predpona **ob-/o-* pred glagolskim korenem, začetim z *v-*, je lahko imela štiri reflekse: *ob-* (izguba *v*), *ov-* (izguba *b*), *obv-* (ohranitev vseh elementov) in *b-* (izguba *o* in *v*). V članku se pokuša opredeliti pogoje (fonološke, morfonološke, besedotvorne), od katerih je odvisna pojavitev katerega od refleksov.

Ključne besede: praslavanščina, glagolska predpona **ob-/o-*, fonetična sprememba, morfonologija, semantični modeli, etimologija

The Proto-Slavic Prefix **ob-/o-* Preceding Root *v-*

The Proto-Slavic prefix **ob-/o-* before a verbal root in *v-* can have four reflexes: *ob-* (loss of *v*), *ov-* (loss of *b*), *obv-* (preservation of both elements), and *b-* (loss of *o* and *v*). This article seeks to define the conditions (phonological, morphonological, and derivational) that determine each of the reflexes.

Keywords: Proto-Slavic, verbal prefix **ob-/o-*, phonetics, morphonology, semantics, Slavic lexicon, etymology

А и Б сидели на трубе.

А упало, Б пропало.

Что осталось на трубе?

Загадка-шутка

- 0 Дериваты с префиксом **ob-/o-* (прежде всего глагольные) известны всем славянским языкам и в основной своей массе надежно возводятся к праславянскому состоянию. Общая формальная и семантическая характеристика префикса (и соответствующего предлога) дана в Кореšný 1973: 132–141; о предлоге и его и.-е. соответствиях см. также ЭССЯ 26: 71–74, о семантике предлога см. Triomphe 1958. Как для предлога, так и для приставки исходным для праславянского считается алломорф **ob-* и вторичным – алломорф **o-*, объясняемый утратой *-b* перед согласными или: «сокращением **obъ*» (Miklosich 1893: 218), «ослаблением *ob-*» (ESJS 9: 559). Между тем материал ЭССЯ 26–31, где содержится вся основная праславянская лексика, для которой реконструируется этот префикс, не обнаруживает строгого распределения данных алломорфов по дистрибутивному признаку: в одних и тех же праславянских лексемах в разных славянских языках и даже в одном языке обнаруживаются рефлексы обоих типов – с начальным *ob-* и начальным *o-*, ср. рус. *осудить* и *обсудить*,

остановка и обстановка, овал и обвал и т.п. Префиксу **ob-/o-* применительно к отдельным славянским языкам посвящена большая литература, см., например, Krupianka 1969; Roberts 1976; Кронгауз 1998; Кошелев 2004; Będkowska-Korczyk 2012; Эндресен 2013. В этих работах по-разному решается вопрос о статусе вариантов префикса: *ob-* и *o-*; они могут трактоваться как самостоятельные морфемы или как алломорфы одной морфемы.

Вторая проблема, связанная с данным префиксом, касается морфонологических преобразований на границе префикса **ob-/o-* и корня, начинающегося с *v-*, т.е. изменений группы *obv-*. Именно этой проблеме посвящена настоящая статья. В данной позиции, как показывает материал ЭССЯ 30–31, происходит либо утрата корневого *v* (преобладающий вариант): **obviděti*¹ → *obiděti*, **obvodь* → *obodь*, **obvaliti* → *obaliti*, **obvora* → *obora*, либо (реже) утрата *b*: **obvĕdĕti* (*se*) → *ovĕdĕti* (*se*), **obvĕjati* (*se*) → *ovejati* (*se*), **obverdĕti* → *overdĕti*, **obvĕriti* → *ovĕriti*, **obvĕkovĕčiti* (*se*) → *ovĕkovĕčiti* (*se*), **obvyršiti* (*se*) → *ovyršiti* (*se*), либо сохранение всей группы *obv-*: **obvezti* (*se*) → *obvezti* (*se*), **obvoziti* (*se*) → *obvoziti* (*se*), **obvoditi* → *obvoditi*. В одних случаях (статьях ЭССЯ) в приводимом материале из разных славянских языков и диалектов преобладают одни формы (например, в **obvĕriti* (*se*) формы на *ov-*), в других – другие (например, в **obviděti*, **obvolьka/-ko/-къ*, **obvora* – формы на *ob-*), в третьих – третьи (например, в **obvoditi*, **obviniti* – формы на *obv-*). Но чаще всего одной и той же праславянской лексеме соответствуют **разные рефлексy** – всех трех (или двух из трех) видов (в том числе и в одном языке), иногда с преобладанием одного из них, например: **obvĕsiti* (*se*) → ст.-слав. *obъсѣти*, болг. *обеса*, *обвеса*, с.-х. *objesiti*, *ovjesiti*, слов. *obesiti*, чеш. *obvěsiti*, *oběsiti*, *ověsiti*, словац. *ovesit'*, ст.-пол. *obiesić*, пол. *obwiesić*, др.-рус. *объсѣти*, *обвѣсѣти*, рус. *обвесить*, диал. *овесить*, бел. *абвесіць*. В сравнительно редких случаях на месте исходной последовательности **obv-* имеет место еще один, четвертый рефлекс – *b* как следствие двойной редукции, т.е. утраты *o* и *v*, например, **obvĕsiti*: болг. *бъсѣ*, *беса*, с.-х. диал. *бесѣти* ‘вешать кого на виселице’.

Как можно объяснить эти различные рефлексy исходного комплекса **obv-*? Почему, например, в **obvoditi* нет никаких упрощений, и согласные на стыке приставки и корня, судя по приведенному материалу, сохраняются практически во всех языках и диалектах, тогда как в продолжениях **obvodь* лексем с упрощением очень много? Читатель сам не в состоянии вывести правила, которому подчиняется выбор одной из трех форм, но и авторы словарных статей не только не помогают ему в этом, но и вообще не сигнализируют ему о наличии проблемы. Единственное, что ему сообщается, это

1 Праславянские лексемы приводятся в статье в той форме, в какой они даются в ЭССЯ. К сожалению, рамки статьи не позволяют везде привести конкретный материал разных языков.

то, что в случае сохранения обоих согласных на стыке морфем имеет место «вторичное восстановление». Но почему и в каких условиях происходит это «восстановление», остается неясным. В какой мере изменения праславянского инициального комплекса зависят от условий фонологических, морфонологических, словообразовательных, семантических? Рассмотрим подробнее каждый из четырех рефлексов праславянского префикса **ob-/o-* перед корневым *v-*.

- 1 Рефлекс *ob-*. В ЭССЯ признается абсолютным и универсальным правило перехода **obv-* > *ob-*, а сохранение *obv-* трактуется как «вторичное восстановление», т.е. как результат двуступенчатого изменения: **obv-* > *ob-* > *obv-*. Действительно, наиболее последовательно, как показывает материал словаря, на морфемном стыке приставки **ob-/o-* и корня, начинающегося с *v*, представлен рефлекс *ob-*. Само по себе сочетание *bv* в славянских языках возможно только на морфемной границе, и его преобразование (выпадение *v*) скорее всего обусловлено исконным фонетическим качеством *v*, а именно его фрикативным и «сонорным» характером, определяющим и другие его особенности (ср. отсутствие ассимиляции шумных по глухости–звонкости перед *v-*, как и перед другими сонорными: *звон* и *свой*, *звать* и *сват*). Самая древняя лексика с префиксом *ob-* и корневым *v-* обнаруживает строгое следование этому правилу. Например, лексемы **obvida*, **obviděti* (*se*), **obvidjati* (*se*) и их именные дериваты в славянских языках не знают ни одного отклонения от данного правила, т.е. нигде не сохраняют этимологического *v-*.² В дальнейшем по мере перехода *v* в разряд шумных (смычных) согласных правило изменения *bv* > *b* (утраты «сонорного» *v* после шумного *b*) перестает быть актуальным, чем и объясняются многочисленные отклонения от этого правила, т.е. случаи сохранения *v* после *b* (для русского языка см. Иткин 2007: 83–84).

К числу наиболее последовательных случаев такой древнейшей рефлексации **obv-* в виде *ob-* относятся лексемы с глагольными корнями *vad-*: **obvada* I, **obvadjenъje*, *var-*: **obvarati* (*se*) II, **obvarica*, **obvarina*, **obvariti* (*se*) II, *velk-*: **obvelčъ*, **obvelčъje*, **obvelčъka*/**obvelčъkъ*, **obvelkъ*/**obvelka*, **obvelk(ъ)lo*, *věs-*: **obvēšadlo*, *vět-*: **obvēt(j)anjъe*, **obvētъnica*/**obvētъnikъ*, *vid-*: **obvida*, **obviděti* (*se*), **obvidjati* (*se*), **obvid(j)ěньje*, **obvidъnikъ*, *vit-*: **obvita(d)lišče*, **obvitanъje*, **obvitatel'ъ*, **obvitělišče*, **obvitěľъ*, *volk-*: **obvolčati* (*se*) I, **obvolčati* (*se*) II, **obvolčěньje*, **obvolčica*, **obvolčidlo*, **obvolčiti* (*se*) II, **obvolčъje*, **obvolčъka* II/**obvolčъkъ* II; **obvolčъnъ(jъ)*, **obvolkovъ-jъ*, *vold-*: **obvolda*, **obvoldatel'ъ*, **obvolstъnъ(jъ)*, *von'-*: **obvon'anъje*, *ver-*:

2 Упомянутый в ЭССЯ македонский глагол *обвидели* ‘восстановить кому-л. зрение’ – явно поздний отглагольный дериват с внутренней формой ‘сделать видящим’ и особым, «возвратным» значением префикса; другое значение префикса и в рус. диал. *обвидеться* ‘ошибиться зрением’, ср. *ослышаться оступиться*.

obvora I*/obvorъ I*, **obvorišće*, **vert-**: **obvortati (se)*, **obvortišće*, **obvortjadlo*, **obvortjanъje*, **obvortъka*/**obvortъкъ*, **vor-**: **obvorъka*/**obvorъкъ*, **obvorъсь*, **obvorъникъ*, **obvorънъ(jь)*, **obvorънъ(jь)*, **vyk-**: **obvучajъ*, **obvучajънъ(jь)*, **obvучънъ(jь)*, **obvukt'и (se)*, **vyb-**: **obvъlica*, **obvъličъka*, **obvъlika*/**obvъlikъ*, **obvъlikovъ(jь)*, **obvъlina*/**obvъlinъ*, **obvъlinъka*/**obvъlinъкъ*, **obvъliti (se)*, **obvъlizna*, **obvъl'акъ*/**obvълакъ*, **obvъlokъ*/**obvъloka*, **obvъlonъ*/**obvъlona*, **obvъlostъ*, **obvъlouхъ(jь)*, **obvъль*/**obvъль*/**obvъla*, **obvъль(jь)*, **obvъль-*(*jь*), **obvъльсь*, **obvъльнъ(jь)*, **vyrt-**: **obvъrtanъje*, **obvъrtъсь*, **obvъrtъlikъ*, **obvъrtъnikъ*. В перечисленных лексемах практически нет других инициальных вариантов (*o-* и *obv-*).

Однако в значительной группе слов с глагольными корнями ожидаемый переход *obv-* > *ob-* отсутствует. К ним относятся: **obvada II*, **obvaditi (se) III*, **obvarati I*, **obvedъnъ(jь)*, **obverditi (se)*, **obvezti (se)*, **obvēditi (se)*, **obvēdēti (se)*, **obvēja*/**obvējъ*, **obvējati (se)*, **obvēsidlo*, **obvēsti (se)*, **obvēščъnъje*/**obvēščъnъje*, **obvēvati (se)*, **obvēd(j)ati*, **obvēditi*, **obvēdliti*, **obvēzti*, **obvidъnēti*, **obvidъniti*, **obvixnōti (se)*, **obvijača*/**obvijačъ*, **obvijъka*/**obvijъкъ*, **obvirati (se)*, **obvirъka*/**obvirъкъ*, **obvisati*, **obvisēti (se)*, **obvitъкъ*, **obvivъka*, **obvivъnъjъ*, **obvivъka*, **obvivъnъjъ*, **obvoditi (se)*, **obvodjenъje*, **obvodъ II* / **obvodъ II*, **obvortica*, **obvorzъ*/**obvorzъa*, **obvoziti (se)*, **obvozъnъjъ*, **obvrēti*, **obvъrgnōti*, **obvъrgъ*/**obvъrga*, **obvъrzati (se)*. Причины этого отсутствия могут быть разными и даже случайными, когда просто не оказалось (не сохранилось) слова какой-то конкретной словообразовательной модели, тогда как в других словообразовательных типах данного гнезда эффект перехода *obv-* > *ob-* представлен. Таковы, например, **obvēsidlo* без рефлекса *ob-* при множестве форм с таким рефлексом у других слов этого гнезда (**obvēsiti (se)*, **obvēсь*/**obvēсь*/**obvēsa*, **obvēсьka*/**obvēськъ*, **obvēсьнъ(jь)*, **obvēšati (se)*, **obvēšъnъje*); **obvēščъnъje*/**obvēščъnъje* без рефлекса *ob-* при наличии таких форм в других словах гнезда (**obvēstiti (se)* / **obvъstiti (se)*); **obvidъnēti*, **obvidъniti* без форм с начальным *ob-* при обилии таких форм в других словах гнезда (**obvida*, **obvidēti (se)*, **obvidjati (se)*, **obvid(j)ъnъje*, **obvidъ*/**obvidъ*, **obvidъникъ*, **obvidънъ(jь)*); **obvijača*/**obvijačъ*, **obvijъka*/**obvijъкъ* без форм на *ob-* при множестве их в других лексемах гнезда (**obvijadllo*/**obvijadla*, **obvijati (se)*), **obvitъкъ*, **obvivъka* без форм на *ob-* при **obvityъje*, **obvivati (se)*, **obvivъnъjъ* с такими формами; **obvoldēti* не имеет форм с *ob-*, тогда как в **obvoldъnъjъ* такие формы представлены; то же несовпадение наблюдается у лексемы **obvortica* без форм на *ob-* со всеми остальными лексемами гнезда, где такие формы присутствуют (**obvorta*/**obvortъ*/**obvortъ*, **obvortati (se)*, **obvortišće*, **obvortiti (se)*, **obvortjačъ*, **obvortjadlo*, **obvortjanъje*, **obvortjati (se)*, **obvortjenъje*, **obvortъka*/**obvortъкъ*, **obvortънъ(jь)*); **obvъrgnōti*, **obvъrgъ*/**obvъrga* без форм на *ob-* и **obvъrgt'и*). Более последовательным выглядит отсутствие форм с начальным *ob-* у слов с глагольными корнями *věj-* (**obvēja*/**obvējъ*,

obvějati (se)*, **obvěvati (se)*), *věd-* (obvědati (se)*, **obvěděti (se)*, **obvěsti (se)*, **obvěščenje/*obvęščenje*), *vęd-* (**obvēd(j)ati*, **obvēditi*, **obvēdnŋti*), *vor-* (**obvirati (se)*, **obvirъka/*obvirъkъ*), *vis-* (**obvisati*, **obvisěti (se)*). Семантической причиной скорее всего объясняется отсутствие ожидаемого перехода *obv-* > *ob-* в глаголах **obvezti (se)*, **obvoziti (se)*, **obvoditi (se)* с отчетливым пространственным значением префикса, хотя в дериватах этих глаголов, кроме имен со значением действия (**obvodjenje*, **obvodъ II / *obvodъ II*), такой переход представлен (**obvozъ*, **obvozъnъjъ*, **obvodina*, **obvodja*, **obvodъ / *obvodъ I / *obvoda*, **obvodъka/*obvodъkъ*, **obvodъсь*, **obvodje*, **obvodъnъjъ*). Возможно, семантически могут объясняться и случаи типа **obvъrěti* ‘облепить’ или **obvъrzati (se)* ‘обвязать, обмотать’, не имеющие форм на *ob-*.

Абсолютное большинство примеров, подтверждающих переход *obv-* > *ob-*, относится к глагольной лексике (приставочным глаголам и их именным дериватам), тогда как производные от имен в большинстве случаев такого перехода не знают (они имеют инициальные комплексы *ov-* или *obv-*). Правда, вообще примеров с префиксом **ob-/o-* при именных корнях сравнительно с глагольными немного. К ним относятся праславянские прилагательные со значением неполноты качества, засвидетельствованные в разных славянских языках: с.-х. *oveli* и *ovelik* ‘довольно большой’, с.-х. *ovisok* ‘достаточно высокий’, ст.чеш. *obvŭšný*, ст.-слц. *obvušný*, ‘довольно высокий’, пол. диал. *obwysno*,³ затем это глаголы с именными корнями, которые в ЭССЯ последовательно реконструируются как дериваты соответствующих бесприставочных глаголов (хотя они могут быть и непосредственными производными от имен, ср. рус. *вдова* → *овдоветь*): **obvedrěti*, **obvedriti (se)* ‘проясниться’ – болг. *оведря се*, слн. *ovedriiti se*, рус. диал. *обведруть* (< **vedro*); **obvěkověčiti (se)* ‘увековечить’ – болг. *овековеча*, мак. *овековечи*, с.-х. *ovjekovječiti*, слн. *ovekovečiti* (< **věkъ*); **obverděti* ‘покрыться нарывами’ (< **verďъ*); **obvěriti (se)* ‘заверить, засвидетельствовать’ – мак. *оверпи*, с.-х. *ovjeriti*, слн. *overiti (se)*, чеш. *ověřiti*, слц. *overit* (< **věra*); **obvētriti (se)* ‘обветрить(ся)’ – болг. *увѣтръ*, чеш. морав. *ověřiti*, рус. *обветруть(ся)*, укр. *обвітрути (ся)*, бел. *абветрыцца* ‘обветриться’ (< **větrъ*); **obvolžiti (se)* ‘увлажнить(ся)’ – мак. *овлажи (се)*, с.-х. *овлажити*, слн. *ovlažiti (se)*, чеш. *ovlažiti*, слц. *ovlažit (sa)*, рус. диал. *оволожить* ‘покрыть жиром’ (однако др.-рус. цслав. с рефлексом *ob-*: *облажитися* ‘увлажниться’), **obvolžniti* ‘увлажнить’ – болг. *овлажня*, с.-х. *ovlažniti* (< **volga*); **obvoniti* (*ob* + *von'a*): цслав. *обвонити*, *объвонити*,

3 Таких прилагательных с «аттенуативным» значением немало, все они в ЭССЯ реконструируются с префиксом **ob-*: **občъrŋ(jъ)*, **obdальnъjъ*, **obdesnъjъ*, **obdъlgъ(jъ)*, **obdъlžъnъjъ*, **obnizъkъ*, **obpъlnъjъ* и т.д. Однако последовательное отсутствие в прилагательных с корневым *v-* перехода *obv-* > *ob-* заставляет думать о появлении данной словообразовательной модели или отдельных дериватов, образованных по этой модели, в более позднее время, когда правило перехода перестало действовать. Семантика «смягченности» выражается в славянских языках и другими префиксальными моделями (ср. Филин 1972; Богуславский – Иомдин 2009).

ст.-чеш. *obvoniti*, ст.-рус. *обвонити* (< **von'a*); **obvoščiti* 'намазать воском' – с.-х. *ovoštiti*, ст.-слн. *ovoščiti*, пол. *owoszczyć*, рус. *обвоицить* (Даль) (< **voskъ*); **obvǔdověti* 'овдоветь' – болг. *овдовея*, с.-х. *obudovjeti*, слн. *ovdoveti*, ст.-чеш. *ovdověti*, *obvdověti*, слц. *ovdoviet'*, пол. *owdowieć*, рус. *овдоветь*, укр. *овдовіти*, бел. *аўдавецъ* (< **vǔdova*); **obvǔlgnǫti* 'увлажниться' – болг. диал. *овльгна*, с.-х. *ovugniti*, слн. *ovolgniti*, *obvolgniti*, чеш. *ovlhnouti*, слц. *ovlhnut'*, пол. *owilgnąć* (< **vǔlga*); **obvǔrxt'i* – с.-х. *оврѣи* 'обмолотить' (< **vǔrxъ*).

Однако в части лексем с именным корнем, эффект перехода *obv-* > *ob-* все-таки присутствует (наряду с примерами, без этого эффекта). Таковы, например, дериваты имени **vǔrxъ* – **obvǔrša*, **obvǔršina*, **obvǔršiti II*, **obvǔršъje*, где среди примеров имеются лексемы с начальным *ob-*, относящиеся к ст.-слав., цслав. и ю.-слав. языкам: с.-х. *obrš* 'холм, возвышение', слн. *obrša* (при болг. *увръш*, рус. *оверш*, *обверша*, *обвершь* с другими рефлексам), др.-рус. *обръшати* 'покрывать крышей' (при рус. *обвершать*), черногор. *обръшина*, с.-х. *обршити* (наряду с *ovršiti*) 'завершить, закончить' (при слн. *ovršiti*, чеш. *ovršiti*, слц. *ovršit'*, др.-рус. *обвершити*, рус. диал. *обвершить*, *овершить*), с.-х. *obršje* 'вершина, верховье реки', слн. *obršje* и *ovršje* (при рус. *обвершье*, *овершье*). Есть такие примеры и среди производных от **veselъ* – цслав. *обеселити* наряду с *обвеселити*, *объвеселити*, с.-х. *obeseliti* и *oveseliti*; в остальных языках представлены рефлексy с *obv-*. То же самое соотношение рефлексов исконного **obv-* характерно для праславянских дериватов от **vetǔxъ*: эффект перехода *obv-* > *ob-* отражен только в ст.-слав. *обетъшати* (наряду с *объветшати*) при иных рефлексах в остальных языках. Непоследовательно оформляются и дериваты от имени **vina*: в продолжениях праславянской лексемы **obvinenъje* следы перехода *obv-* > *ob-* наблюдаются только в др.-рус. *обинение* 'обвинение', во всех остальных языках сочетание *obv-* сохраняется: болг. *обвинение*, чеш. *obvinění*, слц. *obvinenie*, пол. *obwinienie*, рус. *обвинение*; в глаголе **obviniti (se)* утрата *v* имеет место в цслав. *обинити* (наряду с *обвинити*), др.-рус. *обинити*, рус. диал. *обинить* (наряду с *обвинить* и *овинить*).

Эти отклонения (как в позиции перед именными, так и в позиции перед глагольными корнями) могут быть следствием позднейшей «эмансипации» алломорфов *ob-* и *o-*, их закрепления за определенными (разными) словообразовательными и семантическими моделями деривации. Так, в случае **obvodъ I* / **obvoda* / **obvodъ I* лексемы разных языков со значением 'обод колеса' (как и 'обод решета, сита' и 'поля шляпы') устойчиво имеют форму без *v*, тогда как лексемы с близким значением 'периферия, округ, окружность' и тем более со значением отглагольного действия часто сохраняют *v* (чеш., словац. *obvod*, пол. арх. *obwód*, др.-рус. *обводъ* 'межа, граница', рус. диал. *обводы* 'окольные пути, обходы', укр. *обвід*, *обводу* 'контур', бел. *абвод* 'участок земли, окопанный канавой'). Естественно, что то же соотношение форм с *v* и без *v* находим в производных от этих имен: рус. *обводка* 'действие

по глаголу *обводить, обвести*, диал. *обводка* ‘украшение на одежде в виде узкой вышивки, тесмы и т.п.’, *обводки* ‘косяки, рамы двери, окна’ и под., но – *ободок* уменьш. к *обод*, пол. *obodek*, словен. *obodek* ‘то же’, ср., однако, противоречащие общему распределению рус. арханг. *обводка* ‘обод колеса’, волог. *оводка* ‘ряд снопов льна, отделяющих один участок поля от другого’, чеш. *obvodek* ‘край монеты, на котором делается надпись’.

Таким образом, абсолютное большинство фиксируемых в славянских языках и диалектах лексем с инициальным *ob-* являются продолжением праславянских слов на **obv-*, претерпевших системный переход *obv- > ob-*. Однако в некоторых диалектах отмечается вторичный переход *obv- > ob-* в тех же условиях, что и в праславянском, но на базе не исконных, а «восстановленных» инициалей *obv-*: рус. арханг. *обвенчать* → *обенчать* наряду с *оввенчать, овенчать* (< **obvēnčati*), *обече* наряду с *овече* (< **obvēšče*), укр. *обіприти* (< **obvētriti*), т.е. вся история подобных образований в трактовке ЭССЯ выглядит так: **obv- > ob- > obv- > ob-*.

- 2 Рефлекс *ov-* представлен заметно меньшим количеством примеров, чем **obv- > ob-* и **obv- > obv-*, причем очень часто соответствующая лексема имеет и другие рефлексy праславянского сочетания **obv-*. Например, в глаголе **obviti* имеются формы на *ob-* (ст.-слав., с.-х., слн., пол. диал., др.-рус.), на *ov-* (болг. диал., с.-х., слн., чеш., слц., пол., каш., рус.), на *obv-* (болг., мак., с.-х., чеш., слц., в.-луж., пол., каш., рус., укр., бел.). Такое распределение рефлексов свидетельствует о разновременности возникновения форм и о разных причинах и условиях преобразования праславянского инициального комплекса. Теоретически развитие *obv > ov* может пониматься либо как выпадение *b*, что представляется менее вероятным, чем предыдущее изменение *obv > ob* (поскольку естественнее предположить редукцию «слабого» *v*, чем «сильного» *b*), либо как результат фонетического изменения *b > v* (т.е. *obv > ob > ov-* или *obv > ovv > ov*), которое известно многим славянским диалектам и в частности русским.⁴ И в том и в другом случае такие преобразования происходили скорее всего не на праславянской почве, а на базе «восстановленных» комплексов *obv-*. В то же время формы на *ov-* могли появляться не только как результат преобразования праславянского инициального комплекса **obv-*, но и как продукт словообразовательной модели с самостоятельным префиксом *o-*, ставшей продуктивной на том этапе, когда

4 Ср. Михайлова 2008. Промежуточная стадия такого процесса отражена в русских диалектах (особенно уральских и сибирских) в формах типа *оввенчать* ‘обвенчать’, *овветрить* ‘обветрить’, *оввязать* ‘обвязать’, *оввиться* ‘обвиться’, *овводить* ‘обводить’, *оввернуть* ‘обвернуть, обернуть’ и т.д., которые затем могли давать формы с одним *v* (ср. **obvētiti*: *овветить* и *оветить*). В архангельских говорах переход *obv- > ovv- > ov-* происходит регулярно: *овести* ‘обвести’, *овезти* ‘обвезти’, *овенчать(ся)* и *оввенчаться* ‘обвенчаться’, *оветиться* ‘дать обет’, *оветрить* ‘обветреть, обсохнуть’, *овидь* ‘линия горизонта’, *овинить* ‘обвинить’ и т.п.

этот вариант праславянского префикса **ob-/o-* обрел самостоятельность и оказался связанным с определенными словообразовательными и семантическими моделями (ср. Кошелев 2004). Поэтому реконструкция всех лексем с начальным *ov-* как рефлексов праславянских образований с **obv-* не оправдана и требует хронологических уточнений.

3 Рефлекс *obv-*. Как уже было сказано, ЭССЯ во всех случаях рассматривает образования на *obv-* не как продолжение соответствующей праславянской формы, поскольку она закономерно должна была перейти в *ob-*, а как результат ее «восстановления»: ⁵ Однако такое решение не кажется безупречным. Во-первых, потому, что подобное «восстановление» тоже должно было иметь свои причины и условия, и их необходимо установить и сформулировать. Главной причиной «восстановления» могло быть ощущение этимологического и семантического единства префиксальных производных и соответствующих бесприставочных производящих основ. Но скорее всего это обстоятельство служило причиной, по которой какие-то слова вообще избегали действия праславянского перехода *obv- > ob-*, и таким образом префиксальные образования на *obv-* могли сохраняться в праславянском языке наряду с образованиями, подвергшимися переходу. Различия между одними и другими следует искать в характере семантической деривации, в степени удаления семантики дериватов от семантики производящих. Во-вторых, среди образований с инициальным комплексом *obv-* могли быть вторичные, более поздние образования и целые модели, скрепленные семантически, которые возникали уже после того, как правило перехода *obv- > ob-* утратило силу. Прежде всего это «эмансипированные» образования с отчетливой пространственной семантикой (кругового движения), широко распространенные во всех славянских языках и диалектах и характерные не только для префиксальных дериватов с корневым *v*, но и для образований с другими корневыми инициалами. Иначе говоря, среди фиксируемых в славянских языках и диалектах слов с начальным комплексом *obv-* представлены либо соответствующие праславянские образования, по каким-то (пока не до конца выясненным) причинам избежавшие перехода *obv- > ob-*, либо лексемы с вторичными, «восстановленными» инициальными комплексами *obv-*, не подвергшимися, в отличие от слов на *ov-*, дальнейшей фонетической адаптации.

4 Рефлекс *b-*. Лексемы, имеющие в славянских языках начальное *b-* на месте праславянского комплекса **obv-*, могут пониматься прежде всего как результат закономерного преобразования **obv- > ob-* с дальнейшей утратой

⁵ «Форма префикса *ob-* при наличии начального *v-* корня – следствие вторичного восстановления» (ЭССЯ 31: 56, 57, 59 60, 79, 84 и др.).

начального гласного *o* (ср. Аникин III: 262–263).⁶ Такой рефлекс, согласно ЭССЯ, имеют следующие лексемы: рус. диал., укр. *бада* ‘помеха, препятствие’ (< **obvada* II); укр. диал. *бал* ‘невысокая гора’ (< **obvalъ*); рус. *бередить* (< **obverditi* (*se*)); бел. диал. *бічай* ‘круглая дырка в верхнем ручном жернове, куда сыплются зерна’ (< **obvēčaja*/**obvēčajъ*); рус. диал. *бечайка* ‘лыко, лубок’; ‘обод колеса для кручения веревок’, укр. *бечайка* ‘деревянный коров вокруг мельничных камней’, бел. *бічайка* ‘крышка кадки’, ‘обод решета’, ‘незасеянная полоса поля’ (< **obvēčajъka*/**obvēčajъkъ*); болг. *бѣсило* ‘виселица, вешание’, с.-х. диал. *бесило* ‘место или дерево, где кто-то повесился’ (< **obvēsidlo*); болг. *бѣсѣ, бѣся*, с.-х. диал. *бесити* ‘вешать кого на виселице’ (< **obvēsiti*); рус. диал. *болочина* ‘хворост’ (< **obvolčina* I); рус. диал., бел. диал. *балачына* ‘туча’ (< **obvolčina* II); рус. диал. *болокать* ‘обволакивать’, ‘одевать’ (Даль) (< **obvolkati* (*se*)); пол. *blonia* ‘луг’ (< **obvylonyje*); каш. *bértac sq* ‘крутиться, вертеться’ (< **obvŕtati* (*se*)); укр. диал. *бэрэцен* ‘полоса вспаханного поля’ (< **obvŕtъnъ*). Не все такого рода реконструкции этимологически убедительны.⁷ В действительности число славянских лексем с таким рефлексом может быть значительно большим. Так, А. Лома привел для сербского языка более 80 примеров с вероятным эффектом **obv-* > *b-* (Лома 2000).

- 5 Итак, префикс **ob-/o-* перед корнем, начинающимся с *v*, представлен в лексике славянских языков и диалектов четырьмя рефлексами – *ob-*, *ov-*, *obv-* и *b-*, которые являются продуктом определенных фонетических, словообразовательных и семантических процессов. Фонетический фактор лежит в основе переходов *obv* > *ob* > *b* и *obv* > *ov* (как первичных, так и вторичных); морфологическим и словообразовательным фактором обусловлено распределение рефлексов *ob-* и *obv-* (т.е. сохранение или «вторичное восстановление» *obv-* в условиях, требовавших изменения *obv* > *ob*), а также рефлексов *obv-* и *ov-* (возможная эмансипация позиционных вариантов префикса **ob-/o-*); семантический фактор мог присутствовать во всех процессах; в частности, семантическая соотносительность префиксальных дериватов с производящими основами могла препятствовать фонетическому переходу *obv* > *ob* (ср. **obvoditi*), а продуктивность словообразовательных моделей с устойчивой семантикой – разделению позиционных вариантов префикса). Наконец, необходимо учесть и ареальный фактор – все упомянутые процессы могли иметь разную

6 Однако не для всех слов этого типа засвидетельствованы формы с начальным *ob-*; их нет у **obvada* II, **obverditi*, **obvylonyje*.

7 Так реконструируется в словаре (вслед за Р.В. Кравчуком) и рус. диал. фитоним *березка* ‘растение бьюнок’: **obverzъka* от «слабо засвидетельствованного» глагола **obverzti* с эффектом устранения *o* и *v*, с чем трудно согласиться. Мне кажется более естественной версия, связывающая это название с *березой*, поскольку такого рода «внутриботанические» переносы в высшей степени характерны для фитонимии, а предлагаемая интерпретация покоится на не слишком убедительных семантических доводах. См. также Лома 2000: 602.

продуктивность в разных славянских языках и диалектах. Так, например, переход *obv-* > *ob-* в большей степени характерен для южнославянского ареала, а развитие *b* > *v* – для восточнославянского (и особенно для говоров Русского Севера и Урала). И, наконец, многие особенности рассмотренных здесь слов (с *v* в начале корня) оказываются общими для всего корпуса славянской лексики с префиксом **ob-/o-* независимо от начального согласного корня. Это касается словообразовательных и семантических факторов – различия приименных и приглагольных образований, эмансипации алломорфов *ob-* и *o-* и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин** = Александр Е. Аникин, *Русский этимологический словарь* 1–, Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–.
- Богуславский – Иомдин 2009** = Игорь М. Богуславский – Леонид Л. Иомдин, Семантика смягченной сравнительности: русские компаративы на *no-*, *Wiener Slawistischer Almanach*, Sonderband 73, München – Wien, 2009, 319–333.
- Иткин 2007** = Илья Б. Иткин, *Русская морфонология*, Москва: Гнозис, 2007.
- Кошелев 2001** = Алексей Д. Кошелев, О концептуальных значениях приставки *o-/ob-*, *Вопросы языкознания* 2004, № 4, 68–101.
- Лома 2000** = Александар Лома, Перинтеграција *ob-* > *b-*, *Јужнословенски филолог* 56 (2000), br. 1–2, 603–623.
- Михайлова 2008** = Любовь П. Михайлова, Лексикализация несистемных фонетических явлений в русских говорах (мена *b ~ v*), в: *Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования* 2008, Санкт-Петербург: Наука, 2008, 404–412.
- Попова 2003** = Нина В. Попова, Префикс *ob-/obo-* перед начальным корневым звуком «в» по данным региональных словарей, в: *Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования* 2000, Санкт-Петербург: Наука, 2003, 227–232.
- Филин 1972** = Федот П. Филин, Вокрасно, вокрасный, в: *Русское и славянское языкознание: к 70-летию чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесова*, отв. ред. Ф.П. Филин, Москва: Наука, 1972, 268–271.
- Эндресен 2013** = А.А. Эндресен, Самостоятельные морфемы или позиционные варианты?: морфологический статус русских приставок *o-* и *ob-* в свете новых данных: корпус и эксперимент, *Вопросы языкознания* 2013, № 6, 33–69.
- ЭССЯ** = *Этимологический словарь славянских языков* 1–, под ред. О.Н. Трубачева, Москва: Наука, 1974–.
- Będkowska-Kopczyk 2012** = A. Będkowska-Kopczyk, Semantic and grammatical features of *o-/ob-* in verbs of emotion in Slovene, v: *Jezikoslovlje* 13 (2012), br. 1, 19–38.
- ESJS** = *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* 1–, red. Eva Havlová, Praha: Academia, 1989–.
- Копеčný 1973** = F. Kopečný, *Etymologický slovník slovanských jazyků: slova gramatická a zájmena* 1: *předložky, koncové partikule*, Praha: Academia, 1973.
- Krupianka 1969** = A. Krupianka, *Formacje czasownikowe z przedrostkiem o-/ob- w języku polskim*, Toruń, 1969.
- Miklosich 1893** = F. Miklosich, *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen* 4: *Syntax*, Wien, 21883.
- Roberts 1976** = C. B. Roberts, Lexical differentiation of the Russian prefixal allomorphs *o-*, *ob-*, *obo-*, *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung* 29 (1976), H. 1, 64–76.
- Triomphe 1958** = R. Triomphe, *Ob slave*, в: *IV Международный съезд славистов: славянская филология: сб. статей* I, Москва: Изд. Академии наук, 1958, 78–92.

POVZETEK

Praslovanska predpona **ob-/o-* pred korenskim *v-*

V Etimološkem slovarju slovanskih jezikov pod uredništvom O. N. Trubačova je zbran osnovni korpus slovanske leksike s predpono **ob-/o-*, všteti položaj pred korenem, začetim z *v-*, kjer so predstavljeni štirje refleksi – *ob-*, *ov-*, *obv-* in *b-*. Ti refleksi so posledica določenih fonetičnih, besedotvornih in semantičnih procesov, ki so bili različno produktivni v različnih časih – od praslovanske dobe do naših dni – ter v različnih delih Slavije.

Fonetični značaj sta imela prehoda *obv- > ob- > b-* in *obv- > ovv- > ov-*; z morfološkim in besedotvornim dejavnikom sta določeni ohranitev ali ponovna vzpostavitev *obv-* v razmerah, ki so terjale spremembo *obv- > ob-*, pa tudi različni odrazi v glagolskih in imenskih izpeljankah; semantični dejavnik je lahko spodbujal ali oviral fonetične spremembe in osamosvojitve prvotno položajnih variant predpone (*ob-* in *o-*). Številne posebnosti obravnavanih besed (z *v* v vzglasju korena) so skupne celotnemu korpusu slovanske leksike s predpono **ob-/o-* ne glede na vzglasni soglasnik korena.

SILVO TORKAR

RAZPOZNAVANJE SLOVENSKIH ZEMLJEPISNIH IMEN (2)*

COBISS: 1.01

V prispevku se predlagata novi etimološki rešitvi za slovenski krajevni imeni *Borovnica* in *Jeprca*, medtem ko je krajevno ime *Zanigrad* tokrat prvič predmet etimološke analize.

Ključne besede: slovenski jezik, slovenska zemljepisna imena, onomastika, etimologija, zgodovinsko jezikoslovje, *Borovnica*, *Jeprca*, *Zanigrad*

Identifying Slovenian Toponyms (2)

This article proposes new etymological solutions for the Slovenian toponyms *Borovnica* and *Jeprca*, and the toponym *Zanigrad* is etymologically analyzed for the first time.

Keywords: Slovenian, Slovenian toponyms, onomastics, etymology, historical linguistics, *Borovnica*, *Jeprca*, *Zanigrad*

0 UVOD

Pri razčlembi neprozornih kot tudi na videz prozornih slovenskih krajevnih imen se je doslej že marsikdaj izkazalo, da je pozorno opazovanje historičnih zapisov in glasovnih premen omogočilo novo, prepričljivejšo razlago. Kombinacija upoštevanja historičnih zapisov in pritegnitve korpusa drugih slovanskih toponimov lahko pripomore k prepoznavanju manj znanih imenotvornih modelov.

1 BOROVNICA

- 1.1 Na Slovenskem se standardizirano krajevno ime *Borovnica* (z naglasom na tretjem zlogu) pojavlja trikrat. Najbolj znana in najbolj zgodaj izpričana je *Borovnica* pri Vrhniku, nekoliko mlajša je *Borovnica*, zaselek Podmelca na Tolminskem, sledi pa jima *Borovnica*, nem. *Braunitzen*, pri Brdu v Ziljski dolini. Na Koroškem sta še dve vasi z imenom *Borovnica*, ki pa se naglašata na drugem zlogu: *Boróvnica*, nem. *Freibach*, pri Apačah v občini Galicija, in *Boróvnica*, nem. *Freibach*, pri Selah. Ime sta prejeli po istoimenskih potokih, ob katerih ležita.

Ramovš, ki je živel v Borovnici pri Vrhniku v letih 1894–1900, je prvič omenil ta tpn v zvezi z narečnim izgovorom *Brunica*.¹ Pozneje je *Borovnico* brez

* Avtorjev prvi prispevek s tem naslovom je izšel v Slavistični reviji (Torkar 2012).

1 »Centralno-slov. *u* < *v* se je dostikrat zlil s spredaj stoječim nenaglašanim *o*, *u*, *a*, s katerim je tvoril diftong, v en vokal, ki dobro izkazuje njegovo primes s tem, da imamo v vseh treh primerih sedaj *u*: *bukou* > *buku*, *redkou* > *retku* itd.« (Ramovš 1924: 144).

zadržkov izvajal iz apel. *bor*.² Bezljaj (1956: 77) in Snoj (2009: 72) sta to razlago v celoti sprejela. Vrhniško *Borovnico* in koroško *Borovnico*, nem. *Braunitzen*, je iz **bor-ov-ъn-ica* razlagal že Štrekelj (1904: 85).

Toda historični zapisi za vrhniško, tolminsko in koroško *Borovnico* nas silijo k ponovnemu premisleku njihove etimologije. Za razliko od koroškega potoka *Boróvnica*, nem. *Freibach* (o. Galicija), ki je v virih izpričan že v letih 1086–1121 kot *Foruniz fluvius* (Kranzmayer 1958: 74, Bezljaj 1956: 77), in enako glasečega se imena potoka *Boróvnica*, nem. *Freibach* (o. Sele), v virih izpričanega 1430 kot *Borawnicza* (Kranzmayer 1958: 74), kažejo zapisi za zgornje tri *Borovnice* čisto drugačno podobo.

- 1.2 Vrhniška *Borovnica* se je v srednjeveških virih omenjala izredno pogosto zaradi bližnjega samostana Bistra, ki pa v tistem času še ni nosil imena po potoku Bistra, temveč po bližnji vasi *Borovnica*. Samostan se omenja od leta 1257 dalje (*Frovnc, Frovnz, Wrewntz, Vrovnitz* itd.),³ sama vas *Borovnica* pa od leta 1260 dalje (*Vronitz, Vraunyz* itd.).⁴ Glede na zapise iz 1778 (*Baurounishza*) in 1843 (*Borovnishiza*, nem. *Brauniza Bach*) skoraj ni dvoma, da je vas *Borovnica* prešla svoje ime po potoku *Borovnica*, ki je za razlikovanje od kraja prejel ime *Borovniščica*.⁵

Vsi starejši zapisi (pred 18. stol.) kažejo, da med vzglasnima *b* in *r* ni bilo nobenega samoglasnika.⁶ Valvasor krajevno ime piše v slovenščini *Brauniza*,

2 »Če besedo [*Ohonica*, op. S. T.] tematološko razčlenimo, vidimo, da je stvarjena tako kakor *Borovnica*; ta kraj je bil prvotno pokrit z *bori*, o čemer pričajo še zdaj korenike, ki pri oranju na mahu nanje naletijo. Očitno se je kraj imenoval sprva *Borovo* z adjektivom *borovъnъ* in s substantivizacijo: *borovъnica*, Anton Bajec, Besedotvorje I. & 184.« (Ramovš 1952: 154, ponatis 1997: 737)

3 Prim. 1257 *Frovnc, Frovnz*, 1260 *Wrewntz, Vrovnitz, Vronitz*, 1261 *Vrewentz*, 1265 *Frauniz*, 1268 *Vrewnitz*, 1295 *Vrevntze*, 1299 *Vraunyz*, 1319 *Vrauniz*, 1338 *Vronicz*, 1433 *Frewnicz*, 1464 *Franczk*, 1467 *Franec*, 1484 *Francz* (Kos 1975: 14, gl. tudi spletni vir 1). Valvasor za kraj že piše *Biftra*.

4 1260 *Vronitz*, 1299 *Vraunyz*, 1300 *Vreuntz*, 1313 *Vranicia*, 1351 *Wrauniz* (Kos 1975: 33, gl. tudi spletni vir 1), 1689 *Brauniza* (Valvasor VIII: 792), 1744 *Barounize* (Florjančičev zemljevid Kranjske), 1778 (potok) *Baurounishza* (Hacquetov zemljevid Krainska desčela), 1780 *Bravnicza* (Jožefinski vojaški zemljevid), 1823 *Barovnice* (Metelkov zveščič Slovenische Ortsnamen), 1843 *Borovnica* (*Franzdorf*) še z ljudsko različico *Bravniza*, potok *Borovnishiza*, nem. *Brauniza Bh* (Freyerjev zemljevid Kranjske), 1846 *Borovnica*, nem. *Franzdorf* (Freyer 1846: 9).

5 Prim. podoben primer *Črnušnica* (1780 *Czernuchicza*, posamostaljeno iz oblike *Črnuč potok*, izpričane še leta 1868, k. o. Črnuče).

6 Štrekelj (1904: 85) je pri razlagi imena *Fernitz* na ponemčenem Štajerskem omenil tudi *Borovnico* pri Vrhniku, kjer je nem. obliko *Franzdorf* neprepričljivo izvajal iz prvotnega *Borovnica* z razlago, da so Nemci v tem imenu poudarjali tretji (?) zlog *-rov-*, pri čemer da so prvi zlog šteli za prefiks. Snoj (2009: 72) pa nasprotno trdi, da če so Nemci ime naglasili na prvem zlogu, je izpadel dvoglasnik *-ov-*, kar da potrjujejo srednjeveški zapisi za *Borovnico* pri Vrhniku in nem. oblika *Franzdorf*. Toda če bi Nemci naglašali domnevno *Borovnico* na prvem zlogu, bi dobili *Ferniz*, tako kot se je pri tpn *Borovlje* iz istih razlogov v nem. obliki *Ferlach* ohranil vokal v prvem zlogu.

medtem ko gozdni sadež *borovnica* piše *baruniza* (Valvasor III: 352). Kot je sporočil že Ramovš, sami Borovničani imenujejo svoj kraj *Brunica*, pač pa njihovi sosede na Vrhnikih in na Ljubljanskem barju (v Vnanjih Goricah) govorijo *Baraunica* (ustni vir 1). Obliko *Baraunica* namesto pričakovane **Bravnica* je mogoče razložiti z narečnim polnoglasjem oz. s fonološkim pojavom vrivanja vokala v soglasniški sklop *br*, primerljivim s polnoglasjem v nar. *sàrabót* (v kraškem, rezijskem, tolminskem, cerkljanskem in črnovrškem narečju), *sərabót* (v briškem) oz. *se'ró:bat* (v kostelskem narečju) in *sirobot* (v belokranjskem adleškem govoru) za knjižno *srobót*.⁷ Podoben pojav vrivanja vokala, le da v sklop treh soglasnikov, zasledimo v Vnanjih Goricah, kjer se govori *smaréka* za knjižno *smréka* (ustni vir 1) ali na Gorenjskem, kjer se govori *semréka* (ustni vir 5).

Fonološki pojav se je povezal z ljudskoetimološkim preosmišljanjem imena oz. naslonitvijo na poimenovanje gozdnega sadeža *borovnica*. V 19. stol. je tudi uradno prišlo do napačnega poknjiženja imena **Bravnica* v *Borovnica*, kot lahko vidimo iz Metelkovega gradiva 1823 in Freyerjevega zemljevida 1843 oz. njegovega krajevnega imenika Kranjske 1846.

Prvotno vodno in nato krajevno ime **Bravnica* potemtakem zelo verjetno izhaja iz poimenovanja za domačo žival *brav* (rod. *braví*, ž. sp.) 'ovce, drobnica'. Bezljaj je prvič opozoril na to osnovo v vodnih imenih že leta 1956 (Bezljaj 1956: 80, s. v. *Bravšček*). Pozneje (Bezljaj 1976: 39, s. v. *brav*), je izčrpneje razlagal apelativ *brav* (rod. *bráva*, m. sp.) 'živina, drobnica, prašič', 'skopljen oven' (= koštrun) in zbirni samostalnik *brav*, *bravje* 'pitana živina', pri čemer se je skliceval tudi na tolminski mtn *Bravnica* in na srbohrv. tpn *Bravnice*.⁸ Pleteršnik (1894: 52) navaja vrsto narečnih besed iz besedne družine z osnovo *brav-*, izpričanih tako na Štajerskem kot na Notranjskem in Goriškem, npr. *brav*, *bravče*, *bravec*, *bravje* idr.

- 1.3 Tolminska *Borovnica*, zas. Podmelca, nar. *Brníca*, je izpričana v tolminskem urbarju 1377 kot *Brauniča*, 1648 in ok. 1775 *Brauniza*, 1822 s hišnim imenom *Braunizer* (Franciscejski kataster, k. o. Podmelec), slednjič v krajevnem imeniku 1885 *Braunica* (Imenik 1885: 58). Iz imena za prebivalce zaselka je nastal priimek *Bravničar*, ki se je v virih pojavil kot *Braunizer* leta 1579 na Kneži (Torkar 2003: 97). Ker so po letu 1880 *Bravnico* poknjižili v *Borovnico*, so lokalni duhovniki tudi priimek *Bravničar* popravili v *Borovničar*, zato danes obstajata oba priimka.⁹ Tolminski narečni izgovor *Brníca* je očitno nastal z vokalno redukcijo prek vmesne oblike **Brunica*.

7 Gl. Štrekelj 1906: 104; ustni vir 2; Baudouin de Courtenay; Čujec-Stres 2014: 273; Razpet 2006: 89; ustni vir 3; Erzetič 2007: 53; ustni vir 4; Gregorič 2014: 421; Šašelj 1906: 301.

8 *Bravnice* so vas s pretežno srbskim prebivalstvom v občini Jajce v Federaciji BiH (spletni vir 2).

9 Priimek *Bravničar* (15 oseb) je danes razširjen samo v osrednji Sloveniji, kjer ga danes izgovarjajo z naglasom na prvem zlogu, na Tolminskem pa je ostala samo umetna priimkovna različica *Borovničar* (33 oseb), ki jo naglašajo na tretjem zlogu (spletni vir 3).

- 1.4 Za koroško *Borovnico* pri Brdu, nem. *Braunitzen*, nar. tudi *Branica*, nimamo na voljo zapisov iz srednjega veka. Na srečo je zapise za čas od 16. do 18. stol. zbral Kotnik (2008: 251–252), ki je prikazal zgodovino vseh treh hiš vasice *Borovnica – Braunitzen* (župnija Brdo, o. Šmohor – Preseško jezero).¹⁰ Kotnik uporablja imensko obliko *Brnice*. Najzgodnejši zapis navaja pri hišnem imenu *Brnicnik*, kjer je leta 1459 izpričan priimek *Wranitsnig*, leta 1512 *Mickel an der prenizen*, 1586 *Nicl an der Granitzen*, 1592 *auf der Pranizen*, 1633 *Bornizen: Mathes Berniznig*, 1717 *Simon Linder mueth an Werniznig guet zinst von Wernizen*.

Pri hišnem imenu Sedmar navaja iz rojstne knjige 1637 zapis *Granizen in der Shmardazen*, 1771 pa *ex Zeder-graben vel Wernizengraben*.

Pri hišnem imenu Mlinar se navaja leta 1771 *Lindermuth in Wernizn Graben*, 1800 pa *der Werniznigg Hube und Muhl*.

Krajevni imeniki iz let 1894, 1905 in 1918 pišejo obravnavano ime kot *Branica*, seznam 1945, 1963 in 1972 *Borovnica*, 1970 in 1982 *Brnice* (Zdovc 1993: 182). Zdovc (1993: 33) je to ime naposled standardiziral kot *Borovnica*.

Glede na navedene starejše zapise bi bilo mogoče dopustiti, da tudi ta koroška *Borovnica*, nem. *Braunitzen*, izvira iz prvotne oblike **Bravnica*. Nemški zapis z *-au-*, ki je resda izpričan šele od 19. stol. dalje, morda nakazuje, da je v slovenščini prišlo do asimilacije **Bravnica* > **Brannica*, kar je dalo najprej **Branica* in slednjič po redukciji *Brnica*. Vendar ni povsem izključena druga možnost, namreč, da je **Branica* oz. *Brnica* nastala iz psł. **brъna* : *brъnъje* 'razmočena zemlja, močvirje, glina' (ESSJa 3: 69–70). Takšno razlago je podal Pohl (2010: 124), ki meni, da bi bilo to ime primerneje standardizirati kot *Brnica* in ne *Borovnica*.

- 1.5 *Borovnico* pri Vrhniki in *Borovnico* na Tolminskem je potemtakem mogoče z veliko verjetnostjo rekonstruirati kot psł. **Borъnica*, slovensko **Bravnica*. Nastala je s transnimizacijo iz vodnega imena **Bravnica* z najverjetnejšim pomenom 'voda, kjer se napaja drobnica'. Besedotvorno lahko **Bravnico* primerjamo s tpn (Spodnja, Zgornja) *Senica* pri Medvodah (< **Svinnica*, 1318 *Schweinitz*),¹¹ *Brebavnica*, *Ribnica*, *Žabnica*, orn *Medvednica*. Neposredna slovanska vzporednica je že omenjeni tpn *Bravnice* v Bosni, iz iste podlage pa sta tvorjena tudi polj. tpn *Browiniec* (1534 *Brownitz*) (NMP I: 358) in češ. *Bravinne* (1437 v *Bravinnem*) (Hosák – Šrámek 1970: 108).¹²

10 Po podatkih krajevnih imenikov iz let 1872 in 1883 je štela *Braunitzen – Brovnica* le tri hiše in je bila zaselek Brda pri Šmohorju.

11 O tem, da je *Senica* nastala z univerbizacijo iz **Svinna gorica*, nam posredno priča tpn *Sinja Gorica* pri Vrhniki s svojimi historičnimi zapisi 1689 *Schweinbühel*, Craineričh *Suinize*, 1780 *Svina Gorica*.

12 Šrámek razlaga ime kot »misto, kde se pštoval brav«.

2 JEPRCA

Jeprca je zaselek Zgornje Senice pri Medvodah.¹³ O tem imenu je prvi pisal zgodovinar Anton Koblar (1884: 55): »Ime *Jerperca* (sliši se tudi izgovarjava *Jeprca*, *Jeperica*) je nastalo skoraj gotovo iz nemškega ‚Herberge‘, ker je bila nekdanj ondi ob cesti prenočilnica za popotnike.« Koblar (1884: 55) opozarja še: »[...] v starih nemških listinah je pa razun *Herberg* tudi *Eperg* pisano.« Koblarjevo domnevo so prevzeli tudi Ramovš (1924: 81), Bezljaj (1976: 226, s. v. *jeperga*) in Snoj (2009: 177, s. v. *Jeprca*). Snoj piše, da je ime nastalo iz apel. *jeprga*, *jerprga* ‚prenočišče, gostilna s prenočiščem‘ (izposojenega iz srvn. *herberge* v istem pomenu) v gorenjskem narečnem razvoju iz **Jeprgica* prek **Jeprjica*.

Doslej se za *Jeprco* ni še posrečilo najti historičnega zapisa *Herberg*, so pa na voljo tile zapisi: 1631 in *Hieperze*, 1689 *Epeeg*,¹⁴ 1744 *Japerze S Nicol.*, 1780 *Jeperza*, 1826 na *Jeperze* (Franciscejski kataster, k. o. Podreča pri Kranju).

Nemško obliko imena *Eperg* je mogoče izvajati iz **Eberberg*, od koder je najbrž s haplologijo nastal **Eberg*, bav. *Eperg*. Nem. *Eber* je zelo verjetno prevod sloven. **veper*, *Jeprca* pa **Veprica*.

Do tega sklepa nas vodi doslej prezrta alternacija *v > j* v vzglasju, ki je namreč izpričana v slovenski toponimiji: *Jeperjek* v o. Sevnica je glede na historične zapise 1425 *Weppriach*, 1467 *Vepriach*, 1563–1570 *Vöpriach*, 1744 *Jepernik*, 1780 *Jeprie*, 1825 *Jeperjek* (Franciscejski kataster, k. o. Krsinji Vrh) mogoče zanesljivo izvajati iz **vepr̥* s pripono *-jane*; *Jénkovo*, it. *Vencò*, na Goriškem, z zapisi 1103 *villam Venkea*, 1256 *Vincou*, *Vinchow*, 1339 *Vencoy*, 1420 *Vencoi*, 1450 *Ianco*, 1485 *Venchoo*, 1666 *Venco* (Cinausero Hofer – Dentesano 2011: 966) iz prvotne oblike **Vękovo* (iz hpk **Vęko*); *Jelični Vrh* pri Idriji z zapisi 1770 *Velizen Verh*, 1777 *Velizenverch*, 1817 *Jellitschenverch* iz osebnega imena **Vel* oz. njegovega patronimika **Velič*. V apelativni leksiki je alternacija *v > j* izpričana pri leksemu *jerbas* (v 16. stol. *verbas*, prvotno verjetno *erbas*) (Ramovš 1924: 246). Invertirano premeno *j > v* pa izkazuje zapis 1496 *Veroua vasz* za tpn *Jerova vas*¹⁵ (danes del Grosupljega) (Kos 1975: 674, gl. tudi spletni vir 1) ali lokalni izgovor *Vevnica* za tpn *Jevnica*¹⁶ pri Litiji (SKI 1985: 117).

Jeprca je potemtakem zelo verjetno nastala iz **Veprica*, kar je posamostanjeno iz **Vepra gorica*, enako kot je bližnja *Senica* nastala iz **Svinica*, ta pa iz **Svinna gorica* (gl. tule op. 11).

V isto besedotvorno in imenotvorno skupino spadajo še tpn *Medvédica*, *Óslica*, *Órlica*, *Jelenica*, *Konjice*, *Pasica*, *Hrušica*, *Češnjica*. Vsa ta imena s pripono

13 V starejših virih je bila to *Srednja Senica*, medtem ko je *Gorenja Senica* postala *Gorenja vas*, danes *Gorenja vas-Reteče*.

14 Zapis *Epeeg* namesto *Eperg* je nedvomno posledica tiskarske pomote.

15 Kraj *Jerôva vas* je v srednjeveških virih izpričan kot *Pfaffendorf* in se izvaja iz apel. *jer* ‚duhovnik‘, prevzetega iz romanskega adstrata (Bezljaj 1976: 226).

16 *Jevnica* je izpričana leta 1449 kot *Gelnicz* in se izvaja iz apel. *jela* (Bezljaj 1956: 238, s. v. *Jela*; Snoj 2009: 179, s. v. *Jevnica*).

-ica so najverjetneje nastala iz pridevniških oblik, tvorjenih s pomočjo t. i. adjektivizirajočega priponskega obrazila -ь, ne pa -jb, saj bi sicer imeli *Ošljico ipd.¹⁷

Čeprav je bila beseda *veper* v slovenščino prevzeta iz drugih slovanskih jezikov v 19. stol., kot navaja že Pleteršnik, se je ves čas ohranjala v slovenski toponimiji, le da zaradi glasovnih sprememb ni bila prepoznana.

3 ZANIGRAD

Zanigrad je ime vasi pri Hrastovljah v občini Koper, ki od leta 1992 nima več prebivalcev (Ravnik 2004: 98). Čeprav je že zgodovinar Rutar (1896: 155) to vas navajal z imenom *Zvonigrad*, je jezikoslovec Majdič (2002: 84) njeno ime izvajal iz **Zadnji grad*.¹⁸ Drugi slovenski jezikoslovci o tem imenu niso pisali.

- 3.1 Osnovne imenske oblike so: v *Zanigradu*, *zanigraški*, *Zanigrajci* (SKI 1985: 336). Vas premore dokaj stare historične zapise: sredi 13. stol. *Xuonigrad*, ok. 1300 *Xuonigra* (Vesel 1953: 19), 1579 *in villa Suanegrad*, 1647 *Suanigrad*; 1694 *Svagnegat* (Höfler 2016: 126), 1780 *Xanigrad*, *Swani grad*. Ti zapisi nam že sami po sebi dajejo dovolj opore za rekonstrukcijo **Zvonigrad*. Poleg tega pa obstaja še razmeroma bogato primerjalno slovensko in slovansko gradivo, ki nam pomaga osvetliti model, po katerem je ta tpn tvorjen. Najbližje vzporednice najdemo na Hrvaškem, kjer se ime *Zvònigrād* pojavlja trikrat: eno se nanaša na ruševine trdnjave pri Kninu na Zrmanji, drugo na gradišče pri Gornjem Pologu v Hercegovini, tretje pa na podzemno jamo v pogorju Velebita (Skok 1973: 668, s. v. *zvōno*; spletni vir 4).

Na Poljskem pri Vroclavu zasledimo tpn *Żmigród*, izpričan 1155 kot *Zunigrod*, kar se bere *Zwnigrod*. V Bolgariji je *Звъниград* staro ime srednjeveške utrdbe v bližini kraja Kalofer, ki leži severno od Plovdiva, danes *Звенъград* (ustni vir 6). Pri vzhodnih Slovanih je večkrat izpričan tpn *Звенигород*: prvič že leta 1086 v Galiciji jugovzhodno od Lvova, današnja ukrajinska *Звенигородка* (v Čerkaski oblasti) je bila leta 1394 zapisana kot *Звенигородъ*, medtem ko je bil *Звенигород* v moskovski oblasti prvič izpričan 1336 (Pospelov 2008: 193).

Klasično razlago *Zvenigoroda* je podal znani etimolog Vasmer (1967: 86): »iz star. **Zv̑nigordъ* – '(utrjeno) mesto, v katerem so ob približevanju nevarnosti zvonili, da bi opozorili okoliško prebivalstvo'.« Tudi Skok (1973: 668) je za *Zvonigrad* menil, da je praslovanska imperativna zloženka s pomenom »da se u tom gradu zvonilo pri približevanju neprijatelja«. Ruski imenoslovec Nikonov (1966: 146) je zapisal, da »je *Zvenigorod* imenovan po zvonjenju zvonov,

17 Kritični pretres nekaterih apelativnih in toponimskih primerov, razlaganih z Miklošičevim »sufiksom -ь«, je podan v Furlan 2013.

18 Razlago je najbrž povzel po KLS (I: 147): *Zanigrad*, kar menda pomeni *Zadnji grad* (nekateri si razlagajo ime iz *Zvonigrad*) je zadnji in najvišji v vrsti gradov Slovenske Istre, ki se začenjajo s Strmcem (Socerbom) in nadaljujejo do sem nad dolino Rižane.

ki oznanjajo približevanje sovražnika«. Takšno razlago je podal tudi ukrajinski jezikoslovec Lučyk (2014: 220).

V poljskem imenoslovju (Malec 2003: 280) se je po daljšem obdobju dvomov uveljavila razlaga, po kateri je poljski tpn *Żmigród* imperativna zloženka, njen prvi del pa vsebuje staropoljski glagol *zwnieć* 'zvoniti, zveneti'.

- 3.2 Ruska imenoslovca Pospelov in Šilov sta podvomila o tem, da se prvi del zloženke nanaša na zvonjenje, češ da tovrstne imperativne zloženke nimajo analogij v ruski toponimiji. Verjetnejše se jima zdi izvajanje iz glagolskih osnov *zven-* oz. *zvin-* (psl. **zvъněti*), ki ga zasledimo v rečnih imenih *Zvineč*, *Zvinjačka*, *Zvenjaka* (Pospelov 2008: 193) ali iz prid. rabe rus. apel. *звено*¹⁹ v pomenu 'nekaj okroglega' (Šilov 2009: 204). Imenoslovec Barandejev meni, da je ime sicer res imperativna zloženka iz glagola *звенеть* in samostalnika *город*, vendar se glagol *звенеть* po njegovem nanaša na šum, ki ga povzroča reka, ne pa na zvonove cerkva (Barandejev 2014: 106).

- 3.3 Trditev Šilova (2009: 196–197), da so imperativne zloženke v slovanski ojkonomiji skrajno redke, demantirajo prezrte imperativne zloženke v južnoslovanski in še zlasti v slovenski toponimiji, ki pomagajo razumeti naravo vzhodnoslovanskega *Zvenigoroda*. Glede na to, da se pojavlja *Zvonigrad* (danes *Zanigrad*) v Sloveniji, na Hrvaškem, *Звѣниград* pa v Bolgariji, je jasno, da gre za ime, ki je bodisi še praslovansko ali pa vsaj tvorjeno po praslovanskem modelu v vseh treh slovanskih jezikovnih skupinah.

Kot lahko razberemo iz navedenih historičnih zapisov za *Zanigrad*, je prišlo do izpada *v-*ja v vzglasju imena šele konec 18. stoletja. Takšen glasovni razvoj preseneča, saj se je soglasniški sklop *zv* na tem območju praviloma že v 16. stol. razvil v *zg*, npr. *zvon* > *zgon* (Štrekelj 1922: 132; Ramovš 1924: 160–161).

- 3.4 Na problematiko imperativnih zloženek v slovenski in slovanski toponimiji je bilo pred nedavnim že opozorjeno (Torkar 2011: 352–353; 2013: 340). K obravnavi so bili pritegnjeni tile po istem modelu tvorjeni toponimi: na slovenskem jezikovnem ozemlju *Bežigrad*, *Bežidolina*, *Skočidol*, **Skočiles*, v Hercegovini *Skočigrm*, v Makedoniji *Skočivir*. Skladenjska podstava teh imen je 'grad, ograjen prostor, kamor se beži' (*Bežigrad*),²⁰ 'dolina, kamor se beži ali skoči' (*Bežidolina*, *Skočidol*), 'les (gozd), kamor se skoči' (**Skočiles*). Na Hrvaškem je v Splitu ohranjen mtn *Pazdigrad* (< **Pъzdigordъ*), danes ime stanovanjskega naselja, ki se je po mnenju zgodovinarjev prvotno nanašalo na smrdeči vodnjak (Jelaska 1979: 61). *Pazdigrad* je torej 'vodnjak, ki zaudarja'.

¹⁹ Osnovni pomen besede *звено* je 'členek v verigi', 'sestavina', 'enota'.

²⁰ Metelko je torej imel prav, ko ga je prevedel kot 'azil, zatočišče'. *Grad*, ki tiči v imenu *Bežigrad*, je morda metaforično poimenovanje za cerkev sv. Krištofa, ki se v virih prvič omenja leta 1476.

Zdaj lahko ta seznam dopolnimo še z različnimi slovanskimi variantami za psł. *Zvѣnigordъ (*Zvenigorod*, *Zvonigrad*, *Zanigrad* itd.). *Zvonigrad* je potem-takem 'grad, ograjen prostor, ki zveni, odzvanja, doni', 'zveneči grad'. Beseda *grad* v tej zloženki se lahko nanaša na *cerkev*, *trdnjavo*, *ograjn prostor* ali celo na *jamo*, ki odmeva. V tpn *Zanigrad* bi sicer pričakovali naglas *Zvónigrad* in ne *Zvonígrad*, toda v imenu se je ohranil arhaični naglas imperativa *zvoní* zaradi prvotnega glagola *zveneti* (enako kot v ruskem in ukrajinskem *Zvenígorodu*).

Zvonigrad v slovenskih in hrvaških toponimih je torej zgolj ljudskoetimološko preosmišljena oblika starejše oblike **Zvenígrad*. Imena *Zanigrad*, *Zvonigrad*, *Zvenigorod* so izvorno nedvomno predkrščanska.

4 SKLEP

Krajevni imeni *Borovnica* pri Vrhniki in *Borovnica*, zaselek Podmelca na Tolminskem, so slovenski jezikoslovci razlagali kot tvorjenko iz apel. *bor* 'pinus'. Na podlagi analize historičnih zapisov za obe *Borovnici* je podana nova etimologija teh imen. Rekonstruirajo se prvotna oblika **Bravnica*, psł. **Borvѣnica*, ki je izpeljana iz apel. *brav*, psł. **borvѣ* 'ovce, drobnica'. Nastala je s transonimizacijo iz vodnega imena **Bravnica* 'voda, kjer se napaja drobnica'.

Za krajevno ime *Jeprca* je bila v slovenskem jezikoslovju sprejeta razlaga zgodovinarja Antona Koblarja, ki je menil, da je ime nastalo iz nemške izposojenke *jeprga*, nem. *Herberge*. Toda historični zapis *Eperg* in doslej prezrta glasovna alternacija *v > j* v vzglasju toponimov *Jeperjek*, *Jenkovo*, it. *Venco*, *Jelični Vrh* in apel. *jerbas* sta omogočila rekonstrukcijo **Veprica* (iz **Vepra gorica*). V toponimih *Jeperjek* in *Jeprca* se najverjetneje skriva v jeziku sicer pozabljeni slovanski apelativ *veper*.

Krajevno ime *Zanigrad* pri Hrastovljah lahko že na podlagi historičnih zapisov rekonstruiramo kot **Zvonigrad* oz. **Zvenigrad*, psł. **Zvѣnigordъ*. Ime je imperativna zloženka in ima svoje vzporednice na Hrvaškem, v Bolgariji, na Poljskem, verjetno najbolj znane pa v Ukrajini in Rusiji, kjer obstaja več krajev z imenom *Zvenígorod*. Ime pomeni 'zveneči grad', pri čemer se *grad* lahko nanaša na *cerkev*, *trdnjavo*, *ograjn prostor* ali celo *podzemno jamo*. Na slovenskem jezikovnem ozemlju so po istem modelu tvorjeni toponimi *Bežigrad*, *Bežidolina*, *Skočidol* in **Skočiles*.²¹

21 Za vrsto tehtnih pripomb k besedilu se zahvaljujem kolegici dr. Metki Furlan.

VIRI IN LITERATURA

- Barandejev 2014** = A.B. Барандеев, *Краткий этимологический топонимический словарь*, Москва: Принт-Сервис, 2014.
- Baudouin de Courtenay** = Jan Baudouin de Courtenay, *Rezijanski slovar* (rokopisno gradivo), hrani Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU v Ljubljani.
- Bezljaj 1956–1961** = France Bezljaj, *Slovenska vodna imena* 1–2, Ljubljana: SAZU, 1956–1961 (Dela razreda za filološke in literarne vede 9).
- Bezljaj 1976** = France Bezljaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika* 1: *A–J*, Ljubljana: Mladinska knjiga, 1976.
- Cinausero Hofer – Dentesano 2011** = Barbara Cinausero Hofer – Ermanno Dentesano con la collaborazione di Enos Costantini – Maurizio Puntin, *Dizionario toponomastico: etimologia, corografia, citazioni storiche, bibliografia dei nomi di luogo del Friuli storico e della provincia di Trieste*, Udine, 2011.
- Čujec-Stres 2014** = Helena Čujec-Stres, *Slovar zatolminskega govora* 2, Zatoimin: samozaložba, 2014.
- Erzetič 2007** = Edvard Erzetič, *Slovar vasi Gradno in Višnjevik*, Škofja Loka: samozaložba, 2007.
- ESSJa 3** = *Этимологический словарь славянских языков* 3, под ред. О.Н.Трубачева, Москва: Наука 1976.
- Freyer 1846** = Heinrich Freyer, *Alphabetisches Verzeichniss aller Ortschafts- und Schlöffner-Namen des Herzogthums Krain, in deutfch und krainifcher Sprache*, Laibach, 1846.
- Furlan 2013** = Metka Furlan, Miklošičev adjektivizirajoči »Suffix ък: da ali ne?, v: *Miklosichiana bicentennialia*. Зборник у част двестоте годишњице рођења Франца Миклошича, ур. J. Грковић-Мејдор – А. Лома, Београд: Српска академија наука и уметности, 2013, 247–263 (<https://www.sanu.ac.rs/Izdanja/ElIzdanja/PosebnaIzdanja674.pdf>).
- Gregorič 2014** = Jože Gregorič, *Kostelski slovar*, ur. S. Horvat – I. Šircelj-Žnidaršič – P. Weiss, Ljubljana: Založba ZRC – Občina Kostel, 2014.
- Höfler 2016** = *Gradivo za historično topografijo predložefinskih župnij na Slovenskem: Primorska*, Ljubljana: Viharnik, 2016 (http://www.viharnik.com/downloads/HistTop_Primorska.pdf).
- Hosák – Šrámek 1970** = Ladislav Hosák – Rudolf Šrámek, *Místní jména na Moravě a ve Slezsku* I: *A–L*, Praha: Academia, 1970.
- Imenik 1885** = *Poseben krajevni imenik za Primorje*, Wien: Alfred Hölder, 1885.
- Jelaska 1979** = Joško Jelaska, Hrvatska prezimena i toponimi u katasticima splitskog kaptola na početku 17. st., *Čakavska rič* IX (1979), br. 1, 55–66.
- Koblar 1884** = Anton Koblar, *Zgodovina Sorske in Preške fare*, Ljubljana: samozaložba, 1884.
- Kos 1975** = Milko Kos, *Gradivo za historično topografijo Slovenije (za Kranjsko do leta 1500)* 1–3, Ljubljana: SAZU, 1975 (gl. tudi <https://topografija.zrc-sazu.si>).
- Kotnik 2008** = Bertrand Kotnik, *Zgodovina hiš južne Koroške* 12: *Spodnja Zilja*, Celovec: Mohorjeva založba, 2008.
- Kranzmayer 1956–1958** = Eberhard Kranzmayer, *Ortsnamenbuch von Kärnten* I–II, Klagenfurt: Verlag des Geschichtsvereines für Kärnten, 1956–1958.
- Lučyk 2014** = Василь В. Лучик, *Етимологічний словник топонімів України*, Київ: Академія, 2014.
- Majdič 2002** = Viktor Majdič, Imena vasi in mest v Sloveniji, *Jezikoslovni zapiski* 8 (2002), št. 2, 81–92.
- Malec 2003** = Maria Malec, *Słownik etymologiczny nazw geograficznych Polski*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003.
- Metelkovo gradivo 1823** = *Seznam krajevnih imen na Gorenjskem, Dolenjskem in v Beljaškem okrožju Koroške v nemščini in slovenščini, pripravljeni za F. Metelka leta 1823*, Rokopisna zbirka NUK, MS 416.
- Nikonov 1966** = Владимир А. Никонов, *Краткий топонимический словарь*, Москва: Мысль, 1966.

- NMP I** = *Nazwy miejscowe Polski: historia – pochodzenie – zmiany I: A–B*, red. K. Rymut, Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 1996.
- Pleteršnik 1894–95** = Maks Pleteršnik, *Slovensko-nemški slovar I–II*, Ljubljana: Knezoškofijstvo, 1894–1895.
- Pohl 2010** = Heinz-Dieter Pohl, *Unsere slowenischen Ortsnamen = Naša slovenska krajevna imena*, Klagenfurt/Celovec: Mohorjeva založba, 2010.
- Pospelov 2008** = Евгений М. Поспелов, *Географические названия России: топонимический словарь*, Москва: АСТ – Астрель, 2008.
- Ramovš 1924** = Fran Ramovš, *Historična gramatika slovenskega jezika II: konzonantizem*, Ljubljana: Učiteljska tiskarna, 1924.
- Ramovš 1952** = Fran Ramovš, Toponomastične študije, *Zgodovinski časopis* 6–7 (1952–53), 154–158. – Ponatis v: Fran Ramovš, *Zbrano delo* 2, ur. J. Toporišič, Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1997, 737–741.
- Ravnik 2004** = Mojca Ravnik, Sv. Štefan v Zanimgradu, praznik sorodstva, vasi in soseske, *Traditiones* 33 (2004), št. 1, 97–115.
- Razpet 2007** = Marko Razpet, *Kako se reče po cerkljansko*, Cerklje: Občina Cerklje – Založništvo Jutro, 2006.
- Rutar 1896** = Simon Rutar, *Samosvoje mesto Trst in mejna grofija Istra*, Ljubljana: Matica slovenska, 1896.
- SKI 1985** = Franc Jakopin idr., *Slovenska krajevna imena*, Ljubljana: Cankarjeva založba, 1985 (Leksikoni Cankarjeve založbe).
- Skok 1973** = Petar Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika 3: poni²–Ž*, Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1973.
- Snoj 2009** = Marko Snoj, *Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen*, Ljubljana: Modrijan – Založba ZRC, 2009.
- Šašelj 1906** = Ivan Šašelj, *Bisernice iz belokranjskega narodnega zaklada I*, Ljubljana: Katoliško tisk. društvo, 1906.
- Šilov 2009** = Алексей Л. Шилов, Звенигород, Белгород, Новгород, Вышгород, *Вопросы географии* 132 (2009): современная топонимика, Москва: Наука, 2009, 193–206.
- Štrekelj 1904** = Karel Štrekelj, Prispevki k poznavanju slovenskih krajevnih imen po nemškem Štajerju I, *Časopis za zgodovino in narodopisje* 1 (1904), 70–89.
- Štrekelj 1906** = Karel Štrekelj, Šašelj Ivan, Bisernice iz belokranjskega narodnega zaklada I. V Adlešičih nabral I. Š., župnik. Založilo Kat. tisk. društvo v Ljubljani. Tisk J. Krajec v Rudolfovem 1906, *Časopis za zgodovino in narodopisje* 3 (1906), 99–105.
- Štrekelj 1922** = Karel Štrekelj, *Historična slovnica slovenskega jezika*, Maribor: Zgodovinsko društvo, 1922.
- Torkar 2003** = Silvo Torkar, *Zgodovinska antroponimija vzhodne Tolminske: magistrska naloga*, Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, 2003. – Tipkopis.
- Torkar 2011** = Silvo Torkar, Rebusi v slovenski onomastici, *Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков: к 70-летию профессора Александра Дмитриевича Дуличенко = Slavica Tartuensia* 9 (2011), 354–362.
- Torkar 2012** = Silvo Torkar, Razpoznavanje slovenskih zemljepisnih imen, *Slavistična revija* 60 (2012), št. 4, 693–707.
- Torkar 2013** = Silvo Torkar, Slovenski toponimi tipa Bežigrad, Skočiles, Skočidol v slovanskem kontekstu, *XV Міжнародний з'езд славістів (Мінск, Беларусь, 20–27 жніўня 2013 г.): тезісы дакладаў 1: мовазнаўства*, Мінск: Беларуская навука, 2013, 340.
- Valvasor 1689** = Johann Weikhard von Valvasor, *Die EHRE Deß Hertzogthums Crain I–IV*, Laybach, 1689.
- Vasmer 1967** = Макс Фасмер, *Этимологический словарь русского языка 2: Е–Муж*, Москва: Прогресс, 1967.
- P. V. Vesel 1953** = P. V. Vesel (= Miroslav Pahor), Nekateri ugotovitve o Slovencih v koprskih statutih, *Istrski zgodovinski zbornik I*, Koper: Zgodovinsko društvo Jugoslovanske cone STO, 1953, 17–28.

Zdovc 1993 = Pavel Zdovc, *Slovenska krajevna imena na avstrijskem Koroškem* = *Die slowenischen Ortsnamen in Kärnten: pisava, izgovarjava in naglas, vezava in sklanjatev ter izpeljava slovenskih koroških krajevnih imen*, gradivo zbral, izbral in uredil Pavel Zdovc, Dunaj: Slovenski znanstveni inštitut v Celovcu, 1993.

Spletni vir 1: <https://topografija.zrc-sazu.si/>

Spletni vir 2: <https://hr.wikipedia.org/wiki/Bravnice>

Spletni vir 3: <http://www.stat.si/ImenaRojstva/sl>

Spletni vir 4: <https://hr.wikipedia.org/wiki/Zvonigrad>

Ustni vir 1: dr. Vlado Nartnik iz Vnanjih Goric, 13. 11. 2017.

Ustni vir 2: dr. Branko Marušič iz Solkana, e-pismo 15. 11. 2017.

Ustni vir 3: Rafaela Seljak iz Črnega Vrha nad Idrijo, 13. 11. 2017.

Ustni vir 4: dr. Danila Zuljan iz Medane, e-pismo 15. 11. 2017.

Ustni vir 5: dr. Zmago Šmitek iz Kroke, 13. 11. 2017.

Ustni vir 6: dr. Ludwig Selimski, Veliko Tärново – Katowice, e-pismo 3. 6. 2016.

SUMMARY

Identifying Slovenian Toponyms (2)

In the analysis of nontransparent as well as seemingly transparent Slovenian toponyms, it has often turned out that careful examination of historical transcriptions and sound changes have made a new and more convincing explanation possible. The combination of taking into account historical transcriptions and drawing on a corpus of other Slavic toponyms can contribute to the identifying less well-known word-formational models.

Slovenian linguists have explained the toponyms *Borovnica* near Vrhnika and *Borovnica*, a hamlet of Podmelec in the Tolmin area, as a derivation from the common noun *bor* 'pine'. Based on an analysis of historical transcriptions, a new etymology is provided for the names. The original form **Bravnica*, PSI. **Borvǫnica* derived from the common noun *brav*, PSI. **borvǫ* 'sheep, small cattle' is reconstructed. It arose from transonymization from the hydronym **Bravnica* 'water where sheep (and goats) are watered'.

For the toponym *Jeprca*, Slovenian linguistics has accepted the explanation by the historian Anton Koblar, who believed that the name is derived from the loanword *jeprga* < Germ. *Herberge* 'lodgings'. However, the historical transcription *Eperg* and the so far overlooked phonological alternation *v > j* in initial position in the toponyms *Jeperjek*, *Jenkovo* (Ital. *Venco*), and *Jelični Vrh*, as well as the common noun *jerbas* 'wicker basket' have made possible the reconstruction **Veprica* < **Vepra gorica* (literally, 'wild boar hill'). The toponyms *Jeperjek* and *Jeprca* probably conceal the otherwise forgotten Slavic common noun *veper*, PSI. **veprǫ* 'wild boar'.

Based on historical transcriptions, the toponym *Zanigrad* near Hrastovlje can be reconstructed as **Zvonigrad*, PSI. **Zvǫnigordǫ*. The name is a compound with an imperative form and has parallels in Croatia, Bulgaria, and Poland, but is probably best known in Ukraine and Russia, where there are several places named *Zvenigorod*. The name means '(re)sounding structure', in which the second element may refer to a church, fortress, enclosure, or even a cave. In Slovenian linguistic territory, toponyms created following the same model are *Bežigrad*, *Bežidolina*, *Skočidol*, and **Skočiles*.

ЖАННА Ж. ВАРБОТ

ОБ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВЕН. *strniti* (se)

COBISS: 1.03

O etimologiji sloven. *strniti* (se)

Domneva se, da sloven. *strniti* (se) 'združiti (se)' nima ustreznice v drugih slovanskih jezikih. Semantična sestavina (celo dominantna) zabeležene semantike *strniti* (se) – semantika stika – dopušča domnevni izvor slovenskega glagola iz besedne družine **rēt-/rēt-* 'nahajati' ob prvotni obliki **sbrētnoti* 'srečati' s premenami *tn > n* in *sr > str* (podobno oblikam rus. *strenut'*, češ. *střetnout*, slš. *stretnút*) in drugotno stopnjo redukcije korenskega vokalizma.

Ključne besede: etimologija, semantična dominantna, fonetične preмене

On the etymology of Sln. *strniti* (se)

Sln. *strniti* (se) 'unite' is regarded as having no correspondences in other Slavic languages. I argue that the semantics of 'contact'—an established component and essentially a dominant of the verb's semantics—makes it possible to presume its origin in the word family **rēt-/rēt-* 'find', which presupposes an initial form **sbrētnoti* 'meet' with the transformations *tn > n* and *sr > str* (as in Rus. *сnpенуть*, Cz. *střetnout*, Slk. *stretnút*) and a secondary reduced grade of root vocalism.

Keywords: etymology, semantic dominant, phonetic changes

Словенский глагол *strniti* (se) зафиксирован (включая данные старых памятников и диалектов) с такой семантикой: *strniti* 'объединить в одно целое', *strniti se* 'объединиться; вместе пойти, вступить, связаться; договориться' (М. Сной в Bezljaj III: 331), *strniti se* 'сбиться, сплотиться, согласиться', 'соответствовать (о гармонии в евангелии)', 'сосуществовать, граничить (об областях)', *strniti se s kom* 'столкнуться с кем-либо (территориально)', *strne se boj* 'схватиться врукопашную, подраться' (Pleteršnik II: 592). Считается, что глагол не имеет соответствий в других славянских языках (М. Сной в Bezljaj III: 331). Относительно его происхождения специалисты с известной долей скепсиса принимают следующую версию: производность от **sbr-trb(p)-nōti* 'составить, соединить', к глаголу **trep(a)ti* 'толочь' < и.-е. **trep-* 'наступать, топтать' (откуда также лтш. *tripati* 'сваливать', греч. *τραπέω*, лит. *trypti* 'топтать' (Куркина 1978: 282; М. Сной в Bezljaj III: 331; Snoj² 728).

Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков в диахроническом аспекте: генетический, ареальный и типологический подходы», поддержанного грантом РФФИ №15-04-00072.

Признавая вероятность (в большей степени в отношении структуры, нежели в плане семантики) изложенного толкования происхождения рассматриваемого глагола, позволю себе предложить иное направление решения. Поводом для этого является ярко выраженная в зафиксированных значениях семантическая основа (даже доминанта) – семантика равноправного контакта: см. выше значения ‘согласиться’, ‘соответствовать (о гармонии в евангелии)’, ‘сосуществовать, граничить (об областях)’, *strniti se s kom* ‘столкнуться с кем-либо (территориально)’, *strne se boj* ‘схватиться врукопашную, подраться’. Эта семантическая основа подводит к глагольной префиксальной основе **sърětnqti* ‘встретить’ (от праслав. глагола **rěsti*, **rětjъ* ‘находить’): ср., в частности, обозначенные производными от этого глагола многочисленными русские названия соединений рек и их притоков, развилков оврагов и дорог типа *стрелка*, *Стреча* и под. (Варбот 2012: 616–617). Основа **sърětnqti* в истории восточнославянских, чешского и словацкого языков изменила группу *sr > str*: русск. *стрепнуть*, блр. *стрэнуць*, укр. *стріннути*, чеш. *střetnout*, словц. *stretnuť*. Представляется возможным аналогичное развитие и в словенском продолжении основы **sърětnqti*, а именно: упрощение группы на границе корня и суффикса *tn > n* (аналогично восточнославянским формам), после падения редуцированных развитие группы *sr > str*.

Требует объяснения отличный от восточно- и западнославянских форм нулевой вокализм корня в словенском глаголе. В этом отношении следует учесть возможность аналогии с регулярной структурой славянских глаголов с суфф. **nq-*, характеризующейся корневым вокализмом в ступени редукции. Впрочем, А. Вайан считал возможной ступень редукции для этого корня на индоевропейском уровне (по типу слав. **sěd-/sed-/šьd-*), см. (Vaillant III: 185).

Серьезным возражением против предложенной этимологизации словен. *strniti* (se) на базе слав. **sърětnqti* является соотносительный и, очевидно, родственный глагол *utrniti* ‘отделить, разделить’, но его корневая структура может быть объяснена обратным словообразованием (с участием морфологического переразложения) от *strniti*.

ЛИТЕРАТУРА

- Варбот 2012** = Ж.Ж. Варбот, *Исследования по русской и славянской этимологии*, Москва – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012.
- Куркина 1978** = Л.В. Куркина, *Заметки по словенской этимологии, Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования 1976*, Москва: Наука, 1978.
- Bezljaj** = F. Bezljaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika* 1–5, Ljubljana: SAZU (– ZRC SAZU) – Mladinska knjiga – Založba ZRC, ZRC SAZU, 1977–2005.
- Pleteršnik** = M. Pleteršnik, *Slovensko-nemški slovar* 1–2, Ljubljana, 1894–1895, 21974.
- Snoj²** = M. Snoj, *Slovenski etimološki slovar*, Ljubljana: Modrijan, 2003.
- Vaillant** = A. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves* 1–5, Paris – Lyon: Klincksieck, 1950–1977.

POVZETEK

O etimologiji sloven. *strniti (se)*

Domneva se, da sloven. *strniti (se)* 'združiti (se)' nima ustreznice v drugih slovanskih jezikih. Za najbolj verjetni vir tega glagola velja **sъtrъpnŭti*, izpeljan iz **trep(a)ti* 'tolči' < **trep-* 'stopati, teptati'. Semantična sestavina (celo dominanta) zabeležene semantike *strniti (se)* – semantika stika – dopušča domnevni izvor slovenskega glagola iz besedne družine **rět-/rēt-* 'nahajati' ob prvotni obliki **sъrětŭti* 'srečati' s premenami *tn > n* in *sr > str* (podobno oblikam rus. *strenut'*, češ. *střetnout*, slš. *stretnút'*) in drugotno stopnjo redukcije korenskega vokalizma.

ЈАСНА ВЛАЈИЋ-ПОПОВИЋ

ЈСЛ. *zezati (se)* – ЛЕКСИКОГРАФСКО СИРОЧЕ
ИЛИ ЛЕГИТИМНА ОДРЕДНИЦА

COBISS: 1.01

Jsl. *zezati (se)* – leksikografska sirota ali legitimno geslo

V delu se potrditve glagola *zezati (se)* ‘šaliti se (nevtravno ali grobo)’, zast. pokr. ‘mrdati, koitirati itd.’ z izpeljankami, ki se nahajajo v slovenskih in srbsko-hrvaških slovarjih, semantično klasificirajo, ob pregledu onomazioloških paralel, ustreznikov v drugih slovan-skih jezikih in obstoječih razlag izvora, s predlogom, da se do kompletiranja slovanskega gradiva etimologija te onomatopejske družene besed vseeno šteje za nejasno.

Ključne besede: slovenščina, srbsčina in hrvaščina, etimologija, onomaziologija, onomatopeja

South Slavic *zezati (se)*: a lexicographic orphan or a legitimate lemma

This article deals with the verb *zezati se* ‘to kid around (neutrally or rudely)’, obsolete regional ‘to stir, jerk, wriggle; fuck, etc.’ and its derivatives, whose attestations in Slovenian and Serbo-Croatian dictionaries are subjected to semantic classification. Reviewing its onomasiological parallels, Slavic counterparts, and the etymology leads to the proposal that, until more Slavic data are obtained, the etymology of this onomatopoeic word family should be considered uncertain.

Keywords: Slovenian, Serbo-Croatian, etymology, onomasiology, onomatopoeia

0 УВОД

Повод за бављење глаголом *zezati (se)* / *zezati (se)* ‘шалити се (неутрално и(ли) грубо)’, ‘замајавати (се)’ итд., била је дилема око тога да ли он треба да уђе у *Приручни етимолошки речник српског језика*¹ или не. Та иницијално нормативистичка недоумица отворила је праву малу Пандорину кутију питања из домена историје речи, социolingвистике, ареалне лингвистике, ономасиологије, а на крају и етимологије. Показало се да је глагол *zezati (se)* / *zezati (se)* посведочен само на словенском југозападу: релативно ограничено у словеначком језику и прилично добро на читавом српско-хрватском терену. У оба језика постоји семантичка подвојеност између савремених

Чланак је настао као резултат рада на пројекту бр. 178007 „Етимолошка истраживања српског језика и израда *Етимолошког речника српског језика*“ који у целини финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

¹ Нешто више о концепцији тог речника, који у принципу обухвата само основни лексички фонд српског језика, в. Бјелетић – Влајић-Поповић 2013.

стандардних потврда (иначе уједначених значења на читавом простору од Алпа до бугарске границе), и оних старијих и/ли дијалекатских (које показују неке локалне специфичности). Савремена значења интранзитивних облика су ‘шалити се, проводити се и сл.’, а транзитивних ‘задиркивати; подваљивати, кињити’. Оваква семантика, као и фонетски лик који указује на ономотопеју, глагол *zezati* (*se*) / *zezati* (*ce*) у оба језика смештају на маргину стандардне употребе, у зону колоквијалног регистра – чак нижег стила – што га чини наизглед незанимљивим за етимологисање. Међутим, прве потврде, још са почетка односно краја претпрошлог века, међају перспективу јер уводе и друга значења – као и на њима базиране именске изведенице – што указује на постојање читаве породице речи вредне разматрања.

1 ЛЕКСИКОГРАФСКА ПОСВЕДОЧЕНОСТ

1.1 Лексикографска посведоченост у оба језика показује необичан дисконтинуитет. У словеначком глагол *zézati* (*se*) прво добро документује Pleteršnik 1895² у значењу ‘migati [мрдати, кретати се тамо-амо]’.³ После паузе од готово читавог века садржи га, само у значењу ‘завитлавати’, нпр. *Slovensko-srbskohrvatski slovar* (Jurančič 1981), па затим тек најновији *Slovar novejšega besedja slovenskega jezika* (SNB 2013) – овај други са напоменом да се ради о позајмљеници из хрватско-српског. Велики *Slovar slovenskega knjižnega jezika* (SSKJ 5, 1991) уопште не региструје овај глагол, јер он не спада у књижевни стандард,⁴ а не садрже га ни новији дијалекатски речници.

1.1.1 Не доноси га *Slovenski etimološki slovar* М. Snoја (пошто не припада основном лексичком фонду на који је ограничен захват тог речника). Међутим, одговарајућу одредницу садржи Bezlaј (4, 2005: 407, где су у обзир узети примери које доноси Pleteršnik и грађа SSKJ). Више о томе у § 5.1.

1.2 У српском, тј. српско-хрватском ситуација је сложенија. Најстарији помен у првом издању Вуковог *Српског рјечника* из 1818. доноси значење ‘futuerе’, и само њега. Та је чињеница кобно утицала на даљи лексикографски третман овог глагола: током наредних сто педесет година имао је судбину лексикографског сирочета, подвргнутог својеврсној *damnatio memoriae* – већ сам Вук га је изоставио из другог издања свог речника (па

2 Међу изворима за ту одредницу налазе се рукописи (из претходних пар деценија): М.[ik-lošičevo slovarsko gradivo], Z.[alokarjev slov.-nemški slovar], C.[afovo slovarsko gradivo], Raič [Slovanstvo: Bolgari in drugi spisi].

3 Ту су и основни деривати: *zézanje* n. ‘slabo, obotavljajoče delo’, *zéza-môž*, *zézavac* m. ‘slaba oseba’, *zézavka* f. ‘Motacilla alba’, *zéza* ‘id.; zadek pri perutini’.

4 У његовој грађи је ипак постојала дијал. потврда значења ‘breniti, suniti’, у народној песми из Штајерске и књиж. *zezej* ‘neodločnež, pokveka’ (в. Bezlaј 4: 407).

тиме и из свих потоњих), а касније су то листом чинили и други аутори, чак и уредници великих речника у чији захват иначе улази Вук 1818.⁵ Тако је јасно да опсцено значење није било део само Вуковог родног говора, на основу кога је он саставио прво издање *Српског рјечника*, већ је имало много шири ареал.

1.2.1 Тек у другој половини XX века, када опсцено значење почне да бледи пошто се у масовној употреби увелико усталило од њега изведено ‘шали-ти се, зафркавати се’, глагол *зезати* (*се*) напоскон улази у описне речнике. Обавезно присутни квалификатор „вулг.“ сведочи да је код лексикографа и даље присутна свест о његовом „неприличном“ значењу.⁶ Тако је у *Речнику српскохрватског књижевног језика* (РМСМХ 2, 1967 – са примером из дела О. Давича). Потом одговарајући том *Речника српскохрватског књижевног и народног језика* (РСАНУ 6, 1969) доноси значење ‘зафркавати (се)’ – само као редакцијски пример, док нешто касније *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* (RJAZU 22, 1975) такво значење уопште нема. Затим га, и само њега, доносе Апић (2003) и РСЈ (2007) – али оба га више не квалификују као вулгарну реч већ као колоквијалну (конкретно разг.[оворно], другде и шатр.[овачки], жарг.[онски], в. доле).⁷

1.2.2 Међутим, два тезаурусна описна речника, РСАНУ и RJAZU, садрже грађу са терена, покрајинску, сакупљану много пре публикавања одговарајућих томова, где су посведочена значења ‘мрдати, трести, дрмусати и сл.’, као и неке њихове изведенице – управо као код Плетершника век раније – и то са широког простора од Лике, Баније, Брача, Дубровника, Злакусе, Груже до Ниша. На те описне речнике надовезују се неки⁸ новији дијалекатски (кајкавски, чакавски, из Црне Горе, југоисточне Србије, Војводине) који шире дијапазон потврда из описних речника и додатно документују постојање у РСАНУ и RJAZU први пут регистрованих соматонима и орнитонима *зѝз(а)*, *зѝзѝлка* и сл. Опсцено значење и даље подлеже својеврсној (ауто)цензури: РСАНУ га

5 »Zezati, otkud ime zezi tresorepki, kojega je Vuk u drugoj štampi svojega slovnika ispustio, primisliv mu znamen bludan« Kurelac (RJAZU).

6 Да је оно, иако лексикографски нерегистровано, ипак доминирало у свести говорника познато нам је и из личног искуства са старијим рођацима.

7 Иако је глагол у два основна значења ‘зафркавати (се), шалити се’ и ‘малтретирати, надмудривати, нервирати’, и са низом изведеница и фразеологизама, богато заступљен у специјализованим речницима српског тј. хрватског жаргона (в. најрепрезентативније међу њима, Андрић 77 и Sabljak 160), тамо постојећи инвентар облика и значења остаје ван нашег тренутног интересовања: те потврде одсликавају животност савременог социолекта а не доприносе попуњавању дијахроне и/ли дијалекатске слике творбено-семантичког развоја разматраног глагола и његове лексичко-семантичке породице.

8 У богатој продукцији таквих речника овог глагола или нема, или он стоји у стандардним значењима неутралисане опсцености.

уопште нема,⁹ док RIAZU не преноси директно Вукову одредницу из 1818. године већ за њено „просто“ значење цитира Курелца (в. нап. 5) и упућује на синонимно „*mrdati d.*“.

- 1.2.3 Право изненађење представља потпуно одсуство глагола *zezati (se) / зезати (се)* из *Etimološkog rječnika hrvatskoga ili srpskoga jezika* (в. Skok 3, 1973, односно његова *Kazala*, Skok 4, 1974), пошто Петар Скок није примећивао ванлингвистичке критерије у избору одредница.¹⁰ Помињање овог глагола у специјализованом речнику *Jadranske etimologije* (Vinja 3, 2004 s.v. *zèzalo*) за етимологисање је фактички ирелевантно јер се, сходно профили тог речника, ту говори само о малакониму који је тек једна од изведеница глагола *zèzati* ‘мрдати, трести’ (в. § 2.7.3).

2 СЕМАНТИКА

Семантичко језгро породице речи чини значење ‘мрдати’. Даље се оно развија у више праваца, ка различитим аспектима кретања тамо-амо или горе-доле (првенствено деловима тела – отуд нпр. *nomen instrumenti* ‘тртица’ и *nomen agentis* ‘плиска’ или ‘мали јастог’) односно варијантама мрдања, дрмусања при вожњи колима, јахању, игрању тј. поскакивању у колу. Отуд се развијају пренесена значења, конкретно ‘*futuere*’ и апстрактно ‘шалити се (неутрално или грубо)’, отуд даље ‘кињити, подваљивати и сл.’. Тренутни вид даје и значење ‘ударити, треснути’ (поред ‘преварити’). Ономатопеја се из сфере кретања може пренети на звук који се производи учестаним кретањем. У попису који следи све потврде из репрезентативних речника са терена словенског југозапада (в. § 1.1–1.2.3) наводе се груписане по значењима,¹¹ приказане на једном месту независно од језика и/ли дијалекта коме припадају.

2.1 ‘МРДАТИ’

слн. *zèzati*, *-ām* impf. = *migati* ‘(sich) hin und her bewegen’ *M., Z., C., Raič (Vest.)*; – prim. hs. *gegati* = *gugati* (Pleteršnik 1895)

слн. *zèzniti*, *zèznem* pf. ‘eine hinkende Bewegung machen’ *Z. (Pleteršnik 1895)*
с.-х. чак. *zèzot*, *zèzon*, ipf vn lit *zezati* ‘wabbeln, wackeln, wippen (v. Fett, Busen u. ä.)’ *Mandina sva zezo kal balo. Dračevica na Braču (ČDL)*

9 Мало необично за доба у коме излази (1959. до данас), тај врло пуритански профилисани речник књижевног и народног језика не садржи ни одреднице као *говно*, *дупе*, *курац* и сл.

10 Он има, нпр. одредницу *jebati* (Skok 1: 765). Да ли је Скок сматрао глагол безначајним, па га није ни потражио у картотеци RIAZU (којом се иначе обилато користио у обради речи на слова која још нису била објављена), или је по среди био неки други разлог – остаје неизвесно.

11 Глаголи долазе пре изведеница; глаголске именице наводе се само када нема глагола у истом значењу, или када су илустроване добрим примером.

- с.-х. чак. *zězot, zězon*, ipf vn lit *zezati* ‘podrhtavati, njihati (zbog debljine, jakih grudi, stražnjice i sl.’ [са истим примером из Драчевице] (Šimunović 2006)
- с.-х. *zězати*, -ām несвр. ‘трескати, дрмусати при вожњи’: Кад кола, возећи преко рђава пута, јако тресу, рећи ће: „О, ала та кола зезају, испашће ми утроба!“ Банија; ‘брзо се покретати горе-доле, поскакивати, љуљати се’: Зезати значи поскакивати сједећи на пример на коњу ; Шта си напа ту зезати? Лика, Банија, Злакуса (РСАНУ)
- с.-х. *zězати*, -ām impf. ‘micati, tresti’. *Zezati*, otkud ime zezi tresoreпки, kojega je Vuk u drugoj štampi svojega slovnika ispustio, primisliv mu znamen bludan. Kurelac dom. živ 51. [...] *Zezati repom*, mit dem Schwanze wippen, caudam motitare (u Matevcu kod Niša u Srbiji); isto je *klatiti*, *vrckati 1*, *vrtljati* (RJAZU)
- с.-х. *zězати*, -ām несвр. ‘покретати тамо-амо нешто што је чврсто пободено и што треба да се извади’: Зезај тијем коцем нели га рашкламитати! Ускоци (Станић 1990)
- с.-х. *sěsa* несвр. ‘поклецује играјући у колу’ Тимок (Кожељац 2014)
- с.-х. *zězање* nom. verb. od *zezati* ‘micanje, pomicanje’ (RJAZU)
- с.-х. *sěsaње* с. ‘поклецавање при игрању у колу’: С оној sěsaње он би да сви у њег гледају. Тимок (Кожељац 2014).

2.2 ‘УДАРИТИ, ТРЕС(НУ)ТИ’

- слн. *zězniti* pf. ‘brcniti, suniti’: Ali je ta mačka vaša, ki mi je zeznola v rit? народна песма из Штајерске (грађа SSKJ, в. Bezlaj 4: 407)
- с.-х. *zěзнути*, -нѐм свр. покр. ‘дрмнути, протрести’ Лика (РСАНУ)
- с.-х. *zězати*, -ām impf. [‘тући (коноплу)'] ... U Vrbovskom žene i djevojke cibaju na tukači, t.j. tuku, zezajuće, konoplje na stupi. Kurelac (RJAZU)
- с.-х. *zěзнути*, -нѐм свр. ‘ударити, треснути’: Зезнуо е главом о камен. Ускоци (Станић 1990).

2.3 ‘КОИТИРАТИ’

- с.-х. *zěзати*, -ām impf. ‘sich schwingend bewegen, agitari futuendo’ (Бук 1818)
- с.-х. *zěзнути* pf. ‘eine schwingende Bewegung machen, agitari futuendo’ (Бук 1818)
- с.-х. чак. *zezúkati* impf. dem. od *zezati*. S istim opscenim značenjem zabilježio na Braču Ostojić (RJAZU)
- с.-х. *zězати*, -ām impf. ‘micati, tresti’ [...] U istočnim krajevima ima taj glagol prosto [тј. вулгарно] značenje kao i *mrdati* pod **d**. Takvo je značenje s akc. *zězati* zabilježio i Ostojić na Braču. *Zezati repom*, mit dem Schwanze wippen, caudam motitare (u Matevcu kod Niša u Srbiji); isto je *klatiti*, *vrckati 1*, *vrtljati* (RJAZU)
- с.-х. *sěsa* несвр. ‘мрда задњицом напред-назад у полном чину (женски партнер)’ Тимок (Динић 1992; Кожељац 2014)
- с.-х. *zězање* п. ‘eine Art schwingender Bewegung, agitatio futuentis’ (Бук 1818).

2.4 'НАПОРНО, С МУКОМ, ЛОШЕ РАДИТИ'

слн. *zézanje* n. 'säumiges, zögerndes Thun' *Raič* (*Vest.*) (Pleteršnik 1895)

слн. *zéza-môž* m. = *zézavec Raič* (*Vest.*) (Pleteršnik 1895)

слн. *zézavac* m. 'ein säumiger Mensch' *Raič* (*Vest.*) (Pleteršnik 1895)

с.-х. *зѣзерѣти*, -ѣм несвр. 'напорно ићи', 'напорно радити'¹² Ускоци (Станић 1990)

с.-х. *сѣзмѣн* м. 'онај који је лењ, здепаст и дебео; готован' Тимок (Динић 2008).

2.5 'ПРЕВАРИТИ, ПОДВАЛИТИ', 'КИЊИТИ, МУЧИТИ'

слн. *zézati* **pog.** 'namerno povzročiti komu neprijetnosti, težave': Nazaj grede nas vedno zezajo na carini. (SNB 2013)

с.-х. *кајк. zěžnóti* (se) pf. 'prevariti (se)': Štel me je zeznoti: Baš sem se dobro zeznol. Gola (Večenaj – Lončarić 1997)

с.-х. *кајк. zeznuti* (se) pf. 'prevariti (se)' Varaždin (Lipljin 2002)

с.-х. *зѣзнути*, -нѣм сврш. **вулг.** 'намагарчити, преварити, подвалити' Давичо, ~ *се* 'преварити се, претрпети неуспех' (РМСМХ)

с.-х. *зѣзати*, -ѣм несвр. (некога) **вулг.** 'подвалити некоме, насамарити' Хам; Војводина (РСАНУ)

с.-х. *ѣзезати*, -ѣм свр. **вулг.** 'накињити, измучити грубим шалама или злобним поступцима': Ће ме изеза, па таг ће дадне. Момина Клисура (РСАНУ)

с.-х. *zěžnuti* svrš. **razg.** 'prevariti (se), zafrknuti (se)' (Anić 2003)

с.-х. *зѣзнути* **разг.** 'преварити (некога), подвалити (некоме)' (РСЈ 2007)

с.-х. *зѣзнути*, -нѣм свр. 'учинити некоме нешто непријатно; обманути, преварити, насамарити' Ускоци (Станић 1990)

с.-х. *зѣзнути* несвр. 'подвалити некоме, преварити некога' Ново Милошево (РСГВ)

с.-х. *зѣзне* свр. 'завркне [превари]': Зезну ме, не дојде да ми помогне. Каменица код Ниша (Јовановић 2004)

с.-х. *зѣз* м. 'подвала' Ново Милошево (РСГВ)

с.-х. *сѣзнут*, -а, -о 'преварен, насамарен, зафркнут' Тимок (Кожељац 2014)

с.-х. *кајк. zeznuti* adj. 'koji je teške naravi' Varaždin (Lipljin 2002)

с.-х. *чак. zěžalo* n. 'zanovijetalo' Pučišća na Braču (Šimunović 2006).

2.6 'ЗАФРКАВАТИ (СЕ)'

слн. *zézati* **razg.** 'zavítlavati, izvrgavati šegačenju': *kaj me zezáš?* (Jurančić 1981)

слн. *zézati* **pog.** 'dražiti koga, norčevati se iz koga': V kantini igrajo karte in zezajo natakarice. (SNB 2013)

с.-х. *чак. zěžot, zěžon*, ipf vn lit *zezati* 'zafrkavati, izrugivati, praviti šale na čiji račun' Dračevica na Braču (Šimunović 2006)

с.-х. *чак. zěžcati* imprf. 'zadirivati, šaliti se na čiji račun' Kukljica na Ugljanu (Vinja 3: 321)

12 Овамо вероватно не спада значење 'бдети, чекати, дреждати' (Станић 1990).

- с.-х. *зѣзати*, -ѣм несвр. вулг. ‘завитлавати, извргавати шегачењу’, ~ *се* ‘завитлавати се, шегачити се’ (РМСМХ)
- с.-х. *зѣзати*, -ѣм несвр. ~ *се* вулг. ‘понашати се неозбиљно, измотавати се’ (РСАНУ); *назезати* свр. ~ *се* ‘издовољити се збијајући грубе шале с неким, завитлавати некога’; Са’т ти је паднуло уруке па ми се назезај. Момина Клицура (РСАНУ)
- с.-х. *zězati* nesvrš. разг. ‘zavitlavati (se), šaliti (se), zafirkavati (se)’ (Anić 2003)
- с.-х. *зѣзати*, -ѣм несвр. разг. ‘збијати грубе шале, завитлавати’ (РСЈ 2007)
- с.-х. *зѣзѣти* несвр. шатр. ‘збијати неукусне, грубе шале с неким, злонамерно, простачки поступати према некоме, завитлавати некога’; ~ *се* ‘неозбиљно се понашати, измотавати се’, ‘непристојно, грубо се шалити на рачун једног према другоме, завитлавати један другог’ Ускоци (Станић 1990)
- с.-х. *зѣзати се* несвр. ‘зафркавати се’ Ново Милошево (РСГВ)
- с.-х. *зѣза кризу* изр. жарг. ‘зајебава се, шегачи се, неозбиљно се понаша, спрда се’; Не зезај кризу, бре, озбиљ се! Тимок (Кожељац 2014)
- с.-х. *сѣза* несвр. ‘зеза, зајебава се; завитлава се, шали се’ Тимок (Кожељац 2014)
- с.-х. *зѣза (се)* несвр. ‘завркава’; Зезају га у здрав мозак; Мангупарија, зеза се сас стари људи. Каменица код Ниша (Јовановић 2004)
- с.-х. *кајк. zezanje* n. ‘zadirkivanje, šala’ Varaždin (Lipljin 2002)
- с.-х. *зѣз* м. ‘досетка, шала’ Ново Милошево (РСГВ)
- с.-х. *кајк. zezancija* f. ‘zabava, lak posao’ Varaždin (Lipljin 2002)
- с.-х. *zezancija* ž. ‘situacija kada se u društvu međusobno zezа’ (Anić 2003)
- с.-х. *зезѣнција* ж. разг. ‘збијање шале, завитлавање’ (РСЈ 2007)
- с.-х. *зѣзѣнција* ж. вулг. ‘излагање некога тешком вређању, завитлавању и сл., зезање’ Ускоци (Станић 1990)
- с.-х. *зезѣнција* ж. ‘зезање, измотавање’ Тимок (Кожељац 2014)
- с.-х. *зезѣнт* м. ‘зафркант’ Нови Сад (РСГВ).

2.7.1 ‘ТРТИЦА’

- слн. *zēza* f. ‘der Steiß des Geflügels’ С., *purja*, *gosinja*, *račja*, *kokošinja* z., *Vest*. (Pleteršnik 1895)
- с.-х. *зѣз* м. покр. ‘тртица у перади’ Курелац (РСАНУ)
- с.-х. *zez* m. ‘trtica’. U peradi se trtica zove zez. Kurelac 1867 (RJAZU)
- с.-х. *zezak* = *zez* m. ‘trtica, os coccygis’; Steiss, Rürzel (RJAZU)
- с.-х. *зѣзѣљка* ж. ‘доњи део кичме у којем се најчешће осети бол’ Ново Милошево (РСГВ).

2.7.2 ‘ПЛИСКА’ = ‘Motacilla alba’ (alias дркорена, машицен, позезуља, репомига, трескорепка, итал. *batticoda*, *codatremula*, в. РСАНУ, RJAZU, Vinja s.vv.).¹³

13 Уп. и локални назив *цицигуз* ‘водени кос, Cinclus cinclus’ Горња Колубара (Александар Лома забележио 1976. године) за птицу која такође карактеристично – али не тако интензивно као плиска – маше репом.

- слн. *zěza* f. ‘die Bachstelze’ C. (Pleteršnik 1895)
 слн. *zězavka* f. ‘die Bachstelze’ C. (Pleteršnik 1895)
 с.-х. *zěza* ж. покр. зоол. ‘бела плиска, Motacilla alba’ Курелац (РСАНУ)
 с.-х. *zězавица/зězалица* ж. покр. ‘бела плиска’ Далмација, Гружа (РСАНУ)
 с.-х. *zězаљка* ж. покр. ‘бела плиска’ Хирц, Зоруновац (РСАНУ)
 с.-х. *zeza* f. ‘vrsta ptice’ [Motacilla alba] (RJAZU)
 с.-х. *zezalica* i *zezaljka* f. Isto što i *zeza*. Matevac kod Niša (RJAZU)
 с.-х. *zezavka* f. Isto što *zeza*. repomiga, zezavka, tegarica, tresorepka (RJAZU)
 с.-х. *zězаљћа* ж. ‘птица бела плиска, Motacilla alba’ Тимок (Динић 2008)
 с.-х. чак. *zēnzulica* ‘Motacilla alba’ Strped u Istri, *zēnzalica* ‘id.’ Oportalj u Istri (Vinja 3: 320–321).

2.7.3 ‘МАЛИ ЈАСТОГ’

- с.-х. *zězало* с. покр. ‘врста малог јастога’ Корчула (РСАНУ)
 с.-х. *zězало* n. ‘mala vrsta račića’: Zezalo je sitan račić (jastožić) između gamadi. Zore. Zezalo, vrlo mali jastog, što se nađe među gerama, dug kao prst ali nema roga kao jastog. Slovin. (RJAZU)
 с.-х. *zězало* n. Žirje, Požura, Mokošice, *pōzezalo* Sevid; *zēnzalo* Račišće, Žuljana, Duba ‘batikul, Scyllarus arctus’ (Vinja 3: 320–321)
 с.-х. *zězавас* m. ‘batikul, Scyllarus arctus’ Tkon, Krapanj, Rogoznica, Podgora (Vinja 3: 320–321).

2.7.4 ‘КРМАЧА’

- с.-х. *zěza* ж. покр. ‘име крмачи’ Славонија (РСАНУ).

2.8 ‘ТРТЉАТИ’

- слн. *zəzljāti* = *səsljati* ‘im Reden mit der Zunge anstoßen Mur.; ~ ‘wispeln’ Jan.; säuseln’ M. (Pleteršnik 1895)
 слн. *zezljāti*, -am redko ‘nepravilno izgovarjati glasove c, z, s ali z njimi zamenjavati č, ž, š; sesljati’ (SSKJ).

2.8.1 ‘ОСА (или ЦВРЧАК)’¹⁴

- с.-х. *zězаљка* ж. ‘мала, танка осица’ (Cicada [цврчак]) Тимок (Кожељац 2014).

3 ОНОМАСИОЛОШКЕ ПАРАЛЕЛЕ

Ономасиолошке паралеле комплетном инвентару значења глагола *зезати* (се) (§ 2.1 до 2.8.1) колико нам је познато, не постоје. Али делимичних има више, већ међу најближим синонимима – почев од самог *мрдати*. Указујемо на неке:

¹⁴ Алтернативни денотат потиче од лат. *cicada*, које сам Динић даје у оквиру своје дефиниције.

- [1] За помак 2.1 → 2.3 уп. с.-х. *мрдати* : с.-х. покр. *mrdati* ‘futuere’ (RJAZU).
- [2] За помак 2.3 → 2.6, 2.5 уп. с.-х. *јебати* : с.-х. колоков. *зајебавати* (*се*).¹⁵
- [3] За помак 2.1 → 2.4 уп. с.-х. *мрдати* : с.-х. покр. *mrdati* ‘šeptrljiti tj. raditi nevješto’ (RJAZU).
- [4] За помак 2.1 → 2.6 уп. с.-х. *махати* : с.-х. *замајавати* (*се*), или с.-х. *вумлати* : с.-х. *завитлавати* (*се*).
- [5] За помак 2.1 → 2.7.4 (или *2.7.1.1), уп. слн. *mrdati* : слн. *mrda* ‘гримаса; птичја тртица’.
- [6] За помак 2.1 → 2.3 уп. с.-х. *тртати* : с.-х. *тртити*.
- [7] За помак 2.1 → 2.7.1 уп. с.-х. *тртати* : с.-х. *тртица*.
- [8] За помак 2.1 → 2.8 уп. с.-х. *тртати* : с.-х. *тртљати*.¹⁶

4 ИНОСЛОВЕНСКИ ПАНДАНИ

Породица речи јсл. *zezati* (*se*) / *zezati* (*se*) тешко се, на основу расположивих речника, може увећати – не само на ширем словенском терену већ ни у првом суседству, на његовом југоистоку. Стога о сличним (сазвучним и блискозначним) речима у осталим словенским језицима говоримо као о панданима пре него паралелама.

- 4.1 Тако нпр. буг. *зџзна* ‘трепера от студ’¹⁷ семантички стоји сасвим близу основном значењу (в. § 2.1) али формално не одговара јер му се коренски вокал не може изводити од псл. *-e-, чак ни од псл. *-e- (већ од псл. *-o-).¹⁸ Иста формална потешкоћа постоји и у облику са звучном оноματοпејом, *зџџнка* дијал. ‘(за пчела) брџмчи’ (БЕР 1: 663), додатно потенцираном назалним ин-

15 Уп. и пример: Зезају га у здрав мозак. Каменица код Ниша (Јовановић 2004), иначе у широкој колоквијалној употреби.

16 За податке о последња три помака уп. Skok 3:51 s.v. *trtati* ‘климати се, треперити; тетурати се’, тамо и *trteljiti* ‘скакутати’. Питање је да ли је он у праву по питању примарности оноματοпеје (по њему, „*trt* [se] prenosí sa micanja na nesiguran hod“). Нарочито је нејасно да ли треба раздвајати одреднице *trt* (3: 510) и *trtati* (3: 511), и да ли овој другој припада *trta* ‘дебелко’. Највећа дилема тиче се оправданости смештања именице *trtica* s.v. *trta* ‘чокот лозе’ само на основу семантике избочености тог дела тела код птица! По нама, именовање према том детаљу (није то једина избочина) мање је вероватно него номинација према функцији тог дела дела: с.-х. *zez(ак)* од *zezati*, односно слн. *mrda* од *mrdati* пружају одличне ономасиолошке паралеле за извођење *тртица* од *тртати*.

17 Ова књижевна реч без породице речи само се кратко описује као оноματοпеја (БЕР 1: 663).

18 Други оноματοпејски глагол, буг. *зџџка* ‘(за шуреџ) свири’, могао би бити и гречизам, деноминал од нгр. *тџтџкаџ* ‘цврчак’ (ни БЕР ни Филипова-Байрова о томе не говоре) – осим ако није обрнуто (иначе се нгр. *тџтџкаџ* стандардно тумачи од стгр. *тџтџ* ‘цврчак’).

фиксом и деминутивним формантом -к- (за аналогiju овом последњем уп. с.-х. чак. *zezukati* ‘коитирати’ у § 2.3).

- 4.2 Даље везе, нпр. буг. *зџџнка* ‘(за пчела) брџмчи’ са рус. дијал. *зезл* ‘улей’, које је и само хапакс (СРНГ 11: 244), још су мање извесне (пре је у питању случајност него сродност), мада тај руски облик, са коренским вокалом -е- (а не -я-, које би рефлектовало евентуално псл. *-џ-), осим разумне семантичке блискости, за јсл. *zez-* представља добар формални корелат, а за слн. *zezljáti* (в. § 2.8) чак и семантички. Са друге стране, у истом семантичком кругу звучне ономотопеје, а формално одговарајуће јужнословенском *zezati* (се) / *зезати* (се), стоји рус. дијал. *зезу́ля* ‘кукушка, Cuculus L.’ са дублетом *зо-зу́ля* ‘исто’ (СРНГ 11: 326, уп. и укр. дијал. *зозу́ля*, блр. *зязюля* ‘исто’). Преко другог значења *зозу́ля* ‘пьяница’ (СРНГ 11: 326) отвара се веза са рус. дијал. *зџџа* ‘неаккуратный, немытый, грязный человек’ (као потенцијално чистим поствербалом непосредченог глагола **зезать*, чак са регуларним прегласом, где вербалном е одговара номинално о). Свака правилност се губи када се узму у обзир варијанте орнитонима рус. дијал. *зюзю́ля* ‘кукушка, Cuculus L.’ и *зязю́ля* ‘исто’ (СРНГ 12: 42, 49). На синхронном плану, као синоними са експресивном варијацијом, ту би даље могли спадаати и дијалектизми као *зюзю́ка* ‘картавый, шепелявящий человек’ (уп. § 2.8), или *зџџа* ‘человек который много пьет, неряха’, *зюзик* ‘зевака, нерасторопный человек’ (уп. § 2.4), *зюзга* ‘поросенок’ (уп. § 2.7.4) и др. (в. СРНГ 12: 42–43). И најзад, сасвим је неизвесна веза побројаних облика са синонимним паром рус. дијал. *зџџа* = *зџџа* ‘забота, хлопоты’: Эта работа дала мне зџџи; без всякой зџџи/зџџи (СРНГ 11: 91, 271), за семантику уп. § 2.4.

- 4.3 Детаљан попис и формално-семантичка класификација барем источнословенских дијалекатских облика од основа *зез-*, *зоз-*, *зиз-*, *зџ-*, *зџз-*, *зюз-* итд. (налик ономе што је своједобно на широком словенском плану дао Толстой 1978 за основу *geg-* и њене варијације са *gig-*, *gog-*, *gag-*)¹⁹ били би добра основа за поређење тог корпуса са овде приказаним јужнословенским. Док се тај материјал не сакупи као критична маса за извођење боље утемељених закључака, овде наведене везе остају само као назнаке.

5 ЕТИМОЛОГИЈА

Етимологија јсл. глагола *zezati* (се) / *зезати* (се) досад је разматрана једино у словеначком великом етимолошком речнику (в. Bezlaј 4: 407, аутор одреднице Метка Фурлан), одакле је тумачење преузето у SNB (2013: 400).

¹⁹ Драгоцени резултат је то што је показано како ти облици не подлежу I палатализацији. Детаљније само о с.-х. *гџџати* (се) в. Bjeletić – Vlajić-Popović 1993.

5.1 Тамо предложено извођење јсл. *zezati* (од псл. **zēzati*, као сродног са лит. *žēngti*, *žengiù* ‘корачати’, лет. *zīegtiēs* ‘преступити, згрешити’, преко којих би, заједно са гот. *gaggan*, срвнем. *gangan* итд. он могао да рефлектује пие. **ghengh-* ‘корачати, ићи’) није сасвим уверљиво, ни формално ни семантички. Како све јужнословенске потврде потичу само из словеначког и српско-хрватског,²⁰ који не показују дистинкцију између рефлекса псл. **-ē-* и **-e-*, треба бити уздржан према реконструкцији јсл. **-ē-* на основу два орнитонима из Истре (в. § 2.7.3) у којима назал лако може бити и секундаран. Осим тога, реконструкција псл. **zēzati*, са назализованим *-ē-* само на основу наводно кашупског²¹ хапакса дијал. *zazelić* ‘uprzykrzać się komu’ заправо нема основа. Осим што у тој позицији пољ. *-q-* регуларно рефлектује псл. **-q-* а не псл. **-ē-*²² (в. и случај много ближег буг. *зѝзна* ‘дрхти од хладноће’ у § 4.1), овај пољ. дијалектизам не одговара јсл. глаголу пре свега својим консонантизмом, који је резултат локалног прелаза *ž > z* (тзв. „mazurzenie“, в. Brückner 647) и заправо се своди на пољ. **žazel*. Даље балтске паралеле пољ. облика и крајње ие. порекло нису спорни, али наш глагол са њим(а) није сродан. Осим тога, указивање на обострани семантички паралелизам ‘корачати’ и ‘тући’ није релевантно јер глагол **zēzati* у основи нема ниједно од та два значења већ само ‘мрдати, треперити, њихати, махати и сл.’. Све су то значења која приличе једном ономатопејском глаголу (уп. и богати материјал из источне Србије). Управо ономатопејска природа јсл. *zezati* (*se*) / *zezati* (*ce*) оправдава идеју да се он доведе у директну везу са слн. *zezljati* ‘фрфљати, шушкати’ (в. Bezlaž 4: 407 s.v.) што би било мање вероватно да је у питању „обичан“ глагол кретања. За друге могуће реализације звучне ономатопеје, в. § 2.8.1 (даље и § 4.2).

5.2 Оно што нарочито приличи једном ономатопејском глаголу јесте да буде деривациона база назива за карактеристичну птицу ‘*Motacilla alba*’, *зџа*, *зџаљка* и сл. С обзиром на све синониме тог орнитонима који су мотивисани мрдањем и тресењем (в. § 2.7.2), као и на чињеницу да се ареал орнитонима у потпуности поклапа са ареалом глагола *zezati* (*se*) / *zezati* (*ce*), од Алпа и Истре до Ниша (али не даље!, в. § 2.7.2), нема места сумњи у њихову сродност. Исто се односи и на друге девербале: ‘тртица’ (в. § 2.7.1), ‘јастог’ (в. § 2.7.3), ‘крмача (или њена њушка)’ (в. § 2.7.4), без обзира на мању

20 Буг. збѝзна ‘дрхти од хладноће’ (в. § 4.1) тамо и није узето у обзир.

21 Питање је да ли је овај облик заиста кашупски, будући да га не региструје ни описни ни етимолошки речник тог језика, нити *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej* Bernarda Sychte (t. 6, Wrocław etc.: PAN, 1973) нити *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny* W. Borysia и Н. Popowske-Taborske (t. 5, Warszawa: PAN, 2006). Brückner га 1927. године, у складу са својим временом, није могао третирати другачије него као пољски дијалектизам.

22 Уп. пол. *zqb* < псл. **zorbъ*, али пол. *žqć* < псл. **žeti*, пол. *žqdać* < псл. **žedati*. Тако би се пол. **žqzel* (када би постојало) изводило од псл. ***žezel'b* а не од ***zezel'b*.

фреквентност њихових потврда и различито простирање њихових изгласа²³ у оквиру ареала дефинисаног глаголом и орнитонимом.

6 ЗАКЉУЧАК

На основу изложеног материјала треба закључити да етимологија јсл. *zезати* (се) / *зезати* (се) ‘мрдати (се) итд.’, у одсуству поузданих инословенских,²⁴ па самим тим и вансловенских паралела, остаје нејасна – осим што се он са великом сигурношћу може сматрати ономатопејским. Иако се сви наведени примери свODE на једно **zезати* (се), засад нема довољно основа да се говори о прасловенској старини тог глагола – чак ни на нивоу позног прасловенског дијалектизма. Евентуални нови налази из других језика (в. § 4.3) могли би битно да промене ту ситуацију.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрић** = Драгослав Андрић, *Речник жаргона*, Београд: Zepet Book World – Драгослав Андрић, 2005.
- БЕР** = *Български етимологичен речник* 1–, София: БАН, 1971–.
- Бјелетић – Влајић-Поповић 2013** = Марта Бјелетић – Јасна Влајић-Поповић, *Једнотомни етимолошки речник српског језика (методолошки аспект), Зборник Матице српске за славистику* 83 (2013), 171–180.
- Вук 1818** = Вук Стефановић [Караџић], *Српски рјечник*, Беч, 1818.
- Динић 1992** = Јакша Динић, *Речник тимочког говора* (други додаток), *Српски дијалектолошки зборник* 38 (1992), 381–586.
- Динић 2008** = Јакша Динић, *Речник тимочког говора*, Београд: Институт за српски језик САНУ, 2008 (Монографије 4).
- Кожељац 2014** = Љубиша Рајковић Кожељац, *Речник тимочког говора*, Неготин: Књижевно издавачко друштво Лексика, 2014.
- РМСМХ** = *Речник српскохрватског књижевног језика* 1–6, Нови Сад: Матица српска – Загреб: Матица хрватска, 1967–1976.
- РСАНУ** = *Речник српскохрватског књижевног и народног језика* 1–, Београд: Институт за српски језик САНУ, 1959–.
- РСЈ 2007** = *Речник српског језика*, Нови Сад: Матица српска, 2007.
- РСГВ** = *Речник српских говора Војводине* 1–10, Нови Сад: Матица српска, 2000–2010.
- Станић 1990–1991** = Милија Станић, *Ускочки речник* 1–2, Београд: Народна књига, 1990–1991.

23 Преко ‘тртица’ се везују Штајерска и Војводина, ‘јастог’ се простира дуж обале Далмације, а ‘крмача’ је само у Славонији.

24 На нимало ретко одсуство података из других језика овде се надовезала једна необична чињеница: етимологија обично нема додирних тачака са социолингвистиком, али у случају глагола *зезати* (се) она се умешала као ванлингвистички фактор пуританства и лишила нас незнаног броја потврда које су не само старији лексикографи, већ и новији записивачи, аутоцензуром изабрали да не уврсте у своје пописе. О погубности такве праксе говори чињеница да је међу двестотинак пунктова за РСГВ, само на једном месту, у Новом Милошеву, посведочен глагол *зезати* (се) и то са целом породицом (укљ. драгоцено хапаксно значење ‘доњи део кичме’ = ‘тртица’). То није одраз реалног стања него (ауто)цензуре.

Толстой 1978 = Н.И. Толстой, О непоследовательности первой палатализации славянских задненебных согласных, *Linguistica* XVII (1978), 33–47.

Марковић 1986 = Миодраг Марковић, Речник народног говора у Црној Реци, *Српски дијалектологишки зборник* 32 (1986), 243–500.

Anić = Vladimir Anić, *Veliki rječnik hrvatskoga jezika*, Zagreb: Novi Liber, 42003.

Bezljaj = France Bezljaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika* 1–5, avtorji gesel France Bezljaj – Marko Snoj – Metka Furlan, Ljubljana: SAZU – ZRC SAZU, 1976–2007.

Bjeletić – Vlajić-Popović 1993 = Marta Bjeletić – Jasna Vlajić-Popović, On Serbo-Croatian verb *gegati se* ‘to stagger’, *Linguistique balkanique* 36 (1993), № 2, 93–99.

Brückner = Aleksander Brückner, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa: Wiedza Powszechna, 1957 [= Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927].

ČDL = Mate Hraste – Petar Šimunović – Reinhold Olesch, *Čakavisch-deutsches Lexikon* I, Köln – Wien: Böhlau, 1979.

Jurančič 1981 = Janko Jurančič, *Slovensko-srbskohrvatski slovar*, Ljubljana: DZS, 1981.

Lipljin 2002 = Tomislav Lipljin, *Rječnik varaždinskoga kajkavskoga govora*, Varaždin: Garestin, 2002.

Pleteršnik 1894–1895 = Maks Pleteršnik, *Slovensko-nemški slovar* 1–2, Ljubljana: Knezoškofijstvo, 1894–1895.

RJAZU = *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* 1–23, Zagreb: JAZU, 1880–1976.

Sabljak = Tomislav Sabljak, *Rječnik šatrovačkog govora*, Zagreb: Globus, 1981.

Skok = Petar Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* 1–4, Zagreb: JAZU, 1971–1974.

SNB = *Slovar novejšega besedja slovenskega jezika*, Ljubljana: ZRC SAZU, 2013.

SSKJ = *Slovar slovenskega knjižnega jezika* 1–5, Ljubljana: DZS, 1970–1991.

Šimunović 2006 = Petar Šimunović, *Rječnik bračkih čakavskih govora*, Supetar: Brevijar, 2006.

Večenaj – Lončarić 1997 = Ivan Večenaj – Mijo Lončarić, *Rječnik Gole*, Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 1997.

Vinja = Vojmir Vinja, *Jadranske etimologije: jadranske dopune Skokovu etimologijskom rječniku* 1–4, Zagreb: HAZU – Školska knjiga, 1998–2016.

POVZETEK

Jsl. zezati (se) – leksikografska sirota ali legitimno geslo

Prispevek semantično, onomaziološko in etimološko analizira glagol *zezati se* ‘šaliti se (nevtrarno ali grobo), zast. pokr. ‘gibati; spolno občevati itd.’ z izpeljankami, ki se nahajajo v slovenskih in srbsko-hrvaških razlagalnih, narečnih in etimoloških slovarjih. Naša semantična klasifikacija je dala osem osnovnih pomenskih skupin glagolov ter samostalnikov: od morda osnovnega ‘migati’ (s premiki proti ‘udariti, treščiti’, ‘spolno občevati’, ‘trudoma delati ali hoditi’, ‘varati in/ali mučiti’, ‘spolno občevati’, ‘nagajati’, ‘blebetati’), glavna samostalnika pa sta *zez* ‘trtica’ in ornitonim *zeza* ‘bela pastirica’, potrjena v obeh jezikih (tudi *zezalo* ‘mali jastog’, *zeza* ‘svinja’, *zezaljka* ‘osa [ali škrtat]’ samo v sr.-hr.). Podani semantični spekter ima vrsto onomazioloških paralel. Povsem ustrežajočih podatkov iz drugih slovanskih jezikov ni (ali so vsaj še neznani), navajajo se nekateri nasprotki z različnim, ekspresivno spremenljivim vokalizmom in bolj ali manj tekočim semantičnim zaporedjem. Obstoječa etimološka interpretacija (Bezljaj 4: 407) ni dovolj trdna, zato je na mestu predlog, da se etimologija tega onomatopejskega glagola do skrbne proučitve bolj popolnega slovanskega gradiva šteje za nejasno.

BOHUMIL VYKYPĚL

STRUČNÁ POZNÁMKA K STAROČESKÝM
SLABIČNÝM LIKVIDÁM

COBISS: 1.03

Kratka pripomba k staročeškim zložnim likvidam

V článku je podana misel, da je pisanje zložnih likvid v stari češčini z vokalom gola grafična konvencija, ki ima začetek v tujejezični interferenci.

Ključne besede: stara češčina, fonologija, grafematika, likvide, jezikovni stik

A brief note on Old Czech syllabic liquids

This article suggests that the fact that Old Czech syllabic liquids were written with a vowel is a mere graphic convention resulting from foreign-language interference.

Keywords: Old Czech, phonology, graphemics, liquids, language contact

Paul Diels je asi znám především svou cennou gramatikou staroslověnštiny (srov. Diels 1932–34). Vedle toho byl však také autorem několika sice více či méně drobných, ale zato pozoruhodně inspirativních bohemistických textů. Jeden z těchto textů pojednává o jednom detailu v grafematicko-fonologickém popisu staré češtiny (srov. Diels 1911). Diels v něm ukazuje, že pravopis nejstarších staročeských jazykových památek důsledně rozlišuje mezi slabičnými a neslabičnými likvidami, když slabičné likvidy jsou psány pomocí *ir/yr* a *il/yl*, zatímco neslabičné jednoduchým *r* a *l*. To, že byly v nejstarších památkách staré češtiny slabičné likvidy psány s *i*, případně *y*, je dobře známo a známo to bylo už za Dielsových časů (srov. Gebauer 1871: 34–38; 1894: 292–293; Dolanský 1899: 305). Čím je ale Dielsova poznámka zajímavá, je dvojí.

Zprv je to skutečnost, že Diels bezprostředně srovnává psaní slabičných likvid s psaním neslabičných likvid a tak – vlastně nezáměrně a takřikajíc jako fonolog ante litteras – poukazuje na otázku fonologické hodnoty těchto hlásek ve staré češtině. Jak je známo, představovaly slabičné *r* a neslabičné *r* i slabičné *l* a neslabičné *l* ve staré češtině dva odlišné fonémy (a to na rozdíl od nové češtiny, kde se jedná o varianty jediného fonému *r*, respektive *l*) a tento jejich fonologický status se v grafice projevil tím, že slabičné likvidy byl občas psány zdvojeně, tedy *rr*, *ll* (srov. Vykypěl 2016: kap. III). A právě odlišné psaní slabičných a neslabičných likvid v nejstarších staročeských jazykových památkách, na které poukazuje Diels, můžeme případně chápat tak, že se jím reflektuje zmíněná fonologická hodnota těchto hlásek.

Tím přicházíme k druhému zajímavému bodu, k jehož promýšlení Dielsova poznámka podněcuje. Diels zjevně vychází z toho, že spojení *i/y* + *r*, *l* označuje jednu hlásku, a tedy i jeden foném. Obvykle se ale toto psaní interpretuje tak, že *i/y* skutečně zachycuje nějaký doprovodný vokál, což se zároveň pokládá za svědectví pro to, že praslovanské slabičné likvidy byly ve staré češtině kontinuovány nejdřív spojením *i* + likvida a teprve později se (zčásti) staly čistými slabičnými likvidami (srov. Havlík 1889: 443–444; Gebauer 1894: 292–293, 299–300; Trávníček 1935: 112–113); variantou tohoto pojetí je představa, že se jednalo pouze o doprovodný vokalický prvek, který případně byl potenciální povahy, takže daný hláskový jev je možno z fonologického hlediska považovat za jeden foném (srov. Komárek 1962: 60–61, 98–100). Avšak – inspirováni Dielsovou hláskoslovně-fonologickou interpretací daného způsobu psaní – můžeme vyslovit domněnku, že doprovodné *i/y* neodráží žádnou hláskovou skutečnost, ale představuje jen pravopisnou „pomůcku“ k rozlišení slabičných likvidových fonémů od likvidových fonémů neslabičných. Za svůj vznik taková pomůcka může přitom vděčit cizojazyčné (německé) percepci staročeských slabičných likvid (podobně Stieber 1957: 77); takové vysvětlení by pak posilovala ta okolnost, že právě v nejstarších staročeských jazykových památkách nacházíme pravopis, v němž zjevně na němčině bylo vystaveno psaní sykavek (srov. Vykypělová 2014: 18–22).

LITERATURA

- Diels 1911** = Paul Diels, Zur altčechischen Orthographie, *Archiv für slavische Philologie* 32 (1911), 312–313.
- Diels 1932–34** = Paul Diels, *Altkirchenslavische Grammatik* 1–2, Heidelberg: Carl Winter, 1932–1934.
- Dolanský 1899** = Ladislav Dolanský, O výslovnosti českého *i* a *y*, *Časopis Musea království českého* 73 (1899), 285–322.
- Gebauer 1871** = Jan Gebauer, *Příspěvky k historii českého pravopisu a výslovnosti staročeské*, Praha: nákladem musea království Českého, 1871 (Sborník vědecký musea království Českého, odbor historický, filologický a filosofický 4).
- Gebauer 1894** = Jan Gebauer, *Historická mluvnice jazyka českého* 1, Praha – Vídeň: F. Tempský, 1894.
- Havlík 1889** = Antonín Havlík, K otázce jerové v staré češtině, *Listy filologické* 16 (1889), 45–51, 106–116, 248–258, 342–353, 436–445.
- Komárek 1962** = Miroslav Komárek, *Historická mluvnice česká* 1, Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1962.
- Stieber 1957** = Zdzisław Stieber, Rozwój czeskiego systemu samogłoskowego, in: Tadeusz Lehr-Spławiński – Zdzisław Stieber, *Gramatyka historyczna języka czeskiego* 1, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957, 56–84.
- Trávníček 1935** = František Trávníček, *Historická mluvnice československá*, Praha: Melantrich, 1935.
- Vykypěl 2016** = Bohumil Vykypěl, *Perspektiven auf die Geschichte des Tschechischen und die tschechische Geschichte*, München: LINCOM, 2016 (LINCOM Studies in Slavic Linguistics 41).
- Vykypělová 2014** = Taťána Vykypělová, *Sechs Beiträge zur Geschichte des Tschechischen*, München: LINCOM, 2014 (Travaux linguistiques de Brno 11).

POVZETEK

Kratka pripomba k staročeškim zložnim likvidam

V članku se motri staro opozorilo Paula Dielsa, da se v najstarejših staročeških spomenikih zložne likvide pišejo z i/y in se izraža dvoje mnenje: bodisi tako dvočrkje odraža en fonem bodisi tako zapisovanje izhaja iz tujejezične percepcije staročeških zložnih likvid.

JADWIGA WANIAKOWA

ETYMOLOGIA W DIALEKTOLOGII – POCHODZENIE POLSKIEGO GWAROWEGO *usiatać się* ‘ZMĘCZYĆ SIĘ’

COBISS: 1.01

Etimologija v dialektologiji – izvor poljskega narečnega *usiatać się* ‘utruditi se’

Članek ima za cilj podati razprostranjenost in izvor poljskega narečnega izraza *usiatać się* ‘utruditi se’. Analiza kaže, da je leksem izposojen iz češčine, s tem da sorodni izrazi nastopajo tako v poljščini kakor v drugih slovanskih jezikih, kar vodi do praslovanskega etimona. Ključne besede: etimologija, narečno besedje, jezikovni stiki, izposoje

Etymology in dialectology: The origin of Polish dialect *usiatać się* ‘to get tired’

This article presents the geographical scope and origin of the Polish dialect verb *usiatać się* ‘to get tired’. The analysis indicates that this lexeme is a loanword from Czech; however, related terms occur in both Polish and other Slavic languages, indicating a Proto-Slavic etymon.

Keywords: etymology, dialect vocabulary, language contact, loanwords

Duża część językoznawców jest zdania, że badania diachroniczne, historyczno-porównawcze nie mają przyszłości. Jak wiadomo, dominuje podejście synchroniczne do języka, a prace diachroniczne są w odwrocie. Językoznawcy-synchroniści zwykle głoszą, że badania diachroniczne się przeżyły, że nie mają nic nowego do zaoferowania, wszystko zostało już powiedziane, prawa językowe odkryte (i to w większości w XIX wieku), zatem studia historyczno-porównawcze dogorywają. Często spotyka się opinie, że wręcz zanikła leksykologia historyczna, zamiera historyczna morfologia. Tymczasem sytuacja w badaniach historyczno-porównawczych nie wygląda aż tak źle. Jest ciągle sporo do zrobienia w zakresie etymologii, która wszak jest działem językoznawstwa diachronicznego. Zwykle badacze zajmują się pochodzeniem słownictwa literackiego, standardowego, jednak w każdym języku istnieje ogromny zasób leksyki gwarowej, która czeka na opracowanie etymologiczne (por. Waniakowa 2013: 317).

Ciągle za mało docenianym opracowaniem słowiańskiego słownictwa gwarowego jest *Ogólnosłowiański atlas językowy* (OLA),¹ zwłaszcza jego seria lek-

¹ Oficjalny tytuł tego wielotomowego międzynarodowego dzieła z zakresu geolingwistyki to *Общеславянский лингвистический атлас* (OLA). Atlas ukazuje się od 1978 roku w dwóch seriach: leksykalno-słowotwórczej i fonetyczno-gramatycznej.

sykalno-słowotwórcza, której mapy nie tylko prezentują zlokalizowany geograficznie materiał leksykalny, ale także zawierają zapisy morfonologiczne poszczególnych form, które pozwalają określić ich budowę słowotwórczą, morfologiczną oraz pochodzenie. Ponadto ukazują pożyczki leksykalne wraz ze źródłem ich pochodzenia. Mapy pozwalają też wyciągać wnioski na temat określeń sporadycznych, pojawiających się pojedynczo w zebranych materiale, bowiem i takie formy są zanalizowane w atlasie od strony morfonologicznej.

Aby powstała jakakolwiek mapa, każda komisja narodowa musi najpierw opracować wstępnie materiał gwarowy własnego języka. W zakresie map leksykalnych obejmuje to między innymi ustalenie etymologii danego leksemu oraz jego podział na morfemy. Niekiedy właśnie ten wstępny etap okazuje się dosyć skomplikowany, zwłaszcza gdy dotyczy słownictwa ograniczonego do niewielkiego obszaru, pojawiającego się sporadycznie. Trzeba jednak przyznać, że praca nad takimi wyrazami jest pasjonująca, bo wzbogacona o elementy natury detektywistycznej...

Jednym z takich sporadycznych wyrazów w polskim materiale gwarowym jest czasownik *usiatać się*. Występuje on jako odpowiedź na pytanie L 764 ‘устанет’ (о человеке) [‘zmęczy się’ (o człowieku)] w atlasowym kwestionariuszu w adekwatnej formie 3 osoby liczby pojedynczej, czyli *uśoto še* z kwalifikatorem „wyraz przestarzały”.² Postać tę zanotowano jedynie w 308 punkcie OLA, czyli w Wiślicy w powiecie cieszyńskim na południu Polski (blisko granicy z Republiką Czeską). Eksploratorem był dr Franciszek Bizoń.

Czasownik ten nie występuje w słowniku gwarowym Karłowicza (K) ani nie pojawiają się tam żadne wyrazy pokrewne. Jednak dokładniejsze poszukiwania w gwarach polskich przynoszą całkiem dobre rezultaty. Oto w kart. SGP znajduje się sporo poświadczeń nie tylko czasownika *usiatać się*, ale także licznych form pochodnych. W poniższej tabeli znajduje się skrócowa prezentacja tego materiału, jego semantyki i lokalizacji geograficznej w gwarach polskich.

Forma ^{2a}	Znaczenie	Lokalizacja
<i>uśotać še</i> , ^{2b} <i>uśatać še</i> , <i>uśać še</i>	‘zmęczyć się, zmordować się’	ciesz; ^{2c} Cieszyn [Cz]; biel; żyw;
<i>uśotany</i> , <i>uśotany</i>	‘zmęczony’	ciesz; Cieszyn [Cz];
<i>ześotany</i>	‘zmęczony’	ciesz; Cieszyn [Cz];
<i>śotać še</i> , <i>śatać še</i> ,	‘być bardzo ruchliwym’	ciesz;

Poza tym sporo materiału dostarcza mapa nr 73 z II tomu AJŚ (który jest jednym ze źródeł SGP). Czasownik *uśatać (še)*, z regularnym pochyleniem samo-

2 Opracowanie gwarowego materiału posłużyło do wydania kolejnego tomu atlasu, poświęconego leksyce słowiańskiej związanej z transportem. Tom ten opracowany będzie przez komisję ukraińską.

2a Z uwagi na liczne i różnicowane zapisy gwarowe stosuje się tu zapisy uogólnione (uproszczone).

2b Forma występująca najczęściej w gwarach polskich.

2c Skróty nazw dawnych powiatów za SGP.

głoski *a* w pierwszej sylabie na Śląsku, w ogólnym znaczeniu ‘zmęczyć się’ występuje (idąc od południa) na terenie Czech w okolicach Čadcy i dalej na północ do granicy z Polską, na obszarze Polski na południe i zachód od Żywca, na wschód i południe od Raciborza, w okolicach Rybnika, Koźla i Opoła, sięgając na północy okolic Lublińca (por. AJŚ II: m. 73, s. 22–23). Notuje się też rzadsze derywaty, jak np. *vyšotać* i *zašotać*.

Pochodzeniem tej rodziny wyrazowej zajął się, przy okazji omawiania południowosłowiańskiego rdzenia *sět-*, Alfred Zaręba (1988: 333–339). Zwrócił on uwagę na zbieżność tego rdzenia z polskim gwarowym *szat-*. Streścimy pokrótce jego poglądy na ten temat. W językach południowosłowiańskich rdzeń *sět-* występuje w czasownikach (i derywatach z nimi związanych) łączących się z dwoma podstawowymi znaczeniami: ‘czuć (się)’ i ‘pamiętać, wspomnieć, przypomnieć sobie’. W językach zachodnio- i wschodniosłowiańskich rdzeń ten w zasadzie się nie pojawia. Według Zaręby zaskakujące jest, że występuje on w gwarach polskich na peryferiach południowo-zachodnich, mianowicie w czasowniku *szatać* (*się*) z różnymi przedrostkami. Zauważmy, że autor zakłada, że południowosłowiańskie *sět-* odpowiada formalnie i znaczeniowo polskiemu gwarowemu *szat-*, z którą to tezą można z powodzeniem polemizować (por. niżej). Przywołuje – jego zdaniem – jeden polski gwarowy czasownik w dwóch znaczeniach i dwóch lokalizacjach geograficznych, mianowicie śląskie *usiątać się* ‘zmęczyć się’ i małopolskie (z Podhala, Orawy i Podkarpacia) *sątać się* w różnych znaczeniach w zależności od zastosowanego przedrostka, które ogólnie łączy się ze znaczeniami ‘zrozumieć, zorientować się, opamiętać się’. Powiązanie przez autora obu form w jeden czasownik wydaje się dość problematyczne, zarówno z uwagi na rozbieżność znaczeń, jak i na różnice formalne w zakresie fonetyki.³

Jest dużo bardziej prawdopodobne, że śląskie *usiątać się* ‘zmęczyć się’ i małopolskie *sątać się* ‘zrozumieć, zorientować się’ to dwa zupełnie różne czasowniki, z których co najwyżej ten ostatni może łączyć się z południowosłowiańskim rdzeniem *sět-*. Innym, dość istotnym argumentem, przemawiającym za odrębnością tego rdzenia i pol. gw. *usiotać się* jest duża odległość geograficzna obu rodzin wyrazowych. Przypuszczenie Alfreda Zaręby, że „*szat-* jest na polskim gruncie gwarowym reliktem prasłowiańskiego rdzenia, który upowszechnił się tylko na południu Słowiańszczyzny (z wyjątkiem języka słoweńskiego), natomiast w innych grupach słowiańskich zagał” (por. Zaręba 1988: 338) jest także właśnie z tego względu mało przekonujące.

3 Nie przekonuje wcale, odniesiona do południowosłowiańskiego rdzenia *sět-*, następująca konstatacja Zaręby: „Występujące na Śląsku znaczenie ‘zmęczyć się’ można bez trudności uznać za modyfikację znaczenia ‘czuć się’ (proces zmian semantycznych polega na zwężeniu neutralnego znaczenia ‘czuć się’ w kierunku ujemnym: ‘czuć się źle’, z czego ‘zmęczyć się’), znaczenie spotykane w południowo-zachodniej Małopolsce jest identyczne z drugim podstawowym znaczeniem na południu Słowiańszczyzny: ‘przypomnieć sobie’, ‘zorientować się’, ‘zrozumieć’” (por. Zaręba 1988: 337).

Kilka przesłanek zdaje się natomiast wskazywać, że cała rodzina wyrazowa *siotać* (*się*) w gwarach polskich jest przejęta z gwar czeskich. Po pierwsze, do takiego poglądu skłania zasięg geograficzny poszczególnych form: wszystkie skupione są w pobliżu granicy z Republiką Czeską. Po drugie, na takie pochodzenie wskazują formy z *-š-*, typu *ušātać še*, które odpowiadają postaciom z *-š-* notowanym przez AJS na terenie Czech. Do takiego wniosku prowadzi jeszcze jedna okoliczność. Otóż w kart. SGP znajdujemy formę *šptać še* (w zapisie *szontać się*) ‘chodzić tam i z powrotem’ z okolic Iwonicza w powiecie krośnieńskim, która najprawdopodobniej łączy się z *šotać še* ‘być bardzo ruchliwym’ (por. obecność *-š-* w formach czeskich i postaci *ušātać še* z gwar polskich), a tym samym wskazuje na obecność samogłoski nosowej w pierwszej sylabie.⁴ Jeśli założymy, że pierwotnie w omawianym czasowniku *siotać się* występowała samogłoska nosowa, mamy do czynienia z sytuacją dużo prostszą. Jak wiadomo, pol. gw. *šptać še* powinno być regularnym kontynuantem psł. **šētati sē*, jednak to za mało, aby wyrokować o pochodzeniu formy *siotać się*. W sukurs przychodzi tu SEK, w którym objaśniony jest kaszubski czasownik w formie *šqtac sę* ‘kręcić się, wiercić się’ (por. SEK V: 58). Autorzy słownika wywodzą go właśnie z psł. **šētati sē* ‘ruszać się, poruszać się’.⁵ W ten sposób zapożyczenie z gwar czeskich omawianych polskich gwarowych form staje się dość oczywiste. Mianowicie gwary czeskie kontynuują psł. **-ē-* jako samogłoskę ustną *-a-*, otrzymujemy zatem czeskie formy, typu *šatat* i jego derywaty, które zostają przejęte do gwar polskich w postaci *šatać* i *šotać* (z regularnym pochyleniem na omawianym obszarze i przejściem nagłosowego *š-* w *ś-*).

Można się jeszcze zastanawiać nad rozwojem semantyczno-słowotwórczym omawianych form, innymi słowy, jak doszło do zmiany semantycznej od podstawowego czasownika *siotać się* ‘być ruchliwym’ (por. też *szątać się* ‘chodzić tam i z powrotem’) do przedrostkowego *usiotać się* ‘zmęczyć się’. Jak można się przekonać, identyczny rozwój wykazuje inna para czasowników, mianowicie pol. gw. *siepać się* ‘rzucać się, szarpać się, ciskać się’ z południa Polski (kroś, lim, łań, rzesz, dąb-tar, tarn, brzes) i *usiepać się* ‘zmęczyć się’: brzes (por. kart. SGP). Wydaje się, że z semantycznego punktu widzenia dobrym argumentem za powiązaniem, poprzez czeskie formy gwarowe, polskiego gwarowego *usiotać się* ‘zmęczyć się’ z psł. **šētati sē* ‘ruszać się, poruszać się’ (por. też pol. gw. *siotać się* ‘być ruchliwym’) jest nie tylko paralelny rozwój semantyczny pol. gw. *siepać się* ‘rzucać się, szarpać się, ciskać się’ do *usiepać się* ‘zmęczyć się’. Warto też przytoczyć podobne relacje semantyczne z polskiego języka potocznego, typu *machać – zmachać się* ‘zmęczyć się’, *pracować – spracować się* ‘zmęczyć się’, gdzie czasownik niedokonany, oznaczający ruch i wysiłek, powiązany jest z przedrostkową dokonaną formą zwrotną tego samego czasownika w znaczeniu ‘zmęczyć się’.

4 Trzeba zaznaczyć, że jest to poświadczenie jednostkowe. Czasownik *szątać się* nie występuje w polskim języku ogólnym. Nie notują go polskie słowniki, tak współczesne, jak i historyczne.

5 O dalszych związkach psł. **šētati sē* oraz jego nie całkiem jasnym pochodzeniu z etymonu praindoeuropejskiego, por. np. SEK V: 58; Snoj SES 725; Vasmer ES s. v. *uamamь*.

W ten sposób poświadczoną w materiałach OLA formę 3 osoby liczby pojedynczej **uśoto še* ‘zmęczy się’ możemy – zgodnie z zasadami zapisu morfonologicznego atlasu – ustalić jako **u-šet-a-j-e-tb se*. Pozwala na to przeprowadzona wyżej analiza.

Warto przekonać się, czy psł. **šetati se* ‘ruszać się, poruszać się’ jest kontynuowane w innych językach słowiańskich poza polskim, czeskim i kaszubskim. Trzeba przy tym zaznaczyć, że w języku polskim notuje się wyłącznie przytoczone wyżej postaci gwarowe, których etymologia została do tej pory objaśniona tylko przez Alfreda Zarębę (por. wyżej).⁶ W czeskim kontynuanty psł. **šetati se* pojawiają się także jedynie w gwarach morawskich (w słowniku gwar morawskich widnieje poświadczenie w formie *šatat’* z gwar laskich, por. Bartoš 1906: 417), nie rejestruje ich ani PSJČ, ani SSJČ, stąd nie jest objaśniany w czeskich słownikach etymologicznych (jak np. Machek ES¹; Machek ES²; Rejzek ČES). Słowniki etymologiczne innych języków przytaczają czes. *šatat* ‘ruszać, chwiać czymś’ i *šatat se* ‘ruszać się, chwiać się, zataczać się’ (por. np. SEK V: 58). W gwarach kaszubskich, prócz podstawowego czasownika *štatc sq* ‘kręcić się, wiercić się’, pojawiają się derywaty, jak na przykład *šatk* ‘podłotek’ oraz czasowniki *šatolēc* ‘pilnie pracować’ i *šatolēc sq* ‘kręcić się, wiercić się; żwawo się poruszać, chodzić, zajmować się pracą, krzątać się; szarpać się, szamotać się’, które stanowią postaci ekspresywne z przyrostkiem *-ol-* od czasownika *štatc sq* (szerzej: SEK: V 58–59).

Refleksy psł. **šetati se* ‘ruszać się, poruszać się’ notuje się już w staro-cerkiewno-słowiańskim, mianowicie scs. *šetati se* ‘miotać się, rzucać się’. Notuje się także derywat *šetanije* ‘niepohamowanie, swawola’ (HAT 135). W języku słoweńskim czasownik *šetati (se)* ‘przechadzać się, spacerować, chodzić’ poświadczony jest od XVI wieku. Stanowi regularny kontynuant psł. **šetati se* (więcej: Snoj SES 725; ESSJ IV: 37–38). W językach serbskim i chorwackim występuje *šétati* w identycznym znaczeniu jak w słoweńskim. W bułgarskim *uemam* ‘chodzę tam i z powrotem, krzątam się’ również kontynuuje postać praszłowiańską **šetati*.⁷

Kontynuantem psł. **šetati se* ‘ruszać się, poruszać się’ w języku rosyjskim jest czasownik *uamamься* ‘chwiać się, kiwać się, poruszać się, chybotać się’, notowany od XIII wieku. Wyprowadzają go od tego etymonu rosyjskie słowniki etymologiczne, por. np. Vasmer ES s.v. *uamamь*, Vasmer REW III: 379 i ostatnio Šapošnikov (2010: 536).

6 Polskich gwarowych form *siotać* czy *usiotać się* nie notuje się, jak się należało spodziewać, w studium poświęconym bohemizmom w języku polskim (por. Basaj – Siatkowski 2006).

7 Czasownikiem **šetati* jako iterativum i czasownikami mu pokrewnymi oraz ich strukturą i sémantyką na szerokim tle porównawczym słowiańskim i indoeuropejskim zajmuje się szczegółowo Metka Furlan (2007). Autorka wskazuje między innymi na pokrewny bezokolicznik w aspekcie dokonanym **šesti* ‘iść bez określonego celu i kierunku’ oraz pokrewne przymiotniki **šetъ* i **šetъкъ* z licznymi kontynuantami w językach słowiańskich. W końcu rekonstruuje praszłowiański czasownik **šeti* oznaczający przemieszczanie się i mający szerokie odniesienia w językach indoeuropejskich.

Z powyższych rozważań wynika, że w polszczyźnie – poprzez formy gwarowe – znajdują się, podobnie jak w innych językach słowiańskich, kontynuanty psł. **šetati se* ‘ruszać się, poruszać się’. Wiązanie omawianych polskich form gwarowych z inną rodziną wyrazową ze względu na różnice semantyczne i formalne, a przede wszystkim na znaczną odległość geograficzną, nie jest przekonujące.

LITERATURA

- AJŚ** = Alfred Zaręba, *Atlas językowy Śląska I–VII*, (Warszawa –) Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1969–1989; VIII, Warszawa: Energeia, 1996.
- Bartoš 1906** = František Bartoš, *Dialektický slovník moravský*, Praha: Nákladem České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1906.
- Basaj – Siatkowski 2006** = Mieczysław Basaj – Janusz Siatkowski, *Bohemizmy w języku polskim: słownik*, Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2006.
- ESSJ IV** = France Bezlaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika 4: Š–Ž*, avtorji gesel France Bezlaj – Marko Snoj – Metka Furlan, ur. Marko Snoj – Metka Furlan, Ljubljana: Založba ZRC, 2005.
- Furlan 2007** = Metka Furlan, Слав. **šetati* и **šemetati*, **šemetoti* и т.д., *Этимология* 2003–2005, Москва, 2007, 243–255.
- HAT** = Linda Sadnik – Rudolf Aizetmüller, *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*, Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1955.
- K** = Jan Karłowicz, *Słownik gwar polskich I–VI*, Kraków: Akademia Umiejętności, 1900–1911.
- kart. SGP** = kartoteka *Słownika gwar polskich*, oprac. przez Zakład Dialektologii Polskiej Instytutu Języka Polskiego PAN w Krakowie.
- Machek ES¹** = Václav Machek, *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1957.
- Machek ES²** = Václav Machek, *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 1968.
- OLA** = *Общеславянский лингвистический атлас*.
- PSJČ** = *Průruční slovník jazyka českého I–VIII*, Praha: Státní nakladatelství – Státní pedagogické nakladatelství, 1935–1957.
- Rejzek ČES** = Jiří Rejzek, *Český etymologický slovník*, Praha: Leda, 2015.
- SEK** = Wiesław Boryś – Hanna Popowska-Taborska, *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny I–VI*, Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1994–2010.
- SGP** = *Słownik gwar polskich*, opr. przez Zakład Dialektologii Polskiej Instytutu Języka Polskiego PAN w Krakowie, pod red. Mieczysława Karasia, od t. II pod red. Jerzego Reichana, od t. VI pod red. Joanny Okoniowej, Wrocław – Kraków etc.: Osolineum, 1977–.
- Snoj SES** = Marko Snoj, *Slovenski etimološki slovar*, Ljubljana: Modrijan, 2003.
- SSJČ** = *Slovník spisovného jazyka českého I–VIII*, red. Bohuslav Havránek, Praha: Academia, 1989.
- Šapošnikov 2010** = Александр К. Шапошников, *Этимологический словарь современного русского языка I–II*, Москва: Флинта – Наука, 2010.
- Vasmer ES** = Макс Фасмер, *Этимологический словарь русского языка I–IV*, перевод с нем. и дополнения О. Н. Трубачева, Москва: Прогресс, 1986.
- Vasmer REW** = Max Vamer, *Russisches etymologisches Wörterbuch I–III*, Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1953–1958.
- Waniakowa 2013** = Jadwiga Waniakowa, *Etymologiczny słownik gwar polskich – nowe zadanie w badaniach historyczno-porównawczych*, *Polonica* 33 (2013), 317–325.
- Zaręba 1988** = Alfred Zaręba, *Ze słowiańskich związków leksykalnych: 1. Południowosłowiańskie *šet-*, polskie gwarowe *szat-*; 2. Południowo- i wschodniosłowiańskie *šet-/bъnъ/*, polskie gwarowe *siet-/ny/**, w: Alfred Zaręba, *Szkice z dialektologii śląskiej*, Katowice: Śląski Instytut Naukowy, 1988, 333–344.

POVZETEK

Etimologija v dialektologiji – izvor poljskega narečnega *usiatać się* ‘utruditi se’

Članek podaja razprostranjenost in etimologijo poljskega narečnega izraza *usiatać się* ‘utruditi se’ v zvezi z etimološko in morfološko obdelavo tega glagola na eni od kart zvezka Slovanskega lingvističnega atlasa (OLA), posvečenega transportu. Navedeni zvezek pripravlja ukrajinska komisija. Opravljena analiza celote gradiva kaže, da je leksem izposojen iz čeških govorov. Druge možnosti so malo verjetne. Sorodni izrazi nastopajo tako v poljskih govorih kakor v vrsti slovanskih jezikov, kar dopušča rekonstrukcijo praslovanskega etimona **šętati se* ‘gibati se, premikati se’.

ANDREJA ŽELE

NAREČJE KOT DOBRO IZHODIŠČE ZA PREPOZNAVANJE IN SPOZNAVANJE NEKATERIH SKLADENJSKIH POJAVOV V LASTNEM JEZIKU

COBISS: 1.01

Prispevek skuša na nekaj jezikovnih pojavih predstaviti, kako si lahko prek lastnega narečnega govora lažje razložimo nekatere slovnične pojave v knjižni slovenščini. Naravno soobstajanje narečnega in knjižnega in primerjave med njima nam omogočajo boljše poznavanje in uporabljanje slovenščine nasploh. Sestavni del opismenjevanja je torej zagotovo tudi omogočenje, da čim prej vzpostavimo zdrav uzaveščen odnos med svojim narečnim krajevnim govorom, nadnarečnimi pogovornimi različicami in knjižno slovenščino, in posledično znamo vse te zvrsti tudi ustrezno uporabljati.

Ključne besede: narečni govor, knjižna slovenščina, leksika, skladnja

Dialect as a Sound Basis for Recognizing and Understanding Some Syntactic Phenomena in One's Own Language

By examining a number of linguistic phenomena, this article shows how some grammatical occurrences in standard Slovenian can be explained through one's own local dialect. The natural coexistence of dialect and standard language and their comparisons facilitate a better comprehension and use of Slovenian in general. A key component of literacy is therefore closely connected to encouraging conscious awareness and consequently proficient use of one's own dialect, other regional variants, and standard Slovenian.

Keywords: dialectal speech, standard Slovenian, lexis, syntax

Jezik je majhna prata, ma dobro uošlata.

*Ljubi, ki dobro pozna težo oz. pomen zlasti
slovanskega besedja, za vse druženje in človeško toplino*

0 UVOD

V prispevku so primerjalno s knjižno slovenščino pokomentirane nekatere skladenjske rabe v mojem narečnem govoru (Pivka oz. nekdanji Št. Peter na Krasu).¹ Ravno živ narečni govor je namreč lahko dobro izhodišče za razpoznavanje in razumevanje marsikaterega slovničnega pojava v knjižnem jeziku.

V nadaljevanju je na nekaj skladenjskih pojavih pokazano, kako koristno in uporabno je vzajemno spoznavanje in vzporedno uporabljanje obeh sociolektov,

¹ V tem prispevku je uporabljeno gradivo iz moje zbirke narečnih besedil (Žele 1996; 2009) in gradivo iz narečne kartoteke Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU; omenjeno inštitutsko gradivo je bilo uporabljeno za razprave Govori na Pivki (Logar – Kolarič – Meze 1959). Poenostavljeni zapisi pivškega narečnega govora niso posebej komentirani, ker je težišče obravnave na leksiki in skladnji in je namen prispevka zlasti opozoriti na uporabnost in vsestransko koristnost narečja pri učenju knjižnega jezika.

ki sta hkrati tudi jezikovna sistema: knjižni jezik in narečje. Prepoznavanje slovnčnih pojavov tudi v lastnem narečju oz. narečnem govoru je koristno zlasti za boljše razumevanje jezikovnega sistema sploh.

1 PREPOZNAVANJE SKLADENJSKE OZ. STAVČNOČLENSKE VLOGE BESED IN POSLEDIČNO BESEDNIH VRST

Primerjava z narečno govorico potrjuje, kako je določena beseda s samostojno skladenjsko vlogo tudi že samostojni stavčni člen in kako je druga le del stavčnega člena in zato znotraj stavčnega člena označuje določene kategorialne lastnosti.

1.1 Določanje povedkovega določila in povedkovnika

Kot vemo, je povedkovnik kot povedkova kategorija stanjske lastnosti tudi neke vrste naklonski prislov, jezikovnosistemsko je omejen na vlogo v povedku in je stavčnočlensko označen kot povedkovo določilo. Povedkovnik je kot skladenjska kategorija znotraj povedka že po definiciji tudi aktualizacija sporočila z vidika časa, naklona, načina in možnosti členitve besedila po aktualnosti. In ravno zaradi slednjega je narečni govor lahko dovolj prepričljiv pokazatelj prvotne ali drugotne povedkovodoločilne uporabe določenih besed oz. njenih posameznih pomenov. Povedkovodoločilno rabo različnih besed si torej lahko zlasti pomensko dovolj jasno razložimo v svojem prvem in zato najbolj naravnem govoru:² *Jə jəmu prou*, *Uod nəč jə nəč*, *Stvar jə napjəta*, *Nej tela bət zat* 'Ni hotela zastajati', *bət nabrisən* 'biti zvit, navihan', *Jə čuətəst*, *Jə voučji*, *Jə pərpalen*, *Ta jə ruóčən*, *Jə vrejdna suojga dnara*, *Uon təmi nej kapac* 'On ni zmožen tega', *Nej za nubeno rabo* 'Ni koristen', *Jə razvečjən* 'Je razigran'. Pogosto je v vlogi povedkovnika tudi samostalni: *Bəu jə pravi məste*, *Tu jə ánu pravu motovilu*, *Jə tak lesenc*, *Jə jənák*, *Jə prava pestuóba*, *Ga jə sama pəščuóba* ipd. Glagolska predložnomorfemskost še potrjuje povedkovo rabo: *bət pər uóli*, *bət pu streli* 'biti navihan', *Jə z usəmi duoməč*, *Jə biu prekəsən za use*. Lepo se tudi pokaže uvajanje povedkovnika ob pomensko oslabljenih glagolih, ki so sicer polnopomenski, npr. *kúmərno se držət*, *Nə vela duósti*.

Posredni pokazatelj povedkovnika so lahko tudi stavčne pretvorbe tipa *Uon use vej* – *On je vseveden*. Okrnjeno povedje pogosto izražajo tudi sklopi, zato se v povedi sprevačajo v povedkovnik, v nadpovedni/besedilni rabi pa v členek, npr. *Uon jə en tak douhcejt*, *Jə bəu tak pohahuoj* ipd. Povedkovodoločilno rabo in posredno povedek lahko potrjujejo tudi istopomenske povedi tipa *Jə domišlau* – *Se zazdi*, kjer je zloženi povedek z vezjo in pridevnikom lahko sporočilno enakovredno nadomeščen s polnopomenskim glagolom.

2 V enojnih oklepajih bodo izpisani pomeni le pri zgledih, ki bi lahko bili splošnoslovensko težje razumljivi ali nerazumljivi.

1.2 Določanje stavčnih členov

Včasih je lahko problemsko določanje prislovnih določil, zlasti določanje rabe predložnih zvez v vlogi prislovnih določil kraja ali časa. Primerjalno s knjižnim jezikom je v narečnem govoru pogosta pomenska ponavljajnost oz. vzporednost (paralelizem) stavčnih členov, ki z izražanjem oz. ponavljanjem istih okoliščin poudarja določeni skladenjski pomen in hkrati stavčnoočlenskost uporabljenega udeleženca: *Baba Jaga je uətruóke metala nuətar u plévəncə in jəh nusila na Uo-suəjəncə u buórou guóst, Šje njo smuə vrgli nuətar u múrje, Jə pəršla nuətar u kámbro, Nuətar u Trnji pa jə biu puoli pljəs, Jə uəjdla skuzi vrata uən, Zvalilu se jə u lužo zat za hišo, Kaj muóre bət təm za grməm, uəndi na zídci, Suə sə vračali duol na trnsko stran, Kaku jə cėjgu guor na Dúneji duol səs stréjh padou, Usake tulku, punavadi na par lejt, suə se pəršli putpisət na uóbčino ipd.*

2 PREPOZNAVANJA IN RAZLIKOVANJA MORFEMSKIH LASTNOSTI ZNOTRAJ LEKSIKE

Za narečne krajevne govore sta tipični in navadno vzajemno povezani netvorjenost in pomenska izvirnost/primitivnost besed. To je tudi vzrok za sorazmerno pogoste bolj ali manj ustaljene besedne zveze z novim skladenjskim pomenom.

2.1 Raba glagolskih primitivov

Ravno v lastnem narečnem govoru se jasneje razkriva in razčisti različna skladenjskopomenska raba predvsem glagolskih primitivov kot *biti*, *delati/narediti*, *imeti*, *dati*, *iti/priti* in pogosta predložna raba, zlasti uporaba predložnomorfemskih glagolov: *bət pər nəh na hrani* 'hraniti se pri njih', *bət na dobički* 'imeti dobiček', *bət usəh muh póuhən* 'biti zviti, prebrisan', *bət pu streli* 'biti navihan', *Málu u stráhi bət nə škuódi* 'Malo bati se ne škodi', *bət duóbru stojəč* 'biti bogat', *bət u tréjəh* 'bili trije', *bət hud za pət šnopəc*, *Pa šjə léjpu jə blu za vit*, *Nej čistu tapráu* 'Ni čisto pri zdravi pameti', *Nej u štati tu spjelət*, *Mi nej prijévəč pər srci* 'Ga nimam preveč rad', *U strahi se nə smej bət*, *Nejkej dni jəmət pjətlərja na hrani*, *Nej jəmu kej za jəst* 'Ni imel ničesar za jesti', *Nej jəmu təh besed zamár* 'Ni upošteval teh besed', *Jəmət kej za puvjəčət* 'hoteti povečati kaj'; *dət čast buhci* 'skleniti roke pri molitvi', *Juəžək je dau duól* 'Jožek je popustil', *jət h nuogam* 'iti peš', *Nəč nə grjə prou poceni skuzi*, *Mi grjə rejs nekəm usjé na ruoko*, *Jəm nej šlu uod ruk* 'Jim ni uspevalo', *huódət u úk* 'hoditi se učiti', *huodət pu vəsi ádən k drugmi*, *Duóskrət se jə slabu pəršlu skuzi* 'Dostikrat se je slabo končalo' ipd.

Široki posplošeni pomen, npr. glagola *delati* v *Čižmi se udejlajo, dejlət se štədírənga*. Pri nekaterih drugih glagolih pa so vključene tudi fazne in naklonske sestavine, npr. *pərpráut du smėjha* 'spraviti v dobro voljo', *udárt pu klubásəh, uódbət pər plači* 'odšteti od plače' ipd.

Oslabljeni skladenjski pomen določenih glagolov se izraža v povedih kot: *Dejla žəvət* 'Se redi'; *Suə imejli žjəhto*, *Ga jəmajo u časti*, *Jəma jəh u gostejh*; *Jə uzeu za hudu*, *Mi jə dau eno cabado*, *Se drži čubəstu*; *jəgrət na bubən*; *Nej lepu preš-jərnost ugánjət*; *Gmajni pa se rjéče Platíšniki*, *Təmi se rječe tudi drugi mrak*; *znət povéjdət* 'se še spomniti', *Suə znali besede šjə dərgáci zasúkət*, *Stjəza jezək*; *Ki use suə uójsko slúžli*, *Unim u Europi pade use suərti naumnosti u glavo* (PN 2004, 44/1: 21) ipd.

- 2.1.1** Nasploh so pomenski (glagolski) primitivi tudi zelo pogosta sestavina stalnih stav in glagolskih frazemov, ti pa so v narečnih govorih zelo pogosti in živi: *Ga zmirej jemlje uən*, *Nejsuə se pəstili jəmət za nuórca*, *Jəmət kuoga u gusteh*, *Dejlu mi nə grjə uod ruk*, *Nə da duol*, *Juəžək jə dau duól* 'Jožek je popustil', *Ta šjə tiči u lufti najde uržəh*, *pərduóbət na glasi* 'postati znan', *Suə mi use uokúli vrgli*, *Te nə pəsti z vida* 'Ti sledi', *se dəržət doma* 'ostati doma', *bət uob suojam* 'nič jesti', *dət čast bugci* 'skleniti roke k molitvi', *vagati življenje* 'tvegati življenje', *jət na oglede* (Žele 1996: 77) ipd.

2.2 Posebnost glagolskih tvorjenk

Z vidika tvorjenosti so lahko narečna posebnost glagoli, ki izražajo ponavljajoča se opravila in navade, ponavljajoči glagoli, ki so še zlasti značilni za govore na Pivki, npr. *zgubljevati*, *kupljevati*, *dosegavati*, *hodevati*, *lakomnevati*, *poizvedavati*, *prepasavati* (*Žjənske suo se prepasavale*) ipd.³

Najpogostejše uporabljane glagolske tvorjenke pa so sestavljenke, izpeljanke iz predložne zveze in modifikacijske izpeljanke. Pomembno je tudi opozorilo, kako metonimična uporaba predponskih obrazil spreminja vezavo glagolskih sestavljenk.⁴

Metonimični premiki v prenesenem pomenu 'največje količine/mere' so posebej pogosti pri predponskem obrazilu *na-*: *Nu, zdej si se ja nabalínou*, *Se ga jə nasərkou*, *Grjəmo (na)repkət krompir pu naši nivi*. Hkrati ima v teh primerih predponsko obrazilo *na-* naklonsko vlogo besedotvornega sredstva stopnjovitosti. Časovnost oz. dokončnost procesa/dejanja, izražena s predponskim obrazilom *z-/s-*, je še dodatno potrjena s prislovom *popolnoma* v npr. *Jə popolnoma spéjšou*.

3 Na rabo priponskih obrazil *-évati* in *-avati* kot pivško besedotvorno zanimivost opozarja že F. Miklošič (1881: 84–85): »[...] prišla je tudi jezikoznanska znamenitost na dan, da se nahaja po nekterih notranjskih krajih: v Senožčah, na Pivki, na Krasu itd., pa tudi po Istri še dan danes tako imenovanih „ponavljavčnih glagolov“, kakoršni so: košévati (kosíti), brušévati (brusíti), hodévati (hodíti) itd., ki so po drugih slovenskih krajih potihnilni že davno s ponavljavnem glagolom „bivati“ vred, ki je v Senožčah, na Krasu in tudi na Pivki še čisto v navadi med prostimi kmeti.« Tovrstne glagole pri obravnavi vrst glagolskega dejanja J. Toporišič (2000: 352) uvršča med »glagole s sopomenom dejanja navade«, ki so se uporabljali v 19. stoletju.

4 Na vpliv metonimičnih pomenskih premikov predponskih obrazil na vezljivost glagolskih sestavljenk opozarja A. Vidovič Muha (1988: 23).

Besedotvorna posebnost so že zgoraj omenjane tvorjenke v npr. *Se ja pardušou*, *Sua ga vidėjvali na sejmi*, *Ja pousuad zmrzávalu*, *Se ja hodėjvalu kjá usak edini dan*, *Tu ja par nás uod nekdej taku bivalu*.

2.3 Glagoli s predložnimi morfemi

V narečnem govoru se zaradi pogoste in aktualizirane vsakdanje uporabe natančneje razčistijo možne skladijskopomenske vloge predložnih morfemov. Izhodiščno merilo različnih skladijskopomenskih vlog predložnih morfemov je vedno pomenska sestava uporabljenega glagola – pri vezavnovezljivih predložnih morfemih govorimo o pomensko- in strukturnoskladijskem vplivu glagola, pri vezavnodružljivih predložnih morfemih pa samo o strukturnoskladijskem vplivu glagola. Najpogostejše in zato tudi najtipičnejše predložnomorfemske zveze so: *Se u use nərbúlše razume* 'Vse najboljše zna', *Kar naprej ždarli u bukve*, *Sua hudi za balinət*, *Ja hədu hut za bərəntət*, *Sua zabərəntali kravo za dama*, *Zmirej opejkva vokuli hiše*, *Ja udrou u šišo*, *Klāfətá u vuodi*, *Ja vrgu flajšo uob tla*, *Ga žduəca kje u rjebra*, *Uət ust se mi cedi*, *Us drdra pu vasi* (tudi element premikanja), *Karjuola rəgla pu vasi*, *Grjəmo (na)rəpkət krompir pu naši nivi*, *Ga ja ucvərknpu pu lici*, *Bunik se ravna pu duohtarji*, *Ja pou na tla*, *Spjat ja cəcnu na tla*, *Si ja pərtərgou na hrani / na spanji*, *Kar naprej govori čjaz kuoga* ipd.

Med zgornjimi primeri lahko ločujemo leksikalizirane vezavne predložne morfeme tipa *Sua hudi za balinət*, med neleksikalizirane obveznovezavne (ne)izražene predložne morfeme uvrščamo primere *Ga žduəca kje* (neizraženi), *u rjebra* (izraženi), neleksikalizirani neobveznovezavni predložni morfem je v primerih *Ja pou na tla* ipd. Vezavnodružljivi predložni morfemi pa so v primerih kot *Karjuola rəgla pu vasi*, *Grjəmo (na)rəpkət krompir pu naši nivi* ipd.

Oblikoslovnoskladijska posebnost je tudi je (predložna) tožilniška zveza v vlogi obveznovezljivega prislovnega določila časa: *Za svjat Pjətar začnemo kuósət*.

- 2.3.1 Pomenskoscyladijsko razvezane (predložne) zveze, ki v naravnem govoru predstavljajo niz elementarnejših/primitivnejših besed, so v knjižni slovenščini pomensko- in strukturnoskladijsko nadomestljive z enobesednimi leksemi: *Se razume sámu pu sjébi* 'Je samoumevno', *dət spuətjo* 'mimogrede', *Use dejla na suojo ruoko* 'Je samosvoj/svojejav'.

3 PREPOZNAVANJE SKLADIJSKIH LASTNOSTI NA RAVNI POVEDI

- 3.1 Tako za govor kot za narečni govor in narečje je zelo navadna in pogosta opisna razvezava stavčnih členov v odvisniško rabo, ki vsaj posredno opozarja tudi na najpogostejše vezniške besede. Sicer pa so po pričakovanju najpogostejše uporabljani predmetni odvisniki, pogostnostno sledijo prislovnodoločilni odvisniki, manj je prislakovnih odvisnikov: *Ahtej, mirkej, də nə padeš*, *Ni blu treba, də ja tu zgousnu*, *Šje*

pameti, dā jā blu taku, Se pustaula, dā jā jānāk, Mi se vidi, dā si zdrou s tudi pogosto uporabljeno pretvorbo Si vidēt zdrou, Taku jā bulan, dā kumej lejze, Puoli pa jā zavri-skou, dā jā uodmevalu nuātār du svijete Trujice, Kaj stuočēš, ku da b' šla čejva uon s trebuha, Ta dva se zmirej cenjasta, kādār pridesta ukāp, Kār te bo pasālu, buom šla, Nā muore vječ dervārāt, kā ga ruoke bolijo; Jāma tisto bulezān, dā ga luomi.

V narečnem govoru je lahko izrazno nerazločevalna ali pa sploh neuzavešče-na uporaba vsaj nekaterih veznikov, npr. *ki, ker, ko*, ki pa samo potrjuje dejstvo, da določeni skladijski pomen smiselno oz. ustrezno učinkuje šele v besedilu, in da je navsezadnje logično razmerje med dvema sporočilnima enotama tudi brez veznika, npr. *In najbəl srijēčni so bli tisti, kā suā razvažali pijačo, zatu kā suā ta prvu poskrbeli zase, Pa ne lih pretiravat, kā naši nesuā kā uni, kā suā jih zdej ulačli po časopisih* (PN 2004, 44/1: 21).

- 3.2 Tipični za narečni govor so tudi izpusti. Ti so tipična posledica aktualnega praktičnega sporočanja, ki mora zaradi smiselnosti obdržati izhodišče in čimprej preiti na tisto novo, kar je ciljno jedro sporočaneja.

Izpust povedja oz. dela povedja: *Nej teu sam domou, Jo jā prašou, če bi ga prepuznala, in uona dā ja; Ma kaj buā tu dānās, tu nej nāč; Kaj buādo ti stroji, Hijērkuljes jā mašina, cājh nuātār, hlače uān; Kaj čte tle?*

Izpust udeleženca, ki ne spada v jedrni del sporočila, ker se njegov pomen da razbrati iz sobesedila: *Pruōdou jā u Prestrānk na bazo, Suā spodrezavali u guozdi.*

Za izpust jedra predložne predmetne zveze gre tudi v primerih kot *Za svjēt Pjātār zāčnemo kuōsāt. Prid'te šje!, Zdej je tle* 'Začelo se je' (PN 2005, 45/1: 23), *Mārde se buāste šli omuočāt* (PN 2005, 45/1: 23); *Nu, zdej sām malu zajdu* (PN 2004, 44/1: 21).

3.3 Potrjevanje vezljivosti in vezljivostnih sprememb

Tako kot se vsaka sprememba pomena izrazi z vezljivostjo, lahko tudi isti skladijski pomen sicer različnih glagolov v knjižnem in narečnem jeziku ohrani isto pomensko- in strukturnoskladijsko vezljivost: *lētāt k njemi* 'želeli se mu pridružiti', *Sta pasala pu vāsi* 'Sta se peljala skozi vas', *Se jā primlu imjā* 'Se je ustalilo ime', *Nej ujeu cele štorije* 'Ni uspel slišati cele zgodbe', *Uotrjāt se kuoga* 'Odsloviti koga', *Bējšte provirāt sāmi* 'Pojdite sami poskusit', *Se jā taku namjārļu* 'Se je tako zgodilo', *Žjā taku pjāle* 'Je že tako', *Suā vējdlī povejdāt* 'So se še dobro spominjali', *Usakmi pa rejs nā grjā vjārvt* 'Vsakemu pa se res ne sme verjeti', *nādārsāt kuoga* 'oslepariti koga', *Jā use zastuājn* 'Nič ne pomaga', *Nej jāmu tāh besed zamār* 'Ni upošteval teh besed', *Jāmāt kej za puvjāčāt* 'Hoteti povečati kaj', *vzjēt si vječ cājta za kej* 'imeti čas za nekaj' ipd.

V nasprotju z zgornjimi pomeni pa različni skladijski pomeni istega glagola posledično uvajajo tudi različno vezljivost: *Pučasi suā cjāpali u cjārku, Cjāpali*

suə en za drugəm, Živina zəčne cǝpət; Uotruoci se pu vəsi klatjo in ciganjo, Ceu dan suə ciganli, Ga ja uocegānu; Kər naprej čebŕnja, Ja čebŕnjāl neumnosti; Žǝni suojo hčer, Se ja žǝnu, ženila (možiti ni v rabi); Dəš pada – Ja padalu – Dəš se ja usul (Žele 2002).

Obvezna vezava se potrjuje po vseh osnovnih glagolskih vezljivostnih skupinah (stanja, ravnanja/upravljanja, rekanja/mišljenja, premikanja, naravnih/življenjskih procesov), ki hkrati upoštevajo in vključujejo tudi vrsto glagolskega dejanja: *Ga nejsuə nəč uobrajtali/šacali, Ga ne muore vječ tribət, bərcət z nuogo, drǝzət z ruoko, Kaj drǝza vanj, Ta ga zmirej cenǝ – Sta se scenjala, Nej niti mignu z očmi, Ja pretočavala vinu, Suə bejlli platnu, Suə ga videjvali na sejmi; Kər naprej nejkej tabla, Ga ja oškłousou, Ceǝle štorije se zmišljava; Ga tježku duhaja, Ga ja dojdla; Ja zvešālu s flajše, Ga mjəče buože, Žlampa uodo – Se ja nažlāmpou uode.* Prehodnost tudi nekaterih skladenjskih pomenov temeljnih glagolov premikanja kot npr. *hoditi* izražajo primeri s pretvorbenimi različicami, npr. *Huodət u ūk – Huodət se uočət.*

Pomensko specializiranejši glagoli v svoji pomensko sestavinskosti vključujejo tudi že sestavine potencialnega vezavnega udeleženca: *Sta se scenjala, Fantulini se rəvajo; Uod nekəda čebelarjo pər tej hiši; Kər naprej čebŕnja, Kaj skuži čələstariš!, Ja čebŕnjāl, čenčuril; Uotruoci se vangajo, Ruop pri sklejdi se uoškərbi; Dougu se nə muore uvrement – Se ja uremenilu.*

- 3.4 Odraž živega komentiranja in osebne stališča do povedanega je tudi pogosta raba nevezljivih prislovnih določil načina, ki delujejo kot modifikatorji povedka: *Pəs usake tulku en malu zabeuče, Hišo suə cǝnli na hədu nizku, Se hədū milu drži, Dan ja pəsou brez dežja, Ja trejba postuorət šje za dne(va).*

4 ZELO PRODUKTIVEN DEL SKLADNJE GOVORJENEGA JEZIKA – SKLOPI

Sklopi so kot strnjeni poenobesedeni izraz neposredno iz govora in zato hkrati tudi neposredni aktualiziran (pogosto tudi čustven) odziv na sprotno dogajanje. Zaradi naštetega so tudi tipični pojav narečnega govora. Vključuje predložne glagolske zveze, npr. *jətvəse*, pogosto prislovnodoločilne zveze tipa (*jət*) *zadnjəva*, (*bət*) *uodzmirej*, (*jəmət*) *zamār*, (*jəmət*) *nauocéh* ipd.

Pogosti so sklopi v vlogi nesklonljivih prilastkov ali obpovedkovih lastnostnih okoliščin, npr. *bət ceuǝkəzín, bət pohahój, bət pərvǝoli, bət pərbesédi, bət nauodnəč, bət nərtabǝlše, bət duobrustuječ, bət nauocéh, bət səssjəbe, ne bət nəčuódtəga, jət narǝóke, bət usəksjəbi, bət bəl marijəhsjəbi, jəmət fəču na júhuhu, narjést stópǝótjo, narjést natašče, žəvət kjéuéndán, jəgrət dəjgadējga, se razume sámunasjəbi* ipd.

S stavčnega vidika so tipični sklopi kot *béǝžibėjži, huódi huódi, néjuštāti, kakusežekličə, dəjmorjəc, dúvėj, búhvėjkáj, kakúsežerjəcə, kakúb'serjėklu, kisiki-ténėj, pakájčėš, kájpadé, kúdábí, madanébi, túpatú* ipd.

5 SKLADNJA TUDI KOT DOKAZ POMENOTVORNE ŽIVOSTI

V lastnem narečju si je navsezadnje najlažje uzavestiti tudi skladenjsko rabo, ki kaže na pomenske premike kot *Uotroki ja žjala ječman*, *Suə lepe špičli* ‘uganjali’, *Smuə se fįjakali* ‘So se hecali’ ipd. – Posebnost so tudi že kar idiomatične zveze kot *Ja hitru zamóugu* ‘Je hitro obogatel’, *Pəsti ga stat, bou žja pəršu vāse!* ‘Pusti ga na miru, se bo že spametoval’.

6 ZA SKLEP

Uporabo določenih pomenov v določenih skladenjskih vlogah najlažje oz. najbolj naravno razumemo v svojem narečnem govoru. Zato je posamezne skladenjske pomene leksemov, rabljene v narečju, smotno primerjati z njihovo rabo v knjižni slovenščini. Hkrati lahko ugotavljamo, s katerimi leksemi in kako se isto sporočilo oblikuje v narečnem govoru in knjižnem jeziku, in pomembne so tako razlike kot podobnosti. In kaj narediti za bolj uzaveščeno rabo tako narečja kot knjižnega jezika zlasti v smislu ustrezne in bolj samozvestne izbire rabe? K temu prispeva zavedanje o nujnosti soobstoja teh sociolektov, v nadaljevanju pa je dobro vedeti tudi kaj več o sistemskih zmožnosti lastnega narečja na eni in knjižnega jezika na drugi strani. Skratka, prepoznavanje stavčnočlenskih vlog, pretvorbenih zmožnosti med stavčnimi členi in odvisniki, vezljivostnih zmožnosti in primerjava izraznih zmožnosti za vse naštetu v narečju in v knjižnem jeziku – vse to stalno vzajemno aktualizira in razvija slovenščino kot celoto.

VIRI IN LITERATURA

- Logar – Kolarič – Meze 1959** = Tine Logar – Rudolf Kolarič – Joža Meze, *Govori na Pivki*, Ljubljana, SAZU, 1959.
- Miklošič 1881** = Fran Miklošič, *Slovensko berilo za osmi gimnazijski razred*, Dunaj, 1881.
- Narečna kartoteka** = Narečna kartoteka Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU, dialektično gradivo Pivka na Krasu, kartotečna zbirka 5164 izpisov; zbrali Jela Jenčič – Joža Meze – Anton Požar v letih 1954 in 1956.
- PN** = *Pivške novice: informativno glasilo v občini Pivka* (Postojna) 5 (2004), št. 3 in 5; 6 (2005), št. 2.
- Rigler 1963** = Jakob Rigler, *Južnonotranjski govori*, Ljubljana: SAZU, 1963 (Razprave razreda za filološke in literarne vede).
- Toporišič 2000** = Jože Toporišič, *Slovenska slovnica*, Maribor: Obzorja, 42000.
- Vidovič Muha 1988** = Ada Vidovič Muha, *Slovensko skladenjsko besedotvorje ob primerih zložen*, Ljubljana, Znanstveni inštitut Filozofske fakultete – Partizanska knjiga, 1988.
- Žele 1996** = Andreja Žele, *Kaku so živejli in si dejlali kratek cejt: kratke štorije s Pivškega*, Ljubljana: Kmečki glas, 1996 (Glasovi 12).
- Žele 2002** = Andreja Žele, Vezljivost med narečjem in knjižno slovenščino, v: *Med dialektologijo in zgodovino slovenskega jezika: ob življenjskem in strokovnem jubileju prof. dr. Martine Orožen*, ur. Marko Jesenšek – Bernard Rajh – Zinka Zorko, Maribor: Slavistično društvo, 2002 (Zora 18), 140–149.
- Žele 2009** = Andreja Žele, Vsakdanje vloge ali vplivi krajevnega govora v lokalnih medijih, v: *Slovenska narečja med sistemom in rabo*, ur. Vera Smole, Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2009 (Obdobja 26), 543–556.

SUMMARY

Dialect as a Sound Basis for Recognizing and Understanding Some Syntactic Phenomena in One's Own Language

The use of specific meanings in specific syntactic roles is most organically understood through one's own dialect. It is therefore reasonable to compare the individual syntactic meanings of lexemes used in dialects to their use in standard Slovenian and to determine how and with which lexemes the same meaning is formed in dialect and in the standard language. Both differences and similarities are of equal importance. The question remains how to achieve a more mindful, confident, and appropriate use of local dialect and standard language. Acknowledging the significance of the coexistence of sociolects and broadening the knowledge of the systemic possibilities of one's own dialect on the one hand and of standard language on the other can greatly contribute. In essence, all language varieties are reciprocally topicalized and developed with the recognition of sentence element roles, transformative abilities between sentence elements and subordinate clauses, valency possibilities, and comparisons of the expressive capacities of these criteria in dialect and standard language.

SEZNAM SODELUJOČIH

- Aleksandr Jevgenjevič Anikin** RU-630090, Новосибирск, ул. Николаева 8
Александр Евгеньевич Аникин Институт филологии СО РАН
 Ruska federacija
alexandr_anikin@mail.ru
- Mikalaj Antropav** Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа / Цэнтр
Мікалай Антропаў даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
 Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
 вул. Сурганава, 1, корп. 2, BY-220072, Мінск
 Belorusija
antropov50@gmail.com
- Zbigniew Babik** Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego
 ul. R. Ingardena 3, PL-30-060 Kraków
 Poljska
zbigniew.babik@uj.edu.pl
- Jelena Lvovna Berezovič** RU-620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
Елена Львовна Березович Уральский федеральный университет, ком. 306
 Ruska federacija
berezovich@yandex.ru
- Marta Bjeletić** Institut za srpski jezik SANU
Марта Бјелетић Knez Mihailova 36, RS-11000 Beograd
 Srbija
marta.bjeletic@gmail.com
- Vít Boček** Ústav pro jazyk český AV ČR
 Veveří 97, CZ-602 00 Brno
 Češka republika
vitbocek@gmail.com
- Wiesław Boryś** Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk
 Al. Mickiewicza 31, PL-31-120 Kraków
 Poljska
wieslaw.borys@wp.pl
- Varja Cvetko Orešnik** Janežičeva ulica 21, SI-1000 Ljubljana
cvetko@zrc-sazu.si
- Aleksandra Derganc** Oddelek za slavistiko
 Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani
 Aškerčeva cesta 2, SI-1000 Ljubljana
aleksandra.derganc@guest.arnes.si
- Metka Furlan** Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, ZRC SAZU
 Novi trg 4, SI-1000 Ljubljana
metka.furlan@zrc-sazu.si
- Mariola Jakubowicz** Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk
 ul. Bartoszewicza 1B/17, PL-00-337 Warszawa
 Poljska
mjakub7@interia.pl

Ilona Janyšková Ústav pro jazyk český AV ČR
Veveří 97, CZ-602 00 Brno
Češka republika
ilona.janyškova@ujc.cas.cz

Helena Karlíková Ústav pro jazyk český AV ČR
Veveří 97, CZ-602 00 Brno
Češka republika
helena.karikova@ujc.cas.cz

Ľubor Králik Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied
Panská 26, SK-81101 Bratislava 1
Slovaška
lubor.kralik@juls.savba.sk

Ljubov Viktorovna Kurkina Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Любовь Викторовна Куркина RU-119019, Москва, Волхонка 18/2
Ruska federacija
lyubovkurkina@yandex.ru; lyukurkina@rambler.ru

Aleksandar Loma Filozofski fakultet
Александр Лома Čika Ljubina 18–20, RS-11000 Beograd *in*
Institut za srpski jezik SANU
Knez Mihailova 36, RS-11000 Beograd
Srbija
loma.aleksandar@gmail.com

Marek Majer Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny, Katedra Filologii Słowiańskiej
ul. Pomorska 171/173, PL-90-236 Łódź
Poljska
marek.majer@uni.lodz.pl

Majda Merše Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, ZRC SAZU
Novi trg 4, SI-1000 Ljubljana
mmerse@zrc-sazu.si

Janez Orešnik Janežičeva ulica 21, SI-1000 Ljubljana
janez.oresnik@sazu.si

Marija Račeva Драгалевци, ПК 28, BG-1415 София
Мария Рачева Bolgarija
gelevdp@gmail.com

Jiří Rejzek Ústav českého jazyka a teorie komunikace
Filozofická fakulta Univerzity Karlovy
náměstí Jana Palacha 2, CZ-116 35 Praha 1
jiri.rejzek@ff.cuni.cz

Luka Repanšek Oddelek za primerjalno in splošno jezikoslovje
Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani
Aškerčeva cesta 2, SI-1000 Ljubljana
luka.repansek@ff.uni-lj.si

Mihail Nikolajevič Sajenko Институт славяноведения РАН
Михаил Николаевич Саенко RU-119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
 Ruska federacija
 veraetatis@yandex.ru

Ludwig Selimski Uniwersytet Śląski w Katowicach
Людвиг Селимски ul. Bankowa 12, PL-40-007 Katowice
 Poljska
 selimski@wp.pl

Marko Snoj Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, ZRC SAZU
 Novi trg 4, SI-1000 Ljubljana
 marko.snoj@zrc-sazu.si

Olesja Dmitrijevna Surikova RU-620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
Олеся Дмитриевна Сурикова Уральский федеральный университет, ком. 306
 Ruska federacija
 surok62@mail.ru

Rafał Szeptyński Instytut Języka Polskiego Polskiej Akademii Nauk
 al. Mickiewicza 31, PL-31-120 Kraków
 Poljska
 rafal.szeptynski@ijp.pan.pl

Matej Šekli Oddelek slavistiko
 Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani
 Aškerčeva cesta 2, SI-1000 Ljubljana in
 Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, ZRC SAZU
 Novi trg 4, SI-1000 Ljubljana
 matej.sekli@guest.arnes.si

Svetlana Mihajlovna Tolstoj Институт славяноведения РАН
Светлана Михайловна Толстая RU-119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
 Ruska federacija
 smtolstaya@yandex.ru

Silvo Torkar Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, ZRC SAZU
 Novi trg 4, SI-1000 Ljubljana
 silvo.torkar@zrc-sazu.si

Žanna Žanovna Varbot Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Жанна Жановна Варбот RU-119019, Москва, Волхонка 18/2
 Ruska federacija
 zhannavarbot@yandex.ru

Jasna Vlajić-Popović Institut za srpski jezik SANU
Јасна Влајић-Поповић Knez Mihailova 36, RS-11000 Beograd
 Srbija
 jasna.vlajic@isj.sanu.ac.rs

Bohumil Vykypěl Ústav pro jazyk český AV ČR
 Veveří 97, CZ-602 00 Brno
 Češka republika
 vykypel@ujc.cas.cz

Jadwiga Waniakowa Uniwersytet Jagielloński, al. Mickiewicza 3
 PL-31-120 Kraków *in*
 Instytut Języka Polskiego PAN, al. Mickiewicza 31
 PL-31-120 Kraków
 Polska
jadwiga.waniak@uj.edu.pl;
jadwiga.waniakowa@ljp.pan.pl

Peter Weiss Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, ZRC SAZU
 Novi trg 4, SI-1000 Ljubljana
peter.weiss@guest.arnes.si

Andreja Žele Oddelek za slovenistiko
 Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani
 Aškerčeva cesta 2, SI-1000 Ljubljana *in*
 Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, ZRC SAZU
 Novi trg 4, SI-1000 Ljubljana
andreja.zele@ff.uni-lj.si; andrejaz@zrc-sazu.si

Navodila avtorjem

Jezikoslovni zapiski so revija Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU, slovenska znanstvena **jezikoslovna revija, ki izhaja dvakrat na leto**. Uredništvo sprejema prispevke praviloma do konca novembra za prvo številko v naslednjem letu in do konca marca za drugo številko v tekočem letu. Uredništvo k pisanju posebej vabi mlade raziskovalce in raziskovalke.

Največji obseg člankov je ena avtorska pola, tj. 16 strani s po 30 vrsticami, za razprave po dogovoru z uredništvom tudi več. Poročila naj bi obsegala do 5, recenzije, predstavitev ali kritike jezikoslovnih del pa do 10 strani. Izvirna besedila je treba oddati uredništvu v programu Word in v pisavi Times New Roman ali 00 ZRCola (velikost 10 pik); ta je priporočena predvsem za posebne jezikoslovne znake, dobiti pa jo je mogoče v okviru zastojnega vnašalnega sistema ZRCola na spletni strani <http://ZRCola.zrc-sazu.si> ali na urednikovem e-naslovu Peter.Weiss@guest.arnes.si. Besedila naj bodo oddana v elektronski obliki po e-pošti, tistim s posebnimi jezikoslovnimi znaki pa naj bo priložena tudi datoteka v obliki PDF.

Razprave in članki imajo na začetku slovenski in angleški izveček s po do 5 vrsticami in do 5 ključnimi besedami. Povzetek pri razpravah in člankih naj bo preveden v angleščino in naj ne presega do 15 vrstic. Pri navajanju objav v literaturi naj se avtorji po možnosti ravna po prejšnjih objavah v Jezikoslovnih zapiskih.

Prispevke preberejo člani uredniškega odbora, ki razprave in članke praviloma tudi recenzirajo. Pri dvojnem slepem recenziranju sodelujejo tudi zunanji recenzenti. Priporočila in popravki članov uredniškega odbora oziroma recenzentov so posredovani avtorjem, da jih upoštevajo.

Uredniški odbor Jezikoslovnih zapiskov si pri pripravljanju revije želi čim širšega sodelovanja. Zato poziva sodelavce in bralce revije ter vse zainteresirane, da pošiljajo svoje predloge in mnenja v zvezi z obliko in vsebino revije ter delom uredniškega odbora. Objavljeni bodo v rubriki Odmevi.

Ob jubileju etimologinje Ljubov Viktorovne Kurkine

Bibliografija Ljubov Viktorovne Kurkine

Po predlogi **Ljubov V. Kurkine**

uredili **Metka Furlan, Silvo Torkar** in **Peter Weiss**

- Александр Е. Аникин** Из заимствованной лексики в «Русском этимологическом словаре»
- Мікалай Антропаў** Старонка з гісторыі беларускай этымалогіі: праспект Рэйнгольда Краўчука
- Zbigniew Babik** *Tobola* – szczęśliwie rozwiązany (?) problem (nie tylko) polskiej toponomastyki
- Елена Л. Березович – Олеся Д. Сурикова** К реконструкции лексического состава русских народных проклятий: общая характеристика предиката проклятия
- Марта Бјелетић** Прилог проучавању псл. глагола **kapati*
- Vít Boček** Poznámka k etymologii staroslověnského *vъsqdъ* 'svaté přijímání'
- Wiesław Boryś** Ze studiów nad ludowym słownictwem chowackim
- Varja Cvetko Orešnik – Janez Orešnik** Naravna skladnja – stanje stvari leta 2017
- Aleksandra Derganc** Poimenovanja za ženske nosilke poklicev in položajev v slovenščini in ruščini
- Metka Furlan** Prispevek k živalskim lastnoimenskim poimenovanjem hidronimskega izvora: slovensko *Sebin/Sabin/Savin* in *Sava*
- Mariola Jakubowicz** Z historii nazw 'miłości' w językach słowiańskich
- Iлона Јанышкова** K výkladu českých názvů janovce (Sárothamnus)
- Helena Karlíková** Český zoologický termín *zlak* – novotvar nebo výrůžka?
- Љубор Краљик** Праслав. диал. **drynъ* ~ словац. диал. *drīnica* 'ограда; огороженное место' и рус. диал. *зэдрына* 'бревенчатый забор, бревенчатая стена'?
- Александар Лома** К вопросу о и.-е. **-tro-*, **-d^hro-* в праславянском
- Marek Majer** Pochodzenie prasłowiańskiego **čьbъ* 'czyj'
- Majda Merše** Raba glagola *biti sem* v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja
- Мария Рачева** Рядката българска диалектна дума *свецъ* 'цвят, color' и нейните вероятни славянски съответствия
- Jiří Rejzek** Psl. **marъnъ* a další odvozeniny od kořene **mar-*
- Luka Repanšek** Funkcija staroperzijskega zaimka *aīta*
- Михаил Н. Саенко – Rafał Szeptyński** Праславянское **žeratykъ*: слово-айсберг
- Людвиг Селимски** За произхода на петнайсет български думи
- Marko Snoj** Nebina
- Matej Šekli** Členek med prislovom in veznikom (na gradivu jezika Brižinskih spomenikov)
- Светлана М. Толстая** Праславянский префикс **ob-/o-* перед корневым *v-*
- Silvo Torkar** Razpoznavanje slovenskih zemljepisnih imen (2)
- Жанна Ж. Варбот** Об этимологии словен. *strniti* (*se*)
- Јасна Влајић-Поповић** Јсл. *зезати* (*ce*) – лексикографско сироче или легитимна одредница
- Bohumil Vykpěl** Stručná poznámka k staročeským slabičným likvidám
- Jadwiga Waniakowa** Etymologia w dialektologii – pochodzenie polskiego gwarowego *usiatać się* 'zmęczyć się'
- Andreja Žele** Narečje kot dobro izhodišče za prepoznavanje in spoznavanje nekaterih skladenjskih pojavov v lastnem jeziku

